

Language and Education in Petrine Russia

Essays in Honour of Maria Cristina Bragone

Edited by
Swetlana Mengel, Laura Rossi

BIBLIOTECA DI STUDI SLAVISTICI
ISSN 2612-7687 (PRINT) - ISSN 2612-7679 (ONLINE)

– 59 –

BIBLIOTECA DI STUDI SLAVISTICI

Editor-in-Chief

Laura Salmon, University of Genoa, Italy

Associate editor

Maria Bidovec, University of Naples L'Orientale, Italy

Scientific Board member

Rosanna Benacchio, University of Padua, Italy

Giovanna Brogi Bercoff, University of Milan, Italy

Giuseppe Dell'Agata, University of Pisa, Italy

International Scientific Board member

Alexander Etkind, European University Institute, Italy

Lazar Fleishman, Stanford University, United States

Harvey Goldblatt, Yale University, United States

Mark Lipoveckij, University of Colorado-Boulder, United States

Jordan Ljuckanov, Bulgarian Academy of Sciences, Bulgaria

Roland Marti, Saarland University, Germany

Michael Moser, University of Vienna, Austria

Ivo Pospíšil, Masaryk University, Czech Republic

Editorial board member

Daniele Artoni, University of Verona, Italy

Maria Cristina Bragone, University of Pavia, Italy

Claudia Olivieri, University of Catania, Italy

Dario Prola, University of Torino, Italy

Laura Rossi, University of Milan, Italy

Luca Vaglio, Sapienza University of Rome, Italy

Language and Education in Petrine Russia

Essays in Honour of Maria Cristina Bragone

edited by
Swetlana Mengel
Laura Rossi

FIRENZE UNIVERSITY PRESS

2024

Language and Education in Petrine Russia : Essays in Honour of Maria Cristina Bragone / edited by Swetlana Mengel, Laura Rossi. – Firenze : Firenze University Press, 2024.
(Biblioteca di Studi Slavistici ; 59)

<https://books.fupress.com/isbn/9791221505856>

ISSN 2612-7687 (print)

ISSN 2612-7679 (online)

ISBN 979-12-215-0584-9 (Print)

ISBN 979-12-215-0585-6 (PDF)

ISBN 979-12-215-0586-3 (XML)

DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

Graphic design: Alberto Pizarro Fernández, Lettera Meccanica SRLs

Front cover image: Esercizi di calligrafia — Esposizione permanente della Sede centrale, Fondazione Francke, Halle (fotografia di Swetlana Mengel)

Peer Review Policy

Peer-review is the cornerstone of the scientific evaluation of a book. All FUP's publications undergo a peer-review process by external experts under the responsibility of the Editorial Board and the Scientific Boards of each series (DOI 10.36253/fup_best_practice.3).

Referee List

In order to strengthen the network of researchers supporting FUP's evaluation process, and to recognise the valuable contribution of referees, a Referee List is published and constantly updated on FUP's website (DOI 10.36253/fup_referee_list).

Firenze University Press Editorial Board

M. Garzaniti (Editor-in-Chief), M.E. Alberti, F. Vittorio Arrigoni, E. Castellani, F. Ciampi, D. D'Andrea, A. Dolfi, R. Ferrise, A. Lambertini, R. Lanfredini, D. Lippi, G. Mari, A. Mariani, P.M. Mariano, S. Marinai, R. Minuti, P. Nanni, A. Orlandi, I. Palchetti, A. Perulli, G. Pratesi, S. Scaramuzzi, I. Stolzi.

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

 The online digital edition is published in Open Access on www.fupress.com.

Content license: except where otherwise noted, the present work is released under Creative Commons Attribution 4.0 International license (CC BY 4.0: <http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode>). This license allows you to share any part of the work by any means and format, modify it for any purpose, including commercial, as long as appropriate credit is given to the author, any changes made to the work are indicated and a URL link is provided to the license.

Metadata license: all the metadata are released under the Public Domain Dedication license (CC0 1.0 Universal: <https://creativecommons.org/publicdomain/zero/1.0/legalcode>).

© 2024 Author(s)

Published by Firenze University Press
Firenze University Press
Università degli Studi di Firenze
via Cittadella, 7, 50144 Firenze, Italy
www.fupress.com

*This book is printed on acid-free paper
Printed in Italy*

This book would not have been possible without the
fundamental contributions of
Erich Bertschi, Maria Di Salvo, and Marcus Levitt

Table of contents

Предисловие <i>Swetlana Mengel</i>	11
И в службу, и в дружбу <i>Лаура Сальмон</i>	15
«Д. Друга заступати не срамляся», или: Наш друг и коллега Мария Кристина Брагоне. Ее роль в итальянской и международной славистике <i>Лаура Росси</i>	21
Publications of Maria Cristina Bragone	29
PART I JOHANN WERNER PAUS AND HIS CONTEMPORARIES. REFLECTIONS ON LANGUAGE	
Рукописный фрагмент <i>Стокгольмского катехизиса</i> (1628), хранящийся в Галле. Атрибуция, датировка и предназначение <i>Swetlana Mengel</i>	39
Polski epizod w biografii Johanna Wernera Pausa <i>Maria Peisert</i>	55
A German Manuscript Grammar by Johann Werner Paus (1706) <i>Natalia V. Kareva, Evgeny G. Pivovarov</i>	71
Die erste für Russen gedruckte Deutsch-Grammatik (1713) und deren geographische <i>Nomina propria</i> aus Preußen <i>Helmut Keipert</i>	81

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Swetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, © 2024 Author(s), CC BY 4.0, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

- Ученики Иоанникия и Софрония Лихудов конца XVII–начала XVIII века и развитие книгопечатного дела в России в 1691–1740 годах 103
Джамиля Рамазанова
- Латинский перевод Томаса Консетта *Грамматики* М. Смотрицкого (1648 г.). История одного перевода 129
Татьяна Челбаева
- Лексические омонимы и квазиомонимы (équivoques) в *Грамматике французской и русской* 1730 года 145
Сергей Власов, Леонид Московкин
- Незнакомые знакомцы: о чем еще могут рассказать словари? 159
Елизавета Бабаева
- «W разлічнi рѣчѣй, іаже невѣдѹщи™ єдино мнiмьх быт»: Рефлексия над словом в Московской Руси в XVII веке 173
Наталья Запольская
- PART II
MANUALS, PRINTING, AND LITERACY
- The Civil Orthography and Literacy During Peter the Great's Reign: What Really Changed? 185
Gary Marker
- К проблеме исследования церковнославянской письменности в Речи Посполитой XVI–XVIII веков. Религиозно-дидактические издания двух подляшских типографий 207
Lilia Citko
- Да что видит, сие и назовет: букварь Кариона Истомина как учебный текст рубежа эпох 221
Екатерина Ромашина
- Karion Istomin and the Trinity of Wisdom: God, the Sovereign, and the Poet. Praise of Wisdom in the Panegyric to Petr Alekseevič (1683) 235
Erica Camisa Morale
- Явление книжника или Пути изучения рукописного наследия Прохора Коломнятина 257
Ольга Кошелева
- Ной и Иафет в ораторской прозе Феофана Прокоповича и Стефана Яворского 275
Евгений Матвеев
- Вертоград многоцветный* Симеона Полоцкого как мнемотехническое и гомилетическое пособие 287
Маргарита А. Корзо

Монструозные варианты Сумарокова: замечания к истории чтения, образования и перевода в России XVIII века <i>Андрей Костин</i>	307
<i>Dizionario Russo, Latino, Italiano & Francese</i> Георгия Дандоло 1747 года <i>Наталья Николаева</i>	343
PART III CULTURAL TRANSFER	
Перенос-перевод-локализация европейских научных знаний в учебниках Копиевского <i>Юрий Зарецкий</i>	355
О двух переводах братьев Лихудов: некоторые утверждения и догадки <i>Мария Ди Сальво</i>	373
Отголоски античности в русской поэзии XVIII века (набросок к теме) <i>Надежда Алексеева</i>	383
Эзоповские сюжеты в русской народной картинке <i>Manfred Schruba</i>	393
Державин и эзоповская традиция в XVIII веке <i>Michela Venditti</i>	415
Битва при Гемауертгофе в описании Людвиг Хольберга (к вопросу о русских источниках <i>Введения в историю знатнейших европейских стран</i>) <i>Михаил Люстров</i>	427
Authors	435

Предисловие

Swetlana Mengel

Имя *Maria Cristina Bragone* я впервые много лет назад услышала от Гельмута Кайперта (*Helmut Keipert*), когда обратилась к нему за советом по поводу планируемого научного проекта с международным участием. Он рекомендовал мне профессора Брагоне как серьезного исследователя, очень внимательно работающего с текстами-оригиналами, солидного ученого и прекрасного специалиста по русскому XVIII веку (уже сама такая рекомендация корифея немецкой славистики равносильна акколады – посвящению в рыцари от нашей науки).

Планируемый проект в то время, к сожалению, не состоялся. Но несколько лет спустя я познакомилась с Кристиной лично на «Римских Кирилло-Мефодиевских чтениях», инициированных (и по сей день вдохновляемых) Натальей Николаевной Запольской как ежегодный научно-учебный семинар на базе итальянской славистики и Института славяноведения Российской Академии наук; за 15 лет своего существования семинар превратился в широкий международный научный форум, позволяющий ученым из разных стран и разных областей знания — как ведущим, так и молодым — обмениваться идеями, представлять текущие проекты и их результаты и, наконец, знакомиться лично с интеллектуально и по духу близкими людьми. Как и произошло в нашем с Кристиной случае.

Мне посчастливилось узнать очень чуткого, доброго, всегда готового помочь человека и восхититься его незаурядным умом и способностями: избрав еще со студенческой скамьи для изучения два особенно трудных для итальянцев (и не только для них) иностранных языка – русский и немецкий, Мария Кристина Брагоне является сегодня одним из ведущих специалистов

по творчеству Й.В. Пауса (*Johann Werner Paus, 1670–1735*) — выдающегося лингвиста, поэта, педагога и переводчика, оставшегося непризнанным и малоизвестным в свое время, который в начале XVIII века прибыл из Германии в Россию, где до конца своей жизни работал переводчиком Академии наук. Мария Кристина Брагоне умеет не только с прекрасным чувством языка показать тончайшие нюансы в переводах Пауса с немецкого на русский язык, но способна читать его «загадочный» немецкий и русский почерк! Эти незаменимые для ученого (но не всегда присутствующие даже у носителей языка) качества позволили М.К. Брагоне сделать многие труды Пауса доступными сегодня широкой научной общественности. Ее научные изыскания в этом направлении продолжают, и научный мир с нетерпением ждет результатов.

За несостоявшийся некогда планируемый проект с участием профессора Брагоне я была с лихвой вознаграждена после личного знакомства с Кристиной. Наше активное и плодотворное научное сотрудничество отражают кроме прочего два тематических блока на двух Международных Съездах славистов, а также опубликованные по этим тематическим блокам коллективные монографии: тематический блок «Альтернативные пути формирования русского литературного языка в доомоносовский период: вклад иностранных ученых и переводчиков» на последнем XVI Международном Съезде славистов, прошедшем в Белграде в 2018 году (монография: «Альтернативные пути формирования русского литературного языка в конце XVII–первой трети XVIII века. Вклад иностранных ученых и переводчиков». Москва, 2021: Издательский Дом ЯСК), и тематический блок «Катехизисные тексты у славян в XVI–XVIII веках. Их рецепция, распространение и значение для формирования славянских литературных языков», принятый на предстоящий XVII Международный Съезд славистов в Париже в 2025 году (монография: «Катехизисы у славян в XVI–XVIII веках. Их рецепция, распространение, культурообразующее и просветительское значение». Berlin, 2024: Frank & Timme).

Предлагаемая книга, посвященная столь близкой сердцу и разуму Кристины теме России Петровского времени, которое понимается здесь как «долгий XVIII век», — подарок Марии Кристины Брагоне к юбилею. В книге собраны статьи ее друзей, коллег и учеников, живущих в разных городах и странах мира, на разных континентах.

Тематически все статьи тесно связаны с научным творчеством юбиляра и объединены в три блока. Первый из них (*Part I*) — лингвистический и посвящен Й.В. Паусу, «рефлексии над языком», отражаемой в его трудах и трудах его современников, попыткам описания языка (в грамматиках и словарях) и следования таким описаниям на практике. Второй блок (*Part II*) включает статьи, связанные с темой «распространения грамотности» — создания букварей и других учебных пособий, их издания в печати и рецепции, а также с темой «просвещения вообще» — применения определенных приемов, описаний, литературных и дидактических подходов. Статьи третьего блока (*Part III*) обращены к теме трансфера культуры, как известно, особенно актуального и важного для Петровской России и ее «долгого XVIII века», но до сих пор еще недостаточно изученного.

Свой вклад в создание предлагаемой книги-подарка внесли не только авторы статей. Издатели книги выражают самую сердечную и глубокую благодарность Эриху Берчи (*Erich Bertschi*) за его инициативную деятельность, организаторский и коммуникативный талант, помощь при техническом оформлении статей и материальную поддержку при издании книги. Мы от души благодарим Маркуса Левита (*Marcus Levitt*), взявшего на себя ответственность за корректность текстов на английском языке. Редакция серии *Biblioteca di Studi slavistici* и издательству Флорентийского университета *Firenze University Press* мы приносим нашу искреннюю благодарность за публикацию книги.

Maria Cristina Bragone mag Bücher. Möge dieses Buch ihr nicht missfallen!

Берлин, май 2024

И в службу, и в дружбу

Лаура Сальмон

Согласно международной академической традиции при юбилее ученого принято упоминать в первую очередь о научных достоинствах и достижениях юбиляра. Во-вторых, и как бы «кроме того», принято добавлять несколько слов о его личных качествах. Обычно речь идет о том, например, как ученый всегда старался помогать своим ученикам или молодым коллегам, как он проявлял великодушие и понимание по отношению к подчиненным. В основном упоминаются качества, которые так или иначе входят в установленные обязанности нашей профессии. Скажем так, если жизнь удалась, быть хорошим человеком — проще. Хотя даже в таком случае это не всем удается. Но бывают люди, чьи качества настолько нестандартны, что справиться парой формальных предложений никак нельзя. Это касается тех редчайших случаев, когда отзывчивость и доброта проявились с юных лет и чудотворно отражались на окружающую среду еще тогда, когда вокруг будущего ученого действовал жесткий закон университетского соперничества — «*mors tua, vita mea*». Мне посчастливилось встретить в молодости такого человека и дружить с ним. Зовут ее Мария Кристина Брагоне, но я уже сорок пять лет называю ее просто «Кри». Она в нашей среде — самая благородная «белая ворона».

Я решила воспользоваться случаем ее юбилея, чтобы оставить след моей благодарности судьбе за то, что самые значимые годы моего становления как слависта и как человека прошли рядом с ней. Это отчасти нарушает традицию юбилейных сборников, но исключительность юбиляра, я полагаю, оправдывает мой выбор.

Итак, последующее мое многословие можно было бы синтезировать одним словом — спасибо! Но я уверена, что на это слово Кристина ответила бы

только: «А за что?». Ведь не раз в прошлом я пыталась высказывать ей вкратце свою благодарность, но она как бы не понимала, не реагировала, словно все то, что она сделала для меня, отражало самое естественное и нормальное человеческое поведение. Типа: «А как иначе?»

Безусловно, никому не дано знать, что было бы с моей карьерой, если бы рядом со мной в молодости не оказалась Кристина. Не исключаю, что я бы все равно как-то справилась и стала бы славистом. Но я убеждена, что именно ее близость и поддержка внушали мне чувство терпения и доверия, позволявшее мне не сдаваться в самых сложных обстоятельствах.

Когда осенью 1978 года мы познакомились с Кристиной, нам было по девятнадцать лет. В одно прекрасное ноябрьское утро вместе с парой-тройкой молодых ребят мы оказались с ней в маленькой комнатенке на шестом этаже старинного здания филфака Генуэзского государственного университета. Фактически это был факультетский чулан, обставленный в виде микроаудитории. Именно там прошла наша первая «пара» с легендарной Тамарой, преподавательницей русского языка, благодаря которой наша жизнь наполнилась бесценной любовью к русской культуре.

С той первой встречи для нас с Кристиной начался длинный совместный путь образования и медленного продвижения в сторону нашего славистического будущего. Почти ежедневно на протяжении четырех лет мы ходили вместе на занятия по русскому и польскому языкам, на лекции русской и польской литературы, на курсы славянской филологии. Мы с ней не пропускали ни одного занятия — за исключением редчайших случаев, вроде хирургических операций, когда мы могли рассчитывать на взаимную поддержку: конспекты, осведомления и прочее.

По окончании университета наши дороги несколько лет шли параллельно. Мы обе начали работать кем придется с неизменным мечтанием стать когда-нибудь славистами. Несколько раз я переводила ужасающие тексты на русский язык для металлургического завода и предлагала Кристине часть работы. Тексты были настолько сложными и отвратительными, что мы помогали друг другу и изредка от бессилия начинали истерически хохотать. Иногда, особенно летом, мы сопровождали туристов или специалистов в СССР. Одновременно мы обе продолжали неустанно учиться, читать литературу, обсуждали прочитанные книги; встречались регулярно на славистических конференциях, ходили смотреть советские фильмы, посещали Ассоциацию Италия-СССР.

Года два спустя после нашей защиты диплома в Италии стали впервые открываться конкурсы в «докторантуру». До тех пор аспирантура не существовала в стране ни в каком виде (была всего лишь одна ученая степень, а академическая карьера определялась поэтапными «званиями» — исследователь, доцент, профессор).

Работая в библиотеке, «Кри» заодно терпеливо и методично разыскивала в номерах официальной «Госгазеты» все объявления об университетских конкурсах, которые могли нас интересовать. Мне и сейчас сложно понять, почему я сама этим делом никогда не занималась. Полагаю, что бюрократические сложности меня просто пугали, но прежде всего я знала, что все, что

следует знать о конкурсах, с совершенной точностью и в реальном времени я буду узнавать от нее. Дело в том, что в те далекие времена академическая карьера была мечтой всей подающей надежды молодежи с пристрастием, так сказать, к учебе. В любом университетском конкурсе, будь то место в аспирантуре или должность исследователя, принимало участие множество отлично подготовленных кандидатов, порой старше нас и уже успевших где-то опубликоваться. Путь представлялся труднейшим.

Я мечтала поступить в докторантуру, продолжала учиться, но в глубине души не верила, что у меня получится: это казалось мне недостижимой «сладостью». Кристина же вела себя, как будто нет никакой альтернативы, для нее учеба была не «сладостью», а «хлебом», и о самой возможности голода она вообще не думала. Я старалась заражаться ее мудрым терпением.

Вершиной наших тогдашних амбиций была аспирантура по славистике: в конце восьмидесятых подобных программ в Италии было лишь две: в Риме (самая престижная) и в Милане. Конкуренция обескураживала — на сотню воинствующих желающих стать славистами было от трех до пяти мест в год: *mors tua, vita mea*. А что делала «Кри», несмотря на это? Она всем звонила и рассказывала, когда и где будет конкурс, при этом информировала о сроках и даже вручала анкету для заявления. Ей, кажется, даже не приходило в голову, что ее успех мог зависеть от отсутствия на конкурсе других конкурентов, особенно если объявление (неслучайно) публиковалось в «Госгазете» летом, когда все отдыхали. Бывало, я ей говорила: «Кри, а почему ты так великодушно себя ведешь? Тебе невыгодно нас всех всегда обо всем предупреждать...», а она мне: «Да нет, это нормально». Я ведь знала, что это далеко не «нормально», что поведение моей приятельницы никак не совпадало с окружающей нас действительностью. Я смотрела на нее как на восточного мудреца. Впрочем, ее отзывчивость касалась не одного университета и конкурсов, она была, так сказать, системной.

«Кри» была единственным из моих друзей и родных в Италии, кто познакомился с моим ленинградским женихом до нашей свадьбы. Узнав о дате бракосочетания, я обратилась к ней, полагая, что наконец я получу от нее убедительный отказ:

«Кри! Там на свадьбе своих у меня почти не будет, мне было бы очень приятно, если бы ты согласилась быть моей свидетельницей. Не полетишь?».

Речь шла о июне 1987 года. Поездка в СССР была настоящей роскошью. Все стоило безумно дорого: рейс, гостиница и, кроме того, подарки, без которых лететь туда было невыносимо. Де факто, я предлагала подруге истратить кучу денег. Кристина же очень обрадовалась и сразу совершенно расслабленно согласилась, как будто и полететь на свадьбу в Ленинград было «нормально». О сложностях — ни слова. Кстати, своей строгой элегантностью она придала моим свадебным фотографиям некий итальянский привкус.

Два года спустя, к большому моему счастью, мы с «Кри» поступили вместе в докторантуру по славистике при Римском университете «Дя Сапьенца». Было лишь три места и много кандидатов: первое место заняла Лаура Росси, второе — Кристина, третье — я. Я была на седьмом небе и на седьмом меся-

це беременности, а ровно через два месяца начинались курсы в Риме. Посещение семинаров было обязательным. Я должна была вот-вот рожать и никак не могла поехать в Рим. Дело в том, что тогда по итальянскому законодательству беременность не бралась в расчет, даже не думали, что «докторанты» могут быть женского пола. С формальной точки зрения на первом семинаре я была «неоправданно отсутствующей». А Кристина поехала и поговорила со строгим профессором: уверила его, что все запишет для меня и мне передаст. Вернувшись, она мне долго рассказывала при встрече все то, что было проанализировано и обсуждено на семинаре, и передала список библиографии. Через пару дней она стала мне приносить ксероксы из библиотеки. И это тоже ей казалось нормальным: «Я для себя делаю и заодно для тебя тоже».

Восстановившись, я начала ездить в Рим с новорожденной дочкой, которую, несмотря на сложности, я хотела кормить грудью. И тут Кристина продолжала меня «опекать». Семинар по этнографии советского профессора Е.М. Мелетинского был организован во Втором римском университете «Тор Вергата», то есть за городом. Он начался со страшной задержкой из-за позднего приезда Елеазара Моисеевича. Когда мероприятие закончилось, у меня была очень критическая ситуация — молоко текло по всей блузке, а ребенок, находившийся в центре Рима у тети, очевидно, уже проголодался. Я почти плакала от боли, стресса и бессилия: до дома на двух автобусах и на метро надо было ехать больше часа. Даже позвонить было сложно. Вдруг Кристина, указав мне на нашего профессора, идущего в сторону своей машины, сказала: «Да он живет в двух шагах от твоей тети, пусть тебя отвезет!». Почти в слезах я призналась ей, что уже попросила профессора подбросить меня домой, но он мне вежливо отказал. Видимо, он не домой собирался. Кристина тогда задумалась и сказала в недоумении: «Так нельзя!». Быстрым шагом догнала профессора, который уже открывал дверь машины. Что-то ему сказала такое, что он мне сразу махнул рукой, чтобы я поехала с ним. Через полчаса я была с ребенком.

Зачем я решила все это рассказать? Затем просто, что в университете повсюду преобладали и преобладают индивидуализм, зависть и корысть, а Кристина жила и живет по устоям собственного духа. Я этому у нее научилась и хотя бы сейчас, на склоне лет, мне тоже это кажется нормальным.

Уже давно я преподаю в том же университете, где мы с Марией Кристиной Брагоне познакомились сорок пять лет назад, где в каждом помещении на кафедре мерцают изображения нашей далекой молодости. Не раз, встречаясь с «Кри», зная, что она продолжает жить в Генуе, а преподает в Павии, я ее спрашивала: «А почему бы тебе не переехать сюда к нам?» А она каждый раз мне отвечала, что ей в университете Павии особенно комфортно. И все-таки мое желание работать вместе с ней как-то исполнилось. Уже лет восемь мы с Кристиной работаем вместе в замечательной редакции научной серии, где издается этот юбилейный сборник. Кстати, у нас в редакции о добrote, эрудиции и таланте Кристины ходят легенды, ее кличка — «фея». При оформлении этого сборника, которым в усложненной модальности «совершенно секретно» героически занималась Лаура Росси, решая бесконечные

редакционные проблемы то с Марией Бидовец, то с Клаудей Оливьери, то со мной, только и слышался наш общий подавленный крик: «Да без Кристины вообще все сложно!»

Спасибо, «Кри», что ты есть, до ста двадцати тебе!

«Д. Друга заступати не срамляіся», или: Наш друг и коллега Мария Кристина Брагоне. Ее роль в итальянской и международной славистике

Лаура Росси

Недавно мне пришлось написать панораму исследований, посвященных «долгому XVIII веку», сделанных итальянскими славистами на протяжении последних тридцати лет. Волей судьбы, то, что было задумано как очередной беспристрастный научный обзор, превратилось в настоящее испытание совести для меня самой, но как части целого поколения. Речь идет о том «промежуточном» (впрочем, как и все) поколении, которое начало свой академический путь в самом конце 1980-х – начале 1990 годов, с энтузиазмом выбрало XVII–XVIII века предметом своих научных исследований и в настоящее время приближается к (итальянскому) пенсионному возрасту. В технологической перспективе это — последнее поколение, которому приходилось организовать за несколько месяцев вперед стажировку или командировку, чтобы заказать в Музее Книги или в Исторической Библиотеке или в БАНе тексты-оригиналы и читать их там (делая записи ручкой) — те самые тексты, которые сейчас за несколько секунд можно скачать на сайте НЭБ. В исторической же перспективе... не стоит распространяться о тех событиях, свидетелями которых мы стали: они во многом определили и определяют наши достижения и решения, а здесь останутся в скобках.

О своей панораме я упомянула лишь потому, что в конце работы, стараясь понять закономерности снижения интереса к нашему любимому XVIII веку, уменьшения числа желающих заниматься данной темой в молодом поколении, я неожиданно для себя пришла к выводу, что даже среди нас далеко не каждый посвятил XVIII столетию все свои силы, а «только Мария Кристина Брагоне на протяжении всей своей академической деятельности занималась

исключительно текстами и темами относящимися к XVII–XVIII векам»¹. И этим ее научный путь сближается с научными путями русских коллег и, возможно, отчасти поэтому ее работы в последние десятилетия оказали плодотворное влияние на понимание культуры Петровской эпохи, как у нас, так и в России. Теперь пестрая, но компактная группа ученых из Италии, Франции, Германии, Польши, России, Израиля, Китая и США решила отметить 65-ый юбилей Кристины², ее 65-летие, не обычным Festschrift-ом, а настоящей книгой с единой вполне определенной темой — язык, образование и культура в России Петровского времени.

Любопытно, что все началось совсем иначе. Когда мы с Кристиной познакомились в июле 1983 года, она писала дипломную работу в университете Генуи под руководством Марии Луизы Додеро о советской деревенской прозе (!). Мы собрались в МАДИ (Московском автомобильно-дорожном институте) из разных городов северной Италии на летних курсах русского языка, организованных Обществом дружбы Италия-СССР. Мы с Кристиной попали, кажется, в разные группы — я была еще на третьем курсе Венецианского университета, а она почти дипломница, и уже побывала в Советском Союзе, кажется, в Краснодаре. Но нас, по-видимому, сблизил интерес к книжным магазинам, помимо достопримечательностей города и новых знакомств. Мне запомнилось посещение «Педагогической книги» на Кузнецком мосту, где я в первый раз услышала, именно от Кристины, имя Юрия Лотмана, и вслед за ней, еще не совсем понимая зачем, купила только что вышедшее первое издание его книги *Евгений Онегин. Комментарий*. С тех пор, и, надо сказать, до сих пор, Кристина стала для меня «Вергилием» в мире научных изданий. Все мы любим книги, среди нас есть и настоящие библиофилы, но Кристина отличается редким сочетанием любопытства к новинке и желания поделиться своими открытиями. Этим объясняется и ее забота о безупречном (и совсем не банальном) комплектовании «ее» библиотеки в университете Павии, где часто можно найти те книги, которых нет в других библиотеках.

По возвращении из Москвы время от времени я стала получать «вероятно полезные» для меня русские издания из тогда знаменитого Генуэзского «русского» книжного магазина. Мы с Кристиной обменивались и письмами: то между Генуей и моим городом, Триестом, то между одним из этих городов и Москвой, так как в те годы (1984–1988) мы обе разными путями старались усовершенствовать свои знания в более длинных стажировках то в Институте им. Пушкина, то в МГУ через министерство иностранных дел. Раза два виделись

¹ На самом деле, библиография исследовательницы включает и статьи по более поздней тематике (связанные с ее биографией или интересами): о поэессе эмигрантке (в Нерви, недалеко от Генуи) Лидии Лебедевой, о Б. К. Зайцеве, и об образе Алисы в стране чудес в России. См. список научных трудов Марии Кристины Брагоне в нашем сборнике.

² Трудно разобраться в итальянских составных личных именах, где первое имя — Мария. В быту, в каждом случае по вкусу, то ли оно полностью вытесняет второе имя, от которого не остается и следа (Мария Ди Сальво), то ли — само исчезает (Кристина Брагоне), то ли объединяется со вторым, создавая одно имя (Мариялуиза Феррацци).

и там и снова встретились в Риме, участвуя в первом за двадцать лет конкурсе на место журналиста Итальянского телевидения, конкурса, бывшего для нас обеих, собственно фальстартом. Для Кристины, дочери журналиста, это была, возможно, уступка или дань уважения любимому отцу. Но за это время ее настоящие научные интересы, очевидно, успели определиться, и когда на рубеже 1988–1989 годов мы опять встретились в Риме в университете La Sapienza в качестве участниц вступительного конкурса в аспирантуру по Славистике, Кристина уже говорила о повестях XVII века как о возможной теме диссертации.

Пора раскрыть секрет (Полишинеля?) моего поступления. Тогда в Италии таких аспирантур было всего две, конкурс объявляли один раз в два года, и желающих собралось довольно много. Письменный экзамен мы с Кристиной сдали, и вот через месяц мы сидим в коридоре в ожидании устного. Приглашают на собеседование в алфавитном порядке, но начиная со случайно выбранной буквы, так что моя фамилия на «Р» оказывается раньше фамилии Кристины на «Б». Выходят смущенные коллеги: профессор Джузеппе Дель Агата, оказывается, спрашивает всех, кто такой был Григорий Цамблак, а никто не знает. И я понятия не имею, и быстренько, нагло/наивно спрашиваю Кристину. Она, не колеблясь, отвечает: «Болгарский полемист», что я и повторяю перед комиссией. Итак, и благодаря знаниям и великодушию Кристины я поступила в аспирантуру, она, конечно же, тоже, и с нами ее сокурсница из Генуи и моя тёзка Лаура Сальмон. Во время аспирантуры, особенно в течение первого года, мы с Кристиной часто разделяли комнату в скромных гостиницах недалеко от Папского Восточного Института, стол, в том же самом институте и в ресторанчиках или пиццериях. Последнее повторялось во время стажировки в Москве в 1991 году, и далее, если наши командировки или участие в конференциях совпадали.

Но я не буду продолжать рассказ о нашем сотрудничестве, о нашей дружбе, и перейду к карьере Кристины, особенно к тем сторонам карьеры, которые не видны за сухими строками трудовой автобиографии. После защиты диссертации (1993) Кристина не сразу получила постоянное место работы в университете. Ее первым назначением в 1996 году стал город Витербо, недалеко от Рима, но безусловно далеко от ее родной и любимой Генуи. Когда, после нескольких переездов, Кристина снова смогла поселиться в Генуе, это было уже навсегда, и на работу она стала ездить на поезде: не случайно для своей университетской страницы в интернете, она выбрала именно фотографию, изображающую ее в железнодорожном вагоне, не измученную, а симпатично улыбающуюся.

Долгое время одной из причин немедленных возвращений домой были ожидающие ее там кошки, сначала гигантский норвежский кот Паллино (Шарик), затем парочка, кот и кошка, Лилло и Зоя. Тогда в ее случае и вправду можно было бы повторить известную шутку о том, что если за каждым великим мужчиной стоит великая женщина, то за каждой великой женщиной стоит великий кот. А теперь, конечно же, если за Кристиной кто-то и стоит, то это — великий муж. С 2001 года она работает в Павии, относительно близко к дому; в 2010 году она стала доцентом (*professore associato*).

Университет Павии — престижный, исторический вуз Италии, но, когда Кристина начала в нем работать, там кафедра славистики была практически пустой, и Кристине пришлось преподавать всё: от русского языка до русской литературы всех эпох, от «славянской филологии» до истории русского языка. Постепенно она приглашала коллег, создавала сеть научных обменов, в итоге собрала команду учеников. Благодаря ее усилиям — преподаванию университетских курсов и занятиям с аспирантами — выросло новое поколение коллег.

Несмотря на насыщенную жизнь и на ранние проблемы со здоровьем, к счастью не из «страшных» и всегда спокойно переносимые, Кристина никогда не отказывается и от обязанностей, связанных с ролью университетского профессора и ученого, от трудоёмкой работы руководителя программы Эразмус, от участия в многочисленных конкурсных комиссиях и в руководстве Итальянского общества славистов (2014-2017), от работы в редакциях научных журналов и серий книг, включающей редактирование важных и «сложных» номеров и сборников. Все это, как мне кажется, — исключительно из ярко выраженного чувства долга и сознания собственного достоинства. И повсюду ее не покидает ясное видение того, что честно и правильно в данной ситуации.

Но мы собрались здесь отметить юбилей Кристины, в первую очередь потому, что ее ум, начитанность и редкая трудоспособность заслужили ей важное место в науке славистики. Эта последняя часть моего *laudatio* обращена не столько к авторам статей и друзьям Кристины, сколько ко всем будущим читателям этого сборника, поэтому я буду теперь называть (Марию) Кристину (Брагоне) «исследовательницей». Комплекс ее строго научных статей, не особенно длинных, но полных оригинальных и метких наблюдений и всегда содержащих намеки на будущие исследования, отличается особой органичностью и связностью. В его основе — отличное знание латинского, древнегреческого, старославянского и немецкого (не только современного) языков, казалось бы неожиданное, а у нее органическое сочетание достижений позитивистской школы конца XIX века и культурологического направления конца XX века, живой интерес к истории языка, к истории книги, к развитию педагогики, к межкультурным контактам на пересечении времен и территорий.

Уже диссертация и последующая статья (1991) о грамматике *Адельфотес* исследуют и западные источники текста (ср. также статью: Bragone 1995), и православное братство города Львова, и типографию тогда уже покойного Ивана Фёдорова, буквы и печатный станок которой были использованы при печатании. Интерес исследовательницы к вкладу в русскую культуру тех типографий, которые были расположены за рубежом, и к переводам с греческого языка, проявляется в двух статьях 1996 и 1998 годов о переводах *Тактик* императора Льва VI Мудрого. Первый перевод, с латинского языка на старославянский, выполнил литератор-протестант Илья Копиевский, и напечатал в Амстердаме Ян Тессинг; второй, оставшийся в рукописи, с греческого оригинала, — Федор Поликарпов. Эта мало изученная сторона деятельности московского литератора находится также в центре другой статьи, опубликованной в малодоступном итальянском издании (под редакцией самой

исследовательницы) в 2002 году. Описание армянской литургии, написанное в Венеции на итальянском языке миссионером Джованни Агопом для того, чтобы приблизить армян к Римской церкви, было переведено на греческий язык Софронием Лихудом, а затем Поликарповым «на славенск диалект», специально для Петра Великого, желающего получить сведения о христианских подданных Османской империи. Проливает свет на культурную политику Петра и более поздняя статья Эразм Роттердамский — учитель голландского языка? (*К истории судьбы Colloquia familiaria в России в XVIII веке*) (2013): это одна из целой серии работ, посвященных великому гуманисту, о чем речь пойдет ниже.

Однако основное направление исследований М. К. Брагоне 2000-х годов это — учебные пособия и, в частности, буквари. После статьи об *Одном рукописном церковнославянско-греческом азбуковнике*, анонимном памятнике русской лексикографии второй половины XVII века, и одной предварительной статьи (обе 2003), через пять лет выходит очень серьезное научное издание (не гражданским, как у нас тогда было принято, а церковным шрифтом) другого, особенно богатого (140 стр.), анонимного учебника, который исследовательница обосновано приписывает Евфимию Чудовскому. На самом деле, книга *Alfavitar radi učenija malych detej. Un abbecedario nella Russia del Seicento* (2008) представляет собой и настоящую монографию о жанре букваря: подробный комментарий на итальянском языке выявляет глубокое знание и понимание всей его традиции, как предшествующей, так и последующей. Отдельным эпизодам истории этой традиции посвящены и другие исследования М. К. Брагоне: букварю Симеона Полоцкого (2014), *Первому чтению отроком* Феофана Прокоповича (2020), *Юности честному зерцалу* (2021), к которому восходит цитата в моем заглавии, *Букварю* (Венеция 1767) Захарии Орфелина, рассмотренному в связи с русскими источниками и в контексте теории о воспитании Дж. Локка и Ш. Роллена (Bragone 2020, 2022).

А с изданным ею букварем прямо или косвенно соотносятся две (или три) другие линии работ исследовательницы: о сочетании литературы (в частности наследия Эзопа) и арифметики в одних и тех же учебниках и о рецепции Эразма Роттердамского. Небольшая глава *Алфавитара*, посвященная арифметике, что для букварей необычно, привела к изучению упоминаний об этой дисциплине в двух работах 1699 года типографа Ильи Копиевского. Речь идет о *Введении кратком во всякую историю* и о *Кратком и полезном руковедении во арифметику* (Bragone 2008), предшествовавших знаменитой *Арифметике* Магницкого, которая, в свою очередь, была украшена стихами (Bragone 2013). Вместе с тем присутствие в учебнике по арифметике Копиевского семнадцати басен Эзопа повлекло за собой создание серии статей о русских рукописных или печатных переводах из этого автора (Bragone 2010b, 2012b, 2012c, 2015a).

Наличие, хотя и анонимно, в букваре Евфимия Чудовского *Гражданства нравов благих* — перевода с польского языка известной переделки в форму катехизиса трактата *De civilitate morum puerilium* Эразма Роттердамского — вероятно, побудило исследовательницу глубже заняться темой рецепции голландского гуманиста и переводами этого произведения (Bragone 2005, 2006,

2007, 2010, 2012), в том числе рукописным трудом ученого-пиетиста и педагога Иоганна Вернера Пауса, работавшего в Москве с 1702 по 1735 год. Большой интерес представляют статьи, посвященные и другим рукописным переводам Пауса. Изучив черновой и белой экземпляр *Книг о воспитании дочерей*, исследовательница определила, что их источником является трактат Фенелона *De l'éducation des filles* (Bragone 2012). Рукописные переводы Пауса изучаются как в контексте Петровской политики (*Малый катехизис* Лютера, Bragone 2015, 2017, 2021), так и преподавания языков (*Сборник Иоанна Стобея*, Bragone 2018), а также в более общем плане вклада иностранных писателей в эволюцию русского литературного языка (*Малый катехизис... Лютера* и *Selectiora quaedam colloquia latino-germanica* Георга Сейбольда, Bragone 2021).

Другие статьи исследовательницы — некоторые из них обращены к более широкой публике ученых, не только славистов — касаются становления светской культуры и обучения правилам поведения в XVII-XVIII веках и вообще детской литературы (Bragone 2003, 2007, 2014, 2015, 2017). Но внимание М. К. Брагоне привлекают и такие темы, как история отношений церковнославянского, латинского и греческого языков в XVI-XVII веках (Bragone 1995, 2019), становление украинской лексикографии в России XVIII века (Bragone 2000), иконография святого Петра (Bragone 2001), топика сада-земного рая в литературе XVII века (Bragone 2007). Ее многочисленные рецензии теснейшим образом связаны с основной линией ее собственных исследований.

Логика развития научных интересов юбиляра определила содержание и распределение материала в настоящей книге, которая, в свою очередь, ставит своей целью побудить исследовательницу собрать, на самом деле уже готовую, вторую — или вторую и третью — монографию(-и) и, главное, пожелать Кристине еще очень долго продолжать работать на том поприще, где у нее есть и международные соратники, и ученики, и искренние друзья.

Милан, 11 мая 2024

Maria Cristina Bragone, Halle 2022

Publications of Maria Cristina Bragone

1991

“*Adelphotes* e il suo contesto storico-culturale.” *Europa Orientalis* 10: 59–69.

Transl.: Tadeusz Borowski. *Lettere a Conrad (1869-1893)*, introduzione di Remo Ceserani. Palermo: Sellerio.

1992

“Несколько замечаний о судьбе одной старопечатной грамматики.” *Филологические науки* 5–6: 82–88.

1993

La grammatica greco-slavo ecclesiastica Adelphotes. PhD Diss. Roma: Università degli Studi di Roma “La Sapienza”.

1995

“Note per una storia dei rapporti tra slavo-ecclesiastico, greco e latino nei secoli XVI–XVII.” *AION Slavistica* 3: 97–128.

Rev.: *Istorija lingvističeskich učenij. Pozdnee Srednevekov'e*, SPb. 1991. *Russica Romana* II: 339–42.

Rev.: Zachar'in Dm. B., *Evropejskie naučnye metody v tradicii starinnych russkich grammatik (XV–ser. XVIII v.)*, Verlag Otto Sagner, München 1995. *AION Slavistica* 3: 493–96.

1996

“Osservazioni su una traduzione di età petrina dei *Tactica* di Leone VI il Saggio.” *Europa Orientalis* XV, 2: 7–24.

Rev.: Lehfeldt W., *Einführung in die Sprachwissenschaft für Slavisten*, Verlag Otto Sagner, München 1995. *Russica Romana* III: 379–80.

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Swetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, © 2024 Author(s), CC BY 4.0, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

1998

- “Италия глазами поэтессы Лидии Лебедевой.” В «... Все в груди слилось и спелось». *Пятая цветаевская международная научно-тематическая конференция (9–11 октября 1997 года)*. Сборник докладов, 53–7. Москва: Дом-музей Марины Цветаевой.
- “Тактика Льва VI Мудрого в переводе Федора Поликарпова.” In *Contributi italiani al XII Congresso Internazionale degli Slavisti (Cracovia 26 Agosto–3 Settembre 1998)*, a cura di François Esvan, 395–417. Napoli: Associazione Italiana degli Slavisti.
- Rev.: Strakhov O.B., *The Byzantine Culture in Muscovite Rus'. The Case of Evfimii Chudovskii (1620–1705)*, Böhlau Verlag, Köln-Weimar-Wien 1998. *Russica Romana* V: 265–67.
- “Творчество Б.К. Зайцева в переводах на итальянский язык.” В *В поисках гармонии (О творчестве Б. К. Зайцева)*. Межвузовский сборник научных трудов, ред. Юлия А. Драгунова, 108–12. Орёл: Орловский государственный университет.

1999

- Rev.: Kupina N.A., *Totalitarnyj jazyk: Slovar' i rečevye reakcii*, Izdatel'stvo Ural'skogo Universiteta, Ekaterinburg-Perm', 1995. *Russica Romana* VI: 273–75.
- “Борисоглебский переулочек.” В *Борисоглебье Марины Цветаевой. Шестая цветаевская международная научно-тематическая конференция (9–11 октября 1998 года)*. Сборник докладов, отв. ред. Валентин И. Масловский, 13–7. Москва: Дом-музей Марины Цветаевой.

2000

- “Становление украинской лексикографии в России в XVIII веке (по материалам *Сравнительных словарей всех языков и наречий*).” In *L'Ucraina del XVIII secolo: crocevia di culture*, a cura di Adriano Pavan, Maria Marcella Ferraccioli, e Gianfranco Giraud, 36–45. Padova: E.V.A.
- “Immagini del giardino nel Barocco slavo-orientale.” In *Giardini*, a cura di Mirella Billi, 205–15. Viterbo: Sette Città.
- Rev.: *Die Pravila gramatičnye, der erste syntaktische Traktat in Rußland*, herausgegeben und mit einer Einleitung versehen von V.S. Tomelleri, Verlag Otto Sagner, München 1999. *Russica Romana* VII: 236–37.

2001

- “La figura di Pietro nei manuali iconografici russi.” In *La figura di san Pietro nelle fonti del Medioevo. Atti del convegno tenutosi in occasione dello Studiorum universitatum docentium congressus (Viterbo e Roma 5–8 settembre 2000)*, a cura di Loredana Lazzari, e Anna Maria Valente Bacci, 392–405. Louvain-La-Neuve: Fédération International des Instituts d'Études Médiévales.
- Transl.: Lidija Lebedeva, “Da Lirica.” In *Passi, passaggi, passioni. Scrittori, poeti, artisti russi in Liguria nel corso di un secolo (1825–1925)*, a cura di Avgusta Dokukina Böbel, e Caterina Maria Fiannacca, 152–53. Genova: De Ferrari Editore.
- Transl.: Boris Zajcev, “Genova”, “L'ora serale.” In *Passi, passaggi, passioni. Scrittori, poeti, artisti russi in Liguria nel corso di un secolo (1825–1925)*, a cura di Avgusta Dokukina Böbel, e Caterina Maria Fiannacca, 154–76. Genova: De Ferrari Editore.

2002

- “Da Venezia a Mosca: storia di una traduzione di Fedor Polikarpov.” In *Settecento russo e italiano. Atti del Convegno: Una finestra sull'Italia. Tra Italia e Russia, nel Settecento, Genova 25–26 novembre 1999* Facoltà di Lingue e Letterature Straniere, a cura di Maria Luisa Doderò, e Maria Cristina Bragone, 23-9. Milano: MG Print on Demand.

2003

“Один церковнославянско-греческий рукописный азбуковник из коллекций РГАДА (К изучению лексикографии во второй половине XVII века).” In *Contributi italiani al XIII Congresso Internazionale degli Slavisti (Ljubljana 15–21 agosto 2003)*, a cura di Alberto Alberti, Marcello Garzaniti, e Stefano Garzonio, 25–43. Pisa: Associazione Italiana degli Slavisti.

“Tradizione e innovazione in un *bukvar*’ manoscritto della seconda metà del XVII secolo (osservazioni preliminari alla pubblicazione).” In *Studi in onore di Riccardo Picchio offerti per il suo ottantesimo compleanno*, a cura di Rosanna Morabito, 267–78. Napoli: M. D’Auria Editore.

“Per uno studio delle norme d’etichetta nella Russia antica.” *Slavica Viterbiensia* 1: 39–50. Rev.: Cotta Ramusino Paola, *Un poeta alla corte degli zar. Karion Istomin e il panegirico imperiale*, Edizioni dell’Orso, Alessandria 2002. *Russica Romana* X: 223–24.

2004

Rev.: Polikarpov Fedor, *Technologija. Iskusstvo grammatiki*, izdanie i issledovanie E. Babaevoj, Inapress, SPb. 2000. *Russica Romana* XI: 255–56.

2005

“Per una storia della fortuna di Erasmo da Rotterdam in Russia.” In *Esercizi di lettura. Scritti in onore di Mirella Billi*, a cura di Benedetta Bini, 245–52. Viterbo: Sette Città.

2006

“К истории восприятия Эразма Роттердамского в России в XVIII веке.” *Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter* 34: 44–7.

Rev.: *Der russische Donat. Vom lateinischen Lehrbuch zur russischen Grammatik. Historisch-kritische Ausgabe*, hrsg. und kommentiert von Vittorio S. Tomelleri, Böhlau Verlag, Köln-Weimar-Wien 2002. *Russica Romana* XIII: 188–89.

2007

“*De civilitate morum puerilium* Эразма Роттердамского в России (конец XVII – первая половина XVIII века).” In *Eighteenth-Century Russia: Society, Culture, Economy. Papers from the VII International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Wittenberg 2004*, Roger Bartlett, and Gabriela Lehmann-Carli (Eds.), 191–206. Berlin: LIT Verlag.

“17 мая 1698 г.: Петр I поддерживает светское книгопечатание.” In *Days from the Reigns of Eighteenth-Century Russian Rulers. Proceedings of a Workshop, dedicated to the memory of Professor Lindsey Hughes, held at the Biblioteca di Storia Contemporanea ‘A. Oriani’, Ravenna, Italy, 12-13 September 2007*, part I, edited by Anthony Cross, 13–21. Cambridge: Study Group on Eighteenth-Century Russia.

“Il Paradiso in terra: osservazioni sull’immagine del giardino nella letteratura russa antica.” In *Il mondo delle usad’ by. Cultura e natura nelle dimore nobiliari russe XVIII-XIX sec.*, a cura di Maria Luisa Dodero, 15–26. Milano: The Coffee House art & adv.

2008

“Приключения Алисы в России.” W *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich*. 6. *Opis, konfrontacja, przekład*, red. Michał Sarnowski, i Włodzimierz Wysoczański, 71–7. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.

“L'aritmetica prima dell' *Arifmetika* di Leontij Magnickij.” In *Nel mondo degli Slavi. Incontri e dialoghi tra culture. Studi in onore di Giovanna Brogi Bercoff*, a cura di Maria Di Salvo, Giovanna Moracci, e Giovanna Siedina, vol. 1: 67–76. Firenze: Firenze University Press. *Alfavitari radi učenija malych detej. Un abbecedario nella Russia del Seicento*. Firenze: Firenze University Press. DOI: 10.36253/978-88-8453-780-5

2010

“La traduzione di J.W. Paus di *De civilitate morum puerilium* di Erasmo da Rotterdam.” In *Forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij*, a cura di Sergio Bertolissi, e Roberta Salvatore, vol. 1: 111–23. Napoli: M. D'Auria Editore.

“Esopo in Russia tra '600 e '700.” *Il Confronto letterario*, 52 (supplemento: Testi classici nelle lingue moderne. Primo colloquio “Roberto Sanesi” sulla traduzione letteraria, a cura di Renzo Cremante, Francesca M. Falchi, e Lia Guerra. Atti del Convegno internazionale di studi promosso dal Centro di ricerca interdipartimentale sulla tradizione manoscritta di autori moderni e contemporanei dell'Università degli Studi di Pavia, Pavia, Collegio Ghislieri, 5–6 marzo 2009): 125–35.

2011

Rev.: Romodanovskaja Elena K., *Rimskie dejaniya na Rusi. Voprosy tekstologii i rusifikacii. Issledovanie i izdanie tekstov*, Indrik, Moskva, 2009. *Russica Romana XVIII*: 114–16.

Ed. (with Alberti Alberto, Brogi Bercoff Giovanna, and Laura Rossi): Di Salvo, Maria, *Italia, Russia e mondo slavo. Studi filologici e letterari*. Firenze: Firenze University Press. DOI: 10.36253/978-88-6655-064-8

2012

“В лаборатории И.В. Пауса-переводчика: Черновой и белой варианты его перевода трактата Эразма Роттердамского *De civilitate morum puerilium*.” In *Schnittpunkt Slavistik. Ost und West im wissenschaftlichen Dialog. Festgabe für Helmut Keipert zum 70. Geburtstag*, Irina Podtergera (Hrsg.), Bd. 2: 11–30. Göttingen: V&R unipress; Bonn University Press.

“К истории русского Эзопа на рубеже XVII и XVIII веков.” В *Litterarum fructus. Сборник статей в честь Сергея Ивановича Николаева*, ред. Надежда Ю. Алексеева, и Наталья Д. Кочеткова, 75–87. Санкт-Петербург: Альянс-Архео.

“Per una storia della fortuna di Esopo in Russia nel XVII secolo: alcune osservazioni sulla traduzione di Petr Kašinskij.” In *Multa et Varia. Studi offerti a Maria Marcella Ferraccioli e Gianfranco Giraud*, a cura di Florina Creț Ciure, Viviana Nosilia, e Adriano Pavan, 119–30. Milano: Biblion edizioni.

“Фенелон в России. К истории трактата *De l'éducation des filles*.” В *Век Просвещения. IV Античное наследие в европейской культуре XVIII века*, отв. ред. Сергей Я. Карп, 295–306. Москва: Наука.

2013

“Il *Racconto del gallo e della volpe* tra Esopo e il Roman de Renart. Proposte di studio.” In *Medioevi Moderni - Modernità del Medioevo. Saggi per Maria Grazia Saibene*, a cura di Marina Buzzoni, Maria Grazia Cammarota, e Marusca Francini, 143–55. Venezia: Edizioni Ca' Foscari.

“Стихотворения в *Арифметике* Леонтия Магницкого.” In *History and Literature in Eighteenth-Century Russia*, edited by Sergei Bogatyrev, Simon Dixon, and Janet M. Hartley, 1–28. London: Study Group on Eighteenth-Century Russia.

“Эразм Роттердамский - учитель голландского языка? (К истории судьбы «Colloquia familiaria» в России в XVIII веке).” В *Чтения Отдела русской литературы XVIII века*. Вып. 7, М.В. Лотоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века, отв. ред. Андрей А. Костин и Антон О. Дёмин, 139–52. Санкт-Петербург: Альянс-Архео.

2014

Rev: Forum: *Massimo il Greco, Firenze e l'Umanesimo italiano*, a cura di M. Garzaniti e F. Romoli, *Studi Slavistici*, VII (2010), p. 239–394. *Cyrrillomethodianum. Studies on the History of Greek-Slavic Relations XIX*: 121–23.

“A manual for the young Tsar: Simeon Polotskii’s primer.” *History of Education & Children’s Literature XI*, 2: 43–57.

2015

“Note sulla traduzione di Pëtr Kašinskij delle favole di Esopo.” *Kwartalnik Neofilologiczny LXII*, 2: 141–49.

“Традиционное воспитание и новый этикет для молодежи Петровской эпохи, читающей Юности Честное Зерцало.” В «В России надо жить по книге». Начальное обучение чтению и письму. Становление учебной книги в XVI–XIX вв., ред. Мария В. Тендрякова, и Виталий Г. Безрогов, 68–75. Москва: Памятники исторической мысли.

“Несколько наблюдений о переводе И.В. Пауса *Малого Катехизиса* Лютера.” In *A Century Mad and Wise. Russia in the Age of the Enlightenment. Papers from the IX International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Leuven 2014*, edited by Emmanuel Waegemans, Hans van Koningsbrugge, Marcus Levitt, and Mikhail Ljustrov, 275–83. Groningen: Netherlands Russia Centre.

2017

“Fortuna e diffusione del *Piccolo Catechismo* di Lutero nella Russia di Pietro il Grande.” *Rivista storica italiana CXXIX*, 1: 227–38.

“Lettura e letture per l’infanzia in Russia nel XVIII secolo: la rivista «Detskoe čtenie dlja serdca i razuma».” *Il Confronto Letterario 67* (supplemento: Della lettura: riflessioni d’autore, a cura di Vittorio Fortunati, Alessandra Preda, e Eleonora Sparvoli): 43–54.

2018

“*Sententiae morales*: сборник греческой мудрости в России XVIII века.” В *Дар мужества и муз. Сборник статей в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой*, ответственные редакторы Александра Ю. Веселова, и Антон О. Дёмин, 24–34. Москва–Санкт-Петербург: Альянс-Архео.

2019

Ed. (with Maria Bidovec): *Il mondo slavo e l’Europa. Contributi presentati al VI Congresso Italiano di Slavistica (Torino, 28-30 settembre 2016)*. Firenze: Firenze University Press. DOI: 10.36253/978-88-6453-910-2

“Note sulla fortuna della poesia di Gregorio Nazianzeno in Russia tra XVII e XVIII secolo.” *Ricerche Slavistiche LXII*, 2: 5–17.

2020

“Старое и новое в Первом учении отроком Феофана Прокоповича.” В *Пётр Великий и европейский интеллектуальный мир. Циркуляция знаний, взаимовлияния 1689–*

1727. *Коллективная монография по материалам двух коллоквиумов в Париже 28–29 и 30 марта 2013 года*, ред. Дмитрий Ю. Гузевич, и Ирина Д. Гузевич, 601–18. Париж–Санкт-Петербург: Европейский Дом.
 “Fonti russe per l’abecedario di Zaharija Orfelin (1767).” *Ricerche Slavistiche* LXIII, 3: 7–26.

2021

“Перевод сочинения И.Г. Сейбольда *Selectiora quaedam colloquia latino-germanica* Иоганном Вернером Паусом.” В *Альтернативные пути формирования русского литературного языка в конце XVII–первой трети XVIII веков. Вклад иностранных ученых и переводчиков*, ответственный редактор Светлана Менгель, 201–36. Москва: Издательский дом ЯСК.
 “Наблюдения о переводе *Малого Катехизиса* М. Лютера Иоганном Вернером Паусом.” В *Альтернативные пути формирования русского литературного языка в конце XVII–первой трети XVIII веков. Вклад иностранных ученых и переводчиков*, ответственный редактор Светлана Менгель, 237–53. Москва: Издательский дом ЯСК.
 “*Junosti čestnoe zercalo: una rassegna critica degli studi.*” *Russica Romana* XXVIII: 121–26.

2022

“Бестиарий в *Букваре* Кариона Истомина и воспитание царевича Алексея.” *Quaestio Rossica* 10, 1: 116–31. DOI 10.15826/qr.2022.1.662
 “Перевод *Обозрения историй* Георгия Кедрина: один эпизод из судьбы византийской историографии в России XVIII века.” In *Verbunden mit den Slaven. Festschrift für Swetlana Mengel, Tatjana Chelbaeva, und Gabriela Lehmann-Carli* (Hrsg.), unter Mitarbeit von Maxim Schumacher, 107–22. Berlin: Frank & Timme.
 “L’*Abecedario* di Zaharija Orfelin nel contesto dei dibattiti sull’educazione nell’Europa del XVIII secolo.” *Europa Orientalis* 41: 45–62.

2023

“Johann Werner Paus traduttore di testi del luteranesimo nella Russia petrina (studi e prospettive di ricerca).” In *Declinazioni europee del pensiero linguistico, politico e religioso di Lutero*, a cura di Adriano Cerri, e Patrizio Malloggi, 37–50. Novi Ligure: Edizioni Joker.
 “«... *Imprimi sicut Nationi Russicae decori & utilitate foret*...»: Роль просветительской деятельности немецких pietistов в России начала XVIII века и их вклад в формирование русской профессиональной терминологии.” (together with Swetlana Mengel) *Јужнословенски филолог* LXXIX, 2: 46–61. DOI: <https://doi.org/10.2298/JFI2302029M>
 “Storia del marinaio russo Vasilij Koriotskij e della bellissima Eraclia principessa del regno fiorentino (inizio del XVIII secolo).” In *OpeRus: la letteratura russa attraverso le opere. Dalle origini ai nostri giorni*, a cura di Maria Cristina Bragone, Mario Caramitti, Roberta De Giorgi, Laura Rossi, e Silvia Toscano, 1-42, Pomigliano d’Arco (NA): Wojtek Edizioni. <https://opus.uniud.it/opere/seicento-settecento/il-saggio/storia-del-marinaio-russo-vasilij-koriotskij-e-della-bellissima-eraclia-principessa-del-regno-fiorentino-inizio-del-xviii-secolo>
 “Storia di Frol Skobeev (inizio del XVIII secolo).” In *OpeRus: la letteratura russa attraverso le opere. Dalle origini ai nostri giorni*, a cura di Maria Cristina Bragone, Mario Caramitti, Roberta De Giorgi, Laura Rossi, e Silvia Toscano, 1-36, Pomigliano d’Arco (NA): Wojtek Edizioni. <https://opus.uniud.it/opere/seicento-settecento/il-saggio/storia-di-frol-skobeev-inizio-del-xviii-secolo>

2024

“Эзоп в России XVIII века. Несколько наблюдений над переводом С. С. Волчкова (1747).” В *XVIII век*. Сб. 31, 63–85. Санкт-Петербург: Альянс-Архео.

“Перевод И.В. Пауса *Малого Катехизиса* М. Лютера и бытование этого перевода в России Петра I.” In Swetlana Mengel (Hrsg.) *Катехизисы у славян в XVI–XVIII веках. Их рецепция, распространение, культуuroобразующее и просветительское значение*, 351–434. Berlin: Frank & Timme.

PART I

Johann Werner Paus and his Contemporaries.
Reflections on Language

Рукописный фрагмент *Стокгольмского катехизиса* (1628), хранящийся в Галле. Атрибуция, датировка и предназначение

Swetlana Mengel

Abstract: *The Manuscript Fragment of the Stockholm Catechism (1628) Preserved in Halle: Attribution, Dating and Intended Use.* The article examines a manuscript copy, located in Halle, of the first Russian translation of M. Luther's *Small Catechism*, printed in Stockholm in 1628. Relying on the linguistic and textological analysis of the document and the comparison of the results obtained with historical facts, an attempt is made to assign it to an author and date it, as well as to make a guess about its intended use.

Keywords: first translations into Russian, *Stockholm Catechism* (1628), Pietism, 18th century, E. Glück (1654-1705)

1. Введение

Среди диалогов, помещенных в приложении к *Русской грамматике* (Ludolf 1696) ее автором Генрихом Вильгельмом Лудольфом (Heinrich Wilhelm Ludolf, 1655–1712), имеется следующий, как нельзя лучше отражающий идею «всемирной миссии» pietистов из Галле по распространению «истинного» христианства путем предоставления простым верующим печатных изданий переводов Библии на их народные языки, ср.:

- [1] Скажутъ что ты водишь сѧ съ людьми всѧкои вѣры. // Когда ѧ наиду добраго челоуѣка, ево люблю и почестю хотя онъ инной вѣры, и когда ѧ вижу бездѣльника, ево не во что ставлю, хотя онъ мой сродна. // Разумно то, злобу и грѣхъ ненавиditъ а не челоуѣка. // Безумно, сердитъ сѧ на челоуѣка, что онъ не самымъ обычѣемъ воспитанъ былъ какъ мы. Прогнѣватъ сѧ на челоуѣка, что мысли ево не сходатъ сѧ съ моими мыслами, ровно какъ бы ѧ хотѣлъ сердитъ сѧ, что лице ево розличное ѿ моево. // Однакожде ты видишь что одна церква осужаетъ другую. // Вижу, а негде читаю что Богъ намъ власть подалъ другъ друга ѡсудитъ и къ дѧволу предаватъ. // Спаситель скажетъ, не судите да не судими будете. [...]. (Ludolf 1696, 69–71).

Swetlana Mengel, Martin Luther University of Halle-Wittenberg, Germany, swetlana.mengel@slavistik.uni-halle.de, 0009-0004-8118-7256

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Swetlana Mengel, *The Manuscript Fragment of the Stockholm Catechism (1628) Preserved in Halle. Attribution, Dating and Intended Use*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.07, in Swetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 39-54, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

«Восточное путешествие» («Orientreise») Лудольфа, начавшееся в России, где он провел около трех лет и создал свою выше упомянутую *Русскую грамматику* — первую грамматику русского языка, планировалось как начало «всемирной миссии», направленной на Восток: от «богемских» протестантов к польским католикам и затем к русским православным с конечной целью достичь «неверующих» в «Арабии» и Индии. Вдохновитель пиетистского движения Август Германн Франке (August Hermann Francke, 1663–1727) видел в русском православии особую форму благочестия, более близкую пиетизму, чем католицизм, связывая предполагавшийся скорый успех «русской миссии» (см. Mengel and Bragone 2023) кроме того с толерантной религиозной политикой молодого русского царя Петра I.

Для успешного осуществления «русской миссии» Лудольф приобрел у Ильи Федоровича Копиевича (также Копиевский, ок. 1651–1714), как сообщает Готхильф Август Франке (Gotthilf August Francke, 1696–1769), Франке-сын, «около центнера» кириллического типографского шрифта и подарил его типографии Сиротского Дома в Галле (Avertissement 1734), чтобы сделать таким образом возможным издание в Галле Библии и другой душевспасительной пиетистской литературы на русском языке с целью ее последующего распространения в России. Как свидетельствуют письма соратников А.Г. Франке из России в Галле, например, пастора протестантской евангелической общины в Москве Юстуса Самуэля Шаршмида (Justus Samuel Scha[a]rschmidt, 1664–1724), эта печатная продукция с надеждой и нетерпением (ср. также [4]) там ожидалась, ср.:

- [2] Wenn Ihre Druckerei allbereit mit slawonischen Typen versehen, wäre wohl zu wünschen, daß man bald etwas zu sehen bekäme, als in solcher Sprache dort gedruckt (Письмо Ю.С. Шаршмида из Москвы к А.Г. Франке в Галле от 4 февраля 1699 года).

По мнению Эрнста Глюка (Ernst Glück, 1654–1705), известнейшего протестантского просветителя петровского времени (см. ниже 3.1), в Галле могло быть даже налажено постоянное издание такой литературы с ее последующей отправкой в Россию, ср.:

- [3] [...] Auch können [...] die Theologischen Materien beständig draußen [in Halle] gedruckt und herein [nach Russland] gesendet werden, wozu ich das Cantional, ein Gebetsbuch, dem Catechismus etc. gar gerne ihnen zu senden will. (Письмо Е. Глюка из Москвы к А.Г. Франке в Галле от 8 марта 1704 года).

О весьма серьезном подходе к осуществлению этих намерений свидетельствует хранящаяся в Архиве Фонда Франке (Archiv der Franckeschen Stiftungen zu Halle) папка, содержащая, по всей вероятности, рукописные материалы, готовившиеся к печати. Папка озаглавлена *Russische Fragstücke mit Anmerkungen und einer chronol[ogischen] Tabelle* и имеет также дополнительно более детальный подзаголовок (см. подробнее в Менгел 2023). Два последних названных в заглавии документа до сих пор присутствуют в папке.

Под *Russische Fragstücke*, т.е. *Русские вопросы и ответы*, скрывается первый перевод на русский язык *Малого катехизиса* А.Г. Франке (Francke 1698), состоявшего, как и каждый катехизис, из вопросов и ответов. Этот перевод был организован Шаршмидтом, который сообщает об этом А.Г. Франке уже в 1698 году в своем письме, ср.:

- [4] Ein guter Freund jochim [...] hat es in ein Slavonisch übersetzt, welches bei Gelegenheit übersenden werde, könnte es [...] gedruckt werden, sollte die Exemplaria [...] hier in viele Hände kommen. Ich erwarte mit sehen mehrere Tract[ätlein] [...] herzukriegen. (Письмо Ю. С. Шаршмидта из Москвы к А.Г. Франке в Галле от 2 сентября 1698 года).

Anmerckungen über die Rußischen Frag=stücke, т.е. *Замечания о Русских вопросах и ответах*, до сих пор хранящиеся в папке, представляют собой подробную правку этого первого русского перевода или своеобразную на него рецензию. Несколько лет назад мне удалось атрибутировать этот документ Глюку (Mengel 2008; 2010), прежде всего на основе сравнения имеющихся в нем лингвистических комментариев с системой кодификации норм русского языка в неоконченной грамматике Глюка *Grammatik der russischen Sprache* 1704 года (Keipert, Uspenskij und Živov 1994), в основу которой, как мною было установлено, положено севернорусское наречие (Менгель 2021, 154–59). Факт атрибуции *Замечаний о Русских вопросах и ответах* Глюку играет значительную роль в предлагаемом здесь исследовании (см. ниже 3).

2. Рукописный фрагмент *Стокгольмского катехизиса* (1628), хранящийся в Галле. Анализ языка и редакторской концепции

Хотя рукописный фрагмент *Стокгольмского катехизиса*, о котором заявлено в названии статьи, хранится сегодня вне выше названной папки, есть все основания предполагать, что и он готовился к печати.

2.1 Под *Стокгольмским катехизисом* понимается, как известно, первый перевод на русский язык *Малого катехизиса* Мартина Лютера (Martin Luther, 1483–1546), выполненный по приказу шведского короля Густава II Адольфа (Gustav II Adolf, 1594–1632) для того, чтобы его русские подданные во вновь приобретённых Шведской короной землях, Ливонии и Ингерманландии, «могли приобщиться к истинному познанию христианской веры» на своем родном языке (цит. по Jensen 1912, 138, перевод — S.M.). При этом король в полном соответствии с лютеранской идеей приказал перевести катехизис на «народный русский язык», сохранив, однако, цитаты из Библии на «славенском» (см. Успенский 1987, 335; Sjöberg 1975, 14 след.) Перевод был выполнен профессиональным переводчиком Гансом Флёрихом (Hans Flöhrich) при помощи дьяка Исаака Торчакова (см. Maier and Droste 2010; Pereswetoff-Morath 2010), носителя местного севернорусского наречия, которое — с его специфическими морфологическими чертами, отличными от среднерусских диалектов и частично общими с церковнославянским: инфи-

нитивом на *-ти* и окончанием *-ого* (*-ego*), *-аго* (*-yago*) в родительном падеже единственного числа местоимений и прилагательных мужского и среднего рода (см. Пожарицкая 1997, 96, 105; Даль 1852 в Даль 1880, I, LII, LXI; ср. Менгель 2010, 54) — и явилось «народным русским языком» перевода, ср.:

[5] [...] Второе ѿ избавленіи. Вѣрую воѣса Хѣа [...] ѣа нашего. которой [...] претѣрпѣлъ при понѣтистемъ пилате. распать оумерь [...] . ивознесеса нанебо иседить [sic] ѿдесную бѣга могущаго Сѣца. ивѣтуды онѣ прїидеть судити живымъ и мертвымъ; •т[олкование]• Вѣрую что ѣсь хѣсъ [...] ѣъ мои которой ма потершаго ишкалнѣаго ѣлка свободиль иизбавиль вѣвсѣхъ грѣховъ ивѣсмѣрти исилы дѣявоѣлска. низлатомъ нисребромъ, носвоею сѣтою дорогоценною кровію. [...] дла того чтобы а³ его былъ ивѣгоцѣтвию поднимъ жилъ. Иему работаль вѣвѣковѣчной правдѣ, вневинности [...] (Стокгольмский катехизис 1628, лл. 21 об.–22).

[6] Вторая. Непримеши имени ѣда бѣ твоего надармо. Понеже nebudeтъ безпометы всакъ берли надармо има ѣда бѣ своего. •т[олкование]• Достойтъ намъ бѣ боятиса иего любити. чтобы намъ поего имени некланутиса, нилаатиса, ничародѣствовати, нилгати ниоманивати. нотому именинѣню воевсѣ^x скорбѣхъ ипечалехъ возопиати молбою, ихваѣбою, иблагодарениемъ (Стокгольмский катехизис 1628, л. 13 об.).

Напечатанный в Стокгольме в 1628 году этот первый русский перевод *Малого катехизиса* Лютера стал известен как *Стокгольмский катехизис*.

2.2 Рассматриваемый здесь рукописный фрагмент *Стокгольмского катехизиса* хранится в Главной библиотеке Фонда Франке в Галле (Hauptbibliothek der Franckeschen Stiftungen zu Halle); он вплетен в небольшой конволют из личной библиотеки Генриха Мильде (Heinrich Milde, 1676–1739) вместе с другими печатными катехизисными произведениями на немецком и латинском языках, а также еще одной рукописью на русском языке (см. подробно в Mengel 2024). Хотя документ уже упоминался исследователями (Сѣуѣвскы 1938; Winter 1953; Dietze 1968), он не привлекал до сих пор к себе должного внимания.

Документ представляет собой рукопись на четырех листах (семи страницах) в 1/8 листа (octavo, 8°) и не имеет пагинации. После заглавия «КАТѢХИЗІС / си ёсть Грѣческое слѣво, а по руски Име= / нуётся Крѣстынское [sic] Учѣние перечнемъ, / что чѣку подобае^r прѣже всего учїтиса / и вѣдати о спасѣніи Души своѣи, / а печата^a в стоколне масте^p Пете^r фаⁿ / сѣлавъ. лѣта ѿ воплощѣніа сѣса нѣшего / ѣса Хрѣта. ѣѣ ѣѣ ѣѣ. », которое, хотя и соответствует дословно печатному изданию, отличается от него правильным разделением на слова, раскрытием титла в слове «Душа» (и написанием его с большой буквы), делением на строки и некоторыми другими незначительными графическими разночтениями (см. илл. 1), следует повторение даты издания «1628» арабскими цифрами. Затем, также в соответствии с печатным изданием, но правильным словоразделом, даются тексты: *Trisagion*, *Gloria Patri* и

Славословие о Святой Троице. На этом «титulyный лист» рукописи заканчивается, 1/5 страницы оставалась первоначально незаполненной. Собственно текст катехизиса начинается на оборотной стороне первого листа заглавием: «Божіи десе^т [sic] Заповѣди / и Толкованіе их^х», под которым, в отличие от печатного издания, десять заповедей приводятся сразу с толкованиями. В печатном издании под заглавием «Божіи / десеть / Заповѣдей» они сначала лишь перечисляются и вновь даются с толкованиями, начиная только с 13-го листа (Стокгольмский катехизис 1628). Наш рукописный фрагмент обрывается после толкования 10-ой заповеди на слове «Вопросъ» на лицевой стороне четвертого листа, половина которой также оставалась первоначально незаполненной.

Насколько позволяет судить структура этого короткого рукописного фрагмента, в Галле могло планироваться переиздание *Стокгольмского катехизиса* в более краткой, сжатой форме, что касается его объема. В новой редакции самого текста, предназначавшегося для переиздания, имеющийся короткий фрагмент не дает нам ни малейшего повода сомневаться. Кроме уже упомянутой выше общей корректуры неправильного, зачастую затемняющего смысл разделения на слова, характерного для печатного издания 1628 года и, как представляется, специфически целенаправленного выделения особенно важных для протестантизма богословских понятий, к каковым в соответствии с учением пиетизма о достижении «истинного благочестия» относится, например, «Душа» (см. выше), представленные в рукописном фрагменте по сравнению с печатным изданием разночтения свидетельствуют о хорошо продуманной лингвистической и смысловой редакторской концепции, автором которой мог быть только всесторонне образованный и обладающий соответствующими практическими познаниями человек.

2.3 Прежде, чем приступить к анализу редакторской концепции, отметим, что народным русским языком, которым владел редактор или переписчик (если ими не было одно и то же лицо), также, как и языком печатного издания, было севернорусское наречие с характерным употреблением инфинитива на *-ти* и окончания родительного падежа единственного числа прилагательных и местоимений мужского и среднего рода *-ого/аго*. Наш рукописный фрагмент эксклюзивно отражает даже особую специфическую фонетическую черту русских говоров северного ареала — т. наз. «цоканье/чѣканье», т.е. смешение африкат [с] и [сʰ], ср.: «*Прѣстая Троице помилу^нась*» (см. илл. 1) вместо корректного *троице* (как в печатном издании). О том, что мы не имеем здесь дело с некой «графической неточностью» свидетельствуют адекватные и четкие очертания графем *ч* и *ц* в словах *учение*, *ωчистити*, *исцелити* (см. илл. 1). Отражение данного фонетического феномена встречается в рукописном фрагменте всего один раз, тем не менее характерно, что переписчик мог его допустить, а редактор (если, как сказано выше, ими не было одно и то же лицо) не заметить.

Русский язык, по всей вероятности, не был родным языком редактора, на что указывает смешение графемы *ш* с графемами *щ* и *ж* и, очевидно, соответ-

ствующих твердых и мягких [š] : [šʹ] и глухих и звонких [š̌] : [ž̌] шипящих согласных, представляющих, как известно, для иностранцев особую трудность при различении их на слух, в артикуляции и на письме, ср.: *не примеци, служати* (вместо *слушати*). Следует, однако, заметить, что и эти две ошибки — единичны. В целом редактора отличает прекрасное знание русского языка на всех его языковых уровнях. На уровне фонетики, например, последовательно различаются не менее трудные для иностранцев гласные звуки [i] (*и, i, i*) и [y] (*ы*). Встретившееся дважды гиперкорректное употребление *ы* вместо *и* и единожды употребление *и* на месте *ы* (в противоположность печатному изданию) может также указывать на то, что русский не был родным языком редактора, ср.: «*худымы товары*» вместо *худыми*; «*да благо ты будеть*» вместо энклитической формы *ти (тебѣ)* дательного падежа единственного числа местоимения 2 лица; *рабини* вместо *рабыни*.

На уровне морфологии редактор демонстрирует свое тонкое понимание проблематики вида русского глагола, в частности, способа образования форм простого будущего времени. В Седьмой заповеди он исправляет *Некради* печатного издания на *не у|кради*, специально подчеркнув необходимость префикса *у-*, отделяя его вертикальной чертой. В этой связи непроизвольно напрашивается сравнение с подробным объяснением Глюка именно этого исправления в его корректуре первого русского перевода *Малого катехизиса* А.Г. Франке (см. выше 1), хранящейся в Галле, ср.:

- [7] Не оубиеши heißet: du schlägest nicht todt. muß also entweder der Coniunctivus seÿn: Да не оубиеши: Oder der Imperativ[us]: Не оуби [...] не оукрадеши heißet, du wirst nicht stehlen: soll heißen да не крадеши, oder: не оукради (Anmerckungen über die Rußischen Frag=stücke).

Из характерных для севернорусского наречия вариантов окончаний прилагательных и местоимений мужского рода в родительном падеже единственного числа редактор, как кажется, более последовательно предпочитает *-аго* (*-яго*). Именно такой подход — т.е. предпочтение варианта *-аго* (*-яго*) при допущении *-ого* (*-его*) — представлен в *Грамматике русского языка* Глюка 1704 года (Keipert, Uspenskij und Živov 1994).

2.4 Основной целью редакторской деятельности, как можно судить из рукописного фрагмента, является «прояснение» смысла текста. Продуманный редакторский подход наглядно демонстрирует в этой связи уже текст Второй заповеди, представленный в печатном издании как «*Неприимеши имени ѓда ѓа твоего надарѣмо [...]*» (см. выше [6]). В рукописном фрагменте редактор заменяет слово *надарѣмо*, которое он, очевидно, считал самостоятельным наречием, на выражение «*на даромѣ*» и делает два комментария. В последней строке текста заповеди (перед толкованием) он замечает: «*exstat дарѣмо*». Толковый словарь живого великорусского языка Даля (Даль 1956, I, 415) приводит с пометой «нар[одное]» *дарма* в значении «напрасно», тогда как слово *надарѣмо в нем отсутствует, т.е. действительно «существует»

только *д́арма*[о]¹. Второй комментарий редактора касается объяснения значения этого диалектизма, который он заменил на *на д́аромъ*: в скобках дается вариант «/: или *всуе* :/» (соответствующий в данном случае библейскому тексту). Редакторская практика объяснения подобных диалектных и просторечных слов или их замены более общепринятыми лексемами проходит по всему тексту. В толковании Второй заповеди словоформа *хваленіемъ* заменила употребляемую в печатном издании просторечную лексему *хвал'бою* (см. выше [б]), которая приводится под *хваленіемъ* в скобках и выделена подчеркиванием: «/*хвал|бою*/». При этом редактор отделил прямой вертикальной чертой корень *хвал-*, очевидно, для того, чтобы показать его идентичность с корнем в предложенном им варианте *хваленіемъ*; таким же образом словообразовательная структура слова представлена, как было показано, в *у|кради* (см. выше 2.3). В толковании к Десятой заповеди диалектизм *жадьти* объясняется приведенным в скобках над строкой общеупотребительным «/: *желати* :/». Для других диалектизмов и просторечизмов варианты даются с помощью предлагаемого иного написания в виде буквы, поставленной над строкой.

Редакторская работа по «прояснению» смысла текста не ограничивается объяснением непонятных диалектных и просторечных слов, но направлена на ликвидацию «темных» мест вообще и специально тех, от понимания которых зависит правильная интерпретация текста Библии (что, собственно, и является задачей катехизиса). В толковании Седьмой заповеди («*Не укради*», см. выше 2.3) редактор поясняет представленный в печатном издании не вполне понятный текст «*и худыми товары вторгоуви, засебл неприводити*», который представляет собой почти дословный перевод немецкого оригинала: «*daß wir unsers Nächsten Geld oder Gut nicht nehmen noch mit falscher Ware oder Handel an uns bringen*» (Luther 1529, подчеркнуто — S.M.), очень просто и ясно словом *обманивати* (ср. просторечное *оманивати* в печатном оригинале, см. [б]), поставленным над строкой.

3. Атрибуция, датировка и предназначение рукописного фрагмента Стокгольмского катехизиса (1628), хранящегося в Галле

3.1 Учитывая всё выше сказанное о работе редактора, в лаборатории которого нам позволяет присутствовать наш рукописный фрагмент, следует заметить, что такой уникальный комплекс знаний и умений: выдающихся способностей и теоретических познаний в области лингвистики, языкового чутья и владе-

¹ В словарях современных севернорусских говоров фиксируются наречия *даровó* (Словарь говоров Русского Севера 2005, III: 176) и *надоровé* (Яцкевич 2021) с тем же значением. Наречие *надарма*: «даром, напрасно» присутствует в украинском языке (Словник UA) и может употребляться в южнорусском ареале. Из этого следует вывод, что редактору Стокгольмского катехизиса (1628), владеющему севернорусским наречием, слово *надар'мо*, употребленное переводчиком Флёрихом (об особенностях русского языка Флёриха см. Maier 2024), было неизвестно, он посчитал его непонятным и достойным замены.

ния народным русским языком на базе севернорусского наречия, блестящей теологической подготовки вообще и, в частности, в текстологии церковнославянской Библии (ср. ниже [9], [10]), мог быть присущ в конце XVII – начале XVIII столетия лишь единицам из современников нероссийского (и даже российского) происхождения, более того, как нам представляется, – только одному из них, а именно, видному деятелю немецкого протестантско-просветительского движения конца XVII – начала XVIII века Эрнсту Глюку (см. 1), основателю по приказу Петра I первую Академическую гимназию в Москве (Бълюкуров и Зерцалов 1907).

Сразу после окончания университета в Виттенберге (Wittenberg) Глюк, будучи 20-летним юношей, в 1674 году прибыл в качестве священнослужителя в Ливонию, где с 1683 года был назначен пастором в Мариенбурге (ныне Alūksne в Латвии), а затем также пробстом Кокенгузенской епархии (Kokenhusener Diözese). Среди подопечных Глюка в Ливонии, принадлежавшей, как уже упоминалось (см. выше 2.1), в то время Шведской короне и лютеранской церкви, оказались и русские. Именно в Ливонии Глюк выучил русский язык – т.е. народным русским языком, которым он почти в совершенстве овладел с молодых лет, было изначально севернорусское наречие. Его Глюк стремился кодифицировать в своей *Грамматике русского языка* (см. выше 1) и в соответствии с ним делал свои исправления в пользу русского языка в первом переводе *Малого катехизиса* А.Г. Франке (см. выше 1).

Итак, опираясь помимо лингвистического и текстологического анализа на исторические свидетельства и факты, мы предполагаем в редакторе нашего рукописного фрагмента Э. Глюка.

Для наших текстологических аргументов в пользу атрибуции рукописного фрагмента редактору Глюку особенно важен короткий текст Третьей заповеди, ср.:

[8] Стокгольмский катехизис 1628:

Третья. Помни **день воскресения**. или субботный. (л. 3); Третья. Помни **днь воскрѣния**. (л. 14 об.)

Рукописный фрагмент:

Третья. Помни **днь неделный** (над строкой в скобках зачеркнуто **воскрѣны**), или **во³кре³ния**. С³тити его.

Luther 1529:

Das dritte Gebot. Du sollst den **Feiertag heiligen**².

Как видим, редактор нашего рукописного фрагмента полностью исключает слово *субботный*, имеющееся в печатном издании при перечислении заповедей (и отсутствующее при подаче их с толкованиями), и предпочитает слово *неделный*, сомневаясь вообще в необходимости лексемы *воскресения*, ко-

² Выделено жирным шрифтом — S.M.

торая сначала приводится в скобках над словом *неделный*, затем зачеркивается и снова вводится после *неделный* как вариант: «или во³кр^ения». Кроме того редактор в соответствии с немецким оригиналом текста Лютера добавляет и специально подчеркивает «С[вя]т^ити его», отсутствующее в печатном издании, но весьма немаловажное для понимания правильного совершения религиозного обряда.

Подробное объяснение проделанной редактором операции мы находим в уже упомянутой правке первого русского перевода *Малого катехизиса* А.Г. Франке, автором которой (или корректором), как нами было установлено (см. выше 1), является Глюк, ср.:

- [9] [...] суботны^и: Ob wol dis Wort in der *Slavon*[ischen] Bibel stehet, so haben doch die Rußen selber in ihrer *Православное Иновъдание* [sic] es geändert und davor gesetzt: савватны^и, ohne Zweifel, weil суб^вта der Sonnabend heißet. [...] sind ausgelassen die Worte: ѿт^ити ег^о. (Anmerckungen über die Rußischen Frag=stücke).

Обращение к *Православному исповеданию* (1696), о котором Глюк упоминает в своих комментариях в правке, позволяет понять не только почему корректор первого русского перевода *Малого катехизиса* А.Г. Франке, также как редактор нашего рукописного фрагмента *Стокгольмского катехизиса*, предлагает исключить слово *субботный*, но и проследить, почему редактор сомневался в необходимости *воскресения*, ср.:

- [10] Помни день **савватъ**. ѿт^ити то^й. Шестъ дни дѣлай, и сотвориши вса дѣла твоа. Во дни же седмомъ **саввата** г^ду б^гу твоему. не сотвориши в^немъ всакаг^о дѣла [...]. (Православное исповедание 1696, без пагинации, выделено жирным шрифтом и подчеркнуто — S.M.).

Седьмой день недели редактор предлагает называть *недельным* в соответствии с наименованием его в православном богослужении: ср. в этой связи также внесение необходимого, по мнению редактора, дополнения «С[вя]т^ити его». Вариант *воскресения* он решается всё-таки оставить, очевидно, как более общеупотребительный (представленный не только в церковной сфере).

Наблюдаемая взаимосвязанность, и даже идентичность, исправлений и комментариев корректора в правке первого русского перевода *Малого катехизиса* А.Г. Франке и предложений и исправлений редактора русского перевода *Малого катехизиса* Лютера, изданного в Стокгольме в 1628 году, отраженных в нашем рукописном фрагменте, не позволяет, на наш взгляд, сомневаться в том, что корректором и редактором обоих документов должно было быть одно и то же лицо, которое мы в случае корректора идентифицировали как Эрнста Глюка.

Следует также учесть, что это исправление отнюдь не тривиально, как это может показаться на первый взгляд. Наши плодотворные научные беседы с многоуважаемым юбиляром Марией Кристиной Брагоне (Maria Cristina Bragone) привели нас к заключению, что Третья заповедь цитируется по Ветхому Завету церковнославянской Библии (Острожская Библия 1581/1988,

Московская Библия 1663, ср. [9]), где во Второзаконии и в Исходе употребляется «день субботный», почти во всех имеющихся букварях и катехизисах. Даже всесторонне образованный знаток древних и современных языков Иоганн Вернер Паус (Johann Werner Paus, 1670–1735) в своем русском переводе *Малого катехизиса* Лютера, недавно открытом М. К. Брагоне (см. Брагоне 2021; Bragone 2024), использует этот вариант. В случае Пауса, по мнению М. К. Брагоне, к которому следует присоединиться, речь может идти о первоначальном древнееврейском значении слова «савват», соответствующем немецкому «Feiertag», т.е. «свободный от работы день» — Мария Кристина Брагоне планирует дальнейшее исследование этой проблематики, в чем я ей от души желаю успеха и с нетерпением жду результатов.

Ветхозаветное наименование *савват* или «день субботный» редактор нашего рукописного фрагмента и корректор первого перевода *Малого катехизиса* А. Г. Франке решительно отвергает именно потому, что наименование *субота* соотносится теперь «у русских», по его совершенно справедливому мнению (см. [8], [9], ср. [10]), не со свободным от работы последним днем недели, который следует посвятить служению Богу, т.е. воскресеньем, а с шестым, рабочим, днем недели.

3.2 Еще одно текстологическое сравнение обоих рассматриваемых здесь документов, которые мы атрибутируем Глюку, позволяет примерную датировку нашего рукописного фрагмента.

В тексте Десятой заповеди мы находим в нем (как и в печатном оригинале) традиционное библейское: «*Десятая. Не пожелаи жены искренняго своего, ни раба, ни рабина [sic] его, ни вола его, ни всего елико ближнего твоего есть*» (выделено жирным шрифтом — *S.M.*). В правке *Малого катехизиса* А.Г. Франке текст этой заповеди содержит следующее замечание корректора, ср.:

[11] [...] вола dis Wort wird in gantz Rußland nicht gebrauchet, ohne in Czirkasien, dahero wen[n] selbe Cosaken nach Moßkau kom[m]en, Viehe zu verkauffen, werden sie mit diesem Worte aufgezogen und belachtet: beßer ist also: ни быка егѡ. (Anmerckungen über die Rußischen Frag=stücke).

Очевидно, что слово *воль* для обозначения соответствующего животного, употребляемое также в церковнославянской Библии, не показалось Глюку необычным при редактировании *Стокгольмского катехизиса*. Неподходящим он посчитал его только, по всей вероятности, после своего переезда в Москву (см. [11]) и предложил заменить на *быкъ* в своих *Замечаниях о Русских вопросах и ответах*, т.е. в правке первого русского перевода *Малого катехизиса* А.Г. Франке.

Это позволяет сделать вывод, что работа над редактированием *Стокгольмского катехизиса* производилась Глюком еще в Ливонии и могла быть завершена (или подходила к концу) к 1703 году, до переезда Глюка в Москву в 1703 году.

3.3 Остановимся еще раз коротко на исторических фактах. Издававшийся в Любеке журнал *Nova Litteraria maris Balthici et Septentrionis* уже в 1698 году со-

общал, что Глюк работает над переводом Библии «ex idiomatorum authentico in linguam Russicam» (см. Bērziņš 1935, 33–4; ср. Strods 1985, 151). Факт, что Глюк перевел полный текст Библии на русский язык для своих русских «прихожан» в Ливонии, засвидетельствован журналом *Europäische Fama* за 1705 год (т. 35, с. 789–90; ср. Пекарский 1862, I, 128; Keipert, Uspenskij und Živov 1994, 17–8), где с сожалением отмечается, что перевод был утрачен во время пожара Мариенбурга при взятии его русскими войсками. Тут же, однако, добавляется, что после утраты этого перевода Глюк «вновь взялся за работу» и «изготовил» русский перевод катехизиса Лютера, «написал» «русский молитвенник» и перевел на русский язык Новый завет, а также ряд других произведений. О том, что Глюк «перевел на Русский язык Лютеров Катехизис, Молитвенник» и др., пишет в *Словаре светских писателей* и Е. Болховитинов (Болховитинов 1845, I, 126–28). И, наконец, в своем письме к А.Г. Франке из Москвы в Галле от 8 марта 1704 года сам Глюк извещает адресата о намерении послать в Галле для напечатания там «das Cantional, ein Gebetsbuch, dem Catechismus etc.»; это намерение высказывается в контексте о необходимости соответствующих печатных изданий на русском языке, которые могли бы быть осуществлены в Галле (см. [3]).

Надо полагать, что Глюк, вероятно, не переводил *Малый катехизис* Лютера заново, как сообщают *Europäische Fama* и вслед за ней Болховитинов, но подготовил новую редакцию *Стокгольмского катехизиса* 1628 года (хорошо ему известного), о чем свидетельствует наш хранящийся в Галле рукописный фрагмент. Переиздание *Стокгольмского катехизиса* в редакции Глюка, по всей видимости, планировалось в типографии Сиротского Дома. Неожиданно и скоропостижно скончавшийся весной 1705 года Глюк, очевидно, успел осуществить свое намерение, о котором он извещал А.Г. Франке в письме от 8 марта 1704 года, и выслал в Галле свой обещанный *Catechismus*.

4. Заключение

На оставшейся незаполненной части «титального листа» рукописного фрагмента (см. выше 2.2) Генрих Мильде, бессменный библиотекарь Сиротского Дома, знаток славянских языков и верный соратник А.Г. Франке, сделал своим особым почерком, не похожим ни на какой другой, следующую запись: «Schlage vier Blätter um. Sursum corda!» (см. илл. 1). Достигнув четвертого листа рукописного фрагмента, т.е. его последней страницы, мы находим на оставшейся первоначально незаполненной половине страницы (см. выше 2.2) еще одну запись Мильде, которая действительно заставляет биться наши сердца сильнее, ср.:

[12] Das übrige siehe in meinem Wendischen Catechismo, so durchschossen. dabey auch die Arabische Version zu finden ist. Gott sey für alles gelobet (Рукописный фрагмент)

Т.е. Мильде сообщает нам, что остальная часть рукописи *Стокгольмского катехизиса* (1628) в редакции Глюка, предназначавшаяся, как мы предпола-

гаем, для его переиздания в Галле, фрагмент которой перед нами, находится «между листами» его «серболужицкого катехизиса» — «in meinem Wendischen Catechismo, so durchschossen» (т.е. перевода *Малого катехизиса* Лютера на серболужицкий язык, выполненного самим Мильде?). Там же «можно найти» и «арабскую версию» (т.е. перевод *Малого катехизиса* Лютера на арабский язык?).

Итак, нам предстоит поиски остальных листов рукописи *Стокгольмского катехизиса* в редакции Глюка в библиотеке Мильде, содержавшей около 1000 произведений различных авторов, которую он своим завещанием от 21 августа 1721 года передал в библиотеку Сиротского Дома.

Sursum corda!

Источники

Архивные материалы

Archiv der Franckeschen Stiftungen zu Halle:

Anmerkungen über die Rußischen Frag=stücke. AFSt/H J 25^b:4.

Avertissement wegen Drucks der Arndischen Bücher vom Wahren Christentum in russischer Sprache. 1734. AFSt/W IX/III/40.

Russische Fragstücke mit Anmerkungen und einer chronol. Tabelle. AFSt/H J 25^b.

Письмо Е. Глюка из Москвы к А.Г. Франке в Галле от 8 марта 1704 года. AFSt/H D 84, 352–53.

Письмо Ю. С. Шаршмидта из Москвы к А.Г. Франке в Галле от 2 сентября 1698 года. AFSt/H C 296: 17.22.

Письмо Ю. С. Шаршмидта из Москвы к А.Г. Франке в Галле от 4 февраля 1699 года. AFSt/H C 296: 17.25.

Hauptbibliothek der Franckeschen Stiftungen zu Halle:

Рукописный фрагмент: КАТНХ'НΣΙΣ / Си естъ Грѣческое слово, а по рѣски Име= / нѣ^т ся крѣтъянское Ученіе перечнемъ, / что чѣлку подобае^т прѣже всего учитиса / и вѣдати о спасѣни^и Души своѣй, / а печата^а в' Стоко^лне масте^р, Пе^те^р фа^н / Сѣлавъ. лѣта ѿ воплощенія Спса ѿшго / Їса Хр^{ста}. #ā ĭ ĭ ĭ • 1628•. 155 M 96 (3).

Старопечатные издания

Московская Библия 1663: *Библия*. Москва: Печатный двор. б. д.

Острожская Библия 1581/1988: *Библия сирѣчь книги Ветхаго и Новаго завѣта по языку словенску*. (Фототипическое переиздание текста с издания 1581 года осуществлено под наблюдением И. Д. Дергачевой по экземплярам Научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ). Москва: Издательство Московского университета.

Православное исповедание 1696: *Православное исповедание веры соборныя и апостольския църкве восточныя новопереведеса с еллиногреческого языка с достовернымъ свидѣтельствомъ [...]*. Москва. Современное издание оригинала о. Алексием Павловым: <https://www.riza1625.ru/archiv/isповедanie-pravoslavnoj-very-original-1696-goda/#> (дата обращения 26.01.2024).

Стокгольмский катехизис 1628: КАТНХНΣΙΣ си естъ грѣческое слово. А поруски іменуется. Крѣтъянское Оученіе перечне^и, что чѣлку подобае^т. прѣжевсего оучитиса

ивѣдати. о́спсеніи ѿши своей. А печаталь вѣстоколне мастеръ Петеръ фан Селавъ [...]. Stockholm.

Europäische Fama 1705: *Europäische Fama XXXV*.

Francke, August Hermann. [1698] 1703. “Anfang der Christlichen Lehre zum Gebrauch für die gantz Unwissende und unfähige vieles zu lernen.” In *August Hermann Franckes* [...] *Oeffentliches Zeugniß Von dem Dienste Gottes* [...]. Halle: Waisenhaus, 1–3.

Luther, Martin. 1529. *Der Kleine Catechismus. Fuer die gemeyne Pfarherr vnd Prediger*. Marburg: Rhode.

Литература

Бълокуровъ, Сергей А. и Александр Н. Зерцаловъ. 1907. *О нѣмецкихъ школахъ въ Москвѣ въ первой четверти XVIII в. (1701–1715 гг.)*. Документы московскихъ архивовъ, собранные С.А. Бълокуровымъ и А.Н. Зерцаловымъ, съ предисловіемъ С. А. Бълокурова. Москва: Изданіе Императорскаго общества исторіи и древностей російскихъ при Московскомъ университетѣ.

Болховитиновъ, о. Евгений. 1845. *Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ в Россіи*. Т. 1–2. Москва: Изданіе Москвитянина.

Брагоне, Мария Кристина. 2021. “Наблюдения о переводе «Малого катехизиса» М. Лютера Иоганном Вернером Паусом.” В *Альтернативные пути формирования русского литературного языка в конце XVII–первой трети XVIII веков. Вклад иностранных ученых и переводчиков*, ответственный редактор Светлана Менгель, 237–53. Москва: Издательский Дом ЯСК.

Даль, Владимир И. 1880. О нарѣчійхъ рускаго языка. По поводу опыта областного великорускаго словаря, изданнаго Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи наук. Статья В. И. Даля. Изъ V книжки «Вѣстника Императорскаго Рускаго Географическаго Общества» за 1852 г., съ небольшими поправками против перваго изданія. В *Толковый словарь живаго великорускаго языка*. Владимира Даля. Второе изданіе, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. I, III–LXXXV. Санкт-Петербургъ – Москва: Изданіе книготорговца-типографа М. О. Вольфа.

Даль, Владимир И. 1956. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Набрано и напечатано со втораго изданія 1880–1882 гг. Т. I–IV. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.

Менгел, Светлана. 2023. “О русских переводах из Халле и их издании. Новая интерпретация имеющихся исторических свидетельств и фактов.” *Palaeobulgarica / Старобългаристика* XLVII (3): 181–206. DOI: 10.59076/2603–2899.2023.11.

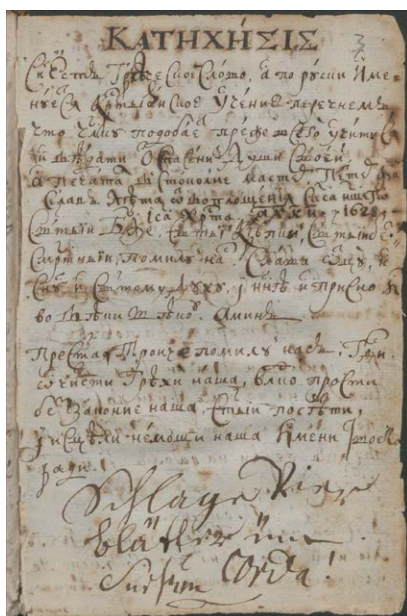
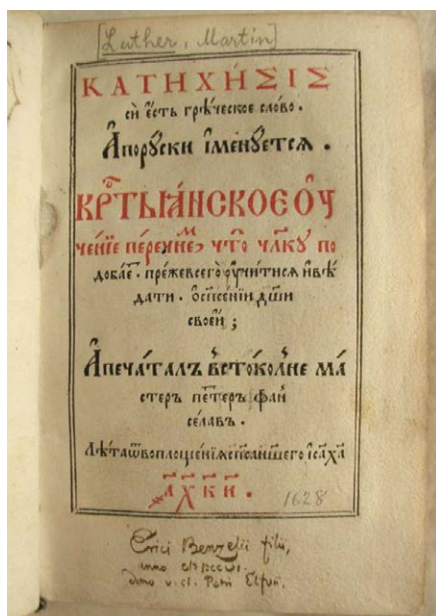
Менгель, Светлана. 2010. “Неизвестный вариант русского литературного языка до-домоносковского периода.” In *Forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij*, a cura di Sergio Bertolissi, e Roberta Salvatore, vol. 2: 43–68. Napoli: M. D’Auria Editore.

Менгель, Светлана. 2021. “Концепции русского литературного языка в грамматиках иностранных авторов в конце XVII – первой трети XVIII века.” В *Альтернативные пути формирования русского литературного языка в конце XVII–первой трети XVIII веков. Вклад иностранных ученых и переводчиков*, ответственный редактор Светлана Менгель, 126–95. Москва: Издательский Дом ЯСК.

Пекарский, Петр П. 1862. *Наука и литература в Россіи при Петре Великомъ*. Т. I. *Введеніе в исторію просвѣщенія в Россіи XVIII стол*. Т. II. *Описаніе славяно-русскихъ*

- книг и типографий 1698–1725 годов. Петербургъ: Издание Товарищества «Общественная польза».
- Пожарицкая, София К. 1997. *Русская диалектология*. Москва: Издательство Московского университета.
- Словарь говоров Русского Севера. 2005. Т. 3. Г–Ж. Ред. Александр К. Матвеев. Екатеринбург: Издательство Уральского университета: (<https://www.booksite.ru/fulltext/slov3/index.htm>, дата обращения 26.01.2024).
- Словник УА. Портал української мови та культури: <https://slovnyk.ua/index.php?swrd> (дата обращения 26.01.2024).
- Успенский, Борис А. 1987. *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*. München: Verlag Otto Sagner.
- Яцкевич, Людмила Г. 2021. *Словарь говора деревни Квасюнино*: https://vk.com/wall-194465348_1470 (запись от 01.10.2021, дата обращения 26.01.2024).
- Bērziņš, Ludvigs. 1935. *Ernsts Gliks. Darbe mūžs un mūža darbs*. Rīga: Latvijas Ev.-Lut. Baziņas Virsvalde.
- Bragone, Maria Cristina. 2024. “Русский перевод И.В. Пауса Малого Катехизиса М. Лютера и бытование этого перевода в России Петра I.” In Swetlana Mengel, Hrsg. *Катехизисы у славян в XVI–XVIII веках. Их рецепция, распространение, культуuroбразующее и просветительское значение*. Berlin: Frank & Timme Verlag für wissenschaftliche Literatur.
- Čyževskij, Dmytro. 1938. “Die «Russischen Drucke» der Hallenser Pietisten.” *Kyrios* (3): 56–74.
- Dietze, Johann. 1978. “A.H. Franckes «Anfang der christlichen Lehre» in russischer Übersetzung.” *Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Halle* (XXVII) G, 3: 79–94.
- Jensen, Alfred. 1912. “Die Anfänge der schwedischen Slavistik.” *Archiv für slavische Philologie* 33: 136–65.
- Keipert, Helmut, Uspenskij, Boris und Viktor Živov, Hg. 1994. *Johann Ernst Glück. Grammatik der russischen Sprache (1704)*. Köln: Böhlau.
- Ludolf, Heinrich Wilhelm. 1696, 1937/2002², 1959. *HENRICI WILHELMI LUDOLFI GRAMMATICA RUSSICA QUAE CONTINET Non tantum praecipua fundamenta RUSSICAE LINGVAE, Verum etiam Manuductionem quandam AD GRAMMATICAM SLAVONICAM. Additi sunt in forma dialogorum modi loquendi communiore, Germanice aequae ac Latine explicati, in gratiam eorum qui linguam Latinam ignorant. Una cum BREVI VOCABULARIO RERUM NATURALIUM. OXONII, E Theatro Sheldoniano, A.D. MDCXCVI. Or In Борис А. Ларин (изд.): Генрих Вильгельм Лудольф, *Русская грамматика, Оксфорд 1696*. Ленинград 1937; переиздание Санкт-Петербург 2002. Or In Boris Ottokar Unbegaun, Hrsg.: *Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica*. Oxford 1959.*
- Maier, Ingrid. 2024. “A Lutheran Catechism in Russian translation (Stockholm, 1628).” In Swetlana Mengel, Hrsg. *Катехизисы у славян в XVI–XVIII веках. Их рецепция, распространение, культуuroбразующее и просветительское значение*. Berlin: Frank & Timme Verlag für wissenschaftliche Literatur.
- Maier, Ingrid, and Heiko Droste. 2010. “Från Boris Godunov till Gustav II Adolf: översättaren Hans Flörich i tsarens och svenska kronans tjänst.” *Slovo. Journal of Slavic Languages and Literatures* 50: 47–66.
- Mengel, Swetlana. 2008. “Die erste russische Übersetzung aus Halle: ihr Autor und sein Sprachkonzept.” In Alicja Nagórko, Sonja Heyl, Elena Graf, Hrsg. *Sprache und Gesellschaft. Festschrift für W. Gladrow*, 499–510. Frankfurt am Main: Peter Lang.

- Mengel, Swetlana. 2010. “«Anmerckungen über die Rußischen Frag=stücken» — ein Dokument aus Halle und sein Autor.” In Christiane Schiller und Mara Grudule, Hrsg. „*Mach dich auf und werde licht – Celies nu, topi gaišs*“. *Zu Leben und Werk Ernst Glücks (1654–1705)*. Akten der Tagung anlässlich seines 300. Todestages vom 10. bis 13. Mai 2005 in Halle (Saale), 237–63. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Mengel, Swetlana. 2024. “Протестантские катехизисы на русском языке. Преемственность и особенности языковых концепций.” In Swetlana Mengel, Hrsg. *Катехизисы у славян в XVI–XVIII веках. Их рецепция, распространение, культуuroбразующее и просветительское значение*. Berlin: Frank & Timme Verlag für wissenschaftliche Literatur.
- Mengel, Swetlana, and Maria Cristina Bragone. 2023. “«... [I]mprimi sicut Nationi Russicae decori & utilitati foret...»: Роль просветительской деятельности немецких пиетистов в России начала XVIII века и их вклад в формирование русской профессиональной терминологии.” *Јужнословенски филолог* LXXIX, 2: 29–62. DOI: <https://doi.org/10.2298/JFI2302029M>.
- Pereswetoff-Morath, Alexander. 2010. “Isaak Torčakov och diakerna: kring den äldre svenska slavistikens historia.” *Slovo. Journal of Slavic Languages and Literatures* (51): 7–32.
- Sjöberg, Anders. 1975. “Первые печатные издания на русском языке в Швеции (Катехизис Лютера и «Alfabetum Rutenorum».)” In L’ubomír Ďurovič, Hrsg. *Очерки по раннему периоду славяноведения в Швеции*, 9–28. Lund: Slaviska institutionen vid Lunds universitet.
- Strods, Heinrihs. 1985. “Ernsta Glika literāriais darbs Moskavā (1703–1705 gadā).” *Karogs* 1: 150–58.
- Winter, Eduard. 1953. *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert*. Berlin: Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin.

Илл. 1 и 2. Титульный лист *Стокгольмского катехизиса* (1628): слева — печатный оригинал (Городская библиотека в Линчепинге [Linköping], Швеция); справа — рукописный фрагмент из Галле (Главная библиотека Фонда Франке [Hauptbibliothek der Franckeschen Stiftungen zu Halle], Германия).

Polski epizod w biografii Johanna Wenera Pausa

Maria Peisert

Abstract: *The Polish Episode in the Biography of Johann Werner Paus.* The research inspiration for this article is Johann Werner Paus' entry in his travel journal of his trip from Saxony to Russia in 1701. Paus wrote that he received from the organist in Kaunas *Volckmari 40 Dialogi lat.germ.et polonium* and briefly learned the pronunciation of Polish sounds with the help of this organist. This sentence marked the path of research in this article, which allowed to discover a broad political, religious and cultural context accompanying the creation of the originally Latin-Polish dialogues by Nicolaus Volckmar. But it wasn't his own concept. While creating *Viertzig Dialogi*, Volckmar modified earlier phrasebooks by other authors, also adding a Polish part to them. After his death, yet another version of the *Viertzig Dialogi* was created, with an additional Latin part, by the publisher of Volckmar's works. And it was this version, with the added Latin part, that was received by Johann Werner Paus on his way to Moscow. It was his first encounter with the Slavic languages, and probably the first step to extraordinary scientific achievements in Russia.

Keywords: *Viertzig Dialogi*, J. W. Paus, Volckmar, Reformation, Gdańsk, Russia, teaching foreign language

W badaniach historyczno-językowych wielokrotnie zdarza się napotkać takie tropy, które stają się inspiracją do poszukiwań ich źródeł i związanych z nimi kontekstów. I na taki właśnie ślad badawczy naprowadza nieco tajemnicze zdanie zapisane przez Johanna Wenera Pausa (1670–1735) w jego dzienniku podróżnym z Saksonii do Moskwy w roku 1701. Brzmi ono następująco: “[...] so daß ich nur etliche Stunden mich des Herrn Postmeisters und Herrn Organisten in Kauen Pronuntiation und Antwort bedienet. Dieser Organist, Herr Fabricius genant, schenkte mir zu solchem Ende *Volkmari 40 dial. lat. germ. et polon*” (Winter 1959, 267).

Wszystkie wydania *Viertzig Dialogi*, opracowane przez samego Volckmara — nawet po wprowadzonych przez późniejszych wydawców modyfikacjach — były niemieckojęzyczne. Tymczasem tu pojawia się część łacińska, co oznacza, że Herr Fabricius, organista z Kowna, podarował Pausowi wydanie sygnowane wprawdzie przez Volckmara, ale poszerzone o część łacińską. I właśnie zbadanie pochodzenia tej łacińsko-polsko-niemieckiej wersji będzie stanowiło przedmiot dalszych rozważań na tle historycznym, kulturowym i obyczajowym czasów, w których żyli i działali dwaj niezwykle ludzie: Johann Werner Paus i Mikołaj (Nicolaus) Volckmar (1573–1602).

Maria Peisert, University of Wrocław, Poland, mariawroc@gmail.com, 0009-0006-5120-4216

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Maria Peisert, *Polski epizod w biografii Johanna Wenera Pausa*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.08, in Swetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 55-70, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

Johann Werner Paus pochodził z Turynii, urodził się w Salzingen, w 1670 roku. Studiował na uniwersytecie w Jenie, potem teologię na Uniwersytecie w Wittenberdze i filozofię w Halle, gdzie w 1699 roku uzyskał stopień magistra filozofii. W Halle zetknął się Paus z nowym protestanckim nurtem religijnym, tzw. pietyzmem i jego głównym ideologiem, Augustem Hermanem Francke (1663–1727), który przekonał go do idei pietyzmu (Пеperтц 1902 ч. 1, 143–51; Bragone 2024, 355–59).

Ruch pietystyczny został zainicjowany przez Jakuba Filipa Spenera (1635–1705) i miał w zamierzeniu przeciwdziałać skutkom wojny trzydziestoletniej (1618–1648), która pozostawiła po sobie ogromne spustoszenia zarówno w sferze materialnej, jak i duchowej. Szacuje się, że w Rzeszy Niemieckiej zginęło ponad 30% ludności, z czego większość stanowiła ludność cywilna, która padła ofiarą grabieży, kolejnych epidemii i głodu. Szerzyła się demoralizacja. Rozchwianiu uległa także doktryna kościoła protestanckiego. Pietyzm był więc oddolnym ruchem ekumenicznym o charakterze odrodzeniowym, głoszącym powrót do nauk Marcina Lutra o powszechnym kapłaństwie wiernych, dążącym do odnowienia kościoła i jego misyjności na wzór pierwszych chrześcijan. Religijność pietystyczna odwoływała się do takich wartości jak studiowanie Biblii, udział w pobożnych zgromadzeniach religijnych, żarliwa, płynąca z serca modlitwa, odnowa moralna i powrót do jej rygorystycznej formy oraz działalność charytatywna niosąca pomoc materialną najuboższym warstwom społecznym i wspierająca ich edukację.

Dzieło Spenera, duchowego przywódcy niemieckiego pietyzmu, rozwijał w Halle August Herman Francke. Zakładał on szkoły, w których nowoczesne metody nauczania łączono z surową dyscypliną. Organizował również bezpłatne szkoły dla ubogiej młodzieży i seminaria nauczycielskie przygotowujące nauczycieli do pracy. Na Uniwersytecie w Lipsku założył Kolegium Miłośników Biblii.

Pietyści nie zdolali stworzyć jedności organizacyjnej, każdy ośrodek miał nieco odrębny charakter. Nie mogli również działać w obrębie oficjalnego kościoła protestanckiego, więc zakładali domowe grupy pietystyczne (pobożnościowe, Hauskreis), czyli tak zwane *Collegia Pietatis*. Pietystyczny styl pobożności spowodował rozkwit misji protestanckich, między innymi do Szwecji, Norwegii, Szwajcarii, Rosji, a także Polski¹.

To właśnie August Herman Francke i pietyzm z Halle uformował duchowo i przygotował Johanna Wenera Pausa do pracy misyjnej. W latach 1700–1701 został on wysłany do Szwecji jako emisariusz pietyzmu. Pełnił tam funkcję pobożnego kaznodziei i nauczyciela. Jego pierwsza misja nie zakończyła się jednak sukcesem. Został wydalony ze Szwecji za propagowanie pietyzmu i powrócił do Niemiec (Winter 1959, 265).

¹ W Polsce dużą rolę odegrał ośrodek pietystów, który powstał w roku 1709 w Księstwie Cieszyńskim. Funkcjonował on w obrębie wpływów monarchii habsburskiej i pod presją tradycyjnego kościoła luterańskiego, co znacznie utrudniało jego działalność. Jedną z głównych postaci tego ruchu był Jan Muthmann, autor pierwszej polskiej książki wydanej na Śląsku Cieszyńskim. Działalność i znaczenie misji pietystów na Śląsku Cieszyńskim najpełniej opracował (Matwijowski 1962).

W Halle otrzymał polecenie wyjazdu na następną misję do Essen lub do Moskwy. Wybór Essen byłby dla Pausa bardziej korzystny z powodów rodzinnych, natomiast Francke, który był w tym czasie szczególnie zainteresowany Rosją i założeniem tam szkoły, chciał go wysłać do Moskwy (Winter 1959, 265). Ostatecznie Paus udał się do Rosji, którą zaliczał do Orientu, sądził nawet, że może być mu tam pomocny język arabski, którego uczył się w Halle. W podróży, która trwała od sierpnia do grudnia 1701 prowadził rodzaj dziennika, w którym notował skrupulatnie swoje obserwacje, niepokoje, zasłyszane opowieści i zdarzenia, w których uczestniczył. Zapiski urywają się przy opisie trudności związanych z przekraczaniem granicy z Wilna do Smoleńska².

Podróż rozpoczął Paus od pobytu w Berlinie, skąd wyruszył do Gdańska. Dalszą drogę wybrał przez Królestwo Prus, którą uznał za bezpieczniejszą niż podróż przez Litwę, gdzie, jak go ostrzegano, mógł zaginąć bez śladu. W okolicach Insterburga (obecnie Черняховск, miasto w rosyjskim obwodzie kaliningradzkim) po raz pierwszy spotkał się z ludem litewskim. Zauważył — wszak był pietystą — powszechne ubóstwo, niewolnictwo i okrucieństwo w stosunku do służby domowej, nędzną egzystencję tamtejszych chłopów, którzy chodzili biednie ubrani i jedli prymitywne potrawy. Paus miał trudności w porozumiewaniu się z miejscową ludnością, ale w końcu spotkał polskiego szlachcica, który znał łacinę i z jego pomocą udało mu się dotrzeć do Kowna. Tam przebywał przez jakiś czas i zaczął się uczyć języka polskiego. W dzienniku podróży pod datą 6 grudnia 1701 Paus pisze wspomniane już słowa:

[...] so daß ich nur etliche Stunden mich des Herrn Postmeisters und Herrn Organisten in Kauen Pronuntiation und Antwort bedienen. Dieser Organist, Herr Fabricius genannt, schenkte mir zu solchem Ende *Volkmar* 40 *dial. lat. germ. et polon* (Winter 1959, 267).

Niestety, nie mamy żadnych dalszych informacji na temat nauczycieli Johanna Wernera Pausa. W tym czasie nauczyciele często pracowali jako organiści, precenarzy na nabożeństwach, dzwonnicy lub asystenci księdza podczas dużych uroczystości kościelnych, ponieważ dodatkowy dochód był czasami niezbędny do przetrwania (Budziak 2015, 63).

Egzemplarz łacińsko-niemiecko-polski *Dialogów*, który Paus otrzymał od Herr Fabriciusa, organisty w Kownie, miał dopisaną część łacińską, której we wcześniejszych wydaniach *40 Dialogów Volkmar* nie było (Glück und Schröder 2007, 31–2). Nie wiadomo również, w którym roku i gdzie dokładnie został wydany ów egzemplarz, który dostał Paus. Wiadomo jednak, że od roku 1641 ukazało się kilka edycji *Viertzig Dialogi* z dodaną częścią łacińską (Glück und Schröder 2007, 48–9). Wracając do pytania postawionego na początku, spróbujemy prześle-

² Granicę z Rosją zamknięto z powodu konfliktu ze Szwecją. Paus znalazł się w wyjątkowo niekorzystnym położeniu, ponieważ przebywał w Szwecji w latach 1700–1701. Uznano go na tej podstawie za szwedzkiego szpiega i aresztowano. Z więzienia został zwolniony po interwencji związanego z pietystami w Halle osobistego lekarza cara Piotra I — L. Blumentrosta — który poręczył za niego (Huterer 2001, 20).

dzić drogę, która doprowadzi nas do podarowanego Pausowi egzemplarza i jego pierwszego autora – Mikołaja (Nicolausa) Volckmara.

O Mikołaju Volckmarze, twórcy *Viertzig Dialogi*, wiadomo niewiele (Budziak 2015, 67–8). Nie udało się nawet ustalić dokładnej daty jego urodzenia. Przyjmuje się, że urodził się około roku 1566. Do Gdańska przybył około roku 1574. Prawdopodobnie pochodził z Hesji (Hessen), o czym świadczyć może niezbyt jasna informacja ich wydawcy, Balthasara Andrei, zawarta w przedmowie do pierwszego wydania *Viertzig Dialogi* o jego przybyciu z kraju związkowego Hesja (*der seiner Ankunft aus dem Lande Hessen bürtig*). Nie wiadomo, co Volckmar robił przed przyjazdem do Gdańska, dlaczego tam przyjechał, ani gdzie nauczył się tak dobrze współczesnej mu literackiej odmiany polszczyzny. Edmund Kizik w przedmowie do gdańskiej edycji *Dialogów* przypuszcza, że mógł on przybyć do Rzeczypospolitej około 1584 roku, w charakterze chłopca służącego — być może także do konwersacji — studiującemu w Niemczech polskiemu synowi szlachcikiem z Wielkopolski lub Prus Królewskich, co było wówczas częstą praktyką (Kizik 2005, XLII).

Przybycie Volckmara do Polski mogło mieć związek z czynnikiem wyznaniowym, ponieważ w tym czasie, jak to widać na przykładzie Pausa, protestanci niemieccy prowadzili działania misyjne i edukacyjne na terenie Europy, również w ówczesnej Rzeczypospolitej Volckmar mógł być związany z grupą niemiecko-polskich dysydentów, o czym, zdaniem E. Kizika, świadczyłoby na przykład to, że przetłumaczył dzieło polskiego kalwinisty, Grzegorza z Żarnowca, *Clypeus albo tarcz duchowna* [...], Wilno 1598, jako *Clypeus spiritualis e Polona lingua translatum a Nic. Volckmaro* (Kizik 2005, XLII). Możliwe więc, że Volckmar sympatyzył z protestanckim odłamek polskich kalwinistów.

Gdańsk w czasie kiedy Volckmar tu przybył, znajdował się w obrębie Prus Królewskich, prowincji przyłączonej na powrót do Polski w wyniku wojny trzynastoletniej (1454–1466). Prusy Królewskie, w tym Gdańsk, cieszyły się początkowo wielką autonomią, miały własny skarb, system monetarny i wojsko. Po ponownym przyłączeniu Gdańska do Rzeczypospolitej zacieśniały się między nimi więzi, może nie tyle polityczne, ile ekonomiczne. W XVI wieku Gdańsk był największym i jednym z najważniejszych miast w obrębie Rzeczypospolitej. Oficjalnym językiem urzędowym gdańskich instytucji, ale także miejscowych elit i średnich warstw mieszczaństwa, był język niemiecki. Równie ważną rolę pełnił język polski. Posługiwała się nim ludność skupiona wokół katolickich świątyń i grupy osiadłych na stałe przybyszy z innych stron Polski, jak również przybywający do miasta w interesach ludzie różnych stanów i zawodów.

Mikołaj Volckmar przybywa do Gdańska w okresie, kiedy jest ono już w zasadzie miastem protestanckim, w przeważającej części wyznania ewangelicko-augsburskiego. Poprzedziły ten stan burzliwe dziesięciolecia rywalizacji i walk, często krwawych, między religią katolicką a wyznawcami płynących z Niemiec, zapoczątkowanych przez Marcina Lutera, prądów reformacyjnych.

Ruchy reformacyjne dotarły do Gdańska już w pierwszych dziesięcioleciach XVI wieku i szybko upowszechniały się wśród mieszczaństwa, które w większości było niemieckie. Wśród propagatorów nowej doktryny byli początkowo także

duchowni katoliccy i zakonnicy. Wiadomości o nastrojach w Gdańsku docierały do Krakowa, gdzie rezydował król polski Zygmunt Stary. Obawiając się, że nowe prądy religijne i związane z nimi niepokoje społeczne mogą dotrzeć do Krakowa, wydał w roku 1520 edykt przeciw luteranom, który zabraniał sprowadzania z Niemiec pism luteranckich i rozpowszechniania ich. Nie zahamowało to jednak szerzenia się protestantyzmu, który nadal rozpowszechniali w Gdańsku nie tylko emisariusze wysyłani przez samego Marcina Lutera, ale także studium w Wittenberdze gdańszczanie. W tym czasie studiowało tam około 40 studentów z Gdańska i 100 z prowincji pruskiej. Dwa lata później król wydał więc drugi edykt, który przewidywał dużo ostrzejsze sankcje za szerzenie luteranizmu, między innymi konfiskatę majątku, a nawet karę śmierci (Matwijowski 1962).

Nastroje w Gdańsku bardzo szybko się radykalizowały. 21 stycznia 1525 roku w mieście doszło do gwałtownych rozruchów, nazywanych potem *tumultem gdańskim*. Tłum rebeliantów obalili zniechęcony miejski magistrat. Niszczono i profanowano świątynie katolickie, a szczególnie umieszczone w nich boczne ołtarze, rzeźby i obrazy. Dochodziło do rabunku klasztornego i kościelnego mienia. Już 24 stycznia 1525 roku nowe władze miejskie wydały tzw. *Artykuły* (*Artickelbrief*), które zatwierdzały luteranizm w Gdańsku. Zabraniały one odprawiania łacińskich nabożeństw i śpiewów, nakazując, by odbywały się wyłącznie po niemiecku. Zniesiono celibat. Doszło do kasaty katolickich klasztorów, a ich mienie przekazano na cele publiczne. Zlikwidowano posady proboszczów, wprowadzając w ich miejsce protestanckich kaznodziej, tak zwanych *predykantów*.

Nowe władze Gdańska wysłały list do polskiego króla, informując go o wprowadzonych zmianach i zapewniając go jednocześnie o lojalności i zgodzie na dalsze odprowadzanie należnego podatku. Król w tym czasie nie mógł interweniować osobiście, mimo prośb starych władz miasta, ponieważ przygotowywał się do wojny z Krzyżakami.

Sytuacja zmieniła się po zwycięstwie nad Zakonem Najświętszej Marii Panny Domu Niemieckiego. Między ostatnim wielkim mistrzem zakonu Albrechtem Hohenzollernem a Zygmuntem I Starym, królem Polski i wielkim księciem Litwy został zawarty traktat pokojowy. Jego symbolicznym aktem był hold lenny przywódcy państwa krzyżackiego złożony na krakowskim rynku polskiemu królowi 10 kwietnia 1525 roku. Powstało w ten sposób pierwsze na świecie państwo — Prusy Książęce — w którym dominującą religią był protestantyzm. Wielki Mistrz Albrecht Hohenzollern zrzucił zakonny płaszcz, przyjął luteranizm i stał się świeckim księciem (Matwijowski 1962).

Po sekularyzacji Prus Krzyżackich sytuacja Gdańska uległa zmianie. Król polski Zygmunt I Stary zażądał od władz miasta reaktywowania starego porządku publicznego i religijnego, co spowodowało, że w mieście przywrócono msze łacińskie. Najbardziej radykalnych krzewicieli idei protestanckich odsunięto od wpływów i możliwości ich głoszenia.

Sam król przybył z wojskiem do Gdańska 17 kwietnia 1526 roku i pozostał tam do 23 lipca tego roku, wprowadzając surowe zarządzenia. Bardzo ostro rozprawił się z przywódcami rebelii, skazując kilkunastu z nich na śmierć. Surowe kary spotkały duchownych katolickich, którzy złamali reguły kościelne. Król zarzą-

dził, aby zwolennicy reformacji opuścili miasto w 14 dni, a sprzyjający jej księża w ciągu 24 godzin. Nakazał zwrot kościelnego mienia oraz reaktywowanie klasztorów. Bractwa kupieckie i cechowe miały powrócić do sprawowania obrzędów według starego obrządku. Król zarządził także, aby w ciągu 6 dni usunąć książki, śpiewniki, wszystko to, co ma związek z luteranizmem. Przywrócono katolickie nabożeństwa łacińskie w całych Prusach Królewskich. Restytucję kościoła katolickiego w Gdańsku zatwierdziły ostatecznie wydane 20 lipca 1526 w imieniu króla tak zwane *Statuta Sigismundi*.

Ruch reformacyjny w Gdańsku jednak nie osłabł, jego dalszemu rozwojowi sprzyjało wiele czynników. Marcin Luter nadal utrzymywał z Gdańskiem ścisłe relacje, a jego emisariusze krzewili idee reformacyjne. Niedługo po odjeździe polskiego króla proces restauracji katolicyzmu został zatrzymany. Już trzy lata później zezwolono luteranom odprawiać nabożeństwa w prestiżowej Bazylice Mariackiej przy bocznym ołtarzu, a w roku 1573 luteranie przejęli całą Bazylikę, usuwając z niej nabożeństwa katolickie.

Dużą rolę w promowaniu idei reformacyjnych odgrywała powstała pierwsza w Gdańsku oficyna drukarska. Założył ją w 1538 roku Holender Franciszek (Franciscus) Rhode, a po jego śmierci przejął ją jego syn Jakub Rhode. Sprzyjająca protestantom była także sytuacja polityczna. W 1573 roku szlachta polska, aby uniknąć starć na tle religijnym w okresie bezkrólewia, uchwaliła *Akt konfederacji warszawskiej*, wprowadzający równouprawnienie innowierców z katolikami. Przywilej ten spowodował, że do Rzeczypospolitej napływało wielu innowierców, którzy wnosili cenny wkład w unowocześnianie kraju. Rzeczpospolitą nazywano jedynym europejskim "państwem bez stosów".

Gdańsk miał również opinię miasta, w którym panowała tolerancja religijna. Większość jego mieszkańców była luteranami wyznania ewangelicko-augsburskiego, które miało jednak dosyć hermetyczną formułę, niechętną nie tylko wobec katolików, ale także w stosunku do konkurencyjnych ruchów reformacyjnych. W 1567 roku Rada Miasta Gdańska odcięła się od idei, które głosił Jan Kalwin i Huldrych Zwingli, mimo że w mieście była duża grupa kalwinistów. Odsunięto ich również od zajmowania wyższych stanowisk w urzędach miejskich. Do Gdańska i w jego okolicy przybywało wielu dysydentów prześladowanych w swoich krajach, między innymi menonici z Holandii, nazywani Olędrami, hugenoci, dysydenci ze Szkocji i Żydzi. Nie oznaczało to jednak, że prawo miejskie pozwalało im zostać pełnoprawnymi obywatelami (Tazbir 1993).

Ekspansja protestantyzmu w Gdańsku była w tym czasie bardzo silna. Stopniowo ubywało w nim nie tylko wyznawców, ale i duchownych oraz zakonników katolickich. Miasto na powrót stawało się protestanckie, przejmując kolejne katolickie świątynie i wiernych. W 1555 roku w klasztorze franciszkańskim zostało już tylko pięciu zakonników, wobec tego gwardian zakonu przekazał zespół zabudowań klasztornych Radzie Miasta.

Przemiany religijne i społeczne zachodziły w Gdańsku tak szybko, że w tym samym, 1555 roku, Rada Miejska zakazała w mieście katolickich procesji. Doszło nawet do tego, że kiedy w roku 1587 królem Polski został przybyły ze Szwecji Zygmunt III Waza, władze miasta Gdańska odmówiły mu prawa do koronacji w Ko-

ściele Mariackim — przysięgę królewską składał w kościele Cystersów w Oliwie. Miasto w XVI wieku, mimo trwających konfliktów z Rzeczpospolitą, rozwijało się i bogaciło, stając się wieloetnicznym i wielokulturowym miastem, a także największym portem bałtyckim. Krzyżowały się tu liczne szlaki handlowe lądowe i morskie. Językiem oficjalnym był niemiecki, języka polskiego na poziomie gimnazjalnym uczono dopiero od roku 1589.

Nauczanie języka polskiego i niemieckiego w Gdańsku było zależne od zmieniającej się sytuacji i przynależności politycznej miasta. Najstarsze szkoły powstawały przy kościołach. W 1456 roku, po przyłączeniu Gdańska do Polski, w mieście było 6 parafii, przy których założono szkoły, co jak ten wiek jest liczbą dosyć wysoką. Szczególnie, że poza wymienionymi 6 szkołami łacińskimi, istniały założone wcześniej szkoły klasztorne. Najlepsza szkoła była przy kościele Panny Marii, o której wzmiankuje się już w roku 1350. Rektorami byli w niej nauczyciele z akademickim stopniem magistra. Uczono tu chóralnego śpiewu i niemal wyłącznie łaciny, która w owym czasie była międzynarodowym językiem w kościele, nauce i dyplomacji. Szkoły miały przygotować do studiów, a ponieważ języka niemieckiego w nich nie uczono, więc od roku 1526 zakładano szkoły z językiem niemieckim w programie nauczania.

W roku 1558 powstała w Gdańsku nowa szkoła zwana początkowo Partykularzem, później Gimnazjum Akademickim (Gymnasium Illustre, Gymnasium Academicum). To w nim Mikołaj Volckmar w roku 1584 zostaje nauczycielem łaciny w niższych klasach, a po pewnym czasie obejmuje obowiązki gimnazjalnego preceptora. Prywatnie uczy również języka polskiego i stara się o posadę kaznodziei w jednym z gdańskich kościołów, której jednak kilkakrotnie mu odmówiono. I tu znów wracamy do Volckmara i jego działalności w Gdańsku, mieście wciąż uznanym za niepokorne wobec władz polskich, ale aprobującym wielką potrzebę nauczania języka polskiego.

Na prośbę rodziców i Rady Miasta napisał Volckmar po łacinie gramatykę polską dla swoich uczniów zatytułowaną *Compendium linguae Polonicae in gratiam iuventutis Dantiscanae collectum a Nicolao Volkmaro*, którą wydał w 1594 roku w drukarni Jakuba Rhode (Budziak 2015, 68). Volckmar, przygotowując ją, zapewne znał i wzorował się na wydanej w 1586 roku w Krakowie pierwszej gramatyce języka polskiego *Polonica grammatices institutio* napisanej przez Piotra Statoriusa-Stojeńskiego (1530–1591)³. Podobnie jak Statorius-Stojeński, pró-

³ Piotr Statorius — Stojeński był Szwajcarem, urodzonym w Thonville w 1530 roku. Studiował w Lozannie i Genewie i to właśnie genewska gmina kalwińska przysłała go do Polski w roku 1556. Osiedl w Pińczowie, gdzie najpierw był nauczycielem, a potem rektorem gimnazjum dla młodzieży kalwińskiej, a od roku 1561 młodzieży ariańskiej. O jego gramatyce — podobnie jak o *Compendium* Volckmara — wypowiedziano w późniejszych wiekach wiele krytycznych opinii, co jednak nie odbiera im wysokiej pozycji i znaczenia w historii języka polskiego. Statorius-Stojeński czerpał materiał źródłowy do opisu struktury gramatycznej polszczyzny z utworów znamienitych polskich pisarzy — Jana Kochanowskiego i Mikołaja Reja, a także z mowy codziennej. Jego *Polonica grammatices institutio* stała się fundamentem do dalszych badań nad strukturą gramatyczną polszczyzny.

bował Volckmar dostosować opis gramatyczny języka polskiego do wzorca łacińskiego, co ze zrozumiałych względów prowadziło do wielu błędnych interpretacji i klasyfikacji. Na wstępie omówił sposób wymawiania polskich liter, popełniając przy tym wiele błędów wynikających z pomieszania głosek z literami. Wyróżnił na przykład aż cztery rodzaje spółgłoski «c»: *c, ċ, cz, ch*.

W deklinacji rzeczownika Volckmar wydzielił na przykład trzy paradygmaty rodzajowe i osiem przypadków, dodając *ablativus*, w którym umieścił formy nie przystające do klasyfikacji łacińskiej. W koniugacji polskich czasowników wprowadził aż sześć trybów (*indicativus, imperativus, optativus, potentialis, subiunctivus, infinitivus*) oraz pięć czasów (*praesens, perfectum, plusquamperfectum, futurum primum i futurum secundum*). Wydzielił też 30 rodzajów przysłówków (Klemesiewicz 1981, 412–14).

Gramatyka Volckmara była jedną z pierwszych prób opisanego struktury gramatycznej polszczyzny, jest więc zrozumiałe, że nie mogła być doskonała. W swoim czasie była jednak wielokrotnie wznawiana i cieszyła się dużą popularnością, a i współcześnie ma wysoką pozycję w historii języka polskiego.

W tym samym 1594 roku wychodzą staraniem Balthasara Andrei⁴ w drukarni Jakuba Rhode opracowane przez Volckmara rozmówki łacińsko-niemiecko-polskie zatytułowane *Colloquia quaedam puerilia latino-germanica Joachimi Camerarii et Joh. Ludovici Vivis. Adiecta est in gratiam juventutis Dantiscanae interpretatio Polonica Nicolao Volkmar* (Glück und Schröder 2007, 33–4).

Pierwsza ich część zawiera 32 dialogi oparte na popularnych podręcznikach Luisa Vivesa, *Exercitatio linguae latinae* (Basilea, 1538) i Joachima Camerariusza *Dialogus de vita decencie aetate puerilem, quodque hoc studium Deo placeat. Cum respondentibus figuris quibusdam Germanici et Latini sermonis, expositis aliquando* (Lipsiae, 1563), który dorobił do nich także część niemiecką (Glück und Schröder 2007, 33–4). Volckmar natomiast dodał do nich część polską, pomijając z oczywistych względów te dialogi, które u Vivesa odnoszą się do jego rodzinnego miasta, Walencji, lub do Bruggi, miejsca swojego osiedlenia.

Juan Luis Vives (1493–1540) zasługuje tu na szczególną uwagę. Był on hiszpańskim humanistą, pochodził z żydowskiej rodziny z Walencji (Valencia), która zmuszona została do konwersji na katolicyzm. Po studiach w Walencji wyjechał do Paryża na Sorbonę, następnie udał się do Anglii, gdzie między innymi był preceptorem Marii Tudor, a potem przez dwa lata wykładał retorykę i łacinę w Oksfordzie. Na stałe osiadł w Niderlandach. Vives był znany w kręgu polskich humanistów, a jego dzieła miały znaczący wpływ na kształtowanie renesansowej myśli i ówczesnego nauczania. Inspiracją do napisania dialogów był dla Vivesa *Colloquia Familiaria* Erazma z Rotterdamu, z którym był zaprzyjaźniony i które powstały w 1518 roku. Łacińskie dialogi Vivesa były bardzo popularne w Europie i miały wiele wydań, używano ich również w polskich szkołach luterańskich i ariańskich. W zamierzeniu miały uczyć języka żywego, gramatyki i leksyki dostosowanej do

⁴ Wydawca, znany także, jako Fontanus, Balthasar Andreas, Baltasar Kannegieser, Balthasarus Kannengieser Fontani, Balthasarus Kannengieser Andreas Franckenberger.

czasów współczesnych, opisywać obyczajowość i sytuacje komunikacyjne związane ze zdarzeniami współczesnego im życia codziennego. Rozmówcami w jego dialogach są osoby o różnym statusie społecznym, różnej płci i w różnym wieku, które spotykają się w domu, szkole, na ulicy czy na targu. Vives w pewien sposób unowocześnia łacinę, wprowadza na przykład neologizmy, aby dostosować ją do wymogów współczesnych mu czasów. Oprócz walorów dydaktycznych dialogi Vivesa są obrazem epoki, dokumentują życie codzienne i obyczaje szesnastowiecznej Europy (Partyka 2019, 126–9).

Colloquia wzorowane na Vivesie i Camerariusie wykorzystał Volckmar do opracowania swojego najbardziej znanego dzieła — czyli dialogów niemiecko-polskich. Opuszcza on mianowicie część łacińską, którą miały *Colloquia* i pozostawia tylko układ niemiecko-polski. Zmienia także tytuł nowego dzieła na *Viertzig Dialogi und nützliche Gespräch, von Allerley vorfallenden gemeinen Sachen* [...]. W nowej adaptacji wykorzystuje Volckmar wprawdzie strukturę i tematy dialogów Vivesa i Camerariusia, ale nadaje im charakter lokalny, opierając je na realiach życia w Gdańsku i związaną z nim tematykę, na przykład z żeglugą, handlem zbożem, czy rzemiosłem. Zachowuje nawet nazewnictwo gdańskich ulic i znanych obiektów. Volckmar nie naśladuje jednak codziennego języka niemieckiego i polskiego, jakim posługiwali się w rozmowach gdańszczanie, ale wprowadza do *Dialogów* ówczesną literacką odmianę polszczyzny i języka niemieckiego, co nie oznacza, że unika dialogów nieco bardziej kolokwialnych. Jest to przemyślana koncepcja, która sprawia, że *Dialogi* mogły liczyć na większą użyteczność, służąc do nauki tych języków w całym kraju.

Dialogi — jak wskazuje tytuł — składają się z 40 części, każda z innym tytułem. Niektóre z nich są krótkie, inne bardziej rozbudowane, bogatsze w treść komunikacyjną. Dialogi wykorzystują niemal wszystkie sytuacje komunikacyjne z życia codziennego, od zajęć domowych przez poranne wstawanie, przygotowywanie się do snu, przyrządzanie posiłków, zachowanie przy stole, czy wyprawę na targ. Część dialogów dotyczy zdarzeń o charakterze uroczystym, np. nabożeństwa, chrzciny, zaślubiny, czy uroczystości weselne. Kolejne związane są z ludzką egzystencją – cierpieniem, chorobami, umieraniem, a nawet pogrzebem. Ale znajdziemy wśród nich również scenki wesołe, żartobliwe, które uczniowie mogli prezentować jako krótkie formy teatralne.

W dialogach znajdują się różne akty mowy, np. powitania, pożegnania, prośby, groźby, przeprosiny. Bardzo interesująca jest etykieta językowa z zachowanymi starymi zwrotami honoryfikatywnymi, typu *panie ojcze, pani matko*. Czasem pojawia się *pluralis maiestaticus*, na przykład w formach odnoszących się do Boga lub do osób starszych. Dialogi są bardzo cennym źródłem badań dla historyków języka i badaczy szesnastowiecznych obyczajów.

Pierwsze cztery dialogi to krótkie rozmowy, od powitań i pozdrowień, poprzez rozmowy o liczbie i o czasie, do przyimków i ich połączeń wyrazowych. Kolejne dialogi dotyczą zachowania w konkretnych sytuacjach komunikacyjnych, np. *Gdy do szkoły idą, Gdy do kościoła idą, Jako rozmaite rzeczy kupić, O obiedzie albo biesiedzie, O pogodzie, Jako szatę dać zrobić, O przędziwie*. Autor przygotował też osobne lekcje dialogowe, np. *O praniu, O kupowaniu drew, O łaźni, O pożyczaniu i*

upominaniu się pieniędzy, O kupiectwie i o żeglowaniu, Jako zboża do Gdańska spuszczać, O państwie i czeladzi, O oraniu, sianiu i żniwie. Volckmar prezentuje dialogi, które towarzyszą różnym momentom ludzkiego życia, od radości po smutek, chorobę i śmierć, np. O weselu, O krzcinach, O umieraniu i O pogrzebie. Całość stanowi swoistego rodzaju kompozycję, pokazującą różne strategie, role i sytuacje komunikacyjne.

W roku 1596 wychodzi w Gdańsku następne dzieło opracowane przez Volckmara, a mianowicie trójjęzyczny słownik *Dictionarium trilinguae ad discendam linguam latinam, polonicam et germanicam accomodatum* (Glück und Schröder 2007, 29). Został on wydany jeszcze za życia jego autora. Po śmierci Volckmara wychodzi kilkakrotnie jego czterojęzyczna edycja, z dodaną częścią grecką przez znanego wydawcę prac Volckmara, podpisującego się jako Balthasaris Andreae Fontani. Nie w każdym wydaniu jednak pojawia się nazwisko Volckmara, jako autora ich części.

W międzyczasie Volckmar założył rodzinę, ale mimo intensywnej pracy, on i jego rodzina cierpieli niedostatek. Volckmar nie był wyjątkiem. Jak pisze Pniewski, nauczycieli “opłacano bardzo skąpo, zwłaszcza w XVI i XVII wieku, chociaż byli to ludzie wykształceni, najczęściej teologowie, czekający na posady kaznodziejów i plebanów. Nauczyciele gdańscy byli dosłownie nędzarami, tak pod względem materialnym, jako też społecznym. Nędza zmuszała ich do lekcji prywatnych lub innych zajęć ubocznych, dla ludzi nauki zupełnie nieodpowiednich, jak piwowarstwa, przekupnictwa” (Pniewski 1938, 159).

Ze względu na trudną sytuację materialną swoją i rodziny zwraca się Volckmar do Collegium Scholarcharum przy Radzie Miasta w Gdańsku z prośbą o zapomogę. W piśmie z dnia 1 lutego 1599⁵ skarży się na ciężką sytuację materialną swoją i swojej rodziny, mimo że od 15 lat (czyli około od 1584) ciężko pracuje w Gdańsku i poza nim w trudnym zawodzie nauczycielskim. Od pięciu lat, od kiedy jest nauczycielem gdańskiego Gimnazjum — pisze Volckmar — nie kupił sobie nawet odzienia, “Ich mit Wahrheit sagen kann, dass ich diese ganze fünf Jahr bei Diesem Dienst nicht ein einiges Kleidlein auff mein Leib gezeugt habe” (Kizik 2005, XXX).

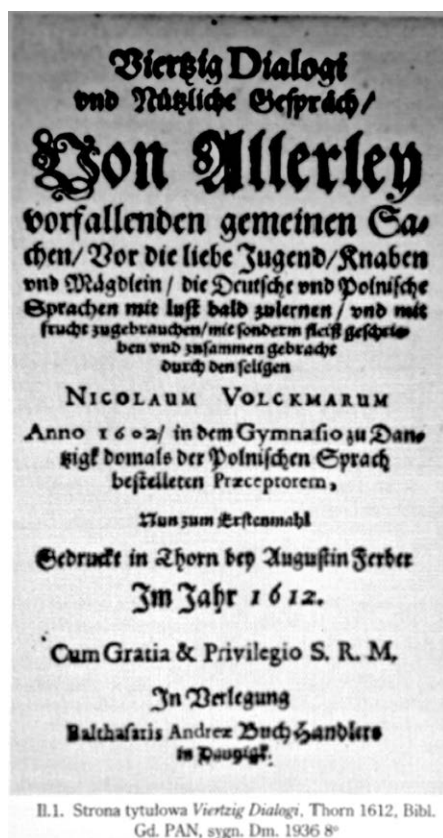
Pyta w tym piśmie rajców miejskich, jak w takich warunkach ma dbać o swoją bibliotekę. Rada miasta przyznała Volckmarowi zapomogę w wysokości półrocznej pensji nauczyciela. Dostał również w tym samym roku długą oczekiwaną posadę kaznodziei dla polskojęzycznych luteranów w kościele św. Anny w Gdańsku. Zrezygnował więc z pracy jako nauczyciel, aby skupić się na przygotowaniu rozmówek dla chłopców i dziewcząt uczących się polskiego (Kizik 2002, 43–7).

W czasie prac nad adaptacją *Colloquia quaedam puerilia latino-germanica* na niemiecko-polskie *Viertzig Dialogi*, albo tuż po jej ukończeniu, Volckmar umiera 10 listopada 1601 roku. Prawdopodobnie był ofiarą panującej wówczas dżumy, która w tym roku w Gdańsku zabrała około 17 000 ofiar.

⁵ Jest to jedna z niewielu pewnych dat w życiorysie Volckmara. Na jej podstawie i informacjach zawartych w piśmie, można w przybliżeniu odtworzyć inne daty z jego życiorysu.

Dalsze losy rękopisu przygotowywanych *Dialogów* nie są pewne. Wydawca prac Volckmara, Balthasar Andrea, twierdził, że ich rękopis został złożony w drukarni Jakuba Rhode, ale ten zmarł kilka miesięcy później. Rękopis odnalazł się po sześciu latach poszukiwań, a po następnych czterech wyszła w Toruniu w roku 1612 pierwsza dwujęzyczna, i poszerzona wersja *Kolokwiów* zatytułowana następująco:

Viertzig Dialogi und Nützliche Gespräch, Von Allerley vorfallenden gemeinen Sachen, Vor die liebe Jugend, Knaben und Mägdlein, die Deutsche und Polnische Sprachen mit Lust bald zulernen, und mit Frucht zugebrauchen, mit sonderm Fleiß geschrieben und zusammen gebracht durch den seligen Nicolaum Volckmarum Anno 1602, in dem Gymnasio zu Dantzick damals der Polnischen Sprach bestellten Praeceptorem, Nun zum Erstemahl Gedruckt in Thorn bei Augustin Ferber im Jahr 1612 cum Gratia & Privilegio S.R.M. In Verlegung Balthasaris Andreae Buchhandlers in Dantzick (Glück und Schröder 2007, 31).

Rys. 1. Strona tytułowa *Viertzig Dialogi*, Thorn 1612 (za: Nicolausa Volckmara *Viertzig Dialogi* 1612. Źródło do badań nad życiem codziennym w dawnym Gdańsku, wyd. Edmund Kizik, Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego WiM, 2005, s. IX).

Przedmowę do pierwszego wydania z roku 1612 Volckmar rozpoczyna następująco:

Wie sehr nötig und nützlich die Teutsche und Polnische Sprache sey beyde Kaufleuten und Handwerken Mann und Weibs Personen großen und kleinen sonderlich an diesen Örtern da beide Nationen gleichsam durcheinander gemengt sein und stets miteinander zuthun haben ist menniglichen besser bewusst als das es viel Beweisens bedürfte. Deswegen denn auch oft und vielmal nach solchen Büchern gefragt wird und noch täglich gefragt wird, welche in beyden Sprachen beschrieben, der jungen Kindern dieselbe zu lernen, kondten Anleitung geben. [Jak bardzo potrzebny i pożyteczny jest niemiecki i polski język kupcom i rzemieślnikom, mężczyznom i kobietom, dorosłym i małym, zwłaszcza w tych miejscowościach, gdzie obie narodowości są na równi wymieszane, jest wedle mnie dobrze wiadomo, iżby potrzeba było tego dowodzić, dlatego też często i wielokroć dopytywano się, a i dziś jeszcze się dopytuje o takie książki, które w obu językach napisane mogłyby dać małym dzieciom wskazówkę ich uczenia się] (Glück und Schröder 2007, 32).

Jak widać, Volckmar opierając się na swoich doświadczeniach dydaktycznych, doskonale zdawał sobie sprawę, jak bardzo potrzebne są dobre podręczniki w metodyce nauczania języków obcych i jak wielkie jest na nie zapotrzebowanie – nie tylko w Gdańsku. I rzeczywiście — *Viertzig Dialogi* cieszyły się wielką popularnością i osiągnęły ogromny sukces wydawniczy. Są różne dane, co do ilości ich wznowień. Wybitny znawca Volckmara, Edmund Kizik, autor wielu opracowań i wydawca zdigitalizowanej w roku 2005 wersji *Dialogów* odnalazł 22 wydania, w tym dziewiętnaście opublikowanych w XVII wieku. Najwięcej, bo aż trzynaście wydań było w Gdańsku, między innymi w latach: 1631, 1639, 1641, 1643, 1649, 1661, 1693, 1710, 1728, 1758. W Elblągu wyszły cztery edycje 1648, 1649, 1670 i 1663, dwa wydania we Wrocławiu 1669 i 1689, dwa w Toruniu 1612 i 1625 i jedno w Królewcu w roku 1625 (Kizik 2005, XIII–XIV).

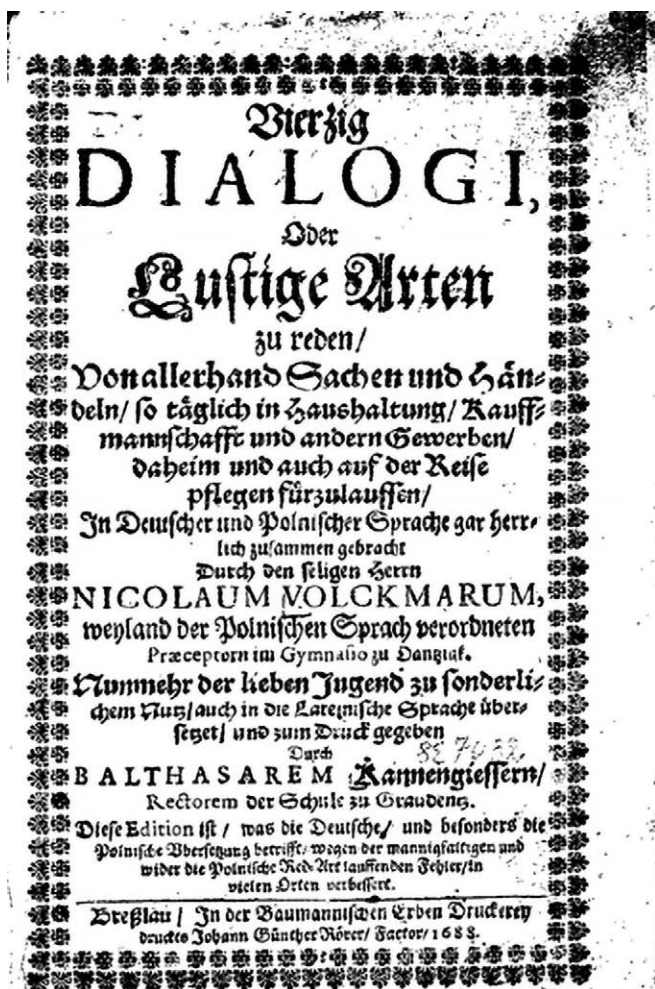
Kolejne edycje *Viertzig Dialogi* różnią się od pierwszej wariantami drugiej części tytułu. Z czasem zmianom ulegały też same dialogi. Niektóre z nich zostały wyeliminowane, inne poszerzone. Modernizowano leksykę, usuwając wyrazy przestarzałe. Unowocześniano także ortografię. Od 1641 niektóre wydania ukazywały się z dodaną częścią łacińską. Autorem części łacińskiej był wspomniany wcześniej Balthasar Kannengieser (Fontanus), rektor gimnazjum w Grudziądzu (Glück und Schröder 2007, 49). Jedną z takich właśnie edycji otrzymał od poczmistrza w Kownie Johann Werner Paus.

Wrocławska edycja z roku 1688 z dodaną częścią łacińską jest zatytułowana następująco:

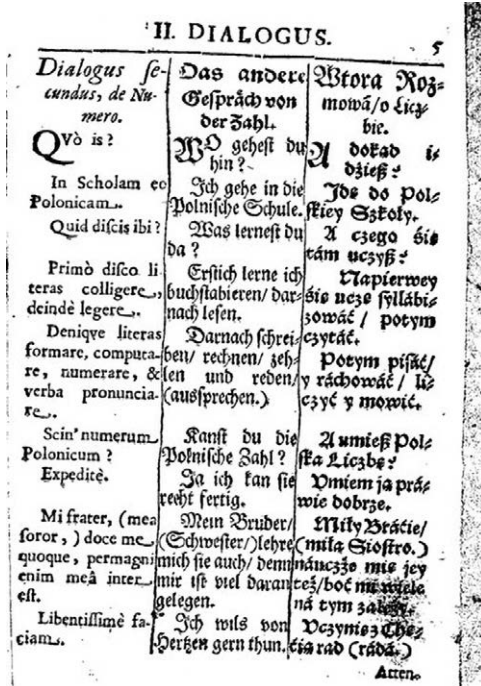
Vierzig Dialogi oder Lustige Arten zu reden, Von allerhand Sachen und Händeln, so täglich in Haushaltung, Kauffmannschafft und andern Gewerben, daheim und auch auf der Reisepflegen fürzulauffen, In Deutscher und Polnischer Sprache gar herrlich zusammen gebracht Durch den Seeligen Herrn Nicolaum Volckmarum, weyland der Polnischen Sprach verordneten Praeceptorum im

Gymnasio zu Dantzigk. Nunmehr der lieben Jugend zu Sonderlichem Nutz, auch in die Lateinische Sprache übersetzt, und zum Druck gegeben Durch Balthasarem Kannengiessern, Rectorem der Schule zu Graudentz Breßlau, In der Baumannischen Erben Druckerey druckts Johann Günther Rörer, Factor 1688 (Glück und Schröder 2007, 32).

Struktura dialogów w wydaniu trójjęzycznym jest inna niż w wydaniu niemiecko-polskim, w którym rozmówki ułożone były w dwóch kolumnach. W wersji trójjęzycznej Balthasara Kannengiesera (Fontanus), dialogi ułożone są w trzech kolumnach.

Rys. 2. Edycja niemiecko-lacińsko-polska, rok 1688, wyd. Balthasar Kannengieser (za: <https://www.bibliotekacyfrowa.pl/publication/85>, dostęp: 16.04.2023).

Rys. 3. A oto część drugiej rozmowy z trójjęzycznego wydania wrocławskiego z 1688 (za: <https://www.bibliotekacyfrowa.pl/publication/85>, dostęp: 16.04.2023).

Prawdopodobnie wydanie z częścią łacińską, które otrzymał Paus od Herr Fabriciusa w Kownie nie pochodziło z Wrocławia. Blżej Kowna był Elbląg lub Gdańsk, gdzie po roku 1641 także wyszło kilka edycji *Dialogów*.

Rys. 4. Strona tytułowa *Vierzig Dialogi* Mikolaja Volckmara, 1693 (za: <https://polona.pl/item/vierzig-dialogi-oder-lustige-arten-zu-reden-von-allerhand-sachen-und-handeln-so-taglich,NjkSODI3Ng/2/#info:metadata>, dostęp: 16.04.2023).

Vierzig Dialogi publikowane były na użytek powszechny, często jako szkolne podręczniki, więc wiele z nich uległo zniszczeniu.

I tu powracamy do Johanna Werner Pausa, który dał początek naszym rozważaniom. W Rosji Paus był znaną i wysoko cenioną postacią za wkład do rosyjskiej nauki i literatury. Był pedagogiem, uczył języka rosyjskiego, etyki, retoryki, polityki, filozofii, fizyki. Był tłumaczem i poetą (Перетц 1902 ч. 2, 104–47). W Polsce zna go zapewne bardzo wąskie grono specjalistów – jednak można z dużym prawdopodobieństwem powiedzieć, że to właśnie pierwsze lekcje języka polskiego w Kownie udzielone mu przez tamtejszego poczmistrza i подарowane 40 *Dialogów łacińsko-niemiecko-polskich* Mikołaja Volckmara, pomogły mu w szybkim nauczaniu się języka rosyjskiego, co podkreślają jego rosyjscy biografowie. Paus znał wiele języków, ale żaden z nich nie był słowiański.

Podarowane Pausowi dialogi przeszły długą drogę różnych adaptacji, poczynając od inspiracji Erazma z Rotterdamu, przez dialogi Vivesa, Camerariususa, dwie adaptacje Volckmara, aż do łacińsko-niemiecko-polskiej edycji, która trafiła do rąk Herr Fabriciusa. Do dziś *Vierzig Dialogi* cenione są wysoko także pod względem zastosowanej w nich metodologii uczenia języków obcych.

Jaki zatem obraz polskiego Gdańska, w którym Mikołaja Volkmar był tylko przejazdem, mógł powstać w wyobraźni Pausa na podstawie lektury *Viertzig Dialogi*.

Z zapisków w dzienniku podróży Pausa wyłania się dość ponury obraz wschodnich rubieży Rzeczypospolitej i jej mieszkańców – rubasznej szlachty spotykanej w karczmach i porażającej nędzy niższych warstw społecznych. W rozmówkach — wprost przeciwnie. Edmund Kizik, we Wstępie do wydania z 2005 roku, porównuje Gdańsk z rozmówek Volckmara do monumentalnego obrazu Isaaka den Blocka — *Alegoria Gdańska z 1608*, który znajduje się na stropie Sali Czerwonej Ratusza Głównego w Gdańsku (Kizik 2018, 1). Gdańsk przedstawiony na plafonie i w dialogach jest miastem bogatym i różnorodnym, opierającym swój byt na handlu, mądrej władzy i Opatrzności Bożej (napis: *Ista servat sub his alis / Ona chroni pod tymi skrzydłami*). To miasto pełne sprzeczności, ścierania się różnych nurtów religijnych i politycznych, miasto wielu narodowości, odmiennych kultur i języków, najbardziej międzynarodowe ze wszystkich miast Rzeczypospolitej, liczące się na tle innych miast europejskich. W takiej odsłonie kulturowej kraju, którą zobaczył przejazdem i tej zawartej w *Viertzig Dialogi* — mierzy się Paus z językiem polskim i polską rzeczywistością, tworząc obraz miasta i społeczeństwa.

Bibliografia

- Перетц, Владимир Н. 1902. *Историко-литературные исследования*. Т. 3: Из истории развития русской поэзии. Санкт-Петербург: Тип. Вайсберга и Гершунина.
- Babnis, Maria. 1992. *O ważności języka polskiego. Szkice z dziejów języka polskiego w Gdańsku*. Gdańsk: Zawrat.
- Baszanowski, Jan. 1995. *Przemiany demograficzne w Gdańsku w latach 1601–1846 w świetle tabel ruchu naturalnego*, Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.

- Bragone, Maria Cristina. 2024. "Перевод И.В. Пауса Малого Катехизиса М. Лютера и бытование этого перевода в России Петра I." In Swetlana Mengel, Hrsg. *Катехизисы у славян в XVI–XVIII веках*, 351–434. Berlin: Frank & Timme.
- Bues, Almut. 2000. "Rozmówki polsko-niemieckie jako przejaw wielokulturowości. Mikołaja Volckmara Czterdzieści dialogów lub zabawnych sztuk do mówienia." W *Stosunki polsko-niemieckie w XVI–XVIII wieku. Materiały konferencji naukowej Kielce–Szydłowiec, 19–21 października*, 37–65. Kielce: Wydawnictwo Akademii Świętokrzyskiej.
- Budziak, Renata. 2015. "Sprachlehrer im frühneuzeitlichen Polen. Herkunft, Qualifikation und soziale Lage." In Häberlein Mark, Hrsg. *Sprachmeister. Sozial- und Kulturgeschichte eines prekären Berufsstands*, 61–70. Bamberg: University of Bamberg Press.
- Glück, Helmut. 2023. "Die Fremdsprache Deutsch in den Schulen des Königreichs Polen in der Frühen Neuzeit und einige Beobachtungen in Nikolaus Volckmars Viertzig Dialogi (Danzig 1612)." In Harbig Anna Maria, Häberlein Mark, Hrsg. *Mehrsprachigkeit im Schulwesen der Frühen Neuzeit*, 53–66. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Glück, Helmut und Konrad Schröder. 2007. *Deutschlernen in den polnischen Ländern vom 15. Jahrhundert bis 1918. Eine teilkommentierte Bibliographie*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Huterer, Andrea. 2001. *Die Wortbildungslehre in der Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache (1705–1729) von Johann Werner Paus*. München: Verlag Otto Sagner.
- Kizik, Edmund. 2002. "Nauczanie języka polskiego w Gdańsku u schyłku XVI i w XVII wieku. Nicolausa Volckmara Virzig Dialogi und Nützliche Gespräch (1612)." W *Stosunki polsko-niemieckie w XVI–XVIII wieku. Materiały konferencji naukowej Kielce–Szydłowiec, 19–21 października 2000*, 125–33. Kielce: Wydawnictwo Akademii Świętokrzyskiej.
- Kizik, Edmund. 2005. *Nicolausa Volckmara Viertzig Dialogi 1612. Źródło do badań nad życiem codziennym w dawnym Gdańsku*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.
- Kizik, Edmund. 2018. "Gdańsk przełomu XVI i XVII wieku w rozmówkach Mikołaja Volckmara." W Edmund Kizik, ed. *Gdańskie rozmówki niemiecko-polskie z XVII wieku*, 10–14. Gdańsk: Instytut Kultury Miejskie.
- Klemensiewicz, Zenon. 1981. *Historia języka polskiego*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Matwijowski, Krystyn. 1962. "Z działalności pietystów w Księstwie Cieszyńskim." *Śląski Kwartalnik Historyczny „Sobótka”* 2: 165–89.
- Partyka, Joanna. 2019. *Różne języki, różne nacje, wspólna humanistyczna tradycja: spotkania kultur w siedemnastowiecznym Gdańsku*. Gdańsk: Nauka.
- Pniewski, Władysław. 1938. *Język polski w dawnych szkołach gdańskich. Monografie z dziejów Gdańska i stosunków polsko-gdańskich II*. Gdańsk: Towarzystwo Przyjaciół Nauki i Sztuki w Gdańsku.
- Tazbir, Janusz. 1993. *Reformacja w Polsce. Szkice o ludziach i doktrynie*. Warszawa: Książka i Wiedza.
- Winter, Eduard. 1954. *Die Pflege der west-und südslawischen Sprachen in Halle im 18. Jahrhundert*. Berlin: Akademie Verlag.
- Winter, Eduard. 1959. "Die Beschreibung der Reise aus Sachsen nach Moskau 1701–02 von J. W. Paus." *Zeitschrift für Slawistik*, 4, 1: 264–71.

A German Manuscript Grammar by Johann Werner Paus (1706)

Natalia V. Kareva, Evgeny G. Pivovarov

Аннотация: *Рукописная немецкая грамматика Иоанна Венера Пауса (1706)*. Петровское время характеризовалось быстрым усвоением западных ценностей и революционными изменениями в русской культуре, сохраняя при этом зависимость от традиций предшествующей эпохи. Рукописный учебник И.В. Пауса *Manuductio ad linguam Germanicam* (1706) является ярким примером синтеза двух культурных течений. Структуру и основные дефиниции Паус заимствовал у М. Смотрицкого. При этом некоторые кодификационные решения указывают на влияние немецких «универсальных» грамматик XVII века. Учебник Пауса позволяет представить, как в Московской гимназии обучали немецкому языку: преподавание велось на русском с использованием латинской (и изредка немецкой) терминологии.

Ключевые слова: Паус, грамматика, немецкий язык

The Petrine period has been conventionally assessed as both rapidly adopting Western values and revolutionary regarding the earlier Russian cultural tradition, although still reliant on it¹. The recruitment of foreign specialists, initiated by the first Romanovs, became more and more common. Initially, non-Russian military officers, merchants, craftsmen and physicians lived in a separate German Quarter, the Nemetskaya sloboda in Moscow. During and soon after his Grand Embassy of 1697–98, Peter I promoted two simultaneous measures. Hundreds of young Russians were sent to Germany, France, Italy, Holland and England to be educated, while an ever-expanding stream of Europeans was hired to come work in Russia. These were people of different backgrounds, education, experience and religious beliefs, and adapted differently to the unfamiliar environment. The Nemetskaya sloboda was not homogenous. Thus, rivalry between Protestant and Catholic schools in Moscow drove Halle Pietists' adherent Justus Samuel Scharschmid, pastor of a new Lutheran congregation, to seek out skilled teachers (Ковригина 1999, 307). In response to his summons, the well-educated scholar and preach-

¹ The authors express their gratitude to Marcus Charles Levitt, Professor Emeritus, University of Southern California, for editing the text and also to the colleague-reviewer for thoughtful reading of it.

Natalia V. Kareva, Russian Academy of Sciences, Russian Federation, natalia.kareva@gtiit.edu.cn, 0000-0001-6861-6512

Evgeny G. Pivovarov, Saint Petersburg Institute of History, Russian Federation, pivovaro@mail.ru, 0000-0001-8701-9684

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Natalia V. Kareva, Evgeny G. Pivovarov, *A German Manuscript Grammar by Johann Werner Paus (1706)*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.09, in Svetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 71-79, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

er, Johann Werner Paus, arrived to Russia in the winter of 1701–1702 (РГАДА. Ф. 150/1. Л. 160. № 1; about his journey see: Winter 1959).

The protocol of Paus' interrogation (published by Перетц 1902, 109–10, втр. паг.; Белокуров и Зерцалов 1907, 38–9) indicates that on January 10, 1702, “A foreigner from Saxony Jagan Werner [i.e., Paus] appeared at the Ambassadorial Office [Posol'skiy prikaz] [...] and during the questioning he said: he was born [...] in the city of Salz, in the Saxon land; he studied at school and, [working] in the appropriate disciplines he reached philosophy; and the highest authorities in the city of Halle conferred him the title of professor. And last year, pastor Sharsmith (Шарсмитъ) [sic] wrote from Moscow, from the German Quarter, to the head of their school, asking that he choose a professor, a learned person, and send [him] to Moscow. And in response to the pastor's letter, the head professor sent him, Jagan, to Moscow, and he, Jagan, came to Moscow [...] to teach Greek, Latin, German, and Hebrew languages in school [...]” The unnamed recommender was Paus' mentor, the outstanding Pietist August Hermann Francke (for his testimonial, see Перетц 1902, 110; Смагина 1998, 146).

In Moscow Paus began studying Russian, making extracts from the Gospel (НИОР БАН. Собр. иностр. рук. Q193). He taught at the New Lutheran Church school and then at Johann Ernst Glück's gymnasium. Its head and tutors were also Pietists (Ковригина, 1999, 318–19, 325). After Glück's death, Paus became the gymnasium's director. However, “a bright devotee of the ascetic trend” in Pietism, he was unable to find common ground with his less strict and austere colleagues and after endless quarrels had to leave the school (Winter 1953, 169–70; Winter 1958, 745; Смагина 1998, 147; Ковригина, 1999, 325–27).

By that time Paus had compiled a number of translated and original works, including: tonic verses (НИОР БАН. Собр. иностр. рук. Q 213. Л. 179);² a *History of Constantinople* — *История Царьградская* (Моисеева 1980, 36–39); Russian variants of pedagogical treatises by François Fénelon and Erasmus of Rotterdam (Брагоне 2012; Брагоне 2012); the Russian version of selected dialogs from *Selectiora quaedam colloquia latino-germanica* by Johann Georg Seybold (Брагоне 2021a, 201–36); a translation of Luther's *Small Catechism* (Брагоне 2021b, 237–53); and dictionaries (Михальчи 1963, 115–19). Paus probably collaborated with Glück in adapting John Amos Comenius's books (Перетц 1902, 159–61; Безрогов, Кошелева и Ромашина 2021, 130). In 1705 he also started working on a Slavonic-Russian grammar, which was presented to the Academy of Sciences two decades later (НИОР БАН, Осн. собр. Q 192/I; its publication: Keipert 2016)³. Various of his manuscripts concerning his tutoring and workaday activities, have found their way into archives in St. Petersburg and Moscow, such as school curricula (НИОР БАН. Собр. иностр. рук. Q 213); rules of conduct for gymnasium students and teachers (РГАДА. Ф. 364. Д. 109. Л. 63; Ковриги-

² For Paus's poetic experiments see (Берков 1935; Smith 1973; Берков 1981).

³ About this grammar, its sources, conception and terminology, see: (Живов и Кайперт 1996; Huterer 2001; Keipert 2003; Менгель 2021, 147–49; 165; 187–93 and passim).

на 1998, 325–26); and his diaries (СПбФ АРАН. Р. III. Оп. 1. № 167. Л. 12–17; Винтер 1959, 315). During this period, in 1706, Paus composed his German grammar — *Manuductio ad linguam Germanicam sive Teutonicam in commodum juventutis Slavono Rossicae studio. Zuführung zur Teutschen Sprache den Anfahenden zum Nützen. Приведение къ германскому языку в пользу начинающимъ* — *Introduction to the German Language for the Benefit of Beginners*.

Manuductio ad linguam Germanicam consists of notes and was preserved as part of a manuscript miscellany (НИОР БАН. Собр. иностр. рук. О 121) (Мурзанова, Боброва и Петров 1956, 208; Копанев et al. 1958, 263). Apart from the German grammar (Л. 1–38) the miscellany contains: (1) *Colloquia ex Ludolfi grammatica* — the Russian part of the dialogues from Heinrich Wilhelm Ludolf's textbook (Л. 47–61);⁴ Paus probably wanted to translate them to German. (2) *Delineamenta D-ni Praepositi Glukii, quae de Ruthenica grammatica duxit magno hinc inde hiatu* — the sections about verbs and syntax from Glück's grammar (Л. 90–122)⁵. (3) *Всякие беседы* — *All sorts of conversations*, a Russian-German thematic phrasebook⁶ (Л. 127–37, 152–56 об.). (4) *Gemeine Gespräche [...] in Veneroni Grammatic zu finden* — the German dialogues from Giovanni Veneroni's grammar (Л. 157–78 об.).⁷ (5) *Allersame Redens-Arten* — an anthology of German expressions used in various situations (Л. 178 об.–186 об.). In 1724, Paus was invited to join the Academy of Sciences in St. Petersburg. After his death, the scholar's extensive private library and manuscript collection — 220 items on history, philology, pedagogy, and manuals for the study of foreign languages, apparently including *Manuductio ad linguam Germanicam* — entered the Academy library (*Протоколы заседаний конференции императорской Академии наук*, 170–90).

These documents were written in one hand, although the ink was changed several times. Its total volume is 185 leaves in 8°. Some sheets are left blank. The text has attracted scholars' attention, primarily due to the fragment of Glück's grammar (Keipert, Uspenskij, Živov 1994, 13–6). Some information about Paus' German grammar may be found in V. N. Peretz, D. E. Mikhilchi and K. Koch's works (Перетц 1902, 163; Михальчи 1963, 113–14; Koch 2002, 213–14). However, until now the manual's linguistic conception and its terminology have not been analyzed. Yet Paus' notes broke new ground in trying to compile a foreign language grammar for Russian students in their native tongue.

Most of the manuscript is in Russian, using terminology dating back to Meletius Smotrytsky's "Grammar". Paus potentially worked with its 1648 Moscow edition, as Peretz points out that having arrived in the country he learnt Russian from this book (Перетц 1902, 151–52). In *Manuductio ad linguam Germanicam*

⁴ This fragment from Ludolf's *Grammatica Russica* (1696) is published in: Ларин 2002, 567–77.

⁵ This corresponded to Glück's grammar in the manuscript held at the State Historical Museum, Synodal Collection № 735; see (Keipert, Uspenskij, Živov 1994, 263–312).

⁶ According to G. Keipert, V. M. Zhivov and B. A. Uspensky, this was from Glück's *Grammatik der russischen Sprache*, although it is absent in the manuscript from the State Historical Museum (Keipert, Uspenskij, Živov 1994, 16).

⁷ Compare the dialogues in the 1728 edition of the grammar (Veneroni 1728, 269–306).

the author predominantly used Slavonic terms, but he also interspersed the text with Latin terms in transliteration and provided brief explanations in German. The manuscript indicates that he initially planned to organize a manual in question-answer form, but later abandoned this idea — see the crossed-out lines on leaf 3: «Какимъ образомъ немецкой языкъ учится? Оѣтъ. Прилѣжнымъ собраниемъ [...] Извѣстнымъ раздѣленіемъ реченіи или словесъ. Разумнымъ сочинениемъ ихъ». And further on the same leaf: «Сія реченія какая и коликогубая суть? [crossed out] Сѣтъ осмократная, иногда же нарицаются осмь части слова» (Л. 3).

The author distinguishes the following parts of speech in German: noun («имя»), pronoun («мѣстоименіе»), verb («глаголь»), participle («причастіе»), adverb («нарѣчіе»), preposition («прелогъ»), conjunction («союзъ»), interjection («междомеріе») (Л. 3). In the first part of his textbook (Л. 2 об.–19) he writes about nouns, pronouns and verbs, while articles are not considered as a separate category. At first, Paus suggests that “small words” should be regarded as adjectives: «Къ прилагательнымъ причисляются малая словца [...]». Later he struck out that phrase and just stated that the Germans, according to Greek custom, put «small words» before nouns. Such speech units are called articles: «Германцы по обычаю греческому представляютъ свои^и именамъ малая словца, которая и артикулы нарицаются *der, die, das, ein, eine, ein*» (Л. 3–3 об.). Our perspective suggests that Paus’s indecision on how to assign and label articles arises from their absence in Smotritsky’s “Grammar”, which provided no distinct recognition or terminology for them.

Following, obviously, Smotritsky’s *Grammar*, Paus defines the noun as the denotation of “a thing declining by cases without time [tense]”: «Что есть имя? [crossed out] Имя есть часть слова вещи нареченіе, падежми скланяющая безъ времени» — compare Smotritsky’s definition: «Имя есть часть слова вещи нареченіе падежми скланяющая, времени же дѣйство, или страданіе знаменующаго не имоущая» ([Смотрицкий] 1648, л. 76 об.). In German it is twofold — a substantive and adjective, «Сколикогубо есть имя? [crossed out] Имя есть сгубо, существителное якъ *der Himmel, der Mensch* и прилагательное якъ *himmlisch, menschlich*» (Л. 3). The scholar also distinguishes three types of noun declension — masculine (*der Mann мужъ*), feminine (*die Frau жена*) and neuter (*das Thier животное*), noting the different number of cases in German and Russian. He notes that German has only four cases. Vocative forms coincide with Nominative. The meanings of «Narrative» (i.e., Prepositional) and Instrumental are expressed by other cases with prepositions: «Немецкій толкъ чѣтыри падежи употребляетъ звателній бо тоиже есть Именителны^и, Сказателній же, и творителны^и иными падежми со предлогомъ глѣтся. Якъ *рѣкою mit der Hand, перомъ mit der Feder. ѡ Бзъ von Gott*» (Л. 4 об.).

Listing productive suffixes, Paus differentiates between primitive («первообразная»: *Gott богъ, Feuer огонь*) and derivative («производная»: *gottlig бжїи, feurig огненный^и*) words. The latter includes diminutives («умалительная» *Buchlein или Buchelgen книжица*) (Л. 8 об.). Depending upon their derivational complexity, words can be simple or compound: «Реченіе есть по начертанію простое, якъ

Engel аггль *gerecht* праве^{дны} [...] или сложное, якъ *Ertz Engel* архггль *ungerecht* неправ^{дны}» (Л. 9). Subsequently three degrees of comparison of adjectives are described: positive («положительны»), comparative («разсудительны») and superlative («превосходительны»): «По ꙗкоу степенемъ ѡравниются сиречь ѡмножаются и ѡмнѣшаются по знаменованію» (Л. 9). Pronouns are regarded as an inflected part of the speech, used in place of nouns: «Мѣстоименіе глѣтся, понеже въ мѣсто имени пріемлемое, есть часть слова скланяемая» (Л. 9 об.) — compare Smotrytsky's definition: «Мѣстоименіе, есть часть слова скланяемая, въ мѣсто имени пріемлемое» ([Смотрицкий] 1648, л. 154). Subsequently, German pronouns with Russian translation and declension are presented.

A large portion of the text is devoted to the verb. Again, following Smotrytsky, Paus defines it as an inflected part of speech which signifies action, suffering or something similar, and indicating tense: «Глаголь есть часть слова скланяемая дѣйство или страсть или срѣное что со временемъ знаменѹющая» (Л. 10) — compare: «Глаголь есть часть слова скланяемая со различными наклоненіи и времени дѣйство, или страсть, или среднее что знаменѹющая» ([Смотрицкий] 1648, л. 180). Personal («личны»), impersonal («беличны») and irregular («стропотны») verbs are singled out: «а. личны, иже вся три лица имѣеть. *Ich liebe, du liebest, er liebet, люблю, любишь, любитъ*. б. беличны, иже парваго и втораго лица лишается, якъ *подобаетъ es gebührt sich, man soll. ѡбнотствѣтъ es steht wohl*. г. стропотны, иже не по правилѹ, якъ есмь *ich bin, ich will*» (Л. 10). Three voices are marked — active, passive and «middle» (i.e., mediopassive) — and four moods — indicative, imperative, subjunctive and infinitive: «а. Изъявительное, имже что иъявляемъ. б. Повелительное, имже что повелѣваемъ или заказываемъ. г. Сослагательное или починительное. д. Не въпредѣленное, еже чи҃ло и лица не имѣеть» (Л. 10).

Five tenses are introduced: present («настоящее»), future («будущее») and three different variations of past — imperfect («преходящее»), perfect («прешешее») and past perfect («мимошешее»): «Сѹтъ же пять времена, коемѹждо свое знаменіе. а. настоящее якъ *люблю ich liebe*. б. проходящее *любилъ ich liebte* [on the margins — «знамя *te*»]. г. прешешее *любилъ ich habe geliebet* [on the margins — «знамя *ich habe*»]. д. мимошешее *любилъ ich hatte geliebet*. е. Будущее *волюблю ich werde lieben*» (Л. 10). The semantic and aspectual differences between past tenses are clarified: «Преходящее, прешешее и мимошешее знаменуютъ прошлое время: преходящее есть несовершеннѹ прошлое, прешешее есть совершеннѹ прошлое, мимошешее же есть болшѹ нежели совершеннѹ прошлое время. Якъ *творишь ich thäte, творяшь ich habe gethan, творяхъ ich hatte gethan*» (Л. 10). Paus added auxiliary verb conjugation tables and lists of verbs that have a changing root vowel. The first part ends by noting that participles should be treated separately — «въ причастіи не нѹжно естъ дѣлѣ писати [...] въ нарѣчій, предлозѣ, и союзѣ въ низу зри, въ свнтазій» (Л. 19); in the section on syntax (see below), they are described together with adverbs, prepositions and conjunctions.

The second part (Л. 19 об.–38) contains rules ordering sentence structure. Paus paid attention to the different usage of verbs, pronouns and cases in German

and Russian. This section may be considered as an original attempt to compare the two languages. Here, transliterated Latin terms along with Russian equivalents are often used: «Немецкїи Адїктивѣ [above «прилагателная»] представляють сѣбѣ субстантивами [crossed out, written above «существительнымъ»], прономина же [crossed out, written above «также и прилагателная»] *mein, dein, sein, unser, euer* никогда набыкають после становится» (Л. 19 об.); «Глаголь *es* *ich bin, esu du bist, er ist, wir sind* по немецки приснѣ употребляется, хотя по руски нѣтъ»; «Въ вопросахъ персона по немецки по глѣ ставится, аще же вопросъ нѣсть представится» (Л. 20); «Сверхъ тогѣ общи вопросы вѣнмати надобнѣ. Якъ вѣ притяженіи вѣвѣщають имѣнителномъ или дателномъ *Wem ist dieß Buch? Чья есть сия книга. Antwort, вѣвѣтъ Mein мой, dem Herrn, Гдинѣ*» (Л. 21 об.); «Вѣмѣстоименія *себя, себѣ, свои, свое* и пр. по немецки не употребляютъ толкъ у третья пресоны [...] Сѣ первымъ и вторымъ лицемъ никогда составляются» (Л. 22 об.); «Нарѣчіе *nicht* ни часто после ставится или послѣднѣ, хотя по руски вѣ началѣ есть» (Л. 24 об.); «Глаголь *es*, *es*, *es*, всегда при себѣ именителныи желаетъ»; «Въ мѣсто рѣчи *У меня, У тебя* есть по немецки глѣтся *имѣю ich habe*»; «Во ѣподобленіи или раѣсѣжденіи немецкїи всегда употребляеть *als* [between the lines — или *den*]» (Л. 29 об.).

In addition to syntax, the second section deals with participles, adverbs, prepositions and conjunctions. According to Paus, German participles, being either present or past active, passive, or «middle» (i.e., mediopassive), received their name from the fact that, like nouns, they have declension and gender and, like verbs, change in tenses and moods: «Причастія германяни поставляютъ два, едино дѣйствительное настоящего времени, якъ *liebend, hörend* [...] а другое дѣйствительное, или страдателное или среѣное проша: вре: якъ *geliebet, gehöret* [...] Причастіе зовутъ, для того что часть пріемлютъ ѣ имене, сиречь склоненіе и роѣ и ѣ гла время» (Л. 36 об.).

The adverb is defined as an indeclinable part of speech, linked to an adjective or verb: «часть слова нескланяемая имени прилагат: или глѣ прилагаемая» (Л. 27 об.). It denotes place, time, number, quality and quantity, comparison, as well as other things («прочая сѣтъ раѣличная»). In this last category particles and modal words such as «*nicht, es* *wenn, во истинѣ Wahrhaftig*» (Л. 29) etc. are included.

Prepositions, including prefixes, are characterized as the sixth part of speech, connected to nouns and verbs: «Преѣлогъ есть шестая часть слова, именамъ и гламъ преѣлагаемая» (Л. 36). They may be separate from nouns and verbs (Paus calls them «свойственная», «сочинителіе» or «вѣлучителная») or attached to them («не сочинителіе» or «не вѣлучителная») (Л. 35 об., 36). Russian terms are accompanied by German analogues — «*absonderliche*» и «*unabsonderliche*» [Vorwörter] (Л. 35 об.), derived, apparently, from Johann Bödiker's grammar (Bödiker 1690, 372, 447). The author indicates the existence of compound prepositions and adds that different prepositions «attract» («притяжаютъ») different cases (Л. 36). A small section, containing examples of usage, is devoted to conjunctions (Л. 29, 35–35 об.). The section on interjections is missing. Blank sheets imply that the grammar was not finished.

Manuductio ad linguam Germanicam cannot be considered as a textbook in the full sense of the word. However, these notes allow us to reconstruct how German was taught at the Moscow gymnasium. Paus spoke Russian, often resorting to Latin terminology and occasionally to the German. He borrowed the basic terms and definitions from Smotrytsky, while his decision to consider names, pronouns and verbs in the first part and the remaining parts of speech in the second indicates an orientation on German “universal” grammars of the seventeenth century that he was familiar with⁸. Christoph Helvig and Bödiker, for example, also contrast the main and secondary parts of speech (Карева и Кузнецова 2021, 550–51).

Such a combination of Church Slavonic and European elements became a characteristic feature of many early eighteenth-century bilingual manuals. Thus, in the Russian part of the German textbook compiled by Martin Schwanwitz and published by the St. Petersburg Academy of Sciences in 1730 (Карева и Пивоваров 2020, 485–86), the author used transliterated Latin terms with the Russian equivalents given in brackets. Schwanwitz’s use of several linguistic systems at once may have followed the practice used in his colleague’s notes.

Sources

- Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук. Основное собрание (НИОР БАН, Осн. собр.).
 Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук. Собрание иностранных рукописей (НИОР БАН. Собр. иностр. рук.)
 Российский Государственный Архив Древних Актов (РГАДА).
 Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии Наук (СПбФ АРАН).

Literature

- Безрогов, Виталий, Кошелева, Ольга, и Екатерина Ромашина. “«Свет видимый»: Лейденская рукопись среди русских переводов *Orbis Pictus*.” *Slověne* 10, 2: 124–162. DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.2.6
 Белокуров, Сергей и Александр Зерцалов. 1907. *О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. (1701–1715 гг.): документы московских архивов*. Москва: издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете.
 Берков, Павел. 1935. “Из истории русской поэзии первой трети XVIII в. (к проблеме тонического стиха).” В *XVIII век*. Сб. I, отв. ред. Александр С. Орлов, 61–81. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР.
 Берков, Павел. 1981. “Немецкая литература в России в XVIII веке.” В Берков, Павел. *Проблемы исторического развития литературы. Статьи*, 256–98. Ленинград: Художественная литература, Ленинградское отделение.

⁸ Paus’ later grammar *Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache* includes references to Helvig’s *Sprachkünste* (1619) (Huterer 2001, 74, 106, 211, 280). Individual terms used in *Manuductio ad linguam Germanicam* show dependence on Bödiker’s *Gründ-Sätze der Deutschen Sprachen* (1690).

- Брагоне, Мария Кристина. 2012. “Фенелон в России. К истории трактата *De l'éducation des filles*.” В *Век просвещения. Вып. IV: Античное наследие в европейской культуре XVIII века*, отв. ред. Сергей Я. Карп, сост. Галина А. Космолинская, 295–306. Москва: Наука.
- Брагоне, Мария Кристина. 2021a. “Перевод сочинения И. Г. Сейбольда «*Selectiora quaedam colloquia latino-germanica*» Иоганном Вернером Паусом.” В *Альтернативные пути формирования русского литературного языка в конце XVII–первой трети XVIII века. Вклад иностранных ученых и переводчиков*, ответственный редактор Светлана Менгель, 201–36. Москва: Издательский дом ЯСК.
- Брагоне, Мария Кристина. 2021b. “Наблюдения о переводе «Малого катехизиса» М. Лютера Иоганном Вернером Паусом.” В *Альтернативные пути формирования русского литературного языка в конце XVII–первой трети XVIII века. Вклад иностранных ученых и переводчиков*, ответственный редактор Светлана Менгель, 237–53. Москва: Издательский дом ЯСК.
- Винтер, Эдуард. 1959. “И. В. Паус о своей деятельности в качестве филолога и историка (1732).” В *XVIII век*. Сб. 4, ред. Павел Н. Берков, 313–22. Москва-Ленинград: Наука.
- Живов, Виктор и Гельмут Кайперт. 1996. “О месте грамматики И.-В. Пауса в развитии русской грамматической традиции: интерпретация отношений русского и церковнославянского.” *Вопросы языкознания* 6: 3–30.
- Карева, Наталия и Наталья Кузнецова. 2021. “Главные и служебные части речи в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова.” *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 25, 1: 541–62. DOI: 10.30842/ielcp230690152533.
- Карева, Наталия и Евгений Пивоваров. 2020. “«Немецкая грамматика» М. Шванвица (1730): исторический контекст, предшествующая традиция, современная рецепция.” *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, 16, 2: 479–508. DOI: 10.30842/alp2306573716217.
- Ковригина, Вера. 1998. *Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII–первой четверти XVIII вв.* Москва: Археографический центр.
- Копанев, Александр И., Петров, Владимир А., Мурзанова, Мария Н., Покровская, Вера Ф., Боброва, Елизавета И., Ганстрем, Евгения Э. и Маргарита В. Кукушкина. 1958. *Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук*. Вып. II: XIX–XX века. Москва–Ленинград: Издательство АН СССР.
- Ларин, Борис. 2002. *Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII вв.* Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского Государственного Университета.
- Менгель, Светлана. 2021. “Концепции русского литературного языка в грамматиках иностранных авторов в конце XVII–первой трети XVIII века.” В *Альтернативные пути формирования русского литературного языка в конце XVII–первой трети XVIII века. Вклад иностранных ученых и переводчиков*, ответственный редактор Светлана Менгель, 126–96. Москва: Издательский дом ЯСК.
- Михальчи, Дмитрий. 1963. “Из рукописей И. В. Паузе.” В *Лингвистическое источниковедение*, редактор Сергей И. Котков, 112–20. Москва: Наука.
- Моисеева, Галина. 1980. *Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века*. Ленинград: Наука.
- Мурзанова, Мария Н., Боброва, Елизавета И. и Владимир А. Петров. 1956. *Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук*. Вып. 1: XVIII век. Москва–Ленинград: Наука.

- Перетц, Владимир. 1902. *Историко-литературные исследования и материалы*. Т. 3: *Из истории русской поэзии XVIII в.* Санкт-Петербург: типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина.
- Протоколы заседаний конференции императорской Академии наук с 1725 по 1803 г.* Т. 1. 1897. Санкт-Петербург: типография Императорской Академии наук.
- Смагина, Галина. 1998. "Немцы-учителя и строители учебных заведений Петербурга в XVIII в." *В Немцы в России: люди и судьбы, 145-154*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- [Смотрицкий, Мелетий]. 1648. *Грамматика*. Москва: Печатный двор.
- Bödiker, Johann. 1690. *Grund-Sätze der Deutschen Sprachen im Reden und Schreiben. Samt einem Bericht vom rechten Gebrauch der Vorwörter. Der studierenden Jugend und allen Deutschliebenden zum Besten vorgestellt von Johanne Bödikero, P. Gymn. Svevo-Colon. Rectore*. Cölln an der Spree: Druckts Ulrich Liebert.
- Bragone, Maria Cristina. 2012. "В лаборатории И. В. Пауса – переводчика: черновой и белой варианты его перевода трактата Эразма Роттердамского." In *Schnittpunkt Slavistik: Ost und West im wissenschaftlichen Dialog. Festgabe für Helmut Keipert zum 70 Geburtstag*, edited by Irina Podtergera, Vol. 2, 11–30. Bonn–Göttingen: Bonn University Press.
- Glück, Helmut. 2013. *Die Fremdsprache Deutsch im Zeitalter der Aufklärung, der Klassik und der Romantik*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Huterer, Andrea. 2001. *Die Wortbildungslehre in der Anweisung zur Erlernung der Slawonisch-Rußischen Sprache (1705–1729) von Johann Werner Paus*. München: Verlag Otto Sagner.
- Keipert, Helmut, Uspenskij, Boris A., and Viktor M. Živov. 1994. *Johann Ernst Glück. Grammatik der russischen Sprache (1704)*. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag.
- Keipert, Helmut. 2003. "J. W. Paus und die russische Grammatikographie vor Lomonosov." *Zeitschrift für Slawistik* 48, 3: 292–303. <https://doi.org/10.1524/slav.2003.48.3.292>.
- Keipert, Helmut. 2016. *J. W. Paus. Anweisung zur Erlernung der Slavonisch–Russischen Sprache. Transkript des Autographs der Akademiebibliothek St. Petersburg*. Bearbeitet von Andrea Huterer. Schlussredaktion von Helmut Keipert. Als Manuskript ausgedruckt für Deutsche Forschungsgemeinschaft (Bonn), Biblioteka Akademii nauk, Otdel rukopisej (S.-Peterburg) und Archiv der Franckeschen Stiftungen (Halle/S.). Bonn.
- Koch, Kristine. 2002. *Deutsch als Fremdsprache im Russland des 18. Jahrhunderts*. Berlin–New York: Walter de Gruyter, 2002.
- Smith, Gerald Stanton. 1973. "The contribution of Glück and Paus to the development of Russian versification: The evidence of Rhyme and Stanza forms." *Slavonic and East European Review* 51, 122: 22–35.
- Veneroni, Giovanni. 1728. *Herrn von Veneroni Italiänisch-Französisch und Teutsche Grammatica oder Sprach=Meister*. Frankfurt und Leipzig: Chez J. B. Andrea et H. Hort.
- Winter, Eduard. 1953. *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert*. Berlin: Akademie-Verlag.
- Winter, Eduard. 1958. "Ein Bericht von Johann Werner Paus aus dem Jahre 1732 über seine Tätigkeit auf dem Gebiete der russischen Sprache, der Literatur und der Geschichte Rußlands." *Zeitschrift für Slawistik* 3, 1–5: 752–78.
- Winter, Eduard. 1959. "«Die Beschreibung der Reise aus Sachsen nach Moskau 1701–02» von J. W. Paus." *Zeitschrift für Slawistik* 4, 1: 264–71.

Die erste für Russen gedruckte Deutsch-Grammatik (1713) und deren geographische *Nomina propria* aus Preußen¹

Helmut Keipert

Abstract: *The First German Grammar printed for Russians (Berlin, 1713) and its Geographical Names from Prussia.* Identifying some unexpected in the text geographical names from Prussia, the article discusses the possibility that the pseudonymous *Deutsche Grammatica* printed in Berlin explicitly for Russian students could have been compiled by the Huguenot *professor linguae Gallicae* and geographer Isaac Briand (1664–1747), who had been called to Berlin from Königsberg (Prussia) in 1705 and later on was head of his own privileged by the king, but short-lived military academy for nobles.

Keywords: Russians in Berlin, German grammar, Prussian geographical names, foreign-language learning, Charmyntes, J. L. Frisch, I. Briand, J. Bödiker, K. Stieler, J. R. des Pepliers, M. Schwanwitz.

1. Die 1713 unter dem Pseudonym Charmyntes und nach Ausweis ihres Titelblatts «Der in Deutschland Studirenden Rußischen Nation zum besten» vermutlich in Berlin gedruckte «Deutsche GRAMMATICA, Aus Unterschiedenen Autoribus zusammen gebracht» ist ein Kuriosum. Das beginnt bibliographisch schon damit, dass dieses Werk zwar noch im 18. Jh. wenigstens beiläufig Aufnahme in die bekannten Literaturberichte von E. C. Reichard (1744), J. A. Fabricius (1752) und J. C. Rüdiger (1785) gefunden hat (Koch 2002, 216 Anm. 62), da-

¹ Im Mai 2022 ist mir überraschend aus Zürich der Text des im Jahr zuvor in Wilna erschienenen Artikels «Die deutsche Grammatica ... von Charmyntes (Berlin 1713): Creation, Author and Readers» von N.V. Kareva und E.G. Pivovarov gerade zu der Zeit geschickt worden, als ich selbst nach zwei Jahrzehnten wieder einmal mit verschiedenen bei diesem Druck noch offenen Fragen beschäftigt war. Da die freundliche Sendung davon zeugte, daß man in Zürich wie in Pavia bereits einiges über die ungelösten Probleme des Charmyntes-Lehrbuchs zur Kenntnis genommen hatte, lag es nahe, der mit diesem Thema wohlvertrauten Jubilarin mit den ersten Resultaten meiner eigenen Recherchen gratulierend Dank zu sagen. Aktuelle bibliographische Hinweise verdanke ich im slavistisch verödeten Bonn zudem Frau Prof. Dr. Irina Podtergera (Heidelberg). Wegen meines etwas anderen Beweisziels kann ich auch auf die zuletzt erschienene Publikation der Petersburger Autoren (Карева и Пивоваров 2022) nur an wenigen Stellen eingehen.

Helmut Keipert, University of Bonn, Germany, h.keipert@uni-bonn.de

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Helmut Keipert, *Die erste für Russen gedruckte Deutsch-Grammatik (1713) und deren geographische Nomina propria aus Preußen*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.10, in Svetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 81-102, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

nach aber wohl in Vergessenheit geraten ist und — soweit ich sehe — erst seit 2002 zunächst in Deutschland bei Kristine Koch (2002, 216–21) und Helmut Glück (2013) sowie jetzt auch mit den russischen Publikationen von N. V. Kareva und E. G. Pivovarov (2019–2022) in die Fachdiskussion zurückgebracht wird. Bei dieser späten Wiederentdeckung des offenbar seltenen Drucks (vgl. 2.) konnte auch schon gezeigt werden, dass die Charmyntes-Grammatik in Russland etwas später sogar weitergewirkt hat, denn trotz ihrer völlig fehlenden Bezugnahme auf das Russische scheint sie — ungenannt — deutliche Spuren in der 1730 in St. Petersburg zweisprachig auf deutsch und russisch publizierten *Teutsche(n) Grammatica. Aus unterschied[e]nen Auctoribus zusammen getragen* von Martin Schwanwitz hinterlassen zu haben (auch wenn über die Beurteilung der einzelnen mehr oder weniger gewichtigen Übernahmen vorläufig unterschiedliche Meinungen bestehen), während ihre flüchtige Erwähnung mit einem «parum profeci» bei Matthias Bél in dessen *Institutiones linguae Germanicae* von 1718 bzw. 1730 (Reichard 1744, 491, vgl. Glück 2013, 356) wohl überhaupt noch einer genaueren Überprüfung bedarf.

2. Vielleicht ist der Druck dieser Charmyntes-Grammatik nicht ganz so selten, wie es bisher den Anschein gehabt hat. Berücksichtigt werden zur Zeit vor allem drei erhaltene Exemplare dieses Werks, und zwar eines in Deutschland (Universitätsbibliothek Rostock, Signatur: Cf 2092.5)² und zwei in St. Petersburg, nämlich eines in der Biblioteka Akademii nauk, das beim Brand von 1988 erheblich beschädigt worden ist, und eines in der Gosudarstvennaja publičnaja biblioteka (jetzt: Rossijskaja nacional'naja biblioteka) (Koch 2002, 218f.)³. Als «Kriegsverlust» erwähnt wird zudem das seit 1945 vermisste Exemplar der Preußischen Staatsbibliothek (jetzt: Staatsbibliothek Preußischer Kulturbesitz) in Berlin mit der Signatur «Ya 25 11» (Glück und Pörzgen 2009, 164; vgl. Карева и Пивоваров 2020, 487: «утрачена во время войны»; 2022, 327; Kareva and Pivovarov 2021, 43: “lost during the war”)⁴. Nicht allgemein bekannt zu sein scheint dagegen das

² Ich danke der Rostocker Bibliothek bei dieser Gelegenheit noch einmal dafür, dass sie mir den Text seinerzeit zur Verfügung gestellt hat; das Exemplar ist jetzt auch elektronisch zugänglich.

³ Карева и Пивоваров (2020, 487) berichten, dass sie das Akademie-Exemplar wieder einsehen konnten.

⁴ Mit dieser Ya-Signatur muss sich der Band in einer der 300 Bücherkisten befunden haben, die im Oktober 1942 sicherheits halber aus Berlin weggebracht und in Schloss Gauernitz unweit von Meißen eingelagert worden sind. Wie die Bibliothek erst im Mai 1946 erfahren hat, sind alle diese Kisten Anfang August 1945 (also nach Kriegsende und von Kriegshandlungen ganz unversehrt) auf Veranlassung der russischen Kommandantur in Meißen mit unbekanntem Ziel abtransportiert worden. Dass das Ziel die UdSSR gewesen war, darf man wohl deshalb annehmen, weil 1957/58 «auf Beschluß der Regierung der UdSSR die Rückgabe einer von der Roten Armee sichergestellten größeren Anzahl von Handschriften und Nachlässen» aus dem Gauernitz-Bestand erfolgt ist, vgl. Schochow (2003, 86–90 [Kursive im Original] und die Signaturenliste S. 300). Deshalb besteht durchaus die Möglichkeit und Hoffnung, dass das Berliner Exemplar damals in eine der sowjetischen Bibliotheken gelangt ist und dort auch noch wiedergefunden werden kann — wenn sich an Schochows nüchternem Fazit im letzten Satz seiner eingehenden Untersuchung der Geschichte dieser Verlagerung: «Über die Sowjetunion/Russland sind

Exemplar der Pariser Bibliothèque Nationale mit der Signatur «X. 14952»⁵, dessen dortige Eintragung «(S.l.,) 1713. In-16, IV - 581 p et 9 ff» (Catalogue général XXVI [1927], 1192) befremdlich wirkt (vgl. jetzt Карева и Пивоваров 2022, 327), wenn man weiß, dass das Werk in vollständiger Erhaltung IV – 120 Seiten umfassen sollte, aber auch die heutige Verzeichnung im elektronisch zugänglichen Katalog besteht unter dieser Signatur weiterhin auf der «Description matérielle: In-16, IV-581 p. et 9 ff.», doch hat sich schon vor Ort gezeigt, daß hier in Paris offenbar ein früherer Katalogisierungsfehler weitergeschleppt worden ist⁶. Von den zwei mir bisher bekanntgewordenen Exemplaren des Charmyntes-Drucks in Moskau, die man in der Sammlung des «Музей книги» der Rossijskaja Gosudarstvennaja Biblioteka [imeni Lenina] unter der Signatur «МК нем 8° / IX-4212» bzw. «ФБ МК» mit der Verfasserangabe «Georg Adam Junker» findet, wissen wir inzwischen, dass sie manche Notizen von Lesern enthalten:

Между печатн. л. вплетены л. белой бум. разм. в 4° с рукоп. заметками на нем. и рус. яз.

Между страницами вплетены бумаги с заметками⁷.

Die mehr oder weniger umfangreichen deutschen und russischen Notizen in diesen Bänden können vielleicht noch Auskunft darüber geben, wer zu welcher Zeit mit dieser Grammatik Deutsch zu lernen versucht hat⁸.

mangels zureichender Information keine verlässlichen Angaben zu machen.» (2003, 328, vgl. S. 245) einmal etwas ändern sollte.

⁵ Auf dieses Exemplar hat mich freundlicherweise Herr Prof. Dr. Norbert Conrads in seinem Brief vom 6.4.2005 hingewiesen. Erwähnt wird es jetzt auch bei Kareva und Pivovarov (2021, 43 Anm.1) bzw. Карева и Пивоваров (2022, 327).

⁶ Mein italienischer Kollege Prof. Dr. Giorgio Ziffer (Udine) hat sich bei einem Besuch der Nationalbibliothek im November 2021 auf meine Bitte hin auch den Band mit dieser Signatur vorlegen lassen (<https://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb302244006>). Ihm verdanke ich die Mitteilung, dass in Paris unter der genannten Signatur ein vollständiges und makellos erhaltenes Exemplar des Berliner Drucks von 1713 vorliegt, das ursprünglich die Signatur «X 1489c» getragen hat und dann mit einem Exemplar des gleichformatigen Drucks von Johann Bödiker: «Grundsätze der Deutschen Sprachen Im Reden und Schreiben» in der Ausgabe von 1709 so perfekt und unauffällig zusammengebunden worden ist, dass man bei der Katalogisierung des Konvoluts unter dem Charmyntes-Titel zwar dessen Vorspann von IV S. berücksichtigt, nicht aber dessen 120 S. oder das Titelblatt sowie den Vorspann von [20 Bl.] bei Bödiker anführt, sondern sofort die 581 (bzw. 582) S. des letzteren und danach dessen abschließende [9 Bl.] verzeichnet hat. Wohl wegen dieses Versehens ist Bödiker 1709 auch im Katalog der Nationalbibliothek überhaupt nicht zu finden.

⁷ <<https://search.rskl.ru/search#9=Charmyntes%2C>> 1713. Kareva, Pivovarov (2020, 492) lehnen diese Zuweisung an Junker zu Recht ab.

⁸ Aus Russifizierungsversuchen in den Beilagen des Exemplars der Russischen Nationalbibliothek meinen Карева и Пивоваров (2020, 484) ohne weiteres schließen zu dürfen, dass die Charmyntes-Grammatik in einigen Lehranstalten des Russischen Reichs als Deutsch-Lehrbuch verwendet worden ist, obwohl solche Notizen auch nur für einen Privatunterricht angefertigt worden sein können. Ihre Behandlung einiger dieser russischen Wiedergaben (2019b) ist mir nicht zugänglich, vgl. auch die danach vorsichtigere Äußerung zum Gebrauch (2022, 328 Anm. 18).

3. Kurios ist an diesem Grammatik-Druck zudem, dass in ihm zwar das Erscheinungsjahr 1713, nicht aber ein Verlag oder wenigstens eine Druckerei angegeben wird; ferner, dass das Herausgeber-Pseudonym *Charmyntes* bisher keine überzeugende Auflösung gefunden hat; und nicht zuletzt, dass sich sogar der Verfasser des zweiseitigen Vorworts vom 3. Oktober 1713 lediglich mit einem einstweilen gleichfalls geheimnisvollen C. S. unterfertigt⁹. Diese aus heutiger Sicht auffallend lückenhafte Information über die Herkunft des Lehrbuchs kann man sich am einfachsten wohl dadurch erklären, dass es anscheinend nicht als Verlagswerk, sondern als ein Privatdruck hergestellt worden ist. Wenn ein Verlag und/oder eine Druckerei nicht angegeben haben, in welcher Stadt und unter welchem Namen sie zu finden sind, haben sie es offenbar nicht nötig gehabt, für einen gewinnbringenden Verkauf an eventuell interessierte weitere Kunden von nah und fern ihre genaue Adresse auf dem Titelblatt oder am Ende des Buchs abzudrucken. Offenbar war bei diesem Druck zunächst wohl nur an die unter dem Titel genannte und in ihrer Personenzahl überschaubare Gruppe «der in Deutschland Studirenden Rußischen Nation» gedacht worden und dementsprechend eine vergleichsweise kleine Auflage erforderlich, die der betreffende Auftraggeber wahrscheinlich zur Gänze übernommen, bezahlt und dann umgehend an die erwähnten russischen Studierenden abgegeben haben wird. Eine solche Erklärung der genannten bibliographischen Defizite lässt sich auch dadurch stützen, dass in diesem Band an zwei Stellen von einer besonders schnellen Drucklegung die Rede ist. Im Vorwort steht als erste Entschuldigung für das Fehlen eines vielleicht von manchen Lesern erwarteten russischsprachigen Paralleltexts, dass «die Arbeit/ denen zu Gefallen/ die bereits der Deutschen Sprache einiger massen mächtig sind/ beschleuniget werden muste», und auf der letzten Seite des Bands liest man in der Korrekturliste die «Druck-Fehler/ welche wegen der Beschleunigung der Arbeit eingeschlichen» (*Charmyntes* 1713, Bl. 2ab und S. 120). In einem für längeren Vertrieb bestimmten Verlagswerk würde man solche peinlichen Mängel hastiger Arbeit nicht gern offenlegen — hier aber scheint eine Druckerwerkstatt aus gegebenem Anlass zu möglichst zügiger Ausführung des Auftrags gedrängt worden zu sein, und der Auftraggeber ist wegen des besonderen Zeitdrucks offenbar bereit gewesen, die in den ausgelieferten Exemplaren noch verbliebenen Mängel in Kauf zu nehmen.

4. Einen noch kurioseren Eindruck macht die in Berlin entstandene und dort wohl auch zu verwendende *Charmyntes*-Grammatik, wenn man bei der Durchsicht ihres Abschnitts zu den Substantiven feststellt, dass als Belege zur besseren Veranschaulichung der sorgfältig zu unterscheidenden Klassen der *Nomina propria* auffallend viele geographische Namen aus dem von Berlin aus gesehen fer-

⁹ Koch (2002, 397) löst das unter dem Vorwort zu lesende C. S. in ihrem Literaturverzeichnis als *Charmyntes, S.*, also wie Name und Vorname, auf, obwohl *Charmyntes* schon allein als Gelehrten-Pseudonym verwendet worden sein kann, vgl. die umfangreiche Liste solcher griechisch-lateinischer Pseudonyme in der Leopoldina des 18. Jh. im Anhang der Akademie-Geschichte A. E. Büchners von 1756.

nen Preußen angeführt werden. Zusammengestellt worden ist diese Grammatik möglicherweise schon für die sechs jungen russischen Adligen, die 1712 zur Ausbildung an der 1705 von König Friedrich I. gegründeten Ritterakademie bzw. an der 1712 privat eingerichteten Nachfolge-Lehranstalt («Briand-Akademie») nach Berlin gekommen waren, und weil dort lange nur Französisch und Italienisch gelehrt wurden, ist mit dem besonderen Deutsch-Unterricht für sie eigens Johann Leonhard Frisch beauftragt worden (Bernhagen 1958, 117, vgl. 7.4.1.), der manchen deshalb heute auch als der Verfasser des Charmyntes-Lehrbuchs gilt (Koch 2002, 215-19; Kareva und Pivovarov 2021, 50-52; Карева и Пивоваров 2022, *passim*). Unabhängig von dem Verfasserproblem stellt sich natürlich auch die Frage, inwieweit eine solche in anderen damaligen Deutsch-Grammatiken bisher nicht nachgewiesene Exemplifizierung mit west- und ostpreußischem Namengut (insbesondere in und um Rastenburg [heute in Polen: Kętrzyn])¹⁰ für die in Aussicht genommenen Sprachschüler aus Russland methodisch sinnvoll und erkenntnisfördernd gewesen ist, aber noch erwünschter wäre eine plausible Erklärung, wie solche ungewöhnlichen (um nicht zu sagen: befremdlichen) Namenbelege in ein für Russen bestimmtes Berliner Lehrbuch gekommen sein können (vgl. 7.).

4.1 Der Unterschied zwischen *Nomina propria* und *appellativa* wird von Charmyntes in der exemplarischen Reihung von Teilklassen bei den Städtenamen vielleicht nicht zufällig doppelt, nämlich traditionell mit *Rom* und zusätzlich mit *Rastenburg*, belegt:

Proprium ist/ so einer Sache oder Person beygeleget wird/ als: *Gott/ Johann/ Rom/ Rastenburg/ Rhein/ Aetna*. etc. (S. 10).

4.2 Als regulär feminine Flussnamen nennt Charmyntes mit weitem Blick nach Osten *Spree*, *Oder* und *Weichsel* und fügt als maskuline Ausnahmen von dieser Regel sogar sechs Flüsse an, nämlich *Rhein/ Mayn/ Necker/ Jordan/ Dnieper/ Guber*. etc. (S. 13). Ob die hier vom Verfasser der Grammatik intendierten Russen wohl nachvollziehen konnten, dass mit *Guber* der Fluss genannt wird, an dem die Stadt Rastenburg liegt?

4.3 Die erste Regel zu den substantivischen Neutra betrifft die Namen der Landschaften und belegt das mit *das Portugal/ Engelland/ Moskau* [...]. Die zweite nennt als Namen von Städten *das Berlin/ Rom/ Graudenz* [...] sowie als maskuline Ausnahme *der Haag in Holland* und hat mit *Graudenz* (poln. *Grudziądz*) eine weitere Stadt in Preußen als Beleg genannt. In der dritten Regel, die die Namen

¹⁰ Bei Карева и Пивоваров (2019a, 23) ist die besondere preußische Konnexion schon deshalb weniger erkennbar, weil sie den in Fraktur gesetzten Namen der Stadt *Rastenburg* als *Kastenburg* gelesen haben; ohne jeden Beleg vermuten sie (2022, 327), dass vielleicht jemand von den Schülern aus dem Königreich Polen stammte («кто-то из учащихся происходил из Королевства Польского»), zu dem etwa Rastenburg oder Guber damals jedoch gar nicht gehörten.

der Flecken und Dörfer den Neutra zuweist, wird beim ersten die Bezugnahme auf Preußen sogar offengelegt:

[...] das *Rein*/ ist ein Flecken in Preussen. Das *Trumnu*/ *Stralau*/ etc. Dörffer. (S. 14).

Während mit *Stralau* vermutlich das Dorf bei Berlin gemeint ist, wird es sich bei *Trumnu* wohl ebenso wie ausdrücklich bei *Rein* (auch *Rhein*, poln. *Ryn*) um die betreffende Siedlung *Groß-* bzw. *Klein-Tromnu* in Preußen (heute in Polen, *Trumieje* bzw. *Trumiejki*) handeln¹¹.

4.4 Im Abschnitt über die Anomala hat Charmyntes für die Regel, dass alle Nomina propria nur im Singular gebraucht werden, in der Reihe *Stephanus* / *Rein* / *Berlin* / *Weichsel* / *Elbe* / *Rastenburg* / *Moscau* / etc. mit *Rein* und *Rastenburg* zwei der hier besonders zu beachtenden Belege aus Ostpreußen wiederholt (S. 32).

4.5 Zweifellos auf in Preußen zurückzulegende Wegstrecken bezieht sich schließlich auch ein Satz im Syntaxteil der Charmyntes-Grammatik:

Königsberg liegt von Dantzig zwanzig Meilen (S. 89).

In Berlin kann diese Entfernungsangabe für russische Studenten inhaltlich kaum von besonderem Interesse gewesen sein, und wegen der ausgeprägt regionalen Gebundenheit dieses Belegs hat Schwanwitz ihn 1730 für seine Petersburger Schüler in der *Teutschen Grammatica* durch eine Aussage über zwei ihnen gewiss näherliegende russische Städte ersetzt:

Moscau liegt von St. Petersburg 765 Würste [sic]. (Schwanwitz 1730, 284, vgl. Карева и Пивоваров 2019а, 24).

Und ebenso fehlen an den von Schwanwitz 1730 aus der Charmyntes-Grammatik übernommenen Stellen gewiss nicht durch einen bloßen Zufall die Belege von *Rastenburg*, *Graudenz*, *Rein*, *Trumnu* und *Guber* aus dem spezifisch preußischen Onomastikon, obwohl er, geboren und aufgewachsen in Thorn, alle diese geographischen Bezeichnungen des Preußenlands sicher gekannt hat. Von besonderem Interesse ist freilich, dass entsprechende Belege für *Graudenz*, *Guber*, *Königsberg*, *Rastenburg*, *Rein* und *Trumnu* sogar in allen bisher erwogenen Prätexten der Berliner Grammatik nicht zu finden sind (vgl. 5.).

5. Als Vorbilder und Quellen der Charmyntes-Grammatik sind nach deren Wiederentdeckung in der wissenschaftlichen Literatur vor allem zwei (oder drei) Werke genannt worden, nämlich einerseits die *Kurze Lehrschrift Von der Hochteutschen Sprachkunst* von Caspar Stieler als Anhang zu dessen *Der Teutschen Sprache Stammbaum und Fortwachs* (Nürnberg 1691) und auf der anderen Seite Johann

¹¹ Für die Identifizierung von *Trumnu* mit *Groß-* oder *Klein-Tromnu* habe ich meinem Bonner Kollegen Prof. Dr. Udo Arnold zu danken.

Bödikers erstmals 1691 erschienene *Grund-Sätze Der Deutschen Sprachen im Reden und Schreiben. Samt einem Bericht vom rechten Gebrauch Der Vorwörter* in der 3. Auflage (Cölln an der Spree 1709)¹² sowie in der (erst 1723 gedruckten!) Bearbeitung durch Johann Leonhard Frisch (1666–1743), der wie erwähnt wegen mehrerer auffälliger Parallelen auch als Autor der Charmyntes-Grammatik erwogen worden ist, obwohl sich seine Autorschaft konkret nicht nachweisen lässt (Koch 2002, 216–21, vgl. im Prinzip zustimmend Glück 2013, 300 und Карева и Пивоваров 2019a, 2022). Da Koch auf die hier zu diskutierende Unterscheidung von Appellativa und Propria im Substantiv-Abschnitt ihrer sprachhistorischen Beschreibung der russischen Deutsch-Grammatiken schon aus Raumgründen nicht eingehen konnte (a.a.O. 335–43), empfiehlt es sich, die entsprechenden oder nicht entsprechenden Passagen kurz zu referieren.

5.1 Dabei zeigt sich zunächst, dass in der 1746 von J. J. Wippel zusammengefassten Bödiker/Frisch-Tradition besondere semantische Regeln für die Genusfestlegung, wie sie Charmyntes bietet (vgl. 4.1–4.4), überhaupt nicht zu finden sind. Ihr Fehlen bei Bödiker hat man sich damit zu erklären gesucht,

daß der Jugend, die diese Grammatik als muttersprachliche Grammatik benutzt, ein Lehrbuch gegeben werden soll, und es nicht die Absicht der Autoren ist, eine umfassende und ausführliche Darstellung zu bieten, die um der Vollständigkeit willen auch für den muttersprachlichen Unterricht unproblematische Fälle aufnimmt. (Diedrichs 1983, 205).

Deshalb werden selbst in der zusammenfassenden Bearbeitung dieser Grammatiken durch Wippel im Substantiv-Kapitel nur wenige Propria genannt, und Belege aus der Geographie Preußens sind darunter nicht vertreten. Beschrieben werden die Teilklassen der Eigennamen mit einem Zitat nach Bödiker (B.):

Die *propria* geben etlichen gewissen Dingen einen sonderbaren Namen, der sonst mit solchen Umständen keinem andern Dinge zukommt. Als da sind die eigene Namen 1. der Männer, 2. Weiber, 3. Länder, 4. Inseln, 5. Mere (!), 6. Seen, 7. Stäte(!), 8. Schlösser, 9. Wälder, 10. Berge, 11. Vorgebirge, 12. Flüsse, 13. Brunnen u.s.w. Als 1. David, 2. Maria, 3. Teutschland, 4. Rügen, 5. Belt, 6. Bodense(!), 7. Berlin, 8. Rheinstein, 9. Harz, 10. Brenner, 11. Nortkyn, 12. Rhein, 13. Drachenbrunn u.s.w. (Wippel 1746, 151f.).

5.2 Ausführlicher als bei Bödiker und seinen Nachfolgern werden die Nomina propria von Stieler einbezogen. Das Besondere beim «Eigen» (= Nomen proprium) gegenüber «Gemein» (= Nomen appellativum) des «selbständigen Nennworts» (= Substantivs) beschreibt er mit dem Satz:

¹² Für seine die Grammatik auf S. 113–120 abschließende Liste der unregelmäßigen Verben verweist Charmyntes auf S. 112 zurück auf Bödikers «Grund-Sätze», doch kann mit der Seitenangabe «p. m. 93» nicht der Druck von 1709 gemeint sein, weil dort diese Liste erst auf S. 112 zu finden ist.

Das Eigen bedeutet nur ein einziges selbständiges Ding/ so einem andern nicht zukommt oder gemein ist/ und solches sind die Namen der Länder/ Berge/ Städte/ Flüsse/ Männer/ Weiber etc. und haben eigentlich (!) keine mehrere Zahl/ als nur zufälliger Weise. (Stieler 1691/1968, 54).

und führt die konkreten Belege *Teutschland, Hamburg* und *Donau* an dieser Stelle nur an, um mit ihnen darzutun, dass *Propria* in den Plural «nur misbräuchlich gesetzt» werden können. Mehr *Propria*-Beispiele liest man wie zu erwarten in seinen Genus-Listen, also erstens für Maskulina:

Die Namen der Männer / männlichen Ämter / der Monate, der Berge, der Winde und Jahrzeiten sind männlichen Geschlechts.

mit Exemplifizierung der Männernamen durch *Abraham, Balzer, Friedrich, Karl, Heinrich* oder der Bergnamen durch *Helikon, Parnaß, Atlas, Etna* (Stieler 1691/1968, 63). Ebenso vorgestellt werden zweitens die Feminina mit dem Satz:

Die Namen der Weiber/ der weiblichen Aemter, der Beume (!), Früchte und Flüße Namen/ sind insgemein weiblichen Geschlechts.

Belegt werden etwa die Frauennamen mit *Anne, Barbe, Dorl, Korl, Else* und *Lise*, während in der Teilklasse der Flussnamen den regelentsprechenden drei Beispielen *Donau, Elbe, Seine* mit *Rein* (= Rhein), *Main, Necker, Pregel, Frat* (= Euphrat), *Jordan, Rodan, Po, Tagus, Dniester, Nieper* sogar elf Maskulina gegenübergestellt werden, die durch ihre größere Zahl die vorangestellte Feminina-Regel entkräften (Stieler 1691/1968, 63–64). Noch ausführlicher ist schließlich der Abschnitt über die Neutra mit Namenbeispielen versehen:

Die Namen der Länder/ Städte/ Flecken/ Dörfer Metallen Buchstaben/ wie auch aller Nennwörter/ so dem unendigen Zeitworte (= Infinitiv) übereinkommen/ samt allen Verkleinerten sind unbenamten Geschlechts (= Neutra).

Hier liest man als Ländernamen *Teutschland / Frankreich / Polen/ Griechenland*, als Städtenamen *das Erfurt, Leipzig, Frankfurt, Mainz, Trier, Köln, Straßburg* sowie vermutlich als «Flecken / Dörfer» *Das Kranichfeld/ Blankenha[i]n / Kerspleben / Taberstett* und sollte bei den normalerweise als Neutra behandelten Länderbezeichnungen als Ausnahmen nicht übersehen *die Pfalz, die Schweiz, die Wetterau, die Eyfel, der Hunsrück, die Mark* (Stieler 1691/1968, 64–65).

5.3 Der Vergleich dieser Grammatiken zeigt, dass als Vorbild für die Behandlung der *Nomina propria* im Charmyntes-Text wohl eher das Werk Stieler als eines aus der Bödiker-Tradition in Frage kommt, denn nur mit Stieler gibt es — konzeptionell wie durch die Exemplifizierung — einige deutlichere Übereinstimmungen, während solche Gemeinsamkeiten gegenüber Bödiker bzw. Frisch nur ganz selten und kaum spezifisch zu beobachten sind. Freilich sind die von Charmyntes so auffällig gewählten geographischen Eigennamen aus Preußen auch unter Stieler Belegen nicht zu finden, denn dieser nennt von dort, soweit ich sehe, allein den Flussnamen *Pregel* (wie oben bei den Feminina unter den Ausnahmen von S. 64

zitiert), also den Namen des Flusses, der durch Königsberg fließt (und bei Charmyntes fehlt). Ist in der Wahl des Flussnamens *Guber* vielleicht eine Tendenz zu sprachpädagogisch erwünschter regionaler Exemplifizierung zu sehen, wie man sie auch schon in den zitierten Belegen Stielers beobachten kann¹³? So gibt dieses onomastische Belegmaterial Anlass, auch noch nach weiteren Quellen der Berliner Grammatik Ausschau zu halten.

6. Ein in dieser Vorbildfunktion zweifellos noch nicht hinreichend gewürdigtes Lehrbuch ist die im 18. Jh. wiederholt bearbeitete und vielerorts verwendete sog. Pepliers-Grammatik für das Französische gewesen¹⁴.

6.1 Auf einen der 1713 schon zahlreichen Drucke der Pepliers-Grammatik¹⁵ dürfte z. B. zurückgehen, was Charmyntes in der «Regula 20» seiner «Syntaxis Nominum» gelehrt hat:

So wird auch offtermahls das *Adjectivum* mit dem *Articulo* nach dem *Substantivo* gesetzt insonderheit / wenn man die *Nomina Propria* mit denen *Ordinalibus* folgender massen gebrauchet:

Carl der Sechste / Ludwig der Vierzehende / Philip [!] der Fünffte. Gott der Allmächtige / etc. (Charmyntes 1713, 71).

Mit den Namen von drei Regenten sind keineswegs irgendwelche beliebigen Herrscher, sondern zweifellos drei der Hauptakteure des Spanischen Erbfolgekriegs (1701–14) genannt worden, nämlich Karl VI. (1685–1740; 1703 König von Spanien, 1711–40 Römischer Kaiser), Ludwig XIV. (1638–1715 König von Frankreich) und Philipp V. (1683–1746 König von Spanien). Die Dreizahl der Namenbelege aus der politischen Gegenwart des Jahres 1713 verbindet den Char-

¹³ Stielers beginnt seine ansehnliche Reihe der deutschen «Städte»-Neutra gerade mit *das Erfurt* und versieht im Anschluss daran die Klasse der «Flecken / Dörfer»-Neutra mit Ortsnamen aus der näheren oder weiteren Umgebung dieser seiner Geburtsstadt, nämlich *Kranichfeld*, *Blankenhafin* und *Kerspleben*. Unter *Taberstett* dürfte Daberstedt zu verstehen sein, heute ein Vorort von Erfurt (freundschaftlicher Hinweis von Herrn Prof. Dr. Detlef Kirsten, Kranichfeld/Großhansdorf).

¹⁴ Von Jean Robert des Pepliers scheinen Lebensdaten nicht bekannt zu sein. Die unter seinem Namen vor allem, aber nicht nur in Deutschland in zahlreichen Auflagen gedruckte «Grammaire royale française et allemande» ist eines der erfolgreichsten Lehrwerke des ausgehenden 17. und des 18. Jh. gewesen, vgl. die Übersicht bei Schröder (1989, 21f.) und Caravolas (2000). Auf dem Titelblatt des 1689 in Berlin erschienenen Drucks wird gesagt, er sei «nach dem Parisischen Exemplar» hergestellt worden (das wir offenbar gleichfalls nicht kennen), doch hat man von diesem Druck auch behauptet, es handele sich dabei um die plagiatorische Ausbeutung eines vier Jahre zuvor publizierten Nürnberger Lehrbuchs von Pierre Canel (Glück 2013, 373).

¹⁵ Ich verwende für den Nachweis einen Druck vor 1713, der in elektronischer Fassung in der BSB München zur Verfügung steht: Pepliers 1693/1–2. Damit wird nicht behauptet, dass es gerade dieser Druck gewesen ist, der für die Ausarbeitung der Charmyntes-Grammatik herangezogen worden ist.

myntes-Abschnitt eng mit einer thematisch vergleichbaren Passage im Syntax-Teil der Pepliers-Grammatik, in der man zum Französischen lesen kann:

Wenn die Teutschen nach dem Nahmen eines Potentaten oder auch einer andern Sache einen *Numerum Cardinalem* mit dem *Articulo* setzen, so gebrauchen die Frantzosen bei dem *Número* keinen *Articul*: Wann aber solchem Nahmen ein *Adjectivum* oder *Epitheton* nach dem *Substantivo* stehet/ anders nicht/ als: *Friderich Troisième*. Friederich der Dritte. *Louis quatorzième*. Ludewig der XIVte. *Philippe quatrième*. Philippus der Vierdte. *Charles quint*. Carl der Fünffte/ nemlich der Römische Kayser/ und nicht *Charles le quint* darinnen ihrer viele auch vornehme Leute fehlen. (Pepliers 1693/2, 91).

Zwar ist auch hier mit Friedrich III. (1657–1713; Kurfürst von Brandenburg seit 1688, König in Preußen seit 1701) ein Zeitgenosse gemeint, aber Philipp IV. (1605–65, König von Spanien 1621–65) und Karl V. (1500–58, Römischer Kaiser 1519–56) waren das nicht, so dass man vielleicht vermuten darf, dass ihre Namen allein wegen der Besonderheiten des französischen Ausdrucks für den jeweiligen *Numerus Cardinalis* gewählt worden sind. Die Erwähnung Friedrichs des Dritten vor dem sog. «Sonnenkönig» sollte damals in einer «Parisischen» Grammatik nicht zu erwarten sein; eher hat man sie sich durch das Gebot der Höflichkeit einer Publikation in Friedrichs Residenzstadt zu erklären, doch ist dieser Abschnitt mit seinen Regentennamen in späteren Ausgaben aus anderen Städten nur wenig verändert beibehalten worden¹⁶. Nicht zu übersehen ist schließlich, dass auch die oben im Charmyntes-Text nachgewiesene politische Aktualisierung von Sprachbelegen in Russland weitergewirkt hat, denn in der *Teutschen Grammatica* von Schwanwitz taucht 1730 an derselben Systemstelle der Syntax mit *Peter der Erste*, *Carl der Zwölfte*, *Ludwig der Vierzehende* ein solches letztlich von Pepliers aus sprachlichen Gründen angeregtes Regenten-Tripel auf, das in patriotischer Absicht auf die russischen Erfolge im Nordischen Krieg anspielt, während das 1713 in Berlin an dieser Stelle hinzugefügte Verwendungsbeispiel *Gott der Allmächtige* 1730 auf derselben Seite für eine weitere Syntaxregel verwendet und dabei von *Peter der Große* und *Friedrich der Weise* begleitet wird (Schwanwitz 1730, 354).

6.2 Bezeugt wird die Abhängigkeit der Charmyntes-Grammatik von Pepliers z. B. auch in Details ihrer Genus-Listen, wenn etwa unter der Überschrift «Vom *Genere Masculino*» als erstes gesagt wird:

¹⁶ Vgl. z. B. die *Syntaxis Nominum* in Pepliers (1756, 124–25). Карева и Пивоваров (2022, 327) erklären diese Reihe von Regenten in der Charmyntes-Grammatik nicht aus dem Regelwerk der Pepliers-Grammatik, sondern vermuten hier (und in anderen Satzbeispielen der Syntax) ganz abwegig Hinweise für potentielle Adressaten, also in diesem Fall interessierte Sprachschüler, die sich auf den diplomatischen Dienst vorbereiten wollten. Sowohl die eigentliche Ritterakademie als auch die auf sie folgende Briand-Akademie waren «Kriegsschulen», dienten also schon in ihrem Lehrplan erkennbar vor allem der Ausbildung möglichst tüchtiger Offiziere, vgl. Briand 1713 und G. Friedlaender 1854!

Masculina sind alle Nahmen:

1. Gottes
2. Der falschen Götter / als Jupiter / Apollo etc.
3. Der Männer/ als: Johannes/ Adam/ Andreas/ Stephanus.
4. Der Engel/ als: Gabriel/ Michael/ Lucifer.
5. Der Jahreszeiten/ als: der Sommer etc.
6. Der Monathe/ als: der Jenner/ der Mertz etc.
7. Der Tage/ als: der Sonntag etc.
8. Der Welt-Theile/ als: der Ost/ West/ Süd/ Nord. [...] (Charmyntes 1713, 12).

In dieser Liste sind offenbar zwei Pepliers-Stellen verwendet worden, nämlich einerseits dessen allgemeine Beschreibung des *Nomen proprium*:

Das *Nomen Substantivum Proprium*, dieses ist so einer gewissen Person / oder einer absonderlichen Sache zugefüget werden kan[!] / als/ der Heilige Nahme Gottes / die Nahmen der falschen Götter / der Engel / der Menschen / und etlicher Thiere / und seynd solche Nahmen aus der Menschen Willen zugegeben worden / als / *Dieu, GOtt, Jupiter, Mercure, Junon, Venus, Gabriel, Michel, Louis, Jean, Marie, Anne, Rome, Paris, Bucephale, Rossinante, Citron, Orange, Sibelle, &c.* (Pepliers 1693/1, 7).

und auf der anderen Seite kurz danach der Beginn der Genus-Liste für die Maskulina:

De Genere Masculino.

1. *Masculina* seynd alle *Nomina*, die denen falschen Göttern / Engeln / und Menschen eigen seynd / welches auch gleich bey denen Thieren zu verstehen ist / wann man das männliche Geschlecht anzeigen wil/ als *Jupiter, Saturne, Michel, Lucifer, Pierre, Jean, Roi, Prince, marchand, President, capitaine, le cheval, le chien, le chat, le coq.*
2. *Masculina* sind alle *Nomina* der Jahrzeiten/ der Monate und der Tage, als: [...] (Pepliers 1693/1, 14)¹⁷.

6.3 Welche Rolle das populäre Pepliers-Lehrbuch bei der Ausarbeitung der Charmyntes-Grammatik insgesamt gespielt hat, kann hier nicht ausführlich dargestellt werden, zumal auch die Ausgabe noch nicht identifiziert ist, mit der man damals tatsächlich gearbeitet hat. Für den Nachweis, dass bei der Kompilation des Charmyntes-Texts auch auf eine Französisch-Grammatik zurückgegriffen worden ist, sollten diese beiden Stellen jedenfalls genügen. Bedenkenswert ist überdies schon jetzt, dass Frisch als Grammatikautor unter Germanisten offenbar bisher nicht in

¹⁷ Das Auftauchen des Namens *Lucifer* in der Reihe der Engel, das von Kareva und Pivovarov (2020, 489) als «häretisch» bewertet worden ist, erklärt sich durch die Übernahme aus dieser westeuropäischen Quelle; dass Schwanwitz den Namen in seiner Liste ausgelassen hat, dürfte weniger an religiösen Bedenken liegen als daran, dass die lateinische Namensform für seine russischen Schüler befremdlich war, vgl. aber *Словарь русского языка XVIII века* (12 [2001], 25) mit fünf Belegen dieses Namens seit 1721 und dem ausdrücklichen Hinweis, dass die Vorstellung des Teufels als eines «gefallenen Engels» eine christliche sei.

dem Verdacht steht, nach deutschen Verwendungsbelegen auch bei Pepliers gesucht zu haben (vgl. Diedrichs 1983, 419 unter *P...*).

7. Schließlich ist auch noch etwas zu der ungelösten Frage nach dem Verfasser dieser ersten für Russen gedruckten Deutsch-Grammatik zu sagen.

7.1 Die Vermutung Kochs, dass Johann Leonhard Frisch dieses Werk geschrieben haben könnte (vgl. 5.), hat mich schon 2002 nicht völlig überzeugt, weil damals überhaupt nicht zu erkennen war, wie die unerwartete Zitierung geographischer Eigennamen aus Preußen in diesem Werk plausibel mit dem uns bekannten Lebensweg Frischs in Verbindung gebracht werden könnte¹⁸. Zunächst hatte ich mir überlegt, ob die Vorlage dieses Drucks vielleicht ein Lehrbuchtext aus dem Unterricht des bekannten und seit 1546 bestehenden Rastenburger Albrecht-Gymnasiums gewesen ist, den ein Lehrer von dort nach Berlin mitgebracht hatte, doch war weder in einschlägigen Bibliographien eine solche Grammatik zu finden (vgl. Glück und Schröder 2007; Budziak 2010) noch dazu ein Lehrer aus Preußen, dem diese Vermittlung nach Berlin zuzutrauen war. Erst bei der Wiederbeschäftigung mit diesem Problem in jüngster Zeit habe ich einen Namen gelesen, den man in diesem Zusammenhang wohl nicht länger übersehen sollte. Im ersten Band seines 1878 gedruckten Werks «König Friedrich I. von Preußen. Beiträge zur Geschichte seines Hofes, sowie der Wissenschaften, Künste und Staatsverwaltung jener Zeit» hat Karl von Ledebur u. a. kurz die 1705 von diesem König in Berlin errichtete Ritterakademie erwähnt und die dafür gewonnenen Professoren, die Sprachlehrer (für Französisch und Italienisch) sowie die Lehrkräfte für Tanzen, Fechten und Zeichnen benannt. Einer dieser Professoren war

Isaac Briand, geboren zu Paris, der von 1699–1701 zu Königsberg Professor *linguae Gallicae* gewesen, erhielt den Titel eines Kurf. *Geo-Hydrographus* und ward Prof. d. franz. Sprache und schönen Wissenschaften. Sein erstes Program [!] war ein kurzer Bericht von der Vor-[87]trefflichkeit und dem Nutzen der Geographie und französischen Sprache. Berlin 1705. [...] Nach Friedrich I. Tode ward die Ritter-Akademie aufgehoben [...]. Obgleich die Ritter-Akademie aufgehoben wurde, so erhielt doch der dortige Professor Briand die Erlaubniß, unter seinem Namen eine ähnliche neue Akademie fortzuführen und unter dem Titel: Königlich privilegirte [!] Akademie in ein Haus vor dem Frankfurter Thor zu ver-[88]legen und sollen in derselben 6 russische Prinzen, eben so viel Grafen und 4 Barons studirt haben. Dennoch mußte Briand bereits 1714 wegen Schulden Berlin verlassen. Joh. Daniel Rosenzweig, K. Stallmeister, bemühte sich 1715 die Anstalt wieder einzurichten, gab dies jedoch auf, als er 1716 nach Halle berufen ward. (Ledebur 1878, 86–8)¹⁹.

¹⁸ Vgl. z. B. Eichler (1993, 124–25) oder Schröder (1989, 117–21; 1996, 350f.).

¹⁹ Ledebur gibt leider nicht an, aus welchen Quellen diese Angaben stammen. Einen mitteilenswerten Abriss zu Leben und Werk Isaac Briands (Paris 1664 — Kopenhagen 1747) habe ich bisher nicht gefunden; in den Professorenlisten der dreibändigen «Ausführlichen Historie der

Da 1712 in der Berliner Ritterakademie das Deutsche nicht gelehrt wurde, ist es Briand gewesen, der die «6 Moscovitische[n] Prinzen oder Knaesen» für den erforderlichen Deutsch-Unterricht Frisch anvertraut hat (Bernhagen 1958, 117). Es wäre merkwürdig, wenn der *professor linguae Gallicae olim Regiomontanus* (der als hugenottischer *réfugié* das Deutsche wohl gleichfalls erst als Fremdsprache hatte lernen müssen)²⁰ sich bei seiner Beauftragung nicht auch mit den Problemen eines für diese Russen erst noch in Eile herzustellenden Lehrbuchtexts beschäftigt hätte. Wenn im Zusammenhang mit diesem als solchem gut bezeugten Lehrauftrag an Frisch durch besondere Empfehlung auch das preußische Namenmaterial oder die Pepliers-Stellen in die Berliner Grammatik gelangt sind, würde hinter ihr nicht nur Frisch stehen, sondern bei ihrer Bewertung — über seine Funktion als verantwortlicher Organisator des Ganzen hinaus — wohl auch an die besonderen Kenntnisse und Berufserfahrungen von Isaac Briand als akademischem Lehrer für Französisch und Geographie zu denken sein. Deshalb soll im Folgenden versucht werden, etwas mehr über Isaac Briand und seine Beziehung zu Frisch in Erfahrung zu bringen.

7.2 Im übrigen wird man bei der Beurteilung der Charmyntes-Grammatik auch zu berücksichtigen haben, daß ihre seltsam anonym-kryptonime Drucklegung in einer für die Akademie schwierigen Zeit unternommen worden ist. Im Zusammenhang mit seiner Beschreibung des traurigen Schicksals des Akademie-Professors Jacob Paul von Gundling (1673–1731) hat Martin Sabrow eindringlich dargestellt, wie sofort nach dem Tod von König Friedrich I. am 25. Februar 1713 dessen Sohn und Nachfolger König Friedrich Wilhelm I. in wenigen Tagen den gesamten Staatsetat einer kritischen Revision unterzogen und seine für erforderlich gehaltenen Sparmaßnahmen so nachdrücklich durchgesetzt hat, daß schon zum Ende dieses Monats die wie seinem Vater so auch ihm entbehrlich erscheinende Ritterakademie geschlossen bleiben musste, die Professoren ihre Stellung verloren haben und danach weder die vorläufige Rücknahme dieser Entscheidung durch den König noch die von Briand versuchte Privatisierung der Lehranstalt deren Fortbestand auf Dauer sicherstellen konnten (Sabrow 2002, 39–41). Nach freundlicher Auskunft des Berliner Geheimen Staatsarchivs Preußischer Kulturbesitz haben in den dort befindlichen Ritterakademie-Unterlagen Informationen

Königsbergischen Universität» von D. H. Arnoldt (1746–1756) wird er nicht genannt. Die Lebensdaten entnehme ich dem Stammbaum seiner Familie, den die dänische Wikipedia anbietet <https://da.wikipedia.org/wiki/Briand_de_Crevecoeur>. Schröder (1996), der diese Daten offenbar nicht gekannt hat, beschreibt die drei heute noch bekannten Wirkungsorte unter drei verschiedenen Namen, nämlich Königsberg 1699–1701 unter *Briandt, Isaac* (S. 111), Berlin 1705–1713 unter *Briand* (S. 110–11) und Kopenhagen 1735–1748 [!] unter *Crevecoeur, Isaac Briand de* (S. 183). Eine Grammatik des Französischen oder Deutschen scheint es unter den in Bibliothekskatalogen registrierten Werken Briands nicht zu geben.

²⁰ Vgl. zum Erwerb von Deutschkenntnissen unter Hugenotten Glück (2002) und danach Böhm (2010).

über den Deutschunterricht für die in Berlin studierenden Russen durch Johann Leonhard Frisch nicht ermittelt werden können²¹.

7.3 Unabhängig von den Berliner Aktenbeständen ist allerdings als wichtige zeitgenössische Quelle ohne weiteres schon jetzt in gedruckter Form eine damals nicht ganz legale private Berichterstattung über Berliner Ereignisse für Georg Albrecht Fürst von Ostfriesland zugänglich, die sich im Staatsarchiv Aurich erhalten hat und in vier ihrer Exemplare von 1713 und 1714 auch über Briand und dessen eigene Akademiegründung informiert.

7.3.1 Unter dem 5. August 1713 erwähnt der ungenannte Korrespondent ganz knapp die von Friedrich Wilhelm I. kurzzeitig erwogene Wiedererrichtung der aufgehobenen Ritterakademie und beschreibt danach viel ausführlicher sogar mit Tarifangaben und einer persönlichen Referenz die 1712 noch von König Friedrich I. privilegierte Akademie Briands:

Die hiesige Ritter-Academie soll nun auch wieder retabliret, und beßer dann vorhin, reguliret werden; dem Herrn Prof. *Brient*, welcher sonst auf seine eigene Kosten eine kleine Ritter-Academie aufgerichtet und selbige bis daher dirigiret hat, ist zwar die Direction darüber offeriret worden, er hat aber dem Verlaut nach sich vor die Königl. Gnade bedancket, doch wollen einige, es sey nur eine französische *Rodomontade* und weiß man bis *dato* noch nicht, wer der Director darüber seyn werde. Mit dieses *Brients* seiner Academie hat es sonst die Bewantniß: Unser höchstseel. König gaben ihm ein *Privilegium*, sie nicht allein aufzurichten, sondern verstatteten ihm auch die Freyheit von der Accise und allen andern *Oneribus*; nachdem er nun dieses erhalten, ließ er draußen vor dem Franckfurther Thore ein sehr wohl aptirtes Hauß bauen, welches ihm mit dem Garten, so dabey angeleget, auf 8000 thl. zu stehen kömt; hierinnen sind nun bis anhero Fürstl., Gräfl., [S. 34] Freyherrl. und Adelige Herrn erzogen, wie dann auch der Fürst *Menzikow* bey seinem letzten Hiersein seiner Schwester-Sohn [sic] dahinein gegeben hat. Sie werden sonst in der Mathematic und andern galanten *Studiis* sehr wohl informiret. Die *Exercitia* bringet man ihnen mit leichter Methode bey und giebet ein jeder für den Tisch, *Logiment*, Information, *Exercitia* als Fechten, Sprachen und Aufwartung jährl. 300 thl., die aber im Reithen sich üben wollen, geben 400 thl. (E. Friedlaender 1902, 33–4)²².

²¹ Herrn Stephan Utpatel danke ich für seine Zusammenstellung der eventuell in Frage kommenden Unterlagen vom 19.5.2022.

²² In einer Fußnote verweist der Herausgeber E. Friedlaender hier auf die Abhandlung seines Vaters Gottlieb Friedlaender «Die K. Allgemeine Kriegsschule und das höhere Militär-Bildungswesen» (Berlin 1854) und auf den Aktenbestand im Geh. Staats-Archiv Rep. 78 III. B. 21. E 5, der sich nach Auskunft von Herrn Utpatel (9.8.2022) jetzt im Brandenburgischen Landeshauptarchiv Potsdam befindet. Von dort hat Herr Dr. Falko Neiningen mir am 17.8.2022 mitgeteilt, dass bis auf Briands Dankschreiben für die Privilegierung (2.9.1712) keine weiteren Quellen zu ihm ermittelt werden konnten.

Die Informationen dieses Berichts über die Briand-Akademie stammen wahrscheinlich vor allem aus der gedruckten Unterrichtsankündigung für das Sommersemester 1713²³. Bei der namentlichen Erwähnung des Fürsten A. D. Menšikov und seiner Familie sollte in unserem Zusammenhang nicht übersehen werden, daß Briand offenbar über sehr gute Beziehungen bis in die höchsten Kreise der russischen Gesellschaft²⁴ verfügte und das in Berlin auch keineswegs ein Geheimnis gewesen ist²⁵. Ausdrücklich hinzuweisen ist wohl auch darauf, dass schon aus chronologischen Gründen die offenbar erst am 3. Oktober 1713 abgeschlossene Drucklegung der Charmyntes-Grammatik vor allem mit der kurzen Existenz der noch 1712 privilegierten Privatakademie von Isaac Briand zu verbinden ist²⁶.

7.3.2 Am 24. März 1714 erfährt man von dem Konkurs Briands, seiner Flucht aus Berlin und der Zerschlagung seines Unternehmens:

Nachdem die hiesige Fürsten-Academie schon vor 2 Jahren gänzlich danieder gelegen, wie dan solches schöne Gebäude zur Wollen-Weber-Manufactur schon beynah ein Jahr gebraucht worden, hat der gewesene Professor in *Geographia et linguae Gallicae Briand*, ein Mann von großer Geschicklichkeit junge Leute wohl zu erziehen, davon er viele Proben erwiesen, sich unternehmen, eine Academie unter Königl. Concession aufzurichten, hat auch anfänglich zimlichen Zugang gehabt, wie dan in derselben 2 *neveux* von dem Fürst *Menzikoff*, andere *Moscowiter*, *Pollnische* und *Schlesische*, auch hiesige junge von Adel befunden, und zu deren

²³ Diese schon von G. Friedlaender (1854, 27 Fußnote) herangezogene Publikation «Nachricht von dem jetzigen Zustand der k. privilegierten Academie, welche zu Berlin vor dem Frankfurter Thore durch Mr. *Briand* als derselben Rector und Gouverneur unlängst angerichtet worden. Für das Sommersemester 1713. Französisch und Deutsch. 4.» wird hier als «Briand 1713» nach dem Digitalisat der Warschauer Biblioteka narodowa zitiert, auf dessen Verfügbarkeit mich freundlicherweise Frau Dr. Gudrun Wirtz (BSB München) hingewiesen hat.

²⁴ Mit *Šeremet'ev* (geschrieben *Czeremetoff*) wird bei G. Friedlaender (1854, 27; nach Briand 1713, 4 deutlicher *Czeremetoff*) ein weiterer Name von Zöglingen aus dem Kreis der angesehenen Familien der «Птенцы гнезда Петрова» (Павленко 1994, 11–106) angeführt.

²⁵ Kareva und Pivovarov (2021, 51) vermuten also ganz unnötigerweise, daß Charmyntes seinen wahren Namen deshalb verschwiegen habe, weil er die sich anbahnende Verbesserung der preußisch-russischen Beziehungen nicht stören wollte.

²⁶ Während in der Beschreibung der Ritterakademie bei Ledebur Sprachmeister nur für das Französische und Italienische genannt werden, ist in der «Nachricht vom jetzigen Zustand» auch von zwei Professoren für das Lateinische und Deutsche und bei Interesse Unterricht im Spanischen die Rede. Als Ziel dieses Deutsch-Unterrichts nennt man immerhin «[d]en rechten Gebrauch und die anständigste Schreib-Art der Teutschen Sprache», im Französischen ist es dagegen, «insonderheit einen guten Brief zu schreiben» (Briand 1713, 1v und 2). Im übrigen hat schon eine 1684 von einem Hofmaler Laborie begründete und schnell gescheiterte «Französische Akademie» in Berlin u. a. «die teutsche Sprache für die Fremden» und «teutsche Schreibkunst» anbieten wollen, vgl. zu ihr und ihrem «prächtigen Programm» G. Friedlaender (1854, 17) und Erbe (1937, 111); bei Schneider (1980, 146) wird dieses der Kriegskunst des Adels dienende Angebot auf deutsch zitiert und aus Versehen dem 1689 eingerichteten Gymnasium («Collège François») für die hugenottischen Kinder zugeschrieben (zu dessen Unterrichtsplan vgl. Muret [1885, 156] und jetzt Böhm [2010, 136 und 441]).

logirunge vor dem Spandauer (*sic!*) thore ein schönes Hauß gekauffet und aptiren laßen, woselbst er tüchtige Exercitien-Meister gehalten, und die jungen Herren mit einer guten taffel entretiniret worden; es hat sich aber der *Entrepreneur* so sehr dabey in schulden gesetzt und ruiniret, daß er vor wenig tagen davon gehen und Frau und Kinder sitzen laßen müßen, und haben die Fleischer, Becker und Brauer, auch Zimmerleute und andere Handwercker als deßen *Creditores* das seinige angegriffen, deßen 12 zugerittene pferde unter sich nebst allen Mobilien getheilet. Der General Lieutenant *Marquis de Varenne*, welcher auch einen Sohn bey demselben gehabt, hat Anspruch auf das Hauß, weil er ihm dazu 2000 thl. vorgeschossen, inzwischen wird der Herr *Briand* beklaget, daß vom Könige derselbe nicht mainteniret werden wollen. (E. Friedlaender 1902, 106).

In diesem Text ist besonders bemerkenswert, dass zunächst mit verhaltener Kritik an die von König Friedrich Wilhelm I. merkantilistisch angeordnete Umnutzung des schönen Gebäudes der früheren Ritterakademie zu einer Textilfabrik erinnert wird und dann der gescheiterte und aus Berlin geflohene «*Entrepreneur*» ein erstaunlich hohes Lob als sehr erfolgreicher Pädagoge erhält: gewesen sei er «ein Mann von großer Geschicklichkeit[,] junge Leute wohl zu erziehen, davon er viele Proben erwiesen». Wie das Leben der bei der Flucht zurückgelassenen Ehefrau und der Kinder weitergegangen ist, erfahren wir nicht mehr, wohl aber, daß die zahlreichen «*Creditores*» die auf dem Grundstück noch verfügbaren Mobilia und die Pferde unter sich aufgeteilt haben. Auf die abschließend mitgeteilte Klage einiger, dass Briand vom König nicht habe «mainteniret» (also behalten) werden wollen, ist ebenso wie auf den noch 1713 ausgesprochenen Vorwurf der Aufschneiderei («*Rodomontade*», vgl. 7.3.1.) im folgenden Abschnitt einzugehen.

7.3.3 Besondere Beachtung verdient zweifellos die eine Woche danach, am 31. März 1714, folgende Nachricht, denn darin wird kurz die Höhe der von dem verschwundenen Briand in Berlin zurückgelassenen Schulden mitgeteilt und dann als ein *Ondit* berichtet, dass er sich bei seiner Flucht vielleicht nach Russland abgesetzt habe:

Des Herrn *Briands falliment* soll sich über m/25 thl. belauffen, und hat derselbe alles silber, so er im Hause gehabt, mitgenommen, wobey auch viele Baarschafften sollen gewesen seyn, man will versichert seyn, daß er nach dem Czaar sich gewendet, denn alß der Fürst *Menzikoff* vor 2 jahren hier gewesen und denselben besucht, sollen demselben derozeit bereits große Offerten geschehen seyn, wenn er nach *Moscow* kommen wolle. (E. Friedlaender 1902, 109)²⁷.

²⁷ Wenn Briand sich tatsächlich, wie in Berlin vermutet, nach Russland begeben hat, wären für einen solchen Aufenthalt konkrete Belegnachweise aus einer dort vielleicht erhaltenen Überlieferung sehr erwünscht, da in der heute bekannten Abfolge seiner Lebensdaten zwischen 1714 und 1735 eine Lücke klafft, vgl. oben Fußnote 19. Auch über das Leben Briands vor seiner Berufung nach Königsberg scheint bisher nichts bekannt zu sein.

Warum man damals in der Stadt an einen Wechsel Briands gerade nach Russland gedacht hat, begründet der Bericht mit der Erinnerung an ein diesem schon vor zwei Jahren von A.D. Menšikov überbrachtes vorteilhaftes Angebot, «wenn er nach *Moskau* kommen wolle», und vielleicht sind diese «Offerten» danach sogar noch verbessert worden. Jedenfalls scheint Briand im März 1714 keineswegs, wie man meinen könnte, überstürzt und in Panik lediglich vor seinen vielen Gläubigern Reißaus genommen zu haben, sondern hatte wohl schon länger die Möglichkeit eines Weggangs ins Auge gefasst, denn bereits das erwähnte erfolgreiche Beiseiteschaffen allen Silbers (einschließlich vielen Münzgelds) kann man sich kaum ohne eine sorgfältige und unbedingt geheim zu haltende Vorbereitung des Abtransports vorstellen. Von Unentschlossenheit über seine Zukunft angesichts dieser lange aufgeschobenen Entscheidung zwischen Berlin und Moskau zeugt vielleicht auch Briands merkwürdiges und von manchen als bloße «*Rodomontade*» bewertetes Zögern bei der Annahme des ihm von König Friedrich Wilhelm I. anscheinend angebotenen Direktorats der erneuerten Ritterakademie (vgl. 7.3.1.), denn nach einer Zusage hätte er wohl befürchten müssen, dass Verhandlungen mit Moskau deutlich schwieriger (oder unmöglich) werden würden, wenn sie nicht mehr mit einem vom König weniger abhängigen Privatmann geführt werden könnten. Mit dem Wunsch, seine wirtschaftliche Unabhängigkeit zu bewahren, lässt sich auch erklären, dass er zum späteren Bedauern seiner Umgebung vom König nicht «*mainteniret*» werden wollte (vgl. 7.3.2.). Und nicht zuletzt wäre zu bedenken, ob nicht Briand derjenige gewesen ist, der in der Hoffnung auf einen für ihn günstigen Eindruck in Moskau die ungewöhnliche Widmung der Charmyntes-Grammatik vom 3. Oktober 1713 («Der in Deutschland Studirenden Russischen Nation zum besten»)²⁸ auf das Titelblatt gesetzt hat.

7.3.4 Schließlich wird am 13. Oktober 1714 in der vierten Briand betreffenden Nachricht den Lesern nüchtern mitgeteilt, dass dessen Immobilien vor kurzem meistbietend verkauft worden sind:

Des vor einigen Monathen entwichenen *Academie-Directoris Briands* Hauß und Garten, wie auch das Reithauß sampt allen Effekten, seyn diese Woche *plus offerenti* verkauffet und zugeschlagen worden. (E. Friedlaender 1902, 201f.)

Vom Druck der Deutsch-Grammatik eines Charmyntes scheint der Berichterstatter freilich nichts gehört zu haben, und von Frisch ist in allen diesen Texten nur in anderen Zusammenhängen die Rede.

7.4 Unabhängig von dieser Quelle hat zu derselben Zeit über Briand auch J. L. Frisch in seinen Briefen an G. W. Leibniz geschrieben und dabei einige von deren Nachrichten durchaus bestätigt.

²⁸ Glück (2013, 210) nennt als «das erste auf Deutsch verfasste und in Deutschland erschienene [Deutsch]-Lehrbuch, das im Titel den Anspruch anmeldete, <auch für Ausländer> geeignet zu sein», erst die 1802 publizierte Sprachlehre von Fr. E. Rambach.

7.4.1 So berichtet er Leibniz am 2. September 1712:

Anstatt der Ritter-Academie, so eingegangen, nimt jetzt die kleine Academie vor allerhandt Standspersohnen, so M[onsieu]r Briand angerichtet, fein zu. Die Anstalten sind besser und versprechen mehr Dauerhaftigkeit. Es wurde anfangs nur für so junge Herrn angerichtet, welche der grossen Academie noch zu klein waren, damit dieser kein Abbruch geschehen möge; nun aber dörfen wohl anstalten zu einer grossen gemacht werden. Ich habe bissher noch immer darinnen informirt, und sind bissher bald auf einander 6 Moscovitische Prinzen oder Knaesen zu uns gekommen, nemlich 3 Repnin und 3 Dolgoruki, deren jene Brüder, diese von verschiedenen Vättern; da mir dann mein weniges von der Russischen Sprach wohl zu statten kommt. (Fischer 1896/1976, 34f., vgl. Bernhagen 1958, 117).

7.4.2 Am 29. Oktober 1712 berichtet er Leibniz stolz von Peter dem Großen, der am 11. Oktober «fast unerwartet» nach Berlin gekommen war und sich auch für die Fortschritte der russischen Zöglinge interessiert habe:

Als Ihro Maj[estät] der Czar hier war, liess er meine 6 junge Knesen, die ich in der information habe, alsbald hohlen und fragte nach ihren studien. Es sind 3 Dolgoruki von zweyerley Fürsten dieses Namens, und 3 Repnin gebrüder. Ich habe die Ehre gehabt, den hiesigen Herrn envoyé, Grafen von Golowkin, auch 2 Jahr zu informiren, als er vor 7 Jahren hier war. (Fischer 1896/1976, 36 und Anm.153 S. 67).

Bernhagen (1958, 118) hat gemeint, daß Frisch mit dem Zaren selbst damals wohl nicht persönlich in Berührung gekommen sei, jedenfalls schreibe er Leibniz nichts davon. Die Befragung dieser jungen Russen wird in den Berliner Quellen (Kröhne 1882, 36–9) nicht erwähnt; stattgefunden hat sie wohl im Hause von Golowkin, wo der Zar Quartier genommen hatte (Kröhne 1882, 37). Nicht bekannt ist leider, ob an dieser Unterhaltung auch Briand beteiligt war, der vielleicht als Leiter seiner Anstalt für die Ausbildung als ganze Rechenschaft zu geben hatte. Jedenfalls kann der Besuch des Zaren zu den späteren Gerüchten beigetragen haben, daß Briand mit seiner Flucht nicht zuletzt den Moskauer «Offerten» gern gefolgt sei.

7.4.3 Offenbar als Antwort auf eine ausdrücklich die Akademie betreffende Frage von Leibniz berichtet Frisch ihm über Briand noch einmal am 30. August 1715:

Wegen der hiesigen Academie berichte, dass auch diejenige, so M[onsieu]r Briand angefangen und in zimlichem Flor war, so dass etlich 20 Fürsten und Grafen und andere Standspersonen darinnen waren, auch schon zergangen. Ich hab einige Jahr darinnen informirt, und der director, den ich gesucht, so lang es möglich war, nach meinem geringen vermögen, theils durch informiren, theils durch geld vorstrecken zu fristen, hat endlich schimpfflich durchgehen müssen und mich unbezahlt gelassen. (Fischer 1896/1976, 38)

Merkwürdigerweise kommt auch Frisch in keinem seiner Briefe an Leibniz auf die ihm heute wiederholt als eigenes Werk zugeschriebene Charmyntes-Grammatik zu sprechen, obwohl er sich sonst in dieser Korrespondenz oft und gern über seine veröffentlichten oder noch in Vorbereitung befindlichen wissenschaftlichen Arbei-

ten äußert. Sein auffälliges Schweigen zu diesem erst im Oktober 1713 fertiggestellten Lehrbuch erklärt sich am einfachsten dadurch, dass es nicht von ihm stammt, sondern eher von Briand kompiliert sein dürfte und Frisch in manchen Punkten möglicherweise sogar mißfallen hat. Der zweite und besonders lange Satz im obigen Zitat deutet freilich darauf hin, daß die zwischen 1713 und 1714 gewachsenen Schuldenprobleme Briands ihre Beziehung sehr belastet haben, denn Frisch bekennt hier, daß er in dieser schwierigen Zeit (solange ihm sein geringes eigenes Vermögen das erlaubte) bemüht gewesen sei, den verschuldeten Direktor teils durch «informieren» (also durch schlechter oder überhaupt nicht honorierte Lehre?), teils durch Vorschießen von Geld «zu fristen» (d. h. über Wasser zu halten), während Briand es am Ende vorgezogen habe, «schimpflich durchzugehen» und diese seine Schulden unbezahlt zu lassen. Wenn Frisch nicht einmal in diesem abgeklärt-nüchternen Rückblick aus Distanz das Charmyntes-Lehrbuch als seinen Beitrag zur Arbeit in der nun «schon zergangen[en]» Akademie Briands in Erinnerung bringt, sollte man es ihm nicht mehr zuschreiben, solange es keine neuen Argumente dafür gibt. Eher muß man wohl vermuten, daß der großzügige Privatdruck dieses Werks «den Studierenden der russischen Nation zum besten» einiges zur Vergrößerung der Schuldenlast des Direktors (und vielleicht auch Verfassers) beigetragen hat.

7.5 Nicht zuletzt sollte man in Kenntnis des Warschauer Digitalisats jetzt darauf achten, dass die Charmyntes-Grammatik wohl auch typografisch in manchen Details mit der oben erwähnten Werbe-«Nachricht» für das Sommersemester 1713 übereinkommt, also in derselben Werkstatt hergestellt worden sein könnte und ihr Auftraggeber vermutlich wieder der Direktor der Anstalt war. Auffällig gemeinsam ist in dieser Hinsicht die Verwendung rechteckiger Initialen desselben Typs, vgl. den übereinstimmenden Fraktur-Buchstaben *D* auf dem Titelblatt der Grammatik («Die Deutsche GRAMMATICA...») mit dem entsprechenden *D* auf der ersten Seite der «Nachricht» («Das Wachstum...»). Auch bei dieser Drucklegung spricht also einiges für Briand als Besteller und kaum etwas für Frisch, der sich mit «[s]einem geringen vermögen» wahrscheinlich einen so kostspieligen privaten Auftrag überhaupt nicht hätte leisten können.

Literatur

- Карева, Наталия В. и Евгений Г. Пивоваров. 2019а. «Первая в России грамматика немецкого языка: история создания и источники.» *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание* 18 (4): 18–28. DOI <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.207>.
- Карева, Наталия В. и Евгений Г. Пивоваров. 2019б. «Редкая книга из коллекций Российской национальной библиотеки и Библиотеки Академии наук «Die deutsche Grammatica» Шарминта (1713).» *Петербургская библиотечная школа* 18 (4): 18–28 [mir nicht zugänglich].
- Карева, Наталия В. и Евгений Г. Пивоваров. 2020. ««Немецкая грамматика» М. Шванвица (1730): исторический контекст, предшествующая традиция, современная рецепция.» *Acta Linguistica Petropolitana* 16, 2: 479–508. DOI:10.30842/alp2306573716217.

- Карева, Наталия В. и Евгений Г. Пивоваров. 2022. “Первая грамматика немецкого языка для русских студентов (1713): особенности подачи грамматического материала.” *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература* 19, 2: 320–30. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.207>.
- Павленко, Николай И. 1994. *Птенцы гнезда Петрова*. Москва: Мысль.
- Словарь русского языка XVIII века*. 1. и след. Ленинград / Санкт-Петербург 1984 и след.: Наука.
- [Шванвиц, Мартин]. 1730. *Немецкая грамматика из разных авторов собрана и российской юности в пользу издана от учителя немецкого языка при Санкт-Петербургской гимназии*. Напечатана в типографии Академии наук.
- Arnoldt, Daniel Heinrich. 1746–1756 [1994]. *Ausführliche und mit Urkunden versehene Historie der Königsbergischen Universität*. Königsberg: Johann Heinrich Hartung. Neudruck Aalen: Scientia Verlag.
- Bernhagen, Wolfgang. 1958. “Johann Leonhard Frisch und seine Beziehungen zu Rußland.” In *Die deutsch-russische Begegnung und Leonhard Euler. Beiträge zu den Beziehungen zwischen der deutschen und russischen Wissenschaft und Kultur im 18. Jahrhundert*. Herausgegeben von Eduard Winter, 112–24. Berlin: Akademie-Verlag.
- Bödiker, Johann. 1709. *Neu-vermehrte Grund-Sätze der Deutschen Sprachen Im Reden und Schreiben. Samt einem ausführlichen Bericht vom rechten Gebrauch der Vorwörter*. Berlin: Meyer und Zimmermann.
- Böhm, Manuela. 2010. *Sprachenwechsel. Akkulturation und Mehrsprachigkeit der Brandenburger Hugenotten vom 17. bis 19. Jahrhundert*. Berlin/New York: De Gruyter.
- Briand, Isaac. 1713. *Etat présent De L'ACADEMIE PRIVILÉGIÉE DU ROY Nouvellement établie à Berlin [...]* Par Mr. BRIAND [...]/ *Nachricht Von dem jetzigen Zustand Der Königl. Privilegirten ACADEMIE, Welche Zu Berlin [...]* Durch Mr. BRIAND [...]. *Unlängst eingerichtet worden [...]*. [Berlin]. [Digitalisat der Biblioteka narodowa Warschau: <https://polona.pl>].
- Büchner, Andreas Elias. 1756. *Academiae Caesareae Leopoldino-Carolinae Naturae Curiosorum historia*. Hala Magdeburgica: Academiae sumptibus emissa.
- Budziak, Renata. 2010. *Deutsch als Fremdsprache in Polen. Sprachlehrbücher aus dem 16. bis 18. Jahrhundert*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Caravolas, Jean Antoine. 2000. “Johann Theodor Jablonski (1654–1731) et la Parfaite grammaire royale de Des Pepliers.” In *Grammaire et enseignement du français, 1500–1700*. Édité par Jan de Clercq, Nico Lioce, Pierre Swiggers, 463–82. Leuven, Paris: Peeters.
- Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque Nationale. Auteurs*. 1927. Tome XXVI. Chaimis – Charoy. Paris: Imprimerie Nationale.
- Charmyntes. 1713. *Die Deutsche GRAMMATICA, Aus Unterschiedenen Autoribus zusammen gebracht Und Der in Deutschland Studirenden Russischen Nation zum besten In einem Compendio herausgegeben von Charmyntes*. [Ohne Orts- und Verlagsangabe].
- Diedrichs, Eva Pauline. 1983. *Johann Bödikers Grund-Sätze der deutschen Sprache mit den Bearbeitungen von Johann Leonhard Frisch und Johann Jakob Wippel*. Heidelberg: Winter.
- Eichler, Ernst. 1993. *Slawistik in Deutschland von den Anfängen bis 1945*. Herausgegeben von Ernst Eichler [u. a.]. Bautzen: Domowina-Verlag.
- Erbe, Helmut. 1937. *Die Hugenotten in Deutschland*. Essen: Essener Verlagsanstalt.
- Fischer, Leopold Hermann. 1896/1976. *Johann Leonhard Frisch. Briefwechsel mit Gottfried Wilhelm Leibniz*. Mit Einleitung und Anmerkungen herausgegeben von Leopold Hermann Fischer. Berlin 1896. Nachdruck Hildesheim: Georg Olms Verlag.

- Friedlaender, Ernst. 1902. *Berliner geschriebene Zeitungen aus den Jahren 1713–1717 und 1735. Ein Beitrag zur Preußischen Geschichte unter König Friedrich Wilhelm I.* Berlin: Mittler und Sohn.
- Friedlaender, Gottlieb. 1854. *Die K. Allgemeine Kriegsschule und das höhere Militär-Bildungswesen.* Berlin: Mittler und Sohn.
- Glück, Helmut. 2002. “Wie haben die Hugenotten Deutsch gelernt?” *Zeitschrift Deutsch als Fremdsprache* 39: 172–81.
- Glück, Helmut. 2013. *Die Fremdsprache Deutsch im Zeitalter der Aufklärung, der Klassik und der Romantik. Grundzüge der deutschen Sprachgeschichte in Europa.* Wiesbaden: Harrassowitz.
- Glück, Helmut und Yvonne Pörzgen. 2009. *Deutschlernen in Russland und in den baltischen Ländern vom 17. Jahrhundert bis 1918. Eine teilkommentierte Bibliographie.* Wiesbaden: Harrassowitz.
- Glück, Helmut und Konrad Schröder. 2007. *Deutschlernen in den polnischen Ländern vom 15. Jahrhundert bis 1918. Eine teilkommentierte Bibliographie.* Bearbeitet von Yvonne Pörzgen und Marcelina Tkocz. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Kareva, Natalia V. und Evgeny G. Pivovarov. 2021. “Die deutsche Grammatica ... von Charmyntes (Berlin 1713): Creation, Author and Readers.” *Slavistica Vilnensis*. 2021, 66 (1): 42–55. DOI: [https://doi.org/10.15388/SlavViln.2021.66\(1\).59](https://doi.org/10.15388/SlavViln.2021.66(1).59).
- Koch, Kristine. 2002. *Deutsch als Fremdsprache im Russland des 18. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Geschichte des Fremdsprachenlernens in Europa und zu den deutsch-russischen Beziehungen.* Berlin/ New York: De Gruyter.
- Köhne, Bernhard von. 1882. *Berlin, Moskau, St. Petersburg. 1649–1763. Ein Beitrag zur Geschichte der freundschaftlichen Beziehungen zwischen Brandenburg-Preußen und Rußland.* Berlin: Verein für die Geschichte Berlins.
- Ledebur, Karl von. 1878. *König Friedrich I. von Preußen. Beiträge zur Geschichte seines Hofes, sowie der Wissenschaften, Künste und Staatsverwaltung seiner Zeit.* Erster Band. Leipzig: Schulz.
- Muret, Eduard. 1885. *Geschichte der Französischen Kolonie in Brandenburg-Preußen unter besonderer Berücksichtigung der Berliner Gemeinde.* Berlin: Druck von W. Büxenstein.
- Pepliers, Jean Robert des. 1693. *Nouvelle Grammaire Royale Française et Allemande augmentée avec des regles pour faciliter à l'exercice de la langue française [...].* [Berlin].
- Pepliers, Jean Robert des. 1756: *Nouvelle et parfaite grammaire royale française et allemande. Neue und vollständige Königliche Französische Grammatik [...]. Bisher unter dem Namen des Herrn Pepliers, vielmals herausgegeben, gegenwärtig aber durchgehends aus des berühmten Französischen Jesuiten, H. Buffier und anderer Gelehrten Anmerkungen auf das fleißigste verbessert [...].* Leipzig: Weidmann.
- Reichard, Elias Caspar. 1744/1978. *Versuch einer Historie der deutschen Sprachkunst.* Hamburg 1744. Nachdruck 1978: Hildesheim: Olms.
- Sabrow, Martin. 2002. *Herr und Hanswurst. Das tragische Schicksal des Hofgelehrten Jacob Paul von Gundling.* Stuttgart/München: Deutsche Verlags-Anstalt.
- Schneider, Wolfgang. 1980. *Eine Kulturgeschichte in Bildern und Dokumenten. Bildauswahl und -zusammenstellung von Wolfgang Gottschalk.* Leipzig/Weimar: Gustav Kiepenheuer Verlag.
- Schochow, Werner. 2003. *Bücherschicksale. Die Verlagerungsgeschichte der Preußischen Staatsbibliothek. Auslagerung – Zerstörung – Entfremdung – Rückführung. Dargestellt aus den Quellen.* Mit einem Geleitwort von Werner Knopp. Berlin/New York: De Gruyter.
- Schröder, Konrad. 1989. *Biographisches und bibliographisches Lexikon der Fremdsprachenlehrer des deutschsprachigen Raumes, Spätmittelalter bis 1800.* Band 2: Buchstaben D bis H. Erste Nachträge zum Quellenverzeichnis. Augsburg: Universität Augsburg.

- Schröder, Konrad. 1996. *Biographisches und bibliographisches Lexikon der Fremdsprachenlehrer des deutschsprachigen Raumes, Spätmittelalter bis 1800*. Band 5: Nachträge und Ergänzungen. Buchstaben A bis K. Augsburg: Universität Augsburg.
- [Schwanwitz, Martin]. 1730. *Die Teutsche Grammatica Aus unterschiedenen Auctoribus zusammen getragen und Der Russischen Jugend zum Besten heraus gegeben von dem Informatore der Teutschen Sprache bey dem St. Petersburgischen Gymnasio*. Gedruckt in der Academischen Buchdruckerey.
- Stieler, Kaspar. 1691/1968. *Der Teutschen Sprache Stammbaum und Fortwachs oder Teutscher Sprachschatz. III. Grammatik und Register*. Nürnberg 1691. Nachdruck Hildesheim: Olms.
- Wippel, Johann Jacob. 1746/1977. *Johann Bödikers Grund-Sätze Der Teutschen Sprache. Mit Dessen eigenen und Johann Leonhard Frischens vollständigen Anmerkungen. Durch neue Zusätze vermehret durch Johann Jacob Wippel*. Berlin 1746. Nachdruck Leipzig: Zentralantiquariat.

Internetquellen

- https://da.wikipedia.org/wiki/Briand_de_Crevecoeur (letzter Zugriff: 18.2.2022)
- <https://search.rsl.ru/ru/search#9=Charmyntes%2C> (letzter Zugriff: 18.2.2022)
- <https://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb302244006> (letzter Zugriff: 18.2.2022)

Ученики Иоанникия и Софрония Лихудов конца XVII–начала XVIII века и развитие книгопечатного дела в России в 1691–1740 годах

Джамия Рамазанова

Abstract: *The Disciples of Ioannikiy and Sofroniy Likhudov and the Development of Book Printing in Russia, 1691-1740.* The article is devoted to the social portrait of several generations of students of Ioannikios and Sophronios Likhudes at the Slavo-Graeco-Latin Academy and the Moscow Greek School, who worked at the Moscow Printing House (Pечатnyj Dvor). The study of the biographies of the Likhudes brothers' students made it possible to identify certain patterns in the development of their careers: during their studies, some of the students were enrolled in the staff of the Printing House (later the Synodal Printing House), where they held the positions of readers, book scribes, and typesetters. Then, after completing the studies, the most capable of them were given greater responsibility, and they moved to the positions of editors (spravschtsiki). The article concludes that behind the biographies and works of several generations of students it is possible to see a single socio-cultural phenomenon that largely determined the development of book culture in the country in the Petrine epoch.

Keywords: Slavo-Greco-Latin Academy, Sophronios and Ioannikios Likhudes (Leichoudes), Fedor Polikarpov, Nikolay Semenov, Moscow Printing House, book printing.

Славяно-греко-латинская Академия (далее СГЛА), организованная в 1685 году в Москве под руководством греческих дидаскалов братьев Иоанникия и Софрония Лихудов, уже в конце XVII - начале XVIII века стала в Русском государстве значимым образовательным центром¹. Здесь впервые в истории страны сформировалась плеяда просвещенных людей, в чьих образовании и опыте сочетались традиционная культура православных книжников с познаниями в гуманитарных науках своего времени и классических языках. Результаты разысканий сведений о количественном составе учащихся СГЛА за неполное десятилетие, когда там преподавали братья Лихуды, позволяют оценить совокупную численность непосредственных учеников греческих дидаскалов почти в 150 человек (Рамазанова 2008а, 353–64), что само по себе

¹ К истории Славяно-греко-латинской Академии исследователи обращались еще с начала XIX века, этой теме посвящена обширная историография. Библиографию до 2004 года см. в работах: Белоброва 1993b, 304–05; Буланин 2004а, 741-43.

Džamilija Ramazanova, Russian State Library, Russian Federation, jamiilara@gmail.com, 0000-0003-1416-1756

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Džamilija Ramazanova, *The Disciples of Ioannikiy and Sofroniy Likhudov and the Development of Book Printing in Russia, 1691-1740*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.11, in Svetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 103-127, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

можно охарактеризовать как небывалое прежде для России социокультурное явление. Разумеется, не все из учеников Лихудов в последующем проявили себя на том или ином поприще как знающие и образованные люди, не всем удалось оставить заметный след в культуре. Тем не менее масштаб слушателей, охваченных уроками греческих просветителей, заставляет задаться вопросом о том, где в дальнейшем такие лица могли найти себе применение и каким образом их знания и умения использовали власти.

Настоящая статья — далеко не первая работа, где представлена попытка проследить судьбы учеников Лихудов в связи со значением СГЛА для культурного ландшафта России начала XVIII века, прояснить значение трудов тех или иных учеников для интеллектуальной жизни в эпоху Петра I². Здесь мы рассмотрим одну область деятельности, где оказались востребованы знания и умения воспитанников Иоанникия и Софрония — это книгопечатное дело. Ранее я уже касалась этой темы (Рамазанова 2012), однако тогда были рассмотрены судьбы только трех лиц, учившихся у Лихудов в СГЛА в конце XVII века, а биографии учеников других школ, где Иоанникий и Софроний преподавали позже в XVIII веке, в той статье не обсуждались. Между тем дальнейшие исследования показали, что было бы целесообразно также проследить судьбы учеников Лихудов нескольких поколений, и при этом постараться увидеть в их деятельности интеллектуальную преемственность. Такой исследовательский подход напрашивается потому, что схожее образование, полученное у греческих дидаскалов, должно было сформировать у воспитанников общую систему культурных ценностей, включая отношение к труду книжника.

Мы не задавались целью проследить судьбы всех воспитанников Лихудов, в разное время трудившихся на издательском поприще. Наша цель состояла в другом. Во-первых, на основе архивных разысканий мы постарались реконструировать основные факты биографий ряда учеников Лихудов, связанные с их работой в типографских центрах России. Это касалось как лиц, имена которых хорошо известны в историографии, так и тех, чьи судьбы мало изучены. Во-вторых, за биографиями как творческих людей, так и рядовых исполнителей нужно было увидеть результаты совокупной деятельности, которая определяла особенности функционирования «фабрики» книгоиздательской культуры в России первой половины XVIII века.

Историография XIX века, посвященная СГЛА и деятельности Лихудов, в основном ограничивалась лишь несколькими именами учеников, известными историкам того времени, причем некоторые из лиц были отнесены к этому кругу ошибочно. Так, например, С.К. Смирнов считал выпускником СГЛА Кариона Истомина и полагал, что учеником Лихудов был монах Фео-

² В частности, биографии и труды учеников Лихудов привлекали внимание Д. А. Яламаса (Yalamas 1991/1992) и Н. Хриссидиса (Chrissidis 2016) (я пользовалась русским переводом этой монографии, недавно опубликованной с рядом уточнений по сравнению с английским оригиналом, см. Хриссидис 2023, 229–362). Сведения об учениках Лихудов в Итальянской, Новгородской и Московской греческой школах рассмотрены соответственно в работах: Рамазанова 2019; Вознесенская 2005; Вознесенская 2015 и др.

лог (Смирнов 1855, 75), известный как справщик Московской типографии и корреспондент митрополита Димитрия Ростовского³; того же мнения о Феологе уверенно придерживался и М. Н. Сменцовский (Сменцовский 1899, 352, 356). Однако оба эти утверждения об учебе Кариона Истомина и Феолога у Лихудов не подтверждаются известными источниками⁴.

Вместе с тем с достоверностью установлено, что для некоторых из лучших учеников Лихудов, таких как Петр Постников-старший и Моисей Арсеньев⁵, местом службы после завершения образования стал Посольский приказ. Несомненно, что СГЛА, ставшая за неполные десять лет, как мы можем оценить теперь, важным центром книгописания и переводов с греческого языка⁶, в отдельных случаях могла быть местом подготовки кадров для будущих переводчиков русского дипломатического ведомства. Однако отбор властями таких лиц из СГЛА в Посольский приказ отнюдь не носил массового характера, и в обоих упомянутых выше примерах для определения на службу Петра Постникова-старшего и Моисея Арсеньева решающим фактором, по-видимому, было хорошее знание ими не только греческого и латинского языков, но и итальянского.

С другой стороны, еще в отмеченных работах историков XIX века упоминались ученики Лихудов, биографии которых оказались связаны с Московским Печатным двором — интеллектуальным центром, не менее значимым для русской культуры, чем Посольский приказ. Система управления Печатным двором, условия труда его работников и в целом его роль как книгоиздательского предприятия и успешной мануфактуры, приносившей доход казне, исследована довольно обстоятельно (Дадыкин 2007, 129–70). Также проанализированы сведения о персональном составе и круге занятий лиц, занимавших на Печатном дворе в 1654–91 годах сравнительно высокие должности справщиков (Сиромаха 1999). Тем не менее роль Московского Печатного двора в качестве учреждения, ставшего местом работы и службы многих выпускников СГЛА в годы, когда там преподавали Лихуды, пока, на наш взгляд, изучена далеко недостаточно. Стоит отметить, что деятельность работников Печатного двора, а также преподавателей и учащихся СГЛА до конца XVII века финансировалась из одного центрального государственного ведомства — Приказа книгопечатного дела (за исключением первого года существования

³ О справщике Феологе см. Буланин и Федотова 2004; Федотова 2005, 19–23; о Карионе Истомине см. Сазонова 1993.

⁴ Ни в одном документе о СГЛА нет упоминания Кариона Истомина или Феолога в качестве их учеников. Это уже отмечалось в работах: Федотова 2005, 19; Сазонова 1993, 141.

⁵ О дальнейшем образовании и деятельности П. Постникова-старшего см.: Шмурло 1988; Запольская 1988; Запольская 1993; Д. Гузевич и И. Гузевич 2008, 684 (по указателю); о М. Арсеньеве см. Рамазанова 2019, 67–8.

⁶ Об этом свидетельствуют многочисленные списки рукописей и переводы, созданные в стенах СГЛА учениками Лихудов: см. Яламас 2001; Вознесенская 2008; Рамазанова 2013; Рамазанова 2016; Яламас 2021; Рамазанова 2023а; Рамазанова 2023б и др..

СГЛА, когда Лихуды и несколько их первых учеников получали жалование из Патриаршего казенного приказа, Рамазанова 2020, 2; Дадыкин 2007, 136). В этом смысле источник финансирования их деятельности показывает, что в глазах властных администраторов второй половины XVII века столичные образовательное и издательское учреждения были тесно связаны.

Заметим, что об аналогичной связи во многом свидетельствуют факты, относящиеся к предшественнице СГЛА — Греко-славянской школе, действовавшей на Московском Печатном дворе под руководством иеромонаха Тимофея (Буланин 2004b) в 1681–87/88 годах. Детально исследовавший историю этой школы Б. А. Фонкич называет ее «Типографской» (Фонкич 2009, 101–73)⁷, отмечая, что по первоначальным планам властей она «должна была готовить справщиков Печатного двора, которые могли бы издавать прежде всего сочинения греческих писателей на языке подлинника и в переводах» (Фонкич 2009, 146). При этом Типографская школа являлась средним учебным заведением, созданным по образцу греческих училищ, существовавших во владениях Османской империи и Венецианской республики (Фонкич 2009, 166–67). Большинство воспитанников Тимофея, окончивших программу обучения в этой школе, начиная с июля 1685 года постепенно перешли сначала в Богоявленскую, а затем в Заиконоспасскую школу братьев Лихудов, став слушателями их уроков уже в учебном заведении высшего типа (Фонкич 2009, 145–46).

Поэтому можно было бы думать, что в отношении целенаправленной подготовки кадров квалифицированных служащих Печатного двора СГЛА под руководством Лихудов изначально оказалась естественной преемницей Типографской школы. Однако в действительности ситуация не была столь однозначной: среди учеников Типографской школы, сведения о которых были выявлены Б. А. Фонкичем, нам не удалось обнаружить лиц, которые были бы приняты на службу на Печатный двор, минуя обучение у Лихудов.

Ученики Иоанникия и Софрония Лихудов уже начиная с первого набора слушателей СГЛА 1685 года были привлечены властями в качестве работников Печатного двора: первым, кого туда приняли на службу в июле 1690 года, стал Федор Поликарпов, затем на Печатный двор поступил Николай Семенов Головин; в 1692 году — Федот Агеев, затем Федор Герасимов, Карп Федоров и другие. Во время преподавания Лихудов в СГЛА их ученики устраивались на Печатный двор почти ежегодно. В целом изучение документов Приказа книгопечатного дела показывает, что Московский Печатный двор стал местом, где с начала 1690-х годов нашли применение своим способностям и знаниям многие слушатели уроков Иоанникия и Софрония Лихудов.

Приведем ниже биографические сведения об учениках братьев Лихудов, которые в разное время были сотрудниками Московского Печатного двора,

⁷ Иногда, впрочем, Б. А. Фонкич называл это учреждение «Типографским училищем» (Фонкич 2009, 121, 146, 150, 166–7 и др.), имея в виду, что там действовало два отделения — греческое и славянское. Оба наименования («школа» и «училище»), насколько известно, приняты в последующей историографии.

обращая внимание на время их учебы в сопоставлении с данными об их служебной деятельности.

Федор Поликарпов, один из наиболее выдающихся учеников Лихудов, заслуживших известность в историографии⁸, поступил на Московский Печатный двор в 1690 году: впервые в июле этого года он упоминается в качестве книгописца Печатного двора (РГАДА. Ф.1182. Оп.1. Д. 67. Л. 84), с сентября в документах на получение жалованья ему был положен оклад «четыре рубли» (РГАДА. Ф.1182. Оп.1. Д. 92. Л. 6 об.) и поденного корма «... на один день по два алтына на день» (РГАДА. Ф.1182. Оп.1. Д. 92. Л. 48). В этой должности он находился до 1694 года, когда после отстранения Лихудов от преподавания в СГЛА Поликарпову и его соученику Николаю Семенову было указано продолжить дело учителей. Об этом, в частности, сохранилось свидетельство самого Федора Поликарпова, сообщавшего в *Историческом известии о Московской Академии*, составленном в 1726 году, т.е. спустя три десятилетия после событий, следующее: «по отрешении же оных учителей от любезнаго им училища, повелено в тех школах учить ученикам их, перваго класса, Николаю Семенову, да Федору Поликарпову, на едином токмо Еллиногреческом диалекте, в котором служении пребыли они токмо двое, подающе Граматику, Пиитику и Риторику, 5 лет и 6 месяцев, из их же учеников мнози были и в переводчиках» (ДРВ 1791, 301). Действительно, назначение Поликарпова и Семенова на место Иоанникия и Софрония Лихудов состоялось 2 сентября 1694 года по указанию патриарха Адриана: «книгописцу Федору Поликарпову [...] ныне быть в школьных полатах, что за иконным рядом и учить учеников» (РГАДА. Ф.1182. Оп.1. Д.67. Л. 99 об.). Жалованье новым преподавателям власти положили по 50 рублей в год. Хотя это было втрое меньше размера прежнего жалованья Лихудам, однако по сравнению с ежегодным жалованьем справщиков (наиболее ответственной категорией работников Печатного двора) отличалось только на 10 рублей.

Спустя четыре года власти изменили решение об использовании знаний и умений первых учеников Лихудов, и в течение 1698 года Федор Поликарпов и Николай Семенов были переведены обратно на Печатный двор, теперь уже на должности справщиков. Поликарпову было предписано находиться «у книжного правления в справщиках» 26 марта вместо иеромонаха Тимофея (РГАДА. Ф.1182. Оп.1. Д. 67. Л. 110об.). Поначалу ему было назначено жалованье в прежнем размере 50 руб. в год, однако с 8 сентября следующего 1699 года на основании челобитной Поликарпова, одобренной «начальным человеком» Печатного двора Карионом Истоминым, размер ежегодных выплат Поликарпову вырос: ему было «велено давать на хлеб и на всякий припас» дополнительно «по двадцати рублев в год». При этом в приказном документе особо отмечалось, что жалованье в таком размере «другим справщиком

⁸ О Федоре Поликарпове и его трудах, с указанием библиографии исследований см. Буланин, Зиборов 2004, 105–30). Особо о трезычном (славяно-греко-латинском) букваре Ф. Поликарпова см. Ramazanova 2014, 59–70.

не в пример и не в образец» (РГАДА. Ф.1182. Оп.1. Д. 67. Л. 110 об.). Таким образом, с 1699 года Поликарпов стал получать 70 руб. годового жалованья⁹.

Спустя два года Федор Поликарпов, сменив Кариона Истомина, с 15 ноября 1701 года возглавил работы на Московском Печатном дворе в качестве «начального человека» (начальника типографии) уже с годовым жалованьем, более чем вдвое превысившим прежние выплаты, и составлявшим 160 руб. (РГАДА. Ф.1182. Оп.1. Д. 67. Л. 119–119 об.). В этой должности обязанности и влияние Поликарпова существенно расширились, и именно с его деятельностью на Московском Печатном дворе связано появление многих изданий, абсолютно новых для книгопечатания в России конца XVII–начала XVIII века.

Исполняя административные обязанности по руководству Печатным двором, Федор Поликарпов оставался активным проводником тех идей и знаний, которые были обусловлены его образованием, полученным в СГЛА у Лихудов. Наиболее ярко это проявилось в его первых трудах, вышедших в начале XVIII века — трехязычных учебных пособиях — *Славяно-греко-латинском букваре* (Москва, 1701, Гусева 2010, 297–99, № 1083; Ramazanova 2014) и *Лексиконе Трехязычном* (Москва, 1704, Гусева 2010, 299–300, №1084; Рамазанова 2009). Новаторство этих трудов Федора Поликарпова состояло в том, что то были первые книги, изданные в Москве тремя шрифтами — латинским, греческим и кириллическим¹⁰.

Славяно-греко-латинский букварь стал первым печатным изданием, излагавшим основы не одного, а сразу трех языков. Для изложения основ латинского и греческого языков Поликарпов следует той же методике обучения, на которой были построены известные ему славянские буквари, изданные ранее в XVII веке. Структура букваря предполагает освоение учащимся чтения параллельно на трех языках. Первоначально для греческого и латинского приводится транскрипция славянскими буквами, затем по мере прохождения материала транскрипция опускается и дается только перевод славянских текстов на греческий и латинский языки (Ramazanova 2014).

В свою очередь *Лексикон трехязычный* оказался первым печатным словарем в России в современном понимании этого вида издания. В нем собрано более 19 тысяч словарных статей (Петрунин 2010, 39). Полагаем, что, взявшись за составление этих пособий и воплотив их в печатных изданиях, Поликарпов руководствовался не только прекрасными знаниями греческого и латинского языков. Несомненно, ему помогало владение методикой обучения языкам, собственный опыт преподавания в СГЛА, а также многолетняя

⁹ Это подтверждается *Ведомостью о справщиках Московской Синодальной типографии за 1683–1729 гг.*, составленной по запросу Св. Синода в 1730 г. (ОДДС 1901, Приложение № VII. Стб. 992). Переиздание документа см. Гусева 2010, 659–60.

¹⁰ Подробно о значении *Славяно-греко-латинского букваря* (Москва, 1701) и *Трехязычного лексикона* (Москва, 1704) как новаторских изданий для московской книгопечатной культуры начала XVIII века, а также их роли в подготовке восприятия русским читателем графического облика появившихся несколько лет спустя книг гражданской печати см. в статье: Рамазанова 2022.

практика редакторской и переводческой деятельности еще со времени обучения у Лихудов.

В целом как глава Печатного двора Поликарпов непосредственно отвечал за выпуск всех книг, выходивших на протяжении почти 30 лет, когда он возглавлял это учреждение. Многие издания Поликарпов редактировал сам, например, первую русскую газету *Ведомости*, выпуск которой начался в 1703 года; участвовал в реформе гражданского шрифта и алфавита 1708–1709 годов, отстояв перед монархом сохранение букв «ξ» и «ψ» в новом алфавите (РГАДА. Ф. 381. № 423). В рамках настоящей статьи мы не ставим целью описать всю разнообразную деятельность Федора Поликарпова на этой должности. Несмотря на существующую обширную историографию эта тема все еще заслуживает отдельного обстоятельного исследования.

Николай Семенов был не менее способным учеником Лихудов, чем Федор Поликарпов, знатоком греческого и латинского языков. В последнее время его биографии, трудам и составу личной библиотеки посвящен ряд работ (Белоброва 1992; Вознесенская 2001; Рамазанова 2006)¹¹. На протяжении нескольких лет учеба и служебная деятельность Семенова и Поликарпова протекали почти синхронно. Семенов был зачислен на Московский Печатный двор чуть позже Поликарпова — 22 сентября 1691 года, при этом он тоже оставался слушателем Академии (РГАДА. Ф.1182. Оп.1. Д. 93. Л. 5 об.). В этой должности Николай Семенов пребывал до 1694 года¹², когда вместе с Поликарповым был назначен учителем в СГЛА вместо отстраненных от преподавания братьев Лихудов (РГАДА. Ф.1182. Оп.1. Д. 67. Л. 99 об.). Вне книжного дела Николай Семенов находился четыре года, и 11 декабря 1698 года, он, как отмечено выше, вслед за Федором Поликарповым был возвращен на службу на Московский Печатный двор, теперь уже на должность справщика, в которой сменил скончавшегося иеродиакона Феофана (РГАДА. Ф.1182. Оп.1. Д. 67. Л. 116; публикация документа: Поздеева, Дадыкин и Пушкин 2007, 107). Вопреки отмеченному выше распоряжению руководства Приказа книгопечатного дела на челобитной Федора Поликарпова о том, что дополнительные выплаты в размере 20 рублей вдобавок к пятидесятирублевому жалованью были даны Поликарпову «другим справщиком не в пример и не в образец», Николай Семенов сразу по поступлении на должность справщика получил такую же прибавку, и его годовое жалованье составило 70 руб. В должности справщика он оставался до кончины, произошедшей около 1716–1717 годов (ОДДС 1901, Приложение № VII. Стб. 992–93).

За время работы в типографии в начале XVIII века. Николай Семенов участвовал в качестве редактора и корректора в повседневной работе над регулярно готовившимися к выходу изданиями кириллической, а затем и гражданской

¹¹ Подробная библиография исследований о Николае Семенове см. в статье: Буланин 2004а, 83.

¹² В документах за 1692–1693 годы он также упоминается среди чтецов (РГАДА. Ф.1182. Оп.1. Д. 94. Л. 47.)

печати. Одним из таких примеров является труд Семенова над знаменитым сочинением Квинта Курция *De rebus gestis Alexandri Magni*, в рукописи перевода которого (РГАДА. Ф. 381. № 1220) сохранилась его правка. С латинского на русский язык труд Курция был переведен по повелению Петра I. Царь хотел увидеть русское издание жизнеописания античного полководца как можно скорее, поэтому глава Монастырского приказа боярин И. А. Мусин-Пушкин, находившийся в отъезде из Москвы осенью 1708 и весной 1709 года, в своих письмах Поликарпову не раз торопил главу Печатного двора: «Курциуша вели, не мешкав, исправлять и печатать. Сие дело есть угодно» (ПБПВ 1951, 938). Перевод впервые вышел в Москве в 1709 году под несколько тавтологичным названием *Книга Квинта Курция о делах содеяных Александра Великого царя Македонскаго* (Быкова и Гуревич 1955, 92, №23), и впоследствии был переиздан в 1711, 1717, 1722 и 1724 годах.

Помимо этого, Николай Семенов был вовлечен и в такое масштабное начинание, организованное в 1712 году по распоряжению Петра I, как исправление славянского перевода текста Священного писания для растянувшейся на годы подготовки нового издания Библии (Гусева 2010, 554), вышедшего в свет спустя десятилетия уже при императрице Елизавете в Санкт-Петербурге (1751 год).

Федот Агеев, соученик Поликарпова и Семенова, также стал сотрудником Московского Печатного двора. Агеев был одним из первых учеников Иоанникия и Софрония Лихудов, он учился у греческих дидаскалов с 1685 по 1694 год в СГЛА (Рамазанова 2012, 123; Рамазанова 2019, 65), куда в 1685 году вместе с соучениками был переведен из Типографской школы иеромонаха Тимофея (Фонкич 2009, 156) сначала в Богоявленскую школу Лихудов, а потом — в Заиконоспасскую школу, в новопостроенное здание, куда переехала Академия. По указу патриарха от 15 ноября 1692 года Федот Агеев стал служащим Приказа Книгопечатного дела, и ему «было велено быть в писцах» вместо Ивана Иванова¹³, а «жалованье и поденной корм учинить ему тож, что было писцу Ивану Иванову» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 94. Л. 50 об.). Платить Агееву стали так же, как Поликарпову и Семенову: с 1 декабря 1692 года он должен был получать по два алтына на день, а в год «десять рублей 30 алтын 4 денги» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 94. Л. 50 об.). Согласно документам Приказа Книгопечатного дела, Федот Агеев числился в должности писца вплоть до 1697 года. Однако в июне 1697 года ему было рассчитано жалованье только по 22 число этого месяца в размере «рубль восемь алтын четыре денги». Прекращение выплат жалованья было связано с тем, что «он Федот не стал ходить книжному печатному делу и стал быть ослушен» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 102. Л. 46). Однако вскоре имя Федота Агеева встречается в документах

¹³ Сведения о писце Иване Иванове, упоминаемом в документах Приказа книгопечатного дела не позже 1685 года с окладом в 4 рубля, крайне скудны. Остается дискуссионным вопрос о его участии в справе Миней новообрядческой редакции, см. об этом: Крылов 2009, 158–59. Нет доказательных оснований для отождествления этого писца с одноименным учеником Типографской школы и братьев Лихудов (см. Фонкич 2009, 159).

Разрядного приказа уже в качестве ученика Итальянской школы братьев Лихудов. После 1697 года Агеев, судя по известным нам источникам, полностью прекратил службу на Московском Печатном дворе, и занимался переводческой и преподавательской деятельностью в других учреждениях¹⁴. Не позже 9 сентября 1702 года Федот Агеев, состоявший на то время переводчиком с латинского языка в «математических школах», подведомственных Оружейной палате, скончался (Федюкин 2020, 124, прим. 4; Серов et al. 2023, 175).

Немного сведений сохранилось об *Иосифе Афанасьеве*. Однако известно, что и он, еще учась в Академии, поступил на службу на Московский печатный двор. Первоначально Афанасьев учился в Типографской школе иеромонаха Тимофея (Фонкич 2009, 156), затем с 1 июля 1685 года в числе первых пяти учеников перешел в Богоявленскую школу Лихудов (Фонкич 2009, 145; Рамазанова 2008а, 359). В 1694 году указом патриарха от 12 сентября ему было велено «на печатном дворе в правленой полате в книгописцах быть» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 67. Л. 100; Публикация: Поздеева, Дадыкин и Пушкин 2007, 114). По-видимому, назначение Иосифа Афанасьева было связано с тем, что Федор Поликарпов уже не мог продолжать исполнение должности книгописца на Печатном дворе, так как с сентября 1694 года вместе с Николаем Семеновым стал одним из основных преподавателей Академии вместо своих отстраненных от должности учителей. Иосиф Афанасьев известен как переводчик с греческого языка богословско-полюемических сочинений, оставшихся в рукописном виде, однако все осуществленные им переводы, по имеющимся сведениям, выполнялись в сотрудничестве с другими учениками Лихудов (Белоброва 1993а; Буланин 2004а, 727).

Вместе с Иосифом Афанасьевым на Московский Печатный двор был принят еще один ученик Лихудов первого набора — *Федор Герасимов Поletaев* (иногда упоминается в документах как Федор Герасимов). Он тоже был переведен из Типографской школы в Академию и впервые упоминается среди учеников Богоявленской школы 1 июля 1685 года (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 118. Л. 241–241об.). В документах за 1692 год он значится в качестве ученика первого, то есть самого высшего, класса (в документах классы упоминаются также как «учения»: РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 94. Л. 55)¹⁵. Спустя два года указом патриарха от 12 сентября 1694 года Федор Герасимов, как и Иосиф

¹⁴ Подробнее о судьбе Федота Агеева после 1697 года см. Рамазанова 2019, 66–7. Как отмечает И. И. Федюкин, Агеев был причислен к Навигацкой школе, организованной в январе 1701 года, управлявшейся дьяком Оружейной палаты Алексеем Курбатовым (Федюкин 2020, 114–24). Несомненно, Агеев был лично знаком Курбатову, однако полагать, что Федот Агеев был к нему особо близок и входил в некий «курбатовский кружок», как это делает Н. Хриссидис (Хриссидис 2023, 355), в отсутствие источниковедческих доказательств представляется мне чрезмерным преувеличением.

¹⁵ До 1690 года СГЛА подразделялась на три уровня (в документах встречаются как синонимы термины «школы», «учения», «палаты», «статги»): низший («исподний»), средний и высший («верхний»). С 1690 года структура СГЛА была изменена и стала подразделяться на пять классов, где низшим по уровню образования стал пятый, а высшим — первый.

Афанасьев, был направлен на Печатный двор служить в Правильной палате книгописцем (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 67. Л. 100). С 1 сентября 1695 года Федору Герасимову было установлено жалованье «против ево брата по окладу по четыре рубли на год и поденного корму по два алтына на день» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 98. Л. 5.). В этой же должности книгописца он упоминался и в документах до 1704 года¹⁶, а в октябре был переведен из книгописцев на должность чтеца в книгохранительную полату (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 67. Л. 128). Известен ряд переводов богословских сочинений, выполненных Федором Герасимовым с греческого языка, и оставшихся в рукописях (Буланина 1998, 257–58). Около 1709–10 годов Федор Герасимов был переведен из Москвы в Новгород в греко-славянские школы к митрополиту Иову, однако, по-видимому, был там задействован не как учитель, а прежде всего как переводчик (Вознесенская 2005, 210). Последнее известное упоминание о Федоре Герасимове в качестве переводчика Новгородской архиерейской школы, где приводится перечень находившихся в его пользовании книг, относится к 1716 году (ОДДС. 1868: Приложение № VIII. Стб. ХСVI–ХСVIII; Салоников и Суториус 2022, 301).

Таким образом, факты служебных биографий пяти из семи первых учеников Иоанникия и Софрония Лихудов свидетельствуют, что они поступили на Московский Печатный двор, еще продолжая учебные занятия в СГЛА. При этом существенно, что воспитанники Лихудов изначально получили на Печатном дворе должности не рядовых наборщиков, а заняли важные позиции книгописцев и чтецов. В последней четверти XVII века на Печатном дворе численность книгописцев не превышала двух-трех человек, а чтецов — одного человека (Дадыкин 2007, 145). Двое лучших учеников греческих дидаскалов вскоре после начала службы получили повышение, став справщиками. Численность лиц, занимавших ключевые должности справщиков, с 1695 по 1720 год колебалась в пределах от трех до шести человек, а об особо ответственном характере этих должностей свидетельствует высокий уровень их жалованья (ОДДС 1901, Приложение № VII. Стб. 990–94)¹⁷.

Привлечение учеников СГЛА к службе на Московском Печатном дворе на разных должностях отнюдь не ограничивалось слушателями Академии перво-

¹⁶ Согласно документам тех лет, размер его жалованья оставался прежним (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 102: Л. 5об., 46об.; РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 4. Л. 52; РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 9. Л. 46, 90; РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 12. Л. 6об., 13, 17, 21; РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 18. Л. 6, 88; РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 21. Л. 71об.; РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 24. Л. 83).

¹⁷ Из данных, приведенных А. В. Дадыкиным, может возникнуть впечатление, что максимальная численность справщиков на протяжении последней четверти XVII века в отдельные годы могла составлять даже восемь человек (Дадыкин 2007, 145). Однако восемь справщиков привлекались к работе на Печатном дворе лишь единожды в 1685 году, когда готовилось новое издание годового комплекта служебных Миней, причем отдельная группа из четырех справщиков работала отдельно в Чудовом монастыре, а не в Правильной палате на Печатном дворе. См. подробнее: Крылов 2009, 152–61. Восемь справщиков указаны под 1685 (7193) годом в отмеченной выше ведомости за 1683–1729 годы, составленной в 1730 году (ОДДС 1901, Приложение № VII. Стб. 990–94).

го набора. Приведем ниже биографические сведения о нескольких учениках Лихудов из СГЛА и Московской греческой школы, где преподавали дидаскалы и их преемники. Общим в судьбах этих людей стало не только полученное образование, но и тот факт, что их явно незаурядные знания и навыки нашли применение в главном книгоиздательском центре России конца XVII — начала XVIII века.

Карп Федоров упоминается в документах Приказа книгопечатного дела в качестве ученика СГЛА с 1686 года (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 86. Л. 52). В 1692–93 годах он числился среди учеников «второго учения» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 94, Л. 56). С 1695 года Карп Федоров значился среди книгописцев Московского Печатного двора и получал полугодовое жалованье в размере пяти рублей (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 98. Л. 5об.). С 1696 года Карпу Федорову установлен оклад по 2 алтына на день (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 102. Л. 5 об.). В этой должности Карп Федоров продолжал работать и в начале XVIII века, когда он упоминается в документах за 1704–1705 годы. Например, вместе с другими служащими Печатного двора Ларионом Васильевым, Федором Герасимовым и Алексеем Дмитриевым кроме обычной работы он выполнял также и дополнительные поручения, за что все они получали разовые выплаты. В частности, в 1704 году ими были сделаны списки переводов с греческого языка на славянский богословских сочинений Мелетия Сирита, Симеона Фессалоникийского и других¹⁸.

Ларион Васильев упоминается среди учеников средней школы уже в 1688–1689 годах (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 89. Л. 58, 64 об.). В 1690 году был учеником «4-го учения» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 92. Л. 55). В 1697 году значится в документах среди учеников «первого учения». В 1698 году Ларион Васильев был старостой «школьной палаты рускаго учения» и его жалованье было таким же, как и писцов Печатного двора — по два алтына на день (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 99. Л. 51). С 1703 года в документах приказа он упоминается в качестве книгописца (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 18. Л. 6 об., 52, 81об.), затем переведен на должность чтеца, в которой упоминается до 1711 года (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 50. Л. 5об.) В 1710 году Федор Поликарпов уменьшил его поденный корм в два раза в связи с «его к книжному чтению не хождение» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 55. Л. 28).

¹⁸ В прошении Федорова, Васильева, Герасимова и Дмитриева, где они ходатайствовали о вознаграждении за дополнительные труды, говорится: «велено нам написать кроме нашей обычной работы в десть две книги: одна Мелетия Сирита, а другая — Симеона Фессалоникского да три книги в поддесть [...]» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 24. Л. 83об.). Без сомнения, в документе речь идет о переводах, сделанных с греческого языка известным книжником XVII века, бывшим справщиком Московского Печатного двора Евфимием Чудовским и учениками Лихудов, сочинений Мелетия Пигаса, вышедшего в Бухаресте в 1690 году (Συρίγος Μελέτιος. Κατὰ τῶν καθβινικῶν κεφαλαίων [...] Κυρίλλου του Λουκάρεως [...] Δοσιθέου [Νοταρά]. Εγχειρίδιον [...] Ἐν Μποκοῦρέστη, 1690) и Симеона Солунского, опубликованного в 1683 году (Συμεῶν ἀρχ. Θεσσαλονίκης. Κατὰ αἰρέσεων [...] Μάρκου Εὐγενικοῦ [...] Ἐξήγησις τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἀκολουθίας [...] Ἐν Γισίῳ, 1683) (Strakhov 1998, 148–55).

Как и Карп Федоров, а также некоторые другие сотрудники Печатного двора, Ларион Васильев нередко привлекался к дополнительным трудам по переписке книг, которые предполагалось готовить к изданию. За эту работу соответственно выплачивалось разовое добавочное вознаграждение, однако с годами нагрузка, по-видимому, только возрастала. В связи с этим в 1708 году, уже будучи чтецом, Васильев по распоряжению главы Монастырского приказа И. А. Мусина-Пушкина за «излишнюю в русском и иноземском деле работу» получил «к прежнему поденному корму» прибавку в размере «две денги на день» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 67. Л. 147об.).

Стефан (Степан) Ермолаев впервые упоминается в документах¹⁹ 23 декабря 1683 года, когда он уже числился учеником 3-й «статьи» (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 111. Л. 248) Типографской школы (Фонкич 2009, 157). Дальнейшая биография Ермолаева связана с обучением в СГЛА, куда, вероятно, он перешел в 1687 году в связи с открытием здания в Заиконоспасском монастыре. В первоначальной структуре деления на классы СГЛА Ермолаев сравнительно быстро преодолел два уровня, и с 1 марта 1688 года упоминался в документах в качестве ученика «верхней палаты» Академии (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 88. Л. 55 об.; Рамазанова 2008а, 353–64). Дальнейшее образование Стефана Ермолаева в изменившейся структуре деления СГЛА на пять классов растянулось на годы: в 1690 году Стефан Ермолаев числится учеником «3-го учения» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 92. Л. 54) с тем же жалованьем; в 1692–1693 годах он относится к ученикам «2-го учения» с жалованьем в «пять денег» на день (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 94. Л. 56.). В 1696/1697 году он — ученик «1-го учения» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 102. Л. 51). К середине 1697 года он уже освоил весь курс читавшихся в то время в СГЛА дисциплин, и «бил челом» о продолжении обучения уже в Итальянской школе Лихудов в Москве, учеником которой стал 7 августа 1697 года (Рамазанова 2019, 75). Там Ермолаев учился почти все время существования школы и на протяжении двух с половиной лет регулярно посещал занятия. Началом февраля 1700 года датируется последний документ, где Стефан Ермолаев упоминается учеником 1-й статьи Итальянской школы в числе тех немногих, кто «по италиански читать и писать и говорить навычны и уже в конце большого синтаксиса грамматического идут» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 773. Стп. 3. Л. 166). Таким образом, освоение Стефаном Ермолаевым греческого, латинского, итальянского языков, а также гуманитарных наук заняло в совокупности не менее 15 лет, и только по прошествии этого времени он был принят на службу. Ермолаев был зачислен на Московский Печатный двор 5 января 1702 года, когда ему было предписано служить книгописцем «в правиленной полате» с жалованьем «по шести денег человеку на день да по книге от выходу» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 67. Л. 122). В этой должности в документах приказа он упоминается и в последующие годы (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 12. Л. 13об., 17, 23).

¹⁹ Подробнее о Стефане Ермолаеве см. в статье: Рамазанова 2019, 74–6.

Однако к службе на Московском Печатном дворе привлекались не только ученики братьев Лихудов по СГЛА. Как известно, в XVIII веке Лихуды не были учителями Академии: Иоанникий Лихуд до 1716 года преподавал в Новгородской школе митрополита Иова (Вознесенская 2005), Софроний Лихуд до 1722 года — в Греческой школе в Москве (Вознесенская 2015). Среди слушателей Московской греческой школы Софрония Лихуда, поступивших на службу на Московский Печатный двор, отметим двух — *Алексея Барсова* и *Ивана Григорьева*.

Имя *Алексея Кириллова Барсова* связывает два поколения учеников Лихудов. Как показала И. А. Вознесенская, вопреки существовавшему на протяжении долгого времени в историографии мнению о том, что Барсов, учившийся еще в Типографской школе, а затем у Лихудов в СГЛА, и директор Синодальной типографии в 1731–32 годах — это одно лицо, такая точка зрения ошибочна (Вознесенская 2003). Она опровергается рядом хронологических противоречий, наиболее явное из которых состоит в том, что, согласно версии об отождествлении двух Алексеев Барсовых, этот соученик Федора Поликарпова и Николая Семенова, учившийся у Лихудов еще в 1680-х годах и в 1690-х годах переводивший вместе с ними с греческого на славянский язык сложные богословские труды, почти 30 лет спустя по неизвестным причинам вновь приступил к освоению основ греческого языка уже в Московской школе Софрония Лихуда в 1710-х годах²⁰. Можно заметить, что к тому времени начинавшие одновременно с ним Поликарпов и Семенов уже не только закончили обучение, но и добились немалых карьерных успехов на книгоиздательском поприще. Несомненно, эти сведения сообщают о двух соименных лицах разного возраста, которые, согласно заключению И. А. Вознесенской, скорее всего «были братьями, сыновьями Троицкого иерея Кирилла» (Вознесенская 2003, 13). Мы в полной мере согласны с выводом исследовательницы о неправомочности отождествления двух Алексеев Барсовых, тем более что это подтверждается записью рукой Николая Семенова в греческом списке *Логики*, сообщавшей о том, что ранее рукопись находилась в обладании «умершаго диакона Алексия соученика моего»²¹. Этим человеком мог быть только Алексей Барсов-старший.

Итак, службу на Московском Печатном дворе, а затем в Московской Синодальной типографии следует соотносить с именем Алексея Барсова-младшего. Приблизительно с 1708 года он начал свое обучение в Греческой школе Софрония Лихуда в Москве, с 1712 года начал исполнять роль старосты («надзирателя») в младших классах, за что получал повышенное жалованье (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 69. Л. 13, 20об., 24об.). В 1718 году был назначен

²⁰ Ряд исследователей, касавшихся жизни и трудов Алексея Кириллова Барсова, не учитывали эти обстоятельства, из-за чего биографии двух соименных лиц оказались соединены. Например: Сазонова 1988; Рыбалко 2002 и др..

²¹ Запись помещена на обороте верхней крышки переплета рукописи: РНБ. Ф. 573 [СПбДА]. Б.П.3.

вторым учителем в Греческую школу под началом Софрония Лихуда с жалованьем «по гривне в день» (РГАДА, ф.1182. Оп. 2. Д.141а. Л. 16), параллельно продолжая обучение в ней в классе логики (Вознесенская 2003, 12).

Еще будучи учеником и «надзирателем» в Греческой школе, Алексей Кириллов Барсов привлекался к работе на Московском Печатном дворе, с 1716 года он упоминался в качестве чтеца Печатного двора, и в его обязанности в том числе входили работы по копированию перевода *Географии генеральной*, выполнение которого было поручено Федору Поликарпову (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 66. Л. 43, 69–70), а также с 1717 года он участвовал в исправлении книг Библии (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 66. Л. 21). В 1721 году Алексей был переведен на должность справщика, сначала с жалованьем 60 руб., а с 1722 по 1725 год — уже 101 рубль (Гусева 2010, 627). Будучи сотрудником Печатного двора, Алексей Барсов в 1720–23 годах под руководством комиссии в составе Феофилакта Лопатинского, Софрония Лихуда и Федора Поликарпова также занимался повторным (после полученных от Петра I замечаний) пересмотром и исправлением Библии, однако комиссия успела пересмотреть не всю Библию, а только Пятикнижие и Книгу Иова.

Основной труд Барсова в это время как переводчика выполнен по прямому указанию Петра I: это перевод *Аполлодора грамматика аффинейского библиотеки или о богах*; завершен 19 июля 1723 года и напечатан спустя полтора года тиражом 300 экземпляров с двумя предисловиями — Феофана Прокоповича и переводчика. Точный источник перевода не установлен (Сазонова 1988). Другие переводы, осуществленные Алексеем Барсовым с греческого языка, не были опубликованы. В частности, в 1717 году он переводил *Божественную литургию святого Иакова апостола* (список: РНБ. Ф. 573 [СПбДА]. II.213); в 1720 году — *Картину ученика Сократа Кебета из Фив, озаглавив перевод Кевита Фивеанина, философа платонического, д(о)ска о правом состоянии жизни человеческия* (списки: РГБ. Ф. 299 (собр. Н. С. Тихонравова). № 204; РГБ. Ф. 711 (собр. А. П. Гранкова). № 74).

Затем с 1725 по 1731 год Барсов вновь был привлечен к преподаванию: 9 марта 1725 года по приказу протектора школ и типографий Гавриила Бужинского назначен учителем греческого языка на место Афанасия Скиады в Греческую школу, которая 11 марта того же года переведена в Славяно-латинскую (будущую Славяно-греко-латинскую) Академию (Вознесенская 2015, 384).

8 мая 1731 года после смерти Федора Поликарпова Алексей Кириллов Барсов по распоряжению Синода был назначен директором Московской Синодальной типографии. Ему было установлено такое же жалованье, как у умершего предшественника — 200 рублей в год (Гусева 2010, 960). На новой должности Барсов быстро стал предпринимать усилия по улучшению работы и расширению штата типографии, так, 9 июля 1731 года он подал в Синод доклад о состоянии типографских дел с предложением определить четырех писцов и чтецов (Гусева 2010, 680).

Однако Алексей Барсов возглавлял Синодальную типографию недолго: в августе 1732 года был взят под арест в Тайную канцелярию (Чистович 1868, 338–39; ОДДС 1902, Стб. 510. № 266/4). Он обвинялся в том, что читал ру-

кописные тетради «о поношении» Феофана Прокоповича и поддерживал связи с архимандритом Маркеллом Радышевским, обвинявшим Феофана в неправославии. Согласно показаниям директора Санкт-Петербургской типографии Михаила Аврамова, Барсов утверждал, что книга Феофана Прокоповича *Христовы о блаженствах проповеди толкование* (напечатана в типографии Александро-Невского монастыря в 1722 году) «сочинена неправильно», так как содержит богословские ошибки (Чистович 1868, 338–39). Барсов был заключен в Петропавловскую крепость, где скончался в 1736 году (Чистович 1868, 499; Вознесенская 2003, 13).

Еще одним учеником Греческой школы, поступившим на Печатный двор, был *Иван Григорьев*²². 1 мая 1715 года он был принят на должность книгописца (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 67. Л. 190; Браиловский 1894, 24).

Иван Григорьев происходил из семьи московской «Дрогомиловской слободы Божоявленского попа» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 130. Л. 183). В качестве ученика Московской греческой школы в документах Приказа книгопечатного дела Иван Григорьев упоминается с января 1711 года (РГАДА Ф. 1182. Оп. 2. Д. 60. Л. 5 об.). Там же учился его родной брат Андрей (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 110. Л. 103 об.), который, однако, не сделал карьеры на Печатном дворе. В 1716 году Иван Григорьев был студентом школы риторики (Вознесенская 2004, 149; РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 130. Л. 140), в 1718 году изучал логику.

Как и его предшественники по СГАА, Иван Григорьев был привлечен к работе на Московском Печатном дворе еще в годы обучения у Софрония Лихуда: 1 мая 1715 года ему было указано «быть в Типографии писцом» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 67. Л. 19; Браиловский 1894, 24). В этой должности, судя по всему, он оставался до 1719 года, когда стал упоминаться как чтец (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 66. Л. 63 об.). В качестве книгописца и чтеца Григорьев с 1715 года принимал участие в подготовке к изданию славянской Библии, за что получил 5 руб., а также участвовал вместе с Алексеем Барсовым в переписывании перевода *Географии генеральной* (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 66. Л. 35а об., 45; Гусева 2010, 554, 826). В 1720 году Иван Григорьев получил должность справщика с окладом 70 руб. (Гусева 2010, 660), что превышало размер годовых выплат двум другим справщикам (монахам Феолугу и Иосифу) и, по-видимому, было связано с его знанием греческого языка. С 1722 года, оставаясь справщиком, Григорьев получил надбавку к окладу в размере 40 руб. (Гусева 2010, 660). Одна из книг, справу которой осуществлял Григорьев в это время, был *Служебник*, изданный в Москве в октябре 1723 года. Об этом свидетельствуют записи на корректурном экземпляре издания (Гусева 2010, 398).

В январе 1724 года Григорьев был направлен в Санкт-Петербург в Синодальную типографию (Гусева 2010, 597, 625), где несколько лет продолжал выполнять обязанности справщика и переводчика с жалованьем 140 рублей

²² Некоторые сведения об Иване Григорьеве и его деятельности приводились нами ранее: Рамазанова 2008b, 175–85; Рамазанова 2014, 323–34.

(Гусева 2010, 598). В петербургский период службы в Синодальной типографии в 1727 году Иван Григорьев перевел в греческого языка на русский сочинение иерусалимского патриарха Хрисанфа Нотары *Διδασκαλία ὠφέλιμος περὶ μετανοίας... Συνταγματικὸν πρὸς πάντας χριστιανούς* (с венецианского издания 1724 года), в переводе озаглавленное *Учение полезное о покаянии и исповедании веры...*²³. Перевод Григорьева не был издан, однако в течение XVIII века получил распространение в списках²⁴. Не позже середины февраля 1728 года в связи с закрытием типографии в Санкт-Петербурге Иван Григорьев вернулся к аналогичным обязанностям справщика и переводчика в Москве (Гусева 2010, 640, 658, 660). За обязанности справщика ему вновь платили 70 руб., а в декабре 1729 года Григорьеву, единственному из справщиков, по определению Синода было решено «в прибавку за излишние труды в переводе греческих писем, на каждый год давать по 50 руб.» (Гусева 2010, 660), и в результате его жалованье стало составлять 120 руб. ежегодно. В Москве Ивану Григорьеву вновь было поручено сделать перевод с греческого языка сочинения иерусалимского патриарха Хрисанфа: на этот раз пришлось переводить книгу *История и описание Святой Земли и Святого Града Иерусалима*, вышедшую на языке оригинала в Венеции в 1728 году (Рамазанова 2014, 330–34). Источники нам позволяют уточнить время, на протяжении которого Иван Григорьев осуществлял перевод, переложением на русский язык произведения Хрисанфа он занимался с 6 октября 1731 года по 4 августа 1732 года, когда представил результат своего труда в контору Синода в Москве, а 22 августа 1732 года перевод был отправлен в Санкт-Петербург (ОДДС 1903, № 386. Стб. 580; №453. Стб. 681). На настоящее время известно три списка этого перевода, однако он также не был издан (Рамазанова 2014, 330–34; Поляков 2022). В июле 1739 года Иван Григорьев представил в Синод показания об обстоятельствах осуществления славянского перевода Библии и причинах перерывов в этой работе (Гусева 2010, 555). Обязанности справщика и переводчика Московской Синодальной типографии Иван Григорьев продолжал исполнять до конца жизни, некоторое время оставаясь единственным справщиком. К моменту его смерти 13 марта 1740 года других справщиков в Московской Синодальной типографии не осталось (ОДДС 1908, Стб. 233. № 214/449).

Со смертью Ивана Григорьева в 1740 году завершилась преемственность поколений учеников Лихудов — сотрудников Московского Печатного двора, затем Синодальной типографии, начавшаяся в 1691 году, когда первым служащим столичного книгоиздательского центра стал Федор Поликарпов. Закончилась почти полувековая связь с Печатным двором людей, объединенных схожим образованием, знаниями и в целом интеллектуальной куль-

²³ Подробнее об обстоятельствах создания и бытовании этого перевода см. в статье: Рамазанова 2014, 322–30.

²⁴ В хранилищах Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова, Саратова и Киева нами было выявлено семь таких списков (Рамазанова 2014, 327–28).

турой, которая выстраивалась в системе книгопроизводства России прежде всего благодаря урокам греческих дидаскалов. Как мы видели выше, начиная с биографий Федора Поликарпова и Николая Семенова наблюдалась определенная закономерность складывания служебных карьер учеников Лихудов: еще во время учебы в СГЛА, а затем в Греческой школе, часть студентов зачислялась в штат Печатного двора (позже — Синодальной типографии), где они занимали должности чтецов, книгописцев, наборщиков²⁵. Затем после завершения курса наук на самых способных из них возлагалась большая ответственность, и они переходили на должности справщиков. Кроме основных обязанностей, непосредственно связанных с книгопечатным делом, ученики Лихудов многократно привлекались светскими и духовными властями к переводам с греческого и латинского языков, копированию рукописей и другим сопутствующим трудам. В этом отношении воспитанники Иоанникия и Софрония повторили путь книжника второй половины XVII века. Евфимия Чудовского, создав значительный по объему пласт переводной литературы, причем многим из оставленных ими в рукописях произведений по разным причинам так и не удалось пробиться к печатному станку.

На протяжении первой четверти XVIII века ученики Лихудов, получившие образование как в СГЛА, так и в Греческой школе Софрония, в некоторые годы даже численно преобладали в штате Московского Печатного двора над прочими сотрудниками. При этом воспитанники Лихудов занимали разнообразные по статусу позиции (как административные, так и редакторские и производственные), однако все они так или иначе были связаны с интеллектуальной деятельностью, состоя в должностях от начальника Печатного двора (директора типографии) и справщиков до наборщиков²⁶. Пользуясь случаем, отметим, что наборщики при поступлении на службу должны были давать своеобразное обещание, от них требовалось «будучи ... у того государева книжного Печатного дела того государева дела не остановить, делать своею братьею в равенстве, не пить и не бражничать и с воровскими людьми не знатца, и государевы казны не покрасть...» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 48а Л. 102 об.).

²⁵ Заметим, что в документах одного и того же времени встречаются упоминания об одних и тех же лицах, как о чтецах или писцах: по-видимому, это означало, что один и тот же человек мог получать кроме основного своего оклада и жалованья, также и разовые выплаты за работу по подготовке конкретных часто более сложных изданий и в этих случаях они могли исполнять иные обязанности в зависимости от того над какими изданиями им поручалось работать.

²⁶ Как правило, писцы, чтецы и справщики указывались в документах Приказа книгопечатного дела поименно, однако в случае с наборщиками ситуация иная: имена их приводятся гораздо реже. Так, например, в документах за начало 1700 годов фигурирует старший наборщик Алексей Корнилов, получавший жалованье за других наборщиков, имена которых в ведомостях опускались (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 3. № 205. Л. 3–4). Изучение архивных документов позволяет заключить, что наборщик Алексей Корнилов был выпускником СГЛА, и привлекался к подготовке издания *Славяно-греко-латинского букваря* (1701 г.), *Лексикона трехязычного* (1704 г.), а также *Арифметики* Леонтия Магницкого (1703 г.).

Постепенное привлечение на службу в книгоиздательское ведомство значительного числа учеников Лихудов позволяет увидеть тесную связь истории книгопечатания петровского и постпетровского времени с деятельностью СГЛА и Греческой школы Софрония Лихуда, и, таким образом, опосредованно и с самими Лихудами. Не приходится сомневаться, что в эпохи царствований Петра I и его ближайших преемников было трудно, если вообще возможно, найти в России более подходящую группу людей, объединенных общим незаурядным образованием, включая познания в греческом и латинском языках, и способных реализовать сложные книгоиздательские начинания того времени. Еще раз подчеркнем: бывшие воспитанники греческих дидаскалов занимали на Печатном дворе (а позже также в Синодальной и Санкт-Петербургской типографиях) различные должности от руководящих до рядовых, и тем самым от одних учеников Лихудов зависело инициирование и продвижение издательских проектов, а от других — соответствующий уровень их реализации.

В то время, когда ученики Лихудов трудились на Московском Печатном дворе, произошла существенная смена репертуара изданий, ставшая одним из многих проявлений культурной политики, проводившейся по воле Петра I. Как известно, эти изменения особенно ярко проявились после инновационных преобразований азбуки и внедрения гражданского шрифта, наглядно представленных российскому читателю в книгах, изданных на Печатном дворе начиная с 1708 года. Однако еще до целенаправленного внедрения в книгоиздательское дело инноваций, связанных с публикациями гражданским шрифтом, означенные изменения становятся заметными по мере того, как должностные позиции на Печатном дворе постепенно занимают ученики Лихудов.

В период с июля 1690 года, когда на Печатном дворе получил штатную должность первый из учеников Лихудов Федор Поликарпов, до конца 1700 года было выпущены 72 наименования кириллических изданий, а с 1701 по 1708 год — уже 97²⁷. Однако не только и не столько количественные данные характеризуют произошедшие перемены. Большинство наименований изданий кириллического шрифта, опубликованных как в последнее десятилетие XVII, так и в первое десятилетие XVIII века, по-прежнему составляют книги богослужебного и богословского характера: служебные Минеи, Псалтири, Триоди, Октоихи, Ирмологии, а также, например, учительное и толковое Евангелия, двухтомный годовой комплект Пролога, Шестоднев, собрание поучений раннехристианских и древнерусских духовных писателей под названием *Сборник из 71 слова*, и т.п. Однако в ряду этих книг, преимущественно с начала XVIII века, уже появляются совершенно новые по содержанию и оформлению издания, отражавшие преобразования в политической и военной областях, происходившие по воле монарха. Это становится тем более явным после ухода в 1701 году с руководящей должности на Печатном дворе Карина Истомина, которого сменяет Федор Поликарпов. В восприятии властей, и прежде всего самого Петра I, преобразования требовали символического и

²⁷ Подсчитано нами по Зернова 1958, 121–36 (№ 427–98); Гусева 2010, 1129.

пропагандистского оформления²⁸, и потому на Печатном дворе были созданы такие издания, как *Краткое обыкновенное учение, с крепчайшим и лучшим растолкованием [в строении пеших полков]...* (1699, 1702, 1704), *Ектении о победе на супостаты христоименитому воинству* (1702, 1703), *Торжественная врата, вводящая в храм бессмертных славы, непобедимому имени* (1703), *Толкование вратам пред двором А. Д. Менишкова* (1704), *Преславное торжество свободителя Ливонии* (после декабря 1704 года), *Свобождение Ливонии и Ингерменландии отечества росска* (после февраля 1705 года), *Диплом на княжеское достоинство А. Д. Менишкову* (1707), *Духовное на брань вооружение воинству православному благопотребное* (1708), и др. Помимо этого появились небывалые прежде в России печатные книги по основам инженерных наук, создание которых было вызвано потребностями в подготовке специалистов по военному и морскому делу: это была знаменитая *Арифметика, сиречь Наука числительная* Леонтия Магницкого, а также *Таблицы логарифмов, синусов, тангенсов и секансов*, составленные А. Фарварсоном, С. Гвыном и Л. Магницким (обе вышли на Печатном дворе в 1703 году). Конечно, в основном такие издания были невелики по объему по сравнению с богослужбными и богословскими книгами, и не все из них издавались большими тиражами, а для некоторых масштабы тиражей остаются неизвестными. Тем не менее новые книги и брошюры были явно непросты для набора и полиграфического исполнения.

Несомненно, что значимыми книгоиздательскими новациями в те годы стали московские издания *Славяно-греко-латинского букваря* (1701) и *Лексикона трезязычного* (1704). Для обоих учебных пособий значимость обусловлена несколькими факторами: явным влиянием на соответствующие книгоиздательские проекты образовательных идей братьев Лихудов; технологической сложностью, с которой прежде не сталкивались сотрудники Московского Печатного двора, а также долговременными последствиями выхода этих книг для культуры и образования в России. Оба эти издания связаны с трудами и административным положением одного из первых и лучших учеников Лихудов Федора Поликарпова. Выход в свет этих учебных пособий, составленных Поликарповым, можно воспринимать как первый этап новаций в типографском деле и подготовки к основному этапу реформы шрифта — введению гражданской печати²⁹.

Еще один пример издания с использованием греческого шрифта, которое также могло быть подготовлено к публикации только учениками Лихудов — это *История о разорении последнем Святого града Иерусалима* (Москва, 1713) (Быкова, Гуревич 1955, 138, №70). В конце издания, выполненного русским гражданским шрифтом, помещен греческий текст надписи на надгробии императора Константина Великого и интерпретация этого текста, приписываемая константинопольскому патриарху 1450–65 годов Геннадию Схоларию. Только при жизни Петра I эта книга дважды переиздавалась в Санкт-Петербурге.

²⁸ Подробнее об этом см., например: Живов 2002, 392–402, 478–81; Wortman 2006, 21–34.

²⁹ Подробнее об этом: Рамазанова 2022.

бурге (1716, 1723), и затем на протяжении XVIII века в петербургской типографии Академии наук выходила еще девять раз.

Таким образом, благодаря ученикам Лихудов стало возможно новое для России многоязычное книгопечатание, появившееся в Москве в 1701 году. Поколения бывших студентов Иоанникия и Софрония участвовали и в последующих этапах реформ в книгоиздательской сфере. Именно они работали над первыми изданиями гражданского шрифта, некоторые из которых впоследствии многократно переиздавались. Вместе с тем Лихуды и их воспитанники заложили основы ряда важных книгоиздательских проектов, реализованных десятилетия спустя уже другими книжниками. Пожалуй, наиболее показательным примером в этом отношении является редакторская и переводческая работа над текстами славянской Библии для ее подготовки к новому изданию. В этом многолетнем труде, начатом еще при Петре I, участвовали как сами Иоанникий и Софроний Лихуды, так и многие их ученики — Николай Семенов, Федор Поликарпов, Алексей Кирилов Барсов и Иван Григорьев, — которые своими совокупными трудами создали основу для полновесного издания Священного Писания, вышедшего спустя 11 лет после кончины последнего из них.

Итак, за биографиями и трудами нескольких поколений учеников Лихудов удастся увидеть единое социокультурное явление, во многом определившее развитие книжной культуры в стране.

Источники

Архивные материалы

Российский Государственный Архив Древних Актов (РГАДА). Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 9. Стб. 773 Столпик 3.

РГАДА. Ф. 235. Патриарший Казенный приказ. Оп. 2. Д. 111.

РГАДА. Ф. 235. Патриарший Казенный приказ. Оп. 2. Д. 118.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 1. Д. 67.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 1. Д. 86.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 1. Д. 88.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 1. Д. 89.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 1. Д. 92.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 1. Д. 93.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 1. Д. 94.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 1. Д. 98.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 1. Д. 99.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 1. Д. 102.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 2. Д. 4.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 2. Д. 9.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 2. Д. 12.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 2. Д. 18.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 2. Д. 21.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 2. Д. 24.

РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 2. Д. 29.

- РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 2. Д. 60.
 РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 2. Д. 66.
 РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 2. Д. 110
 РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 2. Д. 130
 РГАДА. Ф. 381. Рукописный отдел библиотеки Московской Синодальной типографии.
 Оп. 1. № 1220
 Российская Национальная Библиотека (РНБ). Ф. 573. Собрание Санкт-Петербургской
 Духовной академии. Б. П.3
 РНБ. Ф. 573. Собрание Санкт-Петербургской Духовной академии. П. 213.
 Российская государственная библиотека (РГБ). Ф. 299. Собрание Н. С. Тихонравова.
 № 204.
 РГБ. Ф. 711. Собрание А. П. Гранкова. № 74.

Старопечатные и другие издания

- ДРВ 1791: *Древняя российская вивлиофика*. Ч. XVI. Москва: В типографии Компании
 типографической.
 ОДАС 1868. *Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго
 Правительствующаго Синода*. Т. I: 1542–1721 г. Санкт-Петербург: Синод. тип.
 ОДАС 1901. *Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго
 Правительствующаго Синода*. Т. X: 1730 г. Санкт-Петербург: Синод. тип.
 ОДАС 1903 *Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго
 Правительствующаго Синода*. Т. XI: 1731 г. Санкт-Петербург: Синод. тип.
 ОДАС 1902. *Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго
 Правительствующаго Синода*. Т. XII. 1732 г. Санкт-Петербург: Синод. тип.
 ОДАС 1908. *Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго
 Правительствующаго Синода*. Т. XX. 1740 г. Санкт-Петербург: Синод. тип.
 ПБПВ 1951. *Письма и бумаги императора Петра Великого*, 1951, т. 8, вып. 2, ред. Б.
 Б. Кафенгауз, Москва: Издательство Академии наук СССР.

Литература

- Белоброва, Ольга А. 1992. “Головин Николай Семенов.” В *Словарь книжников и
 книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.), ч. 1, отв. ред. Дмитрий С. Лихачев, 212.
 Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
 Белоброва, Ольга А. 1993а. “Иосиф Афанасьев.” В *Словарь книжников и книжности
 Древней Руси*, вып. 3 (XVII в.), ч. 2, ред. Д. М. Буланин, А. А. Турилов, 109–10.
 Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
 Белоброва, Ольга А. 1993б. “Лихуды Иоанникий и Софроний.” В *Словарь книжников
 и книжности Древней Руси*, вып. 3 (XVII в.), ч. 2, 304–05. Санкт-Петербург:
 Дмитрий Буланин.
 Браиловский, Сергей Н. 1894. “Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов, директор
 Московской Типографии.” *Журнал министерства народного просвещения ССХСV*,
 9–12: 1–38.
 Буланина, Татьяна Вл. 1998. “Полетаев Федор Герасимов.” В *Словарь книжников и
 книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.), ч. 3, ред. Д.М. Буланин, 257–58. Санкт-
 Петербург: Дмитрий Буланин.
 Буланин, Дмитрий М. 2004а. “Библиографические дополнения к статьям,
 помещенным в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» (Вып. 3, части

- 1–3).” В *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.), ч. 4, ред. Д.М. Буланин, 320–833. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Буланин, Дмитрий М. 2004б. “Тимофей.” В *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.), ч. 4., ред. Д.М. Буланин, 11–5. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Буланин, Дмитрий М. и Виктор К. Зиборов. 2004. “Федор Поликарпов Орлов.” В *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.), ч. 4, ред. Д.М. Буланин, 105–30. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Буланин, Дмитрий М. и Марина А. Федотова. 2004. “Феолог.” В *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). ч. 4, ред. Д.М. Буланин, 148–51. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Быкова, Татьяна А. и Мирон М. Гуревич. 1955. *Описание изданий гражданской печати: 1708–январь 1725 г.* Ленинград: Издательство Академии наук СССР.
- Вознесенская, Ирина А. 2001. “Николай Семенов Головин — духовный писатель конца XVII–начала XVIII века (проповедь как исторический источник).” В *Историография и источниковедение отечественной истории*. Сборник научных статей и сообщений, 36–41. Санкт-Петербург: Издательство Техника.
- Вознесенская, Ирина А. 2003. “Новые материалы для биографии Алексея Барсова.” В *Чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева. Материалы*, 12–5. Москва: Институт всеобщей истории.
- Вознесенская, Ирина А. 2004. *Греческие школы Иоанникия и Софрония Лихудов в начале XVIII века*. Кандидатская диссертация. Москва: Институт всеобщей истории.
- Вознесенская, Ирина А. 2005. “Новгородская школа братьев Лихудов.” *Новгородский исторический сборник* 10, 20: 205–35.
- Вознесенская, Ирина А. 2008. “Переводы с греческого языка в России в начале XVIII в.” В *Труды Отдела Древнерусской Литературы*. Т. 59, 363–68. Санкт-Петербург: Наука.
- Вознесенская, Ирина А. 2015. “Московская греческая школа Софрония Лихуда.” В *Россия и Христианский Восток*, вып. IV–V, отв. редактор Б.Л. Фонкич, 376–97. Москва: Языки славянской культуры.
- Гузевич, Дмитрий Ю. и Ирина Д. Гузевич. 2008. *Великое посольство: рубеж эпох, или Начало пути, 1697–1698*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Гусева, Александра А. 2010. *Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации*. Москва: Издательство Индрик.
- Дадыкин, Антон В. 2007. “Приказ книгопечатного дела и сотрудники Московского печатного двора во второй половине XVII в.” В Поздеева И. В., Дадыкин А.В. и В. П. Пушков. *Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1652–1700 годы*: в 3 кн. Кн. 1: 129–70. Москва: Наука.
- Живов, Виктор М. 2002. *Разыскания в области истории и предыстории русской культуры*. Москва: Языки славянской культуры.
- Запольская, Наталья Н. 1988. “П. В. Постников — выпускник Славяно-греко-латинской Академии (Некоторые материалы для биографии).” *Cyrrilomethodianum*, XII: 71–95.
- Запольская, Наталья Н. 1993. “Забытое имя — П. Постников: из истории русской культуры конца XVII — начала XVIII века.” *Palaeoslavica*, 1: 111–48.
- Зернова, Антонина С. 1958. *Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог*. Москва: Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина.
- Крылов, Георгий, протоиер. 2009. *Книжная справа XVII века. Богослужебные Миней*. Москва: Индрик.

- Поздеева, Ирина В., Дадыкин Антон В. и Виктор П. Пушкин 2007. *Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1652–1700 годы*: в 3 кн. Кн. 2. Москва: Наука.
- Поляков, Иван А. 2022. “О новом списке русского перевода «Истории и описания Святой Земли и Святого града Иерусалима» иерусалимского патриарха Хрисанфа Нотара.” В *Труды Отдела Древнерусской Литературы*. Т. 69, 538–51. Санкт-Петербург: Издательство «Пушкинский дом».
- Рамазанова, Джамия Н. 2006. “Книги из собрания справщика книгопечатного двора Николая Семенова Головина (к истории частных библиотек конца XVII – начала XVIII в.).” В *Румянцевские чтения: Материалы междунар. конф. Москва, 11-13 апр. 2006 г.*, 230-35. Москва: Пашков дом.
- Рамазанова, Джамия Н. 2008а. “Ученики Иоанникия и Софрония Лихудов в Славяно-греко-латинской Академии 1685–1694 гг.” В *Историография, источниковедение, история России X–XX вв.*, сост. Людмила А. Тимошина, 353–64. Москва: Языки славянских культур.
- Рамазанова, Джамия Н. 2008b. “«Четырехязычный лексикон» Герасима Влаха 1659 г. Новые материалы.” В *Книга. Исследования и материалы*. Сб. 88, ч. 2, 175–85. Москва: Наука.
- Рамазанова, Джамия Н. 2009. “«Трехязычный лексикон» Федора Поликарпова в собрании Музея книги Российской государственной библиотеки.” В *Вивлиофика: История книги и изучение книжных памятников*. Выпуск 1, отв. редактор А. Ю. Самарин, 156–76. Москва: Пашков дом.
- Рамазанова, Джамия Н. 2012. “Ученики Московской Славяно-греко-латинской Академии — работники Московского Печатного двора в конце XVII – начале XVIII в.” В *Федоровские чтения — 2011*, 118–26. Москва: Наука.
- Рамазанова, Джамия Н. 2013. “Неизвестные греческие рукописи круга учеников Лихудов (по материалам Национальной библиотеки Греции и Библиотеки Румынской Академии наук).” В *Палеография, кодикология, дипломатика: Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов: Материалы Междунар. науч. конф. Москва, 27–28 февр. 2013 г.*, отв. ред. Борис А. Фонкич, 268–78. Москва: Институт всеобщей истории.
- Рамазанова, Джамия Н. 2014. “Переводы сочинений иерусалимского патриарха Хрисанфа Нотары в русских списках XVIII в.” В *Специальные исторические дисциплины: сб. статей*. Вып. 1, отв. ред. Борис А. Фонкич, 322–30. Москва: Институт всеобщей истории.
- Рамазанова, Джамия Н. 2016. “Греческие списки сочинений Иоанникия и Софрония Лихудов из собрания Святогробской библиотеки и в описании А. И. Пападопуло-Керамевса.” В *Noctes Petropolitanae. Материалы конференции, посвященной столетию со дня кончины А. И. Пападопуло-Керамевса (1856–1912)*, отв. ред. Л. А. Гердт, М.А. Кисилиер, 98–110. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Рамазанова, Джамия Н. 2019. *Итальянская школа братьев Лихудов в Москве (1697-1700 гг.)*. Москва: Издательский дом ЯСК.
- Рамазанова, Джамия Н. 2020. “Государственный контроль и преподавательская свобода в школах братьев Лихудов в России конца XVII–начала XVIII в.” *Ученые записки Новгородского госуд. Университета им. Ярослава Мудрого* 5, 30: 1–4.
- Рамазанова, Джамия Н. 2022. “Многоязычное книгопечатание начала XVIII века как этап инновации петровского времени.” В *Петр Великий: исследования и открытия. К 350-летию со дня рождения. Материалы Международной научной конференции «Значение преобразований Петра в новой и новейшей истории России»*. Москва, 17–19 мая 2022 г., 546–55. Москва: Центр гуманитарных инициатив.

- Рамазанова, Джамилия Н. 2023а. “Новые рукописи учеников Лихудовского круга: московский и новгородский периоды деятельности греческих дидаскалов.” *Saurus* 2, 1: 78–99. DOI: 10.34680/Saurus-2023-2(1)-78-99.
- Рамазанова, Джамилия Н. 2023б. “Рукописи учеников Иоанникия и Софрония Лихудов (новые данные).” *Кафедра византийской и новогреческой филологии. Научно-теоретический журнал* 17, 4: 25–41. DOI https://doi.org/10.52607/26587157_2023_17_25.
- Рыбалко, Наталья Вл. 2002. “Барсов Алексей Кириллович.” В *Православная энциклопедия*, IV, 354–55. Москва: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия».
- Сазонова, Лидия И. 1988. “Барсов Алексей Кириллович.” В *Словарь русских писателей XVIII века*. Том 1, отв. ред. А. М. Панченко, 62–4. Ленинград: Наука.
- Сазонова, Лидия И. 1993. “Кариион Истоминон.” В *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, вып. 3 (XVII в.), ч. 2: 140–52. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Салоники, Николай Вяч. и Константин Вл. Суториус. 2022. *Новгородские архиерейские школы. Сборник документов*. Т.1: 1706–727 гг. Великий Новгород: Гос. архив Новгородской обл.
- Серов, Дмитрий О., Видничук, Анастасия О., Жуковская, Анна Вл. и Игорь И. Федюкин, сост., науч. ред. 2023. *Письма и бумаги прибыльщика Алексея Курбатова (1700–1720-е годы)*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Сиромеха, Виталий Г. 1999. “Книжные справщики Печатного двора 2-й половины XVII в.” В *Старообрядчество в России (XVII–XX вв.)*, отв. редактор Елена М. Юхименко, 15–44. Москва: Языки русской культуры.
- Сменцовский, Михаил Н. 1899. “Значение Лихудов в истории русского церковного просвещения и церковной жизни.” *Богословский вестник* Т. III (11): 351–58.
- Смирнов, Сергей К. 1855. *История Московской Славяно-греко-латинской Академии*. Москва: Тип. В. Готье.
- Федотова, Марина А. 2005. *Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского: исследование и тексты*. Москва: Издательство Индрик.
- Федюкин, Игорь И. 2020. *Прожекторы: политика школьных реформ в России в первой половине XVIII века*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Фонкич, Борис Л. 2009. *Греко-славянские школы в Москве в XVII веке*. Москва: Языки славянской культуры.
- Хриссидис, Николаос. 2023. *Академия при царском дворе: греческие ученые и иезуитское образование в России раннего Нового времени*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Чистович, Илларион А. 1868. *Феофан Прокопович и его время*. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук.
- Шмурло, Евгений Ф. 1894. *П. В. Постников: Несколько данных для его биографии*. Юрьев: тип. К. Матисена.
- Яламас, Дмитрий А. 2001. *Значение деятельности братьев Лихудов в свете греческих, латинских и славянских рукописей и документов из российских и европейских собраний. Дис. ... д-ра филол. наук*. Москва: МГУ.
- Яламас, Дмитрий А. 2001. “Произведение «О поэтическом или метрическом искусстве» братьев Лихудов и стихотворные упражнения учеников.” *Кафедра византийской и новогреческой филологии* 9: 37–57.
- Chrissidis, Nikolaos A. 2016. *An academy at the court of the tsars: Greek scholars and Jesuit education in early modern Russia*. DeKalb, Ill.: NIU press.

- Ramazanova, Dzhamilya N. 2014. "Slavonic-Greek-Latin Primer by Fedor Polikarpov (1701): History and sources of trilingual elementary education in Russia." *History of Education & Children's Literature* IX, 2: 59–70.
- Strakhov, Olga B. 1998. *The Byzantine Culture in Muscovite Rus': the case of Evfimii Chudovskii (1620–1705)*. Köln: Böhlau.
- Yalamas, Dmitry. A. 1991/1992. "The Students of the Leichoudis Brothers at the Slavo-Graeco-Latin Academy of Moscow." *Cyrrillomethodianum*. XV–XVI: 113–44.
- Wortman, Richard S. 2006. *Scenarios of power: myth and ceremony in Russian monarchy from Peter the Great to the abdication of Nicholas II*. New abridged one-volume paperback ed. Princeton and Oxford: Princeton University Press.

Латинский перевод Томаса Консетта *Грамматики* М. Смотрицкого (1648 г.). История одного перевода

Татьяна Челбаева

Abstract: *Thomas Consett's Latin Translation of M. Smotritsky's Grammar (1648): The History of a Translation.* The following article presents the Latin translation of M. Smotrytsky's grammar (as printed 1648) by Thomas Consett. Consett, an English priest and missionary who spent ca. 10 years of his live in Russia, wrote this translation in the first third of the 18th century. The translation as well as further "Russian" books owned by Consett are being kept in the archives of the Francke-Foundations in Halle and are interesting for scientific researches as many of them are unique and yet not deeply investigated.

Keywords: T. Consett, Latin translation, grammar, M. Smotrytsky, Halle, archive, "Russian" books, A. H. Francke

Старые книги имеют свои истории. Иногда эти истории могут рассказать о времени и причине возникновения книг, об их владельцах или о событиях тех лет. Есть такая книга и в библиотеке Фонда Франке¹ города Галле. Это — *Грамматика* Мелетия Смотрицкого издания 1648 года². Она относится к «русской библиотеке»³, собранию печатных и рукописных текстов на кириллице, которое еще в конце XVII века начал собирать Август Германн Франке (August Hermann Francke, 1663–1727), активно поддерживавший связи с Россией. Его сотрудники присылали из России или покупали по случаю русские книги различной тематики⁴. *Грамматика* Смотрицкого, изданная в четвёрку, содержит на полях латинский перевод, а также автограф создателя перевода

¹ Studienzentrum August Hermann Francke — Archiv und Bibliothek der Franckeschen Stiftungen.

² В каталоге библиотеки обозначена только как «Grammatika», потому что не имеет титульной страницы и, соответственно, названия.

³ Подробнее см. Čuževskij 1939; Winter 1953; Fundaminski 1998; Фундаминский 1999.

⁴ Сюда входили книги как на церковнославянском, так и на русском языке. Это были религиозные тексты, душеспасительная литература, словари, исторические трактаты или грамматики.

Tat'jana Čelbaeva, Martin Luther University Halle-Wittenberg, Germany, tatjana.chelbaeva@slavistik.uni-halle.de

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Tat'jana Čelbaeva, *Thomas Consett's Latin Translation of M. Smotritsky's Grammar (1648): The History of a Translation*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.12, in Svetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 129-143, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

— Томаса Консетта. Он не принадлежал к окружению Франке и не поддерживал с ним контакт. О нём известно следующее.

Английский священник Томас Консетт (Thomas Consett, 1677–1730)⁵, капеллан английской фактории, сначала в Архангельске, позже в Москве и Петербурге в общей сложности более 10 лет провёл в России — с 1715 (или 1717) по 1727 год⁶. Консетт прекрасно владел русским языком, он занимался исследованиями в таких областях, как политика, история, религия и языкознание и собирал книги, которые требовались ему, чтобы изучать русский язык или историю России. Консетт поддерживал и связи с Германией — с 1724 года являлся членом Берлинской Академии наук (Грасгофф 1966, 60).

В 1729 году в Лондоне вышел главный труд Консетта, подводивший итоги его пребывания в России — *The Present State and Regulations of the Church of Russia* (Consett 1729). Эта работа, кроме переводов *Духовного регламента*, предисловия к *Морскому уставу*, нескольких *Слов* Феофана Прокоповича, содержит и его собственные наблюдения, заметки о России — в первую очередь, об исторических событиях конца XVII — начала XVIII века. В том же 1729 году Консетт получил направление в Индию (Мадрас) и отправился туда миссионером Ост-Индской компании. Но из-за ухудшения здоровья пробыл там недолго и летом 1730 года скончался (Cross 1997, 97).

После его кончины часть русских книг из его собрания попала в Галле. В то время Галле был одним из центров активной миссионерской деятельности. А. Г. Франке курировал различные проекты, в том числе и в Индии (Транквебар). Один из миссионеров Франке, Бенъямин Шульцце (Benjamin Schultze, 1689–1760), находился в Мадрасе — как раз в бытность там Консетта. Шульцце упоминает последнего в своих дневниках⁷. После кончины Консетта Шульцце, чтобы помочь вдове, организовал аукцион его книг. До сих пор было точно неизвестно, каким образом русские книги Консетта попали в Галле. И предполагалось, что сам Шульцце прислал их Франке, так как они не были проданы на аукционе (Фундаминский 1999, 43). Нам удалось обнаружить в архиве Франке письмо другого миссионера из Галле, участвовавшего в Индийской миссии и находившегося в то время в Мадрасе. Письмо Иоганна Антона Сарториуса (Johann Anton Sartorius, 1704–38), адресованное Г. А. Франке (Gotthilf August Francke, 1696–1769, сын А. Г. Франке) в Галле от 07.01.1733, содержит список славянских и русских книг из собрания Консетта, купленных им, Сарториусом, на аукционе в Мадрасе и отправленных в Галле для «русской библиотеки» (Verzeichnis der an die Bibliothek des

⁵ О жизни и деятельности Консетта см.: Amburger 1961; Берков 1962; Грасгофф 1966; Winter 1953; Cracraft 1982; Фундаминский 1999.

⁶ Относительно пребывания Консетта в России существуют разные данные: 1715–1727 (Amburger 1961), 1718–1727 (Cracraft 1982), 1717–1727 (Cross 1997).

⁷ См. Schultze 1732. Шульцце сам также увлекался языками, занимался переводами и составлением грамматических пособий, иногда в сотрудничестве с Консеттом. Например, он написал грамматику и разговорник языка телугу (одного из официальных языков Индии), и эту грамматику Консетт перевёл на английский язык (Schultze 1732).

Waisenhauses gesandten slawonischen und russischen Bücher aus dem Besitz von Thomas Consett)⁸.

Все книги Консетта, хранящиеся в Галле, подписаны им и большинство⁹ пронумерованы (от 1 до 18). Сарториус в своём письме приводит 21 книгу, из них одна не имеет отношения к «русским» книгам (21. IV. *Evangeliorum Jesu Christi vetii Gothica ex Anglo-Saxonica*. Dordrecht 1665). Из оставшихся 20 изданий в настоящее время в библиотеке Франке находятся 18. Отсутствуют рукопись (*Rhetorica in lingua Ruth. Mst 8*) и печатное издание (*Epitome Historia Ruthenica. 8*)¹⁰. Почти все эти книги указаны и в списке Д. Чижевского (Čyževskij 1939), который, будучи сотрудником кафедры славистики в университете в Галле с 1932 по 1945 годы, интенсивно изучал архив А. Г. Франке, в частности, систематизировал сохранившиеся книги на славянских языках.

Обратимся подробнее к экземпляру грамматики¹¹ из Галле. Она не имеет титульного листа с названием. Но для установления её автора титульный лист помочь не смог бы, так как в издании 1648 г. автор указан не был. Имени Смотрицкого Консетт в своих записях не упоминает, называя Грамматику «славянской» или «московской грамматикой»¹². В своём труде *The Present State* [...] Консетт сообщает о намерении, опубликовать её латинский перевод:

[...] чтобы удовлетворить жаждущих знаний и сведущих в языках, необходимо издать латинский перевод Славянской грамматики, которую еще называют Московской грамматикой, лучшее и наиболее полное введение в славянский и русский языки; а так как русский диалект отличается от совершенства своего оригинала во многих деталях, я решил добавить к переводу Грамматику Лудольфа¹³ с некоторыми исправлениями и дополнениями, а также Otbis pictus Коменского на английском, латинском и русском языках, чтобы усовершенствовать Славянскую грамматику для ее издания (Consett 1729, LXIX, перевод — ТЧ.).

⁸ Этот список см. в конце статьи, 142–143.

⁹ Изначально пронумерованы были все книги, но номера в нескольких книгах закрыты библиотечными наклейками.

¹⁰ Д. Чижевский приводит рукописную Реторику в вопросах и ответах, 1629 г. (Čyževskij 1939). К. Günther пишет уже об утерянной с конца войны (в Галле) рукописной Реторике в вопросах и ответах, в восьмёрку, подшитой к печатному изданию (Günther 1960, 345). Неизвестно, было ли это печатное издание второй книгой из списка Сарториуса, которая тоже утеряна.

¹¹ Далее: *Грамматика*.

¹² Это обозначение могло привести к тому, что некоторые исследователи полагали, что Консетт переводил с грамматики издания 1721 года, которую часто называют «московской грамматикой» (см. Sjöberg 1966, 130; Грасгофф 1966, 64). Описание Фундаминского доказывает, что это было издание 1648 года (Fundamiski 1998, 57).

¹³ Heinrici Wilhelmi Ludolfi / *Grammatica Russica* quæ continet / Non tantum præcipua fundamenta / RUSSICÆ LINGUÆ, / verum etiam / Manuductionem quandam ad / GRAMMATICAM SLAVONICAM. / Additi sunt in forma dialogorum modi loquendi communiores, Germanice æque ac Latine explicati, in gratiam eorum qui linguam Latinam ignorant. / Una cum BREVI VOCABULARIO RERUM NATURALIUM. / OXONII, E Theatro Sheldoniano, A. D. MDCXCVI.

Консетт, проживший десять лет в России, прекрасно понимал разницу между разговорным русским и церковнославянским языками¹⁴. В приведённой выше цитате он описывает «универсальную грамматику» русского языка в своём представлении, состоящую из грамматик Смотрицкого, Лудольфа и учебника Коменского *Orbis sensualium pictus*. Действительно, грамматики Смотрицкого и Лудольфа часто использовались в грамматических трудах по русскому языку. Учебник Коменского, впервые изданный в 1658 году (на латинском и немецком языках) и предназначенный для изучения латинского (параллельно с родным) как основополагающего языка науки в Европе XVII века, позднее издавался на разных языках, иногда параллельно на нескольких¹⁵ и приобрёл большую популярность¹⁶. На русском языке этот учебник впервые был напечатан в 1768 году¹⁷, но существуют и более ранние рукописные переводы на русский язык, первым из которых считается перевод пастора Э. Глюка *Круг вся вселенная в лицах*, сделанный им для учеников его школы в Москве до 1705 года¹⁸. Неизвестно, были ли знакомы Консетту русскоязычные рукописные переводы, но, исходя из его языковых интересов, можно предположить, что *Orbis pictus* он собирался переводить самостоятельно.

Рукопись «универсальной грамматики», описанная выше, была готова в 1727 году и тогда же отправлена в Берлинскую Академию наук, но так и не была издана, а следы рукописи затерялись¹⁹. Такова история возникновения перевода *Грамматики* из Галле на латинский язык.

¹⁴ Как и Лудольф, который объясняет во вступлении к своей грамматике (1696), что в России пишут на церковнославянском, который является не только языком церкви, но и науки, а говорят на русском языке: «loquendum est Russice et scribendum est Slavonice» (Præfatio, IX).

¹⁵ Например, издание 1833 года содержит, кроме латинского, немецкий, польский, чешский и французский языки (Joan. Amos. Komenii: *Die Welt in Bildern. Swēt w obrazých. Świat w obrazach. Le monde en tableaux*. W hradcy Kralowé, 1833).

¹⁶ О переводе на русский язык учебной литературы, с использованием нескольких языков параллельно, см. также Брагоне 2021.

¹⁷ На русском, немецком, итальянском и французском языках (Io. Amos Komenii: *Orbis visibilis. Видимый светъ. Sichtbare Welt. Mondo visibile. Le monde visible*. Москва, 1768).

¹⁸ Пастор Эрнст Глюк (Ernst Glück, 1654–1705). Авторство перевода приписывается Глюку чисто гипотетически и еще тоже ждёт подробного исследования. О рукописях перевода *Orbis pictus* на русский язык см. Безрогов, Кошелева и Ромашина 2021.

¹⁹ Часть латинского перевода Консетта, 14 листов, находится в Национальном музее Праги. Вероятно, это была часть рукописи, подготовленной к печати. Кроме того, в Праге находится также и рукописный перевод на русский язык текста Я. А. Коменского *Orbis pictus — Видимый свет*. Как перевод Консетта, так и рукопись Коменского находились в одной папке и были куплены в Лешно (Lissa) (См. Яцимирский 1921, 855–56; Sjöberg 1966, 129; Keipert 2014, 190). Почерк пражского перевода грамматики принадлежит Томасу Консетту (Sjöberg 1966, 130). Но Sjöberg отрицал связь между переводами из Галле и Праги, объясняя это разными редакциями оригинала грамматики Смотрицкого, с которого был сделан перевод (1648 и 1721 гг.). Консетт отправлял свой перевод грамматики Смотрицкого по частям в Берлин, начиная с весны 1727 года (Грасгофф 1966, 65; Sjöberg 1966, 130). Возможно, это и объясняет, что часть перевода по ошибке была отправлена

Грамматика из Галле представляет собой подарочное издание, оформленное в цвете, с застёжками, в кожаном переплёте, форматом в четверть листа. Книга была недавно отреставрирована и находится в прекрасном состоянии. На развороте перед титульной страницей (форзац) рукой Консетта указано: «moscaue empta dec mense 1719 10 Rublones siwe coronat argenteas constabat»²⁰. Завершается это подписью Консетта — то, что отличает все принадлежавшие ему книги. Подробный перевод на латинский язык содержится на полях книги на листах 1–2 (начало вступления к Грамматике), 45–345 (на листе 45 начинается первая часть Грамматики). Переводчик перевел вступление не полностью, лишь первые два с половиной листа. Кроме того, перевод выполнен и не до конца *Грамматики*²¹ — часть *О просодии стихотворной*²² (с листа 330) переведена почти полностью, до листа 345; не переведён только последний, 346 лист. Непереведёнными остались части *Ответь к вопросившему* (лл. 347–60) и *Сословие именъ по азъ веди, стыхъ воуцтихъ въ святицахъ, столковании словенска языка* (лл. 361–86). Именно эти две части были «новыми» в издании 1648 года, равно как и пространное вступление (в изданиях 1619 и 1721 гг. оно занимает несколько страниц). *Ответь к вопросившему* содержит выдержки из трудов Максима Грека, и последняя часть, *Сословие именъ по азъ веди, стыхъ воуцтихъ въ святицахъ, столковании словенска языка*, примеры грамматического разбора (части речи, склонение имён и т. д.). Это указывает на то, что Консетт, очень ценивший грамматику Смотрицкого (Consett 1729, LXIX), ориентировался вероятно на первое издание 1619 г., поэтому отказался от перевода указанных выше страниц и частей *Грамматики*.

Как было сказано выше, латинский перевод *Грамматики* очень подробный в отношении названий и номеров²³ глав и правил, теоретических изложений, особенно исключений или каких-либо особенных употреблений («увещание» у Смотрицкого). Но примеры, дающиеся в оригинале Смотрицкого в большом объёме — иногда до десяти на каждое теоретическое утверждение — переводчик закономерно урезает и, как правило, приводит в латинском тексте только один или два примера, всё время используя форму «и т. д.» («etc.»)²⁴. Примеры в тексте перевода также даются неодинаково. В начале

в другое место и оказалась позже в Праге. Из сохранившейся переписки также известно, что в письме от 13.06.1727 Консетт через барона Гюйсена направил вице-президенту Берлинской Академии наук Д. Э. Яблонскому ставшую тогда уже раритетом грамматику Лудольфа (*Grammatica Russica*) с немецким переводом и русскоязычную версию Коменского (Amburger 1961, 115; Грасгофф 1966, 65). Еще одна страница — «начало грамматики церковнославянского языка с параллельным латинским текстом» — находится в бумагах Консетта в Британском музее в Лондоне (Успенский 1997, 444).

²⁰ Купленная в Москве в декабре 1719 (года), она стоила 10 рублей и семь серебряных крон.

²¹ Всего в грамматике 386 листов.

²² Здесь и далее орфография источника упрощена, т.к. она не является целью исследования.

²³ Номерация оригинала дана кириллицей, у переводчика, соответственно, арабские цифры.

²⁴ Часто, но не закономерно, примеры оригинала, хоть и в большем объёме, завершаются также формулой «и прочая».

книги, как правило, они вписываются кириллицей в латинский перевод, тогда как по мере продвижения текста иногда просто подчёркиваются в оригинале и не даются в переводе.

Полный анализ перевода в данной статье представлен не будет — он достоин подробного изучения и более объёмной работы. Здесь мы представим вкратце перевод Консетта на примере двух страниц (данных в статье как илл. 1 и илл. 2), а также некоторых других примеров по следующим пунктам:

1. Перевод терминов, отсутствующих в латинской грамматике;
2. Исправления и дополнения переводчика;
3. Особенности перевода.

Итак, остановимся на двух страницах перевода, которые наглядно демонстрируют как творческую работу переводчика, так и тщательность его подхода к тексту оригинала.

Первая иллюстрация представляет собой начало второй главы *Грамматики* «О Этимологии» (л. 76). На этой странице переводчик наряду с латинским текстом на полях, вносит изменения и в содержание оригинала. Описывая восемь частей слова, переводчик заменяет «различие», подчеркнув и обозначив звёздочкой, на «междометие»²⁵ («Interjectio»). Таким образом, он соотносит терминологию (при традиционной ориентации на латинскую и/или греческую грамматики) не с греческой грамматикой, как в оригинале Смотрицкого, а с грамматикой латинской, «междометие» — «Interjektion». В последнем абзаце распределение частей речи на склоняемые (5) и несклоняемые (3) также претерпевает изменения и логично исправляется на соответственно 4 и 4. О «различии» переводчик даёт объяснение дальше, на л. 270 (часть пятая *Различие*), где эта часть речи описывается Смотрицким подробно. Переводчик эту часть не переводит и объясняет это на л. 270 так: «различие significat articulum graecorum Subiunctivum viz os, u, o, quo, quod»²⁶. И еще раз внизу этого же листа: «NB. Pro hac quinta grammatices divisione subjungatur post Praepositionem, Interjectio. vid supra quartam declinationem pronominum»²⁷. Данными замечаниями переводчик объясняет своё исправление на «междометие». Примечательно, что описанную страницу (илл. 1) переводчик завершает приписанным «и междометие.», опять же закономерно поставив перед последним членом предложения при перечислении союз «и», тем самым указав на завершение предложения.

На второй иллюстрации (илл. 2) представлен перевод части «О падежи» (лист 91об.). Использование терминологии в отношении названий частей речи представляет интерес, как это было показано выше на примере меж-

²⁵ В издании грамматики Смотрицкого 1619 года указано междометие.

²⁶ «Различие означает артикль греческого сослагательного наклонения, а именно os, u, o, quo, quod» (перевод — ТЧ.).

²⁷ «Важное примечание: для этой пятой части после предлога введено междометие. Я видел это выше, в четвертом склонении местоимений» (перевод – ТЧ.).

дометия. Что касается падежей, то несовпадение их количества и значения в латинской и славянской грамматиках породило, особенно в первых работах, часто рукописях по грамматике русского языка, несколько вариантов для обозначения падежей, которые, в свою очередь, часто указывали на автора грамматики или прототип, особенно если эти рукописи (или их отрывки) являлись анонимными. Грамматическое описание именной категории падежа во время создания грамматических терминов, особенно тех, которые получают в дальнейшем распространение, представляет научный интерес в свете дискурса формирования русского литературного языка нового типа первой трети XVIII века.

В главе «О падежи» Смотрицкий приводит семь падежей, опираясь при этом на грамматику как греческого, так и латинского языков, однако вместо латинского аблатива он приводит два падежа в церковнославянском — творительный²⁸ и сказательный²⁹. То есть семичленная категория падежей в церковнославянском языке соотносится с шестичленной в латинском. В этом и состояла сложность при создании первых грамматических описаний — если автор опирался на грамматическую систему латинского языка, то в случае наличия параллельных грамматических форм не составляло труда их описывать, проблемы возникали именно там, где появлялись несоответствия. Консетт названия падежей переводит как *Nominativus*, *Genitivus*, *Dativus*, *Accusativus*, *Vocativus*, *Ablativus Instrumentalis* (для творительного падежа), *Ablativus* (для сказательного падежа)³⁰. Во всём тексте перевода далее используется только это обозначение падежей, без других вариантов. В латинском обозначении творительного и сказательного падежей терминология Консетта совпадает с терминологией данных падежей в грамматике Лудольфа (1696), который одним из первых ввёл буквальную адаптацию матрицы латинской грамматики, обозначая и творительный и сказательный падежи как «*Ablativus*»³¹. Консетт упоминает в своих работах грамматику Лудольфа и, вероятно, при переводе ориентируется на неё. Ведь даже название, указанное на форзаце Грамматики, переключается с работой Лудольфа — *Grammatica Russica* (Лудольф) и *Grammatica Slavonica* (Консетт).

Другой пример из перевода терминологии, заслуживающий внимания, находится в главе «О глаголе». На л. 198 переводчик, объясняя, что такое «дееспричастие» и «причастодетие»³², переносит в латинский перевод ки-

²⁸ Введенный еще Зизанием (Лаврентий Зизаний, *Грамматика славенская*, Вильно 1596).

²⁹ Сказательный падеж — инновация Смотрицкого.

³⁰ Подобная практика описания языка, когда шестичленная латинская парадигма апплицируется в грамматическое описание языка, встречается ещё в ранних грамматиках армянского языка, например, в грамматике Ривольи 1624 года или в грамматике Галануса 1645 года (Mengel 2016).

³¹ Более подробно о терминологии при описании именной категории падежа см. Менгель 2015.

³² По отношению ко всему переводу: очень подробно, иногда с собственными вставками, Консетт переводит именно понятия *Грамматики*, которые не совпадают с классической

риллицей термин «деепричастие», не подобрав ему латинского эквивалента. У Смотрицкого: «Деепричастия, суть причастия чрезъ усечение или изятие сокращеная» — у переводчика: «Деепричастия [...] Participia contracta» и дальше: «sunt participia per contractionem». Во втором абзаце (л. 198) Смотрицкий приводит другой термин: «Причastoдетие, глаголь причастный нарицается, нужду действия знаменующий». Этот термин переводчик даёт как «verbum participiale». И позже, на л. 199, на объяснение у Смотрицкого «Депричастия в косвенныхъ падежахъ, причастия суть усечение постраждавшая» переводчик еще раз использует в переводе обозначение на кириллице: «Деепричастия participium contractum in obliquis casibus, participia sunt contractionem». Но позже, определившись с подачей термина, он больше не использует вкрапления на кириллице, а только обозначение «participia contracta» для деепричастия.

В части *Грамматики* «О синтакси» содержится много предложений, которые даются в качестве примеров. Часто это цитаты из Библии без указания источника, так как подразумевается, что они известны. Переводчик в данном случае демонстрирует превосходное знание текста Священного Писания, так как он не только подписывает на полях книги названия и номера глав, но и приводит библейские цитаты, цитируя их, например, на лл. 292–93 только по-гречески³³.

Например, на л. 292об. рядом с греческим текстом цитаты даётся и источник (Псалом ·пи·) на текст у Смотрицкого: «Где суть милости твоя древняя господи, яже клятвса давиду воистине твоей: помяни господи поношение рабъ твоихъ, еже удержа внадре моемъ многи языки, еже поносиша врази твои господи»³⁴. И дальше, с указанием другого псалма (Псалом ·оз·) на текст у Смотрицкого: «И забыша благодеянии, и чудесь его, ихъ же яви имъ»³⁵.

И еще один пример далее, на л. 293: «И вонъже аще день скорблю, приклони ко мне ухо твое. Вонъже аще день призову тя, скоро услыши мя»³⁶. Пе-

латинской грамматикой и могут остаться непонятными. И очень часто переводит только термины без более пространного объяснения в тексте оригинала, когда речь идёт об общеизвестных понятиях.

³³ О сравнительном анализе текстов Славянской и Греческой Библии Консетт также писал в главном своем труде: «[...] and to shew these Languages in some Respect useful, have engag'd in comparing the Slavonian Version of the Holy Bible with the Greek of the Old and New Testaments, with a View of supplying several Defects in Both from it» (Consett 1729, LXIX) — («[...] чтобы показать пользу этих языков [славянского и русского — ТЧ.] я занимался сравнением славянской версии Библии с греческой версией Ветхого и Нового Заветов, с целью устранить неточности в обоих вариантах [перевод – ТЧ.]»).

³⁴ Где суть мати твоя древняя ги, яжеклятвса двду вѣистине твоей; помяни ги поношение рабъ твоихъ, еже оудръжа внадре моемъ многы языки. Еже поносиша врази твои ги, [...] (Острожская Библия 1581/1988, Псал. 88, 50).

³⁵ И забыша благодеянии его ичюдесь его, [...] (Острожская Библия 1581/1988, Псал. 77,11)

³⁶ Вонъже днь аще скорблю приклони ко мне оухо твое. Вонъже днь аще призовутя, скоро услышимя. (Острожская Библия 1581/1988, Псал. 101,3).

реводчик приводит данную цитату по-гречески и верно указывает на полях источник (уже латиницей): Psal: 102.ч.2.

Анализ некоторых пассажей из латинского перевода *Грамматики* показал языковую компетентность переводчика, владение языками, знание текста Священного Писания и творческий подход в обработке текста. Был выяснен также вопрос, каким образом книги английского миссионера попали в Галле, хотя в Англии находилось «Общество распространения христианского знания»³⁷, и более логичным было бы направить книги Консетта туда. Но благодаря счастливой случайности книги Консетта, некоторые из них еще неизученные, попали в Галле и ждут своих исследователей.

Источники

Consett, Thomas. 1729. *The Present State and Regulations of the Church of Russia. Establish'd by the late Tsar's Royal Edict*. London: printed by S. Holt, and sold by J. Brotherton Tho. Meighan, A. Miller, and Fr. Hildyard, Bookseller in York.

Verzeichnis der an die Bibliothek des Waisenhauses gesandten slawonischen und russischen Bücher aus dem Besitz von Thomas Consett. (AFSt / M 2 G 5)

Старопечатные издания

Грамматика... Мелетия Смотрицкого (без тит. страницы). 1648. Москва (AFSt / 178 A8)

Острожская Библия 1581/1988: *Библия сирьчь книги Ветхаго и Новаго завьта по языку словенску*. (Фототипическое переиздание текста с издания 1581 года осуществлено под наблюдением И.Д. Дергачевой по экземплярам Научной библиотеки им. А.М. Горького МГУ). Москва: Издательство Московского университета.

Литература

Безрогов, Виталий Г., Кошелева, Ольга Е. и Екатерина Ю. Ромашина. 2021. «Свет видимый»: Лейденская рукопись среди русских переводов *Orbis Pictus*. *Slověne*, 10, 2: 124–62. DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.2.6.

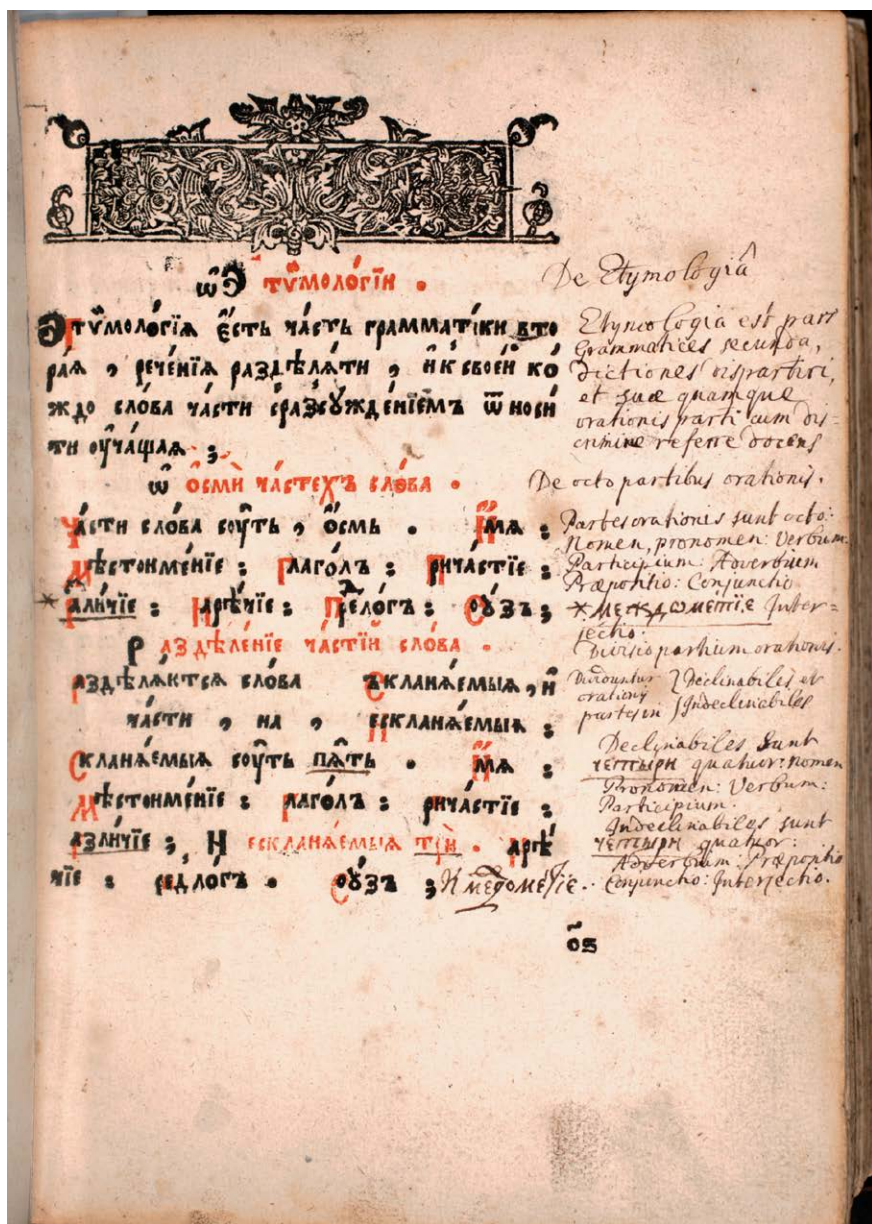
Берков, Павел Н. 1962. «Томас Консетт, капеллан английской фактории в России. К истории русско-английских литературных связей в 1720-е годы.» В *Проблемы международных литературных связей*, ред. Борис Г. Реизов, 3–26. Ленинград: Университет.

Брагоне, Мария Кристина. 2021. «Перевод сочинения И.Г. Сейбольда «*Selectiora quædam colloquia latino-germanica*» Иоганном Вернером Паусом.» В

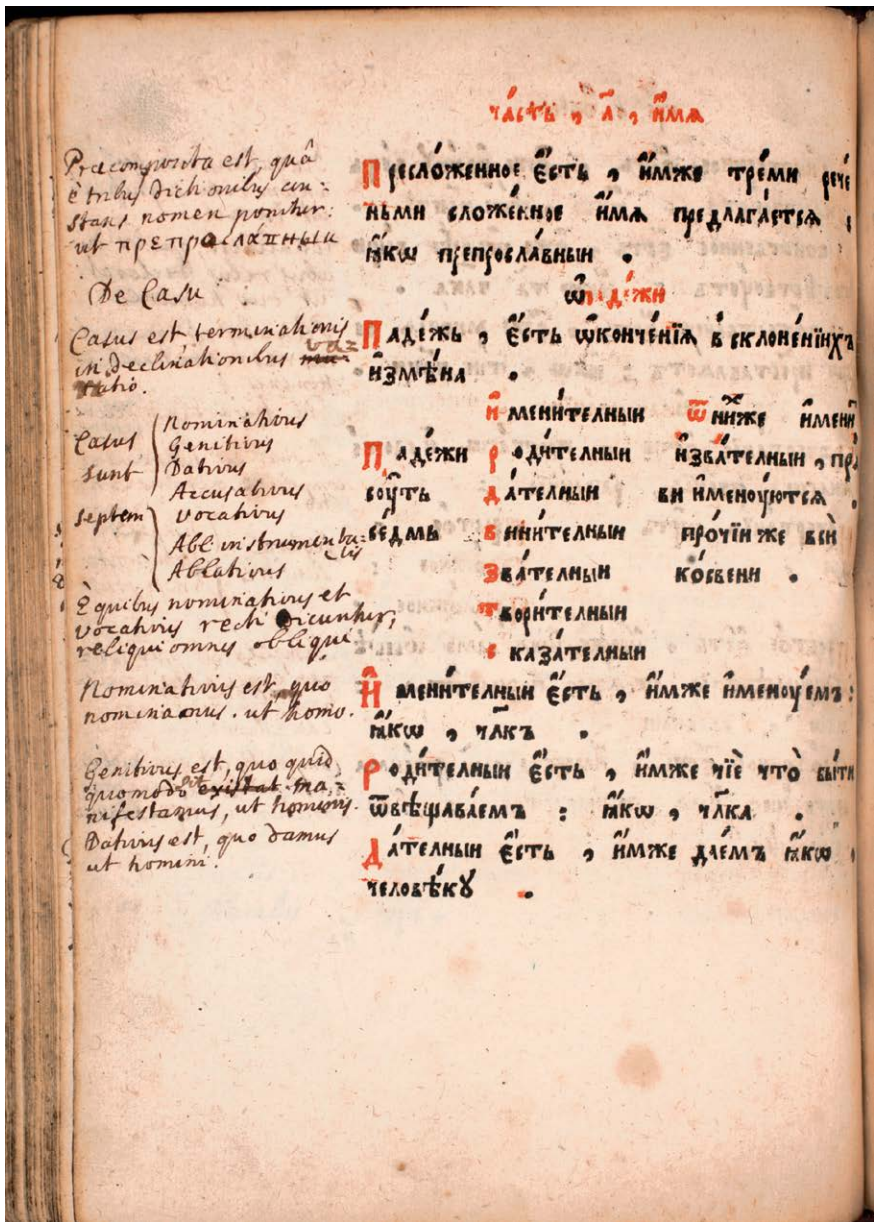
³⁷ SPCK = “Society for Promoting Christian Knowledge”. SPCK было основано в 1698 г. в Лондоне и является одним из самых ранних миссионерских обществ в Европе. Его созданию способствовали политико-торговые связи Англии с Османской Империей, ближним Востоком и Северной Африкой, получившие развитие в течение XVI в. (Benz 1936). SPCK имело важное значение, т.к. в качестве центрального пункта (в Лондоне) связывало миссии в Северной Америке, Индии и России, являясь местом отправки товаров, литературы и людей в эти страны, а также приемным пунктом для груза, приходящего из указанных стран.

- Альтернативные пути формирования русского литературного языка в конце XVII–первой трети XVIII века. Вклад иностранных учёных и переводчиков*, ответственный редактор Светлана Менгель, 201–36. Москва: Издательский дом ЯСК.
- Грасгофф, Хельмут. 1966. “Из истории связей Берлинского общества наук с Россией в 20-х годах XVIII века.” В *Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. XVIII век*. Сборник 7, ред. Дмитрий С. Лихачев, и др., 201–36. Москва-Ленинград: Наука.
- Менгель, Светлана. 2015. “К дискурсу формирования русского литературного языка нового типа в первой трети XVIII века: грамматические произведения Йоахима Христофера Шталя.” В *Сборник научных статей к юбилею И. С. Улуханова*, 453–63. Москва: Азбуковник.
- Пекарский, Петр П. 1862. *Наука и литература в России при Петре Великом. Описание славяно-русских книг и типографий 1698–1725 годов*. Том 2. Санкт-Петербург: Типография Товарищества “Общественная польза”.
- Успенский, Борис А. 1997. *Избранные труды*. Том III. Общее и славянское языкознание. Москва: Языки русской культуры.
- Фундаминский, Михаил. 1999. “К истории библиотеки Т. Консетта.” В *Памяти Павла Наумовича Беркова (1896–1969). XVIII век*. Сб. 21, ред. Наталья Д. Кочеткова, 40–52. Санкт-Петербург: Наука.
- Яцимирский, Александр И. 1921. *Описание южно-славянских и русских рукописей заграничных библиотек*. Т. 98. Петроград: АН.
- Amburger, Erik. 1961. *Beiträge zur Geschichte der deutsch-russischen kulturellen Beziehungen*. Band 14. Gießen: Schmitz.
- Benz, Ernst. 1936. “A. H. Francke und die deutschen evangelischen Gemeinden in Russland.” *Auslanddeutschtum und evangelische Kirche*: 143–91.
- Cracraft, James. 1982. *For God and Peter the Great: The Works of Thomas Consett, 1723–1729*. New York: Columbia University Press.
- Cross, Anthony G. 1997. *By the Banks of the Neva. Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia*. Cambridge: University Press.
- Čyževský, Dmytro. 1939. “Der Kreis A.H. Franckes in Halle und seine slavistischen Studien.” *Zeitschrift für slavische Philologie* XVI: 6–71, 153–57.
- Đurovič, L'ubomir, and Anders Sjöberg. 1987. “Древнейший источник парадигматики современного русского литературного языка.” *Russian Linguistics* 11: 255–78.
- Fundaminski, Michail. 1998. *Die Russica-Sammlung der Franckeschen Stiftungen. Aus der Geschichte der deutsch-russischen kulturellen Beziehungen im 18. Jahrhundert*. Ausstellungskatalog. Band 2. Halle (Saale). Wiesbaden: Harrassowitz.
- Günther, Kurt. 1960. “Slawische Handschriften in Deutschland.” *Zeitschrift für Slawistik*: 317–55.
- Keipert, Helmut. 2014. “Rez.: Korzun, Svetlana: Heinrich von Huysen (1666-1739). Prinzenzieher, Diplomat und Publizist in den Diensten Zar Peters I., des Großen. Wiesbaden 2013. (Jabloniana. Quellen und Forschungen zur europäischen Kulturgeschichte der Frühen Neuzeit, 3).” *Zeitschrift für Slavische Philologie* 70, 1: 184–93.
- Mengel, Svetlana. 2016. “Универсальная матрица латинского для описания языков в западноевропейской грамматологической традиции XVI–XVIII веков (на примере отражения категории падежа в „русских“ грамматиках).” In Anatolij A. Alekseev, et al., Hrsg. *Slavische Geisteskultur: Ethymologische und philologische Forschungen*, 2, 181–95. Frankfurt a. M.: Peter Lang.

- Schultze. 1732. "Herrn Missionar Schultzen kurtzes Diarium." In Gotthilf A. Francken, Hrsg. *Der Königl. dänischen Missionarien aus Ost-Indien eingesandte ausführliche Berichte von dem Werck ihres Amts unter den Heyden. Madras, 642–50.* Halle: Waysenhaus.
- Sjöberg, Anders. 1966. "Two Unknown Translations of Meletij Smotrickij's Slavonic Grammar." *Scando-Slavica* XII: 123–131.
- Winter, Eduard. 1953. *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert.* Berlin: Akad. Verlag.

Илл. 1. Грамматика, л. 76.

Илл. 2. Грамматика, л. 91об.

Список книг Консетта ³⁸	Наличие книг в настоящее время ³⁹
1. <i>Rituale Slavonicum</i> . Fol:	Требникъ. Москва, 1708. 2. (Ном. 3) ⁴⁰
2. <i>Psalterium Davidis in metro Slavonico</i> . Fol:	Симеон Полоцкий. Псалтир рифмотворная. Москва, 1680. 2. (Ном. 2)
3. <i>Jus principis ad denominandum successorem suum, in lingua Ruthenica</i> . Fol:	Феофан (Прокопович). Правда воли монаршей. Во определении наследника державы своей. Москва, 1722. 2. (Ном. 1)
4. <i>Psalterium Slavonicum</i> . 4.	Псалтирь. Москва, 1660. 4. (Ном. 7)
5. <i>Confessio orthodoxa Ecclesia Ruthenicae</i> . Mst 4.	Рукописный сборник. 1. Православное исповедание веры. 2. Отрывок литургического текста (о молитве "Отче наш"). 3. Житие Иоанна Златоуста. Без года вып., предположительно конец 17 в. (Ном. 6)
6. <i>Historia Russiae, in lingua Ruthen</i> : Mst 4.	Краткий летописец. Без года выпуска, предположительно вторая половина 17 в. (Ном. 8)
7. <i>Grammatica Slavonica, addita sunt in morgine lemata ex additions Thom. Consetii Msta latino</i> . 4.	Мелетий (Смотрицкий). Грамматика. Москва, 1648. 4. (Ном. 4)
8. <i>Q Curtius in lingua Ruth</i> : 4.	Квинт Курций. Книга Квинта Курция о делах содеянных Александра Великого царя македонского. Преведена повелениемъ царского величества съ латинскаго языка на российский. Москва, 1709. 4. (Ном. 5)
9. <i>Catechismus Ruthenico</i> . Mst 4.	Катихисисъ рекше оучение о вере, и о нужнейшихъ винахъ пристоящихъ к ней. Без года выпуска, предположительно конец 17 в. ⁴¹
10. <i>Lexicon Slavonico-Ruthenica</i> . 4.	Памва (Берында). Лексиконъ славеноросский. Кутенин, 1653. 4. (Ном. 9)
11. <i>Historia de origine ex progressu gentis Slavonicae, in lingua Ruthen</i> : 4.	Мавроурбин (Архимандрит Рагужский). Книга Историография початия имени, славы и расширения народа славянского. Перев. с итал. СПб, 1722. 4. (Ном. 11)
12. <i>Gramatica linguae Batavicae, scripta in lingua Ruthen</i> . 8.	Севел, вилим. Искусство недерландскаго языка. (Перев. Я. Брюса. СПб, 1717). 8. ⁴²
13. <i>Editio nova Moscoviensis gramatica Slavonica</i> . 8.	Мелетий (Смотрицкий) Грамматика. Москва, 1721. 8. ⁴³

³⁸ Цит. по письму Сарториуса от 07.01.1733.

³⁹ Для поиска книг использовался каталог библиотеки Франке, а также каталог Фундаминского (Fundaminski 1998).

⁴⁰ Здесь и ниже приведена номерация книг, которую Консетт производил сам.

⁴¹ Номер заклеен отметкой библиотеки.

⁴² Номер заклеен отметкой библиотеки.

⁴³ Номер заклеен отметкой библиотеки.

Список книг Консетта ³⁸	Наличие книг в настоящее время ³⁹
14. <i>Epitome Historia Ruthenica</i> . 8.	
15. <i>Bestushoffii memoriale ad Aulam Anglic: in lingua Ruth</i> : 8.	Мемориаль каковъ по указу его царскаго величества подан аглинскому двору 1719 году, и противъ того данные отъ оногo двора изъ немецкой и аглинской канцелярии ответы, и учиненной на оныя отъ его царскаго величества сего 1720, насупротивный ответъ. СПб, 1720. 8. (Ном. 16)
16. <i>Rhetorica in lingua Ruth</i> . Mst 8.	
17. <i>Theophani Archi-Episcopi Novo-Grod: explicatio VIII. Beatitudinum Math</i> . V.	Феофан (Прокопович). Христовы о блаженствахъ проповеди толкование. СПб, 1722. 8 ⁴⁴ .
18. <i>Confessio Eccles. Ruthenica ex orientalis, versa ex lingua graeca in Slavonica</i> . 8.	Петр (Могила). Православное исповедание веры. СПб, 1717. 8 ⁴⁵ .
19. <i>Historia Destructionis Hierosalymae per Titum ex vesp: ex Hist: occupationis Constantinopolis per Sultanum Mahometeus, in lingua Ruth</i> . 8.	История. О разорении последнемъ Святаго Града Иерусалима, отъ римскаго Цесаря тита, сына веспасианава. Вторая о взятии славного столичнаго града греческаго Константинополя (иже и царь градъ) отъ турскаго султана махомета втораго. СПб, 1716. 8. (Ном. 17)
20. <i>Calendarium Ruthen: cum indice brevi Sanctorum</i> . 16to.	Святцы. (Ном. 18)
21. <i>IV. Evangeliorum Jesu Christi vetii Gothica ex Anglo-Saxonica. Dordrecht 1665. per Franc. Juniuhil et Thom. Mareschallum</i> . ⁴⁶	Quatuor D. N. Jesu Christi Euangeliorum Versiones perantiquæ duæ, Gothica scil. Et Anglo-Saxonica: Quarum illam ex celeberrimo Codice Argenteo nunc primùm depromsit Franciscus Junius F. F. Hanc autem ex Codicibus Mss. collatis emendatiùs recudi curavit Thomas Mareschallus, Anglus: Cujus etiam Observationes in utramque Versionem subnectuntur ... / Ulfilas [ÜbersetzerIn]; Marshall, Thomas [Hrsg.]; Junius, Franciscus [Hrsg.]. — Dordrecht: Junius, 1665

⁴⁴ Номер заклеен отметкой библиотеки.

⁴⁵ Номер заклеен отметкой библиотеки.

⁴⁶ Данное издание не имеет отношения к “русским” книгам, но цитируется по тексту письма Сарториуса.

Лексические омонимы и квазиомонимы (équivoques) в Грамматике французской и русской 1730 года

Сергей Власов, Леонид Московкин

Abstract: *Lexical Homonyms and Quasi-Homonyms ("équivoques") in the Grammar of French and Russian of 1730.* The article analyzes Russian homonyms and quasi-homonyms with a French translation from the section "Équivoques" of *Grammaire Française et Russe* of 1730. The history of the French term "équivoques" and the related terms "homonym", "homophone", "homograph" and "quasi-homonym" are considered. It is concluded that among the words in the section "Équivoques" there are both homonyms and quasi-homonyms. Correspondences of several of words to similar words from the grammars of J. W. Paus and M. Schwanwitz were identified. Errors in the spelling of Russian words and their translation into French are analyzed. It is concluded that the author described the lexical difficulties of the Russian language from the point of view of a native German speaker.

Keywords: 18th century, Russian grammars, *Grammaire Française et Russe* (1730), homonyms, quasi-homonyms, homophones, homographs, J. C. Taubert, M. Schwanwitz, J. W. Paus.

1. Введение

1.1 Общие сведения о Грамматике французской и русской

В истории российской культуры особое место занимает анонимная *Грамматика французская и русская*, изданная в типографии Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге (*Grammaire Française et Russe*, 1730). Ее значимость обусловлена, во-первых, тем, что это был первый в России печатный учебник русского языка как иностранного, а во-вторых, его необычностью — эта грамматика, построенная в форме французо-русского разговорника, отличается от других грамматик XVIII в. ярко выраженной практической направленностью. Именно это последнее качество сближает ее с современными учебниками русского языка как иностранного.

Грамматика французская и русская, ошибочно называемая иногда грамматикой Горлицкого (Вомперский 1969), содержит множество загадок, и именно поэтому авторы настоящей статьи посвятили 15 лет изучению этой книги. Был проведен лингвистический анализ французской и русской частей текста этого учебника, включенной в него грамматической терминологии, установ-

Sergej V. Vlasov, Saint Petersburg State University, Russian Federation, s.vlasov@spbu.ru, 0000-0001-6639-4928

Leonid V. Moskovkin, Saint Petersburg State University, Russian Federation, l.moskovkin@spbu.ru, 0000-0002-4818-1205

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Sergej V. Vlasov, Leonid V. Moskovkin, *Lexical Homonyms and Quasi-Homonyms ("équivoques") in the Grammar of French and Russian of 1730*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.13, in Svetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 145-157, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

лен его прототип и исследованы его источники, проведена атрибуция этого учебника, реконструированы процессы его создания, издания и распространения. Кроме того, было проведено книговедческое исследование: описаны петербургский и галльский экземпляры, изучены записи о петербургском экземпляре в каталогах академической библиотеки и сведения о нем в работах библиофилов и историков языкознания. Одним из наиболее важных результатов этого многолетнего исследования было установление имени составителя *Грамматики французской и русской* — им был немецко-русский билингв, ученик старших классов академической гимназии Иоганн Каспар Тауберт (Johann Caspar Taubert, 1711?–1771) (Власов и Московкин 2021).

Хотя *Грамматика французская и русская* хронологически не вписывается в контекст Петровского времени, она ценна тем, что в ней получил отражение разговорный русский язык начала XVIII века. Ее создание отражает характерный для доомоносовского этапа развития русистики поиск альтернативных путей формирования русского литературного языка (Менгель 2021, 7–8). Основанием для такого утверждения может быть тот факт, что любой учебник обладает нормативной функцией, и, в частности, *Грамматика французская и русская* показывает иностранцам, проживающим в Санкт-Петербурге, как надо говорить по-русски. В связи с этим важно также отметить, что этот учебник, как и грамматические труды И.В. Пауса (Johann Werner Paus, 1670–1735), М. Шванвица (Martin Schwanwitz, 1694–1740) и В.Е. Адодурова, в которых также предлагались варианты нового русского литературного языка (Adodurov 1731; Schwanwitz 2002; Paus 2016), был создан в Императорской Академии наук, основанной Петром I. Именно Академия наук в начале XVIII в. стала крупнейшим центром российского языкознания, продвигавшим идею отказа от церковнославянского языка как литературного языка России.

Грамматике французской и русской посвящена монография авторов настоящей статьи, включающая ее многоплановое исследование и текст с комментариями (Власов и Московкин 2023), однако многие аспекты этого интересного учебника не получили подробного рассмотрения. Данная статья, посвященная анализу одного из разделов учебника *Équivoques*, дополняет информацию, содержащуюся в монографии.

1.2 Используемые термины

Объектами анализа в настоящей статье выступают *лексические омонимы* и *квазиомонимы* (*équivoques*) в *Грамматике французской и русской*.

Французский термин *équivoques* восходит к латинскому термину *aequivoca* (от лат. *aequus* — одинаковый и *vox, vocis* — звук, слово), возникшему при переводе на латинский язык греческого термина *ὀμώνυμα* (*омонимы*) в первой главе «Категорий» Аристотеля и характеризовавшему одноименные предметы¹.

¹ Ср. в русском переводе: «Одноименными называются те предметы, у которых только имя общее, а соответствующая этому имени речь о сущности (*logos tes ousias*) разная,

Термин *aequivoca* употреблялся в латинских трактатах по логике, в частности, в период поздней античности и раннего средневековья в сочинениях Марциана Капеллы, Северина Боэция и Исихора Севильского, главных источников сведений по греческой логике в Европе до XII века (Bréhier 1971, 15–7, 30–2).

В дальнейшем в схоластической логике понятие *aequivoca* делится на два понятия: на понятие «одинаково именующих слов» (*aequivoca aequivocantia*) и на понятие «одинаково именуемых предметов» (*aequivoca aequivocata*) (McInerny 1996, 88). Эта традиция отражена в учебнике логики С. Дюплекса (Scipion Dupleix, 1569–1661), который говорит уже об омонимах «омонимизирующих», т. е. одинаково именующих (*homonymes homonymants*) и об омонимах «омонимизируемых», т. е. одинаково именованных (*homonymes homonymés*):

Des Homonymes les vns sont homonymans, les autres Homonymés. L'homonyme homonymant est le mot ou le nom commun egalement à plusieurs choses : comme *Chien*: car il conuient non seulement à vn animal terrestre et domestique, mais aussi à vn poisson, et à vn astre. Les Homonymes Homonymés sont ces mesmes choses signifiées par l'homonyme homonymant, comme sont cet animal terrestre et le ma-// [f. 76 r] rin, et l'astre, à tous lesquels conuient le mot homonyme *Chien* (f. 74 v–75 r)².

Уже на заре книгопечатания неоднократно публикуется старинный словарь латинских омонимов (*dictionum aequivocarum*) с комментарием (*Aequivoca, cum commento*), составленный еще в XIII веке английским филологом и поэтом Иоанном де Гарландия (Joannes de Garlandia, около 1195–1272). Под *dictiones aequivocae* (*vocabula aequivoca*) в этом списке понимаются слова, имеющие разные значения (Garlandia 1487). Омонимия здесь еще тесно связана с полисемией слов.

Понятие (*mots, termes*) *équivoques* («неоднозначные, двусмысленные слова, термины») широко используется в классическом учебнике логики Пор-Рояля *La Logique ou l'art de penser* (первое издание — 1662), выдержавшем целый ряд изданий и переведенном на латинский и многие европейские языки (Arnauld 1685, 63, 76, 77, 79, 100, 101, 221, 368, 408, 443). Выражение *mots équivoques* встречается уже в *Письмах к провинциалу* (1656–57) Б. Паскаля (Blaise Pascal, 1623–62), в которых рассматривается «учение о двусмысленных словах» в рамках теологического спора между янсенистами и иезуитами (Pascal 1669, 170).

как, например, *dzoop* означает и человека, и изображение. Ведь у них только имя общее, а соответствующая этому имени речь о сущности разная, ибо если указывать, что значит для каждого из них быть *dzoop*, то (в том и другом случае) будет указано особое понятие (*logos*)» (Аристотель 1978, 53).

² «Из омонимов одни суть омонимизирующие (одинаково именующие), а другие омонимы омонимизируемые (одинаково именованные). Омоним одинаково именующий есть слово или имя, одинаково общее нескольким предметам: например, *Chien* (Пес), ибо он обозначает не только земное и домашнее животное, но также и собачью рыбу и созвездие. Омонимы омонимизируемые (одинаково именованные) суть те же самые предметы, обозначаемые одинаково именующим омонимом, как упомянутое земное и морское животное и созвездие, они все обозначаются словом-омонимом *Chien*» (перевод наш — С.В., Л.В.).

В том же XVII столетии термин *équivoques* из логики проникает в словари (La Noue 1618) и грамматики французского языка (Irson 1656, 147–51; Mauconduit 1678, 99–100). Например, большой список «двусмысленных слов» (*mots équivoques*) дает в своей французской грамматике К. Ирсон (Claude Irson, ?–1690). Самый большой ряд омонимов, выделенный К. Ирсоном, включает в себя 8 членов, *Sens Ville, sens homme de bon sens, sent il sent, sang des veines, sans argent, cent nombre, cens droits Seigneuriaux* (Irson 1656, 151). Под *mots équivoques* он понимает «слова, имеющие одинаковое или почти одинаковое произношение, но разные значение и правописание» («*mots qui ont la prononciation semblable ou presque semblable et dont la Signification et l'Orthographe sont differentes*») (Irson 1656, 147). Такие слова сейчас принято называть омофонами. Это понимание «двусмысленных слов» отражено и в названии анонимного словаря за подписью Le Soyeur в конце посвящения: *Alphabet contenant les mots qui ont en une mesme prononciation, diverse signification* (Азбука, содержащая слова, имеющие одно и то же произношение, но разное значение) (Le Soyeur 1661). Во второй половине XVIII века термин *équivoque* вытесняется греческим термином *homonymie* в словаре омонимов П. Т. Н. Юрто (Pierre-Thomas-Nicolas Hurtaut, 1719–1791) (Hurtaut 1775)³.

Во французской лингвистической традиции омонимия до сих пор трактуется широко. Так, в известном словаре лингвистических терминов Ж. Дюбуа и др. под омонимией понимается звуковое тождество (омофония) или графическое тождество (омография) двух морфем, не имеющих, кроме того, одинакового значения, «*L'homonymie est l'identité phonique (homophonie) ou l'identité graphique (homographie) de deux morphèmes qui n'ont pas, par ailleurs, le même sens*» (Dubois et al. 1994, 234).

В Германии первый словарик «одинаково звучащих слов, имеющих разное значение» («*gleich stymmende Worther [,] aber ungleichs Verstandes*») был опубликован в первой трети XVI века (Fabritius 1532). Подобные пары слов были включены и в известную грамматику Ю. Г. Шоттеля (Justus Georg Schottelius, 1612–1676) (Schottelius 1663, 198, 648–86). Например: *Das hoc, illud — Dass ut, quod; Den illum — Denn nam; Sein suus — Sein esse* (Schottelius 1663, 198).

В России XVI–XVIII веков омонимы включались в печатные учебники для начального обучения церковнославянскому языку, например, в Острожскую азбуку Ивана Федорова 1578 года (Азбука 1983, 18–20), или в рукописное руководство *Книга глаголемая буквы грамматичнаго учения* (начало XVII века), поскольку преодоление омонимии считалось «ключевой проблемой славянской лингвистической рефлексии и книжно-языковой практики» (Кузьмина-ва 2016, 42). В изданной в 1723 г. *Грамматике славенской* Федора Максимова был приведен небольшой список слов с одинаковым произношением, но разным правописанием в зависимости от их значения, мирѢ — мѣрѢ — мурѢ; винà — вѣнà; сѣлò — сѣлò; бл(а)го — блàгò; ѣзыкъѢ — ѣзыкъѢ; феодрѢ — еодрѢ; перстѢ — перстѢ (Максимов 1723, 2).

³ См. подробнее историю вопроса в статье (Jakubczyk 2013).

В учебниках русского языка для иностранцев омонимы впервые даны в разделе «О буквах, произношении и орфографии» *Русской грамматики* Г. В. Лудольфа (Heinrich Wilhelm Ludolf, 1655–1712), который отмечал, что слово *мука* с ударением на предпоследнем слоге означает *cruciatum* (мучение), а с ударением на последнем слоге — *farina*. Буквы *и*, *l* и *v* произносятся одинаково, но служат для различения значения слов *миръ* (*paх*), *миръ* (*mundus*) и *муръ* (*myrrha*) (Ludolf 1696, 9). Вероятно, под влиянием учебников Шоттеля, Лудольфа и Максимова списки омонимов появляются в рукописных грамматиках русского языка филологов из Академии наук Пауса и Шванвица (Paus 2016, 61–4; Schwanwitz 2002, 157–60), а затем и в грамматике Тауберта (*Grammaire Francoise et Russe* 1730, 39–40).

В настоящей статье будет использоваться терминология энциклопедического словаря-справочника *Культура русской речи* под ред. А. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. Будет использоваться обобщающий термин *лексические омонимы*, означающий слова, совпадающие по форме (звучанию и/или написанию), но имеющие разное значение и не связанные ассоциативно. Видами лексических омонимов будут считаться а) *собственно омонимы*, совпадающие в звучании и написании, б) *омофоны*, совпадающие в звучании, но различающиеся на письме, и в) *омографы*, совпадающие в написании, но различающиеся в произношении (Емельянова 2003).

В процессе анализа учитывалось, что в учебной литературе, в том числе в упомянутых выше грамматиках и словарях, встречаются пары слов, не являющиеся в строгом лингвистическом смысле омонимами. Они не совпадают в звучании, хотя и имеют близкое произношение, или не совпадают в написании, хотя и имеют сходное написание, например, это известные каждому преподавателю русского языка слова *вчера* и *вечером*, часто вызывающие трудности у иностранных учащихся на начальных стадиях усвоения языка. Такие пары слов будем называть *квазиомонимами*, *квазиомофонами*, *квазиомографами*. Среди трудных для усвоения слов, включенных в раздел «Équivoques» в «Грамматике французской и русской», встречаются собственно омонимы, омофоны, квазиомофоны и омографы.

2. Методология исследования

Цель данного исследования: проанализировать раздел «Équivoques» в *Грамматике французской и русской* 1730 года. *Задачи исследования:* а) рассмотреть, какие русские слова считает трудными для иностранцев составитель этого учебника, родившийся и живший в Санкт-Петербурге немец И. К. Тауберт, и объяснить, чем это может быть обусловлено; б) выявить возможные источники раздела «Équivoques».

Материалом исследования являются пары слов, включенные в раздел «Équivoques» *Грамматики французской и русской*. *Методы исследования:* структурно-семантический анализ этих пар слов, их соотнесение с французским переводом, их интерпретация с точки зрения влияния немецкого языка.

3. Результаты исследования

Раздел «Équivoques» занимает в *Грамматике французской и русской* немногим более одной страницы. Он расположен на страницах 39–40 (в действительности же, поскольку нумерация страниц в учебнике нарушена, это страницы 41–42). В этом разделе приведены 26 русских омонимов и квазиомонимов, которые составитель учебника считает трудными для иностранцев. При этом, на каждой странице, как это принято в данном учебнике, материал организован в две колонки: в правой даны русские слова, а в левой указан их французский перевод (см. таблицу 1).

Таб. 1 – Русские омонимы и квазиомонимы с французским переводом в разделе «Équivoques».

farine bref	мука
tourment long	мука
vivre	жить
juif	жидЪ
être	быть
battre	бить
manger	есть
il est	он есть
un bon menager	быть
le corps d'un homme	плоть
radeau de bois	плодЪ
le monde	мирЪ
la paix	мирЪ
onguent	мурЪ
j'ai été	былЪ
j'ai bastonné	билЪ
sentir	служить
obéir	слушать
ognon	лукЪ
arc de fleche	лукЪ
estomac	животЪ
richesse	животЪ
croitre	ростЪ
usure	рость
corps	тЪло
affaire	тЪло

Для удобства анализа сгруппируем указанные пары слов по видам омонимов.

3.1 Омони́мы и омогра́фы

Трудными для усвоения иностранцами Тауберт считает слова *лукЪ* в значении *oignon* (в тексте ошибочно дано *ognon*) и *лукЪ* в значении *arc de fleche*, инфинитив глагола *естъ* (*manger*) и форму 3 лица единственного числа *он есть* (*il est*), *животЪ* в значении *estomac* и *животЪ* в значении *richesse* (скорее всего, имеется в виду старинное значение слова *животЪ* — имущество, пожитки) (СРЯ XVIII в.1992, 129).

К трудным для усвоения словам относятся *мука* [*мук'а*] и *мука* [*м'ука*]. Приводя французский перевод этих слов, Тауберт указывает на различное их произношение: *farine bref* и *tourment long*, где слова *bref* и *long* (краткий и долгий) характеризуют произношение звука [y]. В данном случае имеет место интерпретация этой пары слов с точки зрения иностранца. Русский автор, вероятно, обратил бы внимание не на долготу и краткость гласного [y], а на место ударения в этом слове.

Также к трудным словам составитель учебника ошибочно относит слова *тѣло* в значении *corps* и *тѣло* в значении *affaire* (дело), что указывает на него как на носителя немецкого языка. Родители Тауберта были выходцами из Саксонии, и для их русской речи было характерным смешение звуков [т] и [д].

3.2 Омoфо́ны и квазиомoфо́ны

К омофонам в разделе «Équivoques» относится только триада *мирЪ* (*le monde*), *мирЪ* (*la paix*), *мурЪ* (*onguent*, вместо *муро*). Наряду с этими словами в разделе имеются и квазиомофоны. К ним относятся пары *жить* (*vivre*) и *жидЪ* (*juif*), *быть* (*être*) и *буть* (*battre*), *былЪ* (*jai été*) и *билЪ* (*jai bastonné*). Указание на разное написание этих слов, несомненно, было полезным для учащихся, не различавших мягкие и твердые согласные.

Совпадающими в звучании или близкими по звучанию Тауберт считает слова *ростЪ* (*croitre*) и *рость* (*isure*). В данном случае обращает на себя внимание то, что он переводит существительное *ростЪ* глаголом *croitre*, а глагол *рость* существительным *isure*. Эта путаница в переводе говорит о том, что, будучи немцем, он, вероятно, и сам плохо различал русские твёрдые и мягкие согласные. Он знал, что слова *ростЪ* и *рость* пишутся по-разному, но производил их одинаково, и именно поэтому перепутал их перевод.

В связи с этим отметим, что неверное написание букв *Ъ* и *ь* на конце слова в *Грамматике французской и русской* встречается довольно часто, а из комментариев к этим буквам следует, что составитель учебника не понимал их функциональных различий: «Voici deux marques que l'on appelle demi voïelles que l'on met seulement à la fin des mots qu'on appelle touttes les deux ijer epЪ dont voici la figure de la grande, Ъ et la petite, ь» (Grammaire Francoise et Russe 1730, 5)⁴.

⁴ «Вот два знака, называемые полугласными, которые ставят только на конце слов; они оба называются *ijer epЪ*, вот изображение большого знака *Ъ* и маленького *ь*» (перевод наш —

Перевод также перепутан в паре квазиомофонов *служить* (*sentir*) и *слушать* (*obéir*). *Служить* должно переводиться как *obéir* (*подчиняться, повиноваться*). Хотя у этих глаголов разные значения, имеются и общие семы, так как любая служба предполагает подчинение. *Слушать* же переводится как *sentir* (*чувствовать*), возможно, через посредство немецкого *spüren* (*чувствовать, чувствовать*). О том, что это может быть именно так, свидетельствует перевод глагола *sentir* как *слышать* (или *слышать* как *sentir*) в следующем разделе грамматики (*Grammaire Francoise et Russe* 1730, 60). Смешение в употреблении глаголов *слушать* и *слышать* — типичная ошибка иностранцев в русском языке. Возможно, Тауберт и сам не в полной мере различал эти глаголы.

Составитель грамматики указывает на необходимость различения слов *плоть* (*le corps d'un homme*) и *плодЪ* (*radeau de bois*), при этом во втором примере также допускает ошибку в переводе. В данном случае следовало бы указать *плодЪ* (*fruit*) или *плотЪ* (*radeau de bois*). Вероятно, причинами этой ошибки также послужило неразличение твердых и мягких русских согласных. Кроме того, причиной неверного перевода могло быть и то, что в условиях отсутствия русско-французских словарей Тауберт обращался к знатоку французского языка, который, не видя написанного слова, переводил его так, как слышал. Например, если он слышал слово *плодЪ*, переводил его как *плотЪ* (*radeau de bois*).

В разделе «*Équivoques*» имеет место и пример, требующий особого комментария. Это глагол *быть*, переведенный словосочетанием *un bon ménager* (*хороший хозяин*). При этом характерная для омонимов пара отсутствует. Глагол *быть* в разделе «*Équivoques*» уже встречался в противопоставлении *быть* (*être*) — *бить* (*battre*). Однако, если соотносить его со словосочетанием *un bon ménager* и учитывать контекст, содержащий квазиомофоны, то становится очевидным, что глагол *быть* должен быть увязан с существительным *бытЪ*, означавшим в XVIII в. «домашнее хозяйство» (СРЯ XVIII в. 1985, 183–84). В таком случае оба слова будут противопоставлены по твердости / мягкости согласного на конце слова. Возможно, не зная, как правильно перевести слово *бытЪ* на французский язык, составитель учебника дал отсылку к названию популярного французского руководства по домоводству⁵, планируя в дальнейшем вернуться к этой паре квазиомофонов. Но поскольку, как нами было установлено, грамматика создавалась в сжатые сроки (Власов и Московкин 2023, 83–7), к разделу «*Équivoques*» составитель учебника в дальнейшем так и не вернулся.

С.В., Л.М.). Как видим, составитель учебника не дает двух разных названий для «большого знака» *ерь* и «маленького» *ерь* и не приводит правил их употребления.

⁵ Одно из наиболее известных руководств по ведению домашнего хозяйства того времени, неоднократно переиздававшийся словарь Л. Лиге *Dictionnaire pratique du bon ménager de campagne et de ville* (Практический словарь хорошего городского и сельского хозяина) (Liger 1715), могло находиться как в доме отчима Тауберта Матиаса Фельтена, эконома Академии наук, так и в доме его дяди Иоганна Фельтена, обер-кухмистра Петра I.

3.3 Источники раздела «Équivoques»

В процессе исследования *Грамматики французской и русской* было установлено, что из 26 омонимов и квазиомонимов, представленных в разделе «Équivoques», 14 совпадают с примерами из грамматики Пауса и 15 с примерами из грамматики Шванвица.

В славяно-русской грамматике Пауса, которая создавалась более 20 лет (1705–29 гг.), но так и не была опубликована, собраны 67 пар омонимов и квазиомонимов с переводом на немецкий и в некоторых случаях на латинский язык (Paus 2016, 61–4). Неоконченная и также неопубликованная грамматика русского языка Шванвица создававшаяся для нужд немецких студентов Санкт-Петербургского академического университета и немецких учеников академической гимназии (Материалы... 1886, 436), содержит 95 пар омонимов и квазиомонимов с переводом на немецкий язык (Schwanwitz 2002, 157–60). Все это говорит о том, что авторы учебников русского языка считали методически значимым разграничение указанных лексических единиц.

Нельзя утверждать, что Тауберт был знаком с этими рукописными грамматиками, так как в целом между *Грамматикой французской и русской* и грамматиками Пауса и Шванвица обнаружено мало соответствий, однако он был знаком с включенными в них омонимами и квазиомонимами, которые могли существовать и в виде отдельных списков. Стремясь к упрощению учебного материала, Тауберт сократил эти списки, дополнил их своими примерами и перевел на французский язык.

Прокомментируем таблицу 2, в которой указаны соответствия омонимов и квазиомонимов в грамматиках Тауберта, Шванвица и Пауса.

Таб. 2 – Список омонимов и квазиомонимов из грамматики Тауберта и совпадающие лексические единицы из грамматик Шванвица и Пауса.

Тауберт	Шванвиц	Паус
мука farine bref	мука das Meel	мука das Meel
мука tourment long	мука die Pein, Marter	мука die Pein, Marter
жить vivre	–	–
жидЪ juif	–	–
быть être	–	–
бить battre	–	–
есть manger	–	–
он есть il est	–	–
быть un bon menager	–	
плоть le corps d'un homme	плоть das Fleisch	плоть das Fleisch
плодЪ radeau de bois	плодЪ die Frucht	плодЪ die Frucht
мирЪ le monde	мирЪ die Welt	мирЪ die Welt
мирЪ la paix	мирЪ der Friede	мирЪ der Friede

Тауберт	Шванвиц	Паус
мурЪ onguent	мурЪ die Myrrhen	
былЪ jai eté	былЪ ich bin gewesen	былЪ fui
билЪ jai bastonné	билЪ ich habe geschlagen	билЪ verberavi пилЪ bibi
служить sentir	служатЪ sie dienen	служить dienen
слушать obéir	слушать hören	слушать hören
лукЪ ognon	лукЪ der Bogen, die Zwibel	лукЪ der Bogen, Zwibel
лукЪ arc de fleche	лугЪ die Wiese	лугЪ die Wiese
животЪ estomac	–	–
животЪ richesse	–	–
ростЪ croitre	–	–
ростЪ usure	–	–
тѣло corps	тѣло der Leib	тѣло der Leib
тѣло affaire	дѣло das Werck, die Affaire	дѣло das Werk
26	15	14

Во всех трех грамматиках совпадают слова *мука* [мук'а] и *мука* [м'ука], которые впервые появляются в Острожской азбуке Ивана Федорова (Азбука 1983, 19), повторяются в букварях XVII в. и в *Русской грамматике* Лудольфа. Совпадают квазиомонимы *былЪ* и *билЪ*: все три автора считают необходимым обратить внимание изучающих русский язык на их разное написание и, вероятно, разное произношение. В грамматиках Тауберта и Шванвица совпадают омофоны *мирЪ*, *мурЪ* и *мурЪ* (у Пауса указаны только *мирЪ* и *мурЪ*). Как уже было отмечено, эта триада была включена в учебники Лудольфа и Максимова и, возможно, заимствована из них.

В остальных случаях совпадения неполные. Паус и Шванвиц различают на письме квазиомофоны *тѣло* и *дѣло*, у Тауберта же мы видим совпадающие по написанию слова *тѣло* (*corps*) и *тѣло* (*affaire*). Паус и Шванвиц включают в свои грамматики омофоны *лукЪ* и *лугЪ*, у Тауберта — совпадающие по написанию *лукЪ* (*oignon*) и *лукЪ* (*arc de fleche*).

Частично совпадают квазиомофоны *служить* и *слушать* в грамматиках Пауса и Тауберта и *служатЪ* и *слушать* в грамматике Шванвица. Омофоны *плоть* и *плодЪ* приводятся во всех трех грамматиках, однако в грамматике Тауберта слово *плодЪ*, как уже было указано, сопровождается ошибочным переводом *radeau de bois*, соответствующим слову *плотЪ*.

4. Заключение

1. Пары слов, приводимые в разделе «Équivoques», являются и омонимами, и омофонами, и омографами, однако многие из них не подпадают под строгое определение этих терминов. Это слова, близкие по звучанию (квазиомофоны), однако, возможно, с точки зрения автора, носителя немецкого

языка, они звучат одинаково. Нельзя не признать методическую значимость пар омонимов и квазиомонимов в этом разделе. В частности, указание на существование разных по написанию, но близких по звучанию слов было важным для учащихся, которые не различали твердых и мягких согласных, то есть, прежде всего, для носителей отдельных немецких диалектов.

2. Пары слов, приводимые в разделе «Équivoques», имеют соответствия в списках аналогичных пар слов из грамматик Пауса и Шванвица. Тауберт, скорее всего, с этими грамматиками не был знаком, а пользовался списками слов, которые использовались в академической гимназии при обучении русскому языку. Исходя из необходимости упрощения этого трудного для иностранцев лексического материала, он сократил эти списки и дополнил их своими примерами, хотя в отдельных случаях допустил ошибки в написании слов и их переводе на французский язык.

3. Анализ слов раздела «Équivoques» показывает, что составитель учебника описал лексические трудности русского языка с точки зрения учащегося-немца, и это является еще одним подтверждением того, что составителем анонимной *Грамматики французской и русской* был носитель немецкого языка.

Источники

- Азбука 1578 Ивана Федорова. 1983. Подготовил Евгений Л. Немировский. Москва: Книга.
- Аристотель. 1978. «Категории.» В *Аристотель. Сочинения: в 4 т.* Т. 2: 51–90. Москва: Мысль.
- Максимов, Фёдор. 1723. *Грамматика славенская въ кратце собранная въ Грекославенской школе яже въ великом Нове граде при доме Архиерейскомъ.* Санкт-Петербург: тип. Александро-Невского монастыря.
- Материалы для истории Императорской Академии наук.* 1886. Т. 2. 1731–1735. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- Словарь русского языка XVIII века.* 1985. Ред. Юрий С. Сорокин. Вып. 2. Безпристрастный – Вейэр. Л.: Наука.
- СРЯ XVIII в. *Словарь русского языка XVIII века.* Вып. 1–22. Ленинград, Санкт-Петербург: Наука. 1984–2019 (издание продолжается).
- [Adodurow, Wassilij]. 1731. “Anfangs-Gründe der Russischen Sprache.” In *Deutsch-Lateinisch- und Russisches Lexicon, samt denen Anfangs-Gründen der Russischen Sprache.* 1–48. Saint Peterburg: Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschaften Buchdruckerey.
- [Arnauld, A., Pierre Nicole P.]. *La Logique ou l’Art de penser.* 1685. Amsterdam: Abraham Wolfgang.
- Dupleix, Scipion. 1604. *La Logique, ou Art de discourir et raisonner...* Édition seconde... Paris: D. Sallis.
- Fabritius, Hans. 1895. “Eyn nützlich buchlein ettlicher gleich stymmender worher Aber ungleichs Verstandes. Erfurt, 1532.” In *Ältere deutsche Grammatiken in Neudrucken: Das Büchlein gleichstimmender Wörter, aber ungleichs Verstandes des Hans Fabritius;* hrsg. von John Meier. Strassburg: Trübner.
- Garlandia, Joannes de. 1487. *Textus aeauivocorum cum commento.* Coloniae: Heinrich Quentell.

- Grammaire Françoise et Russe 1730 — [Taubert, Johann Caspar]. 1730. *Grammaire Françoise et Russe en Langue moderne accompagnée d'un petit Dictionnaire pour la Facilité du Commerce. Грамматика французская и руская ныншняго языка сообщена съ малымъ Лексикономъ ради удобства сообщества.* 1730. A St. Petersburg.
- Hurtaut, Pierre-Thomas-Nicolas. 1775. *Dictionnaire des mots homonymes de la langue Françoise, c'est-à-dire, dont la prononciation est la même, et la signification différente [...]*. Paris: Chez Ph. D. Langlois.
- Irson, Claude. 1656. *Nouvelle méthode pour apprendre facilement les principes et la pureté de la langue françoise.* Paris: Chez l'Auteur [...] et chez Gaspard Meturas.
- La Noue, Pierre de. 1618. *Synonyma et æquivoca Gallica, phrasibus sententiisque proverbialibus illustrata ... et Latina eorum interpretatione donata.* Lugduni: Typis Ioannis Anard.
- Le Soyeur. 1661. *Alphabet contenant les mots qui ont en une mesme prononciation, diverse signification.* Paris: Jean Promé.
- Liger, Louis. 1715. *Dictionnaire pratique du bon ménager de campagne et de ville, qui apprend généralement la manière de nourrir, élever & gouverner [...]* toutes sortes de bestiaux, chevaux & volailles [...]. Avec un traité de tout ce qui concerne la cuisine, les confitures, la pâtisserie [...] les chasses différentes, la pêche [...]. Ouvrage très-utile dans les familles. 2 vol. Paris: Chez P. Ribou.
- Ludolf, Heinrich Wilhelm. 1696. *Grammatica Russica quae continet non tantum praecipua fundamenta Russicae linguae, verum etiam Manuductionem quandam ad Grammaticam Slavonicam.* Oxonii: E Theatro Sheldoniano.
- Mauconduit, M. 1678. *Nova grammatica Gallica = Nouvelle grammaire françoise [...]*. Paris: Chez Thomas Jolli.
- [Pascal, Blaise]. 1669. *Les provinciales ou Les lettres écrites par Louis de Montalte, à un provincial de ses amis, et aux RR. PP. Jésuites.* Cologne, N. Schoute [i.e., D. Elsevier].
- Paus, Iohann Werner. 2016. *Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprachen.* Transkript des Autographs der Akademiebibliothek. Saint Peterburg, Handschriftenabteilung, Signatur Q192/1. Bearbeitet von A. Huterer. Schlußredaktion von H. Keipert mit computertechnischer Unterstützung durch D. Bunčić. Bonn.
- Schottelius, Justus Georg. 1663. *Ausführliche Arbeit von der Teutschen HauptSprache.* Braunschweig: Friedrich Zilliger.
- [Schwanwitz, Martin]. 2002. *Compendium Grammaticae Russicae (1731). Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache.* Hrsg. von H. Keipert in Verbindung mit A. Huterer. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften.

Литература

- Власов, Сергей В. и Леонид В. Московкин. 2021. “Первый печатный учебник русского языка как иностранного в России: «Грамматика Французская и Русская», Санкт-Петербург, 1730 – Grammaire Françoise et Russe en Langue moderne / Грамматика Французская и Русская ныншняго языка. В Санктъ Петербургѣ.” В *Альтернативные пути формирования русского литературного языка в конце XVII–первой трети XVIII века: Вклад иностранных ученых и переводчиков*, ответственный редактор Светлана Менгель, 70–88. Москва: Издательский Дом ЯСК.
- Власов, Сергей В. и Леонид В. Московкин. 2023. *Первый в России печатный учебник русского языка как иностранного: Исследование и текст.* Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.

- Вомперский, Валентин П. 1969. “Неизвестная грамматика русского языка И.С. Горлицкого 1730 г.” *Вопросы языкознания* 3: 125–31.
- Емельянова, Ольга Н. 2003. “Омонимия и смежные явления.” В *Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник*, 390–92. Москва: Флинта.
- Кузьмина, Елена А. 2016. “«Словарь трудностей» церковнославянского языка XVII века.” *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология* 2: 40–50.
- Менгель, Светлана. 2021. “Предисловие.” В *Альтернативные пути формирования русского литературного языка в конце XVII–первой трети XVIII века: Вклад иностранных ученых и переводчиков*, ответственный редактор Светлана Менгель, 7–9. Москва: Издательский Дом ЯСК.
- Bréhier, Emile. 1971. *La philosophie du Moyen Âge*. Paris: Les Éditions Albin Michel.
- Dubois, Jean, Giacomo, Mathée, Guespin, Luis, and Christiane Marcellesi. 1994. *Dictionnaire de la linguistique et des sciences du langage*. Paris: Larousse.
- Jakubczyk, Marcin. 2013. “Équivoquer en français aux XVIIe et XVIIIe siècles (Les grammairiens et homonymie).” *Romanica Cracoviensia* 13: 29–37.
- McInerney, Ralph. 1996. *Aquinas and Analogy*. Washington, The Catholic University of America Press.

Незнакомые знакомцы: о чем еще могут рассказать словари?

Елизавета Бабаева

Abstract: *Unfamiliar Acquaintances: What Else Can Dictionaries Tell Us?* Vocabulary is considered to be first and foremost a linguistic and pedagogical field: it teaches readers to master the lexical units of their own or a foreign language better. Dictionaries are thus usually a kind of “applied” lexicology. However, a different approach is also possible, in which particular attention should be paid to clarifying the author’s attitudes — not only philological, but also, more broadly, epistemological, taking also into account his views on the role of lexicographer (often extending far beyond his study). A dictionary is a special type of statements about words and the world, and the body of texts belonging to this type of discourse is an archive of knowledge (M. Foucault), shedding light not only on the history of words, but also on the history of the formation and development of concepts and ideas, on the history of society and on historical anthropology.

Keywords: lexicography, vocabulary, lexicology, discourse, history of concepts, history of ideas, anthropology.

И дикционарий не выше человеческих сил
(В. К. Тредиаковский)

Лексикографические труды принято считать областью, прежде всего, педагогической — в самом широком понимании этого слова: они учат своего читателя лучше владеть лексическими единицами своего языка или же языка другого народа. Словари обычно выступают в роли своего рода «прикладной» лексикологии или же экспериментального поля для теоретической семантики.

Конечно, словари изучались и изучаются в теоретической и исторической перспективах: фиксируются лексикографические концепции и формальные модели описания языковых единиц, устанавливаются линии преемственности. Во второй половине XX века во Франции комплексное изучение лексикографической традиции становится особым бурно развивающимся направлением лингвистики¹. В работах по истории лексикографии материал обычно излага-

¹ Это неудивительно: ведь французская лексикографическая традиция необычайно богата. Достаточно сказать, что в XVI–XVII веках появилось 36 словарей, описывающих французскую лексику, из которых 8 толковых. Постоянно обновляющуюся библиографию

Elizaveta Babaeva, Russian Academy of Sciences, Russian Federation, babaevae@my.msu.ru, 0000-0001-6167-4859

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Elizaveta Babaeva, *Unfamiliar Acquaintances: What Else Can Dictionaries Tell Us?*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.14, in Svetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 159-171, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

ются хронологически и в соответствии с национальными традициями². Существуют также разнообразные классификации словарей, учитывающие такие параметры, как состав и способ организации словника, а также тип сообщаемой в них информации³. Вместе с тем, можно предположить возможность создания некоторой типологии словарей, учитывающей гораздо больше факторов, чем собственно отнесение словаря к одному из классов на основании пересечений ряда формальных признаков.

Словари⁴ можно рассматривать в качестве отдельного высказывания⁵ о лексических единицах, имеющего сложную внутреннюю структуру. Совокупность таких высказываний образует особый дискурсивный тип. Субъектом высказывания в этом случае выступает лексикограф (*я* или *мы*), обращающийся к потенциальному читателю (*ты*). Согласно Жану Дюбуа, данному типу дискурса соответствует формула: *Словарь говорит, что P* (где *P* — совокупность содержащихся в тексте пропозиций), которая может трансформироваться в формулу *Лексикограф <я, мы> говорит <говорю, говорим> тебе <вам>, что P* (Dubois 1970, 35, 40–2). Можно сказать, что в словаре, взятом как высказывание, роль предиката выполняют словарные статьи, содержащие информацию относительно заголовочных слов. Каждое такое лексикографическое высказывание порождает особое знание, а совокупность высказываний, если использовать терминологию М. Фуко, создает архив знаний.

Словарь, взятый как высказывание, обладает непрерывностью и законченностью, причем его законченность обычно поддерживается алфавитным принципом организации; см. подробнее в: Dubois 1970, 37. Изучение таких высказываний, как и изучение любого другого типа дискурса, предполагает рассмотрение их генезиса, структуры, стилистики и риторики (Rey et Delesalle 1979, 9).

можно найти в виртуальном Музее словарей (Musée virtuel des dictionnaires) на сайте Университета Сержи-Понтуаз (<https://dictionnaires.u-cergy.fr>).

² См., например, объемную работу (Considine 2021).

³ См., например, подробную типологию словарей в: Rey 1977, 54–81. Следует отметить, что объектом наиболее полного анализа (с точки зрения многообразия критериев, положенных в основу изучения) стал знаменитый словарь английского языка С. Джонсона (Samuel Johnson. *A Dictionary of the English Language*) 1755 года; см., например, в Lynch 2011.

⁴ В данной статье речь пойдет преимущественно о словарях, которые после Владимира Даля стали в русской традиции называться *толковыми* (они могут также называться *одноязычными*), и о небольшом фрагменте мировой лексикографии — новой европейской лексикографии, которая зародилась в XV–XVI веках, хотя корни ее, несомненно уходят в глубокое прошлое.

⁵ Ср. рассуждение М. Фуко о том, что высказывание «одновременно с появлением в своей материальности возникает со своим статусом, включается в систему, располагается в поле использования, поддается перемещениям и возможным изменениям, участвует в операциях и стратегиях, где его тождественность поддерживается или исчезает» (Фуко 1996, 106).

Появление данного типа дискурса в национальной филологической традиции, несомненно, должно расцениваться как знаковое явление. Хорошо известно, что становление новых литературных языков в Европе включало создание двуязычных (многоязычных) словарей, которые служили инструментом фиксации статусности языка, поскольку в них этот новый литературный язык начинал напрямую соотноситься с языком, традиционно обладавшим престижностью. Так, например, Ф. Поликарпов, автор славяно-греко-латинского лексикона (1704 г.), желая показать «пространство» «славянского» языка, помещает его в триаду сакральных языков на место еврейского языка — языка святости рядом с греческим и латынью, специально обосновав свою позицию в предисловии (Бабаева 2004, XXXVIII).

В названиях ранних европейских словарей представлена метафора хранилища ценностей — *сокровищницы*, *тезауруса* (греч. *θησαυρός*, восходящее к глаголу *θησαυρίζω* ‘хранить’): например, англо-латинский словарь 1499 года *Promptorium parvulorum* (букв. *Сокровищница для молодежи*) Галфрида Грамматика из Норфолка, в также *Thesaurus linguae latinae* Робера Этьена (Robert Estienne), который в короткое время выдержал три издания — 1531–1532, 1536 и 1543 годов); *Thesaurus graecae linguae* (1572–73 гг.) Анри Этьена (Henri Estienne); *Thrésor de la langue françoise tant ancienne que moderne* (1606 г.) Жана Нико (Jean Nicot); *Немецкий Целлариус* (1765 г.), *Французский Целлариус* (1769 г.) и *Российской целлариус* (1771 г.) Ф. Гельтергофа⁶. В европейской традиции словарь мог представляться, таким образом, книгой, функции которой состоят в том, чтобы *хранить* собранные в ней слова. Александр Семенович Шишков в сочинении 1815 года *Некоторые замечания на предполагаемое вновь сочинение Российского Словаря* замечал, что словарь «есть собрание и хранилище языка, из которого всякий писатель выбирай что ему надобно и всякий читатель узнавай что он знать желает» (Шишков 1815, 24)⁷, а в предисловии к *Словарю церковнославянского и русского языка* (1847 г.) объяс-

⁶ Эта метафора восходит к латинской средневековой традиции, где *тезаурусами* могли называться своего рода протоэнциклопедии (ср., например, труд 1265 г. философа Brunetto Latini *Li livres dou tresor*), однако она представлена и в других древних лексикографических традициях: так, например, в древнеиндийской лексикографии известен словарь *Амаракоса* (*коша* — «словарь», а также «коллекция», «сокровище»), созданный Амарой Синхой (V–VI вв.). Исследователи отмечают также, что изначально термин *thesaurus* обозначал одноязычный словарь, тогда как *vocabularium* или *dictionarium* фигурировали в названиях двуязычных, многоязычных или специальных словарей (Pruvost 2002, 21–2). Ср. также нем. *Wortschatz* или англ. *Word-hoard* как название для словаря.

⁷ В словах А.С. Шишкова отражено представление о важной роли, которую играет словарь для порождения текста; ср. также относящееся к 1802 году мнение писателя Российской Академии П. К. Соловьева, который, восхваляя составителей академического словаря, говорил, что они «трудятся, нам чтоб не трудиться, / В кармане, слов ища, не рыться»; цит. по: Николаев 2009, 91). Другого мнения придерживался А. Сумароков, который в *Наставлении хотящим быти писателями* 1774 года указывал на недостаточность «лексикона» как ресурса для творчества: «Хотя перед тобой в три пуда лексикон / Не мни, чтоб помощью тебя снабжал и он, / Коль речи и слова поставишь без порядка / И будет перевод твой некая загадка» (Сумароков 1957, 135).

няется, что «хранить язык» значит «приводить в стройную совокупность все его сокровища» (Словарь церковнославянского и русского языка I, 1). Эта метафора, как хорошо известно, остается достаточно устойчивой и даже претерпевает дальнейшее развитие в XIX и XX веках⁸. Стоит заметить в этой связи, что понятие «богатство» языка является одним из важнейших в европейской языковой полемике нового времени; особенно подробно оно обсуждалось в рамках споров между «древними» и «новыми».

Немного другой, но близкий образ можно найти в рассуждениях французского лексикографа Пьера Лярусса, уподоблявшего словарь лакею, который несет багаж своего господина — языка, «*c'est un laquais qui porte les bagages de son maître*» (Larousse 1856, X). Лексикограф предстает в этом случае как собиратель и хранитель; он может осознавать себя также коллекционером: например, французский лексикограф XIX века Альфред Делво, сравнивая себя с энтомологом, писал, что он охотился за словами, как за бабочками⁹.

Интересно, что европейские лексикографы позитивисты (например, Эмиль Литре, Пьер Лярусс или авторы Оксфордского словаря английского языка) и неопозитивисты (например, Аристид Кийе или Поль Робер) могли использовать в качестве синонимов к слову *dictionnaire* такие существительные, как *dépot*, *magasin*, *archives*, *arsenal*, *collection*, в целом продолжающие традицию восприятия словаря как постоянно пополняющегося вместилища для коллекции слов.

Вместе с тем, толковые словари воспринимались также как некий статичный комплекс, отражающий состояние общества в определенную эпоху (ср. такие синонимы-метафоры, как *tableau*, *panorama*). Так, в частности, Пьер Лярусс сравнивал словари с моментальным снимком, с *дагерротипом* (это техническое новшество появилось в самом конце 30-х годов XIX века, незадолго до того, как Пьер Лярусс начал работать над своим первым лексикографическим проектом), на котором запечатлена «физиономия» языка. Поскольку любой язык претерпевает трансформации, лексикограф, согласно Лярусу, обязан следить за происходящими трансформациями и *дагерротипировать* (*daguerréotyper*) современное ему состояние языка (Larousse 1863, XI).

Наиболее красноречивым термином, применяющимся к словарю и отражающим связь с современным ему этапом развития общества, является

⁸ Интересно, что лексикография постепенно перешла от идеи отбора слов, заслуживающих помещения в словарь (т. е. выдачи своеобразного «права гражданства» словам), к стремлению описать в *тезаурусе* лексику какого-либо языка по возможности во всем его объеме и во всей полноте. Характерно рассуждение Х. Касареса, который писал об изменении роли лексикографа со времен составления «академических» словарей, занимавшихся «селекцией» слов: «И поскольку теперь он (лексикограф) не выдает ни прав гражданства, ни удостоверений о прохождении отборочной комиссии, поскольку он не стремится ничего очищать, ни устанавливать, не требует никакой юрисдикции, он может действовать безо всяких ограничений, подобно ботанику, который собирает в горах и долинах материалы для гербариев, чтобы изучать флору страны» (Касарес 1958, 31).

⁹ «*J'ai chassé aux mots comme on chasse aux papillons*» (Delvau 2020, 3).

слово *свидетель* (*témoïn*), которое указывает на роль лексикографии в формировании и, следовательно, последующей реконструкции памяти языкового коллектива и подчеркивает социально-историческую ценность данного типа текстов (Dubois 1970, 16–17).

Традиционно в соответствии с этими двумя представлениями (*хранилище слов* и *свидетель эпохи*) словари используются в качестве инструмента для исследования лексики как единицы языка (в синхронном и/или диахронном аспектах) и в качестве инструмента для исследования лексики как части конкретного социального, исторического или культурологического пространства¹⁰.

Словари являются важным филологическим источником, это своего рода «сырье» филологии, однако на протяжении долгого времени высказывания этого типа не становились объектом критики, комментирования и интерпретации в том смысле, в каком существует и развивается критика, комментирование и интерпретация других филологических источников. Словари, например, практически не привлекаются как источник при изучении истории лингвистики, в частности, семантики, а между тем, как кажется, именно там лежат ее истоки. Это неудивительно, поскольку лексикографу всегда приходится заниматься массовым, так сказать, «промышленным», а не штучным описанием лексики. На этом пути были сделаны некоторые первые открытия семантического характера и первые обобщения, которые позволяли подступить к предварительной систематизации лексики. Среди первых наблюдений можно назвать, скажем, разграничение прямых и переносных значений на большом корпусе слов¹¹, а также разметка разных регистров употребления.

Интересно, например, что именно в этом типе дискурса, в седьмом издании *Универсального словаря французского языка* (*Dictionnaire universel de la langue française*)¹² Пьера-Клода-Виктора Буаста, вышедшем в 1829 году, впервые употреблен термин *антонимия*. Можно предположить, что он был изобре-

¹⁰ В истории русской лексикографической мысли следует обратить внимание, например, на известную записку П.С. Биллярского об изучении «новейшего» русского языка, в которой предлагался «положительный» разбор языка, включавший, в частности, «оценку образования языка по отношению к умственной жизни народа» (Выписки из протоколов 1860, 382). Хорошо известна позиция американской школы антропологии; ср. часто цитирующееся высказывание Э. Сепира о том, что в словаре отражается «комплексный инвентарь всех идей, интересов и занятий, привлекающих внимание данного общества» (Сепир 1993, 272). Особенно последовательно связи словарей с определенным этапом развития общества изучаются французскими лингвистами, начиная с работ Ж. Маторе. Отмечу, что некоторые исследователи используют термин *этнолексикография*, в частности, применительно к двуязычным словарям; см., например: Cherifi 2009, 237.

¹¹ Так, например, в словаре французского языка Франсуа-Антуана Помея (1671) вводится специальный знак (Q), разграничивающий отдельные употребления многозначных слов: «La Paraphe que j'ai fait mettre devant certains mots, veut dire que ces mots sont pris dans un sens different de celui, auquel les mêmes mots se prennent dans les locutions precedentes» (Pomey 1716, iij v).

¹² Первое издание словаря вышло в 1800 году; до 1866 года словарь переиздавался 15 раз.

тен французским писателем и лексикографом Шарлем Нодье, который после смерти Буаста (1824 г.) готовил переиздания данного словаря, очень популярного во Франции в первой половине XIX в. Шарль Нодье, по всей видимости, ориентировался на традиционный филологический термин *синонимия*. Под *антонимией* он понимал риторическую фигуру, а именно — совмещение в одном контексте несовместимых понятий (своего рода оксюморон). В издании 1829 года содержится ссыла на употребление Робеспьера, известного своим риторическим даром, а вот в издании 1834 года дается уже определение и пример *антонимии*: «exposition de mots, de noms inconciliables: ex. le bon messer Caligula [Bonne-ville]» (см. подробнее в статье: Бабаева 2018, 157). Что же касается термина *антоним*, то он впервые употреблен в 1866 году также в данном типе дискурса — в словаре Пьера Лярусса (*Grand dictionnaire universel du XIX-e siècle*), который поместил это слово в словник, видимо, из соображений системности. Появление этих терминов не случайно. Оно явилось результатом осмысления лексикографами XVII–XIX веков того, что можно назвать семантикой противоположности, изучение которой, в свою очередь, восходит к европейской логике XVII в. (см. подробнее в: Бабаева 2018, 155–58). Однако объем этого термина, его истоки и интерпретация в европейской лексикографии XIX века оказываются оторванными от истории трактовки *антонимии* во второй половине XX века, когда оно активно начинает использоваться в лексикологии.

Лексикографический проект как высказывание может носить перформативный или дидактический характер, иметь определенную идеологическую направленность, которая формулируется эксплицитно — в предисловиях или сопутствующих изданию объяснительных текстах. Вместе с тем, лексикографический проект как высказывание может иметь коммуникативную цель, заложенную в нем имплицитно. Достаточно вспомнить, например, «войну» словарей, разразившуюся во Франции в конце XVII века между представителями лексикографического проекта Французской академии и изгнанным в 1685 году из академии Антуаном Фюретьером. Как хорошо известно, проект, разработанный Клодом Фавром де Вожа и легший в основу первого издания Словаря Французской академии (DAF 1694), предполагал ориентацию на идеальное употребление, представленное, по мнению авторов этого словаря, у лучших французских авторов (*le bel usage*) и в устном узусе придворного общества (*le bon usage*). Этот проект, посвященный королю, имплицитно выражал языковые установки, господствовавшие в Версале. Антуан Фюретьер, помещая в свой словарь, названный им «универсальным» (*universel*), объемный корпус терминологии, изгнанной из Словаря Французской академии как ненужный для формирования «благородства и элегантности» речи (*à la Noblesse & à l'Élegance du discours* (DAF 1694, I, Préface, n/p [2])), имплицитно

представлял лингвистические интересы другой социальной группы — буржуазии, иначе говоря, Парижа¹³.

Словарь может являться своего рода политической программой. Так, например, Антиох Кантемир, находясь в качестве посланника в Европе в 30–40-ые годы XVIII века, начал составлять русско-французский словарь, исходя, по всей видимости, из культуртрегерского намерения познакомить франкоязычную Европу с книжным и разговорным узусами, принятыми в России (Бабаева 2004, XI). Однако неясно, каково могло бы быть практическое применение такого словаря: его составление не было связано ни с задачей облегчить переводы с русского на французский, неактуальной для того времени, ни с задачами преподавания русского как иностранного, для которых лучше подошел бы разговорник. Можно предположить, что А. Кантемир, будучи итальянистом в культурных предпочтениях и англоманом в политических пристрастиях, обратился тем не менее в двуязычном словаре не к итальянскому и не к английскому, а к французскому языку, поскольку это был международный язык наиболее авторитетного сообщества интеллектуалов того времени — *République des Lettres*. Он выбрал французский язык как символ новейшей европейской культуры и учености. Таким образом, глубинный смысл русско-французского словаря как высказывания состоял скорее в провозглашении нового статуса русского языка — равного европейским языкам, а еще шире — в указании на вхождение России в круг европейских государств. Известно также, например, что Ноа Уэбстера (Noah Webster) побудило к созданию первых лексикографических проектов (*Blue-Backed Speller; A Compendious Dictionary of the English Language*) стремление способствовать становлению новой — американской — государственности (Вупаск 1984), а примерно в это же время, в 90-е годы XVIII в., во Франции журналист Франсуа Домерг (François-Urbain Domergue), «грамматист — патриот» (*le grammairien patriote*), основал Общество любителей французского языка с целью написания «правильного» словаря, который отражал бы наступление «новой эры». Появление во время Великой французской революции понятия *нация* (*nation*) повлекло за собой создание не только *Национальной грамматики* братьев Бешерель (Louis-Nicolas Bescherelle, Henri Bescherelle), но и *Национального словаря* (*Dictionnaire national*, 1845) Луи-Никола Бешереля, полагавшего, что в словаре должны содержаться «все слова, имеющие употребление, иначе говоря, в нем (в словаре) должны быть представлены все классы общества и каждый из них должен найти в нем тот лексикон, который ему свойственен»¹⁴.

¹³ Разница, по всей видимости, хорошо осознавалась современниками: можно упомянуть, например, направленную против «плохого» употребления книгу *Du bon et du mauvais usage dans les manières de s'exprimer, des façons de parler bourgeoises, et en quoy elles sont différentes de celles de la cour. Suite des Mots à la mode* (par Fr. de Callières), опубликованную в 1693 году.

¹⁴ «Le titre même que nous avons choisi nous traçait en quelque sorte la marche que nous avions à suivre. Travaillant pour la Nation, le livre que nous voulions lui consacrer devait contenir tous les mots qui sont à son usage, c'est-à-dire que toutes les classes de la société devaient y être représentées, et chacune d'elles y trouver son vocabulaire spécial» (Bescherelle 1856, II).

Во всех подобных случаях лексикограф предстает не кабинетным ученым, коллекционирующим слова или пакующим их как «багаж», не охотником за словами и не фотографом. Он становится политиком, высказывания которого призваны создавать новую реальность.

Словарь, взятый как высказывание, многое говорит об эпохе, когда он создавался, и о личности автора. Лексикограф, по сути, является интеллектуальным ремесленником и, безусловно, по отношению к лексикографии может и должен ставиться вопрос о том, в какой степени данное высказывание представляет язык и идеологическую компетенцию языкового коллектива в описываемый период времени, и о том, как соотносится концепция словаря с социальными ценностями данного периода. Однако важно, что словарь может иметь и антропологическое измерение. Если исходить из идей К. Леви-Строса, полагавшего, что антропология «всегда стремится к познанию человека в целом», идет ли речь об изучении изделий или представлений (Леви-Строс 2001, 382), то словарь вполне может расцениваться как источник для этой области знаний. Словарь позволяет изучать не только личность автора данной «вещи», но и некоторые аспекты человеческого мышления, а также «семантическую» эволюцию социума. Он отражает постоянный поиск смыслов, свойственный и отдельному человеку и какому-л. социуму, так сказать, отбор и систематизацию «семантических» координат. Недаром французский лексикограф Алан Рей, возвращаясь в сентябре 2019 года в беседе с корреспондентом газеты *Le Monde* к своему профессиональному опыту, обратил внимание на то, что описание слов подразумевает, среди прочего, описание конкретного способа мыслить¹⁵.

Новые смыслы, отражающие поиски социума, выявляются, в частности, при «вертикальном» чтении данного типа высказываний, иначе говоря, при масштабном сопоставлении *словников* (в иной терминологии *макроструктур*) словарей. Подобное сопоставление позволяет строить гипотезы относительно развития лексикографической таксономии, а также относительно движения совокупностей лексики, разломов и перестроек лексического фонда языка, имеющих культурно-исторические и национальные корни. Так, например, при сравнении *Трязычного лексикона* Ф. Поликарпова (1704 г.) и русско-французского словаря А. Кантемира выявляется, среди прочего, слом, произошедший в осмыслении сферы чувства-отношения 'любовь' (см. подробнее: Бабаева 2004, XXXIX–XL), что может считаться своеобразным прологом к дальнейшей «семантической» эволюции общества, касающейся представлений о человеке и его внутреннем мире.

В *Новом словотолкователе* Николая Яновского (1803–1806) впервые отмечается новое значение для слова *магазин*, использовавшегося до рубежа

¹⁵ «Progressivement, nous comprenons que décrire correctement les mots, c'est décrire une époque, une manière de penser. Je me suis toujours intéressé à la dimension sociale et politique des mots parce que le côté formel de la linguistique ou de la philologie ne me satisfait pas. On ne peut pas faire de l'histoire sans faire de l'histoire lexicale» (Alain Rey: "L'hostilité au père a été quelque chose de fondamental", *Le Monde*, 9 septembre 2019).

XVIII и XIX вв. главным образом как синоним для слова *склад*, «иностран- ные купцы, модисты и модистки или торгующие разными товарами так на- зывают свои лавки, в которых они торгуют различными модными товарами, называют лавки свои также магазинами. Английской, французской магазин» (Яновский II, 622–23). Это определение почти полностью повторяется в *Об- щем церковно-славяно-русском словаре* (1834 г.) П. И. Соколова (Соколов I, 1353)¹⁶. Новое значение свидетельствует о том, что в первой трети XIX ве- ка меняется концепция торговли: появляются большие магазины импортных товаров¹⁷. В словаре А. Д. Михельсона *30000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением корней* (1866) формулировка дан- ного значения содержит упоминание о размере: «Лавка для торго в обшир- ном размере» (Михельсон 1866, 374).

В словаре Н. Яновского впервые появляется также слово *негоциант*, обо- значающее иностранных купцов, торгующих оптом; в словаре П. И. Соколова из определения *негоцианта* исчезает упоминание об иностранном происхож- дении (Соколов 1834, 1625), в *Словаре церковно-славянского и русского языка* (1847 г.) — о торговле оптом, в результате данное существительное призна- ется синонимом для слов *купец*, *торговец* и отсылает скорее к идее масшта- ба, проявляющегося в богатстве (ср. единственный пример из этого словаря: *Богатый негоциант*).

При обращении к НКРЯ выявляется ряд употреблений, подтверждаю- щих происходивший семантический сдвиг в области торговли; ср., напри- мер: «Английский магазин есть столица всех магазинов. Не знаю, почему он называется Английским, ибо в нем продаются русские, французские, немец- кие и всякие товары, бриллианты и глиняная посуда, золото, серебро, брон- за, сталь, железо, посуда, всевозможные ткани для женских уборов и платья, все принадлежности дамского и мужского туалета, и вообрази, милая, вме- сте с духами, помадою и кружевами — вино, ликеры, горчица и даже салат в банках!» (Ф. Булгарин, *Письма провинциалки* [так!] *из столицы*, 1830). Заме- чательно интересным представляется дальнейшее рассуждение, в котором впервые, по-видимому, слово *магазин* получает определение *универсальный*: «Мне кажется, что этот магазин должен называться не Английским, а универ- сальным». Кроме того, перечисляются важнейшие отличия такого магазина от Гостиного двора, также указывающие на зарождение новых форм торгов- ли: фиксированные цены («здесь не торгуются в магазинах: сказано слово, и должно платить»), а также внешний вид и манеры продавцов («купцы в магазинах все такие вежливые, услужливые, [...] хорошо одеты и, кажется, [...] образованные»), отсутствие зазывал и обособо подобострастного тона

¹⁶ Интересно, что во французской лексикографии новое значение для слова *magasin* фикси- руется в Словаре Французской академии в 1835 году (DAF 1835, I, 142). Об эволюции понятия магазин во французском языке XIX в. см. в статье: Сидоревич 2019.

¹⁷ Согласно СРЯ XVIII в., впервые *аглинские* [так!] или *иностранные магазины* упоминаются в 1792 г. в *Почте духов* (СРЯ XVIII в. 12, 29).

(«Для меня несносен этот гостинодворский обычай зазывать в лавку. Чуть взглянешь на двери, тотчас и зашикали: чего прикажете-с, чего угодно-с, есть лучшие товары-с, меринос-с, петинеты-с, шелковые материи-с, кружева-с»). В *Словаре церковно-славянского и русского языка* (1847 г.) в словнике появляются производные от слова *магазин*: *магазинчик*, *магазинница*, *магазинницын*. В этот период *магазин* осмысляется в тесной связи с представлением о *моде* и о *новомодных* товарах. Свидетельством происходившей трансформации является расширение словника также за счет таких, например, слов, как *модистка*: «Во Франции и у нас называются сим именем те торговки, которые торгуют модными товарами, служащими к одеванию мужчин и к наряду женского пола» (Яновский II, 837); ср.: «содержательница магазина мод, или швея, в таком магазине работающая» (Соколов I, 1417), «выдумывающая моды и торгующая модами» (*Словарь церковно-славянского и русского языка* II, 316). В *Словаре церковно-славянского и русского языка* (1847 г.) словник пополняется словами *модников*, *модницын*, *модность*¹⁸. Вместе с тем, интересно отметить, что В. Даль не фиксирует распространявшееся в первой половине XIX века новое значение слова *магазин*.

Как известно, В. Даль эксплицитно обосновывал задачу выработать «язык образованный» на базе «народного» языка (Цейтлин 1958, 74). Славянофильские идеологические установки привели, в частности, к эксплицитно не заявленным лингвистическим технологиям, например, к эксплуатации системных возможностей языка: известно, что в *Толковом словаре живого великорусского языка* В. Даля содержится не менее 14.000 сконструированных им единиц (Вендина 2001, 17). Интересно, что к этой же технологии прибегал и Антиох Кантемир в своем русско-французском словаре; как уже говорилось, за этим словарем стояла достаточно ясная идеологическая установка, носившая, правда, противоположный — проевропейский характер.

Словари как источник антропологических знаний предполагают чтение не только «по вертикали», но и «по горизонтали». Содержащиеся в словаре толкования могут служить материалом для реконструкции осознания некоторых неочевидных или базовых понятий, к которым лексикографа вынуждает необходимость так или иначе истолковывать значения слов. Такова, например, история лексикографирования пространственного значения прилагательных *правый* и *левый*: несмотря на кажущуюся очевидность оппозиции, задача определить эти понятия впервые встала именно перед лексикографами. По всей видимости, не существует никаких других источников, в которых обсуждался бы вопрос о том, как, в сущности, устроено данное противопоставление. Обращает на себя внимание, в частности, осмысление *правого* и *левого* через анатомию человека: в этом случае в качестве основного ориентира выбирается тот или иной орган человека. В разные периоды в каче-

¹⁸ Эта эволюция соотносится с появлением в Санкт-Петербурге галантерейного магазина Арчибальда Мерилиза (1843 г.) и шляпного магазина Эндри Мюра (1857 г.), которые затем, уже в 1860-ые годы, открыли свой Торговый дом и в Москве.

стве такого ориентира для истолкования *левого* может выбираться селезенка, печень или сердце; данные лексикографические сведения представляют интерес для реконструкции «модели человека» на разных стадиях европейской культуры: представление о важной роли селезенки, восходящее к древности, сохраняющееся достаточно долго, в конце концов вытесняется осознанием центральной роли сердца как средоточия жизни. Что же касается *правого*, то эта сторона могла соотноситься с правой рукой как более активной и сильной (см. подробнее в статье: Бабаева 2021).

Таким образом, словари могут и должны изучаться и с несколько иных позиций, чем это принято. Представляет большой интерес выяснение не только филологических, но и, шире, идеологических установок автора, представленных как эксплицитно, так и имплицитно, а также его взглядов на деятельность лексикографа (часто выходящую далеко за пределы кабинета). Лексикография как особый тип дискурса является важным источником, проливающим свет не только на историю слов, но и на историю становления и развития понятий и идей, на историю социума и на историческую антропологию.

Источники

Словари

- Кантемир, Антиох. 2000. *Русско-французский словарь*. Вступительная статья и публикация Елизаветы Бабаевой. Т. I–II. Москва: Азбуковник. Языки славянской культуры.
- Михельсон, Алексей Д. 1866. *30000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением корней*. По словарям Гейзе, Рейфа и других. Москва: Собст. изд. автора.
- НКРЯ. *Национальный корпус русского языка*. 2003–2023. Доступен по адресу: ruscorgo.ru.
- Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением императорской Академией Наук*. 1847. Т. I–IV. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- Соколов, Петр И. 1834. *Общий церковно-славяно-российский словарь или Собрание речений как отечественных, так и иностранных, в церковно-славянском и российском наречиях употребляемых*. Т. I–II. Санкт-Петербург: В типографии Императорской Российской Академии.
- СРЯ XVIII века. *Словарь русского языка XVIII в.* Вып. 1–22. Ленинград, Санкт-Петербург: Наука. 1984–2019 (издание продолжается).
- Яновский, Николай. 1803–1806. *Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту*. Ч. I–III. Санкт-Петербург: В типографии Императорской Российской Академии.
- Bescherelle, Louis-Nicolas. 1856. *Dictionnaire national ou Dictionnaire universel de la langue française*. I. Paris: Chez Garnier frères.
- DAF 1694. *Le Dictionnaire de l'Académie Française*. I–II. Paris: Veuve J. B. Coignard et J. B. Coignard.
- DAF 1835. *Le Dictionnaire de l'Académie Française*. I–II. Paris: Imprimerie et Librairie de Firmin Didot Frères (6e édition).
- Delvau, Alfred. 2020. *Dictionnaire de la langue verte*. Glasgow: Good Press.

- Larousse, Pierre. 1856. *Nouveau Dictionnaire de la langue française*. I. Paris: Larousse et Boyer.
- Larousse, Pierre. 1863. *Nouveau Dictionnaire de la langue française*. Paris: Larousse et Boyer.
- Larousse, Pierre. 1866. *Grand Dictionnaire universel du XIXe siècle*. T.I. Paris: Administration du grand Dictionnaire universel.
- Pomey, François Antoine. 1716. *Le Dictionnaire royal, augmenté de nouveau, et enrichi d'un grand nombre d'expressions élégantes* [...]. Dernière édition, nouvellement augmentée de la plus grande partie des termes de tous les arts. Lyon: L. Servant.

Литература

- Бабаева, Елизавета Э. 2004. “Русско-французский словарь Антиоха Кантемира: описание, лексикографические источники.” В *Русско-французский словарь Антиоха Кантемира*. Вступительная статья и публикация Елизаветы Бабаевой. Т. I, VII–L. Москва: Языки славянской культуры.
- Бабаева, Елизавета Э. 2018. “Антонимия: к проблеме определения границ.” В *Риторика — Лингвистика 13. Сборник статей*, 153–164. Смоленск, Издательство СмолГУ.
- Бабаева, Елизавета Э. 2021. “Семантика противоположности: оппозиция правый vs левый в зеркале лексикографии.” *Русский язык в научном освещении* (4): 83–104. DOI: doi.org/10.31912/rjano-2021.2.4.
- Вендина, Татьяна И. 2001. “В. И. Даль: взгляд из настоящего.” *Вопросы языкознания* 3: 13–21.
- “Выписки из протоколов Императорской Академии наук за декабрь 1860.” В *Известия Второго отделения Императорской Академии наук*, Санкт-Петербург, т. IX, ч. 5.
- Касарес, Хавьер. 1958. *Введение в современную лексикографию*. Пер. с испанского Нины Д. Арутюновой. Ред. Георгий В. Степанов. Москва: Издательство Иностранной литературы.
- Леви-Строс, Клод. 2001. *Структурная антропология*. Пер. с французского Вячеслава Вс. Иванова. Москва: Издательство ЭКСМО-Пресс.
- Николаев, Сергей И. 2009. “Словари и словарное дело в России XVIII в.” В *Российская академия (1783–1841): язык и литература в России на рубеже XVIII–XIX веков*. Ред. Андрей А. Костин, Наталья Д. Кочеткова, Ирина А. Мальшева, 85–95. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский научный центр.
- Сепир, Эдвард. 1993. “Язык и среда.” В Эдвард Сепир. *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. Москва: Издательская группа Прогресс Универс.
- Сидоревич, Анна Е. 2019. “Словарь коммерции во французском языке XIX века: эволюция понятия ‘магазин’.” *Stephanos* 38, 6: 85–91. DOI: 10.24249/2309-9917-2019-38-6-85-91
- Сумароков, Александр П. 1957. *Избранные произведения*. Ленинград: Советский писатель.
- Фуко, Мишель. 1996. *Археология знания*. Киев: Наука-Центр.
- Цейтлин, Раля М. 1958. *Краткий очерк истории русской лексикографии*. Москва: Учпедгиз.
- Шишков, Александр С. 1815. “Некоторые замечания на предполагаемое вновь сочинение Российского Словаря.” В *Известия Российской Академии*, кн. 1: 8–35. Санкт-Петербург: В типографии Императорской Российской Академии.
- Bynack, Vincent P. 1984. “Noah Webster’s Linguistic Thought and the Idea of an American National Culture.” *Journal of the History of Ideas* 45, 1: 99–114.

- Cherifi, Nadir 2009. "L'écart culturel dans les dictionnaires bilingues." *Éla. Études de linguistique appliquée. Revue de didactologie et de lexiculurologie des langues-culture* 2, 154: 237–48.
- Considine, John. 2021. *The Cambridge World History of Lexicography*. Cambridge: University Press.
- Dubois, Jean 1970. "Dictionnaire et discours didactique." *Langages*, 19. *La Lexicographie*: 35–47.
- Dubois, Jean, et Claude Dubois. 1971. *Introduction à la lexicographie: le dictionnaire*. Paris: Librairie Larousse.
- Lynch, Jack. 2011. "Studies of Johnson's *Dictionary*, 1995–2009: a bibliography." *Harvard Library Bulletin* 20, 3–4: 88–133. <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:42672683>
- Pruvost Jean. 2002. *Les dictionnaires de langue française*. Paris: PUF.
- Rey, Alain. 1977. *Le lexique: Images et Modèles du Dictionnaire à la Lexicologie*. Paris: Librairie Armand Colin.
- Rey, Alain, et Simone Delesalle. 1979. "Problèmes et conflits lexicographiques." *Langue française* 43: 4–26.

«В различіи рѣчѣй, ꙗ́же невѣдѹщи^м ѣди́но мнѣи^х бы^т»: Рефлексия над словом в Московской Руси в XVII веке

Наталья Запольская

Abstract: «*On the difference between words that can't be equated*»: Reflection on the Word in Seventeenth-Century Muscovy. The article is devoted to the problem of linguistic reflection aimed at maintaining the correctness of the Church Slavonic language by removing homonymy and synonymy. The research is focused on «controversial synonyms», the semantic relationships of which were interpreted by the scribes differently, depending on their linguistic experience. The reflection on «controversial synonyms», analysed in the article, is presented in the form of lexicographical articles in the *Kniga glagolemaja bukvy gramotičnago učeniija*, a linguistic work written in the seventeenth century.

Keywords: Church Slavonic, Linguistic Reflection, Synonymy

Лингвистическая рефлексия в Московской Руси с начала XVII века приняла системный характер и была направлена на поддержание *правильности* церковнославянского языка, что предполагало не только сохранение формально-семантической дистанции между книжным и некнижным языком, но и достижение возможной семантической ясности грамматических форм и слов книжного языка посредством снятия омонимии и синонимии (Запольская 2003; Запольская 2008, 199–224).

Вопрос снятия омонимии в силу очевидной формальной недостаточности и определенности состава грамматических и лексических элементов, обладавших этой дефектностью, не представлял особой сложности для книжников и решался выбором графических и/или грамматических средств для дифференциации омонимов.

Вопрос снятия синонимии, главным образом, лексической синонимии, напротив, был чрезвычайно сложен для книжников в силу сложности самого языкового явления, т.е. в силу неочевидности формальной избыточности и, как следствие, в силу неопределенности состава синонимичных языковых элементов. Неочевидность формальной избыточности была мотивирована разной степенью и разными типами семантической близости слов, что требовало строгих критериев для семантического сравнения. Выбор критериев для сравнения семантики языковых элементов зависел от лингвистического

Natalja Nikolaevna Zapol'skaja, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation, zapsolskaya_n@mail.ru, 0000-0003-3114-3461

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Natal'ja Nikolaevna Zapol'skaja, «*On the difference between words that can't be equated*»: Reflection on the Word in Seventeenth-Century Muscovy, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.15, in Svetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 173-181, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

опыта отдельного книжника: от соотношения в его языковом сознании общих и индивидуальных представлений о семантических связях слов и от влияния на его лингвистическую рефлексию рефлексии других книжников. Кроме того, в конфессиональной культуре толкование значений слов являлось, в первую очередь, составляющей толкования императивных для культуры текстов, к которым в христианской культуре относились библейские тексты. Сложность толкования библейских текстов заключалась в том, что они прочитывались не только на буквальном, но и на духовном уровне (аллегорическом, тропологическом, анагогическом), что приводило к наложению на исходную семантику слов контекстуально мотивированной идеосемантики, которую также следовало учитывать книжникам при семантическом сравнении слов. Вопрос снятия синонимии решался книжниками посредством семантической дифференциации слов.

Лексикографическая фиксация омонимов, синонимов, а также квазисинонимов, значения которых разводились книжниками, носила периферийный характер, поскольку доминирующая лексикографическая практика была ориентирована на толкование иноязычных слов, употребленных в авторитетных текстах культуры. Рефлексия над омонимами и синонимами обычно получала оформление лишь в виде отдельных лексикографических статей, инкорпорированных в лингвистические сочинения разных типов. Некоторым исключением, демонстрирующим определенную систематизацию результатов такой рефлексии, можно считать составленный в начале XVII века своеобразный лексико-грамматический словарь «Кни́га глѣмаѧ вѣквы гра^ммоти́чнаго оу́чѣнїѧ», содержащий грамматические формы и слова, сопровождавшиеся лингвистическим комментарием.¹ Это организованное по алфавитному принципу собрание языковых элементов включало грамматические формы, являвшиеся омонимами в книжном языке или определявшие формально-семантическую дистанцию между книжным и некнижным языком, и слова, являвшиеся омонимами или «спорными синонимами», семантические отношения которых по-разному воспринимались носителями языка в зависимости от лингвистического опыта. Принципиально гибридный характер лингвистического сочинения объяснялся его практической целью, которая заключалась в установлении и объяснении разных по типу семантических различий языковых единиц, о чем составитель словаря заявлял в предисловии: «Сїѧ вѣквы составлены вїны ра^а сеѧ, дабы і простѣйши^а вѣдомо было, родное Ѡ праваго, і винов^анаго і дѣйстви^анаго, і творитѣ^анаго, і да познаѣтса мѣже ска рѣчь Ѡ же^аскїѧ... І да разѣмна вѣдѣтъ двоїственна рѣчи Ѡ мно^аственна^а. К семѣ^а да познаѣтса нѣкїѧ і сїѧ еже чимъ пакї ра^анствѣютъ рѣчи сїѧ...еже рещї дѣла і дѣланїѧ, іѧ житїѣ і жїзнь, і нищѣ і оубѣгъ» (57). Информация о семантике грамматических форм и слов подавалась книжником двумя способами: аналитическим способом, посредством указания или

¹ Издание и филологическое исследование этого лингвистического сочинения осуществлено Е. Кузьминовой: далее примеры приводятся по Кузьминова 2002.

объяснения значения, и синтетическим способом, посредством приводимых на полях рукописи отсылок к авторитетным текстам, прежде всего, к библейским текстам, из которых искомое значение должно было вычитываться — «на по́лехѢ во́вбражено ѣжъ в' ко́ей книзѣ каа рѣчь ѡбрѣтае҃са» (58). При этом предельная содержательная краткость «библиографических отсылок» свидетельствовала о высоком уровне коллективной, прежде всего, церковной памяти носителей христианской культуры.

Реализованная в этом лексико-грамматическом словаре рефлексия над семантикой грамматических форм детально изучена (Кузьминова 2002, 12–7, 248–61; Кузьминова 2016, 40–50), тогда как рефлексия над семантикой слов обойдена исследовательским вниманием, хотя именно эта рефлексия демонстрирует не только общие, но и индивидуальные представления книжника о семантических отношениях языковых единиц.

Для изучения рефлексии книжника особый интерес представляют его «теоретические проговорки», выступавшие в функции своеобразных рубрик, что позволяет распределить собранный книжником лексический материал по трем формально-семантическим группам:

- слова под рубрикой «д'ва ра^зума», омонимы;
- слова под рубрикой «ѡ единосѣщихѢ, мнѣимъ нѣкии' ино' і' ино», слова, которые, по мнению книжника, были семантически тождественны и в силу этого признавались им синонимами;
- слова под рубрикой «ѡ разлічїи рѣчѣй, ѡже невѣдѣщи' еди́но мнѣимъ бы'», т.е. слова, которые, по мнению книжника, семантически различались и не рассматривались им как синонимы: снимая синонимию посредством семантической дифференциации, книжник и реализовал установку на достижение *правильности* книжного языка.

Именно слова, которые можно объединить под рубрикой «ѡ разлічїи рѣчѣй, ѡже невѣдѣщи' еди́но мнѣимъ бы'», сопровождалась развернутыми комментариями, в которых книжник объяснял констатируемые им семантические различия, и/или отсылкой к авторитетным текстам, в которых сравниваемые слова употреблялись и своим употреблением подтверждали семантические различия. Поскольку рукописная традиция демонстрировала вариативность употребления слов, над которыми размышлял книжник, отсылка к тексту являлась также выбором правильного, с точки зрения книжника, варианта, т.е. была направлена на преодоление лексических разночтений в авторитетных текстах. В зависимости от степени очевидности семантических различий слов, сферы и характера их употребления книжник использовал разные композиционные варианты презентации семантических отношений:

1. Констатация различия значений слов + объяснение значений слов

Бѣда' і' напасть, ино' сътъ' і' ино'

В интерпретации книжника слова *бѣда* и *напасть* передавали разную степень значительности и разный масштаб происшествия:

бѣда — это трагический случай: бѣда нариче^{тсѧ} є* Ѡ части ѿмѣнѣ или стажанѣ из'гвѣленіе, ꙗко бы поклѣпъ огово^р ра^звойничъ не подѣлно, изро^д, та^тва окраденіе, пожаръ, ѿстоленіе,

напастъ — это необратимое предельное трагическое событие: напастъ^ж, всего ѿмѣнѣ обнаженіе і смертное осъжденіе, или заточеніе, бываемоє Ѡ црѣ за ѡпалъ (65);

Дѣла і дѣланѣ, ѿно сѣтъ і ѿно

Слова дѣланіе и дѣло рассматривались книжником как обозначения разных фаз деятельности: дѣланіе как начальная фаза, включавшая намерение, ведущее к действию, а дѣло как заключительная фаза, представляющая реализованное намерение:

дѣланіе нариче^{тсѧ} помышленіе на похотѣніе коє . І дон'де^ж є гдѣ не сотвори^м дѣло^м, дотолѣ ѡно нариче^{тсѧ} дѣланіе. є гда^ж є гдѣ сотвори^м дѣло^м, тогда ѡно не нариче^т дѣланіе мѣ, нѣ дѣло^м (72-73).

2. Констатация различия значений слов + отсылка к авторитетным текстам

Слово помышленіе, включенное в комментарий к слову дѣланіе, само требовало, по мнению книжника, объяснения и рассмотрения в ряду однокоренных слов:

ѿно^ж є сѣтъ помышленіе, і ѿно є сѣтъ мысли, ѿ ѿно оумышленіе (72-73), т. е. «замысел, мысль, умысел».

Помышленіе, і мысли, ѿно єста і ѿно (91).

Констатация различия значений однокоренных слов помышленіе и мысли сопровождалась отсылкой на полях — ко єврѣѡ^м, т. е. к Посланию апостола Павла к евреям, в 4 главе которого, в 12 стихе, употреблялись слова помышленіе и мысли:

живо бѣ слово бжїе, ѿ двѣствено, ѿ острѣнше паче всѧкаго меча обююдѣ остра, ѿ проходѣ даже до раздѣленѣ дшн же ѿ дхѣ, члѣновъ же ѿ мозговъ, ѿ сѣдѣтельно помышленіемъ ѿ мыслемъ сердечнымъ²

Контекст позволял семантически развести слова и определить значение слова помышленіе как «замысел, намерение», поскольку в этом фрагменте Послания речь шла о том, что Бог судит намерения и мысли.

3. Констатация различия значений слов + объяснение значений слов + отсылка к авторитетным текстам

Болѣзнь і немощь і недѣгъ, ѿно сѣтъ і ѿно

Семантическую дифференциацию слов болѣзнь, недѣгъ, немощь книжник проводил на двух уровнях.

² Здесь и далее библейские тексты цитируются по Острожской Библии 1581 года, поскольку употребление в этом библейском своде рассматриваемых слов соответствует объяснениям книжника.

Слова **болѣзнь** и **недѣлѣ**, по его мнению, семантически различались, поскольку обозначали, соответственно, «боль» и «заболевание»:

болѣзнь — это боль, локализованная в отдельном органе: **болѣзнь** е̄ е̄ гда̄ е̄дино что Ѡ оудѣ болиѣ, лӣ глава, лӣ рѣка, илӣ ино что, проче̄ е* тѣла з'драво̄ сѣще. ӣ їадѣ ӣ питїе̄ в'сласть̄ приѣмлюще̄,

недѣлѣ — это отдельное заболевание: **недѣлѣ** же̄ їако* ӣ болѣзнь, е̄дино мѣсто в' тѣле̄ о'дер'жиѣ, їако̄ бы̄ грыжа, илӣ болѣчка, гноѣ̄ нїе̄ творщаа, прочӣ же̄ составо̄ тѣла̄ здраво̄ сѣще̄.

Однако оба слова семантически объединялись на том основании, что они обозначали поражение отдельной части организма, тогда как слово **немошь** означало поражение всего организма: **немошь** же̄ е̄ гда̄ вса̄ оуды̄ ӣ в'нѣтрена̄ страждеѣ. ӣ їадӣ ӣ питїа̄ не̄ трѣбѣѣ. Ӣ подобно̄ немошӣ огневой̄ илӣ стѣденой̄ страждеѣ (65).

Помимо объяснения значений слов **болѣзнь** и **недѣлѣ** книжник дал на полях рукописи отсылку к Евангелию от Матфея — **ма**°, **лѣ** (Мф., 34 зачало), а именно, к X главе, в 1 стихе которой говорится о том, что апостолы получили от Иисуса дар исцеления, чтобы, поражая чудесами, они имели внимательных к учению слушателей: **Ӣ призвавѣ̄ ѡбанѣдесѣте̄ оученика̄ своа̄, дастѣ̄ їмѣ̄ власть̄ на̄ дѣлѣх' нечїстѣх', їако̄ да̄ їзгонаѣ̄ їхѣ̄, їсцѣлїтӣ всакѣ̄ недѣлѣ̄ ӣ всакѣ̄ болѣзнь.**

Значение слова **немошь** осталось без подтверждения авторитетным употреблением, поскольку в евангельских текстах вместо него в значении «слабость» употреблялось слово **їазѣ** в паре со словом **недѣлѣ**: в IV и IX главах Евангелия от Матфея, в которых идет речь об исцелении страждущих самим Иисусом — **ӣ їсцѣлаа̄ всакѣ̄ недѣлѣ̄, ӣ всакѣ̄ їазю̄ в̄ людѣх' (IV: 23, IX: 35)**. В Толковом Евангелии Феофилакта Болгарского различие значений слов **недѣлѣ** и **їазѣ** связывалось также с длительностью страданий: **недоуѣ же̄ е̄ долгѣ̄ го̄ злѣ̄ страдаѣти, їазѣ̄ же̄ їзнемо*нїе̄ во̄ врема̄ тѣлоӯ (РГБ, ф.304.I, № 109, л. 30 об.)**. Рукописная традиция свидетельствует о том, что слово **їазѣ** могло употребляться и вместо слова **болѣзнь**, так как оба эти слова соотносились с греческим *μαλακία* («слабость»), а слово **недѣлѣ** соотносилось с греческим *νόσος* («болезнь»). Два варианта лексического распределения дают две рукописи XVI в.: Мф. IV, IX главы — **недѣлѣ** и **їазѣ**, X глава — **недѣлѣ** и **болѣзнь** (Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского, РГБ, ф.304.I, № 109, л. 30 об., л. 60, л. 60 об.);

Мф. IX, X главы — **недѣлѣ** и **їазѣ** (Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского, РГБ, ф.304.I, № 108, л.80 об., лл.81–81 об.).

Нїщѣ̄ ӣ оубогѣ̄, їно̄ е̄ста̄ ӣ їно̄.

Книжник разводил значения слов **нїщѣ** и **оубогѣ** на том основании, что они, по его мнению, обозначая «бедного человека», передавали разные причины бедности:

нїщѣ — это бедный, который, родившись богатым, по каким-то причинам лишился богатства, стал неимушим: **нїщѣ̄ наричѣтсѣ̄ и* ктѣ̄ Ѡ̄ слав'нѣ̄ ӣ богѣтѣ̄ родїтѣлю̄ рожде̄ бѣвѣ̄, послѣдї̄ же̄ Ѡ̄ коѣлѣ̄ вїны̄ ѡвнїщѣѣ̄,**

Мл̑тва і моленіє, ѿно ѣста и ѿно.

Слова **молитва**, **моленіє**, **мольба** употреблялись в разных текстах со значением «прошение, обращенное к Богу». Книжник семантически дифференцировал слова **молитва** и **моленіє** по содержанию и характеру обращения к Богу.

молитва — это произносимое обращение к Богу, действие по глаголу **молити**: **Мл̑тва наричѣтсѧ, ѣ* мл̑тиѣ оустнѧми бѣи**,

моленіє — это обещание, данное Богу: **Моленіє же наричѣтсѧ ѡбѣтѣ, ѣ* кто ѡбѣщѣтсѧ добродѣтѣа кѡю исправиѣт преа бѣгомъ или ѡ чего повоздержатисѧ** (83).

Такое объяснение значений является репликой на толкование Феофилакта Болгарского: на полях дана отсылка к толкованию Евангелия от Матфея, а именно, к толкованию 9 стиха VI главы (**маѡ, ѡі, тоѡковѡй** = Мф., 16 зачало), в котором говорится, что Иисус учит, как должно молиться, и произносит начало молитвы «Отче наш». Феофилакт Болгарский объясняет различия обращений человека к Богу: (**моленіє**) **мольба** — это обещание, данное Богу (**εὐχή** — обет, обетная молитва), а **молитва** (**προσευχή**) — это прошение благ у Бога; слово **отче** в молитве показывает, каких благ удостоивается человек, став «сыном Бога»: **иѡ во еѣ молѡба, и иѡ мл̑тва. молѡба оусто еѣ ѡбѣщаніе нѣкоѣ кѡ бѣгѡ, сирѣчь ѡброкъ іако же егѡа кто ѡбѣщѣтсѧ вина не пити, или дрѡгѡе нѣкоѣ, или поститисѧ врѣма, или дати нѣчто бѣга раа и иѡна таковаа. мл̑тва же еѣ прошеніе бл̑гѡа всѣмъ. ѡче же рекъ, авлаетъ какѡвомѡ сподобилсѧ еси бл̑гѡ, снѣ бѣи бивъ** (РГБ, ф.304.I. № 108, л. 60). Рукописная традиция знает и «обратные толкования», когда **мл̑тва** **ѡбѣтѣ...** **мольба** **же прошеніе** (РГБ, ф.304.I.№109, л. 42 об.)

Цѣлованіє і лобзаніє, ѿно еѣ і иѡ.

Основным значением слова **цѣлованіє** было значение «приветствие», при этом в ритуал приветствия мог входить поцелуй, обозначением которого было слово **лобзаніє**. Стремясь снять семантические пересечения, книжник семантически развел слова **цѣлованіє** и **лобзаніє** как обозначения разных форм коммуникативного поведения — вербальной и невербальной:

цѣлованіє наричѣтсѧ ѣ* реци колѡ раѡиѧсѧ,

лобзаніє же еѣ оустнаа когѡ лобзати, или ѡѣмшѡ рѡкама, или не ѡѣмшѡ.

Объяснение значений слов **цѣлованіє** и **лобзаніє** книжник дополнил комментарием сцены предательства Иуды, в которой приветствие **раѡиѧсѧ** и **лобзаніє** из знаков уважения, почтения и любви стали знаками дерзости и измены: **Іѡда же предаѣтель ѡвое хѡѡ бѣоу сотвори. Пѣрвое во пришеа, і ѡдалѣча стоа рече хѡ, раѡиѧсѧ оустнѧю. потоа пристѡпль ко хѡѡ лобза егѡ оустнѧми** (105-106).

Помимо пересказа евангельского текста книжник дал отсылку на полях к I Посланию апостола Павла к Коринфянам (**кориѡ рѡѡ** = Кор. 16б зачало), в котором слова **цѣлованіє** и **лобзаніє** обозначают приветствие и поцелуй как знаки духовного единения христиан, тем самым **лобзанію** Иуды противопоставляется **свѡтоѣ лобзаніє** последователей Христа, т.е. возникает идео-

семантическая оппозиция: **цѣлѣютьъ вы братїа вса. цѣлѣйте другъ друга лобзанїеꙗ стѣꙗ**. **цѣлованїе моею рѣкою павлею** (1 Кор. 16, 20–1).

Оѹстнѣ, Оѹста

В объяснения значений слов **молитва** и **лобзанїе** входило слово **оѹстнѣ**, которое, по мнению книжника, следовало отличать от слова **оѹста**.

Оѹстнѣ определялись книжником метафорически как **врата в'нѣтрениꙗ**, т.е. как края рта: **оѹстнѣ наричюꙗсѣ врата в'нѣтрениꙗ**.

Оѹста определялись как рот, любой орган речи: **оѹста* наричѣт' внѣтренаꙗ рта, ꙗже сѣтъ зѣбы, ꙗ лапка, ꙗ нѣво, ꙗ ꙗзыкъ, с' горломъ** (102)

Отсылка на полях (**ѹлоꙗ ꙗ**) указывала на 8 псалом, в 3 стихе которого говорится о воспевании славы Богу, что объясняет употребление слова **оѹста** в значении «рот»:

Изъ оѹстѣ младенецъ ꙗ с'сѣцихъ съвершилъ еси хвалѣ, врагъ твоиꙗхъ раꙗ, разрѣшилши врага ꙗ мѣстника.

Иной характер рефлексии над словами **оѹстнѣ** и **оѹста** проявился в лингвистическом сочинении, отделенном столетием от анонимного лексико-грамматического словаря, а именно, в рукописной грамматике Федора Поликарпова 1725 года **Технологїа то естъ художное совѣщдованїе ѡ грамматическомъ художествѣ**, сохранившейся в черновом и беловом вариантах.⁴

В обоих вариантах представлен раздел, посвященный описанию произношения букв **ф** и **ѡ**, но описания эти различаются по формату и характеру использованных средств.

Черновой вариант содержит описание работы органов речи с использованием слов **оѹстнѣ** и **оѹста**, объяснение значения которых дано непосредственно в описании произношения букв через соответствия **оѹстнѣ** – **гѣбы** и **оѹста** – **ꙗзык**: **В произношенїи дѣлѣтсѣ тако: ф произноситсѣ гортанїю ꙗ ꙗстнами, то естъ гѣбами, ꙗ ѡ прижатїемъ ꙗзыка к' верхниꙗ зѣбамъ, то естъ ꙗстами ꙗ зѣбами** (159).⁵

Полагая, вероятно, что понимание различия книжных слов **оѹстнѣ** и **оѹста**, имевших к тому же формальное сходство, может вызывать сложности, Поликарпов добавил отдельный комментарий, включавший развернутое объяснение значений этих слов, примеры их употребления в библейских текстах и объяснение самих приведенных примеров. Критерием выбора примеров было парное употребление слов **оѹстнѣ** и **оѹста**, что позволяло вычитать из текста семантическое различие слов. Поликарпов привел два примера из учительных библейских книг — из Псалтыри (50:17) и из Притч Соломона (Притч 10: 31–32), в которых употребление слов **оѹстнѣ** и **оѹста** не просто раскрывало

⁴ Издание и филологическое исследование лингвистических сочинений Федора Поликарпова осуществлено Е. Бабаевой, далее примеры приводятся по Бабаева 2000.

⁵ Поликарпов противопоставлял **оѹстнѣ** и **оѹста** и в «Лексиконе трехъязычном» 1704 г.: **оѹстнѣ** (χειλή, labis — л.145) и **оѹста** (στόμα, ος, bucca — л. 144 об.) (Бабаева 2000, 80).

значение слов, а демонстрировало определенную смысловую последовательность от слова оустнѣ к слову оуста, поскольку сначала должны «открыться губы», чтобы затем «язык» мог вещать хвалу и мудрость:

Оустнѣ развѣмѣются (Ѡ сегѡ двѣдва моленія ѣже: Гѣди ѡстнѣ мои Ѡверзешн, и ѡста моѡ возвѣстатѣ хвалѡ твою) гѡбы,

ѣста же ѡзыкѣ с прилѣжайшими к силѣ гланѡ, ѣго члены.

Понеже когда Ѡверзѡтся ѣстнѣ, то ѣсть гѡбы, тогда свободно могѡтъ и ѣсты то ѣсть ѡзыкѣ вѣщатѣ

и оу соломона зриѣся ѣста праведнаго каплюю премѡдрость, ѣстнѣ же мѡжей мѡдрыхѣ вѣдѡтъ блѡтъ, ѡки бы реклѣ: ѡзыкѣ праведнаго мѡдраѡ глѣтъ, а гѡбы мѡдрыхѣ мѡжей вѣдѡютѣ гдѣ молчатѣ, и гдѣ Ѡверзены“ быти (159).

В беловом варианте Поликарпов отказался от употребления книжных слов оустнѣ и оуста, заменив слово оустнѣ словом гѡбы, а слово оуста словом язык: ф ...произно́сится...в гѡбахъ... ф... в произноше́нии же упо́требляется прѡписане́емъ языка к' вѣру́чимъ зѡбамъ (252).

Принятое Поликарповым решение объяснялось сменой культурной парадигмы в Петровскую эпоху, переходом от конфессиональной культуры к секулярной, и как следствие, изменением направленности лингвистической рефлексии, переходом от установки на *правильность* языка к установке на *понятность* языка, которую можно было достичь сокращением дистанции между книжным и некнижным языком, что в дальнейшем привело к формированию нового литературного языка как средства выражения новых культурных смыслов. В новом русском литературном языке отдельные слова книжного языка, сохранив или изменив значение (например, «уста» в значении «губы»), получили легитимацию в функции поэтических вольностей и/или славянизмов.

Литература

- Бабаева, Елизавета Э. 2000. Федор Поликарпов. *Технологія. Искусство грамматики*. Издание и исследование Е. Бабаевой. Санкт-Петербург: Инапресс.
- Вернер, Инна В. 2019. “Филологическое исследование.” В *Интерлинейная славяно-греческая псалтырь 1552 г.: в переводе Максима Грека*. Исследование и подготовка текста к изданию Инны В. Вернер, 9–154. Москва: Индрик.
- Запольская, Наталья Н. 2003. «Обиций» славянский литературный язык: типология лингвистической рефлексии. Москва: Индрик.
- Запольская, Наталья Н. 2008. “Грамматика и субграмматика славянских литературных языков (XVI–XVIII вв.): теория и история норм.” *Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.). Доклады российской делегации*, 199–224. Москва: Индрик.
- Кузьминова, Елена А. 2002. *Грамматический сборник 1620-х годов*. Издание и исследование Елены А. Кузьминовой, 57–112. Napoli: Annali dell’Istituto Orientale di Napoli. Dipartimento di studi dell’Europa orientale Sezione Slavistica.
- Кузьминова, Елена А. 2016. “«Словарь трудностей» церковнославянского языка XVII века.” *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология* 2: 40–50.

PART II

Manuals, Printing, and Literacy

The Civil Orthography and Literacy During Peter the Great's Reign: What Really Changed?

Gary Marker

Аннотация: *Гражданский шрифт и грамотность при Петре Великом: что на самом деле изменилось?* В 1708 году, как известно, появился новый так называемый «гражданский шрифт», и Петр I сразу приказал отдать ему предпочтение во всех публикациях, кроме литургических изданий. В статье анализируются конкретные педагогические последствия, главным образом в течение первых четырех десятилетий XVIII века, а именно: обучение грамотности (тексты, новые vs. традиционные системы преподавания), опыт вновь созданных школ, и т.д.; делается вывод, что произошедшие изменения оказались незначительными.

Ключевые слова: алфавит, гражданский шрифт, цифирные школы, епархиальные школы, Феофан Прокопович, грамматический метод, гражданственность, Петр I, букварь

1. Introduction

This essay endeavors to interweave the histories of orthographies, schools, schooling, and literacy during the Petrine era into a single narrative. It begins with a familiar trope, the master narrative of *renovatio*, the tectonic fault line that broke apart ancient Russia and ushered in an aggressively secularizing modernity. Peter the Great initiated (or at the very least vastly accelerated) a dynamic multi-dimensional modernization of language, education, and culture more generally, the “Petrine revolution in Russian Culture” as James Cracraft put it (Cracraft 2004, see in particular, “Lexical Proliferation” and “Dictionaries and Grammars,” 276–92). Its effect was defining, according to this scenario, setting Russian culture, especially literate and learned culture, toward a more secular, lay-centered path that within a few short decades transformed Russia’s noble serving men into educated, beardless, wig-adorned, salon-attending devotees of the world of letters.

There are counter narratives, of course, and in recent years secularization as master narrative has been subject to some searching revisionism, both for its teleology and for minimizing the continued vitality of religious discourses. Apropos education, to give just one example, Max Okenfuss (Okenfuss 1985, 321–44) described what he saw as the unintended consequences of introducing formal structures of education into early modern Russia. Its notable achievements notwithstanding, Okenfuss suggested, the creation of formal and quite exclusive

Gary Marker, Stony Brook University, United States, gary.marker@stonybrook.edu, 0009-0006-9799-2019

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Gary Marker, *The Civil Orthography and Literacy During Peter the Great's Reign: What Really Changed?*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.17, in Svetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 185-206, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

schools, academies, and seminaries had a divisive impact on Russian society, in effect making formal education a marker for separating out the sons of nobles and other elites from the population overall so as to create de facto what he termed “social castes”. Still, the episteme of Petrine modernization remains largely intact.

The new orthography, the so-called “civil alphabet” (гражданский шрифт), came into existence in 1707 with the expectation that it would quickly supplant the existing orthography (кириллица) for most non-liturgical publications, thereby becoming the alphabet of choice for all things secular. This is more-or-less what happened, a transition that made the new alphabet a centerpiece in the Russian narrative of cultural modernization, the reformed alphabet, much like the revised calendar and introduction of arabic numerals a few years earlier, contributed to bringing core elements of Russian culture into line with Europe in general, and paved the way for a slow but steady increase in literacy, reading, and secularity. It has received a great deal of scholarly attention over the generations, in particular the prolific works of the Soviet scholar A. G. Shitsgal (e.g., Шицгал 1958; 1965).

Much of the literature has focused on the thinking behind the reform, its penetration into the publicly visible world of print, the “graphosphere” in Simon Franklin’s apt characterization¹ (Franklin 2019, 276–92), the semiotic shift that the new alphabet constituted for Russian letters and its long-term role in reshaping worldviews of educated Russia. Thus, in a 1986 article, *Peter I’s Alphabetic Reform as A Semiotic Transformation*, the late Viktor Zhivov discerningly characterized the creation of the reformed alphabet as a basic aspect of Peter’s wide-ranging efforts to create “a new culture,” itself a keystone of the emperor’s reshaping Russian institutional life (Живов 1986). For Zhivov, the new alphabet constituted a fundamental semiotic intervention, a defining signifier of a new Russia, not an absolute rupture to be sure since many letters remained unchanged and the old orthography continued as the primary — but not exclusive — medium for church books², but still a major change in how the language was written (Кислова 2010, 78–85; Кислова 2011, 78–89). In a similar vein, Olga Kosheleva has argued that the civil orthography was intended by Peter to be a part of his exhortations on behalf of *grazhdanstvennost’*, or “a sense of citizenship” among his subjects (Коселева 2011a, 278–90).

For the educated or reading minority, true enough, but by general consensus they constituted a tiny fraction of the population. What about everyone else? Kosheleva readily acknowledges that the audience for this ethos was both elite and exceedingly small, but the power was in its claim, she suggested, inculcating the image of the state as “instructor,” rather than in its immediate reach. For the illiterate mass of the tsar’s subjects one can only guess whether this image took hold, but our interest here is the semi-or passively-literate, those with a real but highly

¹ Franklin defines ‘graphosphere’ as “the space of the visible word ... disseminated and displayed through visible signs.” (Franklin 2019, 1).

² Kislova uncovered manuscript service books produced in the new orthography for the use of seamen, and a few sermons appeared simultaneously in both orthographies.

circumscribed capacity to absorb the written word. What discernible impact did *grazhdanstvennost'*, as manifested in the reformed orthography, have on them? Did the combined advent of the civil orthography and the onset of classroom education have a demonstrable effect upon how literacy was taught in the 1710s and 1720s? Did it penetrate the educational ladder, especially the initial rungs at which learning to read was primary and beyond which few pupils proceeded? Did the advent of the civil orthography and the flurry of new schools opened during the early eighteenth century affect the teaching and — more importantly — the *learning* of the written language at its most basic level? If so, for whom and how many during the decades under discussion? What sources might we employ, and how ought we to assess them, particularly for a realm such as Muscovy, whose level of popular literacy was, so far as one can tell, quite low and whose dominant extra-institutional mode of teaching the language left a sparse paper trail?

In order to address these questions, this essay ventures away from semiotics and exegesis, inquiring instead into the decidedly more prosaic question of whether and to what extent the reformed orthography affected experiences of learning to read during the first decades of the eighteenth century. Organizationally the essay follows a simple template, 1) a review of the pedagogies of literacy and texts, both old and new, that were available at the time within East Slavic Orthodoxy; 2) a review of the state of the literature about Petrine education (schools, students), with particular attention paid to the place of literacy instruction. 3) a numbers-centric publishing history (imprints, press runs, modes of circulation, etc.) of the relevant pedagogical texts — abecedaria, primers, breviaries, teaching psalters, etc. — to ascertain how deeply the texts employing the new orthography penetrated the so-called ladder of literacy. This mode of analysis, interconnecting schooling, print, and textual exegesis is not entirely new, witness the splendid recent collection of essays edited by Tendriakova and Bezrogov (Безрогов и Тендрякова 2015), several of which have informed this essay. While such sources and methodologies have their limits, they do provide a valuable picture of the trajectories of demand and the interpenetration of orthographies and schooling.

2. Pedagogies and Texts of Literacy

Both the prescribed mode of teaching basic literacy in Muscovy, dating at least to the sixteenth century, and its core texts have been extensively charted. As delineated in an undated 24-page treatise entitled *Instructions for teachers concerning how to teach literacy for scripture and divine truth to children* (Ягич 1896, 500–04)³, the primary text was the abecedarium (азбука), typically twelve-to-twenty-four pages in octavo and with large print (Thomas 1984, 32–47; Marker 1989, 1–19). Lengthier primers (буквари), both printed and manuscript, also circulated, but

³ «Наказание ко учителем како им оучити детей грамоте и детям оучитися божественному писанию и разумению». There are several manuscript copies in various repositories. The full published text is in Ягич (1896, 500–04).

in far fewer copies and less widely. Instruction employed the so-called “letter-syllable” (букво-слагательная) method whereby students were slowly introduced to the letters and the sounds associated with them. They then moved on to syllables, again with emphasis on phonics, and then to single-syllabic and multi-syllabic words. The final lessons included brief sentences, ending with a one or two-page passage almost invariably drawn from prayers or the New Testament (Извекон 1872, 723–50).

This pedagogy focused entirely on rudimentary and passive literacy, emphasizing phonics and memorization, rather than content or overall meaning. The treatise made this explicit: the goal was to recognize the words of God on the written page, and then to pronounce them correctly. At this level basic literacy did not include writing, or even learning how to pen the alphabet. Rather it consisted of repetition: letters, syllables and sounds, and the ability to recite aloud through memorization what one had read. Understanding the overall meanings of texts remained completely external to this approach to literacy. Although nowhere stated, the implied audience was clerical children or children hoping to become clergy, and the end goal was the lectionary. Once students had mastered the abecedarium, they were thought to have a command of simple sentences such that they could proceed to the Breviary (Часослов), and then to the school (учебный) psalter, and for both texts the pedagogy focused almost entirely on memorizing Scripture. One assumes from the press runs that at each step up the ladder of literacy the number of students shrank significantly, but there is no available way of knowing that for certain. Once again, though, the pedagogy privileged repetitive reading and correct intonation, sound over understanding. The goal was to memorize the text in full and to be able to recite it correctly within the church service. Whether this schema was followed in practice is impossible to document in any systematic way, although Kosheleva has surmised that it may well have been, based upon the fragmentary comments that she has uncovered in various archives. Still, as she acknowledges, the archival evidence is slim.

In the early eighteenth century several leading clerics, including Fedor Polikarpov, Feodosii Ianovskii, and Feofan Prokopovich, as well as Peter himself, endeavored to break with Russian Orthodoxy’s accepted pedagogy traditional method, arguing — quite correctly — that it generated little understanding of either divine or human reasoning. They proposed a different pedagogy, one which they termed the “grammar method” which would reverse the process, emphasizing content over sound, meaning over memorization. Prokopovich was particularly strident on this subject, insisting that the traditional method was inappropriate for clerical children, many of whom would go on to serve as clerics themselves. Its insistence that merely knowing *how* to chant God’s words with the correct phrasing and intonation left children ignorant of the *meanings* of the Scriptural texts, let alone the theological foundations of those texts⁴. He worried that without an un-

⁴ «А воспитание такое в России, кто не видит как скудно.» «За лишением добраго воспитания, когда читать и писать научились глухое тое искусство обращают на орудие злобы...»

derstanding of the meanings of texts, this type of rote-based reading would leave them susceptible to the seductions of clever schismatics and other false teachings. If their training was to be moved into classrooms, he argued, they should be taught to read for content, an outcome that the grammatical method would facilitate (he was less emphatic when it came to laity and village-based ABCs). That was the plan, and it was with that intention that he crafted his famous primer-cum-catechism, *A Student's First Lessons* (Первое учение отроком).

Opinions have ranged widely as to whether these prescriptions gained traction, but to date there have been precious few social histories of the Petrine classroom that might anchor these opinions more concretely. This is beginning to change, as some recent archival studies have provided glimpses of pedagogical *practices* of literacy, at least in a handful of Petrine-era schools. While it is premature to generalize, there do appear to be recurring patterns. First, irrespective of their stated *raison d'être*, be it navigational, arithmetic, or religious, Latin, Greek, or Kirillitsa, and notwithstanding the nominal qualifications of those who enrolled, instruction almost invariably included classes in basic literacy, and these typically were the most highly enrolled. Abecedaria and breviaries remained in ongoing and considerable demand. Secondly, in nearly all sites that have been studied, the traditional ladder of literacy (Primer-Breviary-Teaching Psalter) remained the standard. Comments by officials on the scene give the impression that levels of literacy among beginning students were quite low, and in many instances nonexistent. Thirdly, while the evidence is sketchy, it seems that the grammatical method made minimal limited headway in these early schoolrooms (Kosheleva 2014, 34–6; Kislova 2015, 78–81; КИСЛОВА 2019, 34–6). In part this outcome derived from an acute shortage of instructors familiar with the grammar method. That is only one part of the story, however. Even when commanded to switch by a decree of 1722, and in some cases even after being supplied with sufficient copies of Prokopovich's Primer, instructors typically employed what they were familiar with and what they trusted, the traditional memorization-cum-enunciation based ladder of literacy.

3. Sites of Learning and the Dawn of Schools

There is a broad consensus that the teaching of reading and writing in Muscovy was carried out almost entirely by local clerics or individual monastics, irregularly and in small groups, and with little or no oversight by central authorities (e.g., Володихин 1993). Kosheleva succinctly captures Muscovy's circumstance in her notion of "apprenticeship" (ученичество), that acknowledges the appearance of some small groupings of students, but that sees these clusterings as fully consistent with the traditional, intimate person-to-person mode of instruction (Коме-

Первое учение отроком, Introduction, nonnumbered. ("Who can fail to see how impoverished this type of education is in Russia." "Because of the lack of a good education, when [children] study reading and writing, they turn this dim knowledge into an instrument of evil...")

лева 2011b, 82–4). In the parlance of the time the word “школа” referred not to a physical school per se but to the process of instruction. Educated churchmen may have been familiar with the *concept* of a classroom (witness the imagery in Vasilii Burtsev’s illustrated 1634 primer, in which the word ‘училище’ (‘school’) appears, accompanied by a picture of a group of four students sitting together at a table, books in hand. Their instructor sits alongside them but is shown punishing a fifth student (seen kneeling at his feet) with a whipping stick (розга). This image also appeared in later texts. But images were one thing; physical sites were quite another. To be sure, extra-institutional instruction was hardly unique to Muscovy or to Orthodoxy in general, as Margarita Korzo recently pointed out has in an essay on Catholic education in the Polish Commonwealth (Корзо 2020, 1–3). Still, Muscovy stood at one extreme of the spectrum.

The one glaring exception to this pattern was the Kyivan metropolia, an exception that continued to be true for decades after its incorporation into the Muscovite state. The challenges posed by Greek-rite Catholicism (Uniates) and more generally by the Counterreformation in Poland generated a dramatic response even amid escalating violence from both church and lay authorities, most prominently in the legendary reforms of the metropolitan Petro Mohyla: new seminaries with a largely Latinized Jesuitical curriculum. But the push for schools had begun a good deal earlier, in the 1570s, with the creation of Ruthenian Orthodox confraternities. Run largely by diocesan officials and with decidedly faith-centered curricula, by the time of Mohyla confraternal schools were already in operation in multiple Ruthenian towns and cities — once again following the Catholic example — and some of these established schools for members of the urban laity as well as for future clerics (Isaievych 2006, chapter 4 “The Confraternities and Education”, 141–99). The effect was substantial, and by the late seventeenth century, even against the backdrop of considerable violence, formal education took root among key sectors of Ruthenian society, with rather large schools in multiple locales.

Eventually, of course Muscovite schools did come into existence. Generations of scholars for some reason have devoted no small attention to debating which one was first, when, and where. A century ago, N. F. Каптерев sought — and failed — to put the topic to rest, insisting — on quite solid ground — that the first school as such was the so-called typographical school, established within the Pechatnyi dvor in 1681 or 1682 (Каптерев 1914). True, there are examples dating back to the 1620s of Greek prelates being invited to Moscow to instruct small groups of literate Muscovite clergy and chancellery officials to read and eventually translate Greek texts (Фонкич 2009, 18–27, 82–9; Лаврентьев 1991, 176)⁵. But these hardly constituted schools in the conventional sense.

⁵ Over the years there has been no shortage of candidates, dating to the 1630s and even earlier, but these have not held up to scrutiny. Fedyukin has been dismissive of this pursuit, deeming it “ahistorical” and “inappropriate” (Fedyukin 2019, 28). Kosheleva has written a more intensive summary of generations of this historiography of Muscovite education, but she too is critical (Kosheleva 2019, 191–217).

Recent studies of Muscovite schooling have generally confirmed Kapterev's conclusion and added important insights. The typographical school and its successor academies did attract a considerable number of pupils. Initial enrollments in the typographical school totaled about 30–40 students (ВОЛОДИХИН 1993, 25). The numbers quickly rose to between 150 and 170 students in the Slavonic classes over the next few years, and as many as 60 of these attended the Greek classes. By the beginning of 1686 the student body had reached 235 (ФОНКИЧ 2009, 128). It appears that students often went straight from the typographical school into jobs at Pechatnyi dvor as correctors and as typesetters, positions for which there was considerable demand. Whether that single source of work explains the flow of students or not, the fact remains that the typographical school had quickly established itself. Of course, the arrival of the Leichoudes brothers from Greece in spring 1685 quickly led to a decline and ultimately transfer of the resources of the typographical school to the Bogoiavlenskii Monastery where the Leichoudes were located. For our purposes, however, the mere existence of these Moscow schools is what matters, along with the apparent willingness of clerics to send their sons there.

So, what classes did they take and what books were in greatest demand? Most of the scholarship, reasonably enough, focuses on the new advanced classes, Greek, Latin, Rhetoric, etc., because these were the sites of genuine change. Fonkich's rigorous archival work, along with that of Ramazanova, has uncovered several documents that described in detail the classes and book purchases for the Greek classes, which after all were the nominal *raison d'être* for the school's creation for which books had to be imported, primarily from Constantinople (ФОНКИЧ 2009, 146–55; 162–64). Volodikhin estimated that between 1681 and 1685 as many as 600 books and manuscripts were purchased, and he surmises that about two thirds were Greek (ВОЛОДИХИН 1993, 43).

Unfortunately, as both Fonkich and Volodikhin discovered, the paper trail for the Slavonic classes is sparse, even though it appears that these were the starting point for a large proportion of the students. Pozdeeva, for example, (Поздеева 2011 2, 581–87) includes documents from Pechatnyi dvor, confirming that it periodically supplied the school with copies of abecedaria, breviaries, and psalters, and Epistles i.e., the first books in the ladder of literacy. One assumes, therefore, that the Slavonic classes functioned to teach future typesetters and copyeditors how to read and write Russian script (*kirillitsa*) before sending a subset of them on to the more demanding Greek classes. But this remains rather speculative. A similar pattern seems to have prevailed after the responsibility was transferred to the Leichoudes. The school began with 100 students and quickly rose to 600, an indication of substantial interest. Those numbers fluctuated considerably, and, although hard numbers are not available, by all accounts the proportion of students who proceeded from the introductory classes in *kirillitsa* to the Greco-Latin curriculum in rhetoric, theology, natural philosophy, etc. appears to have been low. Thus, one may surmise that for most of the first waves of students the Leichoudes' schools were essentially sites of reading and writing in Cyrillic.

Another important vein of scholarship has attempted to elucidate the ambitious projects to create institutionalized schooling within both church and state, and to formulate updated pedagogies. This voluminous literature includes searching exegeses of new grammars, primers, lexicons, and other textbooks⁶. Studies such as these are enormously helpful in contextualizing the books themselves, both within East Slavic Orthodoxy and within pedagogical philosophies and prescriptions of the wider European *Respublica literaria*. We know a great deal about the prescriptive or programmatic side of the subject, with detailed explications of specific texts (Leontii Magnitskii's *Arifmetika*, Fedor Polikarpov-Orlov's *Grammar* and his *Three Language Lexicon*, Feofan Prokopovich's *Primer* et al.), the intended modes of instruction, institutional changes, and the like.

Closely related are the histories of schools and schooling. For the Petrine period much of the work has focused on the many projects for establishing of new sites of teaching (including literacy instruction), many of which did come to fruition, thereby significantly changing the institutional landscape of Russian education. Igor Fedyukin has written in detail about the men behind reform projects and their schemes ("the enterprisers" or "прожектеры") (Fedyukin 2019; see also Федюкин et al. 2015). His study conveys a surprising fluidity within the Petrine court, such that these enterprisers, Russian and non-Russian alike, had a good deal of success in peddling their projects. All of this is immensely important in understanding the intentions of reformers, their successes, and the political culture within which they acted.

How then might one transition from the focus on projects and enterprisers, or textual analysis, to what were often the very different experiences of reading and writing in the classroom itself? This is a formidable challenge. Polikarpov's *Lexicon*, for example, intended as a basic reference for generations of future seminarians, appeared in 1704 with an ambitious press run of 2400, identical to the run of his three-alphabet primer printed in 1701 with which it was meant to be paired (Рамазанова 2013b, 78–88; Averjanova and Bezrogov 2015, 123–40). But notwithstanding aggressive early effort to circulate the volume to institutions and dioceses, two decades later the Moscow Typography still had 1500 unsold copies left in its storehouse, and demand at that point was virtually nil. Presumably other repositories also had stocks of unsold copies. No additional printings appeared throughout the rest of the eighteenth century (Быкова и Гуревич 1958, no. 38; РГИА ф. 796, оп. 58, no. 53 1777, 13–13об.; Пекарский 2 1862, 641). Similarly, Magnitskii's widely extolled *Arifmetika*, a text which Bragone has analyzed in depth (Bragone 2008, 67–76; Bragone 2011, 1–28), appeared in a run of 2400. Copies were immediately sent to the newly opened School of Navigation, where it indeed entered the curriculum, as it did in some

⁶ This discussion mostly does not include the handful of advanced academies founded in these years, whose curricula typically assumed prior literacy or more and which tended to be directed to elite sectors of society. Instead, it focuses on courses of instruction within institutions wholly or largely devoted to primary education.

other Petrine state-sponsored technical schools founded (Быкова и Гуревич 1955, 86; Fedyukin 2015, 72–77ff). But available sales figures show that outside this circumscribed milieu *Arifmetika* generated sparse demand, while the older (1682, reprinted in 1714) and more elementary booklet, *Книга считанья удобного*, continued to generate modest but steady demand throughout most of Peter's reign (Пекарский 2 1862, 267, 681–94; Нечаев 1956, 160–61, XXI). And, like Polikarpov's masterworks, *Arifmetika* was not reprinted during the eighteenth century.

All of this implies a considerable disjuncture between mandated norms or projects on one hand, and the experiences of learning on the other. One approach to unpacking this conundrum has been to examine enrollments course-by-course so as to determine, irrespective of the prescribed curricula, how many students enrolled, how many of them advanced, and whether they completed the prescribed curriculum.

The “cypher” schools are a good place to start. Begun in 1714, their stated function was relatively modest, i.e., to teach them to recognize Arabic numbers (цифры), to learn the mechanics of arithmetic, and then to advance to elementary geometry in principle to the children of merchants and other townfolk, particularly those “most eager to study” (Нечаев 1956, 36 [ПСЗ 2762 and 2778]; Чистович 1883, XXX–XXXII; see also Быкова и Гуревич 1955, no.115).

On the surface this network grew rapidly, especially in the Ural mining region, enrolling a total of 2051 students during its first decade, almost half of whom were clerical children. But success proved hard to come by. As a rule, the new institutions found it necessary to include basic literacy classes, and typically these classes had the largest number of pupils. Many — perhaps most — never advanced beyond basic literacy, and one large cohort did not even get that far. By the time of the survey only 302 completed the course of instruction, 507 were still enrolled, and 933 clerical children, were withdrawn and directed to study at archbishops' houses, and 309 others departed, apparently still illiterate and non-numerate. In Ekaterinburg, for example, a cypher school opened in the early 1720s. By 1727 well over half of these students had made it no further than introductory literacy or — according to the reports — had not learned anything at all (Нечаев 1956, 36–7, 62).

Other newly opened schools have left sketchier paper trails, but they too seem to have experienced a major disparity between prescription and actual study, enrollment, and completion. Between 1712 and 1725 in Tula 255 potential apprentices took classes in a classroom set up in the local armory, with the goal of providing them with a relatively advanced training. Few could read, and the armory was forced to focus on teaching basic literacy (Нечаев 1956, 27–9). The artillery schools, established by decree in 1701, enrolled hundreds of students over its first two decades, most of whom began and ended their course of study in the «словесная школа» studying the Slavic abecedarium, breviary, and psalter. An apparently small subset of them then went on to learn to write (Нечаев 1956, 32–4). Several of the artillery schools, as well as the initial mining schools started in the Urals under the aegis of V. N. Tatishchev, as well as other nominal-

ly technical schools, struggled to keep their students, an endeavor that typically entailed teaching literacy before moving ahead. In Ekaterinburg, a school established in 1724 to teach mathematics and drafting experienced a sharp decline from initial enrollments, and most of those who remained stood on the lower rungs of the ladder of literacy. A 1726 survey showed 100 students in residence, half of whom were learning to read. By 1727 it was down to 66 students, all but 19 of whom were in literacy classes (1 studying abecedarium, 53 Breviary, 2 Psalter, 10 writing). A 1737 survey of nine schools in the Urals region shows that all but one taught literacy exclusively or almost exclusively (Нечаев 1956, 44–63, 75, 117). So far as one can tell, literacy instruction in these state-initiated institutions generally employed the traditional texts, familiar learning modes, and most importantly the old orthography. This was true of mining, cypher, factory, and garrison schools, designed to train students for relatively technical or specialized labor, and it was as true after 1708 as it was before. What we see, then, are multiple indicators of a sharp disconnect between pedagogical discourses and classroom practices.

Diocesan (“archbishops”) schools had begun to appear ad hoc early in the century, and their numbers grew once they gained formal recognition in the latter years of Peter’s reign. Quite a few subsequently evolved into Latin-based seminaries after the reorganization of clerical education in 1737. Recall that Prokopovich and others had insisted that those preparing for the priesthood needed to be better and more formally educated, made explicit in *Dukhovnyi Reglament* and Imperial decrees, and this command seems to have had some effect (Нечаев 1956, 41). The initial core of students consisted largely of the sons of priests (поповичи) withdrawn from the cypher schools, supplemented by those from the lower urban ranks. Here they may have pursued arithmetic, but the core of the introductory curriculum focused on reading religious texts in the old orthography («славянское чтение»), and, for those who remained long enough, writing. Grammar and Syntax were also a part of the stated curriculum. These schools appear to have relied primarily on abecedaria and breviaries for literacy. Some of the schools also listed an unspecified “bukvar” (*perhaps* Prokopovich’s, although some older ones, printed and manuscript, were in circulation) as a separate course of study for students at some stage after the breviary.

Some of the older scholarship examined these schools one-by-one. Their work sketches a picture of modest success, albeit varying widely from one diocese to the next. The pattern emerges clearly in a retrospective survey of all the Empire’s village and Diocesan Schools commissioned in 1727 by the Supreme Privy Council. Not surprisingly, Ruthenian Dioceses had a more robust network with multiple schools with relatively large aggregate enrollments (an aggregate of 654 in Kyiv Collegium; 257 in Chernihiv; 420 in Belgorod), and greater access to higher subject, including Latin. So too did Novgorod (1007 students since 1706) and Moscow (108 in Russia classes in 1727, 35 in Greek, 362 in Latin) (Пекарский 1862 2, 109–13; Чистович 1883, XXXIII–XLIII). Elsewhere, though, the numbers were far smaller, as were the course offerings. Even the capital’s Aleksandr Nevskii Monastery’s school, which had enrolled 118 students in its first six years,

quite a few of whom were sons of laity, experienced a flight of forty-two of them, officially because of disinterest in their studies or “suffering” («скорбь») (Пекарский 1862. 21, 112). Similarly, in Riazan', 59 of the 96 students enrolled in 1722 immediately ran away! But, in contrast to the cypher schools, aggregate numbers tended to remain stable, or even grow, from one year to the next, and enrollments proceeded from one class to the next, with the majority working their way up the ladder of literacy, not infrequently including writing. Anecdotal evidence, such as schoolboy verses moaning about life and punishment in the classrooms, suggests that those who stayed the course did indeed learn to read and write. The survey also shows students in some of the schools advancing to classes in Arithmetic and Grammar, albeit with little indication of what those courses constituted (Пекарский 1862 1, 108–21).

To summarize: Peter's reign most assuredly witnessed the emergence of multiple schools in the physical sense, a great many of which necessarily began with basic literacy instruction irrespective of their nominal purpose. That in itself is momentous. Even so, the great majority of literacy instruction remained informal and extramural, as it would continue to be throughout the eighteenth century, conducted by local clergy with no formal training, and almost completely untouched by new texts, new methods, and new orthographies. By the time of Peter's death in 1725, so far as one can tell, classroom-based literacy instruction by and large followed traditional texts and pedagogies. It may well be that students who stayed the course could assimilate the new orthography on their own, something that will require considerable archival research to determine. But, outside the new elite academies and some of the technical schools, that transition to *grazhdanstvennost'* appears not to have been embedded in their courses.

4. Publishing History and Numbers

We turn now to the publishing history itself (printings, press runs, etc.), both before and after the civil orthography had been introduced. The basic information derives from Synodal records and periodic inventories, especially the extensive inventory of Moscow imprints dating back to the 1620s that was completed in January 1777 (РГИА опись 58, no.43), materials that I have relied upon in earlier work. These are augmented by recent bibliographic works (Гусева 2010; Немировский и Шустова 2015; Шицкова и Земцова 2015) that have compiled updated checklists of relevant publications from throughout the East Slavic world, some of which include materials from previously unexamined archival records. These have been checked against, and revised as needed, by figures given in Lupov (Луппов 1974) as well as periodic sales and inventory data reproduced by Chistovich, Pekarskii, and others. These records have enabled me to construct a relatively detailed *longue durée* publishing history — albeit *not* a reading or learning history — of pedagogical texts from Pechatnyi dvor, and from the Synodal and Aleksandr Nevskii typographies in St. Petersburg. The goal here is to see whether these checklists might reveal any discernible patterns that would indicate either pedagogical continuity or change.

Tab. 1 – Literacy Texts Printed in Kirillitsa from Moscow Typographies, 1650–1724.

	Total (T)	Annual Average (A)	T	A	T	A
1650–74	75,600	3,024	40,800	1,632	22,320	890
1675–99	@ 192,000	7,680	85,200	3,400	56,800	2,275
1700–24	@ 200,000	8,000	70,000	2,800	38,000	1,520

*Abecedaria constitute the overwhelming majority of this total, well over ninety percent for most decades. The Moscow-press did publish a variety of longer primers (буквари) as well, but infrequently, at least until the very end of Peter’s reign. Their elaborate ornamentation, additional texts, or inclusion of Greek and Roman alphabets suggest that they were intended for select audiences or repositories, rather than to be “read to pieces” as were the inexpensive (costing just a few den’gi) and highly perishable abecedaria.

**The 1777 inventory typically identifies psalters as either “следованная» (“Lectionary”), i.e., used in church services, or «учебная» i.e., pedagogical, the latter constituting most of the printings and typically commanding larger runs than the lectionaries. Some imprints, though, are listed simply as “psalter”, with no indication of their specific use. This chart includes only those identified as «учебные».

As we see, the trajectory of Moscow imprints shows a steady rise in the per annum average publication of literacy texts, throughout the second half of the seventeenth century, more than doubling for each of the three steps in the ladder of literacy. The numbers for abecedaria are particularly striking, about 3,000 per annum until about 1670 and then growing steadily over the last three decades to a peak of 36,000 in 1700 alone, with an annual average of over 9,000 in the 1690s. Since these were reprinted almost exclusively based on demand within dioceses and parishes, it seems very likely that the number of children learning ABCs in the late seventeenth century, while still miniscule, was rising. For breviaries and teaching psalters the rise is unmistakable, but less dramatic, an indication that while more people were learning their basic ABCs so as to recognize some words, the number learning to read on their own likely did not increase very much. We should keep in mind the fact that Pechatnyi dvor based its reprintings of these texts on declining inventory, an indication that the tapered climb up the ladder of literacy remained remarkably constant over these fifty years. The chart also reveals a vaguely consistent ratio among the three texts. During the third quarter the ratios between abecedaria and breviaries and between breviaries and psalters were both slightly less than 2:1. In the last quarter the ratios changed slightly, with about 2.25 abecedaria printed for each breviary and conversely 1.5 psalters per breviary. The ratio of abecedaria to psalters stayed constant throughout these decades at about 3.4 abecedaria for each psalter printed, suggesting perhaps that a larger proportion of those who reached the breviary were continuing their studies. (Unfortunately, press run figures are not available for Ruthenian and Belarusian imprints of that period, thus making a detailed comparison impossible.)

Looking more closely at year-by-year production during the totality of Peter's reign, roughly 1690–1725, (see the appendices) shows considerable fluctuations from one year to the next. In some years a great many were produced, followed by a few years in which there were modest runs, or no runs at all. For example, the Moscow Typography printed 36,000 abecedaria in 1700 alone, followed by five years during which it produced none. In 1706 it had two printings totaling 19,200 copies, then a decline until 1709–10 when it produced 26,000, followed by two fallow years. This pattern reflects the fact that abecedaria were essentially a demand-based publication. Unlike most other schoolbooks, abecedaria were intended for the students' personal use, to be "read to pieces." This helps explain why so few copies have survived: they simply never made their way into repositories. Thus, relative to other texts supplies ran out quickly, and the Moscow press responded by printing in bulk and then waited until supplies ran low before reissuing.

In the first quarter of the eighteenth century the pattern seems to have changed, especially after about 1710. While the aggregate number of abecedaria per annum grew slightly, to approximately 8,000 copies, the number of breviaries and psalters declined, and the ratio of abecedaria to psalters widened significantly to about 5.3:1. Although these numbers say precious little about literacy *per se* (or even about how the books were in fact used), they do suggest something of a disruption. But, if so, of what sort, and why? Why, in the midst of a determined official pursuit of more schooling would the publication of abecedaria plateau and the demand for breviaries and teaching psalters seemingly decline? We need to keep in mind that new typographies had opened, mostly in St. Petersburg, and they too produced schoolbooks. Might they have counterbalanced the disruptions in Moscow imprints? In addition, Peter's reign generated entirely new literacy texts, first among them being Feofan Prokopovich's *Pervoe uchenie otrokom* and the composite *Iunosti chestnoe zertsalo*, both of which were published and disseminated at Peter's command. Abecedaria were also being printed in St. Petersburg, including some in the new orthography. Before drawing any conclusions, therefore, we need to take all of these into account.

5. Civil Abecedaria

Civil abecedaria (identified in the records as «гражданские учебные азбуки» sometimes adding «с нравоучениями») began to appear in print not long after the introduction of the new orthography. Several scholars have examined them, and while figures differ, the overall profiles are more-or-less consistent. Bykova and Gurevich citing Gavrilov (Гаврилов 1911, 41) and Brailovskii (Брайловский 1894, 254) list nine printing of civil abecedaria between 1710 and 1725; Luppov (Луппов 1973, 96) says there were ten⁷. These appeared either as stand-

⁷ Быкова, Гуревич 1955, nos. 32, 137, 176, 226, 237, 261, 336, 753, 879. Summarizing the archival entries Brailovskii says the following: «В 1709 году напечатаны: 1) в Феврале

alone volumes or, less commonly, as appendages to *Iunosti chestnoe zertsalo* (first published in 1717).

It is not clear whether all of the St. Petersburg imprints were in the new orthography, but either way they do not affect the overall picture very much, especially since they very likely went overwhelmingly to state institutions within the capital itself. According to Gavrilov, runs ranged from 200 copies in 1714 to 2902 copies in 1723, with a total of about 7300 during that time (Гаврилов 1911, 41).

Tab. 2 – Civil abecedaria 1714–23.

Year	Print Run	Price per copy
1714	200	8 den'gi (one den'ga equaled half a kopeck)
1715	688	6 den'gi
1717–18	1200	5 den'gi
1721	2400	5 den'gi
1723	2902	5 den'gi

Luppov gives somewhat lower figures (just over 3,000 between 1714 and 1722). But whatever the actual number, these totals paled in comparison to those of the traditional abecedarium. More to the point, there was no specific follow-up text in the civil orthography, no articulated “civil” ladder of literacy onto which they could have climbed. We also have fragmentary records of sales in St. Petersburg. Pekarskii's appendix, for example, includes lists of books for sale from the book shop of the St. Petersburg Press in the early 1720s, but these are only intermittently disaggregated by old and new orthography, year of publication, number of available copies, and prices (Пекарский 2 1862, «Ведомости книгамъ продававшимся в Петербурге», 681–94). Among them one finds abecedaria, often in quantities of several hundred, but without any clear indication of whether they are in the old or new orthography. Similarly, Luppov (Луппов 1973, 145) lists the following figures for literacy texts from 1714–22 showing both the press runs the number of copies distributed.

12 заводов азбук...» (Брайловский 1894, 254). He does not provide a description and does not indicate in which type it was produced. Bykova and Gurevich include this as a civil-type publication (#18a). Were this correct this would have been an exceptional press run, since one *zavod* equaled 1200 copies, a run of 14,400! But in all likelihood, they made an honest mistake. There are no known copies of this purported issue, and no archival descriptions of its contents. The 1777 inventory, which *does* typically disaggregate between old and new type faces, shows an abecedarium for 1709 (p. 16) with a run of 14,000, but includes it among the *church* orthographic imprints rather than civil ones. It also shows that a civil-type abecedarium was published in the *previous* year (p. 15) 1708, but with a very modest run of 500.

Tab. 3 – Literacy texts 1714–22.

Title	Aggregate Press Run	Total Distributed	Total per annum
<u>Юности честное зерцало</u>	<u>1900</u>	<u>1548</u>	<u>193</u>
<u>Учебные азбуки</u>	<u>3088</u>	<u>2512</u>	<u>314</u>
<u>Псалтыри учебные</u>	<u>1200</u>	<u>265</u>	<u>33</u>
<u>Часословы учебные</u>	<u>1268</u>	<u>1090</u>	<u>133</u>

Once more, it is not clear whether the abecedaria in question were old or new orthography (psalters and breviaries, of course, were printed in the old.). Regardless, while they may have had a discernible presence within the capital and one or two state schools elsewhere, the picture for the Empire overall is little changed. Thus, there remains only Prokopovich's text as a potential counterbalance.

6. Prokopovich's Primer

Pervoe uchenie otrokom was first published in 1720 in the newly opened typography of the Alexander Nevskii Monastery, with great fanfare and considerable financial support from both church and crown. As a *букварь* (primer), identified as such in the Synodal records, one would expect it to become a centerpiece of literacy instruction, perhaps ultimately an alternative to or replacement for the *азбука учебная*. Prokopovich himself said as much: his introduction to the text was directed to parents and others responsible for the upbringing of children, and it explicitly exhorted them to employ his book as *the* primer of choice in raising and educating children to ensure that they would have a proper understanding of God's words and their true meaning, thereby avoiding the superstitions and ignorance that was, in his view, widespread in Russia. In that spirit the Synod decreed that it be read aloud in churches at the service of St. Ephraim of Syria in late January.

The original publishing plan had been correspondingly ambitious. Alexander Nevskii Typography professed that it had the capacity to produce up to 14,000 copies per year, and it expected that at least 10,000 copies would be printed annually. These would be sent to dioceses, and through them to parishes, throughout the Empire, as well as to several repositories and state institutions. However, the actual runs were much smaller, typically 1200 copies or fewer. There were eleven printings between 1721 and 1725 totaling approximately 11,000 copies, including three printings in 1724 with a total run of 2851, a large aggregate to be sure but nothing close to what had been proposed. (Пекарский 2 1862, 549–50, Приложение С, 694). Information on actual circulation is more episodic, but it too does not comport with what had been prescribed. Firstly, the primer was expensive, 35 kopecks per copy as opposed to 1–3 kopecks per copy of the *азбука*, far more than most parishioners could afford (Луппов 1973, 149). Many, perhaps most copies were distributed gratis by fiat, and these went directly to state schools and to bishops, and from there to parishes to be read aloud in services. Perhaps some copies ended up in the hands of clerical school children (although there is scant

evidence of that), but there simply would not have been sufficient supply for it to circulate much beyond the specific schools to which they were sent.

There were exceptions, of course. Still, a handful of archbishops' schools and academies did put it to use. In Riazan', for example, where Prokopovich's ally Gavriil Buzhinskii had arrived in 1726, 128 students enrolled in the archbishop's school were recorded in 1727 as studying "bukvar". The rosters do not specify that the bukvar' in question was Prokopovich's, but it is reasonable to assume that it was. A handful of others (Suzdal', Smolensk, Viatka, Pskov, Kolmogory) also reported offering classes in "bukvar", usually just before or after the Psalter (i.e., as an addendum to traditional literacy instruction rather than a replacement) but with no indication of how many students were enrolled, what bukvar' they employed, or how it was taught. Most dioceses, though, made no mention of it. And even assuming they had received copies, few instructors had any formal training in teaching, and no familiarity with the "grammar method." By default, teaching by rote remained as the norm for quite some time. In addition, Prokopovich's primer met widespread resistance within the clergy, both white and black, many of whom angrily condemned the book as "destructive of ancient customs" (Пекарский 1862 1, 180; Kosheleva 2010, 121–22). State-sponsored schools, which fell directly under governmental authority and were recipients of official largesse, did have copies available. But even there we see stumbling blocks. In 1736, for example, V. N. Tatishchev had expressed his intention to replace the abecedarium and Breviary with *Iunosti chestnoe zertsalo* and the Primer in the Ural Mining schools. But he soon set that plan aside, and students there continued to use the older texts at least into the mid-1740s (Нечаев 1956, 120).

In short, while both the Primer and *Iunosti chestnoe zertsalo* unquestionably constituted significant textual accomplishments and were both acknowledged and hotly contested among literate monastic clergy and service elites, the evidence strongly suggests that, official dictates notwithstanding, they had minimal presence in provincial or diocesan literacy instruction, neither in Peter's days nor in the ensuing decades.

7. Conclusion

The available evidence, however incomplete, indicates that neither the civil orthography nor the newly prescribed pedagogies penetrated very deeply into the teaching of Russia's ABCs for several decades after its initiation. From that perspective it seems quite unlikely that *grazhdanstvennost'* as orthography or written language, had much impact on minimally or functionally literate children, the vast majority of whom continued to be taught by village tutors or in diocesan schools, few of whose instructors were able or willing to teach in the newly prescribed ways. It seems equally the case that the appearance of schools, important as it was for its own sake, did little or nothing to increase literacy rates within the overall population in the Petrine or post-Petrine decades. If anything, Peter's reign had a disruptive impact on the ladder of literacy: a very modest increase in the printing of abecedaria offset by an absolute decline in the number of breviaries and

teaching psalters in circulation. Considering the physical dislocations brought on by the long Northern War, disproportionately affecting teens and young men, it is not unreasonable to imagine that overall male literacy actually declined in the first quarter of the eighteenth century relative to where it had been in the previous decades. While the civil orthography and civil primers did not in themselves cause these disruptions, they likely exacerbated them by widening the gap between basic — old texts, old orthographic — literacy and reading per se, particularly the inculcation of reading as *grazhdanstvennost'*.

Appendix 1

Checklists of printings and press runs of abecedaria (азбуки учебные) from the Moscow Typography in Peter's reign, 1690–1725. Unless otherwise noted, the source is the Synodal inventory of 1777 (РГИА Ф. 796 оп. 58, d. 43). The figures listed in this inventory are consistent with those given in Guseva (Гусева 2010, 23–4) and Nemirovskii and Shustova (Немировский и Шустова 2015, 244–81).

Year	Number of printings	Total
1690	3	19,200
1691	2	19,200
1692	–	–
1693	1	14,400
1694	–	–
1695	–	–
1696	1	12,200
1697	–	–
1698	–	–
1699	–	–
1700	1	36,000
1701	–	–
1702	–	–
1703	–	–
1704	–	–
1705	–	–
1706	2	18,000
1707	1	4,800
1708	–	–
1709	1	14,000
1710	1	12,000
1711	–	–

Year	Number of printings	Total
1712	–	–
1713	2	19,200
1714	–	–
1715	1	12,000
1716	1	2,400
1717	–	–
1718	–	–
1719	1	12,000
1720	–	–
1721	1	12,000
1722	1	14,400
1723	1	14,400
1724	1	14,400

Appendix 2

Abecedaria from the Moscow Typography in the post-Petrine era, 1725–1740.

Year	Printings	Total Copies
1725	1	1,200
1726	–	–
1727	–	–
1728	–	–
1729	–	–
1730	–	–
1731	2	24,000
1732	1	24,000
1733	–	–
1734	2	26,400
1735	–	–
1736	–	–
1737	1	24,000
1738	–	–
1739	2	4,800
1740	–	–

Appendix 3

Recorded imprints of abecedaria in the civil orthography (гражданские азбуки), Moscow and St. Petersburg, 1708–1725 (those that were printed as supplements to *Юности честное зерцало*) are marked with an asterisk *).

Year	City of Publication	Press runs (if known)
1708 or 1710	Moscow	500 (from 1777 РГИА Synod inventory)
1714	St. Petersburg	200 (Гаврилов 1911, 41)
1715	St. Petersburg	688 (Гаврилов 1911, 41)
1717*	St. Petersburg	at least 1200 (Гаврилов 1911, XXI–XXII)
1717*	St. Petersburg	600
1718	St. Petersburg	1200 (Гаврилов 1911, 41)
1719*	St. Petersburg	1200
1723 or 1724*	Moscow	600 (from 1777 РГИА Synod inventory)
1725	?	?

Sources

Archival sources

Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗ): https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html

Российский Государственный Исторический Архив (РГИА). Ф. 796, оп. 58 д. 43 1777 г.: «Ведомость какого звания книги в московской типографии с начала учреждения ея до ныне печатаемые были по скольку экземпляров о том показано ниже сего».

Literature

Безрогов, Виталий Г. и Мария В. Тендрякова. 2015. «В России надо жить по книге»: Начальное обучение чтению и письму. Становление учебной книги в XVI–XIX вв. Москва: Памятники исторической мысли.

Брайловский, Сергей Н. 1894. “Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов, директор московской типографии.” *Журнал Министерства народного просвещения*. Сентябрь–Ноябрь: 1–37, 236–86.

Быкова, Татьяна А. и Мирон М. Гуревич. 1955. *Описание изданий гражданской печати: 1708–январь 1725 г.* Ленинград: Издательство Академии наук СССР.

Володихин, Дмитрий. М. 1993. *Книжность и просвещение в Московском государстве XVII в.* Москва: Изд. Московского городского объединения архивов.

Гаврилов, Александр В. 1911. *Очерк истории С.-Петербургской синодальной типографии*. Санкт-Петербург: Синодальная типография.

Гусева, Александра А. 2010. *Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации*. Москва: Индрик.

Живов, Виктор М. 1986. “Азбучная реформа Петра I как семиотическое преобразование.” *Sign System Studies* 19: 54–67.

- Извеков, Д. И. 1872. “Букварная система обучения в исходе XVII и начале XVIII ст.” *Семья и школа* 4: 723–50.
- Каптерев, Николай Ф. 1914. *Характер отношений России к Православному Востоку в XVI и XVII веках*. Москва: Л. Ф. Снегирева.
- Кислова, Екатерина И. 2010. “Взаимодействие орфографических систем в России середины XVIII века.” In Karl, Katrin Bente, Krumbholz, Gertje und Marija Lazar (Hrsg.) *Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik* 13, 78–85. München: Verlag Otto Sagner.
- Кислова, Екатерина И. 2011. “‘Гражданское’ и ‘церковнославянское’ издание проповедей в XVIII в.: к вопросу о статусе двух типов орфографии.” В *Проблемы изучения русской литературы XVIII века*. Вып. 15, 78–88. Санкт-Петербург–Самара: Ас Гард.
- Кислова, Екатерина И. 2019. “‘Грамматическое учение’ и модели церковного образования 1720-х гг.” *Quaestio Rossica* 7, 2: 475–91. DOI 10.158268/qr.2019.2.388.
- Корзо, Маргарита. 2020. “Внеинституциональные формы духовного образования в Речи Посполитой XVII–XVIII вв. Избранные примеры.” *Ученые записки Новгородского гос. Университета имени Ярослава Мудрого* 5, 30: 1–3.
- Кошелева, Ольга Е. 2010–2011. “Обучение в русской средневековой православной традиции.” В *Одиссей*, 47–72.
- Кошелева, Ольга Е. 2011а. “Государство как наставник: воспитательные образцы для просвещения россиянина XVIII в.” *Вопросы воспитания* 6: 78–90.
- Кошелева, Ольга Е. 2011б. “Феномены школы и ученичества в православной культуре: Проблема изучения московских училищ XVII в.” В *Религиозное образование в России и Европе в XVII в.*, Ред. Елена С. Токарева, 82–94. Санкт-Петербург: Издательство Русской Христианской Гуманитарной Академии.
- Кошелева, Ольга Е. 2014. “Грамматичный фундамент ко чтению и письму научением вкоренять. Начальное обучение в петровской образовательной реформе.” *Родина* 3: 34–36.
- Кошелева, Ольга Е. 2015. “«Алфавитицы дидакала» и формирование учебной книги в рукописной традиции второй половины XVII в.” В *«В России надо жить по книге»: Начальное обучение чтению и письму. Становление учебной книги в XVI — XIX вв.* Сост. Виталий Г. Безрогов и Мария В. Тендрякова, 30–41. Москва: Памятники исторической мысли.
- Круглов, Василий М. 2016. “О задачах изучения русского языка Петровской эпохи (статья первая).” *Acta linguistica petropolitana РАН* XII, ч. 3: 673–82.
- Лаврентьев Александр В. 1991. “К истории создания училища в московской Бронной слободе в XVII веке.” *История СССР* 3: 174–76.
- Луппов, Сергей П. 1973. *Книга в России в первой четверти XVIII века*. Ленинград: Наука.
- Немировский, Евгений Л. и Юлия Э. Шустова. 2015. “Кириллические Азбуки и Буквари XVI–XVIII вв.: библиографический свод изданий.” В *«В России надо жить по книге»: Начальное обучение чтению и письму. Становление учебной книги в XVI–XIX вв.* Сост. Виталий Г. Безрогов и Мария В. Тендрякова, 185–337. Москва: Памятники исторической мысли.
- Нечаев, Николай В. 1956. *Горнозаводские школы Урала (к истории профессионально-технического образования в России)*. Москва: Трудрезервиздат.
- Поздеева, Ирина В., Дадькин, Антон В. и Виктор П. Пушкив. 2011. *Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. Книга 2, 1652–1700 годы*. Москва: Наука.

- Пекарский, Петр П. 1862. *Наука и литература в России при Петре Великом*. Т. 2: *Описание славяно-русских книг и типографий*. Санкт-Петербург: Общественная Польза.
- Рамазанова, Джамиля Н. 2008. "Ученики Иоанникия и Софрония Лихудов в Славяно-греко-латинской Академии 1685–1694 гг." В *Историография, источниковедение, история России X–XX вв.*, сост. Людмила А. Тимошина, 353–64. Москва.: Языки славянских культур.
- Рамазанова, Джамиля Н. 2013а. "Неизвестные греческие рукописи круга учеников Лихудов (по материалам Национальной библиотеки Греции и Библиотеки Румынской Академии наук)." В *Палеография, кодикология, дипломатика: Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов: Материалы Международной научной конференции Москва, 27–28 февр. 2013 г.*, отв. редактор Борис Л. Фонкич, 268–78. Москва: Институт всеобщей истории.
- Рамазанова, Джамиля Н. 2013б. "Славяно-греко-латинский букварь Федора Поликарпова (1701 г.): История создания и источники." *Вестник ПСТГУ* 4, 31: 78–88.
- Рамазанова, Джамиля Н. 2015. "Рукописная и печатная книга в учебной практике Славяно-греко-латинской академии в конце XVIII в." В «*В России надо жить по книге*» *Начальное обучение чтению и письму: становление учебной книги в XVI–XIX вв. Сборник научных трудов*. Сост. Виталий Г. Безрогов и Мария В. Тендрякова, 42–52. Москва: Памятники исторической мысли.
- Рамазанова, Джамиля Н. 2020. "Государственный контроль и преподавательская свобода в школах братьев Лихудов в России конца XVII–начала XVIII в." *Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого* 5, 30: 1–4.
- Федюкин, Игорь И., Ларина, Яна и Людмила Посохова. 2015. *"Регулярная академия учреждена будет..." Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века*. Москва: Новое издательство.
- Фонкич, Борис Л. 2009. *Греко-славянские школы в Москве в XVII веке*. Москва: Языки славянских культур.
- Харлампович, Константин В. 1914. *Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь*. Казань: М. А. Голубев.
- Чистович, Яков А. 1883. *История первых медицинских школ в России*. Санкт-Петербург: Изд. Якова Трея.
- Шицгал, Абрам Г. 1958. *Репертуар русского типографского гражданского шрифта XVIII века. I: Гражданский шрифт первой четверти XVIII века, 1708–1725*. Москва: Книга.
- Шицгал, Абрам Г. 1985. *Русский типографский шрифт. Вопросы истории и практика применения*. Москва: Книга.
- Шицкова, Любовь Б. и Наталья А. Земцова. 2015. "Азбуки, прописи гражданской печати, изданные в XVIII в. (библиографический указатель)." В «*В России надо жить по книге*» : *Начальное обучение чтению и письму. Становление учебной книги в XVI–XIX вв.* Сост. Виталий Г. Безрогов и Мария В. Тендрякова, 338–49. Москва: Памятники исторической мысли.
- Ягич, Игнатий В. 1896. *Разсуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке*. Санкт-Петербург: без издательства.
- Averjanova, Larisa, and Vitaly Bezrogov. 2015. "Primers as the Shield of Faith: Religious Culture and Education on the Eve of the 18th Century." *The History of Korean Education* 37, 3: 123–40.

- Bragone, Maria Cristina. 2008a. *Alfavitar radi ucenija malych detej: Un abbecedario nella Russia del Seicento*. Firenze: Firenze University Press.
- Bragone, Maria Cristina. 2008b. "L'aritmetica prima dell'Arifmetika di Leontij Magnickij." In *Nel mondo degli Slavi. Incontri e dialoghi tra culture. Studi in onore di Giovanna Brogi Bercoff*. A cura di M. Di Salvo, G. Moracci, G. Siedina, vol. 1, 67–76. Firenze: Firenze University Press.
- Bragone, Maria Cristina. 2013. "Стихотворения в Арифметике Леонтия Магницкого." In *History and Literature in Eighteenth-Century Russia*. Sergei Bogatyrev, Simon Dixon, and Janet Hartley eds., 1–28. London: Study Group on Eighteenth-Century Russia.
- Chrissidis, Nikolaos. 2016. *An Academy at the Court of the Tsars: Greek Scholars and Jesuit Education in Early Modern Russia*. Evanston: NIU Press.
- Cracraft, James. 2004. *The Petrine Revolution in Russian Culture*. Cambridge, Mass.: Belknap Press.
- Fedyukin, Igor. 2019. *The Enterprisers: The Politics of School in Early Modern Russia*. Oxford: Oxford University Press.
- Franklin, Simon. 2019. *The Russian Graphosphere. 1450–1850*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Isaievich, Jaroslav. 2006. *Voluntary Brotherhood: Confraternities of Laymen in Early Modern Ukraine*. Edmonton: CIUS Press.
- Kislova, Ekaterina I. 2015. "'Latin' and 'Slavonic' Education in the Primary Classes of Russian Seminaries in the 18th Century." *Slověne* 4 (2): 72–91.
- Kosheleva, Ol'ga. 2010. "To Discipline Those Who Teach: The Penetration of Petrine Educational Reforms into Russian Educational Practice." In Gary Marker et al. eds., *Everyday Life in Russian History: Quotidian Studies in Honor of Daniel Kaiser*, 317–28. Bloomington IN: Slavica.
- Kosheleva, Ol'ga. 2019. "Education as a Problem in Seventeenth-Century Russia." In *The State in Early Modern Russia: New Directions*. Paul Bushkovitch ed., 191–217. Bloomington IN: Slavica.
- Marker, Gary J. 1989. "Primers and Literacy in Muscovy: A Taxonomic Investigation." *The Russian Review* 48: 1–19.
- Okenfuss, Max J. 1980. *The Discovery of Childhood in Russia: The Evidence of the Slavic Primer*. Newtownville, MA: Oriental Research Partners.
- Okenfuss, Max J. 1985. "From School Class to Social Caste: The Divisiveness of Early-Modern Russian Education." *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 33, 3: 321–44.
- Ramazanov, Dzhamilya. 2014. "Slavonic-Greek-Latin Primer by Fedor Polikarpov (1701): history and sources of trilingual elementary education in Russia." *History of Education and Children's Literature* IX, 2: 59–70.
- Thomas, Christine. 1984. "Two East Slavic Primers: Lvov, 1574 and Moscow, 1637." *The British Library Journal* 10, 1: 32–47.
- Ziel, Wulfhild. 1996. *Der russische Volksbilderbogen in Bild und Text — ein kultur- und kunsthistorisches Intermedium*. Frankfurt am Main: Peter Lang.

К проблеме исследования церковнославянской письменности в Речи Посполитой XVI–XVIII веков. Религиозно-дидактические издания двух подляшских типографий

Lilia Citko

Abstract: *On the Problem of Church Slavonic Writing in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 16–18th Centuries: Religious and Didactic Editions from Two Podlasie Printing Houses.* The boundary of Eastern and Western Christianity not only divides Slavs but also fosters the formation of specific space of their contact. For centuries, this space has been represented by Podlasie, which is the borderland of ethnos, languages and confessions. Cultural and spiritual centres of Orthodox Church — Suprasl, that possesses unquestionable significance in the history and culture of Podlasie, and Zabłudov, that is also important in some respects — were formed on this border in the 16th century. Historical monuments of writing that were created in Podlasie prove that Church-Slavonic-Ruthenian tradition has become an inseparable part of the common national heritage of the Polish Lithuanian Commonwealth. The 16th–18th centuries Cyrillic writings published in Zabłudov and Suprasl make it possible to investigate mutual permeation of elements of Slavia Romana and Slavia Orthodoxa cultures. They are also an important source in studies of the Church-Slavonic language and “prosta mova” that was entering religious texts more and more boldly.

Keywords: Polish Lithuanian Commonwealth, Podlasie, Church-Slavonic writing, Cyrillic writings, “prosta mova”

1. Введение

Включение значительной части белорусских и украинских земель в состав Великого княжества Литовского и Короны Польской создало новую культурную ситуацию, в которой церковно-русская традиция постепенно становилась компонентом культуры многонациональной и многоконфессиональной Речи Посполитой. Стоит заметить, что это была вполне сложившаяся традиция, со сформированной художественно-литературной системой, основанной на церковнославянском и древнерусском языках. Не порывая духовной связи с русской и, в целом, с восточно-христианской культурой, православные граждане I Речи Посполитой стремились творчески использовать новую обстановку и возможности, что способствовало интенсивному развитию различных жанров церковнославянской письменности (Naumow 2013, 55–62; Kuczyńska

Lilia Citko, Bialystok University, Poland, l.citko@uwb.edu.pl, 0000-0002-8340-4814

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Lilia Citko, *On the Problem of Church Slavonic Writing in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 16–18th Centuries: Religious and Didactic Editions from Two Podlasie Printing Houses*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.18, in Swetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 207–220, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

2017, 196–237), распространению кириллической печати (Błońska i Bulhak 1992, 179–89; Jaroszewicz-Pieresławcew 2003; Немировский 1979), расширению системы образования и обучения (Nosilia 2017, 141–73). В различных сферах культуры и религии большое значение приобрело меценатство. Среди ктиторов и жертвователей были аристократы, мелкое дворянство, духовенство и монастыри (ср. Naumow 1996, 11–43; Mironowicz 2003, 201–35).

Именно такому покровительству обязаны своей деятельностью две упоминаемые ниже подляшские типографии кириллического шрифта. В настоящем исследовании приводится характеристика некоторых их изданий, причем особое внимание уделяется текстам с дидактической установкой, которые в большей степени, чем строго богословская литература, отражают живой язык своего времени. В этой связи, не оставляя в стороне языковых особенностей исследуемых источников, делается попытка определить состояние зафиксированного в них языка.

Менее чем через 80 лет после выхода из краковской типографии Швайпольта Фиоля¹ древнейших церковнославянских книг в 1569 году была издана первая печатная книга на Подляшье — *Евангеліе учительное*, а годом позже вторая — *Псалтырь с Часословцем*. Сын Александра Ходкевича, создателя Супрасльского монастыря, Григорий Ходкевич, великий гетман литовский, основал в 1566 году в своем родовом имении в Заблудове типографию, работавшую на нужды Православной церкви и ее верующих². Как подчеркивают исследователи, идея создания авторитетного издательского центра в семейной резиденции родилась, с одной стороны, из честолюбиво-престижных побуждений образованного, игравшего важную роль в политической жизни Великого княжества Литовского магната, с другой, из религиозно-культурных потребностей (Mironowicz 1990, 251). Замечая растущую угрозу со стороны реформационного движения и конкурируя с покровителями протестантизма — Радзивиллами, Григорий Ходкевич стремился к повышению позиции православной общины в Польско-Литовском государстве.

Говоря об истории подляшского книгопечатания, нельзя не упомянуть о связях Заблудова с Супраслем. Григорий Ходкевич, владелец имения Заблудов, был одновременно покровителем учреждённого его отцом Супрасльского монастыря. Показательно, что обе книги, отпечатанные в Заблудове, *Евангеліе учительное* и *Псалтырь с Часословцем*, после смерти гетмана были пожертвованы Супрасльской лавре его вдовой Екатериной Вишневецкой (Немировский 1979, 87). Более века спустя именно в Супрасльском монастыре,

¹ Из этой типографии вышли четыре богослужебные книги: 2 *Триоды* (Постная и Цветная), недатированные (между 1485–1491 г.), *Часослов* и *Октоих* (датируется 1491 г.). Издание пятой книги, *Псалтыри*, упоминаемое некоторыми исследователями, является сомнительным, поскольку его копии не сохранились (Rusek 1993, 37).

² Это была одна из первых кириллических типографий Речи Посполитой. Ранее издания на кириллице печатались только в Вильно (типография Ф. Скорины 1525 г.), Бресте (типография М. Радзивилла 1533 г.), Несвиже (типография М. Кавчинского 1562 г.) и Тяпине (типография В. Тяпинского ок. 1565 г.) (Mironowicz 1990, 246).

подчиненном уже власти униатских епископов (т.е. принявшем в 1635 году устав базилианского ордена), был основан один из важнейших базилианских издательских центров Речи Посполитой, в котором кириллические печатные издания продолжали составлять важную часть продукции.

2. Издания заблудовской типографии

Осуществление Григорием Ходкевичем идеи основания кириллической типографии стало возможным после приезда в Заблудов Ивана Федорова и Петра Мстиславца — двух выдающихся московских печатников, издателей первой датированной русской книги — *Апостола* 1564 года (Łabunczew i Szczawinska 1995, 28). Работой над заблудовским *Евангелием* Ходкевич начал реализовать планы организованного им, неофициального литературно-издательского совета, в состав которого кроме Ходкевичей (Григория и его сыновей Андрея и Александра) вошли супрасльские монахи — архимандрит Сергей Кимбар, архидиакон Евстафий, представители дворянства и влиятельных литовских родов, в том числе Слуцкие князя Олельковичи, будущий канцлер Евстафий Воллович, писарь великий литовский Михаил Гарабурда, со временем также старец Артемий, бывший игумен Троице-Сергиева монастыря (Łabunczew i Szczawinska 1995, 23). Одной из главных задач совета стала подготовка к печати *Библии* на церковнославянском языке. Планы совета по разным причинам³ не осуществились, но издательская программа типографии не была заброшена. 8 июня 1568 года Федоров и Мстиславец начали печатать первую книгу — *Евангелие учительное*, а 17 марта 1569 года печать была завершена. В восточной христианской традиции *Евангелие* представляет собой собрание проповедей, евангельских наставлений на определенные дни недели и праздники. Оно существует в двух редакциях. Древнейшая, датируемая концом IX века, связана с именем болгарского епископа Константина, ученика святого Мефодия; вторая, называемая *Константинопольским патриаршим гомилиарием* неизвестного автора, относится к более позднему периоду — XII–XV векам (Łabunczew i Szczawinska 1995, 33; Jaroszewicz-Pieresławcew 2003, 43). Заблудовское издание представляет собой второй вид *Евангелия*, а его прототипом послужил один из ранних славянских переводов книги, экземпляр которой, возможно, находился в библиотеке Супрасльского монастыря⁴. Книга содержит предисловие к читателям Григория Ходкевича, вступительная часть которого, объясняющая пользу от чтения произведения, богатая ссылками на книги Ветхого и Нового Завета, возможно, вышла из-под пера супрасльского архидиакона Евстафия и заблудовского настоятеля Нестора (Łabunczew i Szczawinska 1995, 35). Помимо предисловия, *Евангелие* включа-

³ О них ср. Немировский (1979, 84–7).

⁴ Рукопись, предположительно лежащая в основе заблудовского издания *Евангелия*, некогда принадлежавшая монастырю, в настоящее время хранится в Центральной библиотеке Академии наук Литвы в Вильнюсе (ф. F.19-69), куда она была вывезена из Супрасля вместе с другими памятниками в 1877 году (Łabunczew i Szczawinska 1995, 34).

ло вступительное слово печатников к читателям и 77 евангельских поучений на воскресные дни и праздники в течение года. Впервые в печатном виде в книгу вошло также одно из самых выдающихся произведений древнерусской литературы XII века — *Слово на Вознесение Господне* Кирилла Туровского (Немировский 1979, 116).

Второе заблудовское издание — *Псалтырь с Часословцем* — было напечатано самим Иваном Федоровым⁵. Работу над книгой он начал 26 сентября 1569 года, а завершил 23 марта 1570 года. Обе части книги в значительной степени заполнены гимнографическими произведениями. На фоне более ранних изданий заблудовская *Псалтырь* выделяется, по мнению исследователей, наличием своеобразных, несвойственных восточнославянской традиции аннотаций перед псалмами, что указывает на возможность использования польских и чешских источников (Немировский 1979, 134). Вторая часть сборника *Часословец* представляет собой сокращенный вариант рукописных редакций, в том числе и хранящихся в Супрасле. Помимо гимнографических текстов в составе книги находятся таблицы, содержащие обширные астрономические и хронологические вычисления, касающиеся пасхального, солнечного и лунного циклов (Łabunsew i Szczawinska 1995, 39). Заблудовское издание *Псалтыри* открывает предисловие Ивана Федорова, содержащее обычную формулу извинения перед читателем за ошибки, затем следует предисловие Григория Ходкевича, в котором сообщается о распространении книгопечатания в Великом княжестве Литовском, этапах редакционно-текстологической работы и намерениях гетмана издавать книги на «простом языке». Третья, анонимная часть предисловия, знакомящая читателя с содержанием книги, выдержана в духе традиционных древнерусских введений с цитатами из классиков христианской литературы — Василия Великого и Иоанна Златоуста. Завершает предисловие глоссарий, содержащий объяснение непонятных слов псалтыри. По мнению исследователей, стиль, манера и лексика этой части предисловия свидетельствуют о таланте местных подляшских литераторов — Евстафия и Нестора⁶ (Łabunsew i Szczawinska 1995, 41; Mironowicz 2022).

Несмотря на кратковременность деятельности заблудовской типографии две напечатанные здесь книги оказали значительное влияние на издательскую практику на землях Великого княжества Литовского. Своеобразные графические и орнаментальные архетипы, созданные Федоровым и Мстиславцем, стали образцом для других типографий, таких, как виленская типо-

⁵ Петр Мстиславец, покинув Заблудов, переехал в Вильно (1569), где вместе с Кузьмой Мамонином основал типографию. Первым их изданием, опубликованным 30 марта 1575 года, было *Евангелие* (Jaroszewicz-Pierslawcew 2003, 59). Почти полувековое существование издательства стало символом возрождения кириллического книгопечатания в Вильно после того, как в 1525 года прекратил свою деятельность Франциск Скорина.

⁶ Жизни и деятельности Нестора Кузьмича, протопopa заблудовского, одного из инициаторов создания типографии в Заблудове, реформатора церковной жизни и защитника Православной церкви в Речи Посполитой, посвящена книга А. Мироновича (Mironowicz 2022).

графия Василия Гарабурды при издании *Евангелия учительного* около 1580 года, типография братьев Мамоничей при издании *Псалтыри* 1586 года, а также для львовских изданий *Псалтыри* 1637 и 1655 годов (Jaroszewicz-Pieresławcew 2003, 82).

Ученик заблудовских книгопечатников, Грынъ Иванович⁷, выдающийся гравер-художник, прославился как создатель кириллических курсивных шрифтов, использованных домом Мамоничей для печати *Литовского статута* 1588 года (Mironowicz 2016, 53). Графика заблудовских изданий сохранялась в типографском искусстве до XVIII века, закрепившись не только в кириллических, но и в латинских печатных текстах. Издания Федорова и Мстиславца являются образцом взаимопроникновения двух видов декоративного искусства — восточного и западного. Такие элементы, как заставки, концовки и инициалы, относятся к московским изданиям, а введенная печатниками гравюра на дереве на обороте титульного листа *Евангелия* с изображением герба Григория Ходкевича — яркое проявление связи с западным стилем орнаментации (Błońska i Bulhak 1993, 188).

3. Издания типографии супрасльского монастыря

Более чем столетняя деятельность супрасльской типографии привела к публикации 456 книг (Cubrzyńska-Leonarczyk 1993, 182). Печатные издания на польском языке насчитывали 304 наименования, на кириллице — 105⁸, на латыни — 46, на литовском языке — 1. Созданием типографии Супрасльский монастырь обязан усилиям киевского митрополита Киприана Жоховского. После его смерти (1693 г.) типографское оборудование из мастерской виленского Свято-Троицкого монастыря было перевезено в Супрасль. В 1695 году здесь завершилось печатание 22 страниц *Службника*, которые дополнительно были включены в издание, появившееся в 1692 году в Вильно. По замыслу издателей, дополнение службника текстами вечерни, полунощницы, утрени, ектений, евангельских чтений и некоторых молитв было формой его совершенствования (Naumow 1997, 82). В 1696 году вышла в свет первая книга *Житіе преподобного отца нашего великаго Онуфрія царевича перскаго* — агиографическая повесть о жизни святого Онуфрия, полностью отпечатанная в Супрасле (Jaroszewicz-Pieresławcew 2003, 126).

Публикации супрасльской типографии были рассчитаны на две категории читателей. До 1770-х годов книги печатались исключительно для униатской общины. Среди них преобладала литургическая литература, но появлялись и издания дидактического характера. В 1772 году, как пишет З. Ярошевич-Пе-

⁷ С деятельностью талантливого, но малоизвестного подляшского печатника и гравера Грынъ Ивановича, знакомит работа А. Мироновича (Mironowicz 2016).

⁸ З. Ярошевич-Переславцев корректирует это число до 85 позиций, объясняя, что издательский адрес супрасльской книгопечатни использовался в 1793–1797 годах типографией Ф. Карташова в Клинцах (Черниговская губерния) для печатания 22 изданий (Jaroszewicz-Pieresławcew 2003, 129).

реславцев, вероятно, по финансовым причинам началось печатание книг для приверженцев нереформированной Православной церкви (Jaroszewicz-Pieresławcew 2003, 128). В группе изданий, предназначенных для старообрядческой общины, преобладали богослужебные книги и молитвенники, перепечатанные с изданий, вышедших в Церкви до Раскола (Iwaniec 1988, 33–43).

Помимо своей основной издательской продукции — богослужебной литературы — супрасльская типография занималась изданием учебных материалов, в том числе учебников и словарей для изучения церковнославянского языка. Рост производства этого вида литературы последовал за важным событием в истории Униатской церкви — Замойским синодом (1720 г.), на котором были приняты многочисленные положения о латинизации восточной литургии и обрядов. Главный инициатор синода — тогдашний митрополит и архимандрит Супрасльского монастыря Лев Кишка — стал инспиратором многочисленных публикаций, направленных на повышение уровня церковнославянского языка среди униатского духовенства (Корзо 2020, 54).

Дидактические издания, выпущенные супрасльской типографией, можно разделить на нормативно-лексикографическую литературу и богослужебные книги, которые помимо своего основного церковно-утилитарного назначения выполняли также познавательные-воспитательные функции. Особенно часто в дидактических целях использовались псалтыри, «малые» часословы и учительные евангелия. Некоторые издания псалтырей содержали специальное введение, обращенное к учителям, например, изданная в Супрасле в 1780 году *Псалтырь* начиналась словами: *Наказание ко учителем, како им учить детей грамоте и како детям учиться*. Авторы предисловий к часословам обращались к молодежи с призывом к христианскому поведению в жизни и уважению к традициям предков. По данным З. Ярошевич-Переславцев книги этого типа издавались в Супрасле многократно: *Евангелие учительное* (1790 г.), *Часослов / Часовник* (6 раз в 1772–91 гг.), *Псалтырь* (6 раз в 1780–91 годах и позже) (Jaroszewicz-Pieresławcew 2003, 138–40).

Появлялись также многочисленные издания применявшихся в обучении грамоте букварей⁹, предназначенных как для православных, так и для униатов и старообрядцев. Первый известный униатский *Букварь языка славянского* был опубликован в Супрасле в 1715 году, шесть последующих изданий вышло в 1727–95 годах. Здесь же были изданы две старообрядческие церковнославянские *Азбуки* (1781 г., 1788 г.), являвшиеся перепечатками изданий из Москвы и Клинцов (Jaroszewicz-Pieresławcew 2003, 186).

Супрасльские издания, как униатские, так и старообрядческие, находили читателей в различных социальных сословиях. Провенансы, сохранившиеся во многих книгах, документирующие историю их владения, показывают, что значительную группу пользователей составляли крестьяне и купцы, а также

⁹ Изучению дидактической литературы, в том числе букварей, азбуковников, в петровской России посвящаются многие работы Марии Кристины Брагоне (ср. например Брагоне 2022, 116–31; 2014, 25–43).

монахи, чиновники, мещане и военные¹⁰. Многие публикации, изданные большими тиражами (иногда в несколько тысяч экземпляров), предназначенные для старообрядцев, попадали в самые отдаленные места, где находили убежище их гонимые читатели, например в Беларусь, Украину, Молдавию, на север и юг бывшей Руси, в Казахстан (Jaroszewicz-Pieresławcew 2003, 136).

В 1722 году в супрасльской типографии было издано *Собрание припадковъ краткое, и Духовнымъ особомъ потребное*¹¹, традиционно именуемое катехизисом Замойского собора. Книга состоит из нескольких частей: предисловия к читателям киевского митрополита Льва Кишки на церковнославянском языке, катехизиса в виде вопросов и ответов на «простой мове» и церковнославяно–польского словаря, содержащего, в основном, сакральную лексику. Публикация представляет собой жанр текста, известный как нравственное богословие, который был популярен в XVIII веке в базилианской среде. Генезис богословия связан с решениями Замойского синода, предписывавшего реформу церковно-религиозной жизни Греко-католической церкви и повышение уровня религиозного сознания верующих (Корзо 2020, 54). Сочинение, авторство которого приписывается самому Льву Кишке¹², выдержало на протяжении XVIII века много переизданий. Буквальное воспроизведение *Собрания припадков* появилось в Уневе в 1732 году, а с несколько измененным названием и содержанием — в той же типографии в 1745 году. Перепечатывалось также под названием *Богословия нравоучительная* в типографиях почевского монастыря (1751, 1756, 1787 гг.) и львовского Успенского братства (1752, 1756, 1760 гг.) (Корзо 2020, 64). Богословия, как правило, были адресованы униатским священникам или тем, кто готовился к священническому сану, и служили своего рода толкованием как догматических вопросов, так и этического воспитания верующих.

Крупнейшим издательским достижением супрасльской книгопечатни в области лексикографии церковнославянского языка является славяно-польский словарь *Лѣзиконъ сирѣчь Словесникъ славенскіи имѣющъ в себѣ словеса первѣе славенскіа азбучныа, посемже полскіа благопотребныи къ выразумѣнію словесъ славенскихъ, обрѣтающихся въ книгахъ церковныхъ*. Из печати он вышел 18 января 1722 года и содержал около четырех тысяч словарных статей, записанных кириллицей, и около пяти тысяч польских пояснений, напечатанных латиницей. Из предисловия к читателям следует, что словарь предназначался как учебное пособие для кандидатов в священнослужители униатской церкви

¹⁰ Например, *Лексикон* 1722 года до того, как попал в фонды Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, был собственностью некоего прапорщика Луки Авдоткина (Jaroszewicz-Pieresławcew 2003, 137).

¹¹ Как замечает З. Ярошевич-Переславцев, *Собрание припадков* обычно переплеталось с изданным в то же время супрасльским *Лексиконом*. Так дело обстоит и с экземпляром, хранящимся в библиотеке Варшавского университета, и с одним из двух экземпляров, хранящихся в Национальной библиотеке Польши (Jaroszewicz-Pieresławcew 2003, 191).

¹² Источники памятника анализируются в статье М. А. Корзо (2020, 53–67).

с недостаточным знанием церковнославянского языка¹³. О популярности словаря как лексикографического источника свидетельствуют три последующих переиздания, которые появились в 1751, 1756 и 1804 годах в базилианской типографии в Почаеве¹⁴. На его значение указывает и тот факт, что более века спустя *Лексикон* стал основой для *Приручного словаря славено-польского*¹⁵ (Łabyncew i Szczawinska 1995, 29). Поэтому свою роль супрасльский словарь, несомненно, выполнил, а многочисленные примечания на польском, белорусском, украинском, русском и латинском языках, сохранившиеся на нескольких десятках уцелевших экземпляров¹⁶ свидетельствуют о национальном разнообразии его читательской аудитории.

4. Дидактические издания как источник для языковедческих исследований

Кириллические издания типографий в Заблудове и Супрасле, являются ценными источниками по истории западнорусских языков, фиксирующими многие графические, фонетические, морфологические и лексические особенности, не засвидетельствованные в других памятниках XVI–XVIII веков. Особого внимания заслуживают тексты, документирующие состояние «простой мовы»¹⁷, которая в неравной степени отражена в источниках исследуемого периода.

¹³ Ср. фрагмент предисловия: «яко сотный Іерей, едва Славенскій разумѣть языкъ, невѣдай что четь, въ Божественной Службѣ, съ погибелією своеа, и порученныхъ Паствѣ его душъ».

¹⁴ Почаевские издания 1751 и 1756 годов, содержащие несколько измененный перечень слов, появились в составе *Богословии нравоучительной* (Лабынцев и Щавинская 1995, 29).

¹⁵ Полное название источника: *Приручный словарь славено-польский, или Собрание речений славенскихъ неудобъ разумѣльныхъ, обрѣтающихся въ книгахъ церковныхъ, на языкъ польскій толкованыхъ / Słownik Słowiańsko-polski: Zawierający w sobie mniej teraz zrozumiałe, w księgach cerkiewnych i do nabożeństwa służących znajdujące się słowa, dla użytku Duchowieństwa, wyznawców obrządku greckokatolickiego, miłośników starożytnego języka słowiańskiego*, Львигород / Lwów 1830. Его составителем и автором предисловия был греко-католический священник, писатель Иосиф Васильевич Левицкий.

¹⁶ З. Ярошевич-Переславцев пишет о 30 сохранившихся экземплярах словаря (Jaroszewicz-Pieresławcew 2003: 191), Ю. Лабынцев и Л. Щавинская упоминают о 40 экземплярах, 6 из которых находятся в фондах польских библиотек: Национальной библиотеки в Варшаве (2 экземпляра), Ягеллонской библиотеки в Кракове, Университетской библиотеки в Варшаве, Библиотеки Польской академии наук в Курнике и других (Лабынцев и Щавинская 1995, 31). Один экземпляр словаря хранится также в Подляшском музее в Белостоке, инв. № 8556 (Citko 2012, 36).

¹⁷ Для названия западного варианта древнерусского языка, функционировавшего в Великом княжестве Литовском, кроме определения «проста мова» употреблялись термины «рус(ь)ка мова», «русский язык», «проста руска мова» и др. Насыщенный чертами местных диалектов (белорусских, украинских), главным образом, в фонетике и лексике, и подвергавшийся все большему польскому влиянию (особенно с XVI века), этот язык развивался в оппозиции к церковнославянскому, имевшему статус священного языка, но ограниченную социальную функцию. «Проста мова», выполнявшая, в основном, прагматические функции, постепенно расширяла сферу своего употребления, охватывая различ-

В заблудовских печатных изданиях, широко применявшихся в обучении грамоте, некоторые особенности живой речи можно проследить на основе предисловий. Например, *Предисловіе книги селя Григорія Ходкевича к Евангелію учительному* написано на церковнославянском языке с примесью «простой молвы»¹⁸. Элементы живого языка отражены, главным образом, на лексическом уровне, ср. *помылка, варьста[т] друкарскіи, варстаты друкарскіа, выдруковати, властным накладом, накладу наложити, нежалуючи, за щастливаго панованія, проста молва*. Белорусские черты фиксируются также в области фонетики, ср. графические записи, указывающие на депалатализацию шипящих и свистящих согласных (*пословиць, члвцы, елицы, мятешь*), диссимиляцию *g > k* (ср. *оумакчтите*). В общем, содержание и стиль предисловия свидетельствуют о том, что Ходкевич был не лишенным литературных способностей знатоком славянского языка и письменности.

Несомненную языковую ценность представляют также издания монастырской типографии в Супрасле. Печатные тексты XVIII века имеют особое значение для изучения истории западнорусских языков. В белорусской лингвистике второй половины XX века преобладали взгляды, имеющие характер аксиомы, согласно которой XVII–XVIII века считались периодом упадка старобелорусского языка, а его функционирование в это время ограничивалось устно-разговорной сферой. Лишь в середине XIX века на диалектно-народной основе якобы произошло возрождение литературного языка, который стал использоваться интеллектуальными кругами, объединившимися в начале XX века вокруг *Нашей нивы* (1905–16), как язык художественной литературы (Жураўскі 1967; Жураўскі и Крамко 1972, 132–47).

Следует подчеркнуть, что взглядам об отсутствии преемственности белорусской языковой традиции из-за культурного регресса XVII–XVIII веков, противостоят мнения большой группы современных исследователей (А. Баханькова, Г. Ціванавай, С. Струкавай)¹⁹, считающих, что эта преемственность несмотря на определенный застой, вызванный различными факторами (многолетние войны, уменьшение численности населения белорусских земель Великого княжества Литовского), никогда не была прервана. Верификация прежних взглядов и выдвижение новых гипотез о непрерывности развития

ные виды письменности: юридические и административные документы, художественную, летописную, эпистолярную прозу, со временем и религиозную литературу, в том числе переводы Священного Писания, гомиетику, агиографию, полемические произведения. На эту тему существует богатая литература (ср. например, Мозер 2002, 221–60; Наумов 2002, 38; Мякишев 2008, 26–32; Temčinas 2017, 81–120).

¹⁸ Так определяет язык сам автор предисловия: «Помыслил же быль [...], иже бы сію книгу выразумѣніа ради простых людей преложити на простую молву, и имѣль есми о том попеченіе великое. и совещаша ми люди мдрые в том писмѣ ученые, иже прекладаніемъ з давныхъ пословиць на новые помылка чинитса немалала. ѣакоже иннѣ обрѣтаетса в книгахъ новаго переводу».

¹⁹ Обзор мнений белорусских, украинских и российских лингвистов по этому вопросу представлен в монографии И. Гапоненко (Гапоненка 2012, 43–48).

белорусского языка стали возможными, в частности, благодаря изучению религиозных текстов XVIII века²⁰.

В этом отношении, важным источником для анализа состояния белорусского языка исследуемого периода можно считать *Собрание припадков краткое, и Духовнымъ особомъ потребное* (1722 г.). Особенно ценный материал содержит занимающая 272 страницы катехизисная часть, которая отражает специфику всех языковых уровней²¹. Словарный запас памятника, документирующий общественную, культурную и религиозную жизнь белоруссов, сочетает лексику разного происхождения. Наряду с исконно восточнославянскими словами употребляются полонизмы (*млеко, оброна, цнота, рачити, вонтпливий, лацне*), церковнославянизмы (*агнець, дщерь, древо, злато, отрокъ*), а также заимствования из греческого и латинского языков (*афеистъ, гермафродитъ, неофитъ, оффициаль*).

Характерные черты белорусского языка в области фонетики фиксируют записи, отражающие: рефлексацию *ть* в виде [e]²²: *речи, телесный, в потребе, чрево* (параллельно сохраняется также *ть*: *втьры, ртьчи, обтьтница, хльба, мьсто, гртьху*); отвердение [p]: *прысланный, втьрыти, которыи* и [ц]: *працы, интенцыя*; случаи отвердения [ш'], [ж'], [ч']: *ажъ, втьрышь, наши, ртьчъ*; наличие аффрикат на месте этимологических [д'] и [т']: *зацмятса, цётку* (поскольку такие записи немногочисленны, они могут рассматриваться также как орфографические заимствования из польского языка); переход [e] в [o]: *малжонку, злучоными, пришовъ*; наличие своеобразно обозначенной аффрикаты [дж]: *дрождзистое, зеждзати*; устранение хиатуса путем введения [в]: *навукъ*; наличие неслогового [ў], последовательно отражаемого в виде *-въ* в глагольных формах прошедшего времени, ср. *бывъ, кинувъ, сказавъ*.

Наименьшее количество белорусских инноваций в языке памятника можно наблюдать на уровне морфологии. Текст *Собрания припадков* хорошо сохранил особенности церковнославянского языка в пределах всех частей речи. Значительной вариативностью характеризуется лишь категория причастий, документирующая параллельное употребление церковно- и восточнославянских форм, ср. *раняции, тримаюции, гладяции // радляци, помагаюци, друкуюци* и др. Формы деепричастий последовательно используются с суффиксами, свойственными белорусскому языку: *-чи* в настоящем времени, ср. *дакуючи, мовачи, чинечи, працуючи*, и *-вши* в прошедшем, ср. *взавши, покинувши, пришовши*.

²⁰ Такого мнения придерживается также польская исследовательница униатских изданий И. Гетка (Getka 2018, 177–90).

²¹ Более подробному анализу языковых особенностей памятника посвящена статья А. Журавского (Жураўскі 2006, 391–402).

²² В анализируемом тексте не документируется изменение *ть* в [и], характерное для украинского языка и некоторых смежных южнобелорусских диалектов (Векслер 2004, 161). Одновременно надо отметить случаи употребления графемы *ѣ* на месте этимологического [и], ср. *мовѣти, носѣти, ходѣти, вѣна*, что А. Журавский считает своеобразной орфографической чертой памятника, хотя не исключает также специфики рефлексации *ть* в подьяшских говорах (Жураўскі 2006, 394).

Определенную языковую ценность представляет также лексикографическое издание типографии монастыря — *Леґиконь сиртьчь Словесникъ славенскій*. Супрасльский *Лексикон*, разработанный на основе труда Беринды *Лексиконъ славенорвисскій и именъ толькованіе* стал первым церковнославяно-польским переводным словарем. Его функционально-утилитарный характер (лексикон был предназначен для униатских кандидатов в священнослужители) обусловил значительные модификации в микро- и макроструктуре по сравнению с протографом²³. Целью лексикографического замысла супрасльских базилиан было создание настольного пособия, поясняющего при помощи польских эквивалентов непонятные слова, содержащиеся в богослужебных книгах. Перечень заглавных слов включает, в основном, церковнославянскую лексику, отражающую фонетические и морфологические особенности, характерные для этого языка²⁴, а семантически образующую обширную и категориально разнообразную группу сакральных терминов (*ипостась, таинство, просфомидіа, просфора, параклисъ, кивоть, ладань, епендитъ, инокъ* и др.). Кроме того словарь фиксирует абстрактную лексику (*распра, ропоть, скверна, страсть, дерзновение*) и лексику, связанную с повседневной жизнью (в том числе наименования профессий: *ковачь, звожчикъ, вознакъ*, названия животных (иногда экзотических): *пилюкъ, пификъ, рабка, удодь*, стилистически маркированную, разговорную лексику, ср. *трибухъ* ‘желудок’. Свое отражение в регистре заглавных слов нашла также лексика, заимствованная из польского языка, которая во время создания источника, т. е. в XVIII веке, была неотъемлемой частью словарного запаса западнорусских языков, ср. *катехумень, пекло, сакраментъ, велможя*. Следует заметить, что лексикограф, включая в словарный перечень полонизмы, пытался иногда адаптировать их путем формальных модификаций к русским образцам, например пол. *twierdza* ‘крепость, башня’ записывается как *твержа* (замена *dz* на *ж* согласно русской рефлексации *dj). В основном, однако, польский использовался как метаязык в толковой части словаря. Выступая в этой функции, закрепил он много фонетических и лексических регионализмов, образованных под влиянием украинского и белорусского языков, ср. *brozna* — пол. *bruzda*, бел. *баразна*, укр. *борозна* ‘борозда’; *otruta* — пол. *trucizna*, бел. *атрута*, укр. *отрута* ‘яд, отравя’ и др.²⁵.

5. Заключение

Кириллические издания двух подляшских типографий, несомненно, занимают важное место в достижениях западнорусского книгопечатания. Соз-

²³ Структура словаря характеризуется во вступительной статье факсимильного издания супрасльского *Лексикона* (Citko 2012, 29–35).

²⁴ Фонетические и морфологические особенности рассматриваются во введении к факсимильному изданию супрасльского *Лексикона* (Citko 2012, 17–27).

²⁵ Польскую лексику пояснительной части словаря исследовали В. Витковский (Witkowski 1992, 209–13) и А. Цитко (Citko 2020, 595–605).

данные в Заблудове московскими печатниками типографско-декоративные художественные образцы, сочетающие восточнославянские и западноевропейские элементы, сохранились в изданиях многочисленных типографий Великого княжества Литовского вплоть до XVIII века. Другим, не менее важным, аспектом функционирования типографии было влияние, которое она оказала на религиозное и национальное самосознание православной общности Польско-Литовского государства, выражая стремление светских меценатов защитить православие от экспансии реформатских конфессий и усиливающего свои позиции католицизма. Печатные издания, служащие распространению литургических текстов среди православных верующих, стали одним из элементов реформирования Церкви, ослабленной как изнутри (секуляризация духовенства), так и снаружи (реформаторские движения).

Тематически разнообразные кириллические издания базилианской типографии в Супрасле — от богослужебных книг по дидактическую литературу — нашли многочисленных адресатов в униатских, старообрядческих и православных общинах как в Речи Посполитой, так и за ее пределами (в Московском государстве). Отражая взаимопроникновение традиций *Slavia Romana* и *Slavia Orthodoxa* как следствия Брестской унии (1596), супрасльские издания стали проявлением открытости культуры, созданной различными национальными и конфессиональными группами Польско-Литовского государства. Важным элементом этой культуры был язык, в своей основе церковнославянский, но все чаще документирующий черты живого белорусского наречия, зафиксированные в предисловиях заблудовских вероучительных пособий и в религиозно-дидактических текстах супрасльских изданий.

Источники

- Предисловіе книги сел. Евангеліе оучительное. Заблудов 1569. В Łabyncew, Jurij, i Szczawinska, Łarisa. 1995. *W mieście zwanym Zabłudowem*. Białystok: Orthdruk.
- Собраніе припадковъ краткое, и Дѣховнымъ особомъ потребное. Имѹщее в себѣ Науки о Сакраментахъ, о десяти Божіихъ Приказаняхъ, о Приказаняхъ Церковныхъ, и о Науцѣ Христіанской, съ выкладомъ Символа, или Исповѣданія Вѣры Православныа Кафолическіа, съ выкладомъ Матвы: Оче нашъ и Бѣде Дѣво. Такожде Науки, како подобаеть наставляти малыхъ или невѣжовъ в Вѣры Православной содержащее. Супрасль 1722.
- Леѣзиконъ сирѣчь Словесникъ славенскіи имѹющъ в себѣ словеса первѣе славенскіа азбучныа, посежме полскіа благопотребный къ выразумѣнню словесъ славенскихъ, обрѣтающихся въ книгахъ церковныхъ. Супрасль 1722.

Литература

- Брагоне, Мария Кристина. 2014. “Один церковнославянско-греческий рукописный азбучник из коллекций РГАДА (К изучению лексикографии во второй половине XVII века).” In *Contributi italiani al XIII Congresso Internazionale degli Slavisti (Ljubljana 15-21 agosto 2003)*, a cura di Alberto Alberti, Marcello Garzaniti, e Stefano Garzonio, 25–43. Firenze: University Press.

- Брагоне, Мария Кристина. 2022. “Бестиарий в «Букваре» Карнона Истомина и воспитание царевича Алексея.” *Quaestio Rossica* 10, 1: 116–31. DOI: 10.15826/qr.2022.1.662.
- Векслер, Пол. 2004. *Гістарычная фаналогія беларускай мовы: пераклад з англійскай*. Мінск: І.П. Логвінаў / Wexler, Paul. 1977. *A Historical Phonology of the Belorussian Language*. Heidelberg: Carl Winter.
- Гапоненка, Ірына А. 2012. *Лексіка беларускай літаратурнай мовы XIX — пачатку XX ст. Асаблівасці станаўлення і развіцця*. Мінск: БДУ.
- Жураўскі, Аркадзь. 1967. *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы*. Т. 1. Мінск: Навука і тэхніка.
- Жураўскі, Аркадзь і Іван Крамко. 1972. “Важнейшыя адрозненні паміж новай і старой беларускай літаратурнай мовай.” В *Беларускае і славянскае мовазнаўства: да 75-годдзя акадэміка Кандрата Кандратавіча Крапівы*, рэд. Міхаіл Суднік, 132–47. Мінск: Навука і тэхніка.
- Жураўскі, Аркадзь. 2006. “Апошняя старабеларуская друкаваная кніга.” W *Gwary i opomastyka pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego i słowiańsko-bałtyckiego*, red. Lilia Citko, Bazylі Siegień, 391–402. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku.
- Корзо, Маргарита А. 2020. “Некоторые замечания об источниках униатского богословия рубежа XVII и XVIII вв.: к 300-летию замойского собора 1720 г.” *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви* 97: 53–67. DOI: 10.15382/sturII202097.53-67.
- Лабынцев Юрий А. и Лариса Л. Щавинская, сост. 1995. *История книжной культуры Подляшья. Супрасльський церковнославяно-польський словарь 1722 г.* Минск: Российская Академия Наук, Институт славяноведения и балканистики РАН, Центр белорусоведческих исследований.
- Мозер, Михаель. 2002. “Что такое простая мова?” *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae* 47, 3–4: 221–60.
- Немировский, Евгений А. 1979. *Иван Федоров в Белоруссии*. Москва: Книга.
- Bońska, Maria i Henryk Bulhak. 1993. “Na tropach książek cyrylickich wydawanych w państwie polskolitewskim w XV–XVIII wieku. Próba charakterystyki.” W *Najstarsze druki cerkiewnosłowiańskie i ich stosunek do tradycji rękopiśmiennej*, red. Wiesław Witkowski, Jerzy Rusek, Aleksander Naumow, 179–89. Kraków: Instytut Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Citko, Lilia, red. 2012. *Лежыконь сирьчъ Словесникъ славенскіи імѣющъ в себѣ словеса первѣ славенскіа азбучныа, посежме полскіа. Słownik cerkiewnosłowiańsko-polski*. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku. DOI: 10.24425/slo.2020.134738.
- Citko, Lilia. 2020. “Słownictwo regionalne polskojęzycznej części *Leksykonu supraskiego* (1722) na tle słowiańskim.” *Slavia Orientalis* LXIX (3): 595–605.
- Cubrzyńska-Leonarczyk, Maria. 1993. *Oficyna supraska 1695–1803. Dzieje i publikacje unickiej drukarni ojców bazylianów*. Warszawa: Biblioteka Narodowa.
- Getka, Joanna. 2018. “Белорусский язык XVIII в. — исследовательские постулаты.” *Studia Białorutenistyczne* 12: 177–90. DOI:10.17951/sb.2018.12.177-190
- Iwaniec, Eugeniusz. 1988. “Język i piśmiennictwo cerkiewnosłowiańskie w kulturze staroobrzędowców na ziemiach polskich.” *Roczniki Humanistyczne* 36 (7): 33–43.
- Jaroszewicz-Pieresławcew, Zoja. 2003. *Druki cyrylickie z oficyn Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI–XVIII wieku*. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego.

- Kuczyńska, Marzanna. 2017. "Homiletyka cerkiewna Pierwszej Rzeczypospolitej na pograniczu kultur (do połowy XVII wieku)." W *Kultura Pierwszej Rzeczypospolitej w dialogu z Europą. Hermeneutyka wartości*. T. XI. *Między Wschodem i Zachodem. Prawosławie i unia*, red. Marzanna Kuczyńska, 196–237. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Łabyncew, Jurij i Łarisa Szczawinska. 1995. *W mieście zwanym Zabłudowem*. Białystok: Orthdruk.
- Mironowicz, Antoni. 1990. "Powstanie zabłudowskiej oficyny wydawniczej na tle sytuacji wyznaniowej w Wielkim Księstwie Litewskim." *Acta Baltico-Slavica* XIX: 245–64.
- Mironowicz, Antoni. 2003. "Kultura prawosławna w dawnej Rzeczypospolitej." *Elpis* 5, 7–8: 201–35.
- Mironowicz, Antoni. 2016. *Hryń Iwanowicz, nieznanany malarz, grawer i drukarz*. Białystok: Libra s.c. Wydawnictwo i Drukarnia PPHW.
- Mironowicz, Antoni. 2022. *Protopop zabłudowski Nestor Kuźmicz*. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku.
- Naumow, Aleksander. 1996. *Wiara i historia. Z dziejów literatury cerkiewnosłowiańskiej na ziemiach polsko-litewskich*. Kraków: Krakowsko-wileńskie studia slawistyczne. Seria poświęcona starożytnościom słowiańskim. Tom 1.
- Naumow, Aleksander. 1997. "Przedmowy metropolity Cypriana Żochowskiego w wileńskim służebniku z 1692 roku." *Acta Polono-Ruthenica* 2: 81–90.
- Naumow, Aleksander. 2002. *Domus divisa. Studia nad literaturą ruską w I. Rzeczypospolitej*. Kraków: Collegium Columbinum.
- Naumow, Aleksander. 2013. "Piśmiennictwo cerkiewnosłowiańskie jako składnik kulturowego uniwersum I Rzeczypospolitej." W *Colloquia Orientalia Bialostocensia*. Tom 3: *Pogranicza, Kresy, Wschód a idee Europy*, Seria I: Prace dedykowane Profesor Swietłanie Musijenko, red. Anna Janicka, Grzegorz Kowalski, i Łukasz Zabielski, 55–62. Białystok: Uniwersytet w Białymstoku.
- Nosilia, Viviana. 2017. "Oświata ruska na ziemiach wschodnich Rzeczypospolitej w XVII wieku." W *Kultura Pierwszej Rzeczypospolitej w dialogu z Europą. Hermeneutyka wartości*. T. XI. *Między Wschodem i Zachodem. Prawosławie i unia*, red. Marzanna Kuczyńska, 141–73. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Rusek, Jerzy. 1993. "Oktoich Sz wajpolta Fiola a rękopiśmienne Oktoichy w księgozbiorach polskich." W *Najstarsze druki cerkiewnosłowiańskie i ich stosunek do tradycji rękopiśmiennej*, red. Wiesław Witkowski, Jerzy Rusek, Aleksander Naumow, 37–44. Kraków: Instytut Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Temčinas, Sergejus. 2017. "Języki kultury ruskiej w Pierwszej Rzeczypospolitej." W *Kultura Pierwszej Rzeczypospolitej w dialogu z Europą. Hermeneutyka wartości*. T. XI. *Między Wschodem i Zachodem. Prawosławie i unia*, red. Marzanna Kuczyńska, 81–120. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Witkowski, Wiesław. 1992. "O polszczyźnie bazylikańskiego słownika supraskiego z 1722 r." W *Słowiańskie pogranicza językowe. Zbiór studiów*, red. Kwiryna Handke, 209–13. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy.

Да что видит, сие и назовет: букварь Кариона Истомина как учебный текст рубежа эпох

Екатерина Ромашина

Abstract: *Call it What You See: Karion Istomin's Primer as an Educational Text on the Boundary of Epochs.* The article is devoted to Karion Istomin's illustrated primer. The first part of the article presents an historiographical review of the scholarly literature. Next comes a comparative analysis of the handwritten and printed versions of the book. The author emphasizes the primer's historical, cultural and didactic aspects, and discusses the interrelationships between letters, words, and poems, as well as its visual scope. She examines the assumptions about the mechanisms of the primer's creation and about its use in educational practice of the late seventeenth-century, a period regarded as a boundary between historical epochs in Russia.

Keywords: primer, Karion Istomin, 17th century, literacy, textbook, manuscript

Букварь Кариона Истомина не нуждается в особом представлении читателю. Этот памятник не был обделен вниманием исследователей, он достаточно хорошо изучен и описан историками, филологами, искусствоведами.

Большое количество опубликованных работ ставит особую задачу их историографического обзора, который мы выполним в начале этой статьи с надеждой хотя бы отчасти преодолеть границы междисциплинарности научного знания в исследованиях учебных текстов.

Основной же акцент будет сделан на историко-культурном и дидактическом аспектах анализа: соотношении и взаимосвязях между отдельными структурными элементами текста и визуального ряда букваря — слов, изображений и нравоучительных стихов.

Первоначально букварь стал известен исследователям в его печатной версии. В 1822 году в журнале *Северный Архив* вышла статья В.Н. Берха *Археология. Букварь Кариона Истомина 1691-го года* (Берх 1822)¹. Впервые был издан текст учебника, а также приведена литография одной страницы (буква Ж), и дано толкование некоторых слов. В распоряжении Берха оказался экземпляр, сохранившийся не полностью — не доставало заглавного листа и части предид-

¹ В том же году статья вышла отдельным оттиском с иным заглавием: *Азбука Кариона Истомина, в 1691 году*. СПб.: Тип. Н. Греча, 1822. 27 с.

Ekaterina Romašina, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Russian Federation, romashina@tolstovskiy.ru, 0000-0003-0655-2183

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Ekaterina Romašina, *Call it What You See: Karion Istomin's Primer as an Educational Text on the Boundary of Epochs*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.19, in Svetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 221-233, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

словия, последней буквой значилась фита. Берх был военным моряком, участником кругосветной экспедиции И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского, а в отставке — официальным историографом русского флота. Будучи знатоком и любителем древностей, он, однако, не стал как-либо интерпретировать обнаруженный им в Соликамском уезде книжный памятник XVII века, лишь назвал его «любопытным» и предоставил читателю «прочитать его с удовольствием» и самому судить о «достоинствах труда» (Берх 1822, 3, 26).

Экземпляры печатного издания букваря были упомянуты П. М. Строевым в *Обстоятельном описании библиотеки Ф. А. Толстого* (Строев 1829, 365–76) и позднее И. Ф. Токмаковым в *Обзрении Библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел* (Токмаков 1879, 15–16). Оба отмечали, что книга «редка».

Комментарий к творению Кариона Истомина впервые был дан Ф. И. Буслаевым в его хрестоматии (Буслаев 1861, стб. 1300–1302). Чуть позднее книгу коротко охарактеризовал П. П. Пекарский в фундаментальной *Науке и литературе в России при Петре Великом* (Пекарский 1862, 172–73). Написал о букваре и И. Е. Забелин, помещая его среди прочих учебных изданий XVII века (Забелин 1862, 162–64).

Первое сравнительно обширное исследование жизни и трудов Кариона Истомина вышло из-под пера Сергея Николаевича Браиловского (1861–19? г.) — провинциального учителя словесности и авторитетнейшего историка литературы. В опубликованной им брошюре букварю было уделено заметное место: сопоставлены рукописный (1692 г.) и печатный (1694 г.) экземпляры с акцентом на текстах посвящения и предисловия (Браиловский 1889, 67–78). За сочинение *Один из пестрых XVII-го столетия: Карион Истомин* Браиловский был удостоен премии Императорской Академии Наук (Лазарев 2010).

Полностью — включая все листы предисловия — текст букваря был опубликован Д. А. Ровинским в собрании *Русские народные картинки* (Ровинский 1881: 484–503), переиздание его труда в 1901 г. было дополнено копиями страниц Ж, Ъ, Щ.

В 1916 году *Букварь* был издан отдельной книгой с предисловием и комментариями архивиста и литературоведа Ивана Тарабрина. Эту работу не часто упоминают исследователи, между тем она заслуживает подробного рассмотрения. Фактически Тарабрин выполнил подробный сравнительный анализ пяти рукописных списков и двух печатных изданий букваря. Результаты были представлены им в нескольких интереснейших разделах книги. Во-первых, установлены сохранившиеся рукописные варианты труда Истомина, дана краткая характеристика каждой из рукописей и по возможности реконструирована ее история. Последний по времени, пятый список, выполненный уже с печатного издания, был помечен Тарабриным литерой П². Первый — соб-

² Находится в коллекции Российской государственной библиотеки (Москва): Букварь Кариона Истомина [Рукопись]: [лицевой]: список с печатного издания 1696 г. [Б.м.], не ранее 1718 г. 23 л.: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01009634831?page=9&rotate=0&theme=white>.

ственно автограф Кариона Истомина, не имевший достоверной датировки, был обозначен им как Ч — черновик³. В этой рукописи не было изображений, только буквы, отдельные слова и стихотворные тексты, отразившие творческий процесс создания букваря: зачеркивания, вписывание дополнительных слов, поиск композиционного решения страницы и т.п. Еще с одним текстом Тарабрин познакомился в собрании графа А. С. Уварова, потому обозначил его — У⁴. Этот экземпляр интересен тем, что в нем присутствовали изображения и фигурные инициалы, но не имелось подписей к картинкам. Он был выполнен в 1691 году и адресован царице Наталье Кирилловне. Третий по хронологии создания вариант наиболее известен сегодня. Он датирован 1693 годом и был выполнен к именинам трехлетнего царевича Алексея Петровича. Список находился в архиве Министерства иностранных дел, потому обозначен в работе Тарабрина — А⁵. И, наконец, четвертый вариант рукописного букваря (принадлежавший И. Н. Царскому и потому названный Тарабринным — Ц) был создан в 1693 году и поднесен царице Прасковье Федоровне, супруге Ивана Алексеевича, для обучения дочерей Екатерины и Анны⁶. Тарабрин отмечал, что ему известны 15 экземпляров печатного букваря Кариона Истомина⁷ и полагал, что таких изданий было как минимум два.

Крайне интересная часть комментариев Тарабрина — сравнительный анализ лексического состава четырех рукописных и печатного экземпляров букваря. Исследователем составлен алфавитный список всех слов — подписей к изображениям; для каждого указано, в каком(их) вариантах оно встречается; изложены предположения, откуда это слово могло быть заимствовано (*Лексикон Памвы Берынды, Азбуковник* из собрания Н. С. Тихонравова, *Физиолог, Космография* и т. д.). Кроме того, приведены значения (иногда несколько) для устаревших и заимствованных слов. Отметим очень строгий справочный аппарат Тарабрина — все утверждения снабжены четкими ссылками на источники.

И, наконец, еще одна часть той же работы — публикация Тарабринным различных списков букваря. Соответствующие листы вариантов У, А, Ц и П были размещены им в одном пространстве — каждая буква на отдельной

³ В настоящее время рукопись находится в собрании рукописей Государственного исторического музея (Москва, инв. номер Чуд. 302, номер ГИМ 80370/3537). Некоторые страницы этого варианта размещены на сайте музея; а также опубликованы: Исаева 2018.

⁴ В настоящий момент находится в коллекции Государственного исторического музея (Москва, инв. номер Увар. 73-1°, номер ГИМ 80269/75).

⁵ Сегодня находится в собрании Музеев Московского кремля.

⁶ Находится в коллекции Государственного исторического музея (Москва, инв. номер Увар. 92-1°, номер ГИМ 80269/94).

⁷ Сегодня исследователи насчитывают 20 экземпляров: 10 хранятся в коллекции Государственного исторического музея, 1 — в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург), 1 — в научной библиотеке Иркутского государственного университета, 1 — в научной библиотеке Казанского университета им. Н.И. Лобачевского, 1 — в историко-архитектурном музее «Александровская слобода» (г. Александров, Московская область), 1 — в коллекции Музея Российской академии художеств; несколько находятся в частных коллекциях.

странице. Тем самым создана возможность сравнительного анализа набора слов и изображений⁸.

Кем были рисовальщики рукописных экземпляров букваря, неизвестно, печатный же вариант был гравирован знаменщиком Серебряной палаты Леоном Буниным (ок. 1650 – после 1714). Визуальный ряд привлекал к себе внимание никак не меньше, чем тексты, но по понятным (в основном, техническим) причинам исследования с акцентом на иллюстрациях появились позднее и принадлежали главным образом искусствоведам. Первая попытка такого рода была предпринята Д. А. Ровинским. Он считал, что «книга замечательная в археологическом отношении по множеству находящихся в ней изображений и названий», однако гравюры Бунина «рисованы плохо и гравированы почти все с иностранных образцов нечисто и наскоро», выполнены «на манер старых немецких букварей» (Ровинский 1870, 161–64). В *Подробном словаре русских гравюров* 1895 года Ровинский повторил: «гравюры рисованы и резаны плохо», однако подробно описал визуальный ряд букваря и поместил копии его нескольких страниц (Ровинский 1895, стб. 118–23).

С оценочными суждениями Ровинского не согласился А. А. Шемшурин, который подробно проанализировал фигурные инициалы и орнаменты *Букваря* и, сравнив рукописные и печатные варианты, считал, что в работах Бунина заметно следование западноевропейским образцам, особенно *Азбуке* итальянского художника и гравера Джузеппе Мителли (Шемшурин 1917; *Alfabeto* 1686). Однако — отметил Шемшурин — «родство между ними возможно лишь при посредстве нескольких поколений», т.е. существовали либо «азбуки-посредницы», либо общий источник, некий принятый «канон» изображений (Шемшурин 1917, 16, 40).

В годы Советской власти букварь Кариона Истомина не привлекал к себе особенного внимания российских исследователей — вероятно, в силу «классовой чуждости» учебника для царских детей. Однако к 1980-м годам интерес к нему возродился в полной мере. В 1981 году вышло факсимильное издание, и широкий круг исследователей получил доступ к этому любопытному источнику (Истомин 1981).

Новшеством этого историографического периода стало формирование некой «патриотической позиции»: к букварю обратились педагоги и историки образования и, справедливо усмотрев аналогии с *Orbis sensualium pictus*, провозгласили Кариона Истомина прямым продолжателем дела Яна Амоса Коменского, наследником его идей и «педагогом-новатором», превзошедшим великого чеха и серьезно опередившим свое время (Истомин 1981; Медведь 2017; Букатов 2018; Кашинская и Федотова 2020; Богданов 2020; Косицына 2022 и др.). Истомину приписывали осознанное создание первой в России рецепции *Orbis pictus*; отказ от буквослагательного метода

⁸ См. Истомин Карион. 1916. Лицевой букварь Кариона Истомина. Предисл. и коммент. Ивана Тарабрина. Москва: тип. Г. Лисснера и Д. Собко. Таблицы XV–LIII. <https://vivaldi.nl.ru/bx000006827/view/?#page=93>

обучения грамоте в пользу звукового; последовательное соблюдение «принципа наглядности обучения»; разработку метода «чтение – письмо» и даже успешную реализацию идей Коменского о «материнской школе». Полагаю, что подобная экстраполяция современных представлений о процессе образования и методиках обучения грамоте на XVII век весьма сомнительна. Она ничего не прибавляет к нашему пониманию той эпохи, и зачастую подменяет вдумчивый анализ декларациями и лозунгами. Вместе с тем, отметим, что возникновение формулировок типа букварь Истомина — «ноу-хау русского образования» (Медведь 2017, 2) не беспричинно. Дело в том, что мы не знаем, как именно учили по *Букварю*: состав, структура, функциональная нагрузка его компонентов уникальны и крайне противоречивы, они плохо укладываются в стройную гипотезу и не поддаются сколько-нибудь достоверной реконструкции...

Тем не менее, в последние годы появились очень интересные работы с глубоким анализом различных аспектов *Букваря*.

Прежде всего, отметим статью Л. В. Мошковой, которая предлагает воспринимать труд Истомина не как собственно учебник, но скорее как «шедевр» — образцовое изделие, поднесенное автором царице Наталье Кирилловне для демонстрации своих умений и в стремлении получить место учителя при наследнике (Мошкова 2013). Автор соотносит букварь с распространенными в то время «потешными листами» и полагает, что способ учебной работы с ним — «объяснительное чтение»: разглядывание ребенком картинок, сопровождающееся чтением и комментариями взрослого. Как учебник букварь был царевичу «не по возрасту», — полагает исследователь. А вот когда время учиться грамоте для него настало, Карионом Истоминным был подготовлен и издан так называемый «большой букварь» — вполне традиционный по своему составу и логичный с точки зрения методики обучения чтению.

Очень продуктивной представляется работа искусствоведа О. Р. Хромова (Хромов 2015), посвященная иконографическим источникам букваря. Исследователь считает букварь «удивительным изданием, в котором отразились все художественные пристрастия, движения эпохи с интересом к западноевропейским образцам и собственным традиционным формам и сюжетам», а «гравюры Л. К. Бунина — типичным образцом эпохи, соединяющим новое и традиционное, собственные интерпретации композиций и иконографий художника с точным копированием образца» (Хромов 2015, 10). Важным видится наблюдение Хромова о букваре как об одном из «явлений книжной культуры, которые возникали в средневековом типе книжности, по сути разрушали его и одновременно оставались связующей нитью с книжной культурой Нового времени» (Хромов 2015, 8).

М. Ю. Савельева подробно рассмотрела фигурные инициалы разных вариантов «лицевого букваря» и интерпретировала их как «своеобразный универсум», аналогичный западным фигурным алфавитам позднего Средневековья (Савельева 2016, 295). «Словно ощущаешь течение времени, — пишет исследователь, — видишь, как буквально в пределах версий одного

памятника отмирает средневековая символика: где-то она еще явственна, где-то сохраняются лишь отголоски прежних смыслов, осознанность которых небесспорна, где-то им на смену приходят полудекоративные фантазии. Не все поддается истолкованию, но [...] впечатляет своим разнообразием» (Савельева 2016, 293). Савельева полагает, что фигурные инициалы и нравоучительные стихи букваря связаны «ключевой для христианского Средневековья темой борьбы с грехами» — «сосредоточенностью на противоборстве добродетели и порока и необходимости постоянной открытости Богу».

В ряде исследовательских работ последнего времени выделены и рассмотрены отдельные аспекты содержания букваря. Отметим, что в них, как правило, осуществлен комплексный анализ изображений и текстов. Так Гэри Маркер рассматривает букварь как «political tutorial» — определяя совпадения между картинками букваря и изображениями на гербах отдельных российских земель (Marker 2017). Естественнаучные понятия, отразившиеся в текстах и картинках букваря, анализирует А. Н. Медведь (Медведь 2017), а Т. В. Чумакова — этические категории в контексте изданий русской религиозно-дидактической литературы (Чумакова 2021). Ю. Э. Шустова выделяет в труде Кариона Истомина образ города — сакрального пространства «защиты человека от сетей греха» (Шустова 2021). М. К. Брагоне предлагает читателю взглянуть на букварь как bestiарий — выделив и перечислив всех животных, населяющих страницы этой книги (Брагоне 2022).

В заключение обзора отметим, что очень продуктивными представляются работы, презентующие результаты поэземплярного анализа букваря Истомина — как рукописных, так и печатных его вариантов (Алексеева 2011; Иванова 1987; Хромов 2015; Исаева 2018 и др.). Такие усилия приближают нас к разгадке предназначения букваря, помогая реконструировать реальные практики его использования.

Итак, как же учили по букварю?

Мы проанализируем доступные версии рукописных и печатных вариантов (обозначая их литерами по Тарабрину) и, сопоставив изображения, слова и тексты, попробуем высказать некоторые предположения.

Собственно говоря, «методику» работы с учебным пособием изложил в Предисловии сам Истомин⁹:

По^а всакамъ же письменемъ, ради любезнагѡ созерцаніа отрочатѡмъ учащи^а сѡа предложены виды во удобное званіе в складѣ: да что видит, сіе и назоветъ слогомъ писмене достолѣпнагѡ начертаніа тех. Яакѡ А Адам, алектор, Аспидъ и про^а. Б брань, брада, бичъ. В вѣнецъ, виноградъ, воинъ. Градъ, гробъ. И весь букварь такѡ изъавлен. Зане сими писмены вещи в скла^а, или слогъ имуть начало.

Ини же, яакѡ Ъ и Ы, ини не начинаютъ вещи названіа, но припрагаются к другимъ письменемъ. И тѣхъ словъ всак смотри в срединѣ или в концѣ реченій,

⁹ Этот фрагмент идентичен в рукописном варианте 1691 года (У) и печатном издании 1694 года.

в своемъ ихъ порѣкъ по Азбуки славенской. ІАКЃ сіе: Бабръ, Багоръ, Вербъ, Седь, и прочее. И на тѣ видообразныя вещи приличне юнымъ людемъ метафоричнѣ сіестъ преносъ, еже ѿ вещей слово къ дѣлу потребну вземлетса, стѣхи нравоучительны суть (Карион Истомина 1694, Предисл.).

Т. е.: ребенок знакомится с буквой и запоминает ее, затем рассматривает картинки и называет словом то, что на них изображено, далее происходит «метафоричный перенос» образа на смысл нравоучительного стихотворения. Конечно, ребенок не мог прочитать ни слова под картинками, ни, тем более, тексты — он пока не знал всех букв. Отметим, что, не умея читать, иногда трудно догадаться, что изображено на страницах букваря Кариона Истомина, и подобрать нужное слово: наконечник стрелы с тупым концом — *томар*, костяная ступка — *иготь*, шакал — *исхниллат* и т.д. Однако подобная ситуация удивлять нас не должна: даже в конце XIX века в российских иллюстрированных азбуках можно было встретить сочетания картинок и слов типа «О — Огнедышущая гора» (изображен извергающийся вулкан), «Ф — Федя» (мальчик с платком), «Ъ — ездок» (всадник на лошади) и т. д. В учебниках XIX века такое положение дел отчасти объяснялось недоступностью и дороговизной изобразительного материала. Но в букваре Истомина не могло быть такой проблемы — художнику все равно, что рисовать «от руки», однако диссонанс налицо. Одно из возможных объяснений — предположение о первичности слов-подписей по сравнению с рисунками в самом процессе создания рукописной книги. Это подтверждается обращением к автографу — «черновому» варианту букваря (Ч). Очевидно, Истомина подбирал слова к буквам, решая одновременно две задачи: познакомить ребенка с разнообразием окружающего мира и использовать максимум буквенных сочетаний в словах русского языка. На первой задаче не будем останавливаться — здесь исследователями написано достаточно (Marker 2017; Исаева 2018; Брагоне 2022 и др.). Сделаем акцент на второй.

Ориентируясь на справочник Тарабрина и опубликованные страницы автографа Истомина, обнаруживаем, что в варианте Ч имелись слова, которые не вошли затем в последующие экземпляры букваря, включая печатный: *адамит*, *дождь*, *есень* (осень), *ботян птиц* (самка аиста), *еродий птиц* (Псалом 103: 17, аист), *иго*, *индият*, *исполин*, *меск* (Псалом 31: 9, мул), *мерило*, *ноздря*, *одр*, *окно*, *окончина*, *опока*, *опреснок* (пресный хлеб), *оскорд* (большой топор), *рожа*, *снег*, *фиал*, *философия*, *хвост*, *хобот*, *шашки*, *щенок*, *юпитер планета*. Условно их можно разделить на несколько групп. Первая — это явления, которые художник, вероятно, не смог нарисовать, *дождь*, *снег*, *осень*, *иго*, *философия*. Вторая — предметы, отличия которых от аналогичных трудно определить визуально: *адамит*, *ботян*, *еродий*, *меск*, *одр*, *оскорд*, *опреснок*, *рожа*, *шашки*, *щенок*. Учтем, что в букваре есть слова и соответствующие рисунки — *анфраз камень*, *ложе*, *топор*, *осел*, *хлеб*, *шахматы*, *хорт*. Отличить просто топор от большого топора, конечно, затруднительно и т. п. И, наконец, к третьей группе отнесем слова, которым, вероятно, было отдано предпочтение в силу их большей наглядности: *нос* — вместо *ноздря*, *мера* — вместо *мерило* и т. д.

Конечно, это всего лишь гипотеза: в букваре есть изображения — *власы, пена, чешуя, язык* и др. — которые при разглядывании весьма трудно идентифицировать и назвать. Иногда для передачи понятия художник использовал олицетворение: *музыка, пение сладкое* — музыканты с инструментами; еду в санях — запряженная в сани лошадка и мужичок и т. д. Иногда понятие было визуально дополнено описанием целой сцены: *Д — во град дорога* — в изображенном пейзаже внимание привлекает скорее город, чем собственно дорога. Понятия-повторы тоже имеются: *око — зеница, часы* — песочные и механические (на Ч и на Ы). Далеко не все слова и понятия в букваре предметны, но таких все-таки большинство, и отказ от слов, встречающихся в рукописи Ч, во всех случаях было движением от абстрактного к конкретному.

В ряде случаев подбор понятий и рисунков в пределах одной страницы был явно продиктован задачей сопоставления слов: однокоренных (*рука — рукавица, око — околары, яблонь — яблоко*), омонимов (*лук — растение и лук — оружие*), близких по значению и написанию, но отличающихся нюансами смысла (*репа — ретка, тарель — торель, осел — бсла*). В этом отношении показательна ситуация со словами *фиал* и *фиалки*. Они оба присутствовали в Черновике, однако в последующих рукописных и печатном вариантах в средней части страницы осталось только слово *фиалки*. Фиал «перекочевал» в стихи, причем в очень скромной роли:

Фонарь добрый смыґл носи в дни и нощи,
Фелґнь, фїалки, фїаль в радость мощи.

По поводу рисунка рядом со словом *фиалки* возник целый ряд предположений исследователей. Что изображено? Маленькие фиалы? Осколки фиала? Фиалковый корень? Рисунок очень невнятный (причем во всех вариантах рукописи и печатном издании) — бесформенные кусочки чего-то... Если учесть, что в Черновике Истоминным приписано *фиалки трава*, то вероятнее всего последнее предположение: изображен фиалковый корень. Но почему не цветы? Они вполне узнаваемы и отличаются от изображенных на другой странице лилий. Художник никогда не видел цветения фиалок, а корень и его свойства хорошо представлял себе? Возможно. Не забудем, что в языке того времени «фиалковый корень» не связан с нежным цветком, это корень некоторых видов ириса болотного, который содержит эфирные масла и при высыхании пахнет фиалкой. Истомин использует оба слова — показывая ребенку разницу в понятиях и написании, но визуальный ряд здесь явно «хромает», выдавая некоторый «зазор» взаимопонимания между автором и художником.

Так значит, слова все-таки читали? Иначе, какой смысл рисовать и писать *торель — тарель* и т. п. — на слух разницу не обнаружишь. Либо ребенок называл картинку, взрослый пояснял разницу в написании слова, и ребенок запоминал его как «идеограмму»; либо читал слово сам — но тогда букварь изучали тремя «концентрами», или «слоями»: сначала учим все буквы (верхняя треть страницы), потом читаем слова (средняя часть) и, наконец, — стихи (нижняя полоса).

На определенные размышления наводит также вариант рукописи, датированный 1691 годом. Если Черновик представлял собой слова без картинок, то У — картинки без слов. М. Ю. Савельева обозначила его как «беловик», «рабочий», не окончательный вариант учебника (Савельева 2016, 288). Почему нет подписей к рисункам? Если Черновик был «техническим заданием» художнику, то экземпляр 1691 года. — «пробой пера» последнего? Проверкой того, что может быть нарисовано, а что — нет? Или приобрел такую функцию в процессе изготовления, и по нему Истомин скорректировал использование ряда слов? Может иметь место и другая гипотеза: Истомин изначально не предполагал ставить подписи к рисункам: черновик — «конспект» для художника, беловик (рукопись У) — окончательный вариант. Но затем выяснились его недостатки, и в следующей версии (рукопись А) появились слова? Все-таки маловероятно, поскольку во всех вариантах предисловия (включая «бессловесный» экземпляр) указано, «что видит, сіе и назоветь слогомъ писмене достолѣпнаго СѢ начертаніа техъ», т. е. размещение слов-подписей автором предполагалось (Тарабрин 1916, 31). Вместе с тем, версия о рукописи У как своеобразном «черновике художника» обретает зримые очертания. То, что этот экземпляр не собирались дарить, в частности, подтверждается тем, что рисунки были выполнены без использования золота и серебра. Разметили дизайн страниц? Поэкспериментировали с изображениями? Исследователи не раз отмечали, что визуальный ряд букваря гораздо подвижнее его текста (Хромов 2011; Савельева 2016). При композиционном сходстве страниц в разных списках рисунки и инициалы весьма отличались друг от друга, отражая динамику эстетических (и дидактических?) представлений своего времени.

Теперь зайдем с другой стороны. Еще один аспект механизмов создания и использования букваря — взаимоотношения между буквами, словами-подписями и стихами. Системный анализ обнаруживает явно подчиненное положение последних. В свое время Ф. И. Буслаев счел их вовсе «бессмысленными» (Буслаев 1861, 1301), Браиловский «заступился» весьма своеобразно: «Конечно, они бессодержательны в большинстве случаев и ничтожны; но мы должны быть справедливы к деятелю-педагогу XVII века: читая его вирши, право, находишь столько же смысла, сколько его заключается в стихах, которые преподносятся ребятам XIX стол. разными *Азбуками в картинках* московского издателя» (Браиловский 1889, 78).

Черновик демонстрирует больше всего зачеркиваний и исправлений именно в стихотворной части рукописи: Истомин прилежно работал над текстами.

На каждой странице в стихотворении обязательно использовано «имя» соответствующей буквы — *Аз, Буки, Веди* и т.д.; оно, как правило, стоит в первой же строке: «Начало *аза* писмены долгъ знати»; «*Вьди* писмено в слоѣѣ преизрад^о; *Глаголь* писмено добре изучай» и т.д. Далее в стихотворение встроены слова из подписей к рисункам: их могло быть от 1 (А — Адам, Е — Евангелие) до 11 (на букву О). Согласимся отчасти с Буслаевым — выглядит это порой весьма искусственно, причем, чем больше слов использовано Истоминим, тем заметнее «несущие части» конструкции:

Онъ зри око^м тѣлеснымъ / ин вѣкъ онъ мысль умнымъ,
 очки очамъ, книги же / в пользѣ суть разумнымъ.
 Орлово зрѣиство емли / овцы смреніе,
 умъ твой на ослу стирай / в книжно ученіе.
 ЯакѸ осель здѣ всѣка / душа не лѣнисл,
 взявши орало на дѣлѣ / измлада трудисл.
 Окунь в водѣ поймаешь, / на одрѣ поспиши,
 по трудѣ сла^кѸ с плоды / овощникъ узриши.
 Окна чувствъ стреги, / ово^а осла не докучит,
 уменьъ ч[е]л[ове]к всѣмъ бл[а]г / яакѸ органъ звучи^т.

По нашим наблюдениям, на первых страницах стихосложение с заданными словами давалось Истомину явно нелегко: в виршах на А использовано всего 1 слово-подпись, к буквам от Б до Е — 2–4 слова, от Ж до І — уже 6–7 слов; от К до У — 6–11; Ф — Ц, Я — 3–7. Такое впечатление, что автор приспособился писать, используя максимум слов, а потом устал это делать, но все-таки соблюдал некий «уровень». Конечно, характер текста зависел и от частотности букв в языке и возможного количества «привлеченных» слов. Но и здесь принцип нарастания — убывания заметен: в стихах к букве А использовано 1 слово из 14 помещенных под картинками, к букве Б — 3 из 8, к З — 7 из 8, К — 10 из 14, М — все 10, Н — все 6, О — все 11, Р — 9 из 13, Т — 7 из 10, Ч — 6 из 12 и т.д. на убыль. Использованы также слова с низкочастотными буквами, не имеющие прямого отношения к дидактизму:

Чеснока грѣхѸвъ / всѣкъ не вкушай смрада,
 чпагъ полон добра / свободит Ѹ глада.
 Черемха древо / Ягоды раждаетъ,
 прійметъ в ястїе / кто въ смыслъ успѣвае^т.

Слова со «служебными» буквами — Ъ, Ь, Ы, а также с V и Ψ в стихах не встречаются, тексты этих страниц носят характер общего нравоучения, хотя, казалось бы, слова *шалмы* или *куптьль* «просились» в вирши. Интересно, что в этих случаях в стихи вплетены элементы грамматических правил:

Ерь тонкословить / в произносѣ гласа,
 в реченїахъ же / знатство и украса.
 В преди не стоить / в концѣ послѣдствуе^т,
 Ѹбаче в мѣстѣ / своемъ та дѣйствуе^т.
 Тѣмъ млада д[у]ша / егда ер пишеша,
 тонкости в смыслѣ / всегда да взыщеша.
 Будеша вездѣ / мѣсто си имѣти
 с умом и в преди / не стыдно сѣдѣти.
 Точїю носи / трудъ твой во науцѣ
 частѸ возноси / в м[о]литва^х ти руцѣ.

Если предположить, что ребенок все-таки читал стихи, то этот процесс затруднялся еще и тем, что слова-подписи внутри текстов зачастую встре-

чались в ином виде — измененными по падежам, лицам и числам. Узнать их как освоенную при разглядывании картинок «идеограмму» невозможно.

По всему выходит, что учиться грамоте по букварю Истомина было неудобно. Это, правда, не означает — невозможно. Вспомним, сюжет из мемуаров знаменитого русского врача Н. И. Пирогова:

Я хорошо помню, что учился [грамоте] именно по карикатурам, изданным в виде карт в алфавитном порядке. Первая буква А представляла глухого мужика и бегущих от него в крайнем беспорядке французских солдат с подписью: Ась, право глух, Мусью, что мучить старика.
Коль надобно чего, спросите казака (Пирогов 1916, 118).

Речь идет о знаменитой *Азбуке* Ивана Теребенева, которая представляла собой вовсе не учебное пособие, а собрание листовок, распространявшихся русским правительством в Москве во время Наполеоновского нашествия 1812 года. Пирогов писал о своем по-детски эмоциональном восприятии картинок и двустийший — т.о., позитивная мотивация в его случае «перевесила» методические недостатки. Возможно, та же логика применима в отношении лицевого букваря Истомина — картинки были столь хороши и привлекательны, что восполняли дидактические проблемы, дети учились охотно и потому успешно. Отчасти это предположение подтверждается тем, что рукописный букварь затем был издан типографским способом — он понравился, оказался востребованным. Конечно, его тираж (исследователи называют максимум 106 экземпляров) никак не позволяет считать его сколько-нибудь массовым пособием, но все-таки это не единичный экземпляр. Другое дело, этот факт отнюдь не доказывает, что букварь был эффективен при освоении грамоты, возможно, его привлекательность лежала в другой плоскости — как собрания «потешных листов», некой энциклопедии, знакомящей ребенка с близким и далеким миром.

Оказал ли букварь Кариона Истомина влияние на дальнейшее развитие педагогической мысли в России? Конечно, но вряд ли в буквальном смысле — являясь образцом для последующих учебников грамоты. Такой процесс не бывает линейным и последовательным. Однако с определенной уверенностью можно сказать, что знакомство с шедевром Истомина меняло мышление тех, кто шел за ним, связывая воедино образ и текст. Парадокс лицевого букваря во многом состоит в том, что он — мостик между рукописной (во многом визуальной) и типографской (почти сугубо текстовой) книжной культурой того времени. Букварь — зримая встреча Средневековья и Нового времени. Объединив зрелищность иллюминированной рукописи и доступность (конечно, условную) печатной книги, Карион Истомин породил новое культурное и педагогическое явление, которое оказалось крайне важным в истории российского образования.

Источники

Алексеева, Анастасия Н. 2011. “Экземпляр лицевого букваря Кариона Истомина, награвированного Леонтием Буниным, в собрании НИМ РАО.” *Антикварное обозрение* 1, 39: 62–71.

- Берх, Василий. 1822. “Археология. Букварь Кариона Истомина 1691-го года.” *Северный Архив* 19: 3–27.
- Богданов, Андрей П. 2020. “«Материнская школа» царевича Алексея Петровича.” *Исторический журнал: научные исследования* 3: 96–110.
- Браиловский, Сергей Н. 1889. *Карион Истомин: (Жизнь его и сочинения)*. Москва: тип. Л. и А. Снегиревых.
- Браиловский, Сергей Н. 1902. *Один из пестрых XVII-го столетия: [Карион Истомин]: Историко-литературное исследование в 2 ч.* Санкт-Петербург: типография Императорской Академии Наук.
- Брагоне, Мария Кристина. 2022. “Бестиарий в «Букваре» Кариона Истомина и воспитание царевича Алексея.” *Quaestio Rossica* 10, 1: 116–31. DOI: 10.15826/qr.2022.1.662.
- Букатов, Вячеслав М. 2018. “«Своими глазами», или Герменевтические аллюзии иллюстративных экзерсисов в учебных книгах XVII века. На примере учебника латинского языка «Мир чувственных вещей в картинках» А. Я. Коменского (1658, Нюрнберг) и рукописного «Букваря» Кариона Истомина (1692, Москва).” *Новое в психолого-педагогических исследованиях* 4: 114–35.
- Буслаев, Федор. 1861. *Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков*. Москва: в Университетской типографии.
- Забелин Иван Е. 1915. *Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст.* Ч. 2. Москва: Синодальная типография.
- Иванова, Жанна Н. 1987. “Автографы Кариона Истомина в списках первого русского иллюстрированного букваря.” В *Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфики: сборник статей*, 41–5. Москва: Государственный исторический музей.
- Исаева, Евгения. 2018. *Букварь царевича Алексея Петровича*. Москва: Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль».
- Истомин Карион. 1981. *Букварь: Отпечатан в 1694 г. в Москве. Сост. Карионом Истоминным; гравир. Леонтием Буниным*. Ленинград: Аврора.
- Истомин Карион. 1694. *Букварь славенороссийских писмен уставных и скорописных, греческих же латинских и полских, со образованми вещей, и со нравоучительными стихами*. Москва.
- Истомин Карион. 1916. *Лицевой букварь Кариона Истомина*. Предисл. и коммент. Ивана Тарабрина. Москва: тип. Г. Лисснера и Д. Собко.
- Кашинская, Анна Н. и Ольга Д. Федотова. 2020. “Концептуально-образная визуализация букв в православных азбуках.” *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология* 1: 95–109.
- Клепиков, Сократ А. 1964. “Русские гравированные книги XVII—XVIII веков.” В *Книга. Исследования и материалы*, 154–55. Москва: Книга.
- Косицына, Наталья О. 2022. “Лицевой букварь Кариона Истомина как памятник письменности XVII века.” *Теория языка и межкультурная коммуникация* 4, 47, 191–99.
- Лазарев, Юрий В. 2010. “«Скромный рыцарь русской науки»: С.Н. Браиловский и его научно-педагогическая деятельность.” *Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина* 4, 29: 21–34.
- Медведь, Александр Н. 2017. “«Букварь» Кариона Истомина (историко-научный комментарий).” В *Литература в системе культуры. К семидесятилетию профессора И. В. Кондакова. Сборник статей*, 118–124. Москва: Академия социального управления.

- Мошкова, Людмила В. 2013. “Букварь Кариона Истомина 1694 г. как «шедевр» автора.” *Учебники детства: Из истории школьной книги VII—XXI веков*, 58–67. Москва: РГГУ.
- Пекарский, Петр П. 1862. *Наука и литература в России при Петре Великом*. Т. 1. Санкт-Петербург: издание Товарищества «Общественная польза».
- Пирогов, Николай И. 1916. “Дневник старого врача.” В *Сочинения*, 118–20. Киев: Пироговское товарищество.
- Ровинский, Дмитрий А. 1870. *Русские граверы и их произведения с 1564 года до основания Академии художеств*. Москва: гр. Уваров.
- Ровинский, Дмитрий А. 1881. *Русские народные картинки*. Кн. 2. *Листы исторические, календари и буквари*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- Ровинский Дмитрий А. 1895. *Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв.* Том I. А — И. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- Савельева, Мария Ю. 2016. “Фигурные инициалы лицевых «Букварей» Кариона Истомина и западноевропейская традиция фигурных алфавитов: развлечение, обучение и воспитание.” В *Актуальные проблемы теории и истории искусства: Сб. науч. статей*. Вып. 6. Под ред. А. В. Захаровой и др., 288–98. Санкт-Петербург: НП-Принт. <http://dx.doi.org/10.18688/aa166-3-29>
- Строев, Павел М. 1829. *Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке тайного советника, сенатора, [...] графа Федора Андреевича Толстова*. Москва: тип. С. Селивановского.
- Токмаков, Иван Ф. 1879. *Обозрение Библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел, составленное библиотекарем Архива И. Ф. Токмаковым*. Москва: тип. М. П. Щепкина и К°.
- Чумакова, Татьяна В. 2021. “Этические понятия в русской религиозно-дидактической литературе XVII в.” *Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология* 37, 3: 568–78.
- Хромов, Олег Р. 2011. “Русская рукописная книга с гравюрами в контексте общеевропейской книжной культуры XVII—XVIII вв. (специфика оформления жанра).” В *Берковские чтения. Книжная культура в контексте международных контактов*, 375–79. Минск: Центральная научная библиотека.
- Хромов, Олег Р. 2015. “Букварь Кариона Истомина с рукописными дополнениями Диомида Яковлева сына Серкова как памятник русской книжности XVII века.” *Отечественная и зарубежная педагогика* 1, 22: 7–17.
- Шемшурин, Андрей А. 1917. *О гравированном и рукописных лицевых букварях Кариона Истомина*. Москва: Общество истории и древностей российских при Московском университете.
- Шустова, Юлия Э. 2021. “Образ города в лицевом букваре Кариона Истомина 1694 г.” *История и архивы* 3, 119–35.
- Alfabeto 1686: *Alfabeto in sogno: esemplare per disegnare di Giuseppe Maria Mitelli*. Bologna. https://archive.org/details/gri_33125008233062/page/n1/mode/2up (last accessed April 30, 2023).
- Marker, Gary. 2017. “A World of Visual Splendor: The Illustrated Texts of Karion Istomin.” In *Seeing Muscovy Anew: Politics — Institutions — Culture: Essays in Honor of Nancy Shields Kollmann*. Ed. by M. S. Flier, V. A. Kivelson, E. Monahan, D. Rowland, 173–88. Bloomington: Slavica Publ.

Karion Istomin and the Trinity of Wisdom: God, the Sovereign, and the Poet. Praise of Wisdom in the Panegyric to Petr Alekseevič (1683)¹

Erica Camisa Morale

Аннотация: *Карион Истомин и Троица Мудрости: Бог, Государь и Поэт. Похвала мудрости в панегирике Петру Алексеевичу (1683 г.).* Статья доказывает, что панегирик Кариона Истомина Петру Алексеевичу по случаю его 11-го тезоименитства — *Книга вразумление умнаго зрения и телеснаго делания в Божией мудрости* (1683 г.) — иллюстрирует такое длительное явление в восточнославянской культуре конца XVII—начала XVIII веков, как переход от средневековой идеи мудрости как чего-то, что Бог поместил в сердце человека, к античной и ренессансной идее мудрости как того, чего люди достигают путем активного постижения и изучения. Карион Истомин не только укрепил связи между Москвией и античной и европейской культурой, продолжая наследие предыдущего поколения поэтов, таких, как Симеон Полоцкий и Евфимий Чудовский, но и внес свой вклад в формирование нового представления о культуре как о человеческом достижении и новой роли поэта как основателя такой культуры.

Ключевые слова: Карион Истомин, панегирическая поэзия, мудрость, знание, *Книга вразумление умнаго зрения и телеснаго делания в Божией мудрости*, Петр Великий, роль поэта.

Wisdom is a recurring theme in the poetry of Russian author Karion Istomin (1640–ca. 1718). In his poetry, wisdom becomes the cornerstone of a notion of knowledge that affirms the necessity of earthly wisdom by considering it a projection of divine wisdom. Several scholars have observed the novelty brought about by Karion’s notion of wisdom. For instance, Lidija Sazonova notes that “Понятия мудрость и знание употреблялись им [Карионом, Е.С.М.] не только в специфически средневековом, теологическом смысле как путь к постижению бога, но уже и в новом — светском — значении в духе наступающих Петровских

¹ I would like to thank Marcus C. Levitt, Maria Di Salvo, and the unknown reader for their comments and support, as well as Boris A. Uspenskij for clarifications on the language used in Karion Istomin’s *Книга вразумление умнаго зрения и телеснаго делания в Божией мудрости*. All remaining errors are entirely the author’s own.

Erica Camisa Morale, Stanford University, United States, ericacm@stanford.edu, 0000-0002-2785-4423

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Erica Camisa Morale, *Karion Istomin and the Trinity of Wisdom: God, the Sovereign, and the Poet. Praise of Wisdom in the Panegyric to Petr Alekseevič (1683)*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.20, in Svetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 235-255, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

реформ” (Сазонова 1989, 50)². While emphasizing the political theme in Karion’s *Книга вразумление умнаго зрения и телеснаго делания в Божией мудрости* (Book of Understanding Intellectual Vision and Bodily Activity in God’s Wisdom, 1683), Paola Cotta Ramusino states that it represents “il passaggio da una concezione medievale, tradizionale, potremmo dire ‘monastica,’ del sapere, ad una concezione *bratskaja*, che accoglie anche elementi di una scienza più laica” (Cotta Ramusino 2002, 33)³. The process, she notes, began at the turn of the seventeenth century in Ukrainian poetry. L.A. Gricaj continues this reading of Karion’s work by reconstructing how, throughout the seventeenth century, we witness a “постепенный отход от православных канонов древнерусской культуры и появление личностного начала, что приводило к возрастанию значения просветительского элемента и связанной с ним назидательной, учительной литературы” (Грицай 2022, 242)⁴. In the present essay, I show how praise of wisdom is the foundation for the ideological and political discourse in the *Книга вразумление умнаго зрения и телеснаго делания в Божией мудрости* and how the definition of a novel, central role for the poet and the theme of education, of which Karion presents a modern plan, stems from the interaction between the Medieval, monastic and the early modern, lay notions of wisdom.

In the *Книга вразумление умнаго зрения* the two notions of wisdom coexist, one conceiving of wisdom as something that God has located in the human heart through the action of the Holy Spirit — an idea common in traditional Orthodox spirituality — and the other conceiving of wisdom as something that humans can achieve through study and exercise — following Classical ideas as revived by Renaissance thinkers. By inscribing human wisdom within divine sapience, Karion enhances earthly wisdom and frees it from centuries-long association with pagan culture. By doing so, Karion promotes a novel role for knowledge in culture, for the poet at court, and for the state in society, continuing the legacy of the previous generation of poets — mostly, Simeon Polockij and Evfimij Čudovskij. In this way, Karion contributes to establishing the notion of culture as self-consciousness and as a personal endeavor and the task of literature as the expression of such culture. These notions further imply a renewed attention to history and current reality as the context on which education is based.

Karion’s statements on wisdom appear throughout his didactic texts, from *Едем* (Eden, 1693), to *Грамматика* (Grammar, 1694) and *Домострой* (Domestic Or-

² “The concepts of ‘wisdom’ and ‘knowledge’ are used by him [Karion] not only in the specificall Medieval, theological sense as the path of approaching god, but already in the new — secular — meaning, in the spirit of the upcoming Petrine reforms”. All translations, unless otherwise noted, are by the article’s author.

³ “the shift from a Medieval, traditional, we could even say ‘monastic’ conception of knowledge to a conception that is typical of the *fraternal schools*, which includes also elements of secular science”.

⁴ “gradual withdrawal from the Orthodox canons of ancient Russian culture and the appearance of an individualistic principle, which led to the expansion of the ‘enlightenment’ element and of the edifying, didactic literature connected with it”.

der, 1696). However, the *Книга вразумление умнаго зренья* deserves particular attention. In it Karion elaborates on the inherent connection between wisdom, knowledge, and study, which he justifies philosophically and on political grounds. Moreover, in the panegyric Karion connects the celebration of knowledge to the figure of the poet, who is presented as a new type of man of culture who carries out an educational and cultural role at court, assisting the sovereign — showing Karion to be deserving of the nickname suggested by Sazonova as the “певец мудрости” (Сазонова 1989, 43)⁵.

1. A Multi-Layered Composition

The *Книга вразумление умнаго зренья* testifies to a key step in the affirmation of the genre of the panegyric in East Slavic culture. Panegyric poetry was inaugurated in Muscovite Rus' by Simeon Polockij in the second half of the seventeenth century and developed by his pupil, Sil'vestr Medvedev, as well as by Karion, Sil'vestr's friend and brother-in-law. Susanne Strätling and Olga Strakhov note the difference between Sil'vestr's *Божию милостию великой государыне царевне и великой княжине Софии Алексеевны, всея великия и малыя и белыя России* (To the Great Carevna for the Grace of God and Grand Duchess Sofija Alekseevna, Monarch of All Great and Small and White Russia, 1682) and Karion's *Книга желателно приветство мудрости* (Book of Welcoming Greeting of Wisdom, 1682–1683). Whereas Sil'vestr in the former praises the regent by turning the name Sofija into an allegory for wisdom through the etymologization of her name, Karion in the latter deepens the allegory by developing the idea that “мудрость” is a “наука”, which in turn-of-the-century Rus' means a realm of knowledge (Strätling 2005, 65, 77; Strakhov 1998, 51). The difference between the two poets lies not merely in the different use of a figure of speech, but in the distinct ways in which each understands the idea of wisdom.

Karion meant the manuscript, *Книга вразумление умнаго зренья и телеснаго делания в Божией мудрости*, consistent with Jurij Tynjanov's study of eighteenth-century poetic and oratory practices, for public reading at court (Тынянов 1977, 228–230). This practice was followed by the gift of the manuscript to the future Car'; its private reading was intended to foster reflection and to strengthen awareness of the interaction between wisdom and political power (Сазонова 1987, 103–126). As Strätling points out, the motif of wisdom is central throughout the *Книга вразумление умнаго зренья* (Strätling 1998, 153–160), where it acquires a new meaning and serves as the basis for the poet's request to Petr Alekseevič to promote the development of knowledge and education.

The *Книга вразумление умнаго зренья* has a rather complex structure, as revealed by the history of its composition. Karion started composing the poem after the death of Fedor Alekseevič on 27th April 1682, when the nobles' assembly decided not to proclaim Ivan Alekseevič as Car' due to his sickly health and unfitness

⁵ “singer of wisdom”.

to rule and proclaimed Ivan's younger half-brother, Petr Alekseevič, Car' instead. Later, however, Ivan Alekseevič was proclaimed co-Car' through the support of an adverse court faction headed by his sister Sofija, and Karion composed the second version of the poem that features references to the two brothers' coregency⁶. Karion started composing the panegyric for Sofija when she became regent on 27th October 1682; this poem shares stanzas and themes with the other panegyrics that he was writing at this time. When the struggle for power came to an end, Karion completed the panegyric to Petr Alekseevič, to whom he presented it in 1683, on the occasion of his name day⁷. A later, not autographed version of this panegyric⁸ is dated to circa the 1720s; scholars seem to agree that this 918-line version of the panegyric corresponds to the one that was gifted to Petr Alekseevič in 1683. Building on Bogdanov's, Sazonova's, and Cotta Ramusino's discussions of the nature of these texts and on their relationship with the panegyric to Sofija, in the current essay I consider Karion's panegyrics to Petr Alekseevič written in 1682 and in the 1720s as variants of a single text (Богданов 1983, 245–56; Сафонова 1993, 148; Cotta Ramusino 2002, 26, 37, 81).

2. A Panegyric at the Crossroads between Lyric, Historical, Political, and Didactic Poetry

The *Книга вразумление умнаго зрениа* follows the progression of the idea of sapience as a divine gift that gradually roots itself in human experience and historical reality and acquires political and didactic traits. Meanwhile, as the genres of literary poetry are not yet established in the cultural system, the poetic voice is stratified and delineated through a variety of functions — from the historical to the political, and from the lyric to the didactic. The composition starts with a frame introduced by the poet in which three speakers, God (lines 11–156), the Virgin Mary (lines 203–92), and Petr Alekseevič's mother, Natal'ja Kirillovna (lines 331–520), take the floor in turns⁹. God, the Virgin Mary, and Natal'ja

⁶ Preserved in: ГИМ, Чудовское собрание 302, ff. 30–39vv., 46–48v.

⁷ Preserved in: ГИМ, Чудовское собрание, 302, ff. 41–44.

⁸ Preserved in: РНБ, F.I. 905. This is the redaction of the panegyric to which I am referring throughout the present article. While I have consulted the original manuscript in 2019, I am quoting the transcription included in Cotta Ramusino 2002.

⁹ We can explain the presence of Natal'ja Kirillovna beside God and the Virgin Mary with the fact that there are “основания, позволяющие считать, что инициатива обращения к предложенной Коменским концепции максимально доступного, в т. ч. невербального ознакомления 3–5-летнего ребенка с системой основных представлений о мире принадлежала молодой царице Наталии Кирилловне. Мать царя Петра и бабушка царевича Алексея, в свою очередь, могла уловить суть идей великого чеха именно благодаря тому, что в Кремлевском дворце был накоплен богатейший опыт образного дошкольного обучения детей, прослеженный по источникам с первых царевичей и царевен Романовых” (reasons leading us to believe that the initiative to appeal to Comenius' proposed concept of the most accessible [learning tool], including the non-verbal acquaintance of a three-to-five-year-old child with the system of basic representations of the world belonged to the young Carica Natal'ja Kirillovna.

Kirillovna are summoned by the poetic speaker to address the young Petr Alekseevič, teaching him important aspects of the concept of wisdom through monologues and prayers. This theatrical aspect structures the thematic progression of the panegyric, namely the sequence of distinct sections, connecting the various texts and shaping a sacred representation that emphasizes the solemnity of each speaker's message. Theatricality, combined with the repetition of concepts and exhortations, highlights the dynamism, dialogism, and ritual of the composition. In the second part of the *Книга вразумление умнаго зренья* (lines 521–880), the poet speaks in his own voice, in the first person, and about the idea of wisdom, and addresses Christ, Petr Alekseevič, the Rus'ian people, God, the Virgin Mary, and the apostle Peter. Finally, in the lines 881–918, the poet gives Petr Alekseevič himself the chance to say a prayer to his protector, the apostle Peter, claiming his role as a poet and a wise man.

When speaking of wise men, the speaker is, in fact, referring to himself; hence, we can consider his statements as implicit meta-literary declarations. From this standpoint, God, the Virgin Mary, and Natal'ja Kirillovna do not act as *dramatis personae* but as expressions of the lyric voice that converge to represent the lyric persona as a poet and a wise man. This multitude of authoritative voices helps Karion to build the authority of his lyric voice and the reliability of his message, as the hierarchical movement from God to the poet mirrors the relationship between divine and earthly wisdom. In this way, Karion's *Книга вразумление умнаго зренья* showcases the original path through which Rus'ian poetry defined the importance and public function of the poet.

In the opening, the lyric speaker manifests himself at the linguistic level through direct speech to his addressee, Petr Alekseevič. This is what Jonathan Culler calls "lyric address", an element that is "fundamental to lyric" (Culler 2015, 199). Lyric address "gives the poem a character of event" and makes it an "in-presence" text, which means that it presents "an event in the lyric present, the moment of address" (Culler 2015, 188, 207). Karion uses lyric address as a tool to locate the poet and his readers in the present, establishing the speaker's relationship with his interlocutor Petr Alekseevič. The lyricist manifests himself also through perlocutionary acts, utterances by which the speaker intends to provoke a reaction in the addressee (Austin 1975, 101–7). Indeed, throughout the composition the voice repeatedly praises wisdom and Petr Alekseevič in order to provoke a reaction from him. The fact that the poem is an epideictic speech, namely a discourse through which the voice praises or reproaches against something or someone, also highlights the presence of the poetic voice and shapes the composition as lyric¹⁰.

The mother of Car' Petr and grandmother of Carevič Aleksej, in turn, could grasp the essence of the ideas of the great Czech precisely because in the Kremlin there was accumulated a wealth of experience in the preschool figurative education of children; Богданов 2005, 469).

¹⁰ This is a view of the lyric that was taught in the Kyiv-Mohyla Academy, where Simeon Polockij, Karion's literary predecessor, studied. The practice of the lyric in the Academy was based on Horace's *Ars Poetica* (The Art of Poetry), which identified the goal of the lyric as to teach (*docere*) and to please (*delectare*) (Horace 1926, 447). See also: Siedina 2017.

The voice in the panegyric establishes his presence not only as a lyricist and a wise man but also as a chronicler and a witness who perpetuates the memory of past Car's — Car's who reigned in favor of wisdom. In this way, the chronicler-witness inaugurates a commonplace that will characterize subsequent East Slavic panegyrics: honoring rulers through commemoration of the deeds of their predecessors. This corresponds with Marina Kiseleva's observation that seventeenth- and eighteenth-century writers who composed panegyrics to celebrate members of the royal family expressed an interest in the "человек, конкретный, со своим именем и временем рождения [...] и смерти" (Kiseleva 2011, 224–5)¹¹. This contributes to the epideictic function of Karion's poem because recalling the wise actions of past rulers leads to the praise of wisdom and of the monarchs who continue in their predecessors' tradition.

The poet also takes on a political role and functions as Petr Alekseevič's advisor by exhorting the young man to cultivate wisdom and to foster the spread of education in the country. In this exhortation, the poet-advisor affirms the theoretical foundation of political absolutism, affirming its divine origin and creating "il primo esempio in ambito russo di *speculum principis*" (Cotta Ramusino 2002, 50)¹². In so doing, Karion certainly referred to other East Slavic moral and educational texts such as the *Степенная книга* in the *Житие* of Oľga (*Book of Royal Degrees in the Life of Oľga*); the *Повесть Петра и Февронии* (*Tale of Petr and Fevronija*); and the *Тестамент, или завет, Василия царя греческаго к сыну его Лву* (*Spiritual Testament of Greek Emperor Basil to His Son Leo*), which was published multiple times throughout the seventeenth century and reprinted in 1680 by the Verchnjaja Tipografija established by Simeon Polockij (Cotta Ramusino 2002, 31, 40–51)¹³. Nevertheless, in the *Книга вразумление умнаго зренья*, Karion realizes something innovative: the one who gives Petr Alekseevič advice is the poet himself. Karion's action is rooted in the recently established tradition of Muscovite Rus', in which the role of the poet was identified with that of the tutor¹⁴. Indeed, Karion, despite never being officially appointed court tutor, was a didactic figure for Petr Alekseevič and his son Aleksej Petrovič¹⁵. When in the panegyric Karion

¹¹ "concrete people, with their names, dates of their births and [...] deaths".

¹² "the first instance in the Russian setting of a 'Mirror for Princes'".

¹³ Throughout the panegyric, Karion refers to the Biblical books focused on the concept of wisdom — Proverbs, Wisdom of Solomon, and Sirach — and cites Genesis, Job, Ecclesiastes, and the Gospels, following the East Slavic tradition.

¹⁴ "Lo zelo didattico fu parte integrante del sistema filosofico e istanza fondamentale dell'attività di tutti gli scrittori di questa cerchia (di Polockij): essi si sentivano portatori di una superiore civiltà letteraria, filosofica, morale e politica, e investiti della sua diffusione come di una missione" (Brogi Bercoff 1996, 233) "Didactic zeal was an integral part of the philosophical system and a fundamental application of the activity of all writers belonging to this circle (of Polockij): they perceived themselves as the bearers of superior literary, philosophical, moral, and political civilization and as invested with the mission of spreading it".

¹⁵ To Aleksej Petrovič, Karion dedicated a primer in 1696, which conceptualized the style of teaching anew. It features images to facilitate the learning of children, "whose perceptions were taken to be different than those of an adult" (Okenfuss 1980, 22). Its content was furthermore

exhorts Petr Alekseevič to act concretely in support of education, Karion even goes beyond the established role of educators and presents a political project for education in Rus'. Indeed, in the seventeenth century education was highly valued and young people were encouraged to undertake it: "diffuso nella letteratura didattica è l'invito a studiare e applicarsi in gioventù" (Bragone 2008, 180)¹⁶. Karion's mentor, Simeon Polockij, already combined the Orthodox approach to education with the Humanistic attitude coming from Poland and the West, inspired by the ideas of John Amos Comenius (1592–1670) (Богданов 2005, 201–2). Simeon, however, still proposed a type of education that takes place in the familial sphere and is aimed at shaping a good Orthodox citizen (Грицай 2022, 242–5). In the *Книга вразумление умнаго зрениа*, Karion moves beyond generic encouragement to study and the notion of learning as aimed primarily at religious education. He suggests that education is the government's task and that poets are tasked with helping to organize education. Karion expresses his proposals with poetic enthusiasm, revealing his deep involvement in this issue and his certainty that the deeds of both the sovereign and the poet, as well as those who share their understanding and spread wisdom, are necessary to the state.

The connection between rulers and wisdom has a long-standing tradition, which Karion renews in such a way that marks a change in sensibility and mentality. Ernst Curtius points out that ascribing wisdom and martial fortitude to sovereigns is a commonplace dating back to Classical antiquity and continuing through the Middle Ages and the Renaissance (Curtius 2013, 173–8). The *Книга вразумление умнаго зрениа* is not centered on celebrating the sovereign's military virtues, but on wisdom, which becomes the poem's real protagonist. In this way, the panegyric fosters a new cultural model and system of values. The function of the man of wisdom that Karion elaborates in the panegyric is as essential for the state as the function of the sovereign. This enables the poet to speak in the first person. The keystone of the poet's argument is line 585, "Много бо мудрых спасение миру" (Cotta Ramusino 2002, 157)¹⁷. We may consider this line the panegyric's thematic clue because it expresses the composition's main idea, bringing together its pedagogic, political, and historical themes; it is an almost literal quote from the Wisdom of Solomon 6: 24: "A multitude of wise men is the salvation of the world, and a sensible king is the stability of his people". This statement reflects the poet's view of the positive effects of wisdom, of which God reminds us in His speech:

no longer based on the Bible but on the world surrounding the child. The same association between images and concepts, as well as the earthly — and even bodily — context, occur in the occasional poem *Книга Любви знак в честен брак*, which Karion wrote to celebrate Petr Alekseevič's first marriage to Evdokija Lopuchina on 27th January, 1689, as Kiseleva points out (Киселева 2011: 284–304).

¹⁶ "the invitation [for students] to study and to apply themselves in their youth is widespread in didactic literature".

¹⁷ "Many wise men are the salvation of the world".

От уст ея правда ходит,
 Закон милость она плодит.
 Гражданство та населяет,
 Суд праведен сотворяет.
 Кротит бѣды и напасти,
 Прогоняет злыя страсти (lines 67–72; Cotta Ramusino 2002, 91)¹⁸.

In these lines, Karion reminds us that wisdom conveys truth, which, in the Christian tradition, corresponds to the transcendent power that lies at the core of the universe's rational order. Wisdom is simultaneously connected to grace and to the laws that it generates, thanks to which civil life becomes possible. In this way, Karion affirms the biunivocal relationship between truth and grace and between an idea and its realization, a foundational principle for Orthodox faith that is also reflected in his didactic methodology and in the structure of his manuscripts¹⁹.

The *Книга вразумление умнаго зрениа* thus combines features of lyric, didactic, political, and historical poetry that allow Karion Istomin to root the poem in the present. The identity of the lyric self as a poet and a wise man, pedagogue, chronicler, and historian presents him as the most suitable person to address Petr Alekseevič in order to praise the value of wisdom and to support the new model of education.

3. From the Sky's Lights to the School's Rooms

Karion's praise of wisdom reveals his theological and philosophical thought. This praise begins with God's exhortation, encouraging the young Petr Alekseevič to take the path of wisdom, and, following a strict hierarchy, speeches by the Virgin Mary, Natal'ja Kirillovna, and finally the poet himself ensue.

God is the first to exhort Petr Alekseevič to pursue wisdom. God introduces Himself and affirms His all-reaching, all-creating power, addressing Petr Alekseevič and encouraging him: "приимеши мудрость свѣта" (line 20; Cotta Ramusino 2002, 84)²⁰. This motivation brings clarity of mind and righteousness of action: "Возми мудрость сыне Петре, / она мраки всѣ перетре" (lines 23–4; Cotta Ramusino 2002, 86)²¹. Wisdom is such a crucial good that God gives it to all humans together with life: "Мудрость и жизнь всѣ даваю" (line 30; Cotta

¹⁸ "From its [wisdom's, — E.C.M.] lips comes the truth, / it generates law and grace. / It spreads the sense of citizenship, / it produces righteous judgment. / It lessens troubles and misfortunes, / it drives away evil passions".

¹⁹ Indeed, Karion accompanied his didactic texts and occasional poems with illustrations created by court artists who strove to make visible the concepts expressed in his writing. This didactic methodology, theorized by John Amos Comenius, was practiced at court, as Bogdanov, Kiseleva, and Okenfuss show (Богданов 2001, 212–3; Киселева 2011, 286–300; Okenfuss 1980, 24–28). So in his texts Karion expresses the ideal of wisdom on the intellectual, writing, visual, auditory, and physical levels (Okenfuss 1980, 22–30).

²⁰ "accept the wisdom of the world".

²¹ "Accept wisdom, son Petr, / it dissolves all darkness".

Ramusino 2002, 86)²². In exhorting Petr Alekseevič, God even clarifies how He communicates wisdom to humans: “Даждь сыне мнѣ твое сердце / Отверзай его ми дверце” (line 15; Cotta Ramusino 2002, 84)²³. Later on, Petr Alekseevič echoes God’s summons: “Господи Боже всѣх еси создатель, / в благо мудрости людем дарователь” (lines 159–60; Cotta Ramusino 2002, 99)²⁴. This God-gifted wisdom is divine, as the Virgin Mary affirms: “Саму мудрость есмь носила, / Христа царя есмь родила” (lines 267–8; Cotta Ramusino 2002, 111)²⁵; and as Petr Alekseevič’s mother, Natal’ja Kirillovna, reiterates: “Мудрость убо есть Иисус сын божий” (line 431; Cotta Ramusino 2002, 135)²⁶. Unlike the pagan notion of wisdom, Biblical wisdom is characterized by fear of God, as Natal’ja Kirillovna conveys to her son: “Начало тоя страх святыи господен” (line 368; Cotta Ramusino 2002, 120)²⁷. Although these statements have clear Biblical origins, Karion situates wisdom in a specific setting and makes it the crux of God’s relationship to Petr Alekseevič²⁸. Hence, receiving this divine gift is for Petr Alekseevič a sign of election that elicits a reverential, thankful dread towards its source, God.

Together with wisdom, sovereigns receive power from God, who tells Petr Alekseevič, “Дах ти Петре царский венец”; “Аз поставих тебе царя”; “Аз ты возлюбих, / царство ти вручих” (lines 14, 61, 99–100; Cotta Ramusino 2002, 85, 90–3)²⁹. These lines also combine the Biblical reference to the Wisdom of Solomon with a specific reference to Petr Alekseevič³⁰. In Rus’ the Biblical idea of the divine origin of political power was renewed when, after the fall of the Byzantine Empire in 1453, Moscow assumed the role of heir to Byzantium and of the Third Rome, incorporating “ancient notions of the emperor as a god that had become part the official cult of the Roman Empire [and that, — E.C.M.] were reworked

²² “I give life and wisdom to everyone”.

²³ “Give me your heart, son, / open its door to me”.

²⁴ “Lord God, you are the creator of everything / the giver of wisdom to the people to their advantage”.

²⁵ “I carried wisdom itself, / I have given birth to Christ, the King”.

²⁶ “For wisdom is Jesus, the son of God”. In the New Testament, Christ is called “God’s wisdom”, for example, in Matthew 11: 19, Luke 11: 49, 1 Cor. 1: 24–30, and Ephesians 3: 10.

²⁷ “The beginning [of wisdom, — E.C.M.] is the sacred fear of the Lord”. We read in Sirach 1: 14 and Psalms 111: 10: “To fear the Lord is the beginning of wisdom” and “Fear of the Lord is the beginning of wisdom”.

²⁸ Here are a few Biblical references to this notion of wisdom echoed in the panegyric: wisdom is “a breath of the power of God, / and a pure emanation of the glory of the Almighty” and “a reflection of eternal light” (Wisdom of Solomon 7: 25, 26). “All wisdom is from the Lord” and “It is He [the Lord] who created her [wisdom, — E.C.M.]” (Sirach 1: 1, 9). “The Lord gives wisdom” recurs in Proverbs 2: 6 and 8: 22, Jonah 38: 36, and Daniel 2: 21. Finally, wisdom is taught “in my secret heart” in Psalms 51: 6.

²⁹ “I gave you, Petr, the Car’s crown”. “I made you Car”. “I loved you, / I put the realm in your hands”.

³⁰ Wisdom of Solomon 6: 3: “A multitude of wise men is the salvation of the world, and a sensible king is the stability of his people”.

in terms of Christianity” in Byzantium (Uspenskij and Živov 2012, 11). The notion of Moscow as the Third Rome acquired special political meaning during the rule of Aleksej Michajlovič, who “strove in principle for a rebirth of the Byzantine Empire with its center in Moscow as a universal monarchy that would unite all of the Orthodox into a single state” (Uspenskij and Živov 2012, 13). The panegyric by Karion also expresses the idea of the deification of the Car’, as the following lines in the panegyric suggest: “Радуйся царю свѣтило веселися, / ты бо в чистотѣ зоря нам явися. / Озаряй свѣтѣ всего царства страны” (lines 741–3; Cotta Ramusino 2002, 173)³¹. Similar comparisons of the Car’ to the sun had recurred in Simeon Polockij’s *Орел российский* (Russian Eagle, 1667): “Ты же, о Солнце славна Руска рода” (Полоцкий 2015, 224)³². Such a poetic portrayal of Aleksej Michajlovič is consistent with the official portraits of the Car’ as the sun, which, in turn, are reminiscent of the visual representations of God in some of Gurij Nikitin’s icons (Лихачев 1992, 210–1).

From the double gift of sapience and power stems the educative function of the Car’. Indeed, Karion has God tell Petr Alekseevič that, together with power, he is assigned a task: “тщись ей поучати. / Да правиши моя люди” (lines 32–3; Cotta Ramusino 2002, 87)³³. The sovereign must carry out God’s command through the spread of wisdom. This exhortation to teach wisdom introduces a novelty with respect to the Biblical text. In Sirach 6: 33–4, for example, wisdom is presented as an almost physiological phenomenon that is transmitted from the older to the younger generations: “If you love to listen you will gain knowledge, / and if you pay attention, you will become wise. / Stand in the company of the elders”. The same idea recurs in the Orthodox tradition, for example, in the texts by Epifanij Slavineckij (d. 1675), who underlined the importance in education of modelling behavior: “Будь (для детей и рабов) твоих таков, каким хочешь, чтобы был для тебя владыка” (Грицай 2022, 240)³⁴. The verses in Sirach portray the transmission of knowledge in oral societies, in which students do not learn through the study of written texts but through example and repetition of what they hear (Ong 2012, 31–76). In contrast, Karion wrote the *Книга вразумление умнаго зрениа* at the moment when, in Muscovite Rus’, the idea of knowledge as rooted in solitary study and reading starts to establish itself.

After Nikon’s reforms, the 1666–7 Church Council saw the dispute between the supporters of the foundation of schools and their opponents as this topic reflected each faction’s idea of the Orthodox Church (Борданов 2001, 283). Daniel Waugh documents how, at the end of the century, “[o]ral transmission of knowledge continued to be essential for most of the population” (Waugh 2014, 47), and Gary Marker (2020, 91) concurs with Ol’ga Košeleva affirming that “there were

³¹ “Rejoice, Car’, be happy, luminary, / you appear to us in the clarity of dawn. / O light, enlightening the countries of all the Cardom”.

³² “And you, o sun of the glorious Russian people”.

³³ “strive to teach it [wisdom, — E.C.M.], / In order to govern my people”.

³⁴ “Be (for children and slaves) such as you want the Lord be for you”.

virtually no formal schools in Muscovy until very late in the seventeenth century, and that learning was conducted in more intimate or informal settings between tutors and learners; this type of learning was carried out in the form of ‘apprenticeship’ (*učeničestvo*). Meanwhile, in the second half of the seventeenth century, the Verchnjaja Tipografija and the Slavic-Greek-Latin Academy were founded in Moscow. Irina Pozdeeva notes that the seventeenth century was characterized by attempts to spread literacy in Muscovy and that, between 1652 and 1700, c. 35 percent of the publications by the Moscow Typography were didactic, which amounts to more than half a million copies (Поздеева 2016, 57, 154, 206, 213). Hence, Karion’s desire to establish an educational system that was institutional, efficient, and centered around the newer modalities of transmission of knowledge, was part of a larger, ongoing phenomenon.

Despite the lack of explicit references to writing and reading, the way in which Karion explains the importance of education leads us to think that he is expressing support of this type of knowledge. For instance, he uses the verbs “философствовать” and “восфилософствуешь”, which mean “to philosophize” (lines 417, 716; Cotta Ramusino 2002, 150, 169). Whereas in traditional texts this verb, a clear loan from Western languages, had a negative connotation, suggesting pagan culture and a rationalistic type of learning, in the *Книга вразумление умнаго зренья* it is used in a positive sense. Throughout the panegyric the poet emphasizes the role played by study and books in learning wisdom; such an emphasis simultaneously is an ideological statement, a suggestion for political action, and a reference to the Great Schism³⁵. The poet has God exhort Petr Alekseevič to apply himself to acquire wisdom:

Аще в юны твоя лѣта,
 Приимеши мудрость свѣта. / [...] /
 На ню царю восклонися,
 В юных тою удобрися.
 Отрок еси ты разумен
 путь мудрости есть не труден (lines 19–20, 77–80; Cotta Ramusino 2002, 85, 91)³⁶.

The other speakers, the Virgin Mary and Natal’ja Kirillovna, also encourage Petr Alekseevič to move “в мудрость науцѣ” (line 183; Cotta Ramusino 2002, 103)³⁷. The Virgin Mary suggests: “Тѣм же начни мудрость ссати / яже может правду дати. / Умудрит тя из юных лѣт”; “Люблю дѣтей учащихся”; and “Ей усердно ты учися” (lines 219–21, 255, 263; Cotta Ramusino 2002, 107, 109,

³⁵ In the years 1666–1667, the opposition of the Old Believers to the reforms carried out by the authorities of the East Orthodox Church led to the раскол, also known as the Great Schism. One of the debated themes was education, namely whether books or tradition were the source of truth and understanding.

³⁶ “Since you are in your youth, / accept the wisdom of the world. / [...] / Bow to it [wisdom, — E.C.M.], Car, / in your young years feed yourself with it. / You are an intelligent boy, / the path of wisdom is not difficult”.

³⁷ “toward the wisdom [that leads, — E.C.M.] to science”.

111)³⁸. Natal'ja Kirillovna recommends something similar: wisdom “Поинстинѣтя имать просвѣтити, / учащагося имати умудрити” (lines 379–80, Cotta Ramusino 2002, 127)³⁹. The opposition between darkness and light is a recurring commonplace in religious texts that Karion's friend, Sil'vestr Medvedev, also employed in his panegyric to Sofija Alekseevna (Strätling 2005, 80–3). However, in the *Книга вразумление умнаго зренья*, Karion uses this image to introduce the new concept of wisdom as “наука”, or science, which indicates wisdom as a human achievement acquired through study.

Karion clearly states that wisdom ought to be acquired through a master's teachings and by individual study in an appropriate environment, like a school:

В мудрости рости,
Учится прости.
С рабы твоими,
В лѣтех равными (lines 111–4; Cotta Ramusino 2002, 95)⁴⁰.

Karion presents to Petr Alekseevič an educational system that is institutionalized; learning no longer takes place exclusively in intimate or informal settings. He explicitly mentions educational institutions: “схолы” and “храмы”, which is a metonym for buildings (lines 472, 489; Cotta Ramusino 2002, 139, 141)⁴¹. He then affirms that “Прежеланно есть гдѣ премудрость пасется” and asks Petr Alekseevič that “устроится наука свободна”, that is, science is not described as a completed achievement, but needs to be established day by day (lines 571, 614; Cotta Ramusino 2002, 155, 159)⁴². In this way, Karion is not only reconciling the ideas of divine gift and human achievement, but also proposing that study and application are fundamental to realize the divine plan. Human deeds contribute to enacting God's will through acquisition of wisdom and creation of state educational institutions. As Karion observes, “Мнози [...] суть тоя желателни, / богосвѣтимых наук приятелни” (lines 621–2; Cotta Ramusino 2002, 161)⁴³.

4. The Wise Man as a Hero of the New Times

Karion continues his reflection on the nature and role of wisdom by locating his project in precise historical circumstances, that is, he deals with contemporary issues and events. As the poem progresses, the lyric voice overcomes its role as

³⁸ “So start to sip wisdom, / which can give you the truth. / It will make you wiser starting from your youth.” “I love children who study.” “Study it [wisdom, — E.C.M.] zealously”.

³⁹ “will truly enlighten you, / if you study to become wiser”.

⁴⁰ “In wisdom you grow, / heed the teaching. / With your servants, / equal to you in age”.

⁴¹ “schools”. “temples”.

⁴² “the place where wisdom grazes is much desired”. “free science is instituted”.

⁴³ “Many want it [wisdom, — E.C.M.], / [those who are] favorably disposed towards the sciences enlightened by God”.

atemporal expression and interpretation of Biblical wisdom and becomes a witness and chronicler of the actions of seventeenth-century Muscovite sovereigns in regards to wisdom.

The work of the sovereign is supratemporal because of the long-lasting seeds that it plants in the kingdom's cultural soil but is also temporal insofar as it accomplishes change through each Car's individual actions. The speaker is aware that effective actions need to build on knowledge of the past: "К БЫВШЫМ ЖЕ ДѢЛАМ ПРИСТАТИ УДОБНО" (line 501; Cotta Ramusino 2002, 141)⁴⁴. Because of this, the speaking voice acts as a guarantor of memory, reminding Petr Alekseevič of the actions carried out by the Car's who preceded him. So, in the *Книга вразумление умнаго зрениа*, single episodes in each sovereign's life build on each other to define a consistent policy. Together the sovereigns, including Petr Alekseevič, embody what Ernst Kantorowicz calls the king's "political body", which, as opposed to his physical self, is invisible and incorruptible and passes from one ruler to the next in endless succession (Kantorowicz 2016, 87–192). The lyric voice brings together all the sovereigns in this eternal genealogy; they are united by shared wisdom. About Aleksej Michajlovič the poet affirms:

Строил государь ко божией воли,
в научение восхотѣвшим schoли,
Тако бо царю наука сладися,
яко сын его ваш брат ей учися.
Благий Алексий царевич прекрасный, / [...] /
В учении он сице взя охоту,
яко да вскорѣ узрит ю доброту (lines 471–5, 477–8; Cotta Ramusino 2002, 139)⁴⁵.

The lyric voice speaks of wisdom as a virtue that guides current and prospective Car's and illustrates this statement with reference to history, human nature, and divine plans. Thus, we are told that another son and the successor of Car' Aleksej Michajlovič, Fedor Alekseevič, "Тщися науку в царствѣ вкоренити, / хотящим людем разумы острити. / [...] / Храмы многия той для поставил" (lines 485–6, 489; Cotta Ramusino 2002, 141)⁴⁶. Fedor Alekseevič was educated by Simeon Polockij and continued the goal of his father of cultivating the new learning (Богданов 2005, 12–3). Karion's lines refer to the fact that Car' Fedor Alekseevič — who was educated by Simeon Polockij and continued the goal of his father of cultivating the new learning (Богданов 2005, 12–3) — signed the

⁴⁴ "It is appropriate to pay attention to past actions".

⁴⁵ "The Sovereign built, following God's will, / schools to teach those who desired it, / and, as knowledge was appreciated by the Car', / so did his son, your brother, study it. / The good Aleksej, the wonderful Cesarevič, / [...] / had such desire for learning / that he quickly began to see its goodness".

⁴⁶ "Attempted to establish learning in the kingdom, / to have people who desire it sharpen their minds. / [...] / He built many temples for this".

charter for the foundation of the Slavic-Greek-Latin Academy, located in the Zaikonospasskij Monastery in Moscow, which was organized during the regency of Sofija Alekseevna by the Lichud Brothers⁴⁷. Karion describes the new education as an endeavor to which generations of sovereigns have dedicated themselves and which constitutes the main reason why they deserve praise.

Opening schools to spread wisdom constitutes what Karion and poets in Simon Polockij's circle consider a new type of laudable action, one that safeguards the public good and guarantees the sovereign's glory. We can apply to Karion's panegyric the principle that Giovanna Siedina has noted about epic-panegyric celebrations in Ukrainian Neo-Latin literature, in which the *heroicum carmen* "era chiamato ad andare oltre la celebrazione di 'res gestae regumque ducumque et tristia bella'" (Siedina 2012, 245)⁴⁸. This type of poetry gives a new "preminenza [...] alle virtù morali rispetto alla forza militare e alle sue conquiste" (Siedina 2012, 268)⁴⁹. In the seventeenth-century Muscovite court, Karion may be said to advocate a new kind of heroism, fostering the advancement of wisdom. As a reward for actions promoting wisdom, Karion guarantees the same honors that military virtues secure, as God tells Petr Alekseevič: "Враг твоих главы удобь сокрушиши, / вси же языцы тебѣ покорятся" and "Будеши в славъ в российском народѣ" (lines 151–2, 381; Cotta Ramusino 2002, 99, 127)⁵⁰. These lines, reminiscent of the Book of Wisdom 6: 21⁵¹, include both a *captatio benevolentiae* and Karion's hope to affect Petr Alekseevič's action in favor of culture.

The notion of the heroism of knowledge implies carrying out extraordinary actions and overcoming the obstacles that prevent their realization. Several passages in the *Книга вразумление умнаго зрениа* express this idea. For example,

⁴⁷ At the Academy, men of culture taught courses on grammar, poetics, rhetoric, philosophy, theology, as well as Greek, Latin, and Polish, following the educational model established at the Kyiv-Mohyla Academy that was based on the trivium and quadrivium. The division of disciplines into trivium and quadrivium dates back to Classical philosophy, especially Plato, and became the organizing principle of the subjects studied during the late Middle Ages, when the first universities were founded in Western Europe. The arts of the trivium include grammar, logic, and rhetoric, while those of the quadrivium include arithmetic, geometry, music, and astronomy.

⁴⁸ "was meant to go beyond the celebration of the 'heroic deeds of sovereigns and leaders and the sad things about wars'".

⁴⁹ "prominence [...] ascribed to moral virtues rather than military force and conquests". This is consistent with the notion of poetry taught in the Kyiv-Mohyla Academy in the seventeenth and eighteenth centuries, when "la poesia doveva contribuire all'educazione di uomini devoti, incoraggiando la virtù e dissuadendo dal vizio [...] La via migliore per raggiungere questo scopo era la rappresentazione di azioni umane esemplari" (poetry had to contribute to the education of pious men, promoting virtues and dissuading from vices [...]) The best way to achieve this goal was representing exemplary human actions; Siedina 2012, 244).

⁵⁰ "You will easily defeat the heads of your enemies, / and all the peoples will subject to you". "You will be glorious among the Russian people".

⁵¹ "Therefore, if you delight in thrones and scepters, O monarchs over the peoples, honor wisdom, so that you may reign forever".

on the current state of culture Karion writes: “До днесь наука не окрѣпѣваше” (line 493; Cotta Ramusino 2002, 141)⁵². Rational learning and teaching encountered strong opposition in Rus'. The tension between inner and external knowledge existed already in late sixteenth-century Rus', when Joann Vyšens'kyj (ca.1580–ca.1625) maintained that it would be better not to know the alphabet, provided that the individual could get close to Christ (Успенский 1988, 123). Until the turn of the eighteenth century, grammar, rhetoric, and philosophy — which was often branded as sophistry — were considered heretical because they were associated with paganism and corrupt Latin culture; their goal was often identified as external understanding that provided superficial and unnecessary knowledge (Успенский 1988, 123). This type of knowledge was juxtaposed to the Orthodox view of genuine inner understanding. This position was built on 1 Cor 3: 19⁵³, from which stems the view that no compromise is possible between worldly culture and divine truth⁵⁴. Yet, by this time, men of culture were composing the first spelling books, which testify to the evolution undergone by the conception of the two cultures. As Maria Cristina Bragone testifies, in the older spelling books “l'allievo imparava poche regole grammaticali, riguardanti soprattutto ortografia e prosodia, le preghiere fondamentali con qualche nozione di base di religione” (Bragone 2008, 12)⁵⁵. In contrast, in a manuscript spelling book which Evfimij Čudovskij wrote around 1678–1680 we find a “traduzione russa svolta probabilmente da Epifanij Slavineckij, di *De civilitate morum puerilium* di Erasmo da Rotterdam, compendio di norme comportamentali e di etichetta destinato ai giovani allievi” (Bragone 2008, 20)⁵⁶. This shift indicates that elements of Latin culture were becoming established in Muscovy, mainly through the mediation of Polish-Ruthenian culture, and fostered the development of the new educational system.

In this context, as Gricaj notes, Karion is preoccupied not only with “внутреннее духовное воспитание ребенка, но и внешнее воспитание, приобщение его к мирским знаниям и наукам” (Грицай 2022, 247)⁵⁷. By combining both currents of culture and education, Karion posits himself as the defender of an educational system inspired by Western models as adapted to the cultural tradition

⁵² “Science hasn't grown stronger until now”.

⁵³ “the wisdom of this world is foolishness with God”.

⁵⁴ Instances of such a worldview are the condemnations of earthly knowledge by Basil of Caesarea in the first homily of the *Hexaemeron*, by Gregory of Nyssa in the homilies on the *Song of Songs*, and by Gregory of Nazianzus in the *Fourth Invective Against Julian*. In East Orthodoxy, Kirill of Turov (1130–1182) recalls the teachings of the Biblical Proverbs according to which it is better to cultivate humility than to nurture wisdom.

⁵⁵ “the pupil learned a few grammatical rules concerning mostly orthography and prosody, the main prayers, and some foundational religious notions”.

⁵⁶ “a translation into Russian, probably by Epifanij Slavineckij, of Erasmus' *On Civility in Children*, a compendium of behavioral norms and of etiquette destined for young students”.

⁵⁷ “the inner spiritual education of children, but also their external education, their introduction to worldly knowledge and science”.

of Muscovite Rus'. Karion for instance observes: "Наука добръ здѣ ся становила, / но за случаи паки уступила. / Потребно есть ю паки паки звати" (lines 507–9; Cotta Ramusino 2002, 143)⁵⁸. The idea of "наука", which in these lines is understood as knowledge resulting from human investigation and study, became established in Rus'. However, it did not go unchallenged, as Karion testified. He noted that elsewhere the attitude toward wisdom was different: "через ню глаголют в чужеземствѣ смѣло" (line 506; Cotta Ramusino 2002, 143)⁵⁹. Such awareness leads him to hope that "безученен чин в россах побѣдится" (line 610; Cotta Ramusino 2002, 159)⁶⁰. To this end, it is necessary that the Car' takes action. This is what the Virgin Mary tells Petr Alekseevič: "являй мудрость в россах дѣлом" (line 226; Cotta Ramusino 2002, 107)⁶¹. In the poem's second part, when the poet himself speaks, he exhorts the Car' "о учени промысла сотворити", to make sure "учителям людем искушенным", and to introduce "си вѣщи учителны" (lines 567, 580, 625; Cotta Ramusino 2002, 155, 157, 161)⁶². Karion advocates that the project of instructing the younger generation, as carried out by the heroes of the new time, needs state support in the form of educational structures, funding, and good teachers — basic requirements of any educational system.

5. The Poet as a Mirror and a Flute

In celebrating the action of spreading wisdom and rooting it in the here and now, the lyric voice individualizes his presence as a poet. Indeed, a voice rooted in a specific historical moment develops, in which the speaker is not only witness and chronicler, but also protagonist. The lyric speaker is involved in the promotion of wisdom in Rus' and shapes his own role in the process.

The lyric voice first describes the role of wisdom in determining an individual's self-awareness. Karion affirms that through wisdom "самого ся познаеш" and "В первых сами ся кто есмы визнаваем" (lines 419, 437; Cotta Ramusino 2002, 144, 147)⁶³. Wisdom helps to make "конец всѣх дѣл извѣстно", to delve into human mortal nature, and to achieve "спасение миру" (lines 430, 585; Cotta Ramusino 2002, 133, 157)⁶⁴. Indeed, while the individual "здѣ живя страхом содержится", through wisdom he behaves correctly and "В свѣте же свѣт [...] узрят, / [Даже если] волны грѣхов бурят" (lines 518, 87–8; Cotta Ramusino 2002, 143, 93)⁶⁵. From this it follows that "Любяй же мудрость самого ся лю-

⁵⁸ "Science established itself well here, / but sometimes it also yielded. / It is necessary to call for it more and more".

⁵⁹ "through it [wisdom, — E.C.M.] they boldly speak in foreign lands".

⁶⁰ "the ignorant order will be defeated among Rus'ians".

⁶¹ "reveal wisdom to the Rus'ians through action".

⁶² "to create the skill of teaching". "teachers are cultured people". "these learned things".

⁶³ "you will know yourself". "We first recognize who we are".

⁶⁴ "the end of all things known". "the salvation of the world".

⁶⁵ "is filled with fear when he lives here". "On earth will see the light, / [even though, — E.C.M.] the waves of sin will rage!"

бит” (line 375; Cotta Ramusino 2002, 121)⁶⁶. Hence, wisdom is a means for salvation and self-knowledge that generates such self-awareness that the individuals become able to express themselves: “Она [...] даст всякому си гласу” (line 541; Cotta Ramusino 2002, 147)⁶⁷.

The lyric persona markedly enters the composition and speaks in the poem’s second part (lines 521–880). Paola Cotta Ramusino maintains that the panegyric’s structure is “basata sul rispecchiamento (*zercalo*) piuttosto che sulla voce dell’autore, che rimane invece nascosta” (Cotta Ramusino 2002, 40)⁶⁸. Karion certainly employs the strategy of instructing Petr Alekseevič through the words of selected authoritative figures. However, in addressing Petr Alekseevič, Karion shapes an exclusive connection between the “I” that embodies the lyric voice of the court poet and the “you” that represents young Petr. This emerges in the prayer to Petr Alekseevič:

Се величеству твоему вѣщая,
главу худѣйш аз к стопам приклоняя.
Во слушание склони ми ушеса,
молю царска ти благая очеса.
Изволи милость сотворити мнѣйшу,
рабу твоему монаху худѣйшу (lines 545–50; Cotta Ramusino 2002, 147)⁶⁹.

Such phrases as “miserable man”, “least of men”, “your servant”, and “wretched monk” are part of the Muscovite ceremonial speech between the fifteenth and seventeenth centuries that regulated political, administrative, and court communication (Poe 1998, 591–5). Simeon and the poets in his circle adapt this type of speech to the literary *milieu*, as Simeon’s *Приветствие* (*Salutation*, 1672) shows. In the *Книга вразумление умнаго зрениа*, the declaration of humility “served the interests of both the Car’ and his servitors [in this case, the poet—E.C.M.]: it elevated the status of the former and provided a mechanism by which the latter could respectfully request the grand prince’s aid” (Poe 1998, 608). By adopting this communicative strategy, Karion shows himself to be rooted in a specific historical context; he claims social status as court poet and educator and advances his request: “Incline your ears to me to listen”. It is thanks to the humble tone of his words that the lyric voice can affirm both that wisdom entails self-consciousness and that, because of this, he is aware of his identity and of his function in society and state. Further, the poet’s role as educator is key for the growth of the young ruler, as we see in one of the lyric voice’s most explicit statements in the prayer that is addressed to Christ:

⁶⁶ “Those who love wisdom love themselves”.

⁶⁷ “it will give everyone their own voice”.

⁶⁸ “built on reflection (*zercalo*) rather than on the author’s voice, which remains hidden”.

⁶⁹ “In announcing this to Your Highness, / I am a miserable man, bowing to your feet. / Incline your ears to me to listen, / I pray your good royal eyes. / Please have mercy to this least of men, / to your servant, the wretched monk”.

Твои мя руки создаста цѣвницу,
 премудрых ти дѣла возгласителницу.
 Но враг оглуши лестными звизданми,
 и ум помрачи грѣховны гаданми.
 Имам от нужды и уста безгласна,
 не могу пѣти пения ти красна.
 Тѣм яко вѣси и хоцещи спаси,
 в красный ти чертог вниди ми возгласи (lines 525–32; Cotta Ramusino 2002, 145)⁷⁰.

In these lines, the lyric voice also uses the first-person pronoun to refer to himself while metonymically presenting the poet as a “flute”. The “I” becomes a concrete instrument in Christ’s hands as one who “proclaims [Christ’s] wise endeavors”; yet as a weak man he is “speechless” and unable to “sing [...] beautiful songs”. He is aware that “the enemy”, or the devil, silences him and “darkens the mind with sinful thoughts”. These statements also express the “declaration of humility” that is a *topos* in much religious verse, although Karion situates it within an ethical and metaphysical framework (Curtius 2013, 407–13). Here, the lyric subject expresses his need to develop a relationship with God to be able to sing: “Call me into your beautiful palace”. By equating himself with a musical instrument who is animated by Christ’s hands and whose task is to communicate to his audience that they must embrace wisdom, the voice enacts the Classical association of lyric poetry with music and playing. In light of this task, the voice’s request not only expresses Karion’s own desire to become a court poet, but it is also framed as an action that spreads God’s word for the good of humanity.

Karion delineates a trinity in which each member plays a specific role: God creates wisdom and inspires the poet; the poet sings and gives thanks for the inspiration coming from God and under the protection of the sovereign; and the ruler encourages wisdom to spread and realizes God’s word as sung by the poet⁷¹. A series of bipartite relationships is established: the tie between *God and the poet* is realized through the word; the one between *God and the sovereign*, realized through power; and the relationship between *the poet and the sovereign* is realized through the spread of God’s word. Wisdom is necessary “Да будет людем очи просвѣщати”; Petr Alekseevič is “Озаряй свѣтъ всего царства страны”; Jesus is the “свѣта творителю, / несвѣтимыя тмы просвѣтителю”; and poets are illuminated by light, which they proclaim (lines 510, 743, 775–6; Cotta Ramusino 2002, 143, 173, 175)⁷².

The poet comes to play a central role in the poem, as God Himself asserts:

⁷⁰ “Your hands made me a flute, / proclaiming your wise endeavors. / But the devil silenced [me—E.C.M.] with flattering sounds, / and darkened the mind with sinful thoughts. / Out of necessity my mouth is speechless, / I cannot sing beautiful songs to you. / Therefore, please save me as you know how to and can, / call me into your beautiful palace”.

⁷¹ Sazonova considers the relationship between the poet and God in the chapter: “Поэт—переводчик слов и помыслов Бога” (Сазонова 2006, 118–29).

⁷² “So that it will illuminate people’s eyes.” “the light that enlightens the countries of the whole Car’dom”. “creator of the world, / who sheds light on lightless darkness”.

Царству бо краса,
 мудрых словеса.
 Из них же дѣла,
 мудрость подаа (lines 117–20; Cotta Ramusino 2002, 95)⁷³.

By “ornament” Karion does not mean an external embellishment, but an accomplishment for the betterment of the reign. Wisdom stems from the wise men’s words-ornaments, which indicate the proper path to follow. The poet presents himself as the mediator between divine and human wisdom, as the repository and the spreader of God-given wisdom, and as an essential support for the sovereign’s efficient government.

6. Conclusion

In the *Книга вразумление умнаго зрениа и телеснаго делания в Божией мудрости* Karion Istomin expresses the Orthodox conception that God the Pantocrator is the principle of wisdom, from which everything else stems and which coincides with God Himself. Karion’s goal of educating young Petr Alekseevič, whose tutor he would have liked to be, on the benefits of wisdom becomes the priority. Karion aims to teach Petr Alekseevič that humans can achieve wisdom through will, study, and practice. Inspired by God, the poet is the wise man who understands how the world functions and what action is necessary for the “salvation of the reign”. It is the Car’, motivated by God and educated by the poet, who must devise a concrete plan of action to spread and preserve wisdom. In advocating for the support of education, Karion affirms a notion of wisdom which is typical of the early Enlightenment, justifies the sovereign’s absolute power by virtue of his reforms, and enables the poet to carry out his social role (Hamburg 2016, 264–66, 277, 311–7, 360).

Throughout the panegyric, Karion emphasizes the role of human dedication, good teachers, and state schools for the progress of wisdom. Wisdom allows people to acquire knowledge and self-awareness and to grasp the “разумну правдивость” (lines 448, 618; Cotta Ramusino 2002, 161)⁷⁴. The poet prays to God that He will open the “разума оконце” because “без разума всюду скудно” (lines 794, 320; Cotta Ramusino 2002, 177, 117)⁷⁵. The poem is structured around the connection between wisdom, reason, and light which dispel “lightless darkness”. These ideas and terminology suggest that Karion’s work can also be considered an anticipation of the eighteenth-century Enlightenment, which, as several scholars have attested, had deep religious roots⁷⁶.

⁷³ “The words of wise men / are an ornament to the reign. / The wisdom that flows from them [words—E.C.M.] / is translated into deeds”.

⁷⁴ “rational truth”.

⁷⁵ “window of reason”. “without reason everything is miserable”.

⁷⁶ Among the recent works on the religious roots of the Enlightenment in Europe, see: Sorkin 2011; McNelly, Kerry 2018. On the issue as it relates to Muscovite Rus’ and the Russian Empire, see: Цалина 2004, 301–13; Levitt 2009; Wirtschafter 2014; Ivanov 2020.

Archival Sources

Рукописный Отдел Государственного Исторического Музея (ГИМ).
Отдел Рукописей Российской Национальной Библиотеки (РНБ).

Bibliography

- Богданов, Андрей П. 1983. *Памятники общественно-политической жизни*. Москва: ИРИ РАН.
- Богданов, Андрей П. 2001. *Московская публицистика последней четверти XVIII века*. Москва: ИРИ РАН.
- Богданов, Андрей П. 2005. *Стих и образ изменяющейся России: последняя четверть XVII – начало XVIII века*. Москва: ИРИ РАН.
- Грицай, Людмила А. 2022. “Полемика ‘грекофилов’ и ‘латинофилов’ о сути воспитания детей в семье во второй половине XVII века.” *Вестник оренбургского государственного педагогического университета* 2, 42: 237–251. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2022.42.19>.
- Киселева, Марина С. 2011. *Интеллектуальный выбор России второй половины XVII–начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености*. Москва: Прогресс-Традиция.
- Лихачев, Дмитрий С. 1992. *Русское искусство от древности до авангарда*. Москва: Искусство.
- Полоцкий, Симеон. 2015. *Орел российский*. Изд. подготовила Лидия И. Сазонова. Москва: Индрик.
- Поздеева, Ирина Л. 2016. *Человек. Книга. История. Московская печать XVII века*. Москва: Фантом Пресс.
- Сазонова, Лидия И. 1987. “От русского панегирика XVII в. к оде М. В. Ломоносова.” В *Ломоносов и русская литература*. Ред. Курилов, Александр С, 103–126. Москва: Наука.
- Сазонова, Лидия И. 1989. “Карион Истомина – певец мудрости.” *Книга любви знак в честен брак*, 43–64. Москва: Книга.
- Сазонова, Лидия И. 1991. *Поэзия русского Барокко*. Москва: Наука.
- Сазонова, Лидия И. 2006. *Литературная культура России. Раннее Новое время*. Москва: Языки славянских культур.
- Тынянов, Юрий Н. 1977. “Ода как ораторский жанр.” В *Поэтика. История литературы. Кино*, 227–252. Москва: Наука.
- Успенский, Борис А. 1988. “Отношение к грамматике и риторике в Древней Руси (XVI–XVII вв.)” В *Литература и искусство в системе культуры*, 208–224. Москва: Наука.
- Цапина, Ольга А. 2004. “Православное Просвещение — оксюморон или историческая реальность?” В *Европейское Просвещение и цивилизация России*. Ред. Карп, Сергей Я. и Сергей А. Мезин, 301–313. Москва: Наука.
- Austin, John L. 1975. *How to Do Things with Words*. Edited by Urmson, James O., and Marina Sbisa. 2nd edition. Oxford: Clarendon.
- Bragone, Maria Cristina. 2008. *Alfavitari radi učenija malych detej. Un abbecedario nella Russia del Seicento*. Firenze: Firenze University Press.
- Broggi Bercoff, Giovanna, ed. 1996. *Il Barocco letterario nei Paesi slavi*. Roma: La Nuova Italia Scientifica.

- Cotta Ramusino, Paola. 2002. *Un poeta alla corte degli zar. Karion Istomin e il panegirico imperiale*. Alessandria: Edizioni dell'Orso.
- Culler, Jonathan. 2015. *Theory of the Lyric*. Cambridge: Harvard University Press.
- Curtius, Ernst R. 2013. *European Literature and the Latin Middle Ages*. Princeton: Princeton University Press.
- d'Ors, Eugenio. 1945. *Del Barocco*. Milano: Rosa e Ballo Editori.
- Hamburg, Gary M. 2016. *Russia's Path Toward Enlightenment: Faith, Politics, and Reason, 1500–1801*. New Haven: Yale University Press.
- Horace. 1926. *Satires, Epistles, The Art of Poetry*. Translated by H. Rushton Fairclough. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Kantorowicz, Ernst. 2016. *The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology*. Introduction and preface by Jordan William Chester, Leyser Conrad. Princeton: Princeton University Press.
- Ivanov, Andrey. 2020. *A Spiritual Revolution: The Impact of Reformation and Enlightenment in Orthodox Russia 1700–1825*. Madison, WI: University of Wisconsin Press.
- Levitt, Marcus C. 2009. "The Rapprochement Between 'Secular' and 'Religious' in Mid to Late Eighteenth-Century Russian Culture." In *Early Modern Russian Letters: Texts and Contexts. Selected Essays*, 269–293. Boston: Academic Studies Press.
- Marker, Gary. 2020. "The Eighteenth Century: From Reading Communities to the Reading Public." In *Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia*. Edited by Damiano Rebecchini, Raffaella Vassena. Volume 1, 77–115. Milano: Ledizioni.
- McInelly, Brett C., Paul E. Kerry, eds. 2018. *New Approaches to Religion and the Enlightenment*. Vancouver, BC: Fairleigh Dickinson University Press.
- Okenfuss, Max J. 1980. *The Discovery of Childhood in Russia: the Evidence of the Slavic Primer*. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners.
- Ong, Walter J. 2012. *Orality and Literacy: The Technologizing of the Word*. Edited by John Hartley. 3rd edition. Hoboken: Taylor and Francis.
- Poe, Marshall. 1998. "What Did Russians Mean When They Called Themselves «Slaves of the Tsar»?" *Slavic Review* 57, 3: 585-608. DOI: <https://doi.org/10.2307/2500713>.
- Siedina, Giovanna. 2012. "Il concetto di virtù nella celebrazione epico-panegirica nella letteratura neolatina ucraina." *Studi Slavistici* IX: 243–271.
- Siedina, Giovanna. 2017. *Horace in the Kyiv Mohylian Poetics (17th–First Half of the 18th Century): Poetic Theory, Metrics, Lyric Poetry*. Firenze: Firenze University Press.
- Sorkin, David. 2011. *The Religious Enlightenment: Protestants, Jews, and Catholics from London to Vienna*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Strakhov, Olga B. 1998. *The Byzantine Culture in Muscovite Rus'. The Case of Evfimii Chudovskii (1620–1705)*. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag.
- Strätling, Susanne. 2005. *Allegorien der Imagination: Lesbarkeit und Sichtbarkeit im russischen Barock*. München: Fink.
- Uspenskij, Boris A., and Viktor M. Živov. 2012. "Tsar and God" and Other Essays in Russian Cultural Semiotics. Translated by Marcus C. Levitt, David Budgen, Liv Bliss. Edited by Marcus C. Levitt. Boston: Academic Studies Press.
- Waugh, Daniel C. 2014. "How Might We Write a History of Reading in Pre-Eighteenth-Century Russia?" In *Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia*. Edited by Damiano Rebecchini, Raffaella Vassena. Volume 1, 45–75. Milano: Ledizioni.
- Wirtschafter, Elise K. 2014. *Religion and Enlightenment in Catherinian Russia: The Teachings of Metropolitan Platon*. DeKalb: NIU Press.
- Zumthor, Paul. 1987. *La lettre et la voix. De la "littérature" médiévale*. Paris: Editions Seuil.

Явление книжника или Пути изучения рукописного наследия Прохора Коломнятина

Ольга Кошелева

Abstract: *The Coming of the Bookman or Approaches to the Manuscript Heritage of Prokhor Kolomnyatin.* Presenting a review of the historiography from 1854 to the present, this article examines the scholarly study of the Russian bookman Prokhor Kolomnyatin (17th c.). It investigates how and why Prokhor's works attracted the attention of scholars; how they collected information about him, and bit by bit solved various riddles associated with him. Researchers uncovered four miscellanies collected by him: in particular, the one containing *School abecedaria* is known in eight copies. These miscellanies contain a variety of works, including poetic ones. Prokhor actively employed acrostics and cryptograms, which scholars have gradually managed to decipher. Other questions have focused on who Prokhor was and what his goals were in assembling his miscellanies. The answers that have been given vary, but one may argue that many issues have been satisfactorily resolved.

Keywords: historiography, Prokhor Kolomnyatin, Russian bookishness 17th century, verses, schooling, linguistics.

Спаси, Господь, души людем, пишуцим полезная!
Прохор Коломнятин. РГБ. Ф. 310. № 301. Л.125.

Имя Прохора Коломнятина до настоящего времени было малоизвестно, но сейчас есть все основания говорить о том, что он был выдающимся книжником XVII века. Как оказалось, имеется его достаточно богатое рукописное наследие, но оно, видимо, лишь часть им созданного. В настоящей статье будет показана история находок сборников Прохора Коломнятина и пути их изучения.

Сборник под условным названием *Школьные азбуковники* привлек к себе внимание уже в середине XIX века. Первым из известных владельцев этой рукописи оказался архиепископ Афанасий (Дроздов Александр Васильевич 1800–76). В 1847 году он был поставлен архиепископом Саратовским и Царицынским и переехал на жительство в Саратов. Отец Афанасий был человеком большой учености, собирал древние рукописи и монеты. В 1856 году, из-за постоянных конфликтов с местной администрацией его перевели в Астрахань (Воробьев 2003, 712–13).

В Саратове произошла важная встреча архиепископа Афанасия и молодого литератора и публициста Даниила Лукича Мордовцева (1830–1905), будуще-

Olga E. Košeleva, Russian Academy of Sciences, Russian Federation, odysseus1989j@gmail.com, 0009-0000-6708-5676

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Olga E. Košeleva, *The Coming of the Bookman or Approaches to the Manuscript Heritage of Prokhor Kolomnyatin*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.21, in Svetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 257-274, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

го известного автора исторических романов. Мордовцев вернулся в родной город на Волге в 1854 году, после окончания Петербургского университета. Здесь он стал редактором неофициальной части *Саратовских губернских ведомостей*, затем работал в статистическом отделе ведомства путей сообщения. Служба в системе министерства внутренних дел давала возможность пользоваться архивами, к которым частные лица не допускались. Интерес к истории побуждал Мордовцева изучать старинные книги, что и вызвало его желание ознакомиться с рукописями Афанасия. Одна из рукописей пробудила у него особый интерес, и он получил доступ к работе с нею. Это был рукописный сборник без названия, в дальнейшем называвшийся сборником *Школьных азбуковников*. Однако Мордовцев не успел закончить с ним работу: Афанасий забрал рукопись с собой, отбывая в 1856 году на новое место служения. Но это не помешало Даниле Лукичу ввести в научный оборот часть текста, которую он успел скопировать и прочесть: в 1862 году увидело свет его сочинение *О русских школьных книгах XVII века*¹. Эта работа — единственная в обширном творчестве Д. Л. Мордовцева (полное собрание его сочинений составляет 60 томов), являющаяся историческим исследованием, но ставшая широко известной.

Не случайно рукопись, принадлежавшая архиепископу, вызвала такой интерес начинающего литератора и он счел необходимым опубликовать свой труд о ней, не успев даже дочитать ее до конца. Как раз в 1854 году вышла книга Н. А. Лавровского *О древнерусских училищах*, в которой автор утверждал, что уровень просвещения и школьного дела в Древней Руси был чрезвычайно высок (Лавровский 1854). Идеи Лавровского нашли поддержку в церковных и в славянофильских кругах. В журнале *Москвитянин* вышли заметки И. К. Куприянова, в *Народной беседе* — сочинение М. Д. Хмырова, близкие по духу и содержанию книге Лавровского. В них особенно подчеркивался «народный дух» древнерусских школ.

В том же городе Саратове в это же самое время находился другой молодой литератор и публицист — Николай Гаврилович Чернышевский, который четырьмя годами раньше Мордовцева окончил тот же историко-филологический факультет Петербургского университета и в 1850 году также вернулся в родной город. Он тоже прочел книгу Лавровского, которая произвела на него самое отрицательное впечатление, им он поделился с читателями в резкой критической рецензии. «К несчастью, — писал он, — автор не мог найти решительно никаких определенных известий о предмете, который должен был составить содержание его книги. Поэтому эта книга осталась совершенно без всякого содержания. В ней говорится об училищах, но говорится ровно ничего, потому что ровно ничего нельзя сказать о них» (Чернышевский 1949, 689). В других рецензиях Чернышевский критиковал славянофильские исследования за, как мы сказали бы сегодня, «презентистский» подход: «В последнее время у многих ученых... развилась странная привычка переносить

¹ Здесь и далее все указания даны только на первые издания.

сильно на старину все те понятия, какие только прилагаются к настоящему времени...», и объяснял это тем, что «между людьми, занимавшимися русской историей и изучением русской народности, было очень мало ученых в истинном смысле слова» (Чернышевский 1949, 675–76).

Таким ученым «в истинном смысле слова» был Николай Егорович Забелин, мнение которого о скудости и убогости древнерусской образованности пытался опровергнуть новгородский историк, постоянный корреспондент *Москвитянина* И. К. Куприянов, приведя несколько единичных примеров этой образованности, а также много общих рассуждений о том, что церковь и государство нуждались в грамотных людях (Куприянов 1855). Забелин пространно и очень корректно отвечал на критику Куприянова. Суть разногласий он верно усмотрел в «противоположности общих взглядов» авторов на историю России. Забелин, действительно, знал и любил древнюю Русь, однако без славянофильских умилений по ее поводу. Он дал критическую оценку обоим направлениям: западники вообще не дорожат национальными традициями, а славянофилы тщетно пытаются приладить устои старой Руси к новым условиям. Историк в целом не отрицал дальнейших изменений взглядов на образование в Древней Руси, но только на основе кропотливой работы с рукописными материалами и новыми в них открытиями. Он писал: «Разработка же русской старины еще в первой поре: она молода и неопытна, оттого и резкости, и односторонности в ее суждениях неизбежны» (Забелин 1856, 19–20).

Д. Л. Мордовцев был в курсе этой полемики по поводу уровня древнерусской образованности: в своей книге он сделал ссылки на статьи Куприянова, Забелина, Руднева, но он колебался — какую же из сторон поддержать? Отзывался Мордовцев об этих статьях 50-годов так: «Одни говорят, что до самого Петра у нас не было даже школ, другие едва ли не находят у нас существование Университетов во время Монгольского владычества. Настоящей же оценки хотя бы и XVII века мы почти не находим ни у кого, хотя этому времени давно бы пора отдать должное» (Мордовцев 1862, 27).

Случайно оказавшийся у него в руках сборник XVII века со школьными азбучниками представился ему важным аргументом, «козырным тузом», в возникшем споре о существовании школ в древней Руси — он его доказывал! И, тем не менее, Мордовцев был солидарен с Забелиным: «[...] нам кажется более правильным, писал он, — взгляд Забелина на характер древнего образования в России, чем взгляд г. Куприянова. Г. Забелин, любя русскую старину, не увлекается предположениями относительно успехов педагогики в допетровской Руси, и не делает выводов, в сущности прекрасных и утешительных, но несогласных с действительностью, какие делает г. Куприянов, увлеченный той же любовью к старине» (Мордовцев 1862, 97). Одновременно он не соглашался с А. Рудневым, считавшим, что на Руси «училищ, даже и для самого начального обучения, почти вовсе не было» (Руднев 1855, 67). Сам Мордовцев старался быть в выводах осторожным, он работал с текстами, которые явно не отличались развитостью педагогической мысли, но тут был обширный круг знаний и стремление к ним. Много в них было не-

понятно ему и удивительно. «И XVII век мы знаем всего менее, а еще менее оценили его», — писал он, одновременно подвергая сомнению значимость реформ Петра, и, таким образом, примыкая к славянофильским воззрениям (Мордовцев 1862, 26–7). В начале книги Д.Л. Мордовцев писал о том, что «Азбуковники очень ясно говорят о существовании у нас в XVII веке училищ для первоначального обучения» (Мордовцев 1862, 28). В ее же заключении он ушел от каких-либо общих выводов, объяснив в конце своего труда, что рукопись у него забрали и его работа оказалась прервана. И, тем не менее, в последующей историографии его книга действительно стала аргументом у тех, кто считал древнерусскую образованность высокой.

Желая сделать Афанасьевскую рукопись известной ученому миру, Мордовцев ставил задачу передать ее общее содержание, не делая сравнений с какими-либо другими сочинениями. Он писал: «Я не стану делать окончательных выводов на основании их (азбуковников — О.К.) содержания, я разберу их так, как будто бы они составляли отдельное явление в литературе того времени, без всякого отношения к прочим тогдашним памятникам, не делая никаких заключений относительно того, какое место они занимают в истории нашего развития ...» (Мордовцев 1862, 38). Опубликовать рукопись целиком автор не имел никакой возможности. Она содержала более 400 листов, включавших в себя 8 сочинений, называвшихся «азбуковниками», такое издание потребовало бы колоссальной археографической работы. Название «азбуковник» свидетельствовало только о форме текстов, составитель старался расположить их в алфавитном порядке. На первый взгляд рукопись представляла собой хаотично собранные силлабические вирши с дидактическими православными наставлениями, перемежающиеся молитвами, ветхозаветными текстами, образцами эпистолий, грамматикой и прочими сочинениями, которые, так или иначе, связаны с детским обучением. В них перемешаны руководства и для учителей, и для учеников, и для старост, и для родителей. Пересказать ее содержание практически невозможно, но все же Мордовцев героически взялся за этот труд.

Хотя Даниил Лукич и пытался следовать за текстом рукописи, все же из него он выделял темы, наиболее его интересовавшие. Одной из таких тем он считал описание в азбуковнике *Школьное благочиние* порядков, существовавших в допетровской школе. Мордовцев полагал, что азбуковник непосредственно отражал реальную школьную практику. Ему пришлось проделать сложные манипуляции при работе с текстом, поскольку школьные правила в нем, как он сам и отмечал, «рассеяны без всякой связи» и «трудно привести в систему эти отрывки» (Мордовцев 1862, 8).

Приведение бессистемного текста в систему поставило Мордовцева перед новыми трудностями: в разных «отрывках» он сталкивался с противоречивыми утверждениями. Например, в одном месте говорилось, что староста в классе был один, а в другом — что трое. Есть текст о роспуске детей по домам на обед и противоречащее ему правило о том, что учитель должен читать детям во время обеда «полезныя писания». Такие противоречия, видимо, не волновали автора-составителя этого сборника, но ставили в тупик Мордовце-

ва, который, к примеру, писал: «но как могли слушать эти правила ученики, когда они распускались по домам и обедали каждый со своими родителями? Для того, чтобы ученики имели возможность за обедом слушать эти учительские чтения, остается предположить, что к обеду их не распускали. Тогда явится необходимость делать заключения о том, что они обедали в школе; а это предположение ведет за собой новую догадку, что они имели в школе общий стол. Так на чей же счет готовился этот стол? На общественные деньги? Но эти догадки заведут нас слишком далеко и поднимут такие вопросы, на решение которых мы не надеемся при настоящих средствах» (Мордовцев 1862, 21). Воистину, это справедливо!

Еще одной странности текста, а именно повторов одного и того же утверждения в разных местах², Мордовцев нашел такое объяснение: «тоже-ство фраз и повторение их в разных местах одинаковым образом, все доказывает, что фразы эти имели полное гражданство в правилах нашей древней школьной дисциплины...» (Мордовцев 1862, 10). Автор заметил схожесть школьных правил азбуковников со школьным уставом братских школ украинского г. Луцка, однако, гипотезы о том, что может быть перед нами и есть пересказ правил *разных* братских школ, он не выдвинул.

В отождествлении сведений рукописи со школьной реальностью XVII века Мордовцевым делалось лишь одно исключение по отношению к проблеме наказаний. Он писал, что похвала розге — есть «только словесное устрашение», угрозы наказаний не были столь суровы на деле, как они выглядели на бумаге, упоминаемые «при всяком удобном случае и на каждой странице» (Мордовцев 1862, 13). При этом Мордовцев соглашался с И. Е. Забелиным в том, что воспитание «по большей части не обходится без розог» (Мордовцев 1862, 14). Однако, продвигаясь к концу рукописи, и выписав все, что говорилось о телесных наказаниях (Мордовцев 1862, 13–5), Мордовцев заметил, что на самом деле далеко не во всех азбуковниках поднимается тема розги. Опять возникло противоречие, которое сделало и текст Мордовцева в этом вопросе тоже противоречивым: с одной стороны без дополнительных сведений он не хотел верить в жестокость древнерусской учительской практики, тексты о которой сам же добросовестно и представил читателям, с другой — утверждал, что такая практика была обычной.

Стремление Мордовцева видеть в текстах прямые свидетельства о существовании школ оставляло без анализа их текстологические особенности: странные повторы и противоречия, отсутствие четкой композиции, виршевое и азбучное построение текстов и многое другое.

Книга Д. Л. Мордовцева стала классической, она обильно цитируется в историко-педагогических исследованиях, относящихся к допетровскому пе-

² Например, в одном месте: «В школу добру речь вноси, Из нее же словесного сору не износи». В другом: «Словес смехотворных и подражание в школу не вноси, Дел же, бываемых в ней, огнюдь не износи». В третьем: «Школьный сор вон изнесите, Бытностей же и речей огнюдь не изнесите».

риоду. Огромной заслугой историка явилась его хоть и недостаточно удачная, но смелая попытка сохранить и популяризировать содержание рукописи из собрания преосвященного Афанасия.

Судьба же самой Афанасьевской рукописи оставалась неизвестной, пока в 1895 году ее не обнаружил Андрей Николаевич Петров в библиотеке Казанской Духовной Академии, которой она была завещана ее владельцем. Об этом исследователе удалось найти мало сведений. В октябре 1896 года он был принят в члены-корреспонденты Общества любителей древней истории, видимо, так высоко был оценен сделанный им доклад относительно указанной рукописи. В ответ на сообщение ему об этом председателем общества, исследователь с благодарностью написал: «Ваше уведомление... всегда будет служить мне напоминанием об одном из счастливых моментов моей жизни. Сознание незаслуженности оказанной мне комитетом чести, омрачает, правда, праздничное настроение, вызванное Вашим письмом. Но в то же время оно еще более утверждает меня в намерении по мере сил служить Обществу в его стремлении к намеченным целям» (РНБ. Ф. 536. Д. 7. Лл. 282–282 об.). А. Н. Петров продолжил исследование школьных азбуковников и опубликовал один из них о «нерадивоучащихся учениках» (Петров 1896b).

По-видимому, Петров искал и другие списки сборника школьных азбуковников. Это следует из его краткой записки А.Н. Пыпину от 22 октября 1897 года: «[...] в указанной Вами статье Алакритского я не нашел сведений о *Школьном благочинии* Тихонравова...» (РНБ. Ф. 621. Д. 658. Л.98.). Петров предполагал в будущем инициировать публикацию всей Афанасьевской рукописи, а статьей привлечь к ней внимание. Он скромно писал: «Сознавая несоответствие своих малых сил и средств с обширностью задуманного предприятия, мы надеемся, что люди более нас сведущие в деле исследования памятников старинной русской письменности, не откажут нам в своем просвещенном содействии наилучшему осуществлению его» (Петров 1896a, 80).

Отдавая должное труду Д. Мордовцева, Петров справедливо посчитал, что сообщаемые им сведения не вполне достаточные и точные, что текст книги отличается сбивчивостью и неполнотой изложения; что он «не дает ясного представления об этого рода памятниках; не говорит, например, сколько азбуковников заключается в сборнике, не всегда говорит, из которого азбуковника сделана та или иная выдержка» (Петров 1896a, 79).

Петров сделал полное научное описание Афанасьевского сборника-конволюта, состоявшего из четырех самостоятельных рукописей. Он обстоятельно описал все произведения, входившие в сборник, вплоть до их внешнего вида (расположения текста на листах) и опубликовал некоторые небольшие тексты, показавшиеся ему наиболее интересными. Особенно подробно он останавливался именно на азбуковниках, поскольку, как и у Мордовцева, его интерес был связан с историей «русской школы». Так, Петров писал: «Во второй части сборника нет азбуковников; поэтому выписываем оглавление ее без всяких замечаний» (Петров 1896a, 98).

Андрея Николаевича в первую очередь занимал вопрос — как эти азбуковники могли использоваться в процессе школьного обучения, потому что

это было очень трудно себе представить (Петров 1896а, 99). Сама азбучная форма этих произведений наводила его на мысль о том «исчерпывалось ли назначение этих азбучников усвоением их содержания, не служили ли они еще каким-нибудь образом к усвоению самой азбуки или грамоты?» (Петров 1896а, 99).

Петровым были расшифрованы две авторские записи, сделанные тайнописью на рукописи, в которых он прочел имя «Прохор». Таким образом, он осуществил первые шаги к определению автора-составителя сборника, разгадав его имя и чин — иеромонах Прохор. «Разумеется, имя составителя сборника само по себе не важно для нас, — замечал исследователь, — оно получит значение в том лишь случае, если поможет нам выяснить *личность* составителя. Между тем последняя нам известна очень мало» (Петров 1896а, 101). Он утверждал на основе вышеуказанных записей, что одна из частей рукописи несомненно является авторским творчеством Прохора, но как раз она, по его мнению, не была связана со школой: «большая часть содержания, по всей вероятности, была им списана» (Петров 1896а, 101). Делал ли это именно Прохор или нет, но по гипотезе Петрова весь сборник составлялся одним человеком, который произвел это с определенной целью: «Чем, какими побуждениями было вызвано составление рассматриваемых рукописей, и затем соединение их в один сборник? Однородность содержания сборника не позволяет объяснить его происхождение случайностью; и если мы предположим в его составлении более или менее ясно сознанную цель, должны будем предположить в составителе какую-то прикосновенность к современной ему школе и школьному делу» (Петров 1896а, 101). Петров, как и Мордовцев, не сомневался в существовании «школьного дела» в XVII веке. Однако он, как и Мордовцев, не задался вопросом о том, является ли Афанасьевская рукопись протографом? Видимо из-за существования на ней записей Прохора, он считал ее первоначальным вариантом сборника.

А. Н. Петров точно сформулировал главные вопросы к Афанасьевской рукописи — о способах использовании азбучников, о личности их автора или составителя, о цели создания сборника. Но у него не было на них ответа.

После появления книги Д. Л. Мордовцева в различных рукописных коллекциях стали обнаруживаться сборники, близкие по содержанию с Афанасьевскому, иначе говоря — списки одной и той же рукописи. Они продолжают обнаруживаться и сейчас³.

В 1918 году, благодаря предыдущим изысканиям, приват-доцент Петербургского университета Владимир Владимирович Буш (1888–1934) в своем исследовании по истории воспитания в допетровской Руси опубликовал уже на основе нескольких списков текст *Школьного благочиния* — одного из со-

³ Известные списки: 1) Афанасьевский (конец XVII века), утерян в Казанской духовной Академии; 2) РГБ, ф. 96 (собр. Дурова), утерян; 3) сборник Флорищевой пустыни (конец XVII века) утерян; 4) РНБ, Q.III.6 (конец XVII века); 5) РНБ, собр. Михайловского, № 521 (конец XVII — начало XVIII века); 6) БАН, 3315.137 (конец XVII века); 7) РНБ. F.XIV. 73 (начало XVIII века); 8) РГАДА.Ф.357, № 60 (конец XVII века).

чинений в составе сборника Школьных Азбуковников (Буш 1918). Однако Афанасьевской рукописи среди них не было, ее он использовал лишь на основе публикаций Мордовцева и Петрова. Причину этому Буш не объяснил, и можно предполагать, что рукопись либо оказалась утраченной казанской библиотекой, либо ему было затруднительно ехать в Казань. Последнее мне представляется более вероятным, учитывая сложное революционное время, а также умолчание Бушем о каких-либо его попытках найти эту рукопись. Сама я в Казань съездила, но Афанасьевскую рукопись обнаружить не удалось.

Для публикации В. В. Буш проделал отбор текстов: только два из всех Азбуковников, по его мнению, имели отношение к воспитанию детей. Эти тексты в его книге претерпели такие искажения по сравнению с рукописями, что работать с ними почти невозможно. Буш дал текст без его стихотворной разбивки, без учета киноварных букв, которые являлись важным смысловым элементом текста: они-то и делали его *азбуковником*, располагая строки «по азбуке». Знакомясь с публикацией Буша, мало кто из читателей догадается, что читает стихотворное произведение: оно представлено сплошным текстом, как в подлиннике, что непривычно современному глазу. В.В. Буш не раскрыл слова, стоявшие под титлом, но напечатал их без титл, в результате появились странные слова «бг», «мрь» или даже «о где бзе» (Буш 1918, 104 и др.), которые ставят в тупик читателей, не посвященных в особенности древнерусской письменности, и режут глаз посвященным. Многие слова публикатор просто искажил. Например, вместо слов «речи, *годственные* глаголати...» (т. е. речи, пригодные для произнесения), в публикации — «речи, *государственные*...» (Буш 1918, 24).

В книге содержатся также и иные, кроме указанных, произведения о воспитании (например, *Гражданство обычаев детских*), все они сопровождаются предисловиями Буша. Он ставил те же вопросы, что и А. Н. Петров. На вопрос о связи азбуковников со «школьным делом» Буш отвечал, что «мы имеем возможность пользоваться азбуковниками только для характеристики указанных школ более высокого типа второй половины XVII в. (после 1645–49 годов — время вызова ученых иноков Ртищевым). Для характеристики школ грамоты азбуковники — весьма ненадежный и шаткий материал» (Буш 1918, 29).

Вслед за А. Н. Петровым (которого он ошибочно называл Поповым (Буш 1918, 25–6) В. В. Буш предполагал наличие у школьных азбуковников единого составителя: «несомненно, — писал он, — автором-составителем всех шести азбуковников Афанасьевского сборника (а следовательно — и других списков [...]) было одно лицо. В этом вряд ли может быть сомнение — слышном они однородны по своим целям и задачам» (Буш 1918, 26). При этом он отказывал Прохору в каком-либо авторстве текстов, считая его «простым переписчиком рукописи». Буш писал: «... имя Прохора-Первостранника — пустой звук, с которым мы не можем связать никаких биографических или иных каких-нибудь данных» (Буш 1918, 26). При этом он всё же стремился определить автора стихотворного диалога *Школьное благочиние*, открывающего собой сборник школьных азбуковников. Дело в том, что главный участник диалога назван «Слагателем». Этим читателю давалось понять, что текст — не копия, перевод или компиляция, он — авторский. Имя автора предла-

галось разгадать. Для этого в тексте помещены настойчивые указания: «Зде слагатель имя свое являет», «В вышепомянутом убо словеси слагателево имя, чин же и отечество совершися, зде его же ради писася, и о ведомости и чине ведомость положися», «В первой строке слогателево имя совершися, во второй началное слово отечеству положися». В. В. Буш писал по этому поводу: «Любознательность напряжена до крайности, но, признаемся, нам не по силам разрешить эту шараду» (Буш 1918, 26).

Это оказалось по силам исследователю русской литературы XVII века А. С. Демину (Демин 1976). Он обратил внимание на два стихотворных послания, которые предваряли до той поры неизвестный список сборника школьных азбуковников начала XVIII века (РНБ. Ф. XIV. 73). В других списках эти маловразумительные послания не сохранились. Острый глаз специалиста-литературоведа сумел разглядеть в них тексты, зашифрованные акростихом. Следуя этому же методу, Демину удалось расшифровать и сложнейшую тайнопись-акростих, заключенную в самом диалоге *Школьное благочиние*. Во всей тайнописи фигурировало имя Прохора, в том числе и как «Слагателя». Ответы на вопросы, поставленные в свое время А. Н. Петровым, оказались сразу найдены — стала ясна и цель составления сборника, и имя составителя. Акростих таков: «Творение черного попа Прохора Коломнятина, сие написав, послал до детского учителя Диомида Яковлева с товарищи».

Статья А. С. Демина, опубликованная в 1976 году, относилась к другой сфере авторских интересов, чем труды всех его предшественников, работавших со сборником школьных азбуковников. Демина интересовала литература, а не проблема «школьного дела», в первую очередь он обращал внимание на форму текстов, что и помогло ему увидеть то, чего до него не видели другие. Однако открытие А. С. Демина долго оставалось незамеченным, обнаруженное им новое имя Прохора Коломнятина в литературе XVII века даже не вошло в Словарь древнерусских книжников.

Однажды в моих руках оказался неизвестный список сборника школьных азбуковников из собрания Саровской пустыни. Желание с ним познакомиться подробнее было осложнено трудностями в понимании его текстов; стремление их преодолеть переросло в увлекательный процесс исследования (Кошелева 2011; Kosheleva 2013; Kosheleva 2015), который включил в себя и знакомство с вышеописанными достижениями моих предшественников. Для этого исследования оказались важными и труды из иных областей: исследования барочной литературы и виршевой поэзии XVII века (Панченко 1973; Гаспаров 1985; Былинин 1985; Елеонская 1990 и др.), и исследования по истории образования (Фонкич 2009 и др.). Иначе говоря, появились такие знания, которых не было у исследователей XIX века. Они позволяют представить себе тот культурный контекст, в котором возник и распространялся сборник школьных азбуковников.

Итак, стало известно, что «детский учитель» Диомид Яковлев сын Серков «со товарищи» попросил монаха Прохора написать ему «школьное благочиние», или, говоря современным языком, «школьный устав», «школьный распорядок». Прохор просьбу не только выполнил, но и перевыполнил.

Помимо сочиненного им *Школьного благочиния* он включил в сборник еще множество разнообразных материалов, которые, видимо, считал также нужными для работы учителя. Про Диомида как учителя ничего не известно, но его «след» в литературе был выявлен С. А. Семячко. В 1690-е годы Диомид работал писцом в Певческой палате при Патриаршем приказе, занимался перепиской и иных книг, сам составил сборник *Крины селные (Цветы полевые)*, в том числе увлекался включением в свои тексты акростихов (Семячко 2003, Семячко 2013). Возможно, он был сыном малоизвестного иконописца Оружейной палаты Якова Серкова.

Мои поиски дополнительных сведений о Прохоре Коломнятине не увенчались успехом: о нем можно было судить только по тем немногим свидетельствам, которые он оставил в школьных азбуковниках. Прохор, видимо, был родом из Коломны. Он являлся монахом в священническом сане («черный поп») и жил в пустыни Марчуги на берегу Москвы-реки (ныне — село Фаустово). До 1678 года пустынь принадлежала Андреевскому монастырю в Пленницах, потом перешла к Соловецкой обители. Связь Марчуг с Андреевским «учительным» монастырем может объяснить интерес Прохора к школьной тематике, но это лишь гипотеза. В 1670–80 годы в Марчугах проводилось большое каменное храмовое строительство, поддержанное царем Федором Алексеевичем. Находясь в Марчугах в начале 1680-х годов, Прохор, безусловно, был свидетелем или участником этого строительства. Более того — как отметила со ссылкой на справочник П. М. Строева Н. В. Савельева — в 1677 году имя настоятеля пустыни было «Прохор» (Козинцев и Савельева 2020, 474). Из Марчуг он перебрался на Волгу, в костромской Ипатьевский монастырь. В 1684–85 годах Прохор уже называл себя «иеромонахом» (Петров 1896а, 85). Сами же тексты школьных азбуковников говорят о тяге Прохора к созданию виршей, к барочной словесности, к различным языковым «играм».

Вопрос о том, где и как могли использоваться тексты школьных азбуковников Прохора, на мой взгляд, имеет ответ. Школьного образования в российском обществе не сложилось в том виде, каким оно существовало в Европе и в регионе Малой и Белой Руси. Здесь школы заменяла система частного ученичества, которая сознательно строилась, исходя из отрицания и противопоставления себя «латинской» образованности (Kosheleva 2019). Однако идея школ завладела умами русских людей во второй половине XVII века. Причиной задуматься о необходимости нового обучения стал раскол в православной церкви, потрясший мирную жизнь прихожан. Помимо старообрядцев появились в Москве и осторожные сторонники западной учености, первым из которых был православный на словах и униат в душе монах Симеон Полоцкий, а также переводчики Посольского приказа, соприкасавшиеся с западной литературой, и выпускники Киевской академии, усвоившие латинскую премудрость, и многие другие. В связи с расколом также повысился интерес к греческой письменности, и сами греки постоянно присутствовали в Москве и подогревали идею создания школ (Фонкич 2009). В 1681 году удалось организовать греко-славянское училище на московском Печатном дворе и по

соседству с ним, в Заиконоспасском монастыре занимался с подъячими латынью Сильвестр Медведев. К 1682 году был подготовлен и подан царю Федору Алексеевичу *Привилей на Академию* — проект создания высшего учебного заведения. Существует множество и других фактов, которые говорят о том, что вопрос о расширении круга знаний, о новых формах обучения возник с особой остротой, он заинтересовал не только рядовых книжников в рясах и без ряс, но и церковных иерархов, и царский двор, поскольку «правильное» школьное православное обучение могло как-то предотвратить разномыслие и церковный раскол. То, что он возник от «невежества» — стало достаточно распространенной идеей, которую декларировали Симеон Полоцкий и Паисий Лигарид на соборе 1666 года.

Последняя четверть XVII века — время стремлений к созданию учебной книги, ориентированной на православных детей, поиска ее оптимальных форм и содержания. Попыткой решить эту проблему, видимо, и является сборник Школьных азбуковников, как и другие подобные сборники текстов, которые учителя создавали для своих учеников (о чем и просил Прохора учитель Диомид) (Kosheleva 2015).

Многие из подобных сборников в разное время описывались, частично публиковались и цитировались, но вплоть до недавнего времени никаких обобщений рукописного наследия учебного характера сделано не было. Новую парадигму в разработке темы задала Мария Кристина Брагоне, опубликовавшая *Алфавитар* Евфимия Чудовского с комментариями практически к каждой его строке. Эти комментарии выявляют параллели с другими рукописями, интерпретируют каждый сюжет в тексте и, таким образом, сама публикация текста превращена в его серьезное исследование (Bragone 2008). Безусловно *Алфавитар* — сочинение, типологически схожее со школьными азбуковниками Прохора (Kosheleva 2015). Теперь можно отойти от точки зрения Мордовцева, рассматривавшего рукопись Прохора «как отдельное явление в литературе того времени без всякого отношения к прочим тогдашним памятникам» (Мордовцев 1862, 38). Возможно выделить три группы «учительских» сборников: 1) Школьные азбуковники в различных списках (см. сноску 3); 2) *Алфавитар* в различных списках (Bragone 2008, 23); 3) уникальные учительские сборники в единичных списках (Кошелева 2013; Кошелева 2015a; Кошелева 2015b). Их целевая аудитория — люди, связанные с процессом обучения: учителя, ученики, родители. Однако авторам этих сборников не удалось внести что-либо новое в содержание образования. По сравнению с литературой латинской традиции, православная литература была бедна текстами, связанными с обучением, что естественно при отсутствии школьных практик. Поэтому содержание образования оказывалось в этих сборниках традиционным — уметь читать душеспасительные книги и понимать Священное писание, чтобы становиться на путь спасения души. Однако учить всему этому Прохор (как и некоторые другие авторы учительских сборников) предлагал совершенно по-новому — через стихотворные тексты. Кажется, он и представлял себе общение в стенах школы исключительно рифмованной речью.

Разные обстоятельства помешали мне опубликовать почти уже готовую книгу про школьные азбуковники Прохора Коломнятина. Это огорчало, но как оказалось, совершенно напрасно!

С 2019 года филолог Н.В. Савельева начала публикацию серии статей с анализом обнаруженного ею в неописанной части рукописей РО ГИМ сборника, имеющего владельческие записи Прохора Коломнятина и бесспорно принадлежавшего ему как составителю (ГИМ, Муз. собр. 2803) (Савельева 2019; Левичкин и Савельева, 2021; Козинцев и Савельева 2020, Козинцев и Савельева 2021). находка сборника *Цветник* помогла исследовательнице связать с ним уже известный, но не атрибутированный как принадлежавший Прохору Коломнятину сборник из собрания РГБ (Ф. 310. № 301): он считался написанным безвестным писцом Прохором (Крушельницкая 1996, 68). Теперь же имя «Прохор» перестало быть «пустым звуком, с которым мы не можем связать никаких биографических или иных каких-то данных», как об этом писал В. В. Буш (см. выше); биография Прохора приняла достаточно отчетливые формы.

Итак, сведения о Прохоре в начале 80-х годов XVII в. дополнились данными более раннего периода его жизни — начиная с 40-х годов (Савельева 2019; Крушельницкая 1996). Я воспроизведу их кратким образом. В сборнике РГБ Прохор написал о себе: «Переславля Залесского Живоначальных Троицы Данилова монастыря чорной дьякон» (РГБ. Ф. 310. Д. 301. Л.125.). Здесь же он оставил много записей, фиксировавших приобретение рукописей для сборника: «... выменил *Житие* ... у житенного дьячка», «... *Сказание о обретеннии мощей* ... , то аз, убогий, потрудися руководством своим» (т.е. написал своей рукой), «... *Взятие Царя града* ... даде же ми москвитин Иаков Яковлев», «списал сие *Житие* на Москве [...] у торгового человека Матфея Леонтиева» (РГБ. Ф. 310. Д. 301. Лл. 125, 128 об., 142 об.) и др. По этим записям, в которых везде проставлены не только имена, но и даты, видно, что Прохор весь 1663 год целенаправленно собирал материалы об основателе монастыря Даниле Переславском: в конце января он — в Переславле, 17 марта он — в Москве, весь сентябрь трудится вновь в Переславле, собирая и переписывая тексты. Одна из записей ретроспективна — она рассказывает о том, как в 1652 году по повелению патриарха Никона проходило «свидетельствование» (т. е. признание) чудес Даниила, судя по ней, Прохор при этом присутствовал. О поддержке клира Данилова монастыря местоблюстителем патриаршего престола ростовским Ионой говорит перемещение и келаря, и строителя этой обители в Чудов монастырь в 1662 году, но с родной обителью они не теряли связи и содействовали ее развитию. Работа Прохора не представляется случайной, в переславском монастыре как раз в 1660-е годы шло строительство, поддерживаемое из Москвы — в 1660 году была построена церковь для раки с мощами Даниила, а в 1662 году — началась роспись собора (Добронравов 1908, 51–7; Сукина 2002, 11). Очевидно, что сборник с *Житием* и чудесами Даниила составлялся в едином комплексе мероприятий по его признанию чудотворцем, которое ставило монастырь в особо выгодное положение и давало доход от паломничества людей, ожидавших чудотворе-

ния. Такую работу мог выполнить для монастыря только опытный книжник, которым Прохор и являлся.

Все время Прохор, оставаясь в монастыре «черным дьяконом», копировал для себя разные тексты и писал собственные. В 1668 году он объединил их под одним переплетом в малую (в «осьмушку»), но толстую (220 листов) книжицу. Исползованные в ней тексты чрезвычайно разнообразны: есть выписки из Пролога, Псалтыри, Маргарита, Алфавита, Хронографа, Лествицы, Физиолога, Краткого летописца, изречения из Златоуста и Василия Великого и мн. др. Склонность Прохора к фиксации происхождения использованных им текстов показывает, как отмечает Н.В. Савельева, что он имел у себя большое количество книг московского Печатного двора и цитировал их с указанием страниц. Тематика также широка: об Оригене, об Арии, о Пифагоре, о Софии Премудрости Божьей (из Кирилла Философа), каким подобает быть учителю, о составе души, таблица грехов человеческих, о пьянстве, о морях, о Волошской земле, об Америке; о камнях, «Круг небесный», о Иерусалиме, о крещении Владимирове, о церковных таинствах, о строительстве в Ростове церкви Вознесения и мн. др. Присутствуют здесь и рецепты для художественного мастерства: как «по тофте писать золотом», «како синь творить», «како ярь ставить», «состав как наводить на булат и на сталь и на простое железо по черни золотом», «как писать водою на бумаге» и «как писать фосфором по бумаге» (ГИМ. Муз. собр. 2803. Лл. 188–189 об.). Эти сведения, возможно, почерпнуты у иконописцев-костромичей, расписывавших Троицкий собор. Здесь есть и стихотворные опусы, например, поздравительные вирши некоему Василию Петровичу и расположение текстов по алфавиту, и акrostих, что роднит сборник 1668 года со сборником 1680-х годов. Но главный интерес представляют собой необыкновенные словари-разговорники, безусловно составленные самим Прохором: небольшие — латинский и греческий, огромный — тюркский, а также редчайшие — коми-зырянский и карельский (см. подробнее: Левичкин и Савельева 2021; Козинцев и Савельева 2020, Козинцев и Савельева 2021; Савельева, Муллонен и Федюнева 2021). Словари Прохор создавал по тематическому принципу (Н. В. Савельева даже сравнивает его подход к языкам с подходом Яна Амоса Коменского, представлявшего через них весь подгорный мир; см. Левичкин и Савельева 2021, 73). В тюркском словаре в особых главах описываются обычаи и вера мусульман, их одежда, вооружение, письменность, география Крымского полуострова. Словарь свидетельствует о пребывании Прохора в крымском плену, и, по обоснованному мнению Н. В. Савельевой, составлен он именно там. Она считает, опираясь на косвенные свидетельства этого текста, что Прохор принадлежал к служилым дворянам, но при этом «занимался знакомым ему служебно-приказным делом» (Савельева 2019, 61), что, на мой взгляд, противоречиво, но все же возможно. Савельева также предполагает, что Прохор «был воспитателем при (крымском — О.К.) дворе высокопоставленного лица и мог наблюдать за повседневной придворной жизнью и бытом» (Савельева 2019, 61); это, однако, представляется невероятным. Или пленник мог «использоваться в качестве секретаря или переводчика при русском посольстве в Крыму» (Савельева 2019, 61);

это тоже вряд ли возможно (посольства, приезжавшие на небольшие сроки, не имели секретарей и переводчиков, толмачи же брались из касимовских татар).

Разные тексты были систематизированы Прохором и переплетены в сборник, получивший популярное название *Цветник* — «букет» разнообразных выписок и сочинений. Такие малые, карманные книжицы было удобно носить с собой. Две надписи в конце книги, сделанные рукою Прохора, как всегда имеют имя, чин, дату и место написания: «Сия книга, рекомая *Цветник*, черного дьякона Прохора Коломнятина. Подписал своею рукою 176 году февраля в 7 день» (л. 219) и «Переяславской поп Данил отпущен марта 3 со Александром и с Путилою вместе» (форзац). Последнее событие, видимо, было чем-то важно для Прохора. Возможно, эти надписи имеют связь между собой: не исключено, что Прохор передал свою рукопись попу Даниле, отправившемуся в начале марта, пока не началось половодье, куда-то в путь.

Содержание сборника ГИМ, как и двух других, показывает, что Прохор был знатоком современной ему книжности. Он любил точность, систематизацию и порядок в своих сборниках и никогда не забывал проставить дату и свое имя. Но главное его качество — любовь к языку, говорит о том, что он имел дар лингвиста. Его пленяло существование разных языков, он творил вирши и придумывал сложные шифры, он постоянно играл в игры со словами. Будучи эрудитом, Прохор работал на заказ, точнее — по просьбам: учитель Диомид просил его написать про школьное обучение, псковский келарь Феодосий — о том, как слагать послания в виршах, а власти переславского Данилова монастыря — собрать тексты о чудесах Даниила. Прохор все эти задания выполнил, и вероятно, он получал другие подобные просьбы, о которых нам не известно. Он имел широкий круг знакомств, в том числе в Москве. Дважды мы видим Прохора в местах активного монастырского строительства — в Марчугах и в Даниловом монастыре, что, возможно, не случайно. Период жизни Прохора между Переславлем и Марчугами покрыт неизвестностью. Хотелось бы узнать о Прохоре больше и увидеть еще тексты, написанные его рукою. На это можно надеяться.

Статья эта, однако, не о Прохоре Коломнятине и его трудах, а о том, как и почему он привлекал внимание многих исследователей, и они шаг за шагом разгадывали его загадки, собирали по крупицам сведения о нем, и теперь Прохор Коломнятин, безусловно, займет место в ряду выдающихся книжников XVII века. Это статья о том, что нас еще ждут открытия новых имен в среде интеллектуалов предпетровского времени.

PS.

После того, как данная статья была закончена и отправлена в печать, я обнаружила еще один сборник, составленный Прохором. О нем сделано это краткое дополнение без изменения текста самой статьи, в которой была выражена надежда на новые находки.

Речь идет о рукописи под названием *Разум церковный*, уже известной исследователям, занимавшимся календарно-хронологическими сборниками, она имеет две записи с именем Прохора (Романова 2002, 296–97). Сравне-

ние почерков показывает, что, без сомнения, одна из записей сделана рукою Прохора Коломнятина. В авторском предисловии к книге (Кошелева 2024) сказано, что имя составителя сборника «по осмочастному разуму положенное» читатель найдет в его конце. Таким же образом Прохор обращался к читателям *Школьных азбуковников*, шифруя свое имя. В завершении сборника, однако, шифра нет, зато автор открыто обозначен в самом его начале, где сказано, что *Разум церковный* был написан в 1671 году в Андреевском монастыре «в Пленницах» «черным диаконом Прохором». Вторая же запись по нижнему полю рукописи говорит о том, что в апреле 1673 года иеромонах Спаса Нового (московского Новоспасского монастыря) Прохор Тихомиров продал эту рукопись дьякону этого же монастыря Макарию. Таким образом, период жизни Прохора между Переяславлем и Марчугами неожиданно приобрел ясные черты. Он переехал в Москву, в Андреевский учительный монастырь, не случайно написанный им здесь сборник *Разум церковный* носит учебный характер⁴, а затем принял священнический сан и перешел в Новоспасский элитный монастырь с усыпальницей царской фамилии Романовых. Здесь Прохор находился в 1673 году, когда по желанию царя Алексея Михайловича там началось строительство церкви Покрова Богородицы, и это уже третий случай его присутствия при начале строительства нового храма. В этой записи Прохор называет себя Тихомировым, т. е. имя его отца — Тихомир, в переписях жителей Коломны возможно его удастся обнаружить. Итак, мы видим Прохора насельником ряда выдающихся монастырей — Данилова, Андреевского, Новоспасского, Марчугского, Ипатьевского — вероятно, его энциклопедические знания и учительные наклонности были широко востребованы. Прохор Коломнятин настойчиво заявлял о себе своими записями на рукописях, благодаря чему его имя встретилось многим исследователям российской книжности XVII века (А. Н. Петрову, В. В. Бушу, А. С. Демину, Е. В. Крушельницкой, А. А. Романовой, О. Е. Кошелевой). Однако в разрозненном по разным исследованиям состоянии оно долго оставалось «пустым звуком», теперь же, в первую очередь благодаря работам Н. В. Савельевой, его творческое наследие, собранное воедино, и его биография стали значимы и очевидны.

Источники

Архивные материалы

Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук (НИОР БАН).

Отдел Рукописей Российской Государственной Библиотеки (ОР РГБ).

Музейное собрание Рукописного Отдела Государственного Исторического Музея (РО ГИМ Муз. собр.).

Российский Государственный Архив Древних Актов (РГАДА).

Отдел Рукописей Российской Национальной Библиотеки (РНБ).

⁴ О его содержании подробнее см.: Романова 2002, 297–303.

Библиография

- Буш, Владимир В. 1918. *Памятники старинного русского воспитания. К истории древнерусской письменности и культуры*. Петроград: тип. Кюгельген, Глич и Ко.
- Былинин, Виктор К. 1985. *Русская поэзия первой половины XVII в. Проблемы развития*. Дисс. на соискание звания канд. филол. наук. Москва.
- Воробьев, Михаил свящ. 2003. «Афанасий (Дроздов Александр Васильевич).» В *Православная энциклопедия*. Т. 3, ответственный редактор патриарх Кирилл, 712–13. Москва: ЦНЦ Православная энциклопедия.
- Гаспаров, Михаил Л. 1985. «Оппозиция «стих-проза» и становление русского литературного стиха.» В *Русское стихосложение: Традиции и проблемы развития*, редактор Леонид Тимофеев, 264–77. Москва: Наука.
- Демин, Анатолий С. 1976. «Диалог «Школьное благочиние» Прохора Коломнятина.» В *Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник за 1975 год*, редактор Дмитрий Лихачев, 48–52. Ленинград: Наука.
- Добронравов, Василий Г. 1908. *История Троицкого Данилова монастыря в городе Переславле-Залесском*. Сергиев Посад: Типография Троице-Сергиевой лавры.
- Елеонская, Анна С. 1990. *Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века*. Москва: Наука.
- Забелин, Иван Е. 1856. «Характер древнего народного образования в России (несколько замечаний о «Заметке для истории просвещения в России» г. Куприянова).» *Отечественные записки. Журнал учено-литературный* 3, 105: 1–20.
- Козинцев, Марк А. и Наталья В. Савельева. 2020. «Тюркско-русский словарный свод в сборнике инок Прохора Коломнятина 1668 г.» В *Труды отдела древнерусской литературы*, отв. ред. Наталья Поньрко. Т. 67, 468–552. Санкт-Петербург: Наука.
- Козинцев, Марк А. и Наталья В. Савельева, 2021. «Тюркский свод Прохора Коломнятина в ряду нарративных памятников крымской тематики XIV–XVII веков.» *Золотоордынское обозрение* 9, 4: 808–31. <https://doi.org/10.22378/2313-6197>.
- Кошелева, Ольга Е. 2011. «Как сочинять послания в виршах? «Уроки» Прохора Коломнятина (1680-е гг.).» В *Человек читающий: между реальностью и текстом источника*, отв. ред. Ольга Тогоева и Игорь Данилевский, 283–315. Москва: Институт Всеобщей истории РАН.
- Кошелева, Ольга Е. 2013. «Рукописный сборник учебного состава и А. А. Винуус.» В *Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Третьи чтения памяти Л. В. Милова, Материалы международной научной конференции*. Вып. 3, отв. ред. Валентин Янин и др., 491–99. Москва: Издательство МГУ.
- Кошелева, Ольга Е. 2015а. ««Алфавитницы дидакакала» и формирование учебной книги в рукописной традиции второй половины XVII века.» В «*В России надо жить по книге*». *Начальное обучение чтению и письму. Становление учебной книги XVI–XVII вв.*, отв. ред. Мария Тендрякова и Виталий Безрогов, 30–41. Москва: Памятники исторической мысли.
- Кошелева, Ольга Е. 2015б. «Рукописный сборник князей Черкасских — памятник педагогической мысли XVII в. (источниковедческий аспект).» В *Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Четвертые чтения памяти Л. В. Милова. Материалы международной научной конференции*, отв. ред. Валентин Янин и др., 238–43. Москва: Издательство МГУ.
- Кошелева Ольга Е. 2024. «Предисловие до боголюбезного читателя» Прохора Коломнятина из рукописи «Разум церковный». В *Словесность и история: 3*. С.53-68.

- Крушельницкая, Екатерина В. 1996. *Автобиография и Житие в древнерусской литературе*. Санкт-Петербург: Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН.
- Куприянов, Иван К. 1855. “Заметки для истории просвещения в России.” *Москвитянин* 10: 147–50.
- Лавровский, Николай А. 1854. *О древнерусских училищах от принятия христианства на Руси до конца XV века*. Харьков: Типография Харьковского университета.
- Левичкин, Александр Н. и Наталья В. Савельева, 2021. “Памятники древнерусской лексикографии в сборнике Прохора Коломнятина.” *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарных Наук* 163, 4–5: 67–96. <https://doi.org/10.26907/2541-7738>.
- Мордовцев, Даниил Л. 1862. *О русских школьных книгах XVII века*. Москва: Университетская типография.
- Панченко, Александр М. 1973. *Русская стихотворная культура XVII века*. Ленинград: Наука.
- Петров, Андрей Н. 1896а. “Об Афанасьевском сборнике XVII в. и заключающихся в нем азбуковниках.” В *Памятники древней письменности, СХХ*, прил. 4, 78–101. Санкт-Петербург: Тип. И.Н. Скороходова.
- Петров, Андрей Н. 1896б. “Азбуковник о нерадивоучащихся ученицах (к вопросу о физических наказаниях в старинной русской школе).” *Народное образование* 11: 37–45.
- Романова, Анастасия А. 2002. *Древнерусские календарно-хронологические источники XV–XVII вв.* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Руднев, А. 1855. “О воспитании в России в XVI и XVII вв.” *Библиотека для чтения* 8. *Смесь*: 67–72.
- Савельева, Наталья В. 2019. “Неизвестные памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломнятина.” *Русская литература* 3: 54–63. <https://doi.org/10.31860/0131-6095>.
- Савельева, Наталья В., Муллонен, Ирма И. и Галина В. Федюнева. 2021. “Карело-русский и коми-зырянско-русский словари-разговорники в рукописном сборнике 1668 г.” *Linguistica Uralica* LVII (4): 250–76. <https://dx.doi.org/10.3176/lu>.
- Семячко, Светлана А. 2003. “Об автографах Диомида Серкова и сборнике «Крины сельные».” В *Труды отдела древнерусской литературы*. Т. 54, 613–22. Санкт-Петербург: Наука.
- Семячко, Светлана А. 2013. “Автограф Диомида Серкова в Библиотеке БАН.” В *Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН*, отв. ред. Ирина Беляева, 133–35. Санкт-Петербург: Библиотека Академии наук.
- Сукина, Людмила Б. 2002. *Троицкий собор Данилова монастыря в Переславле-Залесском*. Москва: Северный паломник.
- Чернышевский, Николай Г. 1949. “О древнерусских училищах Н. Лавровского.” В *Полное собрание сочинений. В 15-ти томах. т. 2. Статьи и рецензии 1853–1855*, 688–89. Москва: Гослитиздат.
- Фонкич Борис Л. 2009. *Греко-славянские школы в Москве в XVII вв.* Москва: Языки славянских культур.
- Bragone, Maria Cristina. 2008. *Alfavitar radi uchenija malych detej. Un abbecedario nella Russia del Seicento*. Firenze: Firenze University Press.
- Kosheleva, Olga. 2013. “Formation of the 17th Century Intellectual Elite and the Works of Prokhor Kolomniatin.” *Quaestio Rossica* 1: 79–89.

- Kosheleva, Olga. 2015. "What should one teach? A new approach to Russian Childhood Education as reflected in Manuscripts of the Second Half of the Seventeenth Century." In *Word and Image in Russian History. Essays in honor of Gary Marker*, edited by Maria Di Salvo, Daniel Kaiser, Valery Kivelson, 270–95. Boston: Academic Studies Press.
- Kosheleva, Olga. 2019. "Education as a Problem in Seventeenth-Century Russia." In *The State in Early Modern Russia: New Directions*, edited by Paul Bushkovitch, 191–217. Bloomington: Slavica Publishers.

Ной и Иафет в ораторской прозе Феофана Прокоповича и Стефана Яворского

Евгений Матвеев

Abstract: *Noah and Japheth in the oratorical prose of Feofan Prokopovich and Stefan Yavorsky.* This article focuses on the functioning of the names *Noah* and *Japheth* in the oratorical prose of the main preachers of the Petrine era — Feofan Prokopovich and Stefan Yavorsky. Relying on the analysis of the available contexts and its sources the semantics which was probably hidden behind the comparison of Peter I and Japheth in Feofan Prokopovich's *Sermon on the Burial of Peter the Great* (1725) is being reconstructed.

Keywords: Petrine era, literary onomastics, oratorical prose, Feofan Prokopovich, Stefan Yavorsky

В знаменитом *Слове на погребение Петра Великого*, произнесенном в день похорон Петра I 8 марта 1725 года в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга, Феофан Прокопович, в соответствии с длительной традицией использования имен собственных в риторических целях (Панченко 2003; Keipert 1988; Сазонова 2002; Кузнецов 1993), сопоставляет Петра с такими библейскими персонажами, как Сампсон, Иафет, Моисей, Соломон и Давид. К этому ряду примыкает и одно сопоставление с небиблейским героем — императором Византийской империи Константином Великим. Обратим внимание на второе уподобление ряда: «Се твой первый, о России, *Иафет* [курсив здесь и далее наш. — Е. М.], неслыханное в тебе от века дело совершивший, строение и плавание карабельное, новый в свете флот, но и старым не уступающий, как над чаяние, так выше удивления вся селенья, и отверзе тебе путь во вся концы земли и простре силу и славу твою до последних окиана, до предел пользы твоя, до предел, правдою полагаемых, власть же твоя державы, прежде и на земли зыблющуюся, ныне и на мори крепкую и постоянную сотворил» (Феофан 1961, 127). Иафет, согласно Библии, — младший сын Ноя, праведного патриарха, построившего ковчег перед Всемирным потопом. Возникает закономерный вопрос: почему Феофан, говоря о Петре как о строителе российского флота, уподобляет его не Ною, а его сыну — Иафету? К сожалению, в существующих новейших изданиях, в которых опубликовано слово Феофана (Феофан 1961; Панегирическая литература 1979; Петр I 1996), этот вопрос никак не комментируется, а в исследовательской литературе лишь содержит-

Evgenij Matveev, Friedrich Schiller University, Germany, evgenii.matveev@uni-jena.de, 0000-0001-5804-1196

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Evgenij Matveev, *Noah and Japheth in the oratorical prose of Feofan Prokopovich and Stefan Yavorsky*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.22, in Svetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 275-286, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

ся указание на то, что Иафет как-то связан с идеей флота (Hughes 1998, 446; 2002, 206; 2007, 404; Буранок 2002, 154; Конакова 2007, 68)¹.

Между тем, для этого сопоставления в *Слове* Феофана можно обнаружить прямой — и при этом невербальный — источник. Этим источником был элемент погребального ритуала, который был подробно разработан после смерти Петра I 28 января 1725 года одним из его ближайших сподвижников Яковом Брюсом (Collis 2012, 49)². Известно, что в «печальной зале» Зимнего дворца, в которой 13 февраля 1725 года был размещен гроб с телом императора (Голиков 1789, 9, 212, 213, 222), среди прочего, размещались четыре пирамиды, в аллегорической форме изображающие разные стороны личности и реформаторской деятельности Петра. Подробное описание этих пирамид оставил, в частности, Феофан Прокопович в своей *Краткой повести о смерти Петра Великого*. Первая пирамида прославляла попечение императора о церкви, вторая — законотворческую деятельность, третья — военные успехи, причем в надписи к этой пирамиде Петр был назван «Самсоном Российским» (Феофан 1831, 53–5). Протицируем описание четвертой пирамиды Феофаном полностью: «Четвертая пирамида чинит тожде сказание о возставлении мореплавания и о приобретении чрез море коммерции Его Императорского Величества и Его Империи; яже назначивает трофею морскую. Сверх же пирамиды имелася фигура виктории, содержит связное имя Императорское. А сей пирамиды надписание: “От строения флота, / Новаго в мире, перваго в России *Иафета*, / Власть, страх и славу на море простершему, / И нам в сообщении вселенную приведшаго, / Плавающего уже не увидим. / Ныне нам воды и слезы наши, / Ветры и въздыхание наше”» (Феофан 1831, 55–6; ср. также: Голиков 1789, 9, 218). Более чем вероятно, что непосредственным поводом для упоминания Иафета в *Слове* Феофана стала эта «опубликованная» почти за месяц до выступления Феофана надпись на пирамиде в «печальной зале».

Однако установление прямого источника не снимает вопроса о семантике уподобления Петра I Иафету. Как Иафет связан с флотом и мореплаванием? Такая ассоциация существует в европейской культуре, и она берет свое начало в текстах, созданных на Западе в эпоху раннего модерн³. Ее можно

¹ В исследовании Е. И. Конаковой предпринимается попытка конкретизировать, какой именно флот мог иметь в виду Феофан: «Как Иафет, Петр I, по словам Ф. Прокоповича, учредил в России “строение и плавание карабельное, новый в свете флот”. Это, как отмечал он, было в России “неслыханное ... от века дело”. Для России он “отверзе [...] путь во вся концы земли и простре силу и славу [...] до последних окиана, [...] до предел, правдою полагаемых”. Здесь имелся в виду не столько даже военный флот, сколько тот, благодаря которому Россия смогла выйти “до последних окиана”, т.е. когда в год смерти императора началась Первая Камчатская экспедиция В. Беринга и А.И. Чирикова» (Конакова 2007, 68). Эта интерпретация возможна, однако требует, с нашей точки зрения, дополнительного обоснования, которое, к сожалению, в статье исследовательницы отсутствует.

² Благодарю глубокоуважаемого Эриха Берчи за указание на это весьма важное для моей темы исследование, а также за ряд других ценных замечаний и советов по теме.

³ Благодарю анонимного рецензента, обратившего мое внимание на это весьма существенное обстоятельство.

обнаружить, в частности, у французского протестантского теолога и филолога Самюэля Бошара (Samuel Bochart, 1599–1667). В первой части своего трактата *Geographia sacra* он сравнивает Ноя с Сатурном, а Юпитера, Нептуна и Плутона с Хамом, Иафетом и Симом соответственно (Позднев 2022, 133). Библейский Иафет у Бошара тождественен древнегреческому богу Посейдону и римскому Нептуну: «*Iaphet idem qui Neptunus, quem ideo mari praefecerunt*» (Bochart 1646, 9); «*Ποσειδῶν & Japhet plane sunt synonyma*» (Bochart 1646, 10); «*Iaphet Neptunus veterum. Eius portio in insulis & peninsulis*» (Bochart 1646, index rerum, нenum.). Такое отождествление от Бошара переходит в различные трактаты и словари, например, вторая из приведенных формулировок Бошара с сохранением всех орфографических особенностей попала в четырёхтомную энциклопедию базельского историка и филолога Иоганна Хофманна *Lexicon Universale*: «*Ποσειδῶν & Japhet plane sunt synonyma*» (Hofmann 1698, 857)⁴. Феофану Прокоповичу труд Бошара был точно известен. В январе 1725 года при его прямом участии выходит первый в России перевод *Мифологической библиотеки* Псевдо-Аполлодора, большого сборника традиционной греческой мифологии и героических легенд. Автором предисловия к переводу, выполненному А. К. Барсовым, был Феофан. В предисловии указана причина появления перевода — «любопытство» Петра I, «откуда язычницы производят начало суетного своего многобожия» (Феофан 1725, 3). По словам М. М. Позднева, предисловие Феофана, написанное «в жанре ученой проповеди [...] представляет собой ответ на совершенно не тривиальный вопрос Петра о происхождении античного политеизма <...> Феофан пытается доказать, что языческая народная религия и ветхозаветная книжная вера происходят от общего начала» (Позднев 2022, 131). Аргументы для доказательства составители книги берут у Самюэля Бошара: сокращенный перевод начальных разделов *Geographia sacra* помещен в приложении к книге (Бошар 1725). Текст перевода Бошара озаглавлен *Следование о родословии первых богов языческих, како оно из истинной истории Священнаго Писания, языки выптели развращением: Самуилом Бохартом премудреишим древностей исыскателем сочиненное*. Как отмечает М. М. Позднев, «Барсов, переведивший текст [...] и Прокопович, редактировавший перевод, адаптируют труд Бошара для русского читателя» (Позднев 2022, 132–3). В предисловии Феофан прямо говорит о своей личной причастности к работе над переводом и обосновывает необходимость помещения в конце книги приложения: «Трудно бо, или паче отнюд невозможно человеку неученому в книгах Еллинских, обоняти следу Священныя истины; но надлежит быть искусному как в Священном писании, так и во многих древних книгах Еллинских. Того ради, да бы и сея ползы не лишился читатель, судилося нам за благо, придать при конце книги сея, премудрое некоего славнаго древностей изыскателя, именем Самуила Бохарта следование. Которым он предивне показывает, како от Ноя, и сынов и внуков его, развращением истинной Истории, сочинили

⁴ О рецепции трактата *Geographia sacra* см.: Shalev 2012, 190–202.

себе разныя боги язычницы: в котором его следовании так многая священным повестем согласная предлагается, что не возможно не исповести басни оныя, первых богов Еллинских от Моисеиской Истории взятая, и токмо разным пременением развращенная» (Феофан 1725, 17–8). В опубликованном переводе Бошара есть целый раздел *О Иафете*. Он начинается с того самого отождествления библейского Иафета и мифологического Нептуна: «*Иафет* тот же есть что в языческих баснях Нептун: котораго водами обладающаго прославили, того ради что когда Хам Африку, а Сим Асию, жребием своим получили, земля (Европа именуемая) пришла под власть *Иафетову*, которая по большой части своеи состоит из островов и Херсонов (полуостровии). На островах суть Британия, Гиберния, Фули, Крит, Сицилия, Сардиния, Корсика, Балелры и прочая. На Херсонах или полуостровах Испания, Итталия, Греция, малая Асия, Херсон Таврицкий (ныне Крым), Кимврииский (ныне Дания), Скандиа (ныне Швеция), Ареморика и прочая» (Бошар 1725, 343–4). Здесь слово *острова* отсылает непосредственно к Библии, к 5 стиху 10 главы книги Бытия. В этом стихе говорится, что от потомков Иафета «населились острова народов». Семантическую связь между этим стихом и историей Европы, осмысляемой в первую очередь как история греческого мира, можно обнаружить уже у древних отцов христианской церкви, например, Иероним Стридонский в комментарии к этому стиху замечает: «Все острова, побережья по всему миру и приморские страны были заняты греческими поселенцами, которые [...] овладели всеми приморскими местами от гор Амана и Тавра до Британского океана» (Иероним 2009, 75). Вероятно, именно такие толкования могли стать основой, на которой позже возникло отождествление Иафета с Нептуном и — далее — актуализировалась связь с идеей мореплавания.

Однако Феофан, как представляется, сравнивая Петра с Иафетом, мог учитывать не только семантические линии, отсылающие к вышеуказанному переводу Бошара в составе *Мифологической библиотеки* Псевдо-Аполлодора, над которым он работал незадолго до смерти Петра. Для Феофана в 1725 году могли быть важны и другие актуальные для русской словесности этой эпохи семантические пласты имени *Иафет*. Для того, чтобы их прояснить, проследим за употреблением имен *Ной* и *Иафет* в ораторской прозе Феофана Прокоповича и его современника и соперника Стефана Яворского.

Насколько можно судить, в других проповедях самого Феофана имя *Иафет* больше не используется. Однако оно часто встречается в проповеди Стефана Яворского *Торжественная колесница путь сугубый* (1706), которая представляет для нас особый интерес. В этой проповеди Стефан задается вопросом, похожим на тот, который интересовал еще автора *Повести временных лет* («откуда пошла русская земля»): «откуда Московская страна нарицается Москвою» (Стефан 1874, 133). В соответствии с библейской картиной мира, автор проповеди обращается к трем библейским братьям (сыновьям Ноя) и акцентирует произошедшее после потопа «разделение обязанностей» между ними: «Преславный он первый по всемирном потопа патриарх *Ное* имел три сыны, — Сима, *Афета* и Хама; Сима убо благослови *Ное* и постави его быти молитвенника и жерца [sic], *Афета* благослови и постави его быти

властелина, Хама же прокляв, предаде его Симу и Афету в вечную работу и подданство, отонудуже сия стихи составишася:

Сим молитву деет,
Афет власть имеет,
Хам орет и сеет,
Смерть всеми владеет» (Стефан 1874, 133–34).

Далее автор утверждает, что один из сыновей Иафета, Мосох, стал прародителем московитов: «Сей убо Мосох, сын Афетов, по столпотворении и разсеянии языков с своим племенем, прииде в сия страны и водворися в сих пределех, в них же мы ныне пребываем, и тако от того Мосоха и Москва река и вся сия страна Москвою от Мосоха нарицается. Москва убо от Мосоха, а Мосох откуда? Не от Хама, от негоже рабское племя прозябе, но от Афета, от него же чин владычествующих, аки благая отрасль от благаго корене произыде» (Стефан 1874, 134). Иафет, как мы видим, воспринимается, с одной стороны, как *властитель, властелин*, с другой — как «отец россиян», наряду с киевским князем Владимиром: «Велие есть и высокое рода российского рождение, но не меньшее есть отрождение. Рождение, яко слышасте, есть от благословеннаго и *властоначалием почтеннаго Афета*: отрождение же или второе паче по духу рождение есть от святаго равноапостольнаго князя Владимира» (Стефан 1874, 135)⁵. Для понимания историко-культурного контекста этих рассуждений Стефана важно отметить, что идея о том, что славяне произошли от потомков Иафета, лежит в основе теорий сарматизма, которые были широко распространены в Польше в XVI–XVII веках (Kohut 2010, 280–84). Стефан Яворский, без сомнения, был знаком с этими теориями: в его библиотеке, среди многочисленных книг на польском языке, была *Kronika polska* (Маслов 1914, 35) польского писателя и историографа Марцина Бельского (Marcin Bielski, 1495–1575), который в своем труде оперировал понятием «европейская Сармация» (Kerksen 2004, 244) и акцентировал общность происхождения поляков и московитов от сына Иафета Мосоха (Мьяльников 1996, 26; Kohut 2010, 282)⁶. Из польской историографии «теория Мосоха» переходит в украинскую, в частности, в знаменитый *Синопис* Иннокентия Гизеля (Kohut 2010, 284–87; Стефанович 2020, 428), который исследователи называют одним из непосредственных источников интересующего нас слова Стефана Яворского (Collis 2012, 249).

Вернемся к тексту проповеди *Торжественная колесница путь сугубый*. Далее Иафет описывается Стефаном не только как прародитель россиян (через сына Мосоха), но и как прародитель всех европейцев: «Афет впервых началь-

⁵ Анализ этой проповеди Стефана Яворского и, в частности, употребления имен Ной и Иафет в ней см. в книге: Collis 2012, 245–57.

⁶ Об актуальности польских хроник XVI века для круга интеллектуалов петровской эпохи, включавшего Феофана Прокоповича, свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что хроника Бельского была также в библиотеке В. Н. Татищева (Okenfuss 1995, 133).

ник рода нашего от еврейска языка толкуется *расширение* или *расширителен*⁷. [...] *Афет* бо благословением отца своего Ноя и жребием *восприем Европу*, часть круга земнаго, велие по имени своему сотвори рода своего расширение, яко не точию по странам полунощным и западным, но и по восточным зело племенем своим расширися» (Стефан 1874, 138–39)⁸.

В проповеди *Торжественной колесницы путь сугубый имя Иафет (Афет)* не становится антономазией или частью перифразы, однако в этой функции используются другие окружающие его библейские имена. Петр I назван *Давидом российским*: «О Давиде российский, льву свейскому сопотивоборче!» (Стефан 1874, 150); «О Давиде наш российский!» (Стефан 1874, 150); «О коликое тебе радование, Давиде наш российский, егда овцу заблудшую и зверем рыкающим похищенную от поглощающих его уст и ненасытной гортани исторгл еси преславно!» (Стефан 1874, 152). Длинную серию уподоблений библейским персонажам использует Стефан при характеристике Ивана Грозного: «Мы же кую имама воздати похвалу *второму нашему Моисею, второму Гедону*, безсмертныя славы взыскателеви, приснопамятному Российскому монарху, прехраброму Российскому царю и великому князю Иоанну Васильевичу, иже, не терпя зрети род благословенный в толиком уничижении, воста *аки вторый Сампсон* на отмщение своих супостатов, воста *аки вторый Илия* на заклятие жерцов Вааловых, и ревнуя по Бозе, яви в себе неотродную *Афета и Мосоха*, предков своих, силу и великодушие, смири татарскую гордость, укроти зверообразную агарян лютость и отверг богомерзкое их иго, пленивших плени мужески, и царство их казанское и астраханское с прочими многими государствами и с безчисленными татарскими народы своему Российскому государству пристяжа преславно; веру святую христианскую православно-восточную в странах, имене Христова не знающих равноапостольне вкорени, капища их богомерзкая испроверже, храмы Божия воздвиг, украси, и многое множество заблудших на путь истинный настави и к познанию истиннаго Бога, *аки вторый Константин, вторый Владимир*, ревностию Божию движим, приведе православно и преславно» (Стефан 1874, 140). Мы видим здесь, что список «канонических» уподоблений частично совпадает с перечнем Феофана в *Слове на погребение...* (Моисей, Сампсон, Константин Великий). *Иафет (Афет)* появляется тоже, но не в качестве уподобления, а как предок героя⁹.

⁷ Стефан здесь использует народную этимологию имени Иафет (Петров 2009, 598). Вероятный источник этимологии — *Синопис* Иннокентия Гизеля (Collis 2012, 253).

⁸ Идея происхождения европейских народов от Иафета фиксируется в литературе различных европейских стран. В шведской литературе она представлена, в частности, у историка XVIII века Иоганна Магнуса и у современника Стефана Яворского поэта Магнуса Рённу. См.: Dahlberg 2016, 199–200.

⁹ В русской словесности XVIII века имя *Иафет (Афет, Яфет)* встречается редко. Его можно встретить, в частности, в *Истории Российской* Татищева в пересказе и развитии библейской истории разделения Земли между тремя сыновьями Ноя после потопа: «*Иафету* же достались полуночные и западные страны [...] В *Иафетовой* части жительствоуют народы, русь, чудь, пермь, печера, емь [ямь], югра, литва, зимегола, корсь, сетгола, ливы. Ляхи же, борусы (прусы) и чудь живут возле моря Варяжского. По сему же морю к востоку обитают

Рассмотрим теперь, как функционирует имя *Ной* в ораторской прозе двух анализируемых проповедников.

Имя *Ной*, разумеется, встречается в пересказах и интерпретациях библейского сюжета о Всемирном потопе. Например, Стефан Яворский в *Слове в неделю пятидесятницы* пишет: «Ведаете от писаний Божественных, при оном всемирном потопе, егда голубица прилете в корабль *Ноев*, носящи сушец масличный во устех своих: тогда уразуме *Ное*, яко уже умаляется потоп и буря водная, а настает тишина превожделенная» (Стефан 1804, 1, 166). В проповедях Феофана библейский сюжет о потопе не пересказывается, но подходящий пример можно найти в его *Риторике* в главе об амплификациях: «Амплифицируется страх и скорбь *Ноя* во время потопа». Из II книги святого Иоанна Златоуста *О провидении*: «Целый год [*Ной*] был присужден пребывать в этой необыкновенной и страшной темнице, я не говорю уже, конечно, о множестве диких зверей, змей, с которыми столько времени ему пришлось жить вместе, пребывая в такой тесноте. Какое же, ты думаешь, он должен был иметь мужество среди столь сильных ударов грома и грохотания туч? Ведь нижняя бездна разверзалась, верхняя спускалась вниз под натиском величайшей силы, в то время как он один с детьми сидел внутри [ковчега]» (Феофан 2020, 145)¹⁰.

Для нас особый интерес представляют случаи, когда имя *Ной* используется в проповедях в связи с образом Петра I. Эксплицитное уподобление Петра Ноею при помощи перифраз *Новый Ной* и *Ной Российский* встретилось у Стефана Яворского в проповеди *Сень вторая, Моисею от Петра созданная, яже есть флот морской, в неделю первую по сошествии Святаго Духа* (второй части цикла *Три сени, от Петра святого созданныя*): «Ныне же радуйся и веселися, Россие, егда благоизволи Бог ключем Петровым отверсти тебе врата на видение света. Радуйся и веселися, егда стяжала еси *новаго Ноя*, который флотом морским средостение, заключающее тя, и свободу тебе отъемающее, престранно разори, на свободу тя изведе, и отъят от тебе поношение и уко-

варяги и емь к востоку до предела Симова. К западу по оному морю до земли Аглинской и Волохской (разумеет Италию) Иафетово колено, то есть варяги, свей (шведы), урмане, русь, ингляне (англичане), волохи и римляне, немцы, корлязи, венедейцы (венеды), фриги и прочие» (Татищев 2003: 2, 6). Как видно, у Татищева *Иафет*, как и в *Повести временных лет*, предстает прародителем европейцев. Любопытный иронический контекст с именем *Иафет* встретился у А.П. Сумарокова в комедии *Ядовитый*, направленной против Ф.А. Эмина. Введенный в комедии под именем Герострата Эмин так говорит о самом себе: «Кто знает языков целую дюжину, так кажется тому писать можно [...] И кто разные степени человеческого знания познал опытом, быв и прикованным на галере гребцом и монархом на престоле. [...] И кто знает опытом разные богослужения, теплые принося молитвы и во Ерусалиме и в Медине [...]. Кто знает историю Сима, Хама и *Яфета* так подробно, как будто бы с ними во весь их век жил купно» (Сумароков 1787, 5, 166). При помощи этих характеристик, как отмечает Г.А. Гуковский, «Сумароков хочет разоблачить и авантюрную биографию Эмина, и его ученость» (Гуковский 1940, 89).

¹⁰ О Ное и Ноевом ковчеге в контексте богословских воззрений Феофана Прокоповича см.: Collis 2012, 287–89, 321, 331.

ризу [...] О *Ное российский!* О морского флота в России первый адмирале и мастере преславный!» (Стефан 1875, 1, 122–23). Также обозначение Петра перифразой *Ной Российский* встречается у Стефана в *Слове в неделю пятидесятницы*: «О голубе параклите, творяй милость Христу своему Давиду, туюже милость покровительную являй всегда Христу нашему, помазанному твоему [...]. Ты нам буди, Душе святой, таким голубем, мира и тишины благовестником: ты с такою ветвью прилети в корабль *Ноя* нашего *Российскаго*» (Стефан 1804, 1, 166).

Имплицитное (скрытое) уподобление имеет место в том же слове, когда автор обращается к Святому Духу, сравнивая его с *голубицей Ноевой*: «Наипаче молим тя, параклите, Душе святой, буди ему [*Петру I*] и нам *голубицею Ноевою*» (Стефан 1804, 1, 166). Выражение *Голубица Ноева* означает здесь *вестник, приносящий хорошую весть* — далее Стефан сам отчасти поясняет семантику этого уподобления: «Ты нам буди, Душе святой, таким голубем, мира и тишины благовестником» (Стефан 1804, 1, 166). Еще раз в таком же значении используется выражение в проповеди «Моисей Российский»: «Во время оной преславной виктории Полтавской был ту у нас ход и особенное набоженство в день Сретенской Богородицы, 23 дня июня; тогда на казании гласил яко грядущая к нам из Владимира Богородица, яко *голубица Ноева*, несет к нам ветвь масличную победоносную» (Стефан 1875, 9, 133). Петр, таким образом, подспудно сопоставляется с *Ноем*, хотя основание этого сопоставления в тексте не выражено. Более явное уподобление Петра Ною встречается в *Слове похвальном о флоте российском* Феофана, где знаменитый ботик Петра («дедушка русского флота») соотнесен с *Ноевым ковчегом*: «Кто же не скажет, что малый ботик против флота есть, аки зерно против древа? А от того зерна возрасли сия великая, дивная, крылатая, оруженосная дрeвеса. О ботик, позлащения достойный! Тщалися нецзи искать на горах Араратских доски *ковчeга Ноева*; мой бы совет был ботик сей блюсти и хранить в сокровищах на незабвенную память последнему роду (Феофан 1961, 106)¹¹. Сравнивая в 1720 году ботик Петра I с *Ноевым ковчегом* Феофан, конечно, учитывал то, что исходило от императора — с одной стороны, Петр лично мифологизирует историю ботика и его роль в создании русского флота (Погосян 2001, 102–07), а с другой, сравнивает себя с *Ноем* (Погосян 2001, 107). По словам французского консула Лави, свидетеля празднования Нового 1719 года в Петербурге, «он [*император*] сравнивал себя с *Ноем*; обозревая с горестью старый русский мир, он выразил надежду, что посредством учреждения нескольких советов и коллегий ему удастся придать новый вид этому миру» (Донесения 1884, 8). Анализируя рассматриваемое нами уподобление в *Слове* Феофана, Е. А. Погосян заключает: «Строительство флота Петр рассматривает как особую миссию, которая была возложена Всевышним лично

¹¹ Еще несколько примеров уподобления Петра I Ною в словесности и изобразительном искусстве начала XVIII века приводит в своем исследовании Роберт Коллис (Collis 2012, 379–83).

на него <...> Эта идея Божественного завета и личной миссии Петра давала возможность Феофану Прокоповичу сопоставить ботик с Ноевым ковчегом» (Погосян 2001, 106–07).

Итак, анализ контекстов употребления библейских имен *Ной* и *Иафет* в ораторской прозе Стефана Яворского и Феофана Прокоповича показал, что имплицитное или эксплицитное уподобление Петра I как создателя флота Ною встречается у обоих авторов. Имя *Иафет* в *Слове на погребение...* выполняет ту же функцию, какую в других вышеуказанных произведениях Стефана и Феофана выполняет имя *Ной*, ведь в слове Феофана речь идет не просто о мореплавании («плавание корабельное»), но именно о создании («строении») флота. Учитывая эту традицию, нельзя исключать присутствия в *Слове* Феофана простой метонимической связи: Петр мог сравниваться с Иафетом как с сыном строителя ковчега, который, возможно, был причастен к его созданию.

Кроме того, важными представляются смысловые потенции имени *Иафет* в проповедях Стефана Яворского. Уподобление Петра Иафету в проповедях Стефана отсутствует, однако последний описывается Стефаном как *властитель, прародитель московитов и прародитель всех европейцев*. Феофан, сопоставляя с *Иафетом* в *Слове на погребение...* российского императора и европеизатора Петра I, вполне мог учитывать смысловые обертоны, выраженные в проповеди своего предшественника. Сравнивая основателя российского флота с *Иафетом*, Феофан, в традициях барочной культуры, к которой он принадлежал, мог иметь в виду и актуальный ассоциативный семантический пласт: российский император, который «прорубил окно в Европу», уподоблялся властителю и «первому европейцу» Иафету.

В заключение отметим, что именно «европейская» коннотация имени *Иафет* получила развитие в поэзии конца XVIII века. Это имя встречается у Г.Р. Державина в оде *На взятие Измаила* (1790 г.). В ней есть невероятно пафосная строфа, в которой актуализируется миф о важнейшей геополитической роли Российской империи в европейских делах. Здесь, как поясняет Грот, обращаясь «к Англии и Пруссии, которые оказывали самое сильное сопротивление видам России на Турцию» (Державин 1864, 1, 357), Державин пишет:

[...] Росс рожден судьбою
От варварских хранить вас уз,
Темиров попирашь ногою,
Блюсть ваших от Омаров муз,
Отмстить крестовые походы,
Очистить иордански воды,
Священный гроб освободить,
Афинам возвратить Афины,
Град Константинов Константину
И мир *Афету* водворить.

Афету мир? — О труд избранный,
Достойнейший его детей,
Великими людьми желанный!.. (Державин 1864, 1, 357).

Последние строки строфы сам Державин объясняет следующим образом: «Т. е. город Афины возвратить богине Минерве, под которою разумеется Екатерина [...] Константинополь подвергнуть державе великого князя Константина Павловича, к чему покойная государыня все мысли свои устремляла» (Державин 1864, 1, 357). В поэтическом мире Державина предлагается вернуть град Константина Великого тому, кто им никогда не обладал, — Константину Павловичу, «новому Константину». Как видно, антропоним *Афет* здесь используется в качестве антономазии и означает *Европа, европейские народы*.

Источники

- [Бошар, Самюэль]. 1725. “Следование о родословии первых богов языческих, како оно из истинной истории Священного Писания, языки выплели развращением: Самуилом Бохартом премудрейшим древности исыскателем сочиненное, пер. А. К. Барсова.” В *Аполлодора грамматика афинеиского библиотеки или о богах*. Напечатана повелением императорского величества в Москве, 305–404.
- Голиков, Иван И. 1789. *Деяния Петра Великого, Мудрого Преобразователя России*. Ч. 9. М.: тип. Н. И. Новикова.
- Державин, Гавриил Р. 1864. *Сочинения*. С объяснительными примечаниями Я. Грота, в 9 т. Т. 1. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- “Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при русском дворе Капмпредона с 1719 по 1722 г.” В *Сборник Императорского Русского Исторического Общества*. Т. 40, 1–464. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича.
- Панегирическая литература петровского времени*. 1979. Изд. Василий П. Гребенюк, ред. Ольга А. Державина. Москва: Наука.
- Петр I в русской литературе XVIII века. Тексты и комментарии*. 2006. Ответственный редактор Сергей И. Николаев. Санкт-Петербург: Наука.
- Сумароков, Александр П. 1787. *Полное собрание всех сочинений в стихах и в прозе*: в 10 ч. Т. 5. Москва: в университетской типографии у Н. Новикова.
- Стефан Яворский. 1804. *Проповеди блаженных памяти Стефана Яворского, преосвященного митрополита Рязанского и Муромского, бывшего местоблюстителя престола патриархаго высоким учением знаменитаго, и ревностию по благочестию преславнаго*. Ч. 1. Москва: Синодальная типография.
- Стефан [Яворский]. 1874. “Торжественной колесницы путь сугубый: наследие и взыскание, пред всем Сенатом российским словом проповедническим показанный лета Господня 1706, генваря 1-го дня. Проповедася Преосвященным Стефаном, митрополитом рязанским и муромским.” *Труды Киевской духовной академии* 4: 123–54.
- Стефан [Яворский]. 1875а. “Сень вторая, Моисеви от Петра созданная, яже есть флот морской, в неделю первую по сошествии Святаго Духа.” *Труды Киевской духовной академии* 1: 118–28.
- Стефан [Яворский]. 1875б. “Моисей Российский к освобождению людей христианских от работы египетския-турецкия Богом избранный, си есть, Всепресветлейший Монарх Всероссийский Петр Первый, по разрушении турками мира, на тех же турков праведную войну воздвизающий, проповедию всенародне в церкви Успенской соборной чрез Преосвященнаго Стефана, митрополита Рязанского

- и Муромского, в Москве явленный, 1711 года, февраля 25 дня.” *Труды Киевской духовной академии* 9: 12445.
- Татищев, Василий Н. 2003. *История Российская*. В 3 т. Т. 2. Москва: АСТ.
- Феофан Прокопович. 1725. “Предисловие к читателю.” В *Аполлодора грамматика афгинеисаго библиотеки или о богах*, 1–18.
- Феофан Прокопович. 1831. *Краткая повесть о смерти Петра Великого, императора и самодержца всероссийского, сочиненная Феофаном Прокоповичем, архиепископом Новгородским и Св. синода первенствовавшим членом с присовокуплением описания порядка, держанного при погребении блаженной высокославной и вечнодостоинейшей памяти всепресветлейшего державнейшего Петра Великого, императора и самодержца всероссийского и блаженной памяти Ее Императорского Высочества, государыни цесаревны Наталии Петровны*. Санкт-Петербург: Типография И. Глазунова, 1831.
- Феофан Прокопович. 1961. *Сочинения*, ред. Игорь П. Еремин. Москва: Издательство Академии наук СССР.
- Феофан Прокопович. 2020. *Об искусстве риторическом десять книг*. Перев. Георгий А. Стратановский; ответственный редактор Сергей И. Николаев; подготовка текста Елена В. Маркасова и Сергей И. Николаев; коммент. Елена В. Маркасова. Санкт-Петербург: Альянс-Архео.

- Bochart, Samuel. 1646. *Geographiae sacrae pars prior Phaleg, seu De dispersione gentium et terrarium divisione facta in aedificatione turris Babel*. Caen: Pierre de Cardonnel.
- Hofmann, Johann Jacob. 1698. *Lexicon Universale*. Т. 3. Leiden: Jacob. Hackius, Cornel. Boutesteyn, Petr. Vander Aa, & Jord. Luchtmans.

Литература

- Буранок, Олег М. 2002. *Ораторская проза Феофана Прокоповича и историко-литературный процесс в России первой трети XVIII века*. Самара: НТЦ.
- Гуковский, Григорий А. 1940. “Эмин и Сумароков.” В *XVIII век. Статьи и материалы*. Сб. 2, 77–94. Ленинград: Наука.
- Иероним Стридонский. 2009. *Еврейские вопросы на книгу Бытия*. Москва: Отчий дом.
- Конакова, Евгения И. 2007. “Мифологический образ Петра I в сочинениях Ф. Прокоповича и В. Н. Татищева.” *Известия вузов. Северо-кавказский регион. Общественные науки* 4: 67–71.
- Кузнецов, Владимир А. 1993. “Поэтические уподобления в русской литературе XVIII века: К вопросу о персонифицированности классицистического эстетического сознания.” *Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 1, 2*: 73–8.
- Маслов, Сергей И. 1914. *Библиотека Стефана Яворского*. Киев: Типография М. Т. Мейнандера.
- Мыльников, Александр С. 1996. *Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI–начала XVIII века*. Санкт-Петербург: Российская академия наук.
- Панченко, Олег В. 2003. “Поэтика уподоблений (к вопросу о “типологическом” методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии).” В *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 54, 491–534. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Петров, Андрей Е. 2009. “Иафет.” В *Православная энциклопедия*. Т. 20, 598–99. Москва: Церковно-Научный Центр Православная энциклопедия.

- Погосян, Елена А. 2001. *Петр I — архитектор российской истории*. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ.
- Позднев, Михаил М. 2022. “Античное наследие и петровская реформа (1697–1725).” В *Петр Великий и античность. Рецепция античного наследия в петровскую эпоху*, общая редакция Михаила М. Позднев, 78–158. Санкт-Петербург: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений.
- Сазонова, Лидия И. 2002. “Имя в риторике и поэзии XVIII века у восточных славян.” *Славяноведение* 1: 4–22.
- Стефанович, Петр С. 2020. “«Славянороссийский народ» в исторической литературе Украины и России XVII–первой половины XVIII в.” *Slověne* 2: 417–47. DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.2.9.
- Collis, Robert. 2012. *The Petrine Instauration. Religion, Esotericism and Science at the Court of Peter the Great, 1689–1725*. Leiden–Boston: Brill.
- Dahlberg, Elena. 2016. “National, religious and cultural identity in Latin poetry from the Great Northern War (1700–1721).” *Renæssanceforum* 10: 193–217.
- Hughes, Lindsey. 1998. *Russia in the Age of Peter the Great*. New Haven–London: Yale University Press.
- Hughes, Lindsey. 2002. *Peter the Great. A Biography*. New Haven–London: Yale University Press.
- Hughes, Lindsey. 2007. “The Funerals of the Russian Emperors and Empresses” In *Monarchy and Religion: The Transformation of Royal Culture in Eighteenth-Century Europe*, ed. by Schaich, Michael, 395–419. Oxford: Oxford University Press.
- Keipert, Helmut. 1988. “Nomen est omen. Etymologie als Denkform bei russischen Autoren des 17. Jahrhunderts.” In *Sprache, Literatur und Geschichte der Altgläubigen. Akten des Heidelberger Symposions vom 28. bis 30. April 1986*, Hrsg. von Panzer, Baldur. 100–32. Heidelberg: Winter.
- Kohut, Zenon. 2010. “From Japheth to Moscow: Narrating Biblical and Ethnic Origins of the Slavs in Polish, Ukrainian, and Russian Historiography (Sixteenth–Eighteenth Centuries).” *Journal of Ukrainian Studies* 33–4, 2008–2009: 279–92.
- Kersken, Norbert. 2004. “Geschichtsbild und Adelsrepublik. Zur Sarmatentheorie in der polnischen Geschichtsschreibung der frühen Neuzeit.” *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 52, 2: 235–60.
- Okenfuss, Max J. 1995. *The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-Modern Russia: Pagan Authors, Ukrainians, and the Resiliency of Muscovy*. Leiden: Brill.
- Shalev, Zur. 2012. *Sacred Words and Worlds. Geography, Religion, and Scholarship, 1550 – 1700*. Leiden: Brill.

Вертоград многоцветный Симеона Полоцкого как мнемотехническое и гомилетическое пособие

Маргарита А. Корзо

Abstract: *Simeon Polotsky's A Garden of Many Flowers as a Mnemonic and Homiletic Manual.* The study attempts to investigate Simeon's Polotskij poetic encyclopedia *Vertograd mnogotsvetnyj* (A Garden of Many Flowers) as a kind of homiletic manual: organized as a sequential enumeration of arguments, points and "vias" (*вивина*), the poems could have been conceived by Simeon as a mnemonic tool to facilitate the composing of doctrinal, catechetical and thematic sermons for less educated preachers. Through two Latin collections of annual sermons — by Matthias Faber (XVII C.) and supposedly by Meffreth from Meissen (XV C.), both collections identified by Anthony Hippisley — a number of mnemonic verses and fragments of rhymed writings, already known in the Middle Ages, were included in *Vertograd mnogotsvetnyj*. Some poems in the poetic encyclopedia have parallels in Simeon's two collections of homilies: *Obed dushevnyj* (The Spiritual Midday Meal, 1681) and *Vechera Dushevnyaya* (The Spiritual Supper, 1683), which confirms the close relation between Simeon's Polotskij poetic and homiletical heritage.

Keywords: Simeon Polotskij, *Vertograd mnogotsvetnyj*, *Obed dushevnyj*, *Vechera Dushevnyaya*, Meffreth from Meissen, Matthias Faber, religious poetry, sermon, homiletics, mnemotechnics

Поэтическая энциклопедия *Вертоград многоцветный*¹ создавалась Симеоном Полоцким преимущественно в 1677–78 годах, хотя туда вошли стихотворные фрагменты и более раннего периода. По первоначальному замыслу вирши *Вертограда* располагались не в алфавитном порядке, но тематическими блоками; лишь в беловых версиях, как установила Лидия И. Сазонова, сочинение приобретает вид «поэтической россыпи» (В-І, XXV). Антони Хипписли выявил ряд источников западного происхождения, из которых Симеон черпал для *Вертограда* отдельные образы, сюжеты и текстуальные фрагменты; в качестве основных исследователь называет два компендиума годичных проповедей: хронологически более ранний *Hortulus Reginae* (на его основе составлены 186 стихов) и сборник XVII века *Concionum opus tripartitum* (источник 1234 виршей) (Хипписли 2001, 698–700).

¹ Цитируется в тексте как «В» с указанием номера тома. Все выделения в стихах сделаны автором статьи.

Margarita Korzo, RAS Institute of Philosophy, Russian Federation, ma.korzo@gmail.com, 0000-0001-6299-5187

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Margarita A. Korzo, *Simeon Polotsky's A Garden of Many Flowers as a Mnemonic and Homiletic Manual*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.23, in Svetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 287-306, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

Первый из названных сборников традиционно приписывают некоему Меффрету из саксонского г. Майсен (Meffret(h) von Meissen, Misnensis)². Об авторе *Hortulus Reginae* известно лишь то, что он сам о себе сообщает в прологе к осенней части компендиума: он был духовным лицом в г. Майсен в то время, когда епископскую кафедру занимал Йоханнес IV (Johannes Hoffmann von Schweidnitz, 1375–1451, возглавлял диоцез в 1427–1451 годах); сборник с самого начала составлялся как гомилетическое пособие и не являлся обобщением проповеднического опыта самого автора; в 1443 году автор закончил часть проповедей «de sanctis» и сразу приступил к части «de tempore». В прологе объясняется и название сборника, под «царицей» подразумевается Церковь Христова (M/h, 1–2). Во 2-й проповеди на 20-е воскресенье после Троицы 1447 год называется текущим годом³; таким образом, весь сборник был закончен после этой даты. Автор *Hortulus Reginae* нигде не называет себя по имени, но уже в инкунабулах конца XV века он иногда именуется Петром (Petrus) с разными вариантами родового имени (например, Metford). Современные исследователи склоняются к тому, что «Meffreth» — это не имя составителя, но второе или альтернативное название сборника. В пользу данной версии приводятся как минимум два аргумента. Во-первых, слово «Meffreth» не склоняется на титульных листах ни рукописных копий текста, ни ранних печатных версий, как этого следовало бы ожидать в случае с именем собственным: так, на титуле первого издания (Базель, 1483/1484) читается «Sermones Meffreth, alias ortulus [sic] regine [sic]», а на титулах изданий первой половины XVII века «Sermonum Meffret <...> vulgo Hortulus Reginae appellatur». В качестве второго аргумента приводятся строки завершающего «pars aestivalis» стихотворного фрагмента «In commendationem totius operis», в которых любопытствующему читателю открывается название книги: «At libri nomen lector si forte requires / Regine [sic] Meffret hortulus, ipse. Vale» (M/a, лист без пагинации, после «Index regum»). Исследователями отвергается и встречающееся ранее предположение, что автор сборника был доминиканцем (Cruel 1879, 486–93; Schmidtke 2010). В дальнейшем рассуждении я буду именовать *Hortulus Reginae* для краткости «Меффретом».

Сборник *Concionum opus tripartitum* (1631¹) принадлежит перу баварца Маттиаса Фабера (Matthias Faber, 1586/87–1653)⁴. Трехтомное издание было подготовлено в бытность Фабера преподавателем в университете и настоятелем прихода Св. Маврикия в Ингольштадте, в определенной степени отражает личный проповеднический опыт его автора. Для *Вертограда* Симеон использует только две части, «весеннюю» и «праздничную» (Хиписли 2001, 698). В 1637 г. Фабер вступает в Вене в Общество Иисуса, и уже в

² Цитируется в тексте как «М» по изданию Кёльн 1610 г. с указанием части сборника: «M/h» означает «pars hiemalis» (недельные проповеди от Адвента до Страстной Субботы), «M/a» – «pars aestivalis» (от Пасхи до конца литургического года).

³ В изданиях XVII века данный фрагмент отсутствует (M/a, 453), но читается в инкунабулах, например: [Basel]: [Nikolaus Kessler], [не позднее 1485], л. DD5.

⁴ Цитируется в тексте как «F» по изданию Ингольштадт 1631 г.

статусе иезуита отчасти перерабатывает свой сборник проповедей и публикует его как двухчастное сочинение под иным названием (*Auctuarium operis concionum tripartiti*). Перу Фабера принадлежит также подборка проповедей на погребение и таинство брака, опубликованная уже после кончины автора в 1653 году в Трнаве (Baring-Gould 1865, 100–02)⁵.

Настоящее исследование представляет собой не претендующую на формулировку окончательных результатов, предварительную попытку взглянуть на *Вертоград* как на одну из разновидностей мнемотехнического и гомилетического пособия. Нет оснований утверждать, что создание подобного рода пособия было *главной интенцией* Симеона, но не исключено, что он допускал и такое использование поэтической энциклопедии наряду с целями дидактики и услаждения своего потенциального читателя. Исследователи неоднократно подмечали тесную связь поэтического творчества Симеона и его проповеднического наследия, оформленного в собраниях поучений на воскресные дни *Обед душевный* (составлен ок. 1675 года, издан в 1681 году) и на годовичные праздники *Вечеря душевная* (сборник собран около 1676 года, опубликован в 1683 году). Именно это наблюдение оправдывает постановку вопроса, а не был ли *Вертоград* целиком или по крайней мере значительные его фрагменты рифмованным переложением не только использованных Симеоном латинских источников, но и его собственных прозаических слов и поучений из *Обеда* и *Вечери*, своего рода мнемотехническим средством, в значительной степени облегчающим понимание и запоминание текстов проповедей целиком или их фрагментов.

Обобщение отдельных сюжетов или тематических блоков ритмической прозой или в стихах (чаще всего — в двустишиях) было одним из широко используемых, восходящих еще к античным временам мнемотехнических приемов⁶. Подобного рода обобщения оставались востребованными на про-

⁵ Важно отметить, что Фабер был знаком с «Меффретом», о чем свидетельствуют как прямые ссылки в его проповедях, так и значительное число буквальных текстуальных совпадений. Сложно сказать, заметил ли сам Симеон эти многочисленные пересечения, но в *Вертограде* встречаются примеры двукратного использования одного и того же *exemplum*, текст которого в одном случае взят из Фабера, а во втором — из «Меффрета». Примером могут послужить вирши «Слезы-15» (В-III, 120) и «Сокрушение сердца-3» (В-III, 177–79). В первом случае Хипписли в качестве источника идентифицировал проповедь Фабера на 9-е воскресенье после Пятидесятницы (В-III, 578; F, 701); во втором — поучение на 1-е воскресенье после Богоявления из «Меффрета» (В-III, 587; M/h, 102). В обоих случаях Симеон верно следует латинскому источнику (Фабер передает *exemplum* кратко, «Меффрет» — с большими деталями), и в обоих случаях речь идет об истории, заимствованной из *Besed o чудесах* цистерцианца рубежа XII–XIII веков Цезария Гейстербахского (Caesarius de Heisterbach 1599, 88–9).

⁶ В настоящем исследовании я ограничусь обращением только к этому приему, оставляя вне рассмотрения столь же распространенный метод мест (или т.н. римской комнаты), приемы запоминания с использованием различных зрительных образов, знаков-аллегорий, частей человеческого тела и т.п., поскольку в выбранных для анализа виршах *Вертограда* они не используются. Литература по истории *ars memorativa* огромна, начиная с классических работ Фрэнсис А. Йейтс и Мэри Каррутерс. Проблема визуализации в проповедническом

тяжении всего Средневековья в грамматической и риторической практиках, в сфере канонического и гражданского права, в учебном процессе. В раннее Новое время стихи как мнемотехническое средство для лучшего запоминания материала получают необычайно широкое распространение также в дидактической и учебной литературе, в том числе и в России. К этому приему усвоения информации обращался Симеон Полоцкий в своем букварном пособии 1679 года (Bragone 2014), также педагог и математик Леонтий Магницкий (1669–1739) в первой части учебника *Арифметика, сиречь наука числительная* (1703) (Брагоне 2013).

Мнемотехника была востребована и для нужд духовной формации священников. С помощью ритмизированных фраз и двестишней духовенство заучивало отдельные истины христианского вероучения, последовательность событий Священной истории и церковных таинств, катехетический материал, различные категории греховных деяний; в рифмованной форме излагались порядок действий духовника во время таинства исповеди и у постели умирающего, даже отдельные положения канонического права (условия возмещения нанесенного ущерба, ситуации ограничения духовных лиц в правах, канонические запреты на оформление брачных отношений, др.). Мнемотехнические стихи использовались для запоминания библейских пассажей, рукописные гомилетические пособия содержали значительный по объему стихотворный материал, который мог использоваться как тезисный план для церковных поучений.

Значительная часть виршей *Вертограда* вполне подходит в качестве материала для составления проповедей (например, стихи в форме *exempla*), но в данном исследовании речь пойдет только о виршах, которые организованы как последовательное перечисление аргументов («вин») или пунктов на определенные сюжеты: именно их удобнее всего использовать в качестве потенциального плана тематических слов, поучений, ораций не только религиозного, но и светского характера. Такой способ выстраивания отдельных виршей Симеон позаимствовал из своих основных источников — из сборников «Меффрет» и Фабера, в которых проповеди дробятся на множество мелких, иногда пронумерованных тематических единиц со сложной иерархией пунктов и подпунктов, зачастую с самостоятельными заголовками на полях. Подобное структурирование материала, позволяющее упорядочить высказывание и придать ему логическую четкость, часто именуемое «шка-

наследии православных авторов Киевской митрополии XVII в. продуктивно разрабатывается, в частности, в исследованиях Марии Грации Бартолини (Bartolini 2020; Bartolini 2022). В качестве одного из многих возможных направлений анализа текстов проповедей украинских и белорусских авторов той эпохи в контексте *ars memorativa* могло бы стать выявление влияний не столько классических теорий запоминания (поскольку их авторы были органичной частью *curriculum* учебных заведений), сколько западноевропейских теоретиков мнемоники и польско-литовских авторов мнемотехнических пособий XVI–XVII веков. Хотелось бы высказать благодарность анонимному рецензенту моей статьи за высказанные пожелания.

тулочным» методом, было, несомненно, следствием влияния схоластики на гомилетику⁷. В *Вертограде* встречается несколько способов выделения пунктов: простое перечисление «первое/во-первых, второе, третье, ...»; с использованием слова «вина» («вина первая, вторая, ...»); без нумерации, с помощью вводных слов («в первых, паки, еще, к тому, выше того, к сим, по сих, наконец ...»). Прием структурирования материала с помощью пунктов (аргументов, «вин» и т.п.) Симеон использует не только в поэтической энциклопедии, но и в проповедях (в большей степени в *Обеде душевном* и в меньшей — в *Вечери душевной*). Анализируя лишь избранные примеры виршей с пунктами или перечнями «вин» из *Вертограда*, я хотела бы совершить мысленный эксперимент и предположить, для каких конкретно жанров проповедей эти вирши могли бы использоваться в качестве потенциального материала. Я попытаюсь также в первом приближении ответить на вопрос об источниках источников Симеона и проиллюстрировать, какие известные уже в Средние века мнемотехнические фразы и двустишия, также фрагменты рифмованных текстов попали в *Вертоград* через проповеди «Меффрета» и Фабера.

Значительная часть стихотворных фрагментов *Вертограда* вполне подходит в качестве тезисного плана для составления катехетических проповедей. Например, поучений общего характера, излагающих тот минимальный объем религиозных истин, которому каждый проповедник должен научить вверенных его попечению христиан:

Хлѣбов пять

Пять хлѣбов Христос Господь древле умножил есть

И пять тысящъ народа гѣми насытил есть.

Проповѣдник же Христа Бога подражает,

Егда пятерицею хлѣбов насыщает [...].

Первый же хлѣб духовный, иже людям дают —

Егда что есть вѣрити требѣ, научают.

Двенадечаточастен хлѣб сей вам бывает,

Толико членов вѣры в себѣ заключает.

Вторый хлѣб православным они раздѣляют,

Егда что творително, свѣтло изъясляют.

Сей десяточастен есть, ибо иматъ в себѣ

Завѣт десятословный, иже блюсти требѣ.

Третий хлѣб учителя вѣрным предлагают,

Елма чесо блюстися нужно, извѣщают.

В сем хлѣбѣ семь есть частей — семь грѣхов познати,

⁷ Стоит отметить, что в случае с «Меффретом» составление проповеди как мозаики из более дробных частей, каждая из которых может выступать в качестве самостоятельного текста, было частью авторского замысла, о чем говорится в прологе к сборнику (М/л, 2). На эту особенность «Меффрета», а также на использование автором сборника в разных пунктах одной и той же проповеди отличающихся стилей изложения и даже отчасти и иных языковых регистров, обратили внимание уже исследователи XIX века. (Сгуел 1879, 487).

Иже силы суть душу грѣшну умерщвляти.

Четвертый хлѣбъ духовный вѣрным они дают,

Егда убоятся казни поучают,

Яже грѣшныя имать мучити во вѣки

Во гееннѣ аггели купно с челоуѣки.

Пятый хлѣбъ сладкий зѣло онѣми дается,

Елма что желателно вѣрным является [...]

(В-III, 293–94).

По аналогии с 5-ю умноженными Христом хлебами, Симеон называет 5 хлебов, которыми проповедник должен питать свою паству: Символ веры, Декалог, учение о 7-ми смертных грехах, о посмертном наказании грешников и о посмертной радости праведников. Источником вирша Хипписли называется фрагмент поучения «Меффрета» на 4-е воскресенье Великого Поста (В-III, 609⁸; М/Н, 287). «Меффрет», в свою очередь, воспроизводит дословно объяснение слов апостола Павла «в церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтобы и других наставить» (1 Кор. 14:19) из 97-й лекции толкования на Книгу Премудрости Соломона английского доминиканца Роберта Холкота (Robert Holcote или Holcot, 1290–1349): под 5-ю словами апостола доминиканец имеет в виду то, во что верующему надлежит верить, что ему необходимо делать, чего нужно бояться и избегать, к чему стремиться: «quid credendum, quid faciendum, quid timendum, quid cavendum, quid appetendum» (Holcote 1586, 330). Для вирша *Хлебов пять* Симеон меняет местами смертные грехи и посмертное наказание, придавая 5-частной структуре большую логичность.

До Холкота данная мнемотехническая фраза встречалась у французского доминиканца, кардинала Гуго де Сен-Шера (Hugues de Saint-Cher, ок. 1200–63 гг.) в контексте толкования фрагмента *Книги Судей Израилевых* «И пришел Ангел Господень ...» (6:11). Следуя нравственному истолкованию доминиканца, ангел символизирует высшее духовное лицо («Angelus Domini, est Praelatus»), облеченное властью поучать и наставлять (Huge de Sancto Caro 1703, 201). Именно на *Постиллу на всю Библию* Гуго ссылались впоследствии католические экзегеты, но также и составители различного рода энциклопедических пособий (Robert de Cambrai 1680, 1145), рассуждая о 5-частном, необходимом для каждого христианина знании. Попавшая в *Вертоград* посредством текста «Меффрета» мнемотехническая фраза довольно рано была воспринята и в катехетической литературе: в несколько иной формулировке она воспроизводится в рифмованном катехизисе *Католический алфавит* (*Alphabetum Catholicorum*, ок. 1295 г.) испанского врача и деятеля Салернской медицинской школы Арнольда де Вилланова (Arnaldus de Villa Nova, ок. 1240–1311 гг.)⁹.

⁸ В комментариях Хипписли опечатка: фрагмент взят не из 1-й, но из 2-й проповеди «Меффрета».

⁹ «ex verbis ... sacrae scripturae... informatio intellectus ad noticiam credendorum et agendorum et vitandorum et timendorum et sperandorum» (Arnaldus de Villa Nova 2002, 255).

В качестве основы катехетических проповедей подходят вирши Вертограда, в которых излагаются отдельные вероучительные истины. Источниками некоторых стихов Хипписли называет конкретные фрагменты из поучений «Меффрета» и Фабера, но фактически речь идет о воспроизведении библейского текста. Так, в вирше *Грѣси, вопиющии в небо* Симеон сам называет свой источник: «Четыри в **Писании** грѣси положени / иже вопиющии в небо наречени» (В-І, 232–33). Для отдельных виршей Симеон мог использовать в качестве основы структурные единицы катехизисов той эпохи. Примером может послужить стихотворение *Грѣси противу Духу Святому*, в котором перечисляются шесть категорий греховных деяний: «отчаяние», «упование лишнѣ», «некаяние», «жестосердие», «правды боритель», «ненавидяй в ближних благодати» (В-І, 229–30; Хипписли не указал источника). О существовании преступлений против Св. Духа говорится в Евангелиях (например, Мф. 12: 31–2), но разновидности данных преступлений получают конкретизацию в католических катехизисах раннего Нового времени. Так, в пользовавшемся огромной популярностью вероучительном пособии иезуита Петра Канизия (Petrus Canisius, латинизир. от de Hondt, 1521–97 гг.) перечисляются следующие грехи против Св. Духа: «Praesumptio de misericordia Dei, desperatio, veritatis impugnatio, fraternae charitatis invidentia, obstinatio, impenitentia» (Canisius 1570, D4). Симеон явно воспроизводит данную схему, лишь несколько меняя последовательность грехов.

Катехетическую проповедь можно выстроить и на материале стихов *Вертограда*, в которых рассматриваются отдельные христологические сюжеты. Вирш *Язвы Христовы-2* называет 5 причин, почему на теле Христа после Воскресения сохранились следы от пережитых крестных страданий:

[...] **Первая вина** — яко воем раны
в славу, не в нечесть бывають писаны,
И они убо тѣх не сокривають,
но, яко знамя службы си, являют.
В похвалу убо плоти пресвятая
изволил Господь сохранить тья.

Вина вторая — да кождо то знает,
яко Божество в плоти пребывает,
И яко Той же, сошедый с небесе,
а не ин тѣлом, из гроба воскрес.
Божества знамя есть воскресение,
человѣчества — язв сохранение.

Вина третья — дара ны являет
Отцу, и за ны Ходатай бывает,
И да извѣстно выну то нам будет,
яко пещися о нас не забудет.

Вина четверта, да мы возглядаем
на язвы Его и любовь познаем.
За ту же взаим да возлюбим Его,

Искупителя и Спаса своего.

Вина пятая — язвы соблюдает,
да я на Судѣ Страшном появляет
Благим в утѣху, злым в посрамление,
овым в блаженство, сим в осуждение. [...]
(В-III, 432–33).

Хипписли установил, что Симеон обобщил в вирше 3-е поучение Фабера на 1-е воскресенье после Пасхи (В-III, 624; F, 9–13). Примечательно, что проповедь Фабера легла в основу сюжета о язвах Христа в 1-м слове на 2-е воскресенье после Пасхи (*О Фоме Обед душевного* (Обед 1681, 14об.–16)). В этом случае Симеон воспроизводит не только общее рассуждение баварца, но и заимствует значительную часть приведенных Фабером цитат из богословских сочинений, в ряде случаев с искажениями (так, Симеон приписывает Амвросию Медиоланскому слова Беды Достопочтенного, поскольку у Фабера они следуют друг за другом; цитата из проповеди Льва I превращается у Симеона в анонимное высказывание). Таким образом, вирш *Язвы Христовы-2* представляет собой краткое рифмованное обобщение не только проповеди Фабера, но и основной сюжетной линии поучения самого Симеона.

Для проповедей катехетического содержания подходят вирши, в которых речь идет о церковных таинствах — например, об отдельных аспектах таинства покаяния. Как установил Хипписли, в основу стихотворения *Грѣх смертный и простимый* положен фрагмент 3-й проповеди «Меффрета» на 11-е воскресенье после Троицы (В-I, 347; М/а, 354). Вопреки заявленной в заголовке теме, Симеон рассуждает лишь о второй разновидности греха и приводит список из 8-ми «средств», с помощью которых христианин может очиститься от греха «простимого»:

[...] **В первых**, сокрушением очищен бывает,
паки, исповѣдь того в ничто обращает,
Третие, биение персѣй есть в помощи,
четвертая, молитва во дни или в ноцы,
Пятое, Пречестнаго Креста знамение,
шестое, священныя воды кропление,
Седмое, причастие Божественных Таин,
осмое, ближнему си оставление вин [...]
(В-I, 244).

Использованный Симеоном фрагмент имеет в «Меффрете» подзаголовок «*reccata venialia octo modis dimittitur*», и 8 «средств» передаются удобным для заучивания двустилием:

Confiteor, tundo, conspergor, conteror, oro:
Signor, edo, dono, per haec venialia pono.

Симеон немного меняет порядок «средств», выстраивая их в более логичную последовательность. Процитированное в «Меффрете» двустилие

имеет длительную историю. Оно сложилось как результат богословских дискуссий об условиях прощения повседневных грехов, которые развернулись после введения IV Латеранским собором 1215 года требования обязательной ежегодной исповеди, и получило распространение в первую очередь в практических пособиях по отправлению таинства покаяния (Lea 1896, 268), перекочевав оттуда в гомиетику. Двустипшие сложилось, судя по всему, в среде францисканцев, встречается в «opusculum» генерала ордена Джованни Фиданцы (известного как Бонавентура; Giovanni di Fidanza, 1221–1274) (Bonaventura 1668, 269); тиражировалось также посредством стилизованной под Вергилия поэмы об основах христианской веры и этоса *Anticerberus* итальянского францисканца Бонджованни из Каврианы в районе г. Мантуя (Bongiovanni da Cavriana, сер. XIV века): в 27-й и 28-й строках 3-й книги поэмы перечисляются 8 средств очищения от простимого греха¹⁰.

В *Вертограде* встречаются единичные вирши, на основе которых можно составить поучения об обязанностях отдельных социальных групп и о грехах, связанных с исполнением различных видов профессиональной деятельности. В западной гомиетике подобного рода проповеди относились к жанру «ad status». Стоит отметить, что такого рода материал был пригоден и для исповедников: так, в первом церковно-славянском мануале по отправлению таинства покаяния *Мир с Богом человеку* (Киев, 1669 г.) присутствуют перечни прегрешений разных духовных, социальных и профессиональных групп (*Мир с Богом* 1669, 382–428), которые были дословно позаимствованы из католического источника. В вирше *Купецтво* Симеон называет 8 наиболее типичных грехов, присущих представителям купеческого ремесла:

[...] **Во-первых**, всякий купец усердно желяет,
малоцѣнно да купит, драго да продает.
[...] **Вторый грѣх** в купцѣх часто есть лживое слово,
еже ближняго в вещех прелстити готово.
Третий есть клятва во лжу, а та умноженна
паче песка, на брезѣ морстем положенна.
Четвертый грѣх татбою излише бывает,
та же в мирѣ в мѣрилѣх часто ся свершает,
[...] **Пятый** есть грѣх, нѣции лихоимства дѣют,
егда цѣну болшити за время умѣют,
[...] **Шестый** грѣх, — егда куплю являют благую,
потом лестно ставляют ину, вещь худую.
Седмый грѣх, — яко порок вещи сокрывают,
вещь худую за добру купующим дают.
Осмый, — яко темная мѣста устрояют,
да худыми куплями ближняя прелцают [...] (В-II, 233–35)

¹⁰ «Confiteor, ploro, resporgor, parco, peroro / Signor, edo, dono, dictis venialia pono» [Bongiovanni da Cavriana].

В качестве источника вирша Хипписли называет 2-ю проповедь «Меффрета» на 17-е воскресенье после Троицы (В-II, 597; М/а, 420–21).

Значительное число виршей *Вертограда* подходит для составления на их основе тематических проповедей, не привязанных к каким-либо событиям церковного календаря или церковной жизни. О 8-ми присущих детскому возрасту черт и добродетелей, также о необходимости в преклонных годах разумно подражать этим детским качествам Симеон рассуждает в вирше *Дѣтствование*:

Повелѣ Господь вѣрным дѣти подражати,
но срамно непщуется старым дѣтствовати.
Срамно убо есть, умы яко дѣтем быти,
но пречестно злобою дѣтми ся творити,
И добродѣтели их благо есть стяжати,
не в несмыслствѣ же тыя, но умно являти.
Во-первых, смирение во дѣтѣх бывает;
благ же и старец, иже оно подражает.
Вторая чистота есть, юже имут дѣти;
блажен же и старец, ту сподобся имѣти.
Третѣе, трезвение дѣти соблюдают;
блаженни старци, иже трезвенни бывают.
Четверто, сострастие во дѣтѣх бывает:
плачущей доилицѣ и дѣтищѣ сридает.
Блаженни же и старци, иже сострадати
умѣют и немощем людским ся слагати.
Пятая, есть приклонность в дѣтѣх к челоувѣком,
яже небезпохвална и старому вѣком,
Ибо иже любезно всѣм ся приклоняет,
приятен челоувѣком и Богу бывает.
Шестое, даяние бывает во дѣтѣх,
а то доброхвално есть и старому в лѣтѣх,
[...] **Седмое**, безгнѣвие в дѣтѣх обитает,
а то и стара мужа велми ублажает.
Осмое, злоб непамять дѣти соблюдают,
яко досаждения скоро забывают
И послѣжде не тщатся досады отмстити,
малым нѣчим удобно оны примирити.
[...] (В-I, 312–13).

Источником вирша Хипписли называет 3-е поучение «Меффрета» на 4-е воскресенье Великого Поста (В-I, 356; М/н: 292–94): в латинском тексте в контексте толкования Ин. 6:9 («здесь есть у одного мальчика пять хлебов ячменных») последовательно анализируются 7 черт детского характера; из 7-го пункта Симеон, по мнению Хипписли, сделал два:

смирение	humilitas
чистота	puritas
трезвение	sobrietas
сострашие	conformitas
приклонность к челoвѣком	iucunditas
даяние	liberalitas
безгневиe, злоб непамять	tranquillitas

В «Меффрете» воспроизводится рассуждение из 119-й лекции толкования на Книгу Премудрости Соломона Холкота, которое, в свою очередь, выстраивается на основе популярного в средневековой письменности стихотворения об особенностях детского возраста. Холкот приводит стихотворение в двух несколько отличных версиях:

- (1) Sunt pueri puri, parvi, parvisque cibantur,
Currunt, laetantur, cito dant, cito pacificantur.
- (2) Sunt pueri parvi, puri, parvo satiati,
Conformes ludunt, cito dant, cito pacificantur.

На основе данного стиха Холкот формулирует перечень качеств из 7-ми пунктов (Holkoth 1586, 399), которые «Меффрет» повторяет дословно. Английский доминиканец противопоставляет 7-ми детским качествам (или добродетелям благочестивого человека) 7 смертных грехов, но в «Меффрете» данная сюжетная линия не развивается (нет ее, соответственно, и у Симеона).

Холкот не был автором двустишия, но опирался, судя по всему, на длительную традицию, поскольку знал две версии стихотворения¹¹. Примечательно, что в ряде рукописных гомилетических пособий эпохи Холкота двустишие о детских чертах характера приводится в качестве мнемотехнического плана для составления проповеди именно на евангельское чтение Ин. 6:9, которое толковалось на 4-е воскресенье Великого Поста (Wenzel 1986, 121–22). Получается, что автор «Меффрета» в духе современных ему гомилетических пособий выстраивает на основе двустишия авторское поучение, а Симеон совершает обратную работу и на основе проповеди из «Меффрета» сочиняет свое собственное мнемотехническое стихотворение. Которое, в свою очередь, в полном объеме или фрагментарно вполне могло быть использовано потенциальным читателем *Вертограда* в качестве плана для составления тематического поучения о детских добродетелях, которым надлежит подражать и в преклонных годах. Сам Симеон использует отдельные пункты вирша *Дѣтствование* в Слове на праздник Николая Чудотворца, описывая «осмь

¹¹ В рукописной традиции после Холкота чаще встречалась вторая версия стиха (Werner 1912, 95).

знамен, яко цвѣтовъ благоискуснїи во юношахъ будущаю оусмотряють благодсти» (Вечеря 1683, 143об.–45).

Значительное число виршей *Вертограда* подходит для составления поучений (или фрагментов поучений) на сюжеты нравственного богословия. Например, стихотворения, в которых Симеон описывает отдельные добродетели. Смирению посвящено несколько поэтических фрагментов, в частности, *Смирение-13*. Для этого вирша Хипписли не называет источника; косвенно на характер источника указывает обращение в вирше *Вы, о иноци* и ссылка на святого Кассиана, хотя у последнего в сочинении *О постановлениях монастырских* нет самостоятельной главы о смирении, которая могла бы послужить для Симеона в качестве образца. 12 проявлений смирения монаха компактно приводятся в 7-й главе монашеского устава Бенедикта Нурсийского (480–547), материал которой Симеон по его собственному признанию включил в состав 2-го слова на 5-е воскресенье Великого поста (Обед 1681, 630об.–34об.), воспроизводя схему Бенедикта в обратном порядке. Описанную в проповеди схему степеней смирения Симеон использует и в вирше *Смирение-13*, преобразуя 12 пунктов в 10:

<i>Смирение-13</i>	<i>Обед душевный</i>	<i>Устав</i>
Смирение истинно мужь хотяи стяжати, Имать сия средства выну содержати:		
Во-первых, волю свою весьма умертвити, Во умерщвленнѣи плоти да бы ей не жити.	11. «воли своя не хотѣти исполненїя».	2. «не любя своей воли, не находит удовольствия в том, чтобы исполнять свои пожелания».
Второе, не точию дѣла си являти Началнику, но и мысль вѣрно откривати.	8. «исповѣданїе грѣховъ своихъ творити».	5. «худыхъ помышлений... не утаивать от аввы своего».
Третѣе, судови си ничто уповати, Но вся начальническую судови вручати.	10. «съ послушанїемъ подчинитися старшымъ».	3. «подчиняться наибольшему».
Четвертое, хранить повиновение, Кротость и постоянство, купно терпѣние.	9. «послушанїя ради жестокая и тяжкая терпѣти».	4. «в послушании на дела трудные... хранить терпение».
Пятое, никому же обиды творити, Но и себѣ творимых терпѣливу быти.		
Шестый, ничто же ино дѣяти дерзати, Токмо правила с отцев образы держати.	5. «то дѣяти и держати, что обще имать правило обители».	8. «ничего не делать, кроме того, к чему обязывает общий Устав».
Седмое, всяку худость причитати себѣ, И раба недостойна себе знати требѣ.	7. «непотребна раба себе глаголати».	6. «довольствоваться всякой скудостью».
Осмое, от всѣхъ нижша себе разумѣти, Не словом, но в сердцахъ мысль сию имѣти.	6. «мнѣти и глаголати худша всѣхъ себе быти».	7. считать «себя низшим и худшим всех».

<i>Смирение-13</i>	<i>Обед душевный</i>	<i>Устав</i>
Девятое, от вопля уста обуздати, Мало, и то разсудных, словес изпущати.	3. «мало, безклично, и то разумнѣ глаголати».	11. «говорить кротко... немного».
Десятое, ко смѣху не удобно быти, Но воздержно от него устнѣ си хранити.	2. «не скору быти ко веселію пустошному, и смѣху безчинному».	10. «не охочь и не скор... на смех».
Но воздержно от него устнѣ си хранити. / Сия Кассиан святыи яко знаменія / Истиннаго судил естъ быти смиренія, / Яже вы, о иноци, прилѣжно стяжите, / И зрящым на вы в образ ползы проявите (В-Ш, 160–161).		
	1. «сердцемъ и тѣлом выну смиреніе показовати».	12. «не сердцем только, но и самим телом ... показывать себя смиренным».
	4. «молчаніе даже до вопрошенія».	9. удерживать «язык свой от говорения, и храня молчаніе, не говорить, пока не спросят».
	12. «бояться бога, и заповѣди его соблюдати».	1. «страх Божий» (Устав 1994, 605–09).

В другом вирше на данную тему *Смирения степени шесть* (В-Ш, 163–64) Симеон предлагает несколько иную схему, поскольку в этом случае он следует за «Меффретом» (В-Ш, 584; М/Н, 80–1).

Для составления тематической проповеди духовно-нравственного характера подходит вирш *Богатство безгрешное* (В-І, 121), в котором Симеон описывает подходящее для христианина отношение к приобретению и распоряжению материальными благами. Источником вирша Хипписли называет 6-ю проповедь Фабера на 14-е воскресенье после Пятидесятницы (В-І, 328–29; F, 901–04): в контексте толкования евангельского наставления, что невозможно одновременно служить Богу и мамоне, баварец называет 7 условий, когда приобретаемое богатство не становится поводом для наказания. А.А. Преображенская установила, что данная проповедь Фабера также легла в основу 1-го слова на 3-е воскресенье после Пятидесятницы *Обеда душевного*¹². Пункты в вирше и слове Симеона имеют несколько иную последовательность,

¹² Преображенская считает, что «из поучения [Фабера] Симеон предположительно взял только некоторые элементы — элементы списка тех богатств, которые “не творят препятия спасению”» (Преображенская 2019, 134); в действительности же Симеон использует

также прозаическое поучение Симеона с бóльшей точностью воспроизводит текст баварского проповедника:

<i>Богатство безгрешное</i>	<i>Concionum opus tripartitum</i>	<i>Обед душевный</i>
(1) Без грѣха стяжание, аще то взицеши нелакомо и кромѣ зависти будеши	(1) Non quaeras eas cupide	Аще не лакомо стяжется
(2) И аще вперед царствия взыцеши небесна, потом мирских и яже блага суть тѣлесна,	(1-2) si quaeras ante omnia regnum coelorum	
(3) И аще без обиды инѣх та держиши, ни упования ти в онѣх положиши;	(1-3) Deum non offendas; (3) Si in ipsis non confides vel extollatis	Аще в немъ не полагаеши надежды
(4) Аще сердца ти к нему не прилагаеши, ни любиши, но паче то презираеши,	(4) Si non ames, sed contemnas eas	Аще не любиши его приложеніемъ сердца, паче же презираеши и не брежеши
(5) А вегда ся приключит того отщети, аще вѣси во печаль нимало входити [...],	(6) Si non valde addicaris aut tristeris	Не велми скорбитъ и печаленъ бываетъ, егда случится ему богатствъ своих лишенну быти
(6) Наконец, аще мѣрно то употребиши, нищія по силѣ твоей ущедриши (В-І, 121).	(7) Si moderate et ad necessitate tantum tuam illis utaris	Аще кто мѣрно ихъ на свою нужду, и на инья честная дѣла оупотребляетъ
	(2) Si non valde laeteris de acquisitis	О стяжанных не излише радуешися
	(5) Si non servias iis, sed domineris	Аще кто не работаетъ ему, но господствуетъ на обители, на училища, на сиропиталища

К сюжету нанесения ущерба репутации другого человека, который в нравственном богословии и гомилетике раннего Нового времени приобретает значительную актуальность, Симеон обращается как минимум дважды в виршах *Славы увлечение* и *Увлечение славы*. Вирши писались, судя по всему, в разное время: в первоначальном списке *Вертограда* они находятся в разных тематических блоках (В-III, 751, 758), содержательно похожи, но не идентичны. Симеон приводит две несколько отличающихся классификации греховных деяний, которые вредят репутации других людей:

6-ю проповедь баварца целиком, исключая лишь ряд примеров и цитат, а также и начало следующей — 7-й проповеди Фабера (F, 904).

<i>Славы увлечение</i>	<i>Увлечение славы</i>
Во-первых, егда грѣх тайный изъявится Чуждый от нѣкого, слава блага тлится.	Третѣе, аще тайный грѣх будет явленый, Ближний на славу своей уже оскорбленный.
Второе — егда кто грѣхи извергает В очи согрѣшившу, злѣ славу терзает.	
Третье — клевета ложная отъемлет Славу, внегда лжу кто на кого поемлет.	Первый — клеветно слово быти полагаем [...]
Четвертое — внегда чуждо благо дѣло Отричет кто, или умаляет смѣло.	Пятое, кто не хошет добрых дѣл хвалити, Грѣха увлечения волну не лѣтъ быти.
Пято — егда чужда благодѣяния Зла намѣрений си имут сказания.	Четвертое, аще злѣ благодѣяние кто толкует, Или умалително ону изъявствует.
Напослѣдок, слава добра увлечится, Егда клеветников слушати кто тщится [...] (В-III, 113)	Паки, обличением лишним та вредится, Ибо пред слышащыми слава умалится [...] (В-III, 269–70).

Хипписли идентифицировал источник только вирша *Славы увлечение*, 9-е поучение Фабера на 3-е воскресенье после Пятидесятницы, в котором анализируются 6 ситуаций нанесения ущерба репутации другого человека («*revelatur, exaggeratur, imponitur, negantur, male interpretatur, detrahentes audiuntur*») (В-III, 577; F, 498–99). Фабер выстраивает свое поучение на основе популярного мнемотехнического стиха, который встречался в пособиях по исповеди и трактатах по нравственному богословию:

*Imponens, augens, manifestans, in mala vertens,
Qui negat, aut minuit, tacuit, laudatve remisit
(Francisco de Toledo 1609, 682).*

Баварский проповедник несколько меняет последовательность пунктов и из 8-ми (4-х прямых способов нанесения ущерба и 4-х — косвенных) делает 6 пунктов. Именно эта схема и становится основой для вирша *Славы увлечение*.

***

Даже немногочисленные приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что посредством проповедей «Меффрета» и Фабера Симеон воспринял целый ряд популярных в средневековой книжности мнемотехнических стихов. В латинских источниках *Вертограда* они не всегда приводятся в виде рифмованных фрагментов, чаще всего эти стихи уже «разложены» на смысловые единицы и задают название и содержание отдельных частей проповедей. Симеон же совершает как бы обратную работу, «собирая» эти смысловые единицы и превращая их в аргументы или «вины» в своих виршах. Целый ряд стихов *Вертограда* становится, таким образом, тезисным планом использованных Симеоном латинских проповедей.

Отмечу в качестве отступления, что посредством своих латинских источников (в бóльшей степени сборника «Меффрет») Симеон воспринимает не только мнемотехнические двустишия, но и ряд фрагментов из рифмованных средневековых сочинений. Сошлюсь лишь на один пример. В качестве источника двустишия *Око-2*: «Вода, трава, зеркало очи исправляют, / в зеркало токмо егда здравы да смотряют» (В-II, 463) Хипписли называет двустишие «Fons, speculum, gramen / dant oculis alleviamen» из 3-го поучения «Меффрета» на 13-е воскресенье после Троицы (В-II, 640; М/а, 375). Первая строка латинского стиха использована Симеоном и в вирше *Блуд-2*, глаза любят смотреть на «Источник, зеленую траву и зеркало» (В-I, 91); в данном случае Симеон переводит латинское слово «fons» более буквально. Для этого стихотворения Хипписли не указывает источника, в черновой версии *Вертограда Око-2* и *Блуд-2* находятся в разных порциях текста (В-III, 714, 742). Процитированное в «Меффрете» двустишие восходит к *Салернскому кодексу здоровья (Regimen sanitatis Salernitanum)* — рифмованной поэме по вопросам гигиены (около середины XI века). В средневековой литературе двустишие воспроизводилось в сочинениях очень разных жанров, например, в контексте рифмованных советов для писцов (Wattenbach 1875, 226); в главе *Глаза* популярного трактата псевдо-Аристотеля антрополого-медицинского содержания *Проблемы (Problemata 1568, 27)*. Включил данные строки в свой перевод *Проблем* на польский язык и православный книжник Речи Посполитой Кассиан Сакович (около 1578–1647 гг.)¹³.

Из пометок в черновых версиях сборников *Обед душевный* и *Вечера душевная* известно, что они составлялись Симеоном раньше *Вертограда* (Елеонская 1990, 116–40). Отмеченные выше совпадения, когда тот или иной фрагмент текстов Фабера или «Меффрета» был использован Симеоном одновременно и в проповеди, и в вирше¹⁴, позволяет предположить, что Симеон мог собирать материал для прозаических поучений и для поэтической энциклопедии одновременно из общих источников, а отдельные вирши *Вертограда* сочинялись в том числе и как рифмованное обобщение фрагментов слов самого Симеона. Можно назвать также примеры, когда на основе проповеди Фабера (например, 6-й на 15-е воскресенье после Пятидесятницы (F, 937–38), толкование фрагмента о воскресении Христом дочери Иаира, Лк. 8: 49–56) Симеон составляет свое поучение (1-е Слово на 23-е воскресенье после Пятидесятницы (Обед 1681, 398–403)), отдельные тематические блоки которого

¹³ «Zwierciadło, trawa y wody cieczenie / Zwykło czynić człowieku ochłodzenie» (Шинкарук, Нічик 1988, 347).

¹⁴ Таких совпадений в действительности значительно больше, некоторые были ранее отмечены Мариной С. Киселевой (Киселева 2011, 189, 191–92, 194–95, 210, 229, 230, др.). Стоит отметить, что в текстах проповедей Симеон гораздо более свободно обращается с материалом латинских источников, чем в своих виршах. Преображенская идентифицировала источники 13-ти слов Симеона из *Обеда*, но исследовательница не ставила перед собой задачи выявить параллели между словами и виршами *Вертограда* (Преображенская 2019).

превращаются в самостоятельные вирши: *Мертвых не плакаться* (В-II, 300), *Крокодил* (В-II, 229), *Плач-2* (В-II, 506–07) (Корзо 2021).

При этом стоит признать, что далеко не все частные сюжеты проповедей Симеона были преобразованы им в стихи *Вертограда*, равно как далеко не все прописанные в *Вертограде exempla* или темы встречаются в словах *Обеда* и *Вечери*. Также очевидно, что одни и те же сюжеты для прозаических поучений и для стихотворений могли браться Симеоном из разных источников. Так, в вирше *Казнь вечная* (В-II, 169) Симеон описывает 10 разновидностей адских страданий грешников следуя тексту «Меффрета» (В-II, 586; М/а, 243–44), а в 1-м Слове на 14-е воскресенье после Пятидесятницы перечисляет «Казни грѣшникомъ во адѣ» (на этот раз их 8), которые лишь отчасти совпадают с перечнем из вирша, но при этом учитывают библейский фрагмент Мф. 22,13 (Обед 1681, 271об.–75об.)¹⁵. Между виршами *Вертограда* и словами Симеона не всегда прослеживается терминологическое единство, например, используются разные наименования для одного и того же смертного греха, «лакомство» (В-III, 67) и «сребролюбіе» (Обед 1681, 608об.), «чрева несытство» (В-III, 68) и «чревобѣсіе» (Обед 1681, 609).

Но даже с учетом этих и иных различий значительную часть «Вертограда» вполне можно рассматривать как своего рода мнемотехнический гиперстих для запоминания содержания проповедей Симеона и, одновременно с этим, как гомилетическое пособие для других проповедников, которые могли развернуть вирши, преобразовав их в авторские прозаические поучения.

Источники

Старопечатные издания

Вечеря 1683. Симеон Полоцкий. *Вечеря душевная*. Москва: Верхняя тип.

Мир с Богом человеку. 1669. Киев: Киево-Печерская Лавра.

Обед 1681. Симеон Полоцкий. *Обед душевный*. Москва: Верхняя тип.

Arnaldus de Villa Nova. 2002. *Tractatus octo in Graecum sermonem versi (Petropolitanus Graecus 113)*, ed. Ioannis Nadal et Cañellas. Barcinone: Institut d'Estudis Catalans. Bongiovanni da Cavriana. *Anticerberus*. URL: <<http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A2011.01.0909>> (последняя дата обращения 6 февраля 2023 года).

Caesarius de Heisterbach. 1599. *Illustrium miraculorum, et historiarum memorabilium libri 12*. Köln: Arnold Mylius.

Canisius, Petrus. 1570. *Parvus Catechismus Catholicorum*. Kraków: Mateusz Siebeneycher.

Faber, Matthias. 1631. *Concionum opus tripartitum: pluribus in singular Evangelia argumentis instructum*. Pars III. Ingolstadt: Gregor Hänlin.

Holkoth, Robert. 1586. *In Librum Sapientiae Regis Salomonis Praelectiones CCXIII*. Basel: s.n.

¹⁵ В «Меффрете» встречается еще одна классификация адских мучений грешников, которая восходит к *Золотой легенде*; но эта классификация не привлекла внимания Симеона.

- Huge de Sancto Charo. 1703. *In Libros Genesis <...> et Job opus admirabile*. Vol. 1. Venezia: Nicolò Pezzana.
- [Meffret[h] von Meissen]. [1485]. *Sermones Meffreth, alias ortulus regine*. [Basel]: [Nikolaus Kessler].
- [Meffret[h] von Meissen]. 1610. *Sermonum Meffret, Verbi Dei praeconis quondam celeberrimi <...> vulgo Hortulus Reginae appellantur. De tempore. Pars Aestivalis*. München: Nikolaus Heinrich.
- [Meffret[h] von Meissen]. 1610. *Sermonum Meffret, Verbi Dei praeconis quondam celeberrimi <...> vulgo Hortulus Reginae appellantur. De tempore. Pars Hiemalis*. München: Nikolaus Heinrich.
- Problemata Aristotelis, ac philosophorum medicorumque complurium*. 1568. Lyon: Thibauld Payen.
- Robert de Cambrai. 1680. *Aurifodina Universalis scientiarum divinarum atque humanarum*. Vol. 2. Paris: Denis Thierry.
- Toledo de, Francisco. 1609. *Summa Casuum conscientiae*. Köln: Johann Gymnich.

Литература

- Брагоне, Мария Кристина. 2013. “Стихотворения в «Арифметике» Леонтия Магницкого.” In *History and Literature in Eighteenth-Century Russia*, edited by Bogatyrev, Sergei, Dixon, Simon, and Janet M. Hartley, 1–28. London: Study Group on Eighteenth-Century Russia.
- Елеонская, Анна С. 1990. *Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века*. Москва: Наука.
- Киселева, Марина С. 2011. *Интеллектуальный выбор России второй половины XVII–начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености*. Москва: Прогресс-Традиция.
- Корзо, Маргарита А. 2021. “Сюжет «consolatio mortis» у Симеона Полоцкого: несколько штрихов к источникам вдохновения богослова.” *Славяноведение* 2: 93–101. DOI:10.31857/S0869544X0014064-3.
- Преображенская, Анастасия А. 2019. “Источники проповедей Симеона Полоцкого: перевод, пересказ, адаптация.” В *Симьон Полацкі: светапогляд, грамадска-палітычная і літаратурная дзейнасць. Матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі 21–22 лістапада 2019 г.*, 166–78. Минск: Нацыянальная бібліятэка Беларусі.
- Симеон Полоцкий. 1996. *Вертоград многоцветный*. Подготовка текста, статьи и комментарий Антони Хипписли и Лидия И. Сазонова, предисловие Дмитрий С. Лихачев. Т. 1. Köln: Böhlau Verlag.
- Симеон Полоцкий. 1999. *Вертоград многоцветный*. Подготовка текста, статьи и комментарий Антони Хипписли и Лидия И. Сазонова. Т. 2. Köln: Böhlau Verlag.
- Симеон Полоцкий. 2000. *Вертоград многоцветный*. Подготовка текста, статьи и комментарий Антони Хипписли и Лидия И. Сазонова. Т. 3. Köln: Böhlau Verlag.
- “Устав преподобного Венедикта.” 1994. В *Древние иноческие уставы, собранные святителем Феофаном Затворником*, 591–653. Москва: Свято-Преображенский Валаамский монастырь.
- Хипписли, Антони. 2001. “Западное влияние на «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого.” В *Труды отдела древнерусской литературы*, отв. ред. Дмитрий С. Лихачев. Т. 52, 695–708. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.

- Шинкарук, Володимир І., Нічик, Валерія М., ред. 1988. *Пам'ятки братських шкіл на Україні: кінець XVI – початок XVII ст.: тексти і дослідження*. Київ: Наукова думка.
- Baring-Gould, Sabine. 1865. *Post-Mediaeval Preachers: Some Account of the most Celebrated Preachers of the 15th, 16th, and 17th Centuries; with Outlines of their Sermons, and Specimens of their Style*. London: Rivingtons.
- Bartolini, Maria Grazia. 2020. “«Engrave this Memory in your Heart as if on a Tablet ...»: Memory, Metitation, and Visual Imagery in Seventeenth-Century Ukrainian Preaching.” *Canadian Slavonic Papers* 62, 2: 154–81. DOI: <https://doi.org/10.1080/00085006.2020.1750766>.
- Bartolini, Maria Grazia. 2022. “Writing for the Eyes: Preaching and Visual Imagery in Seventeenth-Century Kyiv.” *Zeitschrift für Slawistik* 67, 3: 135–64. <https://doi.org/10.1515/slav-2022-0020>.
- Bragone, Maria Cristina. 2014. “A Manual for the Young Tsar: Simeon Polotskii's Primer.” In *History of Education and Children's Literature* 2: 43–57.
- Cruel, Rudolf. 1879. *Geschichte der deutschen Predigt im Mittelalter*. Detmold: Meyer'sche Hofbuchhandlung.
- Lea, Henry Charles. 1896. *A History of Auricular Confession and Indulgences in the Latin Church*. Vol. 2. Philadelphia: Lea Brothers & Co.
- Schmidtke, Dietrich. 2010. “«Meffreth» von Meißen.” In *Die deutsche Literatur des Mittelalters: Verfasserlexikon*, hrsg. von Kurt Ruh. 2. Auflage. Bd. 6, 297–300. Berlin: Walter de Gruyter.
- Wattenbach, Wilhelm. 1875. *Das Schriftwesen im Mittelalter*. Leipzig: S. Hirzel.
- Wenzel, Siegfried. 1986. *Preachers, Poets and the Early English Lyric*. Princeton, NJ: Princeton UP.
- Werner, Jakob. 1912. *Lateinische Sprichwörter und Sinnsprüche des Mittelalters, aus Handschriften gesammelt*. Heidelberg: Winter.

Монструозные варианты Сумарокова: замечания к истории чтения, образования и перевода в России XVIII века¹

Андрей Костин

Abstract: *Sumarokov's «Monstrous» Variants: Remarks on the History of Reading, Education and Translation in Eighteenth-Century Russia.* Sumarokov's translation practice, throughout his career, reveals a tendency towards “monstrous” solutions — contrary to the tradition of “common sense” translation — an inclination to unexpected readings, fragmenting the text to the point of absurdity and appropriating it to the reader. This attitude towards translation can be explained by the orientation of St. Petersburg elites of the 1730s (as in the Noble Cadets Corps, where Sumarokov studied), towards Prussian educational models, including the linguistic school of the Halle pietist Johann Joachim Lange. The pinnacle of training in this school was a meticulous philological meditation on the biblical text that provided mystical insight. The significance of these textual practices for St. Petersburg culture of the mid-18th century is confirmed by the fact that the debate over Trediakovsky's translation of Lange's *School Conversations* in the late 1740s played a crucial role in crystallizing the aesthetic and authorial strategies of key St. Petersburg poets.

Keywords: Alexander Sumarokov, translation, meditation, pietism, language training, 18th century, Johann Joachim Lange

Мы довольно много знаем о русской литературе XVIII века. Это помогает работать, но создает также проблему. Мы склонны слишком доверять не общепринятым фактам даже, терминам, паттернам и представлениям, — но самому базовому модусу интерпретации. Мы слишком привыкли относиться к этой литературе как к рациональной — сыграли свою роль и самообъявленная приверженность Просвещения разуму, и излишне в него поверивший оптимистичный научный рационализм второй половины XIX века — времени, когда приняла форму инфраструктура того, как мы думаем до сих пор о российской XVIII-вечной словесности. Демонтаж накатанной саночной трассы на этом уровне — не досужее антикварное развлечение. Старая небезопас-

¹ Благодарю Татьяну Костину за совместную работу и постоянные дискуссии по осмыслению языкового образования в петербургских школах 1730-1740-х годов, а Бориса Маслова, Маркуса Левитта и Лауру Росси – за замечания и уточнения, позволившие улучшить статью.

Andrej Kostin, Grenoble Alpes University, France, a.al.kostin@gmail.com, 0000-0002-3646-9535

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Andrej Kostin, *Sumarokov's «Monstrous» Variants: Remarks on the History of Reading, Education and Translation in Eighteenth-Century Russia*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.24, in Svetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 307-342, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

на и может рухнуть и без того — лучше начать делать с ней что-то раньше. Добавить нашему видению русского XVIII века немного иррациональности — хорошее дело. Можно начать здесь.

Мне представляется, что эпистемология переводческого ремесла — одно из самых уязвимых мест во всей конструкции. Российская словесность XVIII века развивалась во многом как словесность переводная — сложно указать заметного (да и незаметного) русскоязычного автора этого времени, не работавшего бы, помимо оригинальных сочинений, также и над переводами². Не удивительно поэтому, что четкой границы между переводным и оригинальным творчеством, отсутствовавшей в изучаемую эпоху, нет и в исследовательской традиции: все, серьезно занятые «русской литературой» XVIII века, в какой-то момент пишут и о переводах, причем иногда не вполне понятно, можно ли предмет отдельной исследовательской работы отчетливо охарактеризовать так или иначе. У цеха, занятого этой эпохой, есть поэтому определенный относительно активный конвенциональный тезаурус, позволяющий рассуждать о переводах. И вряд ли какой-либо термин употребляется в нем чаще, чем слово ‘точный’ и его дериваты³.

Здесь не место говорить о том, что при всей кажущейся точности слово ‘точность’ плохо годится для термина — слишком расплывчатое и ненадежное. Недифференцированную ‘точность’ можно критиковать, добавляя ей (им) разнообразие, строгость и квантифицируемость⁴. Моя задача, между тем, в другом. Любая попытка обуздать ‘точность’ предполагает, что как бы ни строилось новое здание текста на принимающем языке, ‘точный’ перевод

² Интересно заметить, что, в отличие от мужчин, русские авторки XVIII века — Урусова, Хвостова, Мурзина, Поспелова — скорее не были склонны публиковать свои переводы, во всяком случае под собственным именем.

³ Общая канва истории литературного перевода и переводческой рефлексии в России до конца XVIII века достаточно качественно представлена в двухтомнике Левина (1995). Наиболее актуальный срез рефлексии над переводческой практикой в России этого времени см. в сборнике Польского и Ржеуцкого (2022). Показательно, что большинство статей сборника (10 из 14 — по сути, все, непосредственно сопоставляющие тексты оригиналов и переводов) так или иначе используют категорию «точности» (в том числе для ее критики).

⁴ Классический пример русскоязычной академической традиции, проблематизирующий возможность квантификации переводческой «точности» — работы М. А. Гаспарова и выполненные под его руководством (Настопкене 1981; Гаспаров 2001а). Его максима “Я занимаюсь точноведением, а чтотоведением занимайтесь вы” (Гаспаров 2001b, 177) относится именно к этим работам (максима записана по поводу «традиционного» переводческого высказывания «В переводе, кроме точности, должно быть еще что-то»). Культурную критику понятия точности (fidelity) и связанных с ним отрицательных понятий (infidelity, betrayal, deformation, violation, vulgarization, desecration и др.) — в основном на материале трансмедиальных переносов, но применимую к изучению перевода — см. Stam (2000) и Hansen (2010). Ненадежность, сконструированность понятия точности — одна из отправных точек translation studies как академической парадигмы, смещающей внимание в изучении перевода с переводимого текста на разнообразие переводящих, преобразующих и воспринимающих культур и их нелинейного глобального взаимодействия (Bassnett and Lefevere 1990; Budick and Iser 1996; Рум 1998; Eco 2003).

оказывается реконструкцией оригинального текста с уважением к какой-то его (так или иначе восстановимой и переносимой) базовой общей конструкции; реконструкцией, предполагающей бережное отношение хотя бы к воспроизводимым узлам и блокам, а также устойчивость новой конструкции. Что, если окажется, что российский переводчик XVIII века представлял себе 'точность' иначе? Если, например, целое новой постройки занимало их меньше, чем эффект неожиданного кадрирования, обрамления и взгляда на обособленные блоки, изъятые из оригинального целого и пересобранные с целью, например, эффектного уничтожения представляемой зрителю временной конструкции в увлекательном фейерверке или последовательности валящихся домино. Что, если переводчик XVIII века был не рациональным строителем, но фокусником-духовидцем? Я попробую показать, что для такого взгляда нет рациональных оснований.

* * *

Непосредственный разбор сумароковской переводческой практики я начну с двух переводов, опубликованных в 1760 году, — стихотворного переложения речи Ветурии к Кориолану из Тита Ливия и перевода одной из од Горация (II, 14: *Eheu fugaces, Postume, Postume*). Оба перевода — эпизоды в долгой череде опытов Сумарокова, правившего/переименовывавшего своих коллег/соперников по поэтическому мастерству⁵. Исследователи до сих пор преимущественно обращали внимание на полемическую/реципирующую/русскую сторону этих артефактов, не придавая особого значения переводческой работе Сумарокова. Можно посмотреть на них с другой стороны.

Оба перевода — из римских авторов. Деталь немаловажная: принято считать, что Сумароков не владел латынью (Егунов 1963; Любжин 2012; Николаев 2015)⁶. Противоречие между предполагаемым незнанием Сумарокова латыни и переводами из двух римских авторов легко снимается, на первый взгляд, прямым указанием переводчика на то, что он переводил «из русского перевода». Более того, как показал С. И. Николаев, в случае с переводом из Тита Ливия нам известны и тот «русский» прозаический перевод (выполненный Г. Козицким), который, как из подстрочника, Сумароков превращал в стихи, и «ошибочные» русские стихи (совсем незадолго до того умершего И. Шишкина), которые Сумароков своим «точным» переводом, как можно предположить, исправлял. Легко допустить, что Сумароков просто пользовался подстрочником — практика для русского XVIII века не самая нераспространенная.

Одним переводом, однако, как оказывается, дело не ограничивалось. Перелая в стихи речь матери к Кориолану из Тита Ливия, Сумароков восполь-

⁵ См. свод сведений об известных сейчас по этой теме материалах в статье Николаева (2020).

⁶ Ср., впрочем, традицию (Сумароков 1832; Хмыров 1869; Амелин 2003), указывающую на владение Сумарокова латынью без обоснования этого тезиса — кажется, с опорой только на уставные документы Сухопутного Шляхетного Кадетского Корпуса [далее СШКК].

зовался еще по меньшей мере одним русским подстрочником, сделанным для него латинистом, не уступавшим Козицкому. Перевод этот был напечатан Тредиаковским в 1761 году в примечаниях к первому тому *Римской истории* Роллена (при переводе французской версии того же текста), со следующим предупреждением: «Сию Ветурину речь [...] перевел я за долго прежде, нежели еще вздумал переводить сию [...] Римскую историю, и то ж по прозбе тогда некоего достойнопочитаемого приятеля моего, торговавшегося со мною, как по Латински говорится, Греческою верностию [...] и видно что помногу сомневался о некотором моем, малом подлинно, искусстве в латинском языке, не взирая, что я перевел Аргениду Барклаиеву, котораго латинский язык труднее Ливиева, где, по общему всех искусных признанию, млечная простота и сладость лиется» (Тредиаковский 1761, 294).

Петербургский историко-литературный контекст из этого глухого текста, когда на руках есть уже прочие пазлики, восстанавливается довольно просто. Сумароков, с которым Тредиаковский в тот момент еще общался («тогда некий достойнопочитаемый приятель мой»), попросил у него перевести этот фрагмент; но когда перевод был сделан, оказалось, что заказчик не поверил ему, и отправился за оценкой к другому специалисту («торговался со мною Греческою верностию, и видно, что помногу сомневался о некотором моем искусстве в латинском языке» = торговался со мной, не веря мне на слово⁷ и много сомневаясь в том, что я хоть сколько-то искусен в латыни) — как мы сейчас знаем, к Козицкому. Сличение двух экспертных подстрочников не оставляет сомнения, что Козицкий не переводил с нуля, но правил (очень сильно) текст Тредиаковского⁸.

Сумароков, однако, не удовлетворялся работой ни Тредиаковского, ни Козицкого, и использовал также по меньшей мере французские переводы. Тредиаковский, приведя свою версию, комментирует ее: «Всяк, умеющий по-латински, видит, что мой перевод есть по самым Ливиевым словам, и почитай его ж округом в сочинении. В Ливиевом порядке слов, сие токмо изображение, *sed ego nihil iam pati, nec tibi turpius quam mihi miserius possum, nec, ut sim miserrima, diu futura sum*, в остановку несколько с первого взгляда приводит. Но я презбмерно диваюсь, что некто из Иезуитов, в Римской своей

⁷ Ср. в *Ослах* Плавта (Plautus. As. 1, 3, 47): «*diem aquam solem lunam noctem, haec argento non emo: / ceterum quae volumus uti Graeca mercamur fide*».

⁸ Ср.: Тредиаковский 1761, 294; Козицкий 1770. Приведу несколько первых предложений. *Тредиаковский*: «Дай, прежде нежели обымешь, мне знать, к неприятелю или я пришла к сыну: пленница, Мать ли буду в твоём стане? К сему ль меня догвременная жизнь, и бесчасная старость довела, да Изгнанником тебя, потом и Супостатом увижу? Ты возмог опустошать сию землю, которая тебя родила и воспитала? И хотя с неприязненным и грозным сердцем прибыл, но, вступая в пределы, гнева не оставил?»; *Козицкий*: «Постой: прежде, нежели ты меня обымешь, дай мне узнать, к неприятелю ли я, или к сыну пришла? пленница ли я, или мать в стану твоём? До того ли меня долгая жизнь и несчастная старость довела, чтобы мне тебя сперва видеть изгнанным из отечества, а потом и неприятелем оному? Ты мог опустошать сию землю, которая тебя родила и воспитала? Не утолился твой гнев, хотя ты с неприязненным и грозным духом сюда пришел, когда ты вступил в сии пределы?».

истории, конец сея речи, quos, si pergis, aut immatura mors, aut longa servitus manet, так перевел: «Ей! Кориолан; или тебе свободить Рим, или пойти по утробе Матери твоя осаждаъ оный». “Oui, Coriolan, ou tu délivreras Rome, ou tu passeras sur le corps de ta mere, pour en aller faire le siège” (Тредиаковский 1761, 294–95). Эта смесь из нескольких версий на нескольких языках требует комментария, поскольку дает увидеть не только, как защищает себя Тредиаковский, но и как работал Сумароков.

Полагаю, что цитируя «некоего из иезуитов», Тредиаковский воспроизводит тот вопрос о латинском тексте и его соответствии французскому повествованию, с которым к нему как специалисту пришел Сумароков. Буквальная цитата Тредиаковского указывает, таким образом, на то, что в руках Сумарокова была *Histoire romaine* Катру и Руийе (Catrou et Rouillé 1725, 364). Свою речь Ветурии, мешая Ливия и Плутарха (которого Тредиаковский не учитывает, кажется, вовсе), отцы-иезуиты заканчивают *bon mot* из последнего — о том, что Кориолану, чтобы взять Рим, придется переступить через труп матери (tu passeras sur le corps de ta mère, η νεκρῶν ὑπερβῆναι τῆν τεκοῦσαν)⁹. Сумарокова, однако, эта фраза занимала не сама по себе, как случайно встретившаяся в случайном французском пособии. Разница между «*tu passeras sur le corps*» («переступишь через труп») французского оригинала и «*пойти по утробе*» в переводе Тредиаковского слишком заметна, чтобы объяснить ее ошибкой последнего, — скорее, перевод фиксирует то, что хотел найти в античных источниках Сумароков. Ученый петербургский академический латинист этой справки своему тогда еще товарищу дать не смог. Между тем, разночтение объясняется исходным ὑπερβῆναι Плутарха — в буквальном значении ‘наступить’, и только затем ‘переступить’. Буквальное значение красочно обыгрывает в своем *Кориолане* Шекспир¹⁰, где на их чрево/утробу/матку (*womb*) главному герою предлагают наступить (*to tread*, *nonpramь*) и мать, и жена, а малолетний сын заявляет при этом, что отец на него не наступит — «я убегу, вырасту и буду сражаться».

Сумароков подходит, таким образом, к переложению речи Ветурии из Ливия, отталкиваясь от очень вольной (театрализованной, фантастичной) версии Шишкина, где произносящая превращается из матери исторических источников в жену, с опорой на хорошо ему, по-видимому, известную шекспировскую сцену (делая, по сути, с фрагментом Ливия то же, что сделал с монологом Волумнии из Плутарха Шекспир — последовательно перекладывает

⁹ ‘Прояснение’ суггестивного и краткого ‘*nes diu futura sum*’ Ливия через более многословную тираду у Плутарха было обычным для французских переводчиков XVIII века. François-Philippe Gourdin в своем трактате о переводе приводит серию таких примеров, начиная с перевода Катру и Руийе, разбирая недостатки подражания (*imitatio*) как типа перевода (Gourdin 1789, 270–73).

¹⁰ Непосредственный источник здесь — рассказ Плутарха в английском переводе Томаса Норта: «*thy foote shall treade upon thy mothers wombe, that brought thee first into this world*» (Bullough 1966, 539). О том, мог ли Сумароков быть знаком с английским текстом Шекспира, см. ниже.

вает в стихи прозаический перевод)¹¹, надеясь сохранить в переводе шекспировское *mot* и пытаясь найти ему обоснование в древних текстах. Сумароков не останавливается на доступных ему печатных переводах (сравнивая, по-видимому, несколько), и обращается к лучшим петербургским русскоязычным специалистам, но не доверяет и им.

Тредиаковский специально подчеркивает, что его перевод не только «точный» («*по самым Ливиевым словам*»), но и почти буквально пословный, передающий не только смысл, но и конструкции оригинала («*его ж округом в сочинении*»). При этом оказывается нужным оговорить, что в одном месте эта точность может быть не очевидной. Ветурия Ливия, прежде чем указать сыну на его детей, которым предстоит из-за отца или ранняя смерть, или рабство, говорит о себе (Тредиаковский специально дополнительно цитирует):

... sed ego nihil iam pati, nec tibi turpius quam mihi miserius possum, nec, vt sim miserrima, diu futura sum... (Тредиаковский 1761, 293–94; ср. Livius 1974, 123–24).

«Я уже ничего вытерпеть», — говорит мать. Слушатель ждет, а читательница видит — «не могу», но чего же именно не может вытерпеть римская матрона, понять сложно. Место считается испорченным в рукописной традиции¹² и требует эмендаций (Conway and Walters 1910, 275) или во всяком случае — гипотез о нарушении «правильного» полного логического синтаксиса для создания художественного эффекта — идеальной ораторской женской речи, к концу спотыкающейся из-за перехлестывающего аффекта (Murphy 1958). Понятны термины, из которых складывается предпоследний риторический удар по сыну: тебе бесчестие, мне несчастье, я несчастнейшая, проживу недолго. Как сложатся эти элементы вместе, зависит, однако, от того, как интерпретирующие будут прояснять текст посредством союзов (наличных и возможных) и прояснения порядка слов. То ли сын может стать бесчестнее, как мать — несчастнее. То ли еще большие бесчестия уже ничего не добавляют к несчастью матери. Понятно, что эти два горя связаны, но все же какое подлинно невозможно вынести — эгоистичное страдание теряющей сына матери, или стыд гражданки за позорного сына, или бедствия республики? Проживет ли говорящая недолго, потому что несчастна, или чтобы не стать несчастнее (то есть наложит ли на себя руки или умрет от горя)? В одном случае римская патриотка знает, что как бы ни казалось, что последний подпол предательства пробит, снизу всегда могут постучать — но все эти следующие падения не

¹¹ Шекспир в своем изложении истории Кориолана в целом следует за Плутархом Норта, в том числе почти пословно воспроизводя несколько диалогов, из которых особенно заметен монолог матери Кориолана (Muir 1977, 248–51). Благодарю за консультацию Владимира Макарова.

¹² Консенсус предполагает, опираясь на единичное свидетельство (Biblioteca Medicea Laurenziana, Plut. 63.19, 40r), что должен читаться более прямой и внятный индикатив 'ut sum', а не маловнятный здесь, хотя и читающийся в большинстве списков конъюнктив 'ut sim' (Livius 1974, 124).

имеют уже значения для ее личной эмоции от распада семьи. В другом — заявляет, что падения большего, чем уже сделал сын, быть не может: мать могла бы стать еще несчастнее, если бы сыном был совершен больший грех, но предательство родины не имеет оттенков, и нет ничего страшнее его, — так что она несчастнейшая, и скоро умрет. Различие очень тонкое, но внятное сегодняшним русскоязычным читательницам, пережившим и после февраля 2014, и после февраля 2022 годов разрывы семейных, дружеских и профессиональных связей по в разных местах проведенным границам разно понимаемых патриотизмов и гуманностей. Из двух русских переводов, с которыми имел дело Сумароков, одна Ветурия (разбирающаяся в сортах предательства и не готовая жить после определенной черты) представлена у Тредиаковского:

Но я уже ничего претерпеть не могу: ни для тебя еще бесчестнее, нежели для себя беднее; я ниже, да не быть имам беднейшею, и в жизни долго пребуду.

Другая (для которой предательство абсолютно, и потому ведет к смерти) — у Козицкого:

Но я уже не могу больше ничего в сей жизни претерпеть, что бы и тебе бесчестнее, и для меня несчастнее было; и хотя я неблагополучнейшая в свете, однако не долго уже буду жить.

У Козицкого предполагается, что Ветурия умрет естественной смертью, но очень скоро — переживая из-за горя, которое ей принес сын (а ведь он может ее порадовать и спасти); у Тредиаковского мать, чтобы спасти родину, грозит сыну самоубийством (как у Дионисия Галикарнасского, на которого опирался Плутарх).

Не вызывает сомнения, что Сумароков следует за Козицким. Однако стоит заметить те места, где шаги делаются самостоятельно и осознанно. И Тредиаковский, и Козицкий — их попросили сделать подстрочник — разворачивают фразу последовательно, слева направо. Сумароков начинает собирать ее в середине, на той грамматической базе, которая в латинской фразе бесспорна: «*Mihi* + [сравнение] + [отрицание] + *pati possum*» = «Мне большей нет». И уже только к этому каркасу крепятся остальные элементы; при этом сохраняются тройки и терминов отрицания (*nihil ... nec ... nec* → нет ... ни ... не), и остальных союзов (*sed ... quam ... ut* → в которой ... хотя ... но)¹³, и даже подчеркнутое анафорами созвучие «мнѣ/ни» — аналог «нec/нec» оригинала:

Мне большей нет беды, в которой я страдаю,
 Ни большего тебе стыда не ожидаю.
 Хотя несчастней всех из смертных мать твоя,
 Но скоро кончится плачевна жизнь ея.

¹³ У Тредиаковского шесть отрицаний (ничего, не, ни, нежели, ниже, не) и три союза (но, да, и); у Козицкого — четыре отрицания (не, ничего, ни, не) и шесть союзов (но, что, бы, и, и, и хотя, однако).

Мне представляется, что чтобы добиться подобного эффекта, Сумарокову недостаточно было иметь дело только с переводами и переложениями — нужно было видеть и понимать, как работает оригинальный текст. Он начал с попытки воспроизвести маргинальное чтение того, что надеялся, благодаря Шекспиру, увидеть в оригинале (слова «переступить через труп», которые можно было бы прочесть как «наступить на матку»); а не найдя, выбрал самое неудобопонятное место оригинала и постарался воссоздать его структурную сложность.

Надеюсь, из приведенного разбора становится понятно, почему вопрос о том, как Сумароков переводил, по меньшей мере не менее интересен, чем вопрос о том, как должны были работать его готовые переводы в российском контексте. В следующих главах я постараюсь показать, что внимание к странным, неочевидным, маргинальным чтениям, заметное на примере отрывка из Тита Ливия, в целом свойственно сумароковским переводам; что за ним стоит особый модус отношения к тексту и в том числе к переводу — внимание к оригинальному тексту даже на предположительно невнятных переводчику языках; использование различных изданий и переводов; внимательный разбор оригинала с целью найти неожиданное решение. И, наконец, будет предложено, как это отношение к тексту можно объяснить образовательным бэкграундом Сумарокова, и какое значение его учет имеет для более разнообразного представления о русской словесности XVIII века.

* * *

Не имея возможности подробно рассмотреть здесь все переводы/переложения Сумарокова, выскажу сначала свою основную гипотезу и продемонстрирую ее несколькими примерами.

Я полагаю, что в основе каждого переводческого (состязательного) опыта Сумарокова стоит задача и(ли) возможность, деконструировав текст оригинала, найти в нем элемент, доступный неавтоматической (остраняющей) интерпретации, и затем интегрировать полученную таким образом собственную находку (инсайт) в обрамляющий текст так, чтобы его наличие, как и переводной/состязательный характер текста, были максимально незаметны. Чужой текст оказывается таким образом присвоенным, но авторскому присвоению переводчика принципиально предшествует и ведет его остроумное присвоение читателем, взламывающим целостность чужого текста оригинальной интерпретацией минимального — в несколько слов — фрагмента¹⁴.

¹⁴ Если это место требует пояснения — вот пояснение. Сумароков жил в мире, где практика чтения нормативно предполагала не столько целостное восприятие текста, сколько его фрагментацию и буквальное присвоение читательницей через выписывание фрагментов/цитат. Быть читательницей в этой практике предполагало само собой работу компилятора, а составленная компиляция оправдывалась как ее применимостью в работе составительницы над собой, так и переработкой в собственные тексты (будь то публичные или private). Лучший анализ этой ранненовременной практики в случае с историей чтения в России XVIII века основывается на материале прежде всего его последней трети (Ларионов

Пример 1

Около 1766 года Сумароков попробовал на вкус русский гекзаметр в версии Тредиаковского, переложив его стихом и его же словами (но без красот и синтаксических странностей своего коллеги-соперника) начало первой книги *Приключений Телемака* Фенелона. Приведу несколько показательных и достаточных строк этого перевода.

Часто гуляла она одна в муравах цветоносных,
 Коими вечно весна весь остров ея окружала,
 Но места прекрасные ей не смягчали злой грусти
 И Улисса, в них бывшего, к вящей тоске вображали.
 Часто была она на берегах морских неподвижна,
 Часто сии берега орошала Калипса слезами,
 Зря непрестанно в страну, где корабль Одиссеев летящий,
 Горды валы попирая, от глаз ея вечно сокрылся.

Что происходит в этом отрывке? Берега острова Калипсо покрыты «муравами цветоносными». Калипсо была на них счастлива с Одиссеем, теперь они напоминают о нем, Калипсо приходит на них, стоит неподвижно, рыдает и смотрит на море, представляя сцену того, как корабль ее любимого несмотря на бурные волны преодолевает их, и затем скрывается за горизонтом. В современных Сумарокову переводах — на немецкий, английский, итальянский, русский, испанский — отрывок выглядит иначе¹⁵. *Весь* остров Калипсо покрыт лужайками с цветами, — но когда она приходит на них, они

2023), однако Сумароков читал в рамках тех же читательских паттернов. Важно, что фрагментированное чтение-выписывание-переработка в этой модели предполагали отделение цитаты от авторского контроля (герменевтического контроля цельного текста, из которого делалась выписка). Цитата/фрагмент в составе компиляции (в новом переработанном тексте) начинала значить только то, что она значила в своих собственных пределах — с учетом и допущением всех семантических смещений относительно «исходного» смысла, который мог закладываться в оригинале (Tucker 2011). Пример того, как свободно обращались с цитатами (в том числе — непринужденно предлагая речение в смысле, диаметрально противоположном оригинальному) наученные в той же постренессансной книжно-печатной культуре Феофан Прокопович и Стефан Яворский, предлагает В. М. Живов (Живов 2004, 77–114). Особенность этой практики у Сумарокова в том, что он «выписывает» (замечает для себя) минимальный фрагмент текста не по причине его ясности и образцовости, но поскольку он оказывается для него как читателя затемнен, неясен, неуклюж, однако в процессе чтения пронизательным, натренированным в изворотах грамматики читателем приобретает неожиданный смысл. Персональным в данном случае оказывается не только внимание читателя, заметившего фрагмент, но и его толкование, исходно не увязывающее фрагмент с текстом. Сделанное таким образом «выписывание» воплощается в полном переводе ближайшего контекста выписки, выстраивающемся вокруг ядерного неожиданного чтения как персональный, собственный, «авторский» текст переводчика.

¹⁵ Ср. французский текст: « Calypso ne pouvait se consoler du départ d'Ulysse. Dans sa douleur, elle se trouvait malheureuse d'être immortelle. Sa grotte ne résonnaît plus de son chant ; les nymphes qui la servaient n'osaient lui parler. Elle se promenait souvent seule sur les gazons fleuris dont un printemps éternel bordait son île: mais ces beaux lieux, loin de modérer sa douleur, ne faisaient que lui rappeler le triste souvenir d'Ulysse, qu'elle y avait vu tant de fois auprès d'elle. Souvent elle

напоминают ей о любимом; тогда она идет рыдать на *пустые* берега, смотря на море — туда, где *легко* рассекая воду (с клином за кормой) скрылся за горизонтом его корабль. Сумароков трактует ‘border [une île]’ как буквальное ‘окаймлять’ скорее, чем как ‘расширить’/‘опушить’; а ‘fendre les ondes’ — опять же как буквальное, предполагающее утомительный физический труд ‘рубить волны’, скорее чем почти не требующее усилий ‘рассекать волны’. Итогом оказывается эмоционально значительно более интенсивная сцена: богиня Сумарокова (мастера столь же эмоционально интенсивных элегий) отказывается замечать благоухающие под носом красоты природы, чтобы раз за разом в транс переживать момент бурного морского пейзажа, когда можно было надеяться, что возлюбленный вот-вот сдастся и вернется к ней. У большинства переводчиков она значительно более пассивна: с одной стороны, пытается, хоть и неудачно, развеять себя красотами природы; с другой — как только смотрит на море, впадает в транс от переживания сцены легко убегающего корабля любовника, отнимающей всякую надежду. Ходить по пробуждающим воспоминания о былых наслаждениях лужайкам в последней ситуации, как бы ни было больно, может быть, более безопасно и приятно; в ситуации, описанной Сумароковым, единственное светлое пятно в жизни — переживать тот последний момент, когда можно было еще на что-то надеяться. Очень разные терапии. Текст переведен, переведен почти дословно, но не для того, чтобы понять, что хотел сказать автор, а чтобы, оттолкнувшись от него, создать собственный текст.

Пример 2

Сумароков, как известно, занимал себя присвоением чужих текстов не только иноязычных, но и русских (собственно, за каждым из таких его опытов стоит, кажется, русскоязычный прецедент). Самый громкий и показательный подобный пример, на котором механизм присвоения становится наиболее отчетливым — переложение ломоносовской надписи 1759 года на победу при Пальциге.

Ломоносов:

Европа и весь свет, монархиня, свидетель
 Пред Вышним, коль твоя любезна добродетель.
 Он ревность храброю в полки твои вложил
 И гордых сопослаг коварну мочь сломила,
 Бегут рассыпаны, зря прежние трофеи,
 И посрамления сугубят тем идеи.
 О нашем торжестве противники скорбят,
 Союзники твою святую верность чтят.
 О счастлив, счастлив, кто десницу ту лобзает,
 Которой силами Бог гордых усмиряет.

Сумароков:

Европа и весь мир, монархиня, свидетель,
 Как Вышнему твоя любезна добродетель,
 Благословляет он главы твоей венец,
 И в воинстве твоём бесстрашие сердец:
 Умножил мужество и действия геройски,
 Бегут рассыпанны врагов твоих днесь войски.
 Союзникам ты щит и ужас ты врагам,
 Благополучие и вечна слава нам;
 А мы, любя и чтя свою императрицу,
 Целуем радостно пресильную десницу.

demeurait immobile sur le rivage de la mer, qu'elle arrosait de ses larmes, et elle était sans cesse tournée vers le côté où le vaisseau d'Ulysse, fendant les ondes, avait disparu à ses yeux. >

Напомню, меня интересует в данном случае не то, что остается в новом тексте от старого (буквально повторенные слова; последовательность блоков) и не то, что из него изымается (ломоновская лексика — ‘коль’, ‘трофеи’, ‘мочь’; ломоносовские глагольные рифмы; ломоносовская государственная религия с буквальным вменением императрице святости; ломоносовское смакование картин вражеского поражения и описание прямого божественного вмешательства в войну). Мой интерес — в тех элементах, которые попадают в новый текст переработанными; причем по возможности — переработанными до превращения во что-то совсем отличное от исходного. В данном случае их два; один, если иметь перед глазами два текста, хорошо заметен; второй можно увидеть, только если знать, что его нужно искать.

Как заметил С. И. Николаев, обнаруживший связь этих двух текстов и убедительно атрибутировавший первый из них Ломоносову (Николаев 2002), последние два стиха сумароковской версии представляют собой значимую перекодировку оригинала. Финал стихотворения Ломоносова описывает эксклюзивный круг избранных (придворных), допущенных к императрице и способных поцеловать ей руку (неважно в данном случае, имеется ли в виду кто-то из братьев Разумовских, или, например, П. И. Шувалов, или сам поэт)¹⁶. Сумароков использует стандартный школярский прием: берет текст и прочитывает его буквально. Текст указывает на кого-то, «кто» лобзает руку императрицы и оттого счастлив. *Вопрос*: кто лобзает руку императрицы и оттого счастлив? *Ответ*: всякая россиянка (в том числе Сумароков; или, во всяком случае, каждая из присутствующих на праздничном ужине), целующая (реальную или воображаемую) руку императрицы. Присвоение текста через «а мы» оказывается буквальным: то, чем исходный автор обособлял закрытый круг избранных и в том числе себя, выкрадывается переводчиком-читателем-браконьером¹⁷ и передается любой читающей, и в том числе себе.

Второй перекодированный элемент незаметнее. Стих «*И посрамления губят тем идеи*» — один из самых диких и темных в ломоносовском корпусе. Может показаться, что Сумароков просто выкинул его как недостойный переложения. Между тем, именно дикость фразы заставляет предположить, что с ней было сделано что-то более интересное. Еще один классический школярский трюк. *Amor patris* — кто кого любит? Отец ли детей или дети отца? *Genitivus possessivus*, или *subjectivus*, или *objectivus*? Если переделать

¹⁶ При публикации текста Ломоносова указано, что он был написан в Гостилицах (имении А. Г. Разумовского) 25 июля 1759 года. Из Петербурга на южный берег Финского залива Ломоносов выехал после 20 июля; 22 июля в Петергофе было получено известие о сражении при Пальциге; 24 и 25 июля Елизавета праздновала эту победу обедами и ужином «с здешними знатными обоого пола персонами» в Гостилицах, где она гостила с ночи 23 на 24 июля до вечера 26 июля (КФЖ 1759, 131–32). Не вызывает сомнения, что Ломоносов, усть-рудицкий помещик, имение которого находилось от Гостилиц менее чем в 20 верстах, в пределах одного перегона, как «здешняя знатная персона» присутствовал на одном из этих застолий и неметафорично включал в круг «счастливых» избранных и себя.

¹⁷ Используя уместный здесь термин де Серто (de Certeau 1990 = де Серто 2013).

более известный стих Ломоносова — «Павлина посрамляет вран» — в конструкцию с родительным падежом, чьим будет посрамление, павлиньим или враньим? Сумароков в свойственной ему манере предпочитает речь о победителях изображению побежденных переворачивает стих с головы на ноги: 'сугубят' превращается в 'умножил', 'идеи посрамления' — в 'мужество и действия геройски'¹⁸. Этого разоблачения, думаю, достаточно, чтобы понять, как работает фокус. Насколько далеко фокусник был готов пойти за престижем?

* * *

В 1760 году, кроме переложения Тита Ливия, Сумароков напечатал и другой свой перевод латинского автора: оды Горация, первый русский печатный перевод которой был сделан за несколько месяцев до того Н. Н. Поповским. Как и в случае с другими своими переложениями «из русского перевода», Сумароков оставляет от своего русскоязычного источника только отдельные элементы-маркеры; на этот раз — в последней строфе.

Поповский:

Хранимы питья сто замками
Наследник лучший разочнет:
Вино лить будет под ногами,
Какого в праздник жрец не пьет.

Сумароков:

Хранимы вина сто замками
Наследник выпьет и прольет,
Какие бережно, руками,
Первосвященник пить берет.

Понять приведенную здесь правку с опорой лишь на русский текст, как представляется, очень сложно. Допустим, 'питья' и 'разочнет' — не слишком уклюжие слова, и заменяются гладкими: 'вина' и 'выпьет'. Допустим, в 'наследник лучший' невнятный эпитет, и он исключается. Но что происходит в последних двух стихах? Если первосвященник бережно берет вино руками, значит ли это, что обычно люди делают это ногами или зубами? Ставится ли здесь текст с ног на руки? На каких основаниях? Альтернативный русский подстрочник, которым пользовался бы Сумароков, не известен. Но возможно, как кажется, надежно указать на французский.

Образцовым нововременным переводом од Горация была работа Андре Дасье (André Dacier, 1651–1722), впервые изданная в 1681–83 годах как первые тома *Remarques critiques sur les œuvres d'Horace, avec une Nouvelle Traduction*, впоследствии издававшиеся под названием *Les Œuvres d'Horace, traduites en français avec des notes et des remarques*. Дасье предлагал для каждой оды чистый критический текст и прозаическое французское переложение, после чего в

¹⁸ Неверно полагать, что 'Умножил мужество и действия геройски' — переложение стиха 'Он ревность храбрую в полки твои вложил'. Сумароков вполне рационально превращает этот ломоносовский образ в формулу '[Всевышний] благословляет <...> в воинстве твоем бесстрашие сердец' (Сумароков не склонен всюду видеть прямое божественное вмешательство: русские войска уже храбры, в них не нужно вкладывать храбрость, достаточно просто их благословить).

примечаниях следовали краткий обзор рукописей и построчные примечания, толкующие спорные чтения, неоднозначные для толкования места и исторические реалии. В 1735 году очередное издание этой серии вышло под редакцией Ноэля Санадона (Noël-Étienne Sanadon, 1676–1733). Санадон добавил к каждому тексту собственный перевод, а к примечаниям Дасье — соображения о местах, в толковании которых он не был согласен с предшественником. В случае с последней строфой оды к Постуму разночтения эти были важными и отразились (отрицательно) на решении Сумарокова.

Напомню текст Горация (по изданию Дасье):

Absumet heres Caecuba dignior,
 Servata centum clavibus, & mero
 Tinget pavimento superbo,
 Pontificum potiore coenis.

В последнем стихе здесь читается прилагательное в сравнительной степени, *'potiore'*, от *'potis'* (способный, предпочтительный, выдающийся). Что с чем сравнивается? В оде говорится о том, что останется в мире после смерти скупого человека от его богатств. В том числе — дорогое цекубское вино, которое тот хранил за ста замками, наследник выпьет и прольет на пол. Сравнивается именно это вино; сравнивается с «пирами понтификов» (*pontificum coenis*). Поскольку сравнивается жидкость с событием, а термин сравнения многозначен, всю конструкцию можно толковать различно. Дасье пишет об этом в примечании:

У этого стиха может быть три различных объяснения. Первое — что вино это было дороже полной стоимости пиров понтификов. Второе — что это вино следовало бы скорее использовать на пирах понтификов; и, наконец, третье, — что оно восхитительнее, чем то, что подавалось на праздниках у понтификов. Для своего перевода я выбрал второе, поскольку мне кажется, что смысл его лучший. Таким образом Гораций равным образом осуждает скупость первого хозяина и расточительство второго, а завершает мыслью о религии: вино это не должно было ни храниться за ста замками, ни тем более столь бессмысленно расточаться, но должно было быть отдано понтификам для их праздника¹⁹.

Санадон последовательно несогласен с этим толкованием, критикуя его в нескольких примечаниях (замечая в одном месте, что плохи переводчики, занятые не переводом, но защитой вероучения). В частности, он говорит,

¹⁹ «Ce vers peut recevoir trois explications différentes. La première, que ce vin étoit de plus grand prix que les festins entiers des Pontifes. La seconde, que ce vin auroit dû être plutôt employé aux festins des Pontifes ; & la troisième enfin, qu'il étoit plus excellent que celui que l'on servoit aux festins des Pontifes. J'ai suivi la seconde dans ma traduction: car je trouve qu'elle fait un plus beau sens. De cette manière Horace blâme également la trop grande avarice du premier maître, & la prodigalité du second, & il finit par un sentiment de Religion, ce vin ne meritoit pas d'être gardé sous cent clefs, il ne devoit pas non plus être prodigué avec tant d'insolence, mais il devoit être donné aux Pontifes pour leurs festins». (Dacier, Sanadon 1735, 34).

что про священные пиры первосвященников (салиев), упоминаемые Дасье, нам ничего не известно; что заметная часть манускриптов дает чтение *'superbis'*, а не *'superbo'* (то есть не вино роскошное, а пиры слишком дорогие), что наследник правильно назван *'dignior'* ('более достойный'), потому что он не ведет себя как скупец, но просто как человек богатый — греха в этом нет. Соответственно, отдавая должное остроумию Дасье, Санадон называет между тем его интерпретацию самой неудачной из трех и предпочитает последнюю: Гораций не сочувствует никому — ни скупцу, ни его расточителю-наследнику, ни избыточествующим священникам (Dacier et Sanadon 1735, 24–35).

Легко увидеть, что Сумароков правит Поповского, выбирающего толкование Санадона, полностью принимая благочестивую версию Дасье. Более того, в этом толковании он оказывается более радикальным, чем даже его источник. В конце своего примечания Дасье замечает: «Я благодарен нашему языку за то, что он позволяет не оставлять уму подобных сомнений»²⁰. Глядя через собственный опыт, Сумароков мог поспорить с Дасье, который переводит: «*se vin auroit dû estre reservé pour les festins des Pontifes*» («это вино должно бы оставить для пиров понтификов»). «Простите, какие пиры понтификов; не хотите ли вы сказать, что священники пьяницы; добрый ли вы христианин?», — словно спрашивает Сумароков. Принимая версию Дасье о том, что речь здесь идет о ритуальных пирах салиев, где вино выполняет священную функцию, он отказывается от «пиров» или «праздников» вовсе и подчеркивает ритуальную сакральность напитка. «Вина ... какие бережно, руками, первосвященник пить берет», — произнося эти стихи, руки нужно вздымать вверх на уровне глаз, словно держа священный кубок, и слегка потрясать ими, показывая боязнь уронить хоть каплю. «Руками» — значит «двумя руками», не одной: при публикации Сумароков выделяет это слово с двух сторон запятыми, показывая, что оно толкует предыдущее. «Бережно = [двумя] руками». Если французский язык у Дасье способен передать грамматический смысл, то русский у Сумарокова — сохранить к тому же мораль незапятнанной.

Это место представляется мне очень важным, поскольку показывает отчетливо: Сумароков не просто предлагает какое-то чтение ради полемики; и не правит перевод ради филологической точности. Замечания Санадона на Дасье, как и переводческая практика²¹, показывают, что толкование этой строфы у последнего было маргинальным — навязыванием тексту интерпретации наперекор грамматике, здравому смыслу и моде, ради веры. Любопытно заметить, что если Сумароков благочестиво отправился править Поповского из-за того, что прочитал у последнего два стиха, похваляющие дорогие пиры священников, — то обнаружение в авторитетной книге толкования, соответствующего этой интуиции, могло им быть воспринято как божественный знак. Не менее важно и проходящее понимание того, что для

²⁰ «Je sai bon gré à notre langue de ne laisser pas à l'esprit des doutes comme celui-ci» (Dacier, Sanadon 1735, 34).

²¹ См. несколько десятков переводов этой оды на сайте horatius.ru.

подобной интерпретационной работы недостаточно было опираться на подстрочник — нужно было хотя бы минимально суметь разобрать латинские слова, их грамматические формы и связи. Что Сумароков именно разбирал латинский текст, а не только следовал за учеными советами, можно показать еще одним местом из той же оды.

Приведу здесь параллельно все три текста: Поповского, Сумарокова и Горация (по изданию Дасье):

Поповский:	Сумароков:	Гораций:
Увы! проходит век крылатый; Ни святость может воспятить Морщин и старости горбатой, Ни смерти алчной умолить.	Ийти конечно вон из света; Нельзя пути сего претерть: Окончатся младые лета, Приступит старость, люта смерть.	Eheu! fugaces, Postume, Postume, Labuntur anni: nec pietas moram Rugis & instanti senectae Afferet indomitaeque morti.

Показанное выше благочестие сумароковского перевода не требует долгих замечаний (всякое сомнение в 'святости' (*pietas*) выводится из текста; вместо ропщущего 'eheu! / увы!' — развернутая на два стиха максима, принимающая неизменное устройство мира: 'конечно' здесь значит монотонное 'в конце'). Значительно интереснее, что Сумароков переводит '*labuntur fugaces anni*' как «окончатся младые лета». Дасье замечает (и Санадон с этим не спорит, а Поповский следует): «[*fugaces*] сказано лучше, чем *fugientes*: ведь *fugax* означает собственно того, кто постоянно бежит, который и не думает никогда ни о чем, кроме бега»²². Собственный перевод Дасье ('*les années passent bien vite*') показывает, что он (как и подавляющее большинство переводчиков этой оды; у Санадона: '*les années s'écoulent*') понимает *fugaces* как неотъемлемую характеристику *anni*: время бежит, годы уносятся, река времен стремится. Сумароков предлагает монструозное чтение. Если *fugaces* определяет *anni* (для этого нужно заглянуть в латинский текст и иметь минимальное представление о латинской грамматике), а *fugaces* при этом — такие годы, которые и не думают ни о чем, кроме как о беге (здесь нужно понимать грамматическую основу — прилагательное/причастие — тонкого различия *fugax* и *fugiens*, предложенного Дасье), то почему не посчитать, что речь идет о 'годах' не метонимических (т. е. о 'времени'), но о буквальных²³ — таких, в которые ни о чем, кроме как о том, чтобы бегать, не думаешь. Памятуя ненаписанную еще Крыловскую басню, — «попрыгучие годы закончатся»; молодость не навсегда.

Глядя на колени этой пляски, нельзя не признать, как кажется, что Сумароков был способен по крайней мере, пользуясь внимательным комментарием и подстрочником, разобраться в строе латинской фразы. И уж во всяком случае отпадают всякие сомнения в том, что, переводя, он старался добраться

²² FUGACES. Ce mot dit beaucoup plus que *fugientes*: car *fugax* marque proprement qui fuit tous jours, qui ne songe jamais qu'à fuir (Dacier, Sanadon 1735, 25).

²³ Как показывает этот, предыдущий и следующие примеры, Сумароков в своих монструозных переводах предпочитает основные, буквальные значения слов переносным.

до тщательного понимания грамматической механики оригинального текста, пользуясь лучшими толкованиями, но не доверяя им вполне — чтобы найти возможность прочесть текст по-своему²⁴.

* * *

Ограничивалась ли, однако, для Сумарокова эта практика монструозного перевода языками, которые он, так или иначе, изучал? Ответ могут дать два достаточно известных случая переводов Сумарокова с языков, обучение которым у него не только сложно предполагать, но известны, наоборот, его уверения в том, что он ими не владел. Возможно показать, между тем, что это обстоятельство никак не было для Сумарокова само по себе препятствием к дотошному чтению и переводческой работе. Далеко отстоя по времени, два следующие примера позволяют говорить о том, что мы имеем дело с единой стратегией чтения/перевода, характерной для всей жизни этого автора.

Первый из примеров относится к концу 1740-х годов. Мы знаем сейчас уверенно, что прежде, чем издать своего *Гамлета*, Сумароков брал для себя в библиотеке Академии наук одно из англоязычных изданий полного корпуса шекспировских пьес — четвертое издание фолио 1685 года (Левитт 1995). Английского языка Сумароков при этом, как кажется, не знал — в полемике 1750 года Третьяковский указывал на то, что коллега, «как очевидные сказывают свидетели», переводил *Гамлета* с прозаического подстрочника, и Сумароков, как кажется, этого не отрицал, замечая однако: «*Гамлет* мой, кроме монолога в окончании третьего действия и Клавдиева на колени падения, на Шекспирову трагедию едва-едва походит». Даже в этих двух местах (действие III, явление 7 и действие II, явление 1) текст петербургской трагедии настолько далеко отстоит от оригинала, что, казалось бы, нет никаких рациональных оснований предполагать, что Сумарокову зачем-то могло понадобиться обращение к мало ему внятному источнику. Между тем, английский текст Сумароковым использовался, и в свете рассмотренных латинских примеров мы можем теперь представить как.

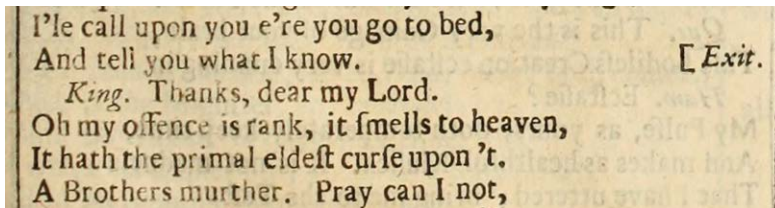
В обмене репликами о подстрочнике *Гамлета* Сумароков, казалось бы, выдает себя, как преступник в плохих детективах. Третьяковский в своей статье не называл язык подстрочника («*Гамлет* [...] переведен был прозою [...] а с прозы уже сделал [...] нашими стихами»); его визави проговаривается: «*Гамлет* мой, говорит он, не знаю от кого услышав, переведен с *французской прозы*». Казалось бы, этой оговорки достаточно, чтобы признать, что (единственный на тот момент) французский прозаический перевод Ла Пласа (Pierre-Antoine de La Place, 1707–93) — сумароковский источник, тем более

²⁴ Уже написав этот фрагмент и пересматривая материалы для других, я понял, что использование Сумароковым Горация Дасье в издании Санадона 1735 года бесспорно: он брал себе эту книгу в библиотеке Академии наук около 1755 года и использовал как тексты Горация, так и комментарии двух переводчиков для полемики с Третьяковским о сапфическом и горацянском стихе (Левитт 1995; Лаппо-Данилевский 2022).

что на него безошибочно указывают несколько оборотов в русском тексте. Однако, уже сам контекст, в котором Сумароков указал на этот источник, заставляет признать, что история сложнее²⁵.

Ла Плас, перелая трагедию Шекспира прозой (а некоторые сцены просто пересказывая), между тем, местами переходил на стихи. Только одна сцена и один монолог *Гамлета* переложены у него стихами полностью — встреча Гамлета с Призраком (сцена, которой в рациональном классицистском театре Сумарокова просто не было места) и то самое «Клавдиево на колени падение» (акт 3, сц. 3), на которое Сумароков сам указывает как на заимствованный у Шекспира эпизод. Именно стихотворность перевода (то есть заведомая его 'неточность'), возможно, и заставила Сумарокова обратиться к оригинальному тексту.

У Сумарокова Клавдий, упав на колени для молитвы, начинает: «Се, Боже, пред тобой сей мерзкий человек, / Который срамотой одной наполнил век». Ничего подобного у Ла Пласа найти нельзя: его Клавдий после ухода Полония — вместо того, чтобы, как у Шекспира, мешать себя с гнилью и грязью, — начинает с придуманного переводчиком обращения к ночи и жалоб на то, что его грешное сердце в безнаказанности и посреди удовольствий не может успокоиться²⁶. Сумароков здесь отчетливо следует за оригинальным «Oh my offense is rank, it smells to heaven / It hath the primal eldest curse upon't»²⁷. Последний стих, словно латынь римского автора, с устранением эллипсисов и восстановлением прямого порядка слов, разобран так: «It (=мой грех), <хотя и> the primal (=первостепенный), has the eldest (=с самого детства) curse upon 't», что скупно, но с сохранением смысла превращается в «срамотой одной наполнил век».

Илл. 1. «Клавдиево на колени падение» в IV фолио (Shakespeare 1685: Hamlet 75). Boston Public Library PR2751.A4 1685 / Internet Archive.

²⁵ Наиболее тщательные чтения сумароковского перевода монолога «Быть или не быть» в соответствии с его источниками см.: Тоомре 1981; Levitt 1994 = Levitt 2009.

²⁶ O Nuit ! que ton retour augmente mes allarmes !
Un cœur coupable, en vain sçait [sic] dévorer ses larmes;
Dans le sein des plaisirs il fuit en vain l'ennui:
Son impunité même est un enfer pour lui ! (La Place 1746, 2, 347)

²⁷ И даже за словами «my Lord», непосредственно предшествующими этим двум стихам. Издание, которым пользовался Сумароков, дает возможность прочитать эти слова как обращение к Богу, а не прощание с наперником.

Возможно, для читателей, более всего доверяющих наглядности русско-английских иллюстраций, этот пример будет наиболее отчетливым образцом сумароковской переводческой монструозности. Если вы отказываетесь видеть в английской фразе «*It hath the primal eldest curse upon 't*» аналог русской «[мой грех убийства короля], хотя и очень тяжкий, несет на себе проклятье с самого моего детства», можете поздравить себя с замечательным владением английским языком и со знанием библейской истории и порадоваться тому, что вы в своем уме. Нет сомнений в том, что шекспировский Клавдий соотносит свой грех убийства брата с древнейшим библейским грехом (первородным ли грехом Адама и Евы, или убийством Авеля Каином, в данном случае не важно). Вопрос, однако не в том, как эту английскую фразу 'нужно' понимать, а в том, как ее понимал Сумароков; вернее, как она превратилась в русское «вот человек, который срамотой одной наполнил век». Сумароковский Клавдий, в отличие от шекспировского, не обращается к библейской истории — он говорит об истории своей, персональной. Вопрос — можно ли было вытащить такое видение интроспекции Клавдия из шекспировских слов? Ответ: да. Вопрос: Как? Ответ: Прежде всего — 1) Порядок слов оригинала полагается несущественным; 2) Предполагается, что оригинальный текст эллиптичен, в нем пропущены существенные логические связи; их нужно реконструировать и собрать текст целиком, выстроив в новом прямом порядке, учитывающем реконструированные связи. При этом 3) предпочтительно использовать основные, буквальные значения слов. Учтем также, что в фолио 1685 года «*A brother's murder*», шекспировское определение к *curse*, отделено от предыдущей фразы строкой и точкой, то есть не влияет на интерпретацию. Следим далее за дорогой монструозного толкования. Обязательно ли *primal* и *eldest* определяют один термин? Предположим, что нет, что '*primal*' определяет или уточняет '*it*' (=offence), и только '*the eldest*' — определение к '*curse*'. Учтем при этом, что переводящий не знает, прилагательное ли '*primal*', или нет, а в словарях, которыми он пользуется²⁸, нет статьи '*primal*' — есть '*primæval*' (нем. *erst*; фр. *premier*), '*primary*' (нем. *erst*; фр. *premier*), '*prime*' (нем. *vornehmst*, фр. *grand*, *prim*), '*primely*' (фр. *prime*); '*eldest*' при этом толкуется словарями как '*ältest*', '*ainé de plusieurs*', '*le plus vieux*', а '*curse*' — как '*der Fluch*' и '*malédiction*'. В основе всей фразы оказывается конструкция «*My offence has the eldest curse upon it*», понятая как «На моем преступлении лежит проклятие с самого моего рождения»; '*primal*' в значении 'первостепенный' понимается как определение к *it* (=offence)²⁹. Там, где шекспировский персонаж рассматривает на весах одно-единственное свое преступление, убийство

²⁸ Не зная, какие именно английские словари имел под рукой Сумароков, использую два случайных (Cotgrave and Howell 1673; Ludwig 1736).

²⁹ Использую одну из экономных реконструкций монструозного пути. Возможны и другие. Можно представить путь, при котором '*eldest*' — определение к '*it*', а '*primal*' — к '*curse*'; можно — что '*primal*' прочитано как наречие при '*has*'; можно оттолкнуться от понимания '*curse*' как 'ругательство'. Множественность интерпретаций делает равно маловероятной любую; вместе с тем, ищется именно маловероятное чтение, которое должно в итоге,

брата, и находит, что его вес перевешивает возможности божественной милости (вернее, что прощение этого греха никак не совмещается с тем, чтобы в дольном мире сохранить, как ни в чем не бывало, корону и жену), сумароковский видит проблему не в одном преступлении, а во всей своей уникально наполненной прегрешениями жизни. Непосредственно далее в тексте следует: «поборник (здесь = 'побеждающий') истины, бесстыдных дел рачитель, враг твой (=Бога), враг ближнего, убийца и мучитель (=тиран)». Отдельное убийство — только один из фрагментов этой беспрецедентной кучи срамоты, она росла ступеньками, с самого детства. Сначала — просто сомневался в истинах, потом совершал бесстыдные поступки, потом усомнился в боге, потом начал вредить ближним, и не остановился на убийстве брата. Политическая тирания на этой шкале тяжелее отдельного убийства, пусть даже царубийства (и хронологически следует за ним), но теоретически и на ней путь человека в накоплении греха не заканчивается — механизм, хорошо описанный для трагедий Сумарокова, самый известный злодей которого умирает, сожалея, что не сможет забрать с собой в ад весь мир; см. (Соловьев 2020). Чтобы построить эту конструкцию, интерпретатор должен был увидеть в оригинальном тексте *primal* и *eldest* независимыми и противопоставленными, создающими континуальность греха. Если вам кажется, что это фантастично, вспомните вместе с оттоптавшимся на этом месте Третьяковским (Гринберг и Успенский, 2001, 50, 69–70, 111), какое значение вы в последний раз, когда его использовали, предполагали за словом 'поборник'. Теперь впустите в себя тот момент, когда подлинный (общезыковой) поборник истины обращается в изначного сумароковского поборника-преступника истины — Клавдия. Не исключено, что вы нашли то самое проклятие, что прорастет потом преступлениями сумароковского узурпатора. То же озарение, усмотренное в переписке Жуковского и Вяземского, сподвигло в 1924 году Тынянова (1965, 80–1) на полторы страницы рассуждений в «Проблеме стихотворного языка»³⁰. Отсюда, возможно, станет понятнее, почему Сумароков отказался, когда ему указали на дикость, менять 'поборника' на внятного, навязывавшегося ему, но автоматизированного 'противника', предпочтя ему на листе погрешностей к *Гамлету* не менее монструозного, но все же фиксирующего моментальное изменение 'рушителя', и до последнего отказывался видеть за 'поборником-противником' языковую ошибку («Слово 'поборник', для чего его принял было противно, и для чего отставил, — кажется мне, что о том сказывать нет нужды; довольно того, что оно отставлено»).

в любом случае, привести к интерпретации, где древний библейский грех не поминается, но вспоминается вся жизнь короля.

³⁰ О природе семантического расхождения 'побороть' и 'поборать' см. Виноградов (1966). Статья написана едва ли не в прямой полемике со свежерепубликованным тыняновским текстом, и (не)независима от него так же, как и поминаемая здесь переписка Жуковского и Вяземского — от прозрения Сумарокова (два опытных участника арзамасовских собраний толкуют о разных 'поборниках' так, словно нашли их сами, без опоры на опыт более чем хорошо им известных XVIII-вечных полемических текстов).

Сомневаться в том, что Сумароков действительно использовал английский текст, таким образом, как мне представляется, нет оснований. Не исключено, что он мог заказывать русский подстрочник этого фрагмента у специалиста — как Ливия у Третиакского. Но что после он сидел над текстом самостоятельно, сопоставляя оригинал с переводом, разбирая грамматические связи и словарные статьи, кажется бесспорным³¹.

Второй случай перевода с незнакомых ему языков — из последних опытов Сумарокова. Как известно из его послесловия к *Дополнениям к духовным стихотворениям* (и особенно из толкований на этот текст Н. Ю. Алексеевой), весной 1774 года Сумароков перевел десять псалмов для сборника *Стихотворения духовные*, маркируя их указанием «точно как на еврейском языке» — используя нерифмованный тонический стих, создавая именно перевод, а не парафразис. Благодаря работе Н. Ю. Алексеевой (2014), известно и то именно издание, которое служило Сумарокову в этой работе основным источником и которое он в послесловии описывает как «новый и очень к подлиннику близкий перевод на немецком языке» — это был 6-ой том *Uebersetzung des Alten Testaments* Иоганна Давида Михаэлиса (Johann David Michaelis, 1717–91; Michaelis 1771). Однако в понимании того, как Сумароков работал с псалтирью, мы все еще находимся в начале пути.

Несколько указаний Сумарокова определенно говорят о том, что он пользовался не одним, а несколькими переводами. Ср: «Желал бы я увидети нашу псалтирь переведенну толь хорошим переводчиком со еврейского языка, коль худым переводчиком она с греческого переведена. А я не зная еврейского языка сделал все, что мог, ибо держался я лучших переводов»; «точность во многих, и по большей части против еврейского подлинника крайне наблюдаена». Значит ли это, однако, что Сумароков использовал при переводе каждого отдельного псалма только один источник, и множественность их в общем корпусе обусловлена лишь тем, что со временем он находил переводы все более и более «точные»?³² Или же использовал несколько переводов, работая над каждым текстом, и проводя операции сличения и грамматической/лексической рефлексии по нескольким источникам над каждым стихом? Продемонстрирую одним примером последнее.

³¹ Наблюдения о влиянии английского текста на сумароковский вариант монолога «To be or not to be», в том числе — специфичных чтений четвертого фоллио — см. в статье Levitt (1994 = 2009). Возвращаясь к *Кориолану*: Ла Плас не переводит эту трагедию, полагая ее слишком разросшимся, тщательно следующим за Плутархом обрамлением единственной сцены, ради которой она и была написана: речи матери к Кориолану — которая, в свою очередь, охарактеризована как «шедевр шекспировской риторики», «ситуация, театральней которой никогда не производили ни История, ни Вымысел» (La Place 1746, 3, 404). Поскольку «наступление на чрево» Сумароков не мог вычитать, кажется, нигде кроме шекспировского текста, приходится признать, что он использовал фоллио 1685 года для знакомства с несколькими пьесами.

³² Н.Ю. Алексеева полагает, что при переводе с издания Михаэлиса Сумароков не пользовался печатным славянским текстом — воспроизводя его по памяти и оттого используя церковнославянский язык при передаче чтений, отличных от богослужебного текста.

104 (105) псалом — один из тех, которые Сумароков перевел «строками», определенно используя издание Михаэлиса. Нас будет интересовать здесь второй стих.

Михаэлис:	Елизаветинская Библия:	Сумароков:
Singet ihm, spielet ihm, Dichtet von allen seinen Wundern	воспойте ємоу̑ и пойте ємоу̑, повѣдите всѣ чудеса̑ єго̑	Воспойте ему, возыграйте ему, Размышляйте о всѣх чудесах его!

Как несложно увидеть, Сумароков, действительно, следует за Михаэлисом, вместе с тем во втором полустиихии давая чтение, не предполагаемое ни одним из своих источников. ‘Размышляйте’ не могло взяться ни из *dichtet*, ни из ‘повѣдите’. Тогда откуда? Архиепископ Амвросий (Зертис-Каменский), работавший над сличением славянской псалтири с мазоретским текстом примерно в то же время, что и Сумароков (и с работой которого последний был, по-видимому, знаком) передает это место так: «Воспойте ему, пойте ему, поучайтесь во всех чудесах его». Движение перевода очевидно то же, но так же очевидно, что «поучайтесь» не было источником «размышляйте». Большинство латинских переводов здесь близки к толкованиям Св. Иеронима (*narrate/loquimini*): чудеса Господа должны рассказываться/говориться. Выделяется, вместе с тем, традиция, прочитывающая это место иначе — известные чудеса Господа должны быть предметом внутренней работы, размышления, научения, медитации: “*tot eius miracula meditantes*” (кальвинист Себастиан Кастеллий/Себастьян Шатейон, 1547 г.); “*meditamini in omnibus ardius eius*” (известный своими дикими чтениями библейского текста доминиканец Томазо Мальвенда, 1650 г.); “*meditamini in mirabilibus eius omnibus*” (лютеранин Себастиан Шмидт, 1696 г. — важнейший университетский учитель Филиппа Якоба Шпенера, один из основных вдохновителей «аффективного чтения Библии» Августа Франке (Jacob 1986; Wallmann 1986; Barth 2012)³³; созданный им перевод Псалтыри был особо любим, например, Сведенборгом). Чтение это долгое время не было принято ни католической, ни лютеранской, ни реформатской церковью, оставаясь персональными видениями медитирующих богословов, пока в 1969 году не появилось в ватиканском переводе Псалтыри, ставшем частью *Novae Vulgatae*, современного официального католического текста латинской Библии (переименованный вариант Шмидта: *meditamini in omnibus mirabilibus*

³³ Давая наставление своим младшим соратникам в 1686 году, Шпенер предлагал именно экзегезис Шмидта как основное средство работы с библейским текстом: «Едва ли мы обретаем где-либо метод толкования более надежный, чем по примеру Д. Себастиана Шмидта, среди экзегетов по заслугам своим возглавляющего семейство. Он, после того как выведет общую ойкономию всей книги, спускается к отдельным стихам, и в них замечает прежде всего грамматические связи (*συνάφεια*, ‘сцепку’), откуда происходит основной свет для гармонии (*ἁρμόθεια*, ‘незыблемости’, ‘надежности’) чувств, и отсюда он рассматривает отдельные слова и различает их смысл, а затем извлекает многообразные, как он их называет, общие места, и наконец как украшение помещает парафраз, повторяя в нем ядро всего толкования» (Wallmann 1986, 98; перевод — А. К.).

eius)³⁴. Разнообразие чтений было обусловлено многозначностью как מְדַבֵּר в мазоретском тексте, так и διηγήσαθε септуагинты. В частности, *Lexicon Hebraicum et Chaldaicum* Иоганна Буксторфа (первое издание 1607), которым пользовался арх. Амвросий (Васильева 2014), толкует מְדַבֵּר как “Meditari, Eloqui”, а מְדַבְּרִים как “Meditari, Colloqui, Confabulari, Eloqui”. В то время, как осторожный и ревнивый к православной вере архиепископ Амвросий выбирает вариант, который позволил бы, не уходя далеко от официального текста, сохранить омонимию («поучайтесь»), Сумароков принимает маргинальное решение в пользу медитации — над чудесами Господа и над текстом.

В свете двух рассмотренных крайних — хронологически и практически — примеров 1747 и 1774 годов располагающиеся между ними обращения Сумарокова к авторам голландским или греческим; вступление его в спор об античной просодии и пр. перестают вызывать удивление.

* * *

Уникальна ли описанная выше переводческая практика Сумарокова, можно ли указать для нее соответствия и прецеденты? Я могу указать один контекст, представляющийся мне в данном случае равно неочевидным и важным. В поисках объяснений тому, как Сумароков работал с иноязычными текстами, мне кажется важным учитывать то, чем представало изучение иностранных языков в элитарной шляхетной среде в то время, когда Сумароков проходил обучение.

Как известно, Сумароков был учеником первого набора Сухопутного шляхетского кадетского корпуса. В последнее время наши представления об образовании в этом учебном заведении в его первые десятилетия начали выходить из мифической обрывочности³⁵. Вместе с тем, мы все еще знаем о его учебных планах, пособиях, процессе недостаточно. Один из таких вопросов — языковое обучение кадетов³⁶.

³⁴ Я использую здесь варианты латинских переводов псалтыри, собранные в электронной коллекции *The Book of Psalms in Latin* (<http://www.libersalmorum.info/>).

³⁵ Начиная с диссертации Игоря Федюкина (Fedyukin 2009); библиографию см. ниже.

³⁶ В последнее время многое для понимания того, как было устроено преподавание иностранных языков в СШКК, сделано Владиславом Ржеуцким (Rjéoutski 2018b; Kislova, Kostina, and Rjeoutski 2020). Для целей настоящей статьи особый интерес представляют его статьи (Ржеуцкий 2018; Rjeoutski 2018a), показывающие для латинских классов относительно маргинальный статус (с точки зрения учебных часов и занятых студентов) в общей образовательной системе корпуса, начиная с первых лет его существования. Вместе с тем, представляется, что их общие выводы (излишне, кажется, генерализирующие маргинальность латыни в СШКК и российской системе образования в XVIII веке) отчасти противоречат приводимому материалу. Использование списков кадетов за отдельные годы, дающих одномоментную фиксацию изучаемых языков (основной источник в этом случае), может быть основой для общих выводов о предметах, которые, как предполагается, не изучались или изучались мало, только если обследованы поименно все списки за все годы, и нет оснований полагать, что наличный материал содержит существенные лакуны. Ржеуцкий сравнивает статистические данные за 1732 год (латынь изучает только 1 русский кадет из 104 и только 3 из 51 прочих, преимущественно остзейских дворян;

Известный аттестат, полученный Сумароковым, возможно, при выходе из корпуса, сообщает в лингвистической части, что он «переводит с немецкого на французский язык <...> сочиняет немецкие письма и орации, <...> имеет начало в итальянском языке». В рамках настоящей статьи нет возможности, к сожалению, проанализировать в целом систему оценивания кадетов по тому корпусу аттестатов, которые были сообщены в печатном *Именном списке всем бывшим и ныне находящимся в Сухонутном шляхетском кадетском корпусе Штаб-Обер-Офицерам и Кадетам* 1761 года. Отмечу главное: корпус этих аттестатов не указывает, с одной стороны, вовсе опыта обучения кадетов 1730-х годов латыни; с другой стороны — фиксирует не полный круг пройденных курсов, но только самую высокую точку программы по каждому из отмечаемых предметов. Лингвистическая квалификация Сумарокова с этой точки зрения самая высокая: он полностью освоил чтение на обоих основных современных иностранных языках («перевод» здесь следует читать как указание на одну из практик языкового обучения — последовательный перевод текста с тщательным толкованием в процессе каждого слова; Сумароков переводит с немецкого на французский — это последняя ступень обучения, начинавшегося с толкования русского/немецкого текстов через друг друга), прошел курс по активному владению немецким языком до самого высокого уровня — освоенной риторике, сочинения писем и речей; и, наконец, изучает еще один современный иностранный язык.

Значит ли аттестат Сумарокова, что он не знал или плохо знал латынь? Отнюдь. Прежде всего, сомнений в том, что латынь в корпусе действительно изучалась, а не просто для красоты значилась в уставных документах, у нас сейчас нет. Более того, мы знаем, что некоторые недоросли поступали в корпус, уже владея латынью в какой-то степени, и, строго говоря, нет оснований вовсе отказываться от предположения, что латыни Сумарокова мог обучать в доме владевший этим языком отец (учившийся, в свою очередь, у одного из лучших работавших тогда в России педагогов — учителя царских двоюродных братьев и племянников Нарышкиных, а позже наследника пре-

список фиксирует, возможно, только половину кадетов) с 1748 (латынь изучают 5% русских кадетов и 1,5% прочих) и 1764 годом (латынь изучают 6,75% русских кадет и 18,75% остзейских) и приходит к выводу, что латынь мало интересовала русских кадетов, кроме разве что в странной ситуации конца 1740-х годов. Этот вывод сомнителен. И данные Ржеуцкого о том, какие аттестации давались кадетам, изучающим латынь, предположительно в 1735 году, и используемые им в другом месте (Rjéoutski 2018b) сведения сводных таблиц за 1734 и 1737 годы показывают, что в 1730-х одномоментно латынь изучали примерно 10% кадетов, в том числе в конце 1730-х — несколько десятков русских. По штату в корпусе были положены один учитель латинского языка, один его помощник и один учитель латинской орфографии; в реальности в 1737 году в корпусе было два латинских класса. Если предположить, что французский и немецкий в корпусе изучались на протяжении всей учебы кадета, от классов чтения до классов стилиа, между тем как латынь изучалась только один или два года (на что методически была рассчитана, например, поминаемая ниже грамматика Ланге), а полный курс обучения составлял 10 лет, можно заключить, что латынь изучалась по меньшей мере половиной, если не большей частью кадетов.

стола Петра II) — во всяком случае, уже став известным автором, Сумароков именно так восстанавливал историю своего языкового и стилевого обучения (сознательно вымарывая корпусный опыт)³⁷.

Сумароков владел латынью, возможно, недостаточно хорошо, чтобы самостоятельно в деталях перевести Ливия, но достаточно, чтобы понять, что делают, переводя, его знакомые латинисты, или чтобы разобраться, как устроен стих Горация, или даже, может быть, чтобы читать латинский протокол академического собрания³⁸. Нас занимает, однако, не то, «владел» ли Сумароков языком (вопрос этот сам по себе в таком виде не имеет смысла), но то, что представляло собой обучение латыни в Петербурге в конце 1720-х–1730-е годы. Наблюдения над тем, как Сумароков переводил, сообщают об этом едва ли не больше, чем другие источники.

Как было замечено, в основе переводческой практики Сумарокова лежит тщательное рассмотрение оригинального текста через (квази)филологические процедуры (проявление синтаксических связей, прежде всего элиминация предполагаемых эллипсисов; а также подбор по возможности буквального словарного значения), направленные на поиск осмысленного в рамках целого текста, но нестандартного прочтения отдельного минимального фрагмента (слово/фраза). Такой подход к чтению текста был характерен для прусского пиетизма начала XVIII века; он проявился, в частности, в модели языкового образования Иохима Ланге (Joachim Lange, 1670–1744 гг.), латинская грамматика которого для галльских учреждений Августа Германа Франке на не-

³⁷ См. важное указание анонимного автора сумароковского некролога, знакомого, кажется, с матерью писателя: «Александр Петрович в младенческих своих летах воспитыван в доме своего отца, знавшего как латинский, так и свой язык основательно, что тогда было чудо в дворянине, ибо и ныне многие дворяне хотя и говорят на иностранных языках, но не только оных — и своего основательно не знают» (Сокращенная повесть 1778, 42). Не дает ли указание на эту семейную деталь вместе с поминанием того, что «еще здравствующая» Прасковья Ивановна Сумарокова происходит «из дома Приклонских», основание предположить, что автором очерка был Василий Иванович Приклонский? Сумароков сам указывал на отца как своего главного учителя (в русском языке), отмечая при этом, что учителем отца был карпатский русин Иван Зейкен (Янош Зекань) — учитель князей Нарышкиных, двоюродных братьев Петра I, и затем Петра II, за два года сумевший обучить по меньшей мере последнего ученика в совершенстве французскому (см. о Зейкене: Варади-Штернберг 1986; Мольнар 2004; Павленко 2006; Смагина и Лавринович 2015).

³⁸ Читая известный пассаж из письма Сумарокова к И. И. Шувалову 15 ноября 1759 года: «в Академической Канцелярии и в Конференции мне ничто быть не препятствует», следует учитывать, что протоколы заседаний конференции Академии наук велись в это время на латинском языке. Президентом Академии был в это время К. Г. Разумовский, латынью (в том числе как европейский студент) владевший и оставивший этот язык в протоколах — в отличие от предпочитавшего немецкое делопроизводство предыдущего президента Корфа и сменившего латинские протоколы на французские следующего директора, В. Н. Орлова. Если бы назначение Сумарокова в академическую канцелярию состоялось, чтение и подписание латинских протоколов должны были бы стать частью его служебных обязанностей. Активизация занятий Сумарокова, связанных с античными литературами, во второй половине 1750-х приобретает в свете этого обстоятельства особый прагматический оттенок (замечание Т. В. Костиной).

сколько десятилетий стала заметным источником дохода, а для петербургской школы 1730-х годов — источником нескольких основных печатных учебных пособий³⁹. Основной целью школы Ланге было дисциплинированное научение и поддержание в ученике Страха Божиего, основным инструментом чего должна была стать постоянная медитация над самой безусловной эманацией божественного в тварном мире — Божьим словом, явленным в библейском тексте. Ученик школы Ланге должен был поэтому пройти тщательную подготовку в языках, сохранивших наиболее неискаженно библейский текст⁴⁰, чтобы подойти к самому надежному инструменту познания — медитации через (квази)филологический опыт (важнейшим элементом которого было умение устранять в интерпретации эллиптические конструкции) над мельчайшими фрагментами Библии. Такая медитация⁴¹ в случае удачи должна была приводить к моментам озарения, проявляющимся в нестандартных, но непротиворечивых с точки зрения грамматики и словаря чтениях текста. При этом ученик должен был быть способен, с другой стороны, владеть собственным природным языком⁴² максимально искусно и точно для того, чтобы иметь возможность выразить на письме, в сложении слов — не подвержимых искажающим интерпретациям, максимально прямых — полученную в результате озарения идею⁴³.

³⁹ См. подробнее Grote 2018; Костин 2020.

⁴⁰ В *Medicina mentis*, своем учебнике логики, описывавшем вместе с тем полностью его педагогическую программу, Ланге причисляет к языкам, сохранившим библейский текст в самой чистой форме, наряду с ивритом, греческим и латинским, также церковнославянский (ср.: Lange 1704, 547–48).

⁴¹ Ланге очень внимателен к описанию того, например, как должно выглядеть пространство медитации, в какое время она должна происходить, с помощью каких инструментов и каких приемов (подолгу, размышляя каждый раз над малыми фрагментами, с пером и бумагой под рукой, чтобы быстро записывать озарения, которые будут интерпретироваться после). Помещаю в приложении к этой статье перевод трех ключевых параграфов *Medicina mentis*, описывающих — в последней главе книги, говорящей о путях познания, — требования к идеальному толкователю, переводчику и переводу, то есть к идеальному познающему субъекту и познанию в целом.

⁴² Собственным природным языком, поскольку только этот навык в речи обеспечивает минимальный зазор между идеей и выражающим ее словом.

⁴³ Чтобы представить, как примерно работает эта герменевтическая модель, предлагаю читателям познакомиться со статьями Андреаса Эббингхауса, толкующего известную реплику Евгения в *Медном всаднике* Пушкина — «Добро, строитель чудотворный! <...> Ужо тебе!..» как «[Мое] Добро [=имущество] уже тебе [досталось]» (Ebbinghaus 1991; Эббингхаус 2011). Один из читателей этих очень филологически строгих работ может быть прав, замечая, что «такое прочтение приходится признать насильственным, игнорирующим психологический и прагматический контекст реплики» (Зенкин 2022), между тем критикуемый анализ строится на предположении, что насилие содержится в требовании признать однозначность психологического и прагматического контекста реплики. В российском интеллектуальном поле значимая дискуссия о переводческих стратегиях, соотносимых с тем, что делали и Сумароков, и Эббингхаус, случилась в 2018–2019 годах в связи с радикальными «литературно-художественными» переводами Аристотеля и Платона, предложенными Александром Марковым (Юнусов 2018; Гринцер и Шербакова 2019; Гараджа и Протопопова 2019; Марков 2019).

Весь переводческий проект Сумарокова, как представляется, может служить идеальной иллюстрацией того, как подобный подход к работе с текстом должен был воплощаться в реальности. Объяснение этому сходству можно найти в том, что кадетский корпус, где обучался Сумароков, основывался с опорой прежде всего на прусские модели, в том числе — на галльскую модель воспитания страха Божиего (СШКК — первое русское светское учебное заведение, где вводятся обязательная ежедневная коллективная молитва и курс толкования священного писания), вводившуюся в том числе через совокупность языковых курсов (в число которых в середине 1730-х годов, сверх предполагаемых уставом, предлагалось, по-видимому, ввести также и древнегреческий)⁴⁴. Сумароков как один из лучших студентов языковых классов усвоил свои уроки хорошо.

* * *

Здесь уместно заметить, что перевод хрестоматийного текста Ланге, *Школьных разговоров* из его латинской грамматики, сыграл важнейшую роль в истории того, что принято называть «русской литературой». Переведенные на русский язык в середине 1730-х годов Мартином Шванвицем, служившие в конце 1730-х–начале 1740-х годов образцом русского рационального разговорного стиля, в конце 1740-х они оказались в истоке создания метаязыка новой словесности. Сейчас уже можно определенно утверждать, что именно спор о новом русском переводе *Школьных разговоров*, сделанном Третьяковским в 1746–47 годах, стал основанием для сохранившихся лишь в обрывках и оговорках споров о переводе этого времени (Алексеева 2006; Костин 2017), определивших впоследствии филологическую работу и эстетические установки и Третьяковского, и Ломоносова, и Сумарокова.

Требование подготовки новой разговорной хрестоматии в конце 1745 года стало одним из первых следствий прихода к руководству Академией наук нового президента, Кирилла Разумовского. Альтернативный новый перевод, за который взялся Третьяковский, был только одним из возможных решений. Другим стал перевод альтернативного пособия, *Домашних разговоров*

⁴⁴ О влиянии прусских моделей на структуру СШКК и о связях создателей этого учебного учреждения с пиегистами Галле см. подробнее: Feduyukin 2009; Федюкин и Лавринович 2015; Feduyukin 2019; Федюкин 2020. О введении в программу корпуса курса греческого можно судить по списку книг, запрошенному корпусом в 1735 году у Академии наук (Материалы 1886, 572-73). Список показывает, что к этому времени в корпусе не было уже нужды в элементарных пособиях по латыни (запрашиваются только авторы и пособия для чтения на старших курсах — Ливий, Ювенал, Марциал, а также словари для стихотворного и риторического самостоятельного сочинения). Вместе с тем, запрашиваются издания и словари для продвинутых курсов французского языка (начиная с франко-латинских словарей и заканчивая авторами от Буало до Вольтера) и для начальных занятий греческим (на франко-латинской основе) — греческая грамматика Пор-Рояля, греческо-латинский словарь Скревеля, *Таблицы* Кебета, речи Исократ, Анакреон и Сапфо в издании Анны Дасье, греко-латинский Новый Завет.

Г. Ф. Платса, предлагавших вместо рационально лаконичной и прозрачной «школьной» речи Ланге — галантно многословную, непрямую, играющую в социальный танец речь придворного человека⁴⁵.

Новый перевод ТрEDIAKовского остался известен в истории филологии кажущимся буквоедским, чрезмерно филологически дотошным сочинением о правописании окончаний имен прилагательных⁴⁶. Между тем, самой радикальной и заметной особенностью перевода было вовсе не это, а введение в русскую поэзию, впервые — в печатном виде — метрических эквивалентов античных стихотворных размеров.

Шванвиц переводил стихотворные вставки в диалогах Ланге прозой. Например, фрагмент из Овидия (Ov. Am. 2, 9, 41), “Stulte, quid est somnus, gelidae nisi mortis imago”, был передан в первом переводе *Школьных разговоров* так: «Безумный, что есть сон, не образ ли холодныя смерти?» ТрEDIAKовский принимает решение передать этот стих гекзаметром:

О, безумный, что сон, как образ холодныя смерти⁴⁷?

Вопрос о передаче и передаваемости античных метров, как мы знаем, был принципиально важен для петербургских стихотворцев 1740-х годов — от марбургских выписок из статей Готшеда и эквиметрических опытов Ломоносова в *Письме о правилах российского стихотворства* до сапфических и горацянских версий Сумарокова и грандиозного здания *Тилемахиды* ТрEDIAKовского. Катализатором споров стал именно перевод *Школьных разговоров*. Когда Сумароков посвящает в 1747 году свою первую эпистолу вопросам перевода и формулирует в ней свою знаменитую максиму — «Нам автор мысли дал, но он нам не дал слов» — референтом для него оказывается именно этот опыт ТрEDIAKовского.

Что значит «Нам автор мысли дал, но он нам не дал слов»? Глядя на эту формулу из перспективы сумароковских монструозных переводческих опытов и медитативной герменевтики Ланге, фразу можно уточнить до значения, едва ли не противоположного буквальному — автор оригинала дал слова (набор знаков, требующих толкования), но не мысли (добываемые читателем из знаков в озарении), не стиль и не стих. Бессмысленно пытаться имитировать форму, потому что она случайна и никак не связана с герменевтическими усилиями — единственной оправданной задачей переводчика (который может, например, нисколько не погрешая против оригинала, передать прозаическую речь стихами, как в случае с Ливием Сумарокова).

⁴⁵ Подробнее о контексте появления второго издания см.: Hart 2000; Костин 2020.

⁴⁶ См. о нем подробнее: Пекарский 1865, 102–16; Вомперский 1968; Успенский 1984; Живов 2017, 1061–78; Костин 2017b.

⁴⁷ Оба первых издания *Школьных речей* – 1738 и 1748 годов — вышли с сохранением титульного листа первого издания. Первое издание чрезвычайно редко. За возможность ознакомиться с его фрагментами по экземпляру РГБ, который оставался мне недоступен во время работы над статьей (Костин 2020), из-за чего в ней были отождествлены тексты двух изданий, благодарю Джамилю Рамазанову.

За переводческими стратегиями трех участников спора конца 1740-х годов можно увидеть столкновение нескольких моделей отношений автора и читателя (и шире — языкового поведения в социуме). Вопрос о том, где пролегает граница читательской интерпретации, был важен для всех троих — Третьяковского, Ломоносова, Сумарокова. Их дружное соревнование по переложению псалма в 1743 году, программно отнимающее у читателей агентность (Костин 2023), маркировало приход нового времени, в которое новый мир нужно было отстраивать заново, отдавая себе отчет в том, что неправильно истолкованный авторский текст мог привести на эшафот — как это случилось для модельных петербургских авторов 1730-х годов, Артемия Волынского и Андрея Хрущева, лишившихся жизни в чудовищной публичной казни в результате герменевтических ухищрений императрицы Анны Иоанновны (Осповат 2018; Осповат 2020).

Виртуозность сложносоставной многозначности и речевой изворотливости придворного человека Грасиана (переведенного еще одним модельным автором 1730-х — Сергеем Волчковым)⁴⁸ упиралась в эту автономную карающую инстанцию. У проблемы было несколько решений. Можно было, как это делал Кантемир — тогда же примерно, когда Анна Иоанновна читала письмо Волынского — пытаться до последнего отстаивать авторский замысел, снабжая стихотворный текст километрами толкований. Можно было, как это сделал Третьяковский, в принципе отказаться от авторского голоса, сосредоточившись на передаче формы оригинала и пускаясь в километры учейших комментариев о различении «И» и «Ī». Можно было выстроить систему, в которой толкование текста, соответствующее авторскому замыслу, покоилось бы на надежной основе «здравого смысла», полностью лишая читателя индивидуальной агентности. Это путь Ломоносова, мало озабоченного самотолкованиями, предпочитающего не пускаться в споры и регулярно обрывающего начатые было полемические тексты на полуслове. По тому же пути пойдет и нововременная европейская литература в целом. Постнововременной взрыв середины XX века, уничтожающий авторский контроль над текстом, видел такую позицию автора нормативной данностью — безальтернативной, навязанной, пугающей, подавляющей, неизбывной, полностью потерявшей свой былой эмансипаторный заряд⁴⁹. Сама идея о том, что распределение позиций в паре автор/читатель может быть иным, представлялась (необходимым, прогрессивным, революционным, но) кощунством, оформлявшимся, например, драматичной метафорой смерти автора. Но альтернатива была и есть, потому что она есть всегда, потому что любая конвенциональная констелляция про-

⁴⁸ О его переводе Грасиана см.: Evstifeeva 2018; Евстифеева 2022.

⁴⁹ Чтобы вполне оценить эмансипаторность идеи о том, что толкование текста должно контролироваться автором, а не произвольным чтением, нужно иметь опыт жизни в обществе, где, например, как в России конца 2023 года, из-за боязни административного преследования меняются названия почтенных учреждений, чтобы в их аббревиатурах не были увидено букв «ГЕИ», а преподавателя университета могут стремительно уволить за серьгу в ухе.

изводящих и воспринимающих художественную речь наделяет те или иные позиции в ней этическими и идеологическими значениями ситуативно. Исходная ситуация, сохранившись инерцией культурной памяти, может забыться, но может быть реконструирована по фрагментам и обломкам.

Петербургский автор середины XVIII века мог пойти, наконец, по утопическому пути — подсказанному Ланге, его учителями, современниками, и петербургскими трансляторами 1730-х годов — к недостижимой цели выработать «прямой» авторский язык (искусный, но не искусственный), который исключал бы омонимию и в принципе возможность для читательницы (агентн.ой, вечно стоящей за страницей, готов.ой использовать очки как зажигательное стекло, рвущ.ей текст на фрагменты и не желающ.ей озаботиться созерцанием общего авторского замысла), — исключал бы для так.ой читательницы в принципе возможность прочесть текст неверно⁵⁰. Это был путь Сумарокова, вполне и прежде всего проявившийся в корпусе его переводов/переложений. Собственный авторский язык неизбежно — по его человеческой природе — оказывался ущербным, зараженным многозначностью и, таким образом, возможностью неверного чтения. Как с любой теоретической программной установкой, принципы прямого рационального языка могли нарушаться в реальной авторской практике: сумароковские вздорные оды или *Критика на оду* — не в меньшей степени реплика в адрес оппонентов, чем самоироничное признание и за собой грехов, замечаемых у других. Замечаемых, впрочем, для того, чтобы в постоянной работе над собой, медитации и искусном читательском острании оттачивать авторское мастерство. За каждым словом, использованным рациональным автором, мог скрываться монстр — возможность прочесть его так, что чтение полностью изменит авторскую интенцию. Защита от монстра предполагала зоркость, настороженность (*vigilantia*), а значит, регулярную работу по его выявлению там, где это не причиняло авторской боли — в чужих текстах. Все сумароковские переводы не случайно очень короткие и фрагментарные. Перевод для него был не самостоятельной задачей и не лабораторией, но тренировочным залом и баней, дававшими держать разум готовым и управляемым, чтобы в собственном письме добиться максимальной прозрачности и ясности⁵¹. Исторический провал этой утопии завораживает, как провал любой утопии. Но открывает вопрос — не осталось ли на руинах обломков, которые можно было бы употребить дальше?

⁵⁰ Мне представляется, что эта установка, требующая от писателя подыскания слов, максимально соответствующих вещам, и предполагающая минимальную дистанцию между говорящим, аффектом говорящего и феноменами, свидетельствуемыми в аффекте, соответствует чрезвычайно остроумному и убедительному описанию стиля Сумарокова, предложенному Н. Ю. Алексеевой (2020).

⁵¹ Постоянная работа над собой, поддержание духовно-ментальной формы словно формы физической — современный богослов находит для описания этой практики метафору акробата — была важной составляющей программы «аффективного чтения Библии» у Августа Германа Франке и галльских пиетистов в целом (Mejrup 2016).

Приложение

Требования Иоахима Ланге к интерпретатору и переводу (из *Medicina mentis*: Ч. 3, Гл. 3 «О истинном исследовании», Член 2 [и последний], «О должности и средствах толкования»)⁵²

§ I. [Первый закон толкования есть просветленность (*ικανότης*) толкователя]

Первым и основным законом толкования является *ικανότης* (просветленность; буквально — достаточность, способность, сила) самого толкователя. Ибо до тех пор, пока толкователь не станет просветленным, остальные правила ничего или мало что сделают. А просветленным толкователем является тот, чей ум должным образом исправлен в соответствии со второй частью этой книги⁵³ и свободен от всякого рода предубеждений. Каковы предубеждения при толковании тем более вредны, что они действуют в направлении, противном суждению толкователя, и оттого очень часты. Ибо что обычнее, чем интерпретировать речь, которая не понята правильно, даже грамматически? Толкования других, из-за некоего авторитета почитающихся более сильными, выдернутые из комментариев, но принимаемые за полноценные исследования, положить между тем за надежное основание и следовать им? Предпочитать и выставлять вперед смысл, не вытекающий из тщательно наблюденных глубин речи самой по себе? Хоронить прямой смысл слов и вытягивать наружу другой, как бы скрюченной шеей, то туда, то сюда, поскольку неумеренный порыв ненависти или любви, или движение других аффектов, приняв изначально предубежденную гипотезу, в итоге захватывает и увлекает дух. Итак, преубеждения всякого рода, уже отброшенные ранее в усовершенствовании ума, оттого ли, что не полностью устранены, или же возвращаясь, должны снова и снова устраняться через привычку постоянного улучшения духа и через воспроизведение действий, которые нужно повторять всякий раз, когда мы хотим что-то толковать.

⁵² Переводится по: Lange 1704, 270–1, 284–5. В следующих изданиях композиция труда и число параграфов в главах менялись.

⁵³ Вторая часть книги содержит собственно ту самую «медицину ума», вынесенную на титульный лист книги — описание практик, позволяющих достигнуть той последней цели духовного развития, которая позволяет в максимальной простоте тренированного духа почти постоянно пребывать в трансцендентном контакте с божественным и формулируется в следующих словах: «стать библиотекой и распродать книги» (которые настоящему просвещенному уже не нужны). Последний параграф главы описывает это состояние так: «Для достижения этой истинной цели требуется, чтобы все делалось *во имя и страхе Божиим*, и с духом простым, верным и полностью сконцентрированным (*praesentissimum*), в любви к верховному и святому Божеству, наполнившись поклонения и почитания. К чему призывает Павел — *все, что мы говорим и делаем, свершать во имя Христа*. И с таким разумением люди, с их ничтожнейшим умом, возьмут, где отдохнуть, даже если не знают сразу, как их действия могут способствовать славе Божией. Ведь им достаточно довольствоваться духом, совершая все искренне во имя и во страхе Бога, никогда не отклоняющегося от своей цели» (Lange 1704, 186, перевод — А. К.).

§ II.

Подобное просветление (ἰκανότης) требует от толкователя прежде всего отточенного суждения и дух, хорошо натренированный длительным обхождением в правилах о вещах, общих как мудрости, так и благоразумию, и самого точного владения лучшими дисциплинами, особенно теми, по которым судят о толковании. Но, может быть, кто-нибудь скажет: если толкование уже требует от толкователя столько знаний, откуда они были почерпнуты без толкования? Ответ. Из наставления, и прежде всего из простой, легкой, и наставительной речи, не требующей предварительных знаний, но приносящей их. Итак, толкование уже предполагает у толкователя хотя бы посредственные знания, а то, что он находит, он подтверждает и приумножает.

[...]

§ XXV [Обязательные требования к хорошему переводу]

Требования к хорошему толкователю при переводе заключаются в следующем: (1) иметь точные знания и уверенность в обоих языках — с которого и на который что переводится; (2) не столько уважать и выражать слова, сколько передавать смысл, каково бы ни было его достоинство, подтекст или намек. (3) Оставлять идиотизм каждому из двух языков, напр. не переносить германские идиотизмы на латинский язык, а выражать германизмы латинизмами. (4) Идиотизмы передавать вольно — так, чтобы перевод не превратился в короткий комментарий. (5) Быть простым, естественным и прозрачным, так, чтобы казалось, что это не столько перевод, сколько как бы само оригинальное сочинение. Если в переводе остается какое-то темное место, допускается добавить ученое толкование, если оно внесет внятный смысл. (6) Сохранить в переводе, насколько это возможно, тот же аффект. К этому следует добавить (7) умеренное знание материала, который переводит автор, чтобы слова изучаемого предмета могли быть адаптированы к жизни [переводящего].

Источники

Журналы Камер-Фурьерские 1759 года. Церемониальный, банкетный и походный журнал 1759 года. п.р.

“Сокращенная повесть о жизни и писаниях господина статского действительного советника и Святыя Анны кавалера, Александра Петровича Сумарокова.”
Санктпетербургский вестник. 1778, 1: 39–49.

Тредиаковский, Василий К. 1761. *Римская история ... сочиненная Г.Ролленем.* 1. Санкт-Петербург: Тип. Акад. наук.

Catrou, François, et Pierre-Julien Rouillé. 1725. *Histoire romaine, depuis la fondation de Rome* 2. Paris: Chez Jacques Rollin & Sébastien Delespine & Jean-Baptiste Coignard.

Conway, Robert S., and Charles F. Walters. 1910. “Restorations and Emendations in Livy I–V.” *Classical Quarterly* 4: 267–76.

- Cotgrave, Randle, and James Howell. 1673. *A French and English dictionary*. London.
- Dacier, François, et Noël-Étienne Sanadon. 1735. *Oeuvres d'Horace* 3. Amsterdam: Chez J. Wetstein & G. Smith.
- Gourdin, François P. 1789. *De la traduction considérée comme moyen d'apprendre une langue et comme moyen de se former le goût*. Rouen: De l'imprimerie privilégiée.
- Lange, Johann Joachim. 1704. *Medicina mentis*. Berolini: n. p.
- La Place de, Pierre A. 1746. *Le Théâtre Anglois* 3. Londres.
- Ludwig, Christian. 1736. *A Dictionary English, German and French*. Leipzig, Frankfurt: n. p.
- Livius, Titus. 1974. *Ab urbe condita* 1, edited by Robert M. Ogilvie. Oxford: Oxford University Press.
- Michaelis, Johann David. 1771. *Johann David Michaelis deutsche Uebersetzung des Alten Testaments: mit Anmerkungen für Ungelehrte*. 6. Göttingen: bey Johann Christian Dieterich.

Литература

- Алексеева, Надежда Ю. 2006. “Литературная полемика середины XVIII века о переводе стихов.” В *XVIII век*. Сб. 24, 15–34. Санкт-Петербург: Наука.
- Алексеева, Надежда Ю. 2014. “Поздний Сумароков как переводчик псалмов.” *Russian Literature* 75, 1–4: 3–31. <https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2014.05.002>.
- Алексеева, Надежда Ю. 2020. “«Ищи приличных слов»: проблема жанрово-стилевой организации поэзии Сумарокова (Подступ к теме).” В *XVIII век*. 30: 5–16. DOI: 10.31860/0130-075X-5-16.
- Амелин, Максим А. 2003. “История русского «Гамлета».” *Новая Юность* 4: 34–40.
- Варади-Штернберг, Янос И. 1986. “Закарпатец Иван Зейкан в окружении Петра I.” В *Науковий збірник Музею української культури у Свиднику* 14: 33–46. Братислава: Пряшів.
- Васильева, Дарья В. 2014. “Сыны Божии и сыны богов в Псалтири архиепископа Амвросия (Зергис-Каменского).” *Христианское чтение* 6: 296–303.
- Виноградов, Виктор В. 1966. “О процессах развития и разрушения ономимии в кругу соотносительных русизмов и древнеславянизмов.” *Studia Slavica* 12: 447–51.
- Вомперский, Валентин П. 1968. “Ненапечатанная статья В. К. Третьяковского «О множественном прилагательных целых имен окончаний.» *Научные доклады высшей школы. Филологические науки* 5: 81–90.
- Гаспаров, Михаил Л. 2001a. “Подстрочник и мера точности.” В М. Л. Гаспаров. *О русской поэзии. Анализы. Интерпретации. Характеристики*, 361–72. Санкт-Петербург: Азбука.
- Гаспаров, Михаил Л. 2001b. *Записи и выписки*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Гараджа, Алексей В. и Ирина А. Протопопова. 2019. “«Что-то смешное на нас напало»: о новом переводе платоновского «Пира».” *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 3, 1: 265–85. DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-253-273.
- Гринберг, Марк С. и Борис А. Успенский. 2001. *Литературная война Третьяковского и Сумарокова в 1740-х – начале 1750-х годов*. Москва: РГГУ.
- Гринцер, Николай П., и Елизавета А. Щербакowa, 2019. «Рец. Аристотель. Метафизика. Перевод с древнегреческого, вступительная статья и комментарий А. В. Маркова. М., 2018.» *Вестник древней истории*, 79, 1: 152–60.
- Евстифеева, Рива. 2022. “Мудрость vs благоразумие придворного: к вопросу о переводческих стратегиях С. Волчкова.” В *Лаборатория понятий: перевод и язык политики в России XVIII века*, 170–195. Москва: Новое литературное обозрение.

- Егунов, Андрей Н. 1963. «Исменей и Исмена», греческий роман Сумарокова. В *Международные связи русской литературы*, 135–61. Москва: Наука.
- Зенкин, Сергей. 2023. *Itago in fabula. Интрадиегетический образ в литературе и кино*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Живов, Виктор М. 2004. *Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Живов, Виктор М. 2017. *История языка русской письменности*. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке.
- Козицкий, Григорий В. 1770. «Повесть о Каии Маркии Кориолане, из книги II историй Тита Ливия Патавийскаго.» *Барышек Всякия Всячины*: 489–93.
- Костин, Андрей А. 2017а. ««Тот путь топтать трудно», или спор Ломоносова с самим собой о принципах перевода.» В *Русская классика [к 85-летию Н. Н. Скатова]*, 71–83. Санкт-Петербург: Росток.
- Костин, Андрей А. 2017б. «Третьяков в 1755 году: несколько архивных замечаний.» В *XVIII век*. 29: 50–9, Москва–Санкт-Петербург: Альянс-Архео.
- Костин, Андрей А. 2020. «Крестик, черточка, точка: учебные пособия Академии наук 1730-х годов и их прусские контексты.» В *Русско-немецкие контакты в детской литературе XVIII–XX вв.*, 38–78. Санкт-Петербург: Росток.
- Костин, Андрей А. 2023. «Открытость поля поэзии, или Поэзия как товар.» В *Институты литературы в Российской Империи*, 37–73. Москва: Высшая школа экономики.
- Лаппо-Данилевский, Константин Ю. 2022. «В. К. Третьяковский и А. П. Сумароков в споре о сапфической строфе.» *Philologia Classica* 17 (2): 300–20. DOI 10.21638/srbu20.2022.210
- Ларионов, Олег А. 2023. «А. М. Кутузов в 1790 году: Чтение, авторство, публичность.» *Slavica Revalensi* 10: 71–83.
- Левин, Юрий Д. 1995. *История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Левитт, Маркус. 1995. «Сумароков – читатель Петербургской библиотеки Академии наук.» XVIII век. Сб. 19, 43–59. Санкт-Петербург: Наука.
- Любжин, Алексей И. 2012. *Рецепция римской литературы в России XVIII–начала XX века*. Докторская диссертация. Москва: МГУ.
- Марков, Александр В. 2019. «Да, это Платон и Аристотель: ответ на рецензии.» *Философия. Журнал Высшей школы экономики* 3 (2): 253–73.
- Материалы для истории Императорской Академии наук*. 1886. 2. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- Мольнар, Ласло В. 2004. «Деятельность педагогов-выходцев из Венгрии в России (1703–1848).» *Studia Slavica Hungarica* 49 (3–4): 315–39.
- Настопкене, Виолета. 1981. «Опыт исследования точности перевода количественными методами.» *Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Literatūra* 23, 2: 53–70.
- Николаев, Сергей И. 2002. «Неизвестное стихотворение Ломоносова и отклик на него Сумарокова.» В XVIII век. Сб. 22, 3–7. Санкт-Петербург: Наука.
- Николаев, Сергей И. 2015. «Отрывок «Из Тита Ливия» А. П. Сумарокова.» В XVIII век. Сб. 28, 28–33. Москва–Санкт-Петербург: Альянс-Архео.
- Николаев, Сергей И. 2020. «Как и зачем Сумароков переписывал своих современников.» В XVIII век. Сб. 30, 205–13. Москва–Санкт-Петербург: Альянс-Архео. DOI: 10.31860/0130-075X-205-213

- Осват, Кирилл. 2018. “Казнь автора: Дело А.П. Вольинского, «абсолютизм» и проблема политической словесности в 1740 году.” *Новое литературное обозрение* 151, 3: 143–63.
- Осват, Кирилл. 2020. *Придворная словесность. Институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Павленко, Николай И. 2006. *Петр II*. Москва: Молодая гвардия.
- Пекарский, Петр П. 1865. *Дополнительные известия для биографии Ломоносова*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- Польской, Сергей и Владислав Ржеуцкий. 2022. *Лаборатория понятий: перевод и язык политики в России XVIII века*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Ржеуцкий, Владислав С. 2018. “Латинский язык в дворянском образовании в России XVIII века.” В *Чтения отдела русской литературы XVIII века*. Вып. 8, *Русская литература XVIII столетия в науке XX века. Неолатинская гуманистическая традиция и русская литература конца XVII — начала XIX веков*, отв. ред. Андрей А. Костин, 228–51. Москва–Санкт-Петербург: Альянс-Архео.
- Серто де, Мишель. 2013. *Изобретение повседневности*. Пер. Д. Калугина. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Смагина, Галина и Майя Лавринович. 2015. “Учился ли император Петр II и чему?” В *«Регулярная академия учреждена будет...»: образовательные проекты в России в первой половине XVIII века*, 127–75. Москва: Новое издательство.
- Соловьев, Андрей Ю. 2020. “О конфликте в трагедии Сумарокова «Димитрий Самозванец».” В *XVIII век*. Сб. 30, 83–101. Москва–Санкт-Петербург: Альянс-Архео.
- Сумароков, Павел И. 1832. *Обозрение царствования и свойств Екатерины великия*. Санкт-Петербург: Типография Медицинского департамента Министерства внешних дел.
- Тынянов, Юрий Н. 1965. *Проблема стихотворного языка*. Москва: Советский писатель.
- Успенский, Борис А. 1984. “К истории одной эпиграммы Третьяковского (эпизод языковой полемики середины XVIII в.).” *Russian Linguistics* 8 (2): 75–127.
- Федюкин, Игорь. 2020. *Прожекторы: Политика школьных реформ в России в первой половине XVIII века*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Федюкин, Игорь и Майя Лавринович. 2015. “Сухопутный Кадетский корпус в Санкт-Петербурге (1730-е годы) и его берлинский прообраз.” В *«Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века*, 264–316. Москва: Новое издательство.
- Хмыров, Михаил Д. 1869. “Сумароков, Александр Петрович, русский писатель.” В *Портретная галерея русских деятелей*, издание А. Мюнстера, 2, 215–25. Санкт-Петербург: Тип. и лит. А. Мюнстера.
- Эббингхаус, Андреас. 2011. “Евгений перед памятником: Анализ высказывания персонажа в «Медном всаднике» А. С. Пушкина.” В *Язык — текст — дискурс: проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах*, 6–10. Самара: Универс групп.
- Юнусов, Артем. Т. 2018. “«Бессильная невозможность». О новом переводе «Метафизики» Аристотеля.” *Историко-философский ежегодник* 33: 361–85.
- Barth, Ulrich. 2012. “Luther und Francke. Einige Aspekte des Verhältnisses ihrer beider hermeneutischen Konzeptionen.” In *Reformation und Generalreformation — Luther und der Pietismus*, 41–9. Halle: Verlag der Franckeschen Stiftungen.

- Bassnett, Susan, and André Lefevere, ed. 1990. *Translation, History and Culture*. London: Cassell.
- Budick, Sanford, and Wolfgang Iser, ed. 1996. *The Translatability of Cultures. Figurations of the Space Between*. Stanford: University Press.
- Bullough, Geoffrey. 1966. *Narrative and Dramatic Sources of Shakespeare*. 5. London: Routledge.
- Certeau de, Michel. 1990. *L'invention du quotidien*. 1. Paris: Gallimard.
- Ebbinghaus, Andreas. 1991. "Puškina «Petersburg-Erzählung» «Mednyj Vsadnik»: Ein Beitrag zur Interpretation." *Zeitschrift für Slavische Philologie* 51,1: 86–142.
- Eco, Umberto. 2003. *Mouse or Rat? Translation as Negotiation*. London: Phoenix.
- Evstifeeva, Riva. 2018. *Lessico di qualità intellettuali in Pridvornoj čelovek (1739), la prima traduzione russa dell'Oraculo manual di B. Gracián*. PhD Thesis. Roma «Tor Vergata».
- Fedyukin, Igor. 2009. *Learning to be nobles: the elite and education in post-Petrine Russia*. PhD Thesis. University of North Carolina.
- Fedyukin, Igor. 2019. *The Enterprisers. The Politics of School in Early Modern Russia*, Oxford: Oxford University Press.
- Grote, Simon. 2018. "Domesticating Religious "Fanaticism" in Eighteenth-Century Germany: A Tale of Two Books." *Church History and Religious Culture* 98, 1: 111–38.
- Hansen, Gyde. 2010. "Translation 'errors'." In *Handbook of Translation Studies*, ed. Yves Gambier, 385–88. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
- Hart, Carol Ann. 2000. *Learning linguistic politeness: a social history of Eighteenth-century Russia*. PhD Thesis. Ohio State University.
- Jacob, Edmond. 1986. "L'œuvre exégétique d'un théologien strasbourgeois du 17e siècle: Sébastien Schmidt." *Revue d'Histoire et de Philosophie religieuses* 66 (1): 71–8.
- Kislova, Ekaterina, Kostina, Tatiana, and Vladislav Rjéoutski. 2020. "Learning Grammar in Eighteenth-Century Russia." In *The History of Grammar in Foreign Language Teaching*. 1, 133–54. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Levitt, Marcus C. 1994. "Sumarokov's Russianized "Hamlet": Texts and Contexts." *Slavic and East European Journal* 38, 2: 319–41.
- Levitt, Marcus C. 2009. "Sumarokov's Russianized "Hamlet": Texts and Contexts." In Levitt, Marcus C. *Early Modern Russian Letters: Texts and Contexts*, 76–102. Boston: Academic Studies Press.
- Mejrup, Kristian. 2016. *Grand Prospects of Halle Pietism: The Acrobat, the Project-maker and the Shepherd*. København: Det Teologiske Fakultet.
- Muir, Kenneth. 1977. *The Sources of Shakespeare's Plays*. London: Methuen & Co.
- Murphy, Paul R. 1958. "Archaism and Colloquialism in the Use of a Latin Negative Pattern." *The American Journal of Philology* 79, 1: 44–51.
- Pym, Anthony. 1998. *Method in Translation History*. London: Routledge.
- Rjeoutski, Vladislav. 2018a. "Latin in the Education of Nobility in Russia: The History of a Defeat." In *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, 169–90. Amsterdam University Press. DOI 10.2307/j.ctv2bct9c.10.
- Rjeoutski, Vladislav. 2018b. "Native Tongues and Foreign Languages in the Education of the Russian Nobility: The Case of the Noble Cadet Corps (1730s–1760s)." In *The History of Language Learning and Teaching* 1, 129–44. Cambridge: Legenda.
- Stam, Robert. 2000. "Beyond Fidelity: The Dialogics of Adaptation." In *Film Adaptation*, ed. James Naremore, 54–76. New Brunswick: Rutgers.
- Toomre, Joyce S. 1981. "Sumarokov's Adaption of Hamlet and the 'To Be or Not To Be' Soliloquy." *Study Group on Eighteenth Century Russia Newsletter* 9: 6–20.

- Tucker, George H. 2011. "Justus Lipsius and the *cento formm*." In *(Un)masking the realities of power: Justus Lipsius and the dynamics of political writing in Early Modern Europe, 163–92*. Leiden: Brill.
- Wallmann, Johannes. 1986. *Philipp Jakob Spener und die Anfänge des Pietismus*. Tübingen: Mohr Siebeck.

Dizionario Russo, Latino, Italiano & Francese Георгия Дандоло 1747 года

Наталья Николаева

Abstract: *Giorgio Dandolo's Russian, Latin, Italian & French Dictionary of 1747.* The article describes a handwritten book from the collections of the scientific library of Kazan Federal University, containing the first Russian-Italian dictionary, compiled in 1747 by the Venetian Giorgio Dandolo, an employee of the Board of Foreign Affairs. The reasons for the Academy's refusal to publish this work are discussed. The main lexicographic features of the dictionary are analyzed, including those from the point of view of critical remarks put forward by academics. The conclusion is made about the practical orientation of the grammatical essay and lexicon, written from the point of view of a foreigner and for foreigners studying the Russian language, which is the undoubted value of the work of Giorgio Dandolo.

Keywords: Russian lexicography, Giorgio Dandolo, Russian-Italian dictionary, Russian grammar, Russian as a foreign language

В Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского федерального университета хранится рукописный лексикон середины XVIII века (№ 4479) — *Лексиконъ российско-латинско-италианско-французскій* (*Dizionario Russo, Latino, Italiano & Francese*), составителем которого является служащий Коллегии иностранных дел венецианец Георгий Дандоло (Giorgio Dandolo). Университету Лексикон был подарен петербургским купцом С. Зимняковым в 1817 году, о чем имеется запись в библиотечной инвентарной книге.

Краткое описание рукописи можно найти у А. И. Артемьева и С.Б. Радзиевской (Артемьев 1882, 93–5; Радзиевская 1958, 21). Первый разбор несчастливой судьбы Лексикона приведен Н. Поповым (Попов 1859). Им же осуществлена публикация всех полемических писем и обращений автора Лексикона в Академию наук, которые являются составляющей данной рукописной книги.

Предварительный разбор Лексикона и предшествующих ему «грамматических научений» с лингвистической точки зрения представлены в работе Г. А. Николаева и Н. Г. Николаевой (2007), и некоторые ее результаты войдут и в эту статью. Более углубленный анализ грамматического очерка Дандоло проведен Марией Ди Сальво (Ди Сальво 2011).

Книга, как мы видим, имеет сложный состав, так что считаем необходимым здесь его еще раз описать.

Natalija G. Nikolaeva, Kazan State Medical University, Russian Federation, natalia.nikolaeva@kazangmu.ru, 0000-0002-4242-9230

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Natalija G. Nikolaeva, *Giorgio Dandolo's Russian, Latin, Italian & French Dictionary of 1747*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.25, in Svetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 343-352, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

он снова подчеркивает вспомогательную роль французского и латинского: «Что касается наконецъ до латїнскаго, и французскаго языковъ, оныя положены мимоходомъ, хотя притомъ и не безъ надлежащаго прилѣжанїя, однако жъ ради вѣщаго избѣжанїя отъ осужденїя, упомянуть объ нихъ со всею индифферентностїю можно, пусть они стоятъ того, чего стоятъ могутъ» [подчеркнуто Даноло] (Л. 14 об.).

Таким образом, можно сказать, что Георгий Даноло фактически является создателем первого именно русско-итальянского словаря.

Далее (Лл. 17–50) следует очерк русской грамматики на итальянском языке (*L'Instruzioni Gram(m)aticali della Lingua Russa*). Между нею и Предисловием к лексикону на свободном пространстве листов 16–16 об. очевидно позже было вписано добавление к грамматике по-итальянски, которое содержит сведения об особенностях образования видовых форм глаголов, особенностях глагольно-предложного управления, употребления родительного падежа при отрицании. Видимо, это добавление было попыткой внесения исправлений после получения критических замечаний. Рецензенты сурово отнеслись к этим очеркам, осуждая их как некое теоретическое сочинение. Сам же Даноло до конца не определился с его жанром, называя этот очерк то *L'Instruzioni*, то *Erudizioni Grammaticali* и предназначая ему вспомогательную функцию грамматического приложения к словарю («для лучшаго росїйскихъ словъ понятїя»; Л. 8 об.).

Словарь начинается с 58 об. листа (Лл. 57 об.–58 пустые) и продолжается до конца книги, а между грамматикой и словарем помещены ответ Даноло на рецензию из Академии Наук, прошения о публикации словаря и прочие документы, связанные с полемикой вокруг Лексикона. Часть из них написана не рукой Даноло, а писарским почерком. Первый документ датируется сентябрем 1748 года, последняя записка, сделанная на листе 53 об., видимо, на свободном пространстве листа предыдущего документа, может быть отнесена ко времени не ранее 1755 года, так как ссылается на издание ежесычных сочинений Академии января этого же года.

2. Суть полемики

В рукописной книге содержатся только документы, представляющие сторону автора Лексикона (и составленные им самим). Записки Академии касательно продвижения сочинений Даноло можно найти в Материалах для истории Императорской Академии Наук (Материалы 1897; 1900). Но суть первой резко отрицательной рецензии они не меняли.

Сам Даноло полагал, что автором первой рецензии был профессор элоквенции В. К. ТрEDIAKовский, так как словарь был передан в Академию именно ему и подпись на рецензии стояла также его: как секретарь Исторического собрания он завизировал «мнение» от имени «всех господ профессоров» — Василия ТрEDIAKовского, Михайла Ломоносова, Степана Крашенинникова и Никиты Попова (Ломоносов 1955, IX, 627, 939–40). Однако настоящим рецензентом рукописи был М. В. Ломоносов. Его отзыв помещен в IX томе его

Полного собрания сочинений как служебный документ под № 373: 1749 января до 18. Отзыв о лексиконе г. Дандоло, озаглавленный: *Мнение о грамматических правилах и о лексиконе г. Дандоло* (Ломоносов 1955, IX, 621–624). Рецензия весьма суровая. Автор ее заключает, что погрешности книги «так несносны, что сия книга не токмо без стыда сочинителя и без порицания Академии при ней напечатана быть не может, но и легче сочинить новую тему, кто силу знает, нежели сию переправить» (Ломоносов 1955, IX, 624). Такое заключение вытекает из перечисления серьезных недостатков как «грамматики», так и лексикона. В грамматике, как пишет рецензент, правила представлены без порядка, имена смешаны с местоимениями и не разделены на склонения, глагол отнесен в самый конец, отсутствует деление на спряжения; есть также претензии к терминологии и к некоторым представленным формам. В лексиконе Ломоносов также усматривает многочисленные «недостатки и погрешности».

Несмотря на столь строгую рецензию, Дандоло надеется исправить положение и добиться издания Лексикона. По всей видимости, сначала претензии казались ему легко устранимыми. Так, он аккуратнейшим образом исправляет неправильные окончания и формы в грамматической части, а также название относительного падежа заменяет, по указанию Ломоносова, сказательным (Narr.). Эти исправления поистине выполнены филигранно и незаметны на первый взгляд. Он дополняет грамматику примечанием, помещенным на свободном листе до нее. В самом Лексиконе тоже много разного рода правок.

Кроме того, Дандоло обращается с ответом к своему рецензенту, решительно не соглашаясь с рядом замечаний. В этом ответе и в дальнейших своих прошениях Дандоло очень красноречив. Так, он откликается на критику его грамматических наставлений с некоторым театральным самоуничтожением: «Елико же касается до настоящей правильной грамматики, то г. Тредьяковский, конечно, такую совершенную сочинить может: а столь много съ одного иностраннаго члвѣка требовать без стыда требователю быть не может!» (Л. 51). Нельзя не отказать этим словам в правоте: в 1747 году необходимость в русской грамматике была очевидна, но пока была написана только одна, В. Адоуровым, на немецком языке в 1731 году, а ломоносовская была еще в работе, и в окончательном виде она появится только спустя десять лет...

В другом «доношении» в Коллегию Дандоло с цицероновым красноречием обличает своих гонителей в двойных стандартах: «Понять я не могу! что оные безумѣнно требуютъ отъ меня совершеннаго лексикона: а сами говорятъ выданными на свѣтъ своими сентиментами: «что всякое дѣло въ началѣ бываетъ несовершенно» [на полях ссыла на Торжество Академии 1749 г.]; оные ничего ни лутчаго, ни худшаго противъ моего лексикона, на италянскомъ языкѣ, въ свѣтъ не выдавая, порочатъ мои труды, а сами же говорятъ: «что чюжїя погрѣшности порочить гораздо лехче, нежели самому что лутче дѣлать» [ссыла на то же издание]; оные же наконецъ, несмотря ни на что презирательнымъ образомъ поднесенный мною, отъ единой токмо ревности, лексиконъ, отбрасывая, въ слабости начинающїяся науки приводятъ, а сами говорятъ «ободритъ начинающїяся науки, не щадя своихъ сокровищъ» [ссыла на то же издание с указанием автора слов — Ломоносова]» (Л. 55).

Отчаявшись получить разрешение на публикацию своего труда в России, Дандоло просит «оный мой здѣсь несчастный леѣиконъ хотя за морѣ для напечатанія послать» (Л. 57). Но была ли выполнена эта его просьба, неизвестно, скорее всего нет. В Казани хранится еще одна версия Лексикона (№ 4480), более пространная, чем первая, из чего видно, что Дандоло не прекращал работы по усовершенствованию словаря и не оставлял надежды на его издание.

К сожалению, труд так и остался в рукописном варианте. И тому было, на мой взгляд, две причины. Во-первых, Дандоло и Академия исходили из совершенно разных позиций в отношении представленного венецианцем труда. Как замечает в ответе «Тредьяковскому» сам составитель: «... г. Тредьяковскій, что не важно, то за важное; а что важное, то за неважное почитаетъ» (Л. 51). Для Дандоло его труд имел прежде всего прикладное практическое значение, о чем он не раз упоминает. Он должен был способствовать укреплению дипломатических, торговых связей между странами. Соответственно он представляет русский язык как иностранный и с точки зрения иностранца, что весьма ценно. Кроме того, для него важно было положить начало такого рода пособиям: «... не лутчели, чтобы чтонибудь имѣти на пользу, нежели ничего не имѣти? не лутчели изъ предлежащей приличной матеріи намѣренную форму дѣлать, нежели оную изъ однихъ токмо тщетныхъ замысловъ, завтрѣ, послѣзавтрѣ обованивать? не лутчели изъ готовой ржаной муки хлѣбъ печь, и алчнымъ подавать, нежели до будущей пшеничной отказывать?» (Лл. 52–52 об.). Академики же подходили к его сочинениям с позиции соответствия фундаментальной теоретической грамматике и толковому словарю. Разумеется, с этой точки зрения труд Георгия Дандоло совершенно никак не соответствовал ни правилам, ни идеалу.

Во-вторых, М. В. Ломоносов в своем отзыве дает понять, что в Академии Наук уже ведется работа над составлением словаря совершенно другого масштаба: «споможением Андрея Богданова, собрано и по алфавиту расположено больше 60000 российских чистых речений, которых много уже протолковано и переведено на другие языки» (Ломоносов 1955, IX, 624). По всей видимости, Ломоносов курировал этот проект, на фоне которого попытка Дандоло явно проигрывала. Нужно сказать, что и словарь Богданова никогда не был издан. Его ждала другая, но также печальная судьба, о которой повествует в своей статье Н. Н. Аблов. Работа по собиранию этого лексикона была начата в 1735 году под эгидой «Российского собрания» при Академии Наук. К 1750 году словарь насчитывал 14 томов, но, по-видимому, только русских слов. Со временем предполагалось дополнить их латинским, немецким и французским переводом. В 1766 году, когда основной его составитель, Андрей Богданов, умер, словарь увеличился уже до 18 томов. Но после смерти Богданова они 20 лет пролежали «без всякого движения». Потом их нашли, но, поскольку они были из-за чрезвычайной скромности составителя не подписаны, их расшили и раздали отдельным членам Словарной комиссии «для выборки, просмотра и редактирования». Фактически таким образом труд как некое единое целое был уничтожен. Лишь что-то из него впоследствии легло в основу для словника Словаря Академии Российской (см. об этом: Аблов 1941, 139–41).

3. Лексикон

По утверждению Ломоносова, Лексикон Дандоло насчитывает не более 8000 единиц (если убрать разные формы одного и того же слова и т. п.). Мы бы оценили состав словаря в 9000–10000 единиц. Трудность подсчетов заключается не только в самом объеме лексикона, но и в особенностях распределения материала. Эти особенности связаны прежде всего с тем, что словарь создан для итальянцев, не обязательно хорошо владеющих русским языком. Дандоло, будучи сам носителем итальянского языка, исходит из понимания того, с какими трудностями они могут столкнуться. Кроме того, он не сопровождает словарную статью грамматическим аппаратом, что также в свою очередь обуславливает специфику подачи словарного материала.

Прежде всего это касается слов с чередованием звуков. Так, например, слово *ровь* и его косвенные формы разнесены в разные статьи: *rva caso genet.*, *rvomъ instr.* Оба слова объединены фигурной скобкой и дано указание — *V. ровь* (которое расположено через четыре листа после них согласно алфавитному порядку). Вообще чередования, очевидно, одна из трудностей русского языка для Дандоло, поэтому он уделяет им особое внимание. Но через них же он обнаруживает связь множества слов, которую он стремится раскрыть. Например, он размещает одно под другим слова *бережливъ, бережный, бережливость, береженіе, бережь*, объединяет их фигурной скобкой и дает примечание: *tutto discende dal verbo берегу*. Конечно, с точки зрения современной словообразовательной науки, не все эти слова образованы непосредственно от этого глагола (хотя и большинство из них), но для Дандоло главное протянуть связи там, где иностранцу они не очевидны. Инфинитивы с чередованием этого глагола также выделены в словарные статьи: *беречь infin. V. берегу* и *бережися questo è inf. di бережся*.

Вообще фигурная скобка — излюбленный знак организации словарного материала у автора. Какие слова он объединяет таким образом?

Во-первых, это синонимы, однокорневые и словообразовательные: *божественъ, божескъ и божій, мокрость и мокрота, живописание и живопись, живописатель и живописец, лгатель и лгачь, гонитель и гонящий, бродяга и бродящий, бѣглець и бѣглый, ластовица и ласточка, ласкание и ласка, блескъ и блесканіе* и т. п.

Во-вторых, это пары мотивирующего и мотивированного слов: *богоугождаю > богоугодный, безбожный > безбожность, болтаю > болтунъ, бѣдствую > бѣдствіе, изыскиваю > изыскиваніе, исказить > искаженіе, проступаюся > проступка* и др.

В-третьих, видовые пары глагола: *бѣгаю — бѣгу, изувѣчиваю — изувѣчу, накупаю — накуплю, замахиваюся — замахнулся* и др.

В-четвертых, краткие и полные формы прилагательных: *нужень — нужный, правень — правный, священень — священный* и др.

В-пятых, пары орфоэпические и орфографические (по разным основаниям): *бию и бію, возвратнѣ и возвратно, мягкой и мягкій* и др.

В-шестых, пары словоформ с чередованием: *блудить и блужу, борець и борцамъ* и др.

В-седьмых, гендерные пары: *самець* и *самка*.

Наконец, во многих случаях речь идет не о парах, а о целых гнездах одно-коренных слов, типа: *богатство* — *богатый* — *богатью*, *бунть* — *бунтовать* — *бунтовщикъ* — *бунтующий* — *бунтую*. Знак скобки во второй части словаря может отсутствовать, но принцип остается прежним: *повелитель* — *повелительный* — *повелительно* — *повелительство* — *повельваю* — *повелительница* — *повельнїе*.

Предполагаю, что есть еще какие-то основания для объединения слов. В любом случае все они направлены на облегчение постижения особенностей иностранного языка.

Дандоло, однако, сам порой нарушает свои принципы. В этом проявляется субъективность составителя, неизбежная в процессе работы над такого рода сочинением. Субъективность выражается не только в отступлении от собственных правил, но и прежде всего в подборе значений. Так, например, для слова *тишина* венецианец подбирает эквивалент *serenità* и предлагает также обратиться к слову *тихость*. При этом он не объединяет их излюбленным приемом в одно лексикографическое гнездо даже при наличии в этой паре чередования! Смотрим слово *тихость* — и у него обнаруживается целое множество итальянских эквивалентов: *quietezza*, *tranquillizza* [sic], *calma*, *bonaccia*, *gioialità*. Возможно, подразумевалось, что слово *тишина* обозначало все это тоже, но из подачи материала это неочевидно.

Еще один пример субъективной подачи материала: для слова *самовластїе* Дандоло приводит итальянские соответствия *il libero arbitrio*, *dispotismo*, *indipendenza*, *potenza assoluta*, *libera potestà* и объединяет это слово со словом *самоволство*, которому не дает отдельного итальянского перевода, только латинский (*arbitrium liberum*), и отсылает нас к слову *своенравїе* (*pertinacia*, *ostinazione*), при том что слово *своеволство* (*arroganza*) у него тоже есть, но с этой цепочкой слов оно оказывается не связано.

Георгий Дандоло четко соблюдает принцип представления омонимов: они составляют каждый отдельную статью. Например: *баба donna*, *femmina*, *баба nonna*, *баба machina*; *отечество patria*, *отечество nome del padre* и т.п.

В стилистическом отношении лексика, представленная в словаре, самая разнообразная. Наряду с высокими и нейтральными словами, в нем можно найти и разговорные и просторечные формы типа *ажно*, *баба*, *барышь*, *барышникъ*, *бахарь* 'болтун', *парень*, *балы точу* 'рассказываю' и др. Все это подтверждает справедливое замечание Ю. С. Сорокина о XVIII веке как веке «словесного эксперимента» (Сорокин 1965, 36). Заметим, однако, что иностранцу было достаточно тяжело в этом эксперименте ориентироваться, что, кстати, подтверждает стилистическая неровность его полемических писем.

В генетическом отношении Лексикон включает и заимствованные слова (так, набирается почти лист слов на литеру Ф). Однако мы не нашли в его словаре тех заимствований, которые он сам употребляет в своих сопроводительных документах (*форма*, *индиф(ф)ерентность* и некоторые другие).

Вспомним замечания Ломоносова к Лексикону («великие и многие недостатки и погрешности») и рассмотрим, насколько они справедливы.

Первое замечание связано с тем, что «почти у всех многозначительных слов положено по одному знаменованию» (Ломоносов 1955, IX, 622). Уже несколько вышеперечисленных примеров показали нам, что эквивалентов обычно дается несколько. Не исключая случаев, когда действительно какие-то значения опущены, мы, однако, не можем согласиться со столь категоричным утверждением о лексикографическом описании многозначных слов у Дандоло.

Далее следует замечание о пропуске латинского перевода у многих слов. Надо заметить, пропускается иногда не только латинский, но и итальянский (см. пример выше), и французский эквивалент, а некоторые слова (таких примеров мало, но они есть) вообще остаются без перевода. Но вспомним, что составитель полагал латинский перевод как «помоществовательный», а следовательно, не обязательный. В критике рецензента смысловой акцент концентрируется на утверждении такого явления «у многих слов», что не соответствует действительности.

Замечание об отсутствии грамматического аппарата в словарных статьях (нет указания на склонение у существительных, форм родительного падежа; отсутствует указание на спряжение у глаголов и т. п.) полностью справедливо, но не будем забывать назначение словаря — не описательное, но практическое. Отсюда и корень следующего замечания, что много слов пропущено: количество слов в словаре зависит от его назначения.

Больше всего путаницы возникло, мне кажется, в связи с последним пунктом в «недостатках»: «Фразисов и идиотизмов нет, которые в лексиконах быть должны» (Ломоносов 1955, IX, 623). Дандоло в своем ответе оправдывается, приводя пословицу о синице в руке, которая была в первоначальной редакции Лексикона, а потом начинает вносить исправления в свой словарь, насыщая его цитатами из античных писателей и философов. Так, в конце статей под литерой Б он вставляет необычное слово *бълортьчїе* ради изречения Марка Аврелия: *напрасно Галлїнусъ бълортьчїемъ тищеславится, ежели дѣла ево черны*. И т. п. На самом деле нужные для его дела «фразисы» в его Лексиконе присутствовали изначально. Например, к слову *баба* в значении *poppa* Дандоло притягивает слово *бабка*, указывает на то, что оно употребляется в сочетании *бабка повивальная* и отсылает смотреть *повивальная бабка*. Со словом *счастїе* (*sorte, fortuna, felicità, ventura*) он рассматривает и устойчивый оборот *по счастїю (à sorte)*. Такие единицы гораздо полезнее иностранцу, изучающему русский язык, чем переведенные и малоизвестные афоризмы.

Из выделенных Ломоносовым «погрешностей» надо согласиться с «неточным наблюдением алфавита» (Ломоносов 1955, IX, 623). Эти нарушения касаются, в основном, несоблюдения азбучной последовательности вторых и третьих букв слова, что затрудняет поиск слова в словаре. Вот пример словорасположения в Лексиконе: *алчу, атласъ (atlante), атласъ (raso), англїя* [на полях], *ахъ, ароматы, алый, анбаръ хльбный* и т. п. Во втором своем словаре Дандоло исправляет этот недочет.

Рецензент приводит некоторые примеры неправильно написанных русских слов, а также «будущие времена вместо настоящих вместо темы положенные» — таких он указывает всего две статьи: *растерзаю* и *послушаю*.

Дандоло отвергает обвинение в использовании «нововымышленных слов», ссылаясь на то, что такие слова есть в Лексиконе Федора Поликарпова (и так мы узнаем один из источников Лексикона Дандоло). Действительно странно, что к этой категории критик отнес такие единицы, как *решительно*, *раболепность*, *опредѣлительно*, *путешественный* (фиксируется, по данным словарей, с XVI века), *квасноватый* (фиксируется Словарем русского языка XVIII века в значении 'кисловатый'). То есть большинство слов из «нововымышленных» таковыми не являются.

Наконец последняя «погрешность» состоит в ложных переводах русских слов на латинский и другие языки. Но этот пункт наиболее подвержен субъективизму. Почему перевод слова *кабакъ* как *taberna*, *рядовой* как *miles*, *semplice soldato*, *раченіе* как *cupido*, *desiderium* и т. п. не верны? Не сам ли критик только что говорил о многозначности русских слов, а теперь считает ошибочным перевод слова *рыхлый* как *mollis* 'мягкий' (лат.), *tendre* 'нежный' (франц.), *morboſo* 'болезненный' (ит.)?

Некоторые замечания Ломоносова справедливы, некоторые субъективны, а некоторые связаны с тем, что он не учитывает предназначения представленного Академией Лексикона, не претендующего на роль фундаментального грамматического и лексикографического описания русского языка, а созданного для таких же, как сам Дандоло, людей, решившихся преодолеть трудности нового для них иностранного языка.

В целом, Лексикон Георгия Дандоло представляет возможность исследователю получить дополнительную информацию о языковой картине XVIII века, взглянув на нее через наблюдения лексикографа, для которого русский язык не был родным.

Архивные материалы

Отдел Рукописей и Редких Книг Казанского (Приволжского) Федерального Университета: Дандоло Г. Леѣиконъ російско-латинско-италіанско-французкій. ОРРК НБ КФУ (Казань), № 4479.

Литература

- Аблов, Николай Н. 1941. "Сподвижник Ломоносова, первый русский книговед — Андрей Богданов (1693–1766)." *Советская библиография* 1 (19): 134–51.
- Артемьев, Александр И. 1882. *Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Императорского Казанского университета*. Санкт-Петербург: Изд. Археогр. комис.
- Ломоносов, Михаил В. 1955. *Полное собрание сочинений*. Т. IX. Москва: Издательство АН СССР.
- Материалы для истории Императорской Академии Наук*. 1897. IX. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- Материалы для истории Императорской Академии Наук*. 1900. X. СПб: Типография Императорской Академии Наук.
- Николаев, Геннадий А. и Наталия Г. Николаева. 2007. "Рукописные лексиконы XVIII века Георгия Дандоло (из фондов научной библиотеки Казанского университета)."

- В VIII Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова. *Славянская филология в современной системе университетского словообразования: Материалы международной научной конференции (12–13 сентября 2006 г.)*, 108–115. Санкт-Петербург: Филол. фак. СПбГУ.
- Попов, Нил А. 1859. “Георгий Дандоло, русский лексикограф и переводчик прошлого столетия.” *Библиографические записки* 7: 195–220.
- Радзиевская, Софья Б. 1958. *Описание рукописей научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского*. Вып. II: Лингвистика. Казань: Казанский Гос. Университет.
- Сорокин, Юрий С. 1965. “О «Словаре русского языка XVIII века».” *Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века*, 5–42. Москва: Наука.
- Di Salvo, Maria. 2011. “Дж. Дандоло и его русская «грамматика» (1747 г.)” In Maria Di Salvo. *Italia, Russia e mondo slavo. Studi filologici e letterari*. A cura di A. Alberti. M. C. Bragone, G. Brogi Bercoff, L. Rossi, 7–11. Firenze: Firenze University Press. [Reprint from: Di Salvo, Maria. 2001. “Дж. Дандоло и его русская «грамматика» (1747 г.)” In *Reflexions on Russia in the Eighteenth Century*, edited by Klein, Joachim, Dixon, Simon, and Marteen Fraanje, 322–27. Köln: Böhlau].

PART III

Cultural transfer

Перенос-перевод-локализация европейских научных знаний в учебниках Копиевского

Юрий Зарецкий

Abstract: *The Transfer-Translation-Localization of European Scientific Knowledge in Kopievsky's Textbooks.* The article examines the methods of introducing European scientific knowledge into the Russian language used by Ilya Fedorovich Kopievsky (ca. 1651–1714) in his textbooks, compiled and published in Amsterdam by decree of Peter the Great. Particular attention is paid to the strategies and techniques used by Kopievsky when transferring this knowledge into a different linguistic and cultural environment. To denote these strategies and techniques, along with the concepts of “translation” and “compilation,” the article uses the notion of “localization.” In the opinion of its author, this notion more accurately reflects both the essence of Kopievsky’s efforts and the process of transferring European knowledge to Petrine Russia as a whole.

Keywords: European science, Russian language, Ilya Kopievsky, translation, localization of knowledge

1. Введение

1.1 Перенос

Хорошо известно, что задача распространения европейских научных знаний была важной частью петровского проекта модернизации России. В этой связи историки часто упоминают план Готфрида Лейбница (Gottfried Wilhelm Leibniz, 1646–1716), проявлявшего особый интерес к России и высоко ценившего достоинства молодого царя. Первый набросок этого плана был изложен немецким ученым на французском языке в записке 1697 года. Представляя его суть, он использовал понятие «пересадки» (“transplanter”) научного знания на новую почву наподобие пересадки растений (Лейбниц 1873, 15). В *Записке* 1708 года на ту же тему, составленной теперь на немецком языке, Лейбниц предлагал Петру более развернутый вариант этого плана. Речь здесь шла о «введении» (Einführung) «наук и художеств» в России, состоящем из двух этапов: «переноса» (Beibringung) и последующего «возделывания» (Fortpflanzung) (Лейбниц 1873, 95–9; Герье 2008, 648–50). На первом, считал Лейбниц, главную роль должны играть люди, которые хорошо разбираются в науках, и научные книги. О последних он говорит особенно подробно. Эти книги должны составить библиотеку, включающую издания по всем важнейшим областям научных знаний: от математики до истории. Что касается

Jurij Zareckij, Higher School of Economics, Russian Federation, yzaretsky@hse.ru, 0000-0002-3923-8775
Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)
FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Jurij Zareckij, *The Transfer-Translation-Localization of European Scientific Knowledge in Kopievsky's Textbooks*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.27, in Svetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 355-372, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

их языков, то в основном, считал Лейбниц, это должна быть латынь, хотя в России стоило бы также иметь «хорошие сочинения на немецком, английском, голландском, французском и итальянском языках» (Герье 2008, 649).

1.2 Перенос и перевод

Не вызывает сомнений, что многие из предложений знаменитого ученого, изложенные им в обоих записках, не были откровением для Петра. Во всяком случае, «перенос» научных знаний он стал осуществлять уже в самом начале своего царствования, приглашая в Россию «знающих людей» из европейских стран: инженеров, архитекторов, кораблестроителей, военных, мореплавателей. Не вызывает также сомнений, что молодой Петр прекрасно понимал и исключительную роль, которую должна сыграть печатная книга в строительстве новой России. Однако для достижения этой цели он считал первоочередной задачей не собрание обширной библиотеки на иностранных языках, а издание сочинений европейских ученых в русских переводах. Об этом свидетельствует книгоиздательская политика Петра, результатом которой стало появление на русском языке тысяч томов «ученых» книг разнообразной тематики¹. Очевидно, что при таком способе «переноса» важнейшим инструментом трансформаций культуры должен был стать письменный перевод.

1.3 Перевод и локализация

Точность перевода с одного языка на другой, как это известно большинству переводчиков, — понятие относительное, зависящее от конкретного контекста. Если речь идет о старых переводах, особенно выполненных до Нового времени, то нередко бывает даже трудно сказать, являются ли они переводами или вольными переложениями исходных текстов (Bassnett 1998). Однако гораздо реже мы обращаем внимание на то, что та же проблема актуальна и в наши дни. Свидетельством ее злободневности стало появление в конце 1990-х годов в теории перевода термина «локализация». Позднее он превратился в понятие, хорошо знакомое сегодня профессиональным переводчикам, особенно работающим в сфере IT и глобальной экономики (Apter 2001; Cronin 2003).

В теоретическом контексте появление нового понятия стало результатом признания влиятельной группой лингвистов принципиальной невозможности абсолютно точного перевода с одного языка на другой. Во-первых, из-за того, что перевод адресован аудитории, находящейся в иной языковой ситуации / среде, вследствие чего априори должен отличаться от оригинала. Во-вторых, из-за того, что основополагающие принципы перевода исторически и куль-

¹ Обозначение «русский язык» здесь и дальше в статье достаточно условно, поскольку его стандарта в то время не существовало и язык Московской Руси называли по-разному.

турно изменчивы². То есть искать какой-то универсальный инвариантный способ его осуществления бесперспективно. Результатом признания неизбежной неточности перевода стало смещение внимания лингвистов с исходного текста, воспроизводимого на другом языке, на конечную цель и назначение перевода, то есть на его потребителя.

Некоторые исследователи, впрочем, считают, что понятие «локализация» избыточно, поскольку в широком смысле «перевод» принципиально не отвергает возможность отступлений от исходного текста. В ответ на этот аргумент их оппоненты делают акцент на различиях между обоими. «Перевод», говорят они, означает процесс преобразования текста для получения его точного эквивалента в другом языке. При этом главной целью такого преобразования является сохранение исходных значений. «Локализация» же подразумевает сочетание языковой эквивалентности нового текста с культурными отличиями аудитории. Тем самым они подчеркивают, что прямой перевод с одного языка на другой далеко не всегда ведет к уяснению адресатом содержания исходного текста.

В связи с появлением этого нового понятия и дискуссиями вокруг него возникает вопрос, непосредственно относящийся к теме этой статьи: не лучше/точнее ли будет говорить о процессе «локализации» для уяснения механизма «переноса» европейского научного знания в учебных изданиях петровского времени? Ведь свою первоочередную задачу в деле просвещения подданных Петр видел как раз в издании иностранной научной литературы на русском языке.

2. Первый издательский проект Петра

Петр сначала решил печатать русские научные книги в Голландии, находясь там во время Великого посольства³. Как он разъяснял цель этого издательского проекта в своем указе, «ко общей народной пользе и прибытку, и ко обучению всяких художеств и ведению» (*ПСЗРИ* 1830 4, 6). Формальным исполнителем этого замысла он назначил купца Яна Тессинга, предоставив ему монополию на продажу русских книг в России. Поскольку необходимых знаний для создания русской типографии, а также составления, перевода и печатания русских книг у Тессинга не было, ему пришлось привлечь к новому делу Илью Федоровича Копиевского (Копиевича). Это был выходец из земель Великого княжества Литовского, который обучал в то время в Амстердаме

² Начало принципиального расширения смысловых рамок теории перевода обычно относят к концу 1980-х годов и связывают с влиянием постколониальных и культур-антропологических исследований. В связи с этой тенденцией лингвисты говорят о «культурном повороте» в теории перевода, начало которого они связывают с выходом сборника статей *Translation, history, and culture* под редакцией Сьюзен Баснетт и Андре Лефевра (Bassnett and Lefevere 1990).

³ См. новые работы об этом издательском проекте Петра: Vragone 2007; Зарецкий 2020, Зарецкий 2021b.

русских дворян и волонтеров разным «искусствам». Будучи неплохо образован, а также свободно владея несколькими языками (церковнославянским, западнорусским, разговорным «московским», латынью, голландским и польским, а также в какой-то мере немецким и древнегреческим), он стал главным действующим лицом в создании целой серии первых русских «ученых» книг⁴. Меньше чем за полтора года им было составлено, переведено и издано в типографии Тессинга семь небольших по объему учебников по разным областям знаний. Затем, уже после разрыва с Тессингом, Копиевский продолжил свою издательскую деятельность, напечатав сначала еще три книги в Амстердаме, а затем последнюю, одиннадцатую по счету, в пригороде Гданьска Штольценберге (Зарецкий 2022b).

3. Стратегии Копиевского

Очевидно, что переложение Копиевским на «русский диалект» европейских научных знаний было делом очень непростым. Ему приходилось не только искать русские эквиваленты иностранных ученых слов, принимать решения относительно лексико-грамматических и стилистических норм, но и самостоятельно истолковывать смыслы иноязычных терминов и понятий для переноса их в иноязычную и инокультурную среду. Помимо этого, чтобы сочинения европейцев были не только поняты его читателями, но и приняты ими, ему приходилось активно вмешиваться в содержание исходных текстов: сокращать, включать добавления от себя и даже частично изменять их содержание. То есть, создавая русские учебные книги, Копиевский выступал не только — и даже не столько — как переводчик в современном смысле слова, сколько как толкователь, компилятор, редактор и автор, причем эти его роли часто невозможно разделить. И объясняются эти его вольности в отношении исходных текстов не только переводческими традициями того времени. Главная задача Копиевского состояла в том, чтобы европейские знания соответствовали «горизонту ожиданий» российских читателей помимо научного еще и в общекультурном смысле⁵. Или, если употребить используемое в этой работе в качестве рабочего инструмента понятие, их следовало «локализовать».

3.1 Расположение читателей

Как человек, выросший в мультикультурном и мультиконфессиональном Великом княжестве Литовском и имевший опыт жизни в Московии, Копиев-

⁴ Биографические сведения о Копиевском см.: Пекарский 1862; Быкова 1958, 318-41; Nowak 1970; Лісейчыкаў и Иванова 2020; Зарецкий 2021c.

⁵ Здесь и дальше имеется в виду «Erwartungshorizont» – понятие, разработанное Х.Р. Яуссом (Hans Robert Jauss, 1921–1997) для обозначения отношений а) читателя к содержанию сочинения до его прочтения (например, когда он держит в руках книгу, но еще ее не открыл) и б) автора к воображаемому читателю в ходе работы над своим текстом (Яусс 1994).

ский не мог не понимать, что составленные и изданные им книги могут быть встречены многими их читателями настороженно или даже враждебно. Тем более, что, как значилось на их титульных листах, они печатались не в Москве и даже не в Киеве, а в каком-то мало кому известном «Амстеродеме». Еще лучше он, конечно, понимал, что они должны быть благосклонно приняты Петром I, их главными заказчиком.

Именно поэтому он начинает свои книги с увещаний о том, что они являются «правильными» по содержанию, то есть безупречными с вероисповедной точки зрения. Настойчивые повторения этих увещаний обычно содержатся в их введениях, названия которых повторяют традиционные формулы предисловий богослужбных книг Московского печатного двора: «Читателю благочестивому и благоразумному в Господе радоваться, здравствовать и умудряться»; «Читателю благочестивому в Боге радоваться и здравствовать»; «Читателю благочестивому и благоразумному в Господе радоваться, здравствовать же и умудряться» (Копиевский 1699а; Копиевский 1699b; Копиевский 1699с; Лев VI 1700)⁶.

При этом Копиевский на разные лады повторяет, что обращается он именно к православному читателю. Почему-то особенно настойчиво — в предисловии к пособию по мореплаванию Дегафа: «Сие же известно ти буди, православный читателю [...]», «Веждь о сем, всяк православный читателю [...]», «Благоизволишь ли, православный читателю [...]», «Благоизволит ли, православный читателю, вникнуть в сию книгу: обрящеши в ней пречудныя дела Божия [...]», «Веждь же о сем, всякий православный читателю, яко сия книга полезна есть к обучению и желаемому благоискусству [...]» (Деграф 1701). Что касается его собственной конфессиональной принадлежности, то во всех случаях о ней он благоразумно умалчивает, ограничиваясь лишь заверением читателей, что верует в единого с ними Бога: «И тако избрахом помощию всемогущаго Господа Бога нашего [...]», «помощию всемогущаго Господа Бога нашего», «[...] благоугодно Господем нашим Иисус Христом» (Копиевский 1699а).

Еще один прием, используемый Копиевским для расположения читателей — это прославление «славянороссийского народа». В предисловии к учебнику всемирной истории он заявляет, что не стал бы писать свою книгу «варварскому какову народу». К славянороссийскому же обращается без всяких колебаний, поскольку тот не только не принадлежит к числу варварских, но даже «по благодати Духа Святаго» превосходит прославленные европейские своими нравственными качествами. Для сравнения он приводит здесь пример итальянцев и французов: «Славнии италиане, французы, но точию в своей земли, за рубежем — варвари тщеславнии. Славянороссийский же народ славный, не тщеславный, смиреномудренно держится» (Копиевский 1699а).

⁶ Здесь и дальше цитаты из книг Копиевского вследствие их часто ошибочной пагинации даются без указания страниц.

3.2 Сокращение

Копиевский тоже не мог не понимать, что читателями его книг не будут поняты и приняты полные дословные переводы пространных сочинений иностранцев. К тому же у него не было времени — и, вероятно, достаточных знаний, — чтобы такие переводы подготовить. Поэтому свою задачу он свел к радикальному сокращению исходных текстов и донесению до «славяно-русского народа» только их основного содержания. В итоге его книги часто становились краткими пересказами и/или компиляциями, за которыми оригинальные сочинения сегодня едва угадываются.

Показательным примером в данном случае является *Введение краткое*, где изложение всемирной истории вместе с географическим описанием Земли и толкованием исторических понятий укладывается меньше чем в семьдесят страниц⁷. Другой пример — перевод/пересказ книги о воинском искусстве (Лев VI 1700). В латинском издании трактат византийского императора включает 20 глав, тогда как в русском их 14, к тому же содержание некоторых передано в сильно сокращенном виде (Bragone 1996: 10–4). В итоге текст Копиевского получился примерно в 20 раз короче латинского оригинала⁸. То же самое можно сказать и о сочинениях, включенных в стостраничное приложение к труду Льва VI (*Синописис вторая или краткое собрание с книги Старовольскаго и от разных летописцев, и многих царей, князей, и храбрых гетманов и воинов о деле воинственном, в притчах списано [...]*), русский текст здесь как минимум в пять раз меньше латинского оригинала Старовольского (Starowolski 1640). Не является в данном случае исключением и *Книга учащая морского плавания*: переложение Копиевским на русский язык содержания семисотстраничного труда голландского математика заняло в ней меньше 150 страниц (Деграф 1701; De Graaf 1658).

3.3 Упрощение

Очевидно, что следствием таких существенных сокращений исходных текстов становилось упрощение их содержания. В некоторых случаях, впрочем, особенно когда Копиевский обращал книгу к юным читателям, об этом упрощении он объявлял во всеуслышанье. В частности, в предисловии к учебнику арифметики, представлявшему читателям на тринадцати страницах ряд натуральных чисел и четыре основных арифметических действия вместе с примерами. Здесь прямо сказано, что поскольку книга обращена к детям, в ней содержатся лишь азбучные знания, необходимые для самых простых вычислений: «[...] в ней же списано есть пять частей правильных арифметических или

⁷ При подготовке этого учебника Копиевский явно заимствовал сведения из нескольких латинских сочинений, однако выяснить, каких именно, можно только очень приблизительно (Зарецкий 2022а, 19).

⁸ В отличие от других, эта книга Копиевского включает ссылку на конкретное издание, которым он пользовался – латинский перевод греческого оригинала с посвящением Джона Чека (John Cheke) английскому королю Генриху VIII (Leo VI 1554).

счотных, ащеже и кратко, но внятно, откровенно и совершенно, яко и малое отроча скоро познает и увестъ всяк счот удобее помощью Божиею» (Копиевский 1699b). Из другого заявления в конце учебника, сделанного Копиевским после представления арифметических действий, также следует, что его книжица предназначена для детей и содержит лишь самые элементарные сведения: «Сищеже чрез все числа преити может отроча в кратце и совершенно познает основание твердое» (Копиевский 1699b).

3.4 «Улучшение»

Стремясь к тому, чтобы его книги были благосклонно приняты «славяно-русским народом», Копиевский включает в свои перепевы-пересказы-компиляции также собственные добавления, «улучшающие» исходные тексты. Задача этих добавлений состояла в том, чтобы максимально приблизить содержание трудов европейских ученых к «горизонту ожиданий» русских читателей. Одним из наиболее выразительных примеров здесь является вставка в учебник всемирной истории, где ради создания образа Руси как древнейшего и величайшего государства, он обращается к библейским сюжетам. В разделе «Славнейшие реки восточные» Копиевский сначала, следуя распространенному в его время представлению, соотносит название Москвы-реки с именем «праотца российского» Мосоха, после чего неожиданно уподобляет территорию Российского государства новому Раю: «Сие же три реки, Днепр, Москва и Дзвина, от единого изшедши (аки из Едема) места, разыдошася на три начала по образу райскому» (Копиевский 1699a). После этого он призывает читателя обратить на это подобие сугубое внимание («Иже чтет да разумеет, где мудрость есть, иже имать ум») и заканчивает заверением, что над «славяно-русским народом» «искони сияет благодать Вседержителя Господа Бога нашего, аки над вторым Парадызом [...]» (Копиевский 1699a). Очевидно, что это неожиданное отступление в тексте учебника, представляющего традиционный для европейской историографии «западноцентричный» рассказ о всемирной истории, должно было компенсировать отсутствие в нем не только каких-то сведений о далеком прошлом российского государства, но даже упоминаний о нем.

Схожее по своей сути «улучшение» Копиевский вносит и в *Краткое собрание Льва Миротворца* (Лев VI 1700). В этом случае он добавляет в свой перевод главку «О народе славяно-русском» (разумеется, отсутствующую в сочинении византийского императора), где Льву VI приписывает слова, этот народ превозносящие: «Славяно-русский народ в велие множество возрасте, народ крепкий и можный, его же отец мой Василий кесарь греческий, помощью Божию, святым крещением просвети [sic] и властители по обычаю своему им устави. Сии славяне древних лет великое разорение делаша в земли греческой» (Лев VI 1700). Примечательно, что это добавление Копиевский не считает отклонением от точности своего перевода. Во всяком случае, на титульном листе книги он во всеуслышанье заявляет, что в ней сочинение византийского императора «от латинского языка на славяно-русский достоверно преведено» (Лев VI 1700).

4. Конкретные примеры и приемы

4.1 Элементарные знания

Разумеется, Копиевскому не требовалось добиваться расположения читателей к содержанию книг научно-технического характера. В этом случае его задача состояла исключительно в том, чтобы в сокращенном и упрощенном виде донести до них основы европейских наук. Поскольку основная трудность здесь заключалась в отличиях специальных символов и терминов, принятых в России и Европе, свои главные усилия он направил на установление соответствий между ними. Эта задача упрощалась тем, что многие из них, особенно наиболее употребимые (преимущественно арифметические, астрономические, геометрические и землемерные), были известны его читателям из рукописных книг⁹. Сложнее обстояло дело с обозначениями узкоспециальными. В этих случаях Копиевскому нередко приходилось самому изобретать их русские эквиваленты и давать им собственные толкования.

4.1.1 Числа

Самые элементарные соответствия европейских и российских символов Копиевский дает в *Арифметике*, представляя арабские и римские числа в соотношении с их буквенными славянскими обозначениями. Сначала он приводит здесь ряд арабских цифр с их названиями на русском языке, затем — тот же ряд параллельно со славянскими буквенными обозначениями, наконец — ряд римских цифр, снова параллельно со славянскими. В последнем случае Копиевский делает примечательное добавление общеобразовательного характера. Римские цифры, разъясняет он своим юным читателям, применяются в ученых книгах европейцев — «... книжных числ всяя Европы римских» (Копиевский 1699b).

Очевидно, что все три обозначения цифрового ряда были известны русским книжникам второй половины XVII века (Брагоне 2012, 78–9). Однако их наглядное представление в виде таблиц с безыскусными пояснениями помогало закрепить в памяти учеников соотношение славянской системы счета с принятыми в Европе. Эту же дидактическую цель преследовала и бесхитростная рекомендация Копиевского использовать при счете пальцы на обеих руках, не забывая, как в этом случае нужно обозначить ноль: «Всякое число по единому перст знаменует, оник с первым десятой перст изобразует» (Копиевский 1699b).

Малознакомые русским читателям имена, названия и термины Копиевский употребляет здесь только в редких случаях, приводя следом их славянские си-

⁹ О математических и естественнонаучных знаниях на Руси в целом см.: Естественнонаучные представления Древней Руси 1988, Симонов 2007; 2023. О языковом аспекте переноса иноязычных терминов и понятий на рубеже XVII и XVIII столетий: Кутина 1964, 1966. Примеры использования физико-математической терминологии в русских рукописях XVII века см.: Бобынин 1886, 1893.

нонимы и трактовки. Например, для мало кому понятного словосочетания «стол Пифагорев» он приводит синоним «лествица умножения перстов» (т. е. таблица умножения) (Копиевский 1699b). Как отмечает в этой связи современная исследовательница, такое использование иностранных обозначений Копиевским свидетельствует о его желании «с одной стороны, дать школьникам разные названия терминов, познакомить с западной традицией, с другой стороны, сделать текст понятнее, адаптировать его именно для русского читателя, ученика ...» (Крюк 2015, 127).

4.1.2 Летоисчисление и календарь

В ходе сближения России с Европой, стремительно ускорившегося в конце XVII века, немаловажным в практическом отношении было разъяснение читателям расхождений между русским календарем и календарями европейцев. Это разъяснение далось Копиевскому непросто в силу как давней и запутанной истории способов и порядка исчисления времени, так и причин возникновения этих расхождений. Однако очевидная актуальность задачи, судя по всему, не оставляла ему выбора.

В предисловии к учебнику всемирной истории он говорит о двух системах летоисчисления, хорошо известных русским читателям: «исторического» (от рождения Христова) и «еврейского» (от сотворения мира). И дальше разъясняет, что от рождения Христова между российским и европейским счетом времени (т. е. Юлианским и Григорианским календарями) по годам различия отсутствуют: «вся вселенная в летописание соглашается». (Копиевский 1699a). Однако не ограничиваясь этими лапидарными сведениями, он считает необходимым путанно и с ошибками (якобы у римлян год некогда составлял восемь месяцев) разъяснить, как сложилось это «согласие» календарей исторически. «Сие же описание времен историческое соглашается с российским сим образом. Егда от соединения престола и кесарства греческаго с римским изыимется на всяк год по четыре месяца, (имеяху бо римляне долгое время точию по осми месяцы лето) сочешши же греческия олимпиады и период или отворот и круг юлианов, толико тысящей лет соделает, колико и российский счет. И паки придавши греческому по четыре месяца на всякое лето от соединения с римляны до Рождества Христова толико лет соделает, колико и европская история или летописие» (Копиевский 1699a).

4.1.3 Меры длины

Многим читателям книг Копиевского было необходимо соотносить единицы измерения длины, принятые в Европе, с российскими в своей практической деятельности¹⁰. Решению этой задачи должен был помочь один из разделов географического обзора, помещенного в учебник всемирной исто-

¹⁰ О старых русских мерах длины см.: Романова 1975, 2017; Белобров 2021.

рии: «О помере земном еометрычном» (Копиевский 1699а). Содержание его автор представляет как «Помер земный, с летописцов изъяснейших зело полезный и по всей вселенней употребляемый» (Копиевский 1699а).

Сначала Копиевский знакомит здесь читателей с несколькими европейскими мерами длины (двумя немецкими милями, французской, польской и итальянской), затем приводит различия между ними и, наконец, дает их соотношение с русскими (верстой и шагом): «1. Миллиаре, сиречь миля немецкая великая, содержит в себе пять тысяч степеней, подвигов 40. Пять верст русских, 5000 степеней» и т.д. (Копиевский 1699а). В некоторых случаях к представлениям европейских мер и сравнениям их с русскими Копиевский добавляет пояснения исторического характера¹¹. Наконец им приводятся более мелкие европейские меры длины (локоть, стопа, ладонь, перст и др.), которые снова сопоставляются с русскими. В дополнение к представлению единиц измерений конца XVII века он делает историческое отступление, рассказывая о древнеримских миле и стадии, приводит их величины и сообщает о происхождении этих мер. Заканчивает же он этот раздел изображением земного круга с указанием длины его окружности и диаметра в милях.

4.2 Специальные знания

Однако, помимо этих элементарных сведений, Копиевскому приходилось представлять читателям и гораздо более сложный материал, требующий от них не только усвоения содержания специальных научно-технических терминов и понятий, но и умения практического использования новых знаний. Больше всего такого материала содержалось в пособии по мореплаванию Деграфа, по которому русским морякам следовало научиться определять местоположение корабля. Они должны были получить представление о работе со специальными навигационными приборами, овладеть методами геометрических измерений, познакомиться с основами космографии и географии, научиться осуществлять математические вычисления с помощью логарифмических таблиц и т.д. Малоизвестные или вовсе неизвестные русским людям научные термины включали также учебник астрономии и два словаря («номенклатора») Копиевского, хотя их содержание не имело практического значения, сравнимого с пособием Деграфа (Копиевский 1699с; Копиевский 1700а; Копиевский 1700b). Да и научные лексемы встречались в них гораздо реже.

4.2.1 Пособие по мореплаванию

Сокращение и упрощение книги Деграфа Копиевским отнюдь не противоречило его задаче максимально точно и ясно переложить на русский язык ос-

¹¹ Напр.: «Леука (от греч. Λευκός) толико ж подвигов и степеней имеет, колико и миля французская. Беретжеся от греческаго слова леука, сиречь белая, понеже древних лет измерение делаша, во многих странах на пути белым камением покладаяще помер земли или дороги» (Копиевский 1699а).

новное содержание навигацкой науки. Этому требовал сам характер издания, предназначенного для использования в качестве практического руководства для мореплавателей (Деграф 1701). К тому же перевод/пересказ этого труда рецензировал Федор Головин, по распоряжению которого и готовилась его публикация¹². Больше того, мы знаем, что к этой работе Копиевскому пришлось возвращаться дважды, поскольку первый ее вариант, подготовленный в 1697 году, Головина не удовлетворил¹³. О том, что опубликованный перевод был повторным и улучшенным говорит и титульный лист книги, объявляющий о том, что он «совершенней перваго». Об этом же свидетельствует Копиевский в посвящении Головину в ее начале: «... совершенный... и во мнозе исправней писанья и пространней прибавивши».

В предисловии, представляющем читателям научное содержание книги, Копиевский объявляет, что помимо мудреных латинских терминов она включает и их истолкования. В частности, когда речь идет о небесном своде: «Всякого круга [небесного] имя Латинския литеры сказывают и толкование их совершенно изъясляет». Он также обращает внимание читателей на то, что после изложения содержания книги голландского ученого им добавлены его собственные разъяснения, относящиеся к наиболее трудным ее местам: «Труднейшыя имена и речения, к лучшему познанию, на концы сея книги положих». И по своему обыкновению не забывает добавить, что перевел труд голландца ясно и точно: «верне, внятно и вразумительно в переводе моем написах».

Очевидно, что переложение научно-технических сведений книги Деграфа на русский давалось Копиевскому очень непросто. Ему приходилось объяснять читателям много новых для них вещей: как осуществлять расчет отклонения компаса, определять направление движения по значению румба и географическую широту по солнцу или звездам, как применять градшток для измерения высот светил и т.д. Тем не менее, он убеждает их, что после прочтения этой книги они приобретут важнейшие знания и умения, необходимые мореплавателю: «вознесение солнца или звезды полуденное различными инструментами, сиречь посудами, может высмотрети; от них же первейшее место имать жезла астрономичный, сиречь лук, зовомый немецки Градбоген» и т.д.

Не ограничиваясь разъяснением существа этих практических знаний и умений, для закрепления теоретического материала Копиевский включает в раздел «Искушение или свидетельство Шыперское» 20 навигационных задач Деграфа с ответами. Наконец, в отдельном приложении, в точности перепе-

¹² Об этом сказано в начале книги в посвящении Головину: «Книга повелением Превосходительныя Велможности вашей государя нашего премилостивейшаго написана быть».

¹³ О работе Копиевского над этим переводом/пересказом см.: Зарецкий 2022с, 16–8. Примечательно, что в 1705 году книга Деграфа была повторно отправлена на рецензию, теперь в Москву («у математиков московских испытана»), и получила одобрение Петра (Зарецкий 2023, 184–86).

чатанном из голландского издания, он приводит логарифмические таблицы, необходимые штурманам для облегчения математических вычислений.

С точки зрения конкретной практики переноса знаний особенно показательны заключение и краткий толковый словарь, добавленные Копиевским в конце книги. В заключении он объявляет об огромной пользе, которую принесет сочинение Деграфа не только морякам и путешествующим по суше, но и вообще всем россиянам («дома сидящим»). И здесь же, демонстративно исправив ошибку, допущенную «неискусным» художником в изображении глобуса, в очередной раз подчеркивает свое стремление к точной передаче смыслов исходного текста¹⁴. В небольшом словарики, имеющем многообещающее заглавие «Толкования имен труднейших в сей книзе писаных, а не всякому знаемых», он приводит несколько русских синонимов латинских научных лексем, по его мнению, наиболее понятных русскому читателю: «инструменты — посуды», «экватор — верстатель», «зодиак — животворный круг», «горизонт — окоем» и т.д.

Не исключено, что такая навязчивая демонстрация стремления к точности перевода была здесь показной: хорошо помня, что предыдущая версия его перевода/пересказа была отвергнута Головиным, Копиевский просто хотел во всеуслышанье объявить, что эта лишена прежних недостатков.

4.2.2 Учебник астрономии

Без разъяснения специальных научных терминов и обозначений Копиевскому было не обойтись и в сорокастраничном учебнике астрономии, которому, как и другим своим книгам, он дал многообещающее название: «Уготовление и толкование ясное и зело изрядное, краснообразнаго поверстания кругов небесных» (Копиевский 1699с). Эти разъяснения содержатся здесь в специальном разделе «Толкование греческих и латинских слов или имен». Как и в других случаях, они по большей части незамысловаты и сводятся к подбору русских синонимов иноязычных лексем: «Глобус. Знаменуется: 1. круглость, 2. обод, 3. окружение неба и земли. Цыркулюос: круг всякий. Градус: степень, сей степень» и т. д.

Более сложную задачу Копиевскому пришлось решать при передаче на русском языке латинских названий созвездий в приложенной к учебнику небесной карте северного полушария. Сугубая важность «правильности» их русских обозначений диктовалась практическими потребностями: по этой карте читатели (прежде всего, путешественники, но не только) должны были легко найти эти созвездия на ночном небе.

«Изобретая» русские обозначения созвездий Копиевский использовал разные приемы. Одним из них была адаптация общепринятых латинских на-

¹⁴ «[...] Понеже художник и строитель сего изображения не искусный бе, поставил литеру Е, знаменующую Экватора, опричноно. Тоя литеры десятины все не принадлежат Глобусу. Паки трижды поставил по десяти [...]» (Деграф 1701).

званий к условиям жизни «славянорусского народа». Так Волопаса (лат. *Boötes*) он превращает в «Медведника», справедливо полагая, что образ мужика-скомороха, ведущего на цепи медведя, хорошо известен его читателям («Боот или пастырь, который волю женет, но лучше наречется Медведником, есть убо деревенский мужик»)¹⁵.

В другом случае вместо прямого перевода восходящего к греческой мифологии и малоизвестного русскому читателю названия *Pegasus*, он обращается к сходству очертаний созвездия с летающим конем. Здесь он сначала дает транслитерированный оригинал соответствующего латинского словосочетания, а затем его русский перевод: «Еквус Алятус, есть Летающий Конь». А в описании созвездия Ориона Копиевский использует христианскую символику: три звезды в поясе древнегреческого охотника он соотносит с тремя царями, пришедшими к младенцу Христу: «Орион, великий ловец, который Быку сопротивляется; его же Псы последуют, пояс его суть три царие».

Впрочем, чаще всего при обозначении созвездий он поступает проще: сначала приводит русский перевод латинского названия и следом его транслитерированный оригинал (либо наоборот). Как, например, в случае с представлением созвездия Козерога: «Козел или Кожирожек, зовомый Каприкорнус».

4.2.3 Номенклаторы

Разного рода трудности переложения иноязычных лексем Копиевскому приходилось преодолевать и в двух номенклаторах (латинско-русско-немецком и латинско-русско-голландском), включавших одинаковый набор слов, по большей части не связанных с сугубо научной или технической лексикой (Копиевский 1700а; Копиевский 1700b). Однако специальные термины, в частности астрономические и особенно медицинские, в них все же встречались¹⁶.

Достаточно очевидно, что при истолковании латинских терминов он чаще всего руководствовался немецкой языковой традицией. Так, например, в разделе «О мире, стихиях и небеси» латинско-русско-немецкого номенклатора читаем: «*Cometa, cometes* / Комета, или метла на небеси / *Stern mit einem Schwand*» (Копиевский 1700а). То же самое и при переводе в этом же разделе латинского названия созвездия Большой Медведицы: «*Ursa Major* / Воз или колесница на небе / *Der Wagen*». Зависимость русского понятия от немецкого слова не вызывает сомнений и в разделе «О болезнях и немощах»: «*Vertigo* / Заворот главы / *Schwindel*»; «*Cancer* / Чырей, рак или волк / *Krebs, oder fressend Wolff*»; «*Dysenteria* / Кровная немощь / *Die rote Ruhr*».

¹⁵ Впрочем, не исключено, что «Медведника» Копиевскому подсказало здесь немецкое обозначение этого созвездия (*Bärenhüter*), которое указывало на то, что оно находится вблизи Большой Медведицы.

¹⁶ Современный исследователь насчитывает в немецком номенклаторе Копиевского 319 статей, описывающих медицинские термины (Симоненко 2014, 150). Об этапах становления русской медицинской лексики в целом см.: Загрекова 2008.

oder blutgang». Как и в разделе «О изрядных мастерах» (т. е. об ученых), где астроном обозначается Копиевским путем дословного перевода с немецкого: «Astronomus / Учитель подвигов небесных / der von des Himmels lauff lehret».

5. Трудности перевода

Как мы видели, перенос европейских научных знаний в Россию был для Копиевского делом очень непростым, и его трудности имели не только языковую природу: он не мог переводить иностранные тексты слово в слово в принципе. Во-первых, потому что в русском языке многих из нужных для этого лексем просто не существовало; во-вторых, потому что при буквальном переводе труды иностранцев были бы не только не поняты «славянороссийским народом», но и не приняты им в силу культурных различий. В итоге ему пришлось прикладывать немалые усилия, чтобы сделать эти тексты «своими» для его читателей как по содержанию, так и по духу. Как эти его старания лучше обозначить? Назвать их переводом и/или компиляцией? Или здесь будет более подходящим понятие «локализация», о котором говорилось в начале статьи?

Историки прошлых лет, обращавшиеся к лингвистической стороне переноса научных знаний из Европы в Россию, понятие «локализация», разумеется, не использовали. Однако они не раз указывали, что перевод сочинений европейских ученых в петровское время встречал множество серьезных проблем, в частности, связанных с отсутствием в русском языке соответствующих научных понятий и терминов. С. М. Соловьев говорит в этой связи о «страшной трудности передачи научных понятий на языке народа, у которого до сих пор не было науки» (Соловьев 1984, 174). А П. П. Пекарский, продолжая ту же мысль, заявляет, что в России «переводить, при отсутствии грамматик и лексиконов и при малом знании иностранных языков, было не менее трудно, чем творить что-нибудь самостоятельное» (Пекарский 1873, 17). В качестве конкретного примера этих трудностей он ссылается на выразительное обращение академических переводчиков к читателям, открывающее *Краткое описание Комментариев Академии наук за 1728 год* (Краткое описание 1728)¹⁷. О чем идет речь в этом предисловии со вполне традиционным для русских печатных книг заголовком «Доброхотному российскому читателю радоваться»?

Рассуждая о трудностях перевода, его авторы сначала заявляли, что для передачи смысла какого-либо иностранного сочинения одного знания языка недостаточно: переводчику должна быть знакома еще та наука, о которой в нем говорится. К этому тезису, уже хорошо известному в петровское время, они добавляли, что, дабы перевод иностранного текста на русский язык был ясным и понятным («благоприятным»), от них требуются еще и дополнительные усилия. Посетовав таким образом читателю на свой нелегкий труд, они (очевидно, в подтверждение своих стараний) знакомили его дальше с

¹⁷ Поскольку пагинация в этом обращении отсутствует, цитаты из него даются дальше без указания страниц.

процедурой проверки качества переводов, принятой в Академии. Согласно ей сначала для работы над книгой выбирался переводчик, лучше других знакомый с ее предметом. Затем, во избежание «опасностей», его работа проходила установленную проверку: читалась вслух в присутствии других переводчиков. И только потом (скорее всего, после коллективного обсуждения и внесения поправок) отправлялась в печать.

Для лучшего понимания проблем академических переводчиков в это время особенно показательны их оправдания в конце этого обращения. Признавая, что русские переложения иноязычных сочинений бывают маловразумительными и не блещут стилем, они просят здесь «доброхотного читателя» потерпеть, пока они не приобретут больше опыта и пока русский язык науки не станет более совершенным.

Приведу в заключение эти оправдания целиком:

«Не сетуй же на перевод, якобы оный был невразумителен, или не весьма красен, ведати бо подобает, что весьма трудная есть вещь добре преводити, ибо не точию оба оные языки с котораго и на который переводится, совершенно знать надлежит, но и самыя преводимыя вещи ясное имети разумение.

Зде же по последней мере на сие смотрели, дабы оный яко вразумителен, тако и благоприятен был, ибо с таким прилежанием и опасностию в сем деле поступали, и всякому преводнику такая диссертация [рассуждения] преводить давали, о немже известно знали, что он вещь оную наилутче разумеет, к тому же и самый перевод в присутствии всех преводников читан и свидетельствован был. Ащели же предприятия опасности не благопоспешно учинилися, то сие токмо прибежище осталось, да тебе умолим, дабы слабости нашей до толе потерпети изволил, донеле же язык сам исправнее будет, и преводницы лутче обучатся» (Краткое описание 1728).

Источники

- Герье, Владимир И. 2008. *Лейбниц и его век: отношения Лейбница к России и Петру Великому*. СПб: Наука.
- Деграф, Авраам. 1701. *Книга учащая Морского Плаванья*. Амстердам: Печ. Авраам Бремман, 24 ноября.
- Копиевский, Илья Ф. 1699а. *Введение краткое во всякую историю по чину историческому от создания мира ясно и совершенно списанное*. Амстердам: Тип. Яна Тессинга, 10 апреля.
- Копиевский, Илья Ф. 1699б. *Краткое и полезное руководство во арифметику*. Амстердам: Тип. Яна Тессинга, 15 апреля.
- Копиевский, Илья Ф. 1699с. *Уготовление и толкование ясное и зело изрядное, краснообразнаго поверстания кругов небесных*. Амстердам: Тип. Яна Тессинга.
- Копиевский, Илья Ф. 1700а. *Номенклятор, на русском, латинском и голландском языке*. Амстердам: Типография Яна Тессинга.
- Копиевский, Илья Ф. 1700б. *Номенклятор, на русском, латинском и немецком языке*. Амстердам: Типография Яна Тессинга.
- Краткое описание Комментариев Академии наук*. 1728. Часть первая. Напечатана в Санктпетербурге: При Академии наук.

- Лев VI Мудрый или Философ. 1700. *Краткое собрание показующее дел воинских обучение*. Амстердам: Тип. Яна Тессинга, 1 января.
- Лев VI. 2012. *Тактика Льва*. Перевод: Владимир В. Кучма. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Лейбниц, Готфрид В. 1873. *Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому*. Издал В. И. Герье. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук.
- ПСЗРИ 1830: *Полное собрание законов Российской империи*. Т. 4: 1700–1712. Санкт-Петербург: тип. II Отделения Собств. е. и. в. канцелярии.
- Симонов, Рэм А., ред. 1988. *Естественнонаучные представления Древней Руси: Счисление лет. Символика чисел. «Отреченные книги». Астрология. Минералогия*. Москва: Наука.
- De Graaf, Abraham. 1658. *De seven boecken van de groote zeevaart, zynde een volkomen klare, en konstige beschrijvinghe der navigatie*. Amsterdam: P. Goos.
- Leo VI. 1554. *De bellico apparatu liber*. Basilea: Mich. Isingrinium.

Литература

- Белобров, Владимир А. 2021. *Традиционные русские меры длины*. Москва: Сам полиграфист (2-е изд.).
- Бобынин, Виктор В. 1886, 1893. *Очерки истории развития физико-математических знаний в России*. Т. 1–2: XVII столетие. Вып. 1–2. Москва: Ред. журн. «Физ.-мат. науки в их настоящем и прошедшем».
- Брагоне, Мария Кристина. 2012. “К истории русского Эзопа на рубеже XVII и XVIII веков.” В *Litterarum fructus: Сборник статей к 60-летию С. И. Николаева*, 75–87. Санкт-Петербург: Альянс-Архео.
- Быкова, Татьяна А. 1958. *Описание изданий, напечатанных кириллицей: 1689–январь 1725 г.* Москва: Издательство Академии наук.
- Загрекова, Елена Н. 2008. *Истоки и развитие российской медицинской терминологии: дис. ... канд. филол. наук*. Саратов: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.
- Зарецкий, Юрий П. 2020. “Первая русская зарубежная типография: голландские книги для подданных Петра I.” *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре* 5: 257–70.
- Зарецкий, Юрий П. 2021a. “Переводчик Посольского приказа Илья Федорович Копиевский.” *Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия*. Вып. 2: 59–74. Москва: ИРИ РАН. <https://iriran.ru/node/2595>
- Зарецкий, Юрий П. 2021b. “Проект Петра Первого по изданию светских учебников: осуществление замысла.” *Quaestio Rossica* 4: 1411–24. DOI 10.15826/qr.2021.4.646: <https://qr.urfu.ru/ojs/index.php/qr/article/view/qr.646> (дата обращения: 25 апреля 2023 г.).
- Зарецкий, Юрий П. 2021c. “Илья Федорович Копиевский (Жизнь и судьба одного просветителя петровского времени).” *ВИАВЛЮΘΙΚΑ: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies* 9: 32–68. DOI: (дата обращения: 2 июня 2024 г. – Л.Р.).
- Зарецкий, Юрий П. 2022a. «*Всякая история*» *Ильи Копиевского и ее российские читатели*. М.: НИУ ВШЭ. (Препринт): https://docs.google.com/viewer?url=https%3A%2F%2Fwp.hse.ru%2Fdata%2F2022%2F05%2F25%2F1814483940%2FWP19_2022_01_____.pdf (дата обращения: 25 апреля 2023 г.).

- Зарецкий, Юрий П. 2022b. “Первые русские печатные учебники.” *Вопросы образования* 2: 140–54. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-2-140-154>.
- Зарецкий, Юрий П. 2022c. “Составитель и издатель первых русских учебников Илья Копиевский (ок. 1651–1714). Неизвестные страницы биографии.” *История и архивы* 3: 12–28. <https://doi.org/10.28995/2658-6541-2022-3-12-28>.
- Зарецкий, Юрий П. 2023. “Новые сведения о жизни и деятельности Ильи Копиевского в Амстердаме.” *Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия* 3: 178–93. Москва: ИРИРАН. <https://iriran.ru/node/3133> (дата обращения: 25 апреля 2023 г.).
- Крюк, Екатерина К. 2015. “Краткое и полезное руковедение во арифметику Ильи Копиевского: языковые и композиционные особенности.” В *Beiträge zum 18. Arbeitstreffen der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav): 3–5 September 2014, Budapest* 120–27. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Кутина, Лидия Л. 1964. *Формирование языка русской науки (Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века)*. Москва: Наука.
- Кутина, Лидия Л. 1966. *Формирование терминологии физики в России. Период предмоносовский: первая треть XVIII века*. Москва: Наука.
- Лісейчыкаў, Дзiанiс, и Людмила Иванова. 2020. “Ад Капыля да Амстэрдама: сямейныя гісторыі Ілы Капіевіча.” *Беларускі гістарычны часопіс* 9: 3–12.
- Пекарский, Петр П. 1862. *Наука и литература в России при Петре Великом*. Т. 1. Санкт-Петербург: изд. Тов. «Общественная польза».
- Пекарский Петр П. 1873. *История императорской Академии наук в Петербурге*. Т. 2. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- Романова, Галина Я. 1975. *Наименование мер длины в русском языке*. Москва: Наука.
- Романова, Галина Я. 2017. *Объяснительный словарь старинных русских мер*. Москва: Университет Дмитрия Пожарского.
- Симоненко, Анатолий Е. 2014. “Из ранней истории описания русской медицинской терминологии.” В *Филологические исследования: Сборник науч. работ*. Вып. 11. Филология и медицина, 133–69. Киев: Изд. дом Д. Бурого.
- Симонов, Рэм А. 2007. *Математическая и календарно-астрономическая мысль Древней Руси (по данным средневековой книжной культуры)*. Москва: Наука.
- Симонов, Рэм А. 2023. *Русская астрологическая книжность (XI первая четверть XVIII века)*. Москва: Ленанд (2-е изд.).
- Яусс, Ханс Роберт. 1994. “К проблеме диалогического понимания.” *Вопросы философии* 12: 97–106.
- Apter, Emily. 2001. “On Translation in a Global Market.” *Public Culture* 13: 1–12. <https://doi.org/10.1215/08992363-13-1-1>.
- Bassnett, Susan E. 1998. “When is a Translation not a Translation?” In *Constructing cultures: essays on literary translation*, edited by Susan E. Bassnett and Andre Lefevere, 25–40. Clevedon: Multilingual Matters.
- Bassnett, Susan, and André Lefevere, ed. 1990. *Translation, History and Culture*. London: Cassell.
- Bragone, Maria Cristina. 1996. “Osservazioni su una traduzione di età petrina dei *Tactica* di Leone VI il Saggio.” *Europa Orientalis* 2: 7–24.
- Bragone, Maria Cristina. 2007. “Петр поддерживает светское книгопечатание.” In *Days from the Reigns of Eighteenth-Century Russian Rulers, Proceedings of a Workshop, dedicated to the memory of Professor Lindsey Hughes, held at the Biblioteca di Storia Contemporanea ‘A. Oriani’, Ravenna, Italy, 12–13 September 2007, part I*, edited by A. Cross, 13–21. Cambridge: SGECR.

- Cronin, Michael. 2003. *Translation and Globalization*. London: Routledge.
- Nowak, Zbigniew. 1970. "Eliasz Kopijewicz, polski autor, tłumacz, wydawca i drukarz świeckich książek dla Rosji w epoce wczesnego oświecenia." *Libri Gedanenses* 2–3: 35–86.
- Starowolski, Szymon. 1640. *Institutorum rei militaris libri VIII*. Cracoviæ: Christophori Schedelii.

О двух переводах братьев Лихудов: некоторые утверждения и догадки

Мария Ди Сальво

Abstract: *On Two Translations by the Likhudi Brothers: Assertions and Conjectures.*

The article focuses on some translations from Italian and Latin by the brothers Ioannikii and Sofronii Likhud. The first part is devoted to a group of Italian documents kept in the Moscow archive RGADA, that were produced in view of Peter the Great's expected visit to Venice (1698). The most extensive among them is a treatise by the Venetian master of artillery S. Alberghetti, who had invented a new type of cannons and shells to be installed on ships. It was a new and difficult subject for the Likhuds, and the article analyses some features of their translation. The second part of the article seeks to identify the source of a translation whose manuscript so far has not been found. It is one of two Latin books mentioned in a letter by Iov, the Metropolitan of Novgorod, as sent to be translated by the Likhud brothers. The hypothesis, which might help in the research of the translation, is that the book was not Virgil's *Aeneid*, as is commonly believed, but an engraved commentary to the *Aeneid*, published in Nuremberg in 1688.

Keywords: Likhud brothers, Russian-Venetian relations, Petrine culture, Translations from Italian and Latin, Sigismondo Alberghetti, Virgil's *Aeneid*.

В последние несколько лет исследователи все чаще обращают внимание на биографию и произведения братьев Лихудов, что засвидетельствовано исследованиями Д. Яламаса, Дж. Н. Рамазановой, И. А. Вознесенской, Е. Л. Ермолаевой об их деятельности и рукописном наследии. Благодаря всестороннему изучению трудов двух монахов вырос интерес к их переводам на русский язык, выполненным с греческого, латинского и итальянского. Эти переводы осуществлялись при различных обстоятельствах и с различными целями — чаще всего в рамках преподавания в разных учебных заведениях, а порой по приказу самого царя Петра I — и затрагивали весьма разнообразные темы, начиная с грамматики, философии, теологии и заканчивая даже артиллерией.

Именно последняя тема и является предметом нашего первостепенного интереса в предлагаемой статье, обусловленного наличием некоторых документов, сохранившихся среди бумаг кабинета Петра I (РГАДА, ф. 9, отд. II, оп. 3–4, лл. 277–86; 326–70 об.). Самым значимым из этих документов является трактат под названием *О истинном образъ еже победити Турки на мори, написанном христианства ради пользы*, сопровождаемый письмами автора трактата, Сиджизмондо Альбергетти и Сената Венецианской республики. О существовании данного текста известно уже давно, хотя о нём часто гово-

Maria Di Salvo, University of Milan, Italy, disalvomaria@libero.it

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Maria Di Salvo, *On Two Translations by the Likhudi Brothers: Assertions and Conjectures*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.28, in Svetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 373-381, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

рят как о «переводе Альберти» [sic], и даже в *Путеводителе* РГАДА (1991, 342) автор цитируется с неточным инициалом «Д. Альбергетти». Много лет назад в короткой статье (Di Salvo 2003) я рассказывала о личности автора и об обстоятельствах, при которых он с позволения Сената Венецианской республики послал царю краткий трактат о снарядах и пушках собственного изобретения, заявив о своей готовности поехать в Московию, чтобы установить их на кораблях зарождающегося русского флота и продемонстрировать их использование. Однако эта статья, написанная на итальянском языке, осталась неизвестной большинству заинтересованных исследователей. Ограничусь упоминанием основных фактов для того, чтобы дать представление об авторе и о контексте возникновения рассматриваемых здесь документов.

С. Альбергетти (Sigismondo Alberghetti, 1656? 1663?–1702) принадлежал к знаменитой венецианской династии литейщиков и артиллерийских мастеров. После верной службы Венецианской республике в Далмации и на Пелопоннесе в 1684 году он был отправлен в Лондон, где проводил довольно успешные эксперименты с новым типом снарядов для пушек на военных кораблях. При правильном использовании, эти металлические, цилиндрические снаряды обеспечивали большую точность попадания по сравнению с имеющимися каменными снарядами. Именно эта черта была особенно важна для Альбергетти, причем, не только в техническом и военном плане, но и, как он не устает повторять в документах, посланных Петру I, с экономической точки зрения. По его мнению, точность попадания, кроме уже описанных преимуществ, способствовала повышению репутации правителя, поскольку позволяла избежать разрушения культовых сооружений и представляющих какую-то ценность зданий, которые хотелось сохранить. Пушки и снаряды «нового изобретения» («пушки и ядра/ядры новаго изобрѣтения» в переводе Лихудов), как их скромно называет литейщик, не упоминая своего имени, заслужили одобрение Лондонского королевского общества и Парижской академии, хотя ряд неудачно сложившихся обстоятельств на протяжении долгого времени препятствовал их применению на венецианских судах. Вероятно поэтому Альбергетти, как и многие его современники, видел в петровской России надёжный форпост для развития и применения своего изобретения, чему не в последнюю очередь способствовали и приходящие из России новости о зарождающемся русском морском флоте, для работы над созданием которого привлекались далматские и венецианские мастера.

Документы, хранящиеся в РГАДА, были отправлены Петру I, судя по датам и содержанию, вскоре после его возвращения в Москву из Великого посольства и после несостоявшегося, но столь ожидаемого во всей Италии, визита царя в Венецию. В первой группе документов говорится о подготовке искусной хореографии, которая должна была удовлетворить любопытство Петра к войне на море и частично компенсировать то, что ему не удалось увидеть. Речь идет о двух выдержках из постановлений Сената: в первой, датированной 23 июля 1698 года (л. 327 оригинал по-итальянски, л. 326 — перевод), дается поручение мастеру артиллерии подготовить фейерверки и развлечения к скорому приезду царя; во второй, от 31 июля (л. 327–27 об. оригинал, лл. 326–26 об.

— перевод), утверждается программа, составленная Альбергетти, и дается распоряжение предоставить ему всё необходимое для ее выполнения. Среди документов находится также подробный план, составленный самим Альбергетти и датированный 26 июля (л. 370–70 об.). План описывает сооружение, изображающее Дарданеллы, которое должно было послужить декорацией для воображаемого морского сражения с турками у ворот Константинополя. В ходе великолепного представления в лагуне Альбергетти собирался показать в действии свои снаряды и пушки «новейшего изобретения» и продемонстрировать их эффективность. Эти документы, очевидно, были отправлены царю для того, чтобы, хотя бы коротко, передать ему идею всех подготовленных в его честь празднований. Для облегчения перевода, на полях даются пояснения к терминам, которые могли вызвать трудности, например, *dardanello* — «один из двух замков, находящихся в устье Константинополя по направлению к архипелагу; *sultana* — «наименование самых больших турецких кораблей» и др.

В архивах РГАДА отсутствует итальянский оригинал четвертого документа, самого объёмного (л. 279–86), название которого *О истинном образъ еже победити турки на мори, писанном христианския ради пользы* (см. выше). Однако с подлинником можно ознакомиться по рукописи, датированной 1699 годом, которая хранится в библиотеке св. Марка, в Венеции (Cod. it. VII № 523 (8399), ff. 81–92v.). В экземпляре, отправленный в Россию, была добавлена дата, 2 февраля 1699 года¹, а также минимальные необходимые изменения. Так, в итальянской версии автор заявлял, что, если будет приказано правительством республики, он готов способствовать всеми силами славе христианской веры «на службе любому властителю»; в русской версии последние слова были заменены на «за святое самодержавное величество Московское» (л. 286). В начало документа внесено посвящение царю², а слова о необходимости для государства собственного флота приписываются не флорентийскому герцогу Косимо I, как в оригинале, а более неопределенному авторитету («кесарева пословица»). Все документы, написанные мелким писарским почерком, имеют подпись «Переводъ сей иеромонаховъ учителей Иоанникиа и Софрониа Лихудиевыхъ».

Гибридный язык, используемый в переводе, характерен для того периода, который предшествует языковым реформам Петра I, направленным на устранение многих книжных форм в пользу «простоты»³: встречаются окончания *-ья* в род. п. ед. числа женского рода прилагательных, параллельные формы на *-ти/-ть* в инфинитивах глаголов, окончания *-ья/-ые* в им.п. мн. числа при-

¹ В документе написано «1698 год», но это, очевидно, датировка по венецианскому стилю, согласно которому год начинался 25 марта: поскольку речь идет о феврале, то это уже 1699 год.

² Посвящение «к непобѣдимѣшему Самодержцу Московскому» явно повторяет итальянский оригинал и не приспособлено к московской традиционной титулатуре (ср. на эту тему Вознесенская 2022).

³ О значении и взаимоотношении разных окончаний в этот период ср. исследования В. М. Живова, особенно Живов 2001.

лагательных, с большим преобладанием первого окончания⁴. Некоторые любопытные написания, такие как *Ромбертъ, калимбръ* вместо *Робертъ, калибрь*, возможно, относятся к влиянию греческой орфографии, в то время как некоторые итальянизмы отражают признаки венецианской фонетики, например: *Размъ* (Erasmus), *Инглитера* (Inghilterra).

Перед Лихудами стояла достаточно трудная задача: тема оригинала была далека от их интересов⁵, одновременно текст перевода нужно было сделать легким для восприятия, не исказив основной смысл трактата Альбергетти. Поэтому они переводили почти дословно, используя различные заимствования из итальянского языка и иногда объясняя их синонимами, что, впрочем, было характерно для переводов того времени. К этому добавляется чуть ли не дидактическая тщательность в толковании реалий венецианской жизни, ср.: *Прегади* («в приказе именуемом Прегади»), *съ мудрым казны* («сирѣчь с бояриномъ сокровища»). В некоторых случаях, когда перевод копирует итальянский синтаксис, из-за чего текст звучит неестественно, а порой и не совсем ясно, авторы добавляют пояснения и перефразирования для лучшего понимания. Так, например, *le navi publiche* [публичные корабли] в переводе поясняется «корабли венецийския рѣчи посполитыя», а «*il convoglio spedito con 3000 bombe*» [отправленные корабли] объясняется как «корабли которые были посланы от Венеции». По поводу несовершенства каменных снарядов, обычно используемых на кораблях, по сравнению со снарядами, применяемыми в новых пушках, читаем: «Чесого ради или остаются вышереченныя каменныя ядра цѣлы в караблехъ, или разбиваются когда ударят другую сторону карабля, которой другой сторонѣ точию удары суть губителны караблю»; но, конечно, не будучи уверенными в ясности перевода, переводчики скрупулезно поясняют в скобках: «сирѣчь егда ядро пройдетъ первую сторону карабля, пройдетъ сквозь и другую сторону, тогда карабль неприятельский бываетъ разрушаемъ» (л. 280).

Тенденция к дословному переводу наталкивается на определенные трудности, прежде всего, из-за синтаксической сложности итальянских документов, насыщенных многочисленными деепричастиями и придаточными предложениями, характерными для риторики этой эпохи. Кроме того, стремление Лихудов сохранить максимальную близость к исходному тексту не спасает их от ошибок, вызванных неполным пониманием нового для них содержания. Такого подхода иногда недостаточно для того, чтобы избежать ошибочного толкования слов, которые в итальянском языке помимо общепринятого значения имеют еще и техническое, которое зачастую ускользает от переводчиков. Например, *vento* переведено как «вѣтръ» (л. 280), в то время как в данном контексте оно обозначает разницу в диаметрах снаряда и дула. Таких примеров немало, однако в целом братья сумели довольно успешно передать новизну изобретения Альбергетти.

⁴ Для более подробной информации см. Di Salvo 2011, в частности страницы 134–6.

⁵ Д. Н. Рамазанова (2007, 21) предполагает, что Лихуды взяли на себя перевод Альбергетти потому, что ученики итальянской школы еще не достигли нужного уровня знания этого языка и не могли еще удовлетворить требование, полученное из Пушкарского приказа.

В своей статье о братьях Лихудах О. А. Белоброва (1993, 304) вскользь упоминает о переводах Альбергетти, относя их к новгородскому периоду жизни двух греческих монахов, но не приводит никаких аргументов в пользу своего утверждения. Исходя из содержания трактата Альбергетти и сопровождающих его документов, кажется разумным относить перевод к более раннему историческому периоду, близкому к путешествию царя в Европу с Великим посольством и к деятельности Лихудов в московской «итальянской школе». К новгородскому же периоду с уверенностью можно отнести отправку двух книг, которые царь приказал перевести, и про которые упоминает новгородский митрополит Иов в письме к Ф. М. Апраксину. Письмо, не имеющее точной даты, издатели относят к октябрю 1707 года. В нем Иов сообщает о том, что он получил две книги на латыни (вероятно, те самые книги, которые царь приказал в письме перевести «на славянский язык» (Письма и бумаги 1912, 117, № 2004), и передал их «в перевод учителем иеромонахом отцем Лихудиевым и переводятся дневношю»⁶.

Первая из двух книг, цитируемая под названием *Сфинкс*, — произведение иезуитского эрудита Афанасия Кирхера. В своё время этот перевод, вместе с пояснительным комментарием Лихудов, был идентифицирован И. А. Бычковым в рукописи, которая хранится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге (ОР РНБ. Ф. 885 [Эрмитажное собрание]. № 105). Перевод *Сфинкса* (точнее, *Sphinx mistagoga* А. Кирхера) является объектом исследования в исчерпывающем очерке Д. Н. Рамазановой (Рамазанова 2021), к которому отсылаю за всеми данными относительно поручения, возложенного на Лихудов, и значимости выполненного ими перевода.

Второму упомянутому произведению было уделено значительно меньше внимания, — впрочем, неизвестно, был ли завершён его перевод, который до сих пор не найден. В последние годы многочисленные исследования И. Л. Григорьевой, Н. В. Салоникиной, К. В. Суториуса значительно обогатили наши знания о преподавании и переводах, выполненных Лихудами в новгородском периоде, но в них я не нашла указаний для идентификации этого сочинения. Нижеизложенные замечания не претендуют на решение проблемы, но имеют целью направить исследования в более надёжное русло, нежели это было сделано до сих пор.

В письме Иова это произведение, отправленное Лихудам, описано словами «Риза римских добродетелей Енея, иже в Виргиле и того дел храбросоделанных» (Анисимов 2009, 58). Все исследователи и комментаторы склоняются к мысли, что указом царя было приказано перевести *Энеиду*. Но, как всегда, перед тем как прийти к заключениям, стоит лишний раз обратиться к текстам и доверять, в первую очередь, им. Слова Иова — это не размытое описание

⁶ Цитата (орфография изменена издателями на современную) из собрания писем митрополита Иова, опубликованного в: Анисимов 2009, 58 (Письмо № 27). Текст писем переиздан без изменений с издания, опубликованного в журнале *Странник* 1861 года. Автор приносит благодарность библиотеке IOS, Regensburg, за предоставленную копию нескольких страниц этой крайне редкой книги.

Энеиды Вергилия: их правильному толкованию препятствует пунктуация, не очень удачно внесенная издателями XIX века, скорее всего, из-за неясного понимания сути текста. По моему мнению, слова Иова довольно точно отражают исходное название произведения, переданного Петром I братьям Лихудам, которое звучало: *Peplus virtutum Romanarum in Aenea Virgiliano* (resp. иже в Вергилие) *eiusque rebus fortiter gestis* (resp. храбросоделанных). Впервые оно было опубликовано в Нюрнберге в 1688 году (ср. *Peplus virtutum...* 1688) издателем и книготорговцем Леонхардом Лошге (*Leonhard Loschge*). На сегодняшний день книга хранится в нескольких европейских библиотеках, с ней можно ознакомиться на сайтах баварской и австрийской государственных библиотек, а также в сайте *Google Books*. Речь идет о сочинении, написанном на двух языках, немецком и латинском, которое, судя по названию, предназначалось для расширения знаний в области античности, а также для общего кругозора дворянской молодежи. Его немецкое название *Erneuerte Gedächtnüs Römischer Tapferkeit, an den unvergleichlichen Virgilianischen Helden Aeneas, und Seinen großmüthigen Thaten* в отличие от латинской версии, где выступает «*peplus*», не содержит слова, которому соответствовало бы славянское *риза*. Латинская версия была, очевидно, взята за основу для перевода, поэтому книгу и передали Лихудам. Быть может, именно их присутствие в Новгороде склонило выбор в пользу перевода с латыни.

Различные издания *Peplus*, с которыми мне предоставилась возможность ознакомиться, были все опубликованы в Нюрнберге в 1688 году. Однако в них наблюдается различное количество страниц, и в одной из книг (находящейся в Баварской государственной библиотеке и в *Google Books*), напечатанной издательством Й. Л. Буггел (*J. L. Buggel*), имеется предисловие на немецком языке, составляющее восемь страниц, в котором говорится о поэме Вергилия. Еще больше отличается экземпляр, хранящийся в Австрийской национальной библиотеке, тоже напечатанный Буггелем. На титульном листе этого издания, в отличие от других, нет даты выхода в печати на немецком языке, и сама книга содержит большее количество страниц (188), поскольку включает *Epistola Praemonitoria*, написанную на латыни доктором и ученым Иоганном Самуилем Шодером (*Johann Samuel Schoder*), научную диссертацию об образовательной ценности и достоинствах произведений Вергилия и Гомера, которую тот же издатель опубликовал также отдельной книгой. Поскольку *Epistola* начинается с торжественной речи, посвященной *Augustissimus Princeps*, в которой упоминается император Леопольд, можно предположить, что этот экземпляр книги, уже имевшей значительный успех у публики, был оформлен Буггелем как подносный, предназначавшийся для королевской семьи (он принадлежал Императорской Придворной библиотеке). Несмотря на некоторые различия в изданиях⁷ суть книги остается неизменно ясной и последовательной: она представляет собой иллюстрированный альбом, рассчитанный на юных чи-

⁷ Об успехе этого произведения, которое подключалось к вековой традиции иллюстраций поэмы Вергилия, свидетельствует выход в Аугсбурге ок. 1700 г. похожего издания (*Thelot*

тателей, где каждой песне *Энеиды* соответствуют одна страница на немецком языке и одна страница на латыни. Обе страницы содержат краткое изложение песни поэмы, затем идут гравюры (всего 50), на которых изображены самые значимые моменты действия. Гравюры сопровождаются краткими цитатами и указанием строк, описывающих данный эпизод.

Так, например, на гравюре ко второй песне, изображающей построение Палладой троянского коня, читаем: «LIB. II Aen. V. 10 / Sed si tantus timor casus cognoscere nostros, / usq[ue] 16», то есть иллюстрация относится к стихам 10–16 второй песни, или книги [*liber*] *Энеиды*.

Эта структура помогает нам понять не совсем ясный отрывок из письма митрополита Иова: отправляя Апраксину для принятия к сведению «тетратки» перевода, он писал (и здесь пунктуация, добавленная издателями, кажется не совсем верной), что «в *Ризе римских добродетелей* Публия Virгилия Марона, книг *Энеевых Деяний* подлоги, ибо в оных латинских книгах напечатано точию *Сфинкс мумия*, а что сия размеряются, того в тех книгах толкования ненаписано, токмо литерами чи[s]ленными. Указуют на иныя книги, от них же нецьи и у учителей сыскашася» (Анисимов 2009, 58).

Таким образом, переводчики ожидали, что им предстоит работать над цельным текстом, как в случае со *Сфинксом*, однако же «Энеевы Деяния» не представляли собой полноценную книгу, а лишь образцовые отрывки⁸ со ссылками в виде чисел на другие книги (прежде всего на полный текст *Энеиды*), некоторые из которых, к счастью, имелись у двух монахов.

Если данная реконструкция соответствует действительности, то Пётр I, скорее всего, приказал Лихудам перевести не длинную поэму *Энеида*, а более современную книгу, которая уже имела успех в Европе, соответствовала целям воспитания юношества и популяризации античности и содержала при этом столь дорогие царю визуальные средства⁹. Визуальный аспект, безусловно, преобладал в сборнике. Об этом свидетельствуют также распространенные в то время термины, которые использовались для указания авторов на титульном листе: *Inventione G. I. Langii. Opera G. C. Einmerti*. То есть, тексты и замысел [*inventio*] альбома принадлежат Георгу Якобу Лангу (*Georg Jacob Lang*, 1655–1740), врачу и художнику, директору Художественной Академии Нюрнберга, а графическое оформление [*opera*] — Георгу Кристофу Эймарту (*Georg Christoph Eimmart*, 1638–1705), гравировщику, члену нескольких ака-

n.d.), часто называемого “Augsburger Vergil” (в отличие от “Nürnberg Vergil”), но с другими гравюрами и без ссылок на стихи *Энеиды*.

⁸ Так я бы истолковала термин *подлоги*, который мог бы быть цитатой со слов самих Лихудов: такое употребление находим в переводе трактата Альбергетти: *Первый подлог сиречь примтьрь* (л. 281 об.).

⁹ Неслучайно в нынешнем культурном контексте, характеризующемся широким распространением визуальной культуры, книга вернулась в центр интереса и стала темой выставки (Нюрнберг, Albrecht-Dürer-Haus, 2013), сопровождавшейся исчерпывающим каталогом (Der “Nürnberg Vergil” 2013).

демий и астроному¹⁰. Именно ему принадлежат пятьдесят гравюр (нумерация имеется только в изданиях Буггель), которые искусно передают содержание песен *Энеиды*, и пятьдесят первая, которая фигурирует не во всех изданиях, где изображён Вергилий с текстом своей поэмы на коленях.

Из тех скудных данных, которыми мы располагаем, до конца не ясно, закончили ли Лихуды эту часть возложенного на них поручения. Поиску рукописи, содержащей перевод, могло бы, на мой взгляд, помочь параллельное исследование, проведенное среди сборников гравюр, хранимых в русских архивах, прежде всего в Новгороде и Санкт-Петербурге.

Архивные источники

Российский Государственный Архив Древних Актов (РГАДА). ф. 9, отд. II, оп. 3–4, лл. 277–86; 326–70 об.
Biblioteca Marciana (Venezia): Cod. it. VII № 523 (8399), ff. 81–92v.

Литература

- Анисимов, Евгений В. 2009. «Москва и Новгород едина держава Божия»: Новгородский митрополит Иов и его переписка конца XVII – начала XVIII в. Великий Новгород: Новгородский государственный университет.
- Белоброва, Ольга А. 1993. «Лихуды, Иоанникий и Софроний.» В *Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в., Ч. 2*, 301–03. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Вознесенская, Ирина А. 2022. «Титулатура царя Петра I в посвящениях подносных рукописных книг.» *Кунсткамера* 1 (15): 109–21.
- Живов, Виктор М. 2001. «Формирование норм русского литературного языка нового типа.» In *Reflections on Russia in the Eighteenth Century*, ed. by Joachim Klein; Simon Dixon; Maarten Fraanje, 377–98. Köln: Böhlau.
- Письма и бумаги. 1912. *Письма и бумаги императора Петра Великого*, т. 6 (июль–декабрь 1707), ред. Иван А. Бычков. Санкт-Петербург: Государственная типография.
- Путеводитель. 1991. *Центральный государственный архив древних актов СССР. Путеводитель в четырех томах*, т. 1. Москва: Главархив СССР.
- Рамазанова, Джамия Н. 2007. «О роли Лихудов в переводах трактатов итальянских военных специалистов для Пушкарского приказа.» В *Бранденбургские чтения*, Вып. 2. *Письменные памятники в музейных собраниях*, 20–3. Санкт-Петербург: Военно-Исторический Музей артиллерии, инженерных войск и войск связи.
- Рамазанова, Джамия Н. 2021. «К истории перевода братьями Лихудами книги «Сфинкс» Афанасиуса Кирхера.» В *Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Институт российской истории Российской академии наук*, вып. 2: 139–46. Москва: Институт российской истории РАН.

¹⁰ Деятельность астронома и климатолога Эйммарта является предметом различных исследований, благодаря также существованию его архива, хранящегося в ОР РНБ, ф. 998.

- Der “Nürnberger Vergil.” 2013. *Der “Nürnberger Vergil” von 1688: Georg Christoph Eimmarts “Aeneis” — Illustrationen nach Zeichnungen von Georg Jacob Lang; eine Ausstellung der Graphischen Sammlung der Stadt Nürnberg mit Leihgaben der Sammlung Dr. Ulrich Wilke, Albrecht-Dürer-Haus, 1. Mai bis 4. August 2013.* Begleitpublikation, hrsg. von Ulrich Wilke und Werner Suerbaum, Neukirchen: Verlag Make a Book.
- Di Salvo, Maria. 2003. “Bombe intelligente per Pietro il Grande.” In *Studi in onore di Riccardo Picchio offerti per il suo ottantesimo compleanno*, a cura di Rosanna Morabito, 295–301. Napoli: M. D’Auria.
- Di Salvo, Maria. 2011. “Bombe intelligente per Pietro il Grande.” In Maria Di Salvo. *Italia, Russia e mondo slavo. Studi filologici e letterari*, a cura di Alberto Alberti; Maria Cristina Bragone; Giovanna Brogi Bercoff; Laura Rossi, 131–36. Firenze: Firenze University Press. Reprint of: Di Salvo, Maria. 2003.
- Peplus virtutum ... 1688. *Peplus virtutum romanarum in Aenea Virgiliano ejusque rebus fortiter gestis: ad majorem antiquitatis et rerum lucem, communi juventutis sacratae bono, aere renitens = Erneueretes Bedächtnüs römischer Tapferkeit an den unvergleichlichen Virgilianischen Helden Aeneas, und seinen grossmüthigen Thaten zu mehrer Erläuterung des hochschätzbaren Alterthums, der edlen Jugend zum gemeinen Besten in 50 Kupfern vorgebildet.* Norimbergae: zu finden bey Leonhard Loschge, apud Leonhardum Loschge.
- Thelot, Johann. n.d. *Poetae inter Latinos clarissimi Publii Virgilio Maronis Aeneis id est, Libri de Aenea, Heroe Trojano. Figuris affabre factis atque iconicis expositi et illustrati a Joh. Andrea Thelot.* [Augsburg: n.p.]

Отголоски античности в русской поэзии XVIII века (набросок к теме)

Надежда Алексеева

Abstract: *Echoes of Antiquity in Russian Poetry of the Eighteenth Century (A Preliminary Sketch)*. The article is devoted to the dependence of Russian poetry of the 18th century on ancient poetic culture. Using the example of the use of references to ancient heroes and gods in various genres of poetry from the 1730s to the first half of the 1770s, a preliminary conclusion is made about the weak interest in ancient mythology and ancient history of most of the poets of this era.

Keywords: ancient mythology, name, hero, ode, epic, travesty, landscape, A. P. Sumarokov, M. M. Kheraskov, V. P. Petrov, M. N. Muravyev.

Доклад профессора Марии Кристины Брагоне на последней конференции Study Group on Eighteenth-Century Russia *Пантеон Милорда Георга* открывает путь к осмыслению одной из важнейших проблем в изучении новой русской литературы в период ее становления — освоения ею античного наследия. Для русской культуры знакомство с античностью не было самоценным, а выступало условием европеизации культуры, однако для поэзии античность была больше, чем культурный код. Без усвоения основ античной поэтической культуры, из которых выросла сама западноевропейская поэзия, русская поэзия не могла стать с нею вровень. Антикизация включала в себя проникновение заданными античной поэзией ценностями: поэтическим идеалом, системой образов, поэтическими ассоциациями, искусством словесного изображения. Феномен русской поэзии заключался в ее подключении к традиции, к которой она никоим образом, ни генетически, ни исторически, не принадлежала. Уже на самом первичном уровне, на уровне мифологии, освоению античности препятствовало сохранение в культуре, несмотря на все социальные и религиозные потрясения XVII – начала XVIII века, православия как основы мировосприятия. Всякая даже мысль о многобожии для православного сознания неприемлема, как и двойственность ума.

Об этом выразительно говорят В. М. Живов и Б. А. Успенский (1996), работа которых *Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII веков* впервые освещает проблему античной рецепции в России с идеологической точки зрения. Болезненную совместимость античной культуры с православным благочестием они рассматривают в широком контексте

Nadežda Alekseeva, Russian Academy of Sciences, Russian Federation, alexenad18@gmail.com

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Nadežda Alekseeva, *Echoes of Antiquity in Russian Poetry of the Eighteenth Century (A Preliminary Sketch)*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.29, in Svetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 383-391, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

европейской, прежде всего французской литературы, обнаруживая общие болевые точки при восприятии античного язычества в столь, казалось бы, разных по своей традиции культурах. Драгоценный французский контекст отношения русских к античной мифологии, старательно выстроенный авторами как бы на будущее, более пристальное изучение русского классицизма, невольно смягчает различия культурной ситуации в России и во Франции. Главные из этих различий заключались в отличающей русское православие строгости и в несравнимом с французским уровне русского образования, в том числе классического. В статье рассматриваются взгляды на проблему античной рецепции В. К. Тредиаковского и А. П. Сумарокова, а далее в ней совершается головокружительный перелет в начало XIX века. Что происходило в поэзии после самых начальных, даже еще не шагов по пути классицизма, а только примеривания к предстоящему пути, в статье не рассматривается. Плавному переходу к XIX веку помешала немота русских авторов, пришедших на смену первым теоретикам классицизма. Впрочем, в статье не ставится задачи дать подробную историю метаморфозы русской культуры при ее знакомстве с античностью. Вместе с тем освещение лишь теоретических взглядов ранних русских классицистов, почти не затрагивающее их поэтического творчества, создает впечатление успешного усвоения ими античной образности, а благодаря им, можно думать, и поэтами, идущими вслед за ними. То же впечатление успешного продвижения античной рецепции складывается по результатам исследований, посвященных переводам Древних. Их, действительно, становилось с каждым периодом все больше, круг переводившихся авторов, расширяясь, к концу века достигнул внушительных размеров. На этом основании можно делать вывод о росте образованности русского общества, но одновременно обилие русских переводов свидетельствует о ничтожности, а может быть, и отсутствии прогресса в знании русскими классиков в оригинале. Древних по-прежнему читают в переводе, разница лишь в том, что если в 1730-х–начале 1760-х годов их читали во французском переводе, то позднее все чаще в русском. Чисто гипотетически можно предположить, что влияние переводов на оригинальную поэзию не может быть большим, тем более что переводы, в особенности французские, часто делались в прозе. Насколько действительно античная поэзия оказывала влияние на русскую поэзию можно увидеть лишь при обращении к ней самой. До сих пор она не рассматривалась в свете античной традиции, и, кажется, вопрос так не ставился. Хотя, конечно, исследования отдельных авторов и произведений содержат на этот счет наблюдения. В целом же такое исследование видится делом будущего. Здесь же предлагается его первый эскиз. В нем не рассматриваются переводы и подражания древним, но лишь оригинальная поэзия. Не говорится здесь и о феномене восприятия античности Антиохом Кантемиром, М. В. Ломоносовым и В. К. Тредиаковским. Каждый из них— больший или меньший знаток античной поэзии и каждый — поэт исключительных дарований, созданные ими модели русской античности слишком большая тема для статьи.

Зависимость поэзии от античной традиции знает разные уровни. Само появление книжной поэзии в России уже было подключением к античной тра-

диции, хотя это могло и не осознаваться. Начавшееся же школьное учение о поэзии не могло не оставлять неясности в общей ее ориентации на поэзию Древних, к тому же все названия жанров и мер стиха были греческими или латинскими. В школах учили подражанию Древним, однако в действительности русские стихотворцы в лучшем случае подражали европейским подражателям Древних, чаще же всего даже не им, а своим русским предшественникам. Первые элегии создавались не под воздействием чтения Тибулла или Овидия, а в подражание мадам де Скюдери, а после создания Сумароковым на основании ее элегий русского канона каждая новая элегия следовала уже ему. И оды писались не из любви к Горацию или Пиндару, а с ориентацией ранней русской оды (кантов) на оды М. К. Сарбевского, а поздней — на Никола Буало и его немецких подражателей. В конечном же счете все русские оды эпохи классицизма восходили к Ломоносову.

Не стоит, кажется, выстраивать иерархию зависимости поэзии от античности, хотя даже при самом поверхностном понимании вопроса не может не быть очевидным, что эта зависимость имеет градации. Следующим шагом после самих стихотворческих терминов и ориентации на античные жанры было включение в произведения упоминания античных реалий. Первыми из них были боги и герои. Они появляются в стихах еще в XVII веке, в Петровское время их присутствие в текстах стало почти обязательным в связи с общим устремлением спроецировать образ возводимого Петром государства на Древность. В публичных триумфах, на театре фейерверков стали привычными фигуры античных богов и героев. Круг их был узким и постоянным: Марс, Минерва, Геракл, реже другие. Знаменательно, что, испытывая восторг от зрелищ, их очевидцы, даже понимая значение аллегорий, могли не иметь представлений о стоящей за ними античной мифологии. Так, например, В. А. Нащокин, не узнает в описанных им воротах, украшавших первый триумф Ништадтского мира, свидетелем которого 30 августа 1721 года он был в Петербурге, храма Януса: «И сделан был великой Фейверок, на котором сделаны были растворенныя ворота, а как зажжен был Фейверок, то сделаны были на подобие Монархов, которые с обеих сторон затворяли ворота, то есть, знак заключения мира» (Нащокин 1842, 11). Мифологические персонажи упоминались в словах и речах, кантах и панегирических стихах. Именно тогда была положена в русской культуре традиция связи панегирика с античной мифологией, позволявшей соотносить восхваляемое событие с почтенной Древностью.

Из панегириков Петровского времени мифологические герои переселились в торжественную оду. Их право на жительство в ней было подтверждено авторитетом Буало, рекомендовавшим в *L'Art poétique* (1674) украшать оду упоминанием богов и олимпийских атлетов. Как пример мифологических героев, уместных в оде, Буало называет Ахиллеса (“*Mène Achille sanglant aux bords de Simois...*”) и только его одного. Примечательно, что сам он в оду *Sur la prise de Namur* (1693), послужившую образцом для русского классицизма, вместо Ахиллеса вводит Алкида, т. е. Геракла. Между тем, Тредиаковский, следуя за нею в оде *О сдаче города Гданьска* (1734) поправляет оригинал, воз-

можно, под влиянием *L'Art poétique*: «То не Троя басней причина, / Не один Ахиллес воюет...». Благодаря Третьяковскому до конца 1750-х годов в русской оде из героев Древности упоминался лишь Ахиллес.

Если Ломоносов не особенно стремился к распространению мифологического присутствия в одах, Сумароков явно к нему тяготел. В раннюю свою *Оду, сочиненную в первые лета моего в стихотворении упражнения* (1743) он включает, с одной стороны, Ахиллеса и Брессиду, с другой, — Энея. На этом список мифологических героев обрывается, но он продолжается реальными историческими лицами Древнего мира: Александром Македонским и Титом. Сама ода была написана Сумароковым под влиянием оды Жан-Батиста Руссо *A la Fortune* (1717), в которой оценка деяний мифологических и исторических героев Древности звучала необыкновенно эффектно. Корпус героев, хотя и небольшой, Сумароков заимствует у Руссо, опустив лишь Цезаря, но расширив его ветхозаветными Навуходоносором и Киром. Это соответствовало русской барочной традиции, но одновременно, возможно и без намерения автора, переводило оду в иной план, сообщая ей более общее философское измерение в духе *vanitas mundi*. Ода не была напечатана и осталась лишь свидетелем ранних пристрастий Сумарокова. На них обратил внимание Третьяковский уже в 1750 году, правда, на примере другой его оды, написанной почти одновременно с первой: «... Автору надобен токмо звон, а кроме того ничто: ему и *Лев Исавр* пышным кажется именем, как то я сам несколько раз от него слышал...» (Третьяковский 1865, 466). В словах Третьяковского обращает на себя внимание не сарказм, понятный лишь глубоко церковному человеку, для которого византийский император, начавший иконоборчество, фигура столь негативная, что никоим образом не может украсить оду, а сама едко подмеченная падкость Сумарокова на имена. Отчасти она, видимо, была вызвана его желанием придать звучности своим довольно бледным одам. Декоративная функция имен в ранних одах Сумарокова была основной, античная образность в них не шла дальше прямых довольно простоватых уподоблений русских воинов Ахиллесе, а императрицы — Минерве и даже Зевсу. В конце 1750-х годов Сумароков вводит в оду уподобления русских греческим героям Периклу и Алкивиаду. В период расцвета оды, наступившего в 1760-е годы, оды Сумарокова выделяются на общем фоне античными аллюзиями. В отличие от Сумарокова поэты московской одической школы (В. И. Майков, И. Ф. Богданович, В. Д. Санковский) вслед за М. М. Херасковым их избегают, заменяя ветхозаветными. Все изменилось осенью 1769 года, когда одописцы поспешили воспеть взятие Хотина, первую крупную победу в начавшейся за год до этого Русско-турецкой войне (1768–74). Упоминание греческих реалий становится характерной чертой од периода войны, а сама проекция русских побед на Древность, уподобление русских древним грекам, обыгрывание греческой темы, — всё это, развивая намеченную Сумароковым за десять лет до этого греческую аллюзию, звучало в унисон с так называемым греческим проектом правительства. При этом, однако, в одах 1760-х – первой половины 1770-х годов обращает на себя внимание повторяемость из оды в оду одних и тех же имен, круг которых ограничен. Сам Сумароков при всей своей любви

к звучным именам странным образом их числа долгое время не увеличивал. Лишь в поздних его одах заметно стремление к обновлению ономастики, приводящее порой к экзотическим красотам: «Падет к Аверне Тизифона» (ода *Государыне императрице Екатерине Второй на день ея восшествия на всероссийский престол Июня 28 дня, 1772 года...*). Относительная скудость имен в одах Сумарокова, как и в одах современных ему младших поэтов, связана, по-видимому, с плохим знанием античной мифологии и древней истории, оставшихся для них чем-то далеким, искусственным. Эту характерную особенность русского одописца отметил еще в 1794 году И. И. Димитриев в своей шутиливой поэме *Чужой толк*, герой которой восклицает при написании оды:

Вот штука, как хвалить Героя-то придет!
 Не знаю, с кем сравнить?
 С Румянцевым его, иль с Грейгом, иль с Орловым?
 Как жаль, что древних я не читывал! а с новым —
 Неловко что-то всё. (Димитриев 1967, 116)

В этом контексте прорывается значение статьи С. Г. Козицкого *О пользе мифологии*, напечатанной почти за полвека до творческих мук горе-поэта Димитриева (Козицкий 1759), но не потерявшей, как видно, актуальности. Помимо плохого знания Древности, относительная малочисленность в русских одах имен античной мифологии и истории объясняется связанной с незнанием робостью. Античность оставалась чужим и опасным полем, и русские поэты ступали по нему осторожно, как бы след в след за успешно прошедшими впереди них предшественниками. Это привело к образованию своего собственно русского одического пантеона Древних, остававшегося, по существу, неизменным во все время жизни жанра.

Еще большее недоверие к античной мифологии испытывала русская эпопея. Из жанра, где участие богов определяет видение и как следствие изображение эпических событий, боги были изгнаны полностью. Об том прямо заявил во вступлении к первому опыту русской эпопеи Ломоносов: «Не вымышленных петъ намерен я богов, / Но истинны дела, великий труд Петров» (Ломоносов 1986, 280). Такая установка стала общим местом. И. Ф. Богданович дословно повторяет первый из процитированных стихов Ломоносова во вступлении к своей поэме *Блаженство народов* (1765) (Богданович 1957, 187), Херасков в самом начале поэмы *Чесмесский бой* (1771) объявляет: «Не басни воспевать моя стремится лира ...» (Херасков 1966, 143). Впрочем, еще Третьяковский в оде *На дачу города Гданска*, вспоминая Ахиллеса, спешил оговорить вымышленность Троянской войны: «То не Троя басней причина ...». «Басней» он на протяжении всего творчества последовательно обозначает мифы, а одновременно вымыслы, часто с негативной коннотацией, сквозь которую сквозит его отношение к мифологии¹. Отказ русских авторов от участия в эпопее древних богов и от упоминания мифологических героев

¹ О термине *басня* в связи с мифологией см.: Сложеникина и Растягаев 2013.

выделял ее на фоне од, где, может быть и не так вольно, они все же присутствовали. Перенесение эпопеи в иное, не связанное с Древностью, пространство привело русских авторов и к желанию их отказаться во вступлении к своим поэмам от обращения к музе. Как исключение оно звучит еще в *Чесмесском бое*, но уже в знаменитой *Россиаде* (1779) Херасков обращается вместо музыки к «духу стихотворения», пребывающему в «горних», именно его он молит «отверзти вечность», а ее в свою очередь — Рай, описанный с опорой на христианские о нем представления («селения», «рядом предстоит последний раб с царем» и т.п.). Там он узнает героев прошлого «увенчанных лучами» и уже к ним обращает призыв: «О вы, ликующи теперь в местах небесных, Во прежних видах мне явитесь телесных!» (Херасков 1966, 181–82), проецируя на такое явление христианское воскресение. Отказ от призвания музыки и участия богов в эпических событиях меняют эпопею до неузнаваемости, точнее сказать, мешают ей состояться, оправдывая предвидение Буало, что “*Sans tous ces ornements... La poésie est morte*”, и “*Le poète n'est plus qu'un orateur timide / Qu'un froid historien d'une fable insipide*”. Конечно, коллизия русской эпопеи была частью общеевропейской проблемы уместности языческих богов в эпопее христианского автора. Ее обсуждение во французской критике с выделением в ней позиции Буало как естественного контекста для понимания вопроса Третьяковским и Сумароковым показано В. М. Живовым и Б. А. Успенским (1996, 459–63). Однако реальная традиция русской эпопеи, родоначальником которой стал Ломоносов, опиралась скорее не на французские умозаключения, а на традиции национальные, где русская история очень рано стала предметом художественного осмысления (трагедия *Владимир Феофана Прокоповича*), не совместимого с античными изысками. Помимо национальной традиции ориентиром для Ломоносова могла служить *Генриада* (1728) Вольтера. Хотя Вольтер и отказался от античных богов, в отличие от Ломоносова и следовавших за ним русских поэтов, он заменил их собственными аллегориями (Любовь, Ревность, Фанатизм), сообщив этим своему повествованию известную многомерность.

Не многим более уютно, чем в эпопее, античная мифология чувствовала себя в русской элегии, эклоге и идиллии. Только в 1768 году Ф. Я. Козельский впервые ввел в элегию упоминания античных богов. Но эклога, классиком которой оставался Сумароков, их присутствия так и не удостоилась.

Единственное пространство, где античные боги нашли себе надежное прибежище, была травестия. В. И. Майков (*Елисей, или раздраженный Вакх*, 1765), М. Д. Чулков (*Плачевное падение стихотворцев*, 1769), а затем и Н. П. Осипов (*Вергилиева Энеида, вывороченная наизнанку*, 1791–1794) с удовольствием изображали богов комически, следуя в этом, конечно, за Скарроном. Отголоски их поэм могли попадать в басни. Так, в притчах Сумарокова находим не только обыгрывание цитаты из бурлеска Чулкова *Плачевное падение стихотворцев* («У парников сидели три богини, / Чтоб их судил Парис, а сами ели дыни» (Сумароков 1957, 227), но и следующее изображение Минервы:

Минерва, вестно всем, богиня не плоха,
 Она боярыня, графиня иль княгиня,
 И вышла из главы Юпитера богиня,
 Подобно из главы идет моей блоха ... (Сумароков 1781, 22)

Впрочем, сама эта притча *Блоха*, как это нередко у Сумарокова, пародирует эпопею. К русскому бурлеску восходит и одомашненный Державиным Борей (ода *На рождение в Севере порфирородного отрока*, 1779). Сниженное представление об античной мифологии было много понятнее русским поэтам и читателям, чем высокое. Метафорически воспринимать античных богов они, видимо, умели плохо.

Все эти примеры отголосков античности в русской поэзии показывают вольное (как в случае эпопей) или невольное (как в случае оды) ее сопротивление античной образности на самом даже первичном уровне упоминания древних богов и героев. Борьба, явно, не стоила поэтам усилий, античность не была для подавляющего их большинства заповеданным миром, исполненным поэтических ассоциаций, отказ от которых труден. Равнодушие к мифологии и поэзии Древних в 1750-е – середине 1770-х годов оборачивалось бедностью поэзии этого времени, преобладанием в ней рассуждений, дидактики. Закономерно, что следующая после панегирической поэзии получает развитие поэзия медитативная, позволяющая избегать изображений. Свое неумение создать описание природы поэты прятали за пейзажем аллегорическим, а от беспомощности в стихотворениях, требующих изображения, спасались в торжественных одах, стихотворных панегириках, медитативных одах и стансах. Наглядным примером здесь может служить В. П. Петров. Его первое из напечатанных стихотворений *Осень* (1764) тематически выбивается из репертуара поэзии первой половины 1760-х годов. Однако при всем своем желании изобразить природу, начинающий поэт соскальзывает в готовые аллегории. Он не сможет от них освободиться и позднее в стихотворении *Описание ненастья* (1768). А ведь Петров знал древнюю поэзию более других своих современников. Однако одного этого знания было, очевидно, недостаточно, его надо было уметь претворить в поэзию. Обращение Петрова в 1766 году к оде, приверженцем которой он оставался в продолжение всего своего творчества, в этой связи можно рассматривать не как его победу, а как спасительное бегство. Его таланта, искусства, знаний хватало для создания прекрасных од, но явно не доставало для стихотворений пейзажных.

Совершенно особое место в русской поэзии занимает М. Н. Муравьев, воспринявший античность в ее живой полноте. Его стихотворения пронизаны античными аллюзиями, воспоминаниями античной поэзии, переживанием ее. Не удивительно, что вместе с этим появляется в них и живое изображение природы, предвосхитившее своей выразительностью поэзию XIX века (например, *Роца*, 1777). Оно возникает и под влиянием английской поэзии, не менее страстно любимой Муравьевым, чем поэзия Древних. У Муравьева впервые после Ломоносова обнаруживается образность, основанная на опыте переживания античной поэзии, благодаря чему поэзия получает но-

вое качество, новую объемность и перспективу. Заданная в ней проекция на античность делает ее европейской в настоящем смысле слова.

Время Муравьева открывает новую страницу в русском восприятии античности. Поэтам 1780-х годов она становится ближе, знакомее, понятнее, чем поэтам предыдущей эпохи, отголоски античности так или иначе проникают в их творчество. Однако русская поэтическая традиция, уже сложившаяся к тому времени без прямого влияния античности, мешает развитию основанной на ней образности. Как мешает этому и преобладающее среди поэтов незнание древних языков, а потому, и это главное, отсутствие у них трепета при звуках «божественной эллинской речи». Это относится и к величайшему из поэтов наступившей эпохи Державину. Образность его поэзии, в недостатке которой ее никак обвинить нельзя, лишь очень опосредованно зависит от античной поэзии. Прямого созвучия с ней он не достигает, впрочем, и не стремится к нему. Возможно поэтому Державин не имел прямых наследников в поэзии XIX века.

Предложенный набросок темы в силу явной своей недостаточности не позволяет делать выводы, но лишь предварительные заметы. Русская поэзия в продолжение всего XVIII века поддавалась влиянию античности в очень малой степени, чаще всего оно не шло дальше самой внешности — ориентации на античные жанры, декорирования панегириков именами древних героев и богов. Это постепенно меняется в последней трети века, однако в настоящем смысле антикизация русской поэзии произойдет уже в следующем веке, в период неоклассицизма, сыгравшего поэтому в русской поэзии исключительную роль. Многие особенности русской поэзии XVIII века, которые пока даже не названы из опасения взглянуть на нее критически, но к которым, несомненно, относятся почти полное отсутствие внежанровых стихотворений, отсутствие изображений природы, бытовых зарисовок, вообще редкость в ней описаний и изображений, связаны, по-видимому, с трудностями проникновения в русскую культуру античности.

Литература

- Богданович, Ипполит Ф. 1957. *Стихотворения и поэмы*. Изд. подготовил Илья З. Серман. Ленинград: Советский писатель.
- Димитриев, Иван И. 1967. *Полное собрание стихотворений*. Изд. подготовил Георгий П. Макогоненко. Ленинград: Советский писатель.
- Живов, Виктор М. и Борис А. Успенский. 1996. «Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII века.» В *Из истории русской культуры*. Т. IV (XVIII–начало XIX века), 449–536. Москва: Школа «Языки русской культуры».
- Козицкий, Григорий В. 1759. «О пользе Мифологии.» *Трудолюбивая пчела*. Январь: 5–33.
- Ломоносов, Михаил В. 1986. «Петр Великий.» В Ломоносов Михаил В. *Избранные произведения*. Вступ. статья и примеч. Александр А. Морозов, подготовка текста Михаил П. Лепехин и Александр А. Морозов. Ленинград: Советский писатель.
- Нащокин, Василий А. 1842. *Записки Василия Александровича Нащокина*. Предисл. Дмитрий Д. Языков. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук.

- Сложеникина, Юлия В. и Андрей В. Растягаев. 2013. “Рецепция античной культуры как пафос статьи Г. В. Козицкого «О пользе мифологии».” *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия* 27(3): 223–30.
- Сумароков, Александр П. 1781. *Полное собрание всех сочинений*. Изд. подготовил Николай И. Новиков. Ч. 7. Москва: Унив. тип.
- Сумароков, Александр П. 1957. *Избранные произведения*. Изд. подготовил Павел Н. Берков. Ленинград: Советский писатель.
- Третьяковский, Василий К. 1865. “Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю.” В *Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке*. Изд. подготовил Арист А. Куник. Ч. 2, 437–500. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Херасков, Михаил М. 1966. *Избранные произведения*. Изд. подготовил Александр В. Западов. Москва: Советский писатель.

Эзоповские сюжеты в русской народной картинке

Manfred Schruba

Abstract: *Aesopian Subjects in Russian Popular Prints.* The article analyses 18th century Russian popular prints that depict Aesopian motifs; the information on the textual and iconographic sources of the prints is summarized and clarified. The following motifs are considered: *Why the Mother Taught Her Son Badly, The Fox and the Crane, The Fox and the Dolls, The Fox and the Grapes, The Old Man and Death*; another topic is the iconography of the chapbook *The Life of Aesop*. For the first time, the print *The Gnat and the Lion* (which was not included in D.A. Rovinskii's catalog) is introduced into scientific circulation and reproduced; the graphic and textual parts of this print are analyzed.

Keywords: Aesop, Russian popular prints, chapbooks, D.A. Rovinskii, fable, 18th century

Эзоповские сюжеты в лубке принадлежат к проявлениям ранней рецепции Эзопа в России XVII – первой половины XVIII века (Imendörffer 1998, 100–14). Наличие этих мотивов отметил еще Д. А. Ровинский, составитель фундаментального каталога русских народных картинок XVIII – начала XIX веков (Ровинский 1881, I–V). В завершающем данный труд исследовании, в разделе об иностранных источниках повествовательных сюжетов в лубке, басни Эзопа упоминаются неоднократно: «Из других восточных источников заимствованы: [...] притчи Эзоповы (№ 75, 87, 89 и 90) и его житие (№ 91)» (Ровинский 1881, V, 99–100). В другом месте читаем: «Из так называемого животного эпоса в народные картинки наши попали пять басен Эзопа (№№ 86–90)» (Ровинский 1881, V, 138).

Указания на притчи Эзопа в обоих местах содержат некоторые неточности; в первой цитате Ровинский пропустил картинку № 88 (*Лисица и виноград*) с изображением одной из самых знаменитых басен Эзопа. Во второй цитате («пять басен Эзопа (№№ 86–90)») уточним, что номера 89 и 90 в каталоге обозначают не две разные басни Эзопа, а один и тот же сюжет в двух различных вариантах.

Отметим, что существует еще одна лубочная картинка первой половины XVIII века с эзоповским сюжетом, не попавшая в каталог Ровинского¹.

¹ В лубок попала также притча не-эзоповского типа *О хамелеоне звере* (Ровинский 1881, I, 488. № 259; см.: Шрубa 2022).

В задачу настоящей статьи входит описание картинок с эзоповскими сюжетами и уточнение сведений о их текстуальных и иконографических источниках. Рассмотрим для начала подробнее все пять упомянутых Ровинским случаев использования басен Эзопа в лубке.

* * *

Первой картинкой с эзоповским сюжетом в каталоге значится *Зачем мать сына худо учила* (Ровинский 1881, I, 260–61. № 75; ср.: Aesop 1852, 173. № 351; Гаспаров 1968, 122. № 200; Aesop 1998, 219. № 296). Это — история о ребенке, укравшем у товарища азбуку. Ободренный отсутствием наказания со стороны матери, он продолжает преступную жизнь, завершая ее приговором к смертной казни. Под виселицей он просит поговорить с матерью и откусывает прибившейся к нему матери ухо, мотивируя свой поступок тем, что если бы она наказала его ребенком за воровство, он бы не стал преступником. Сюжет числится в указателе фольклорных мотивов (Stith Thompson's *Motif Index of Folk-Literature*), где он обобщен следующим образом: «Son on gallows bites his mother's (father's) nose off: punishment for neglect in youth» (Thompson 2016, Q586).

Лубочный мотив пользовался в России успехом; Ровинский различает пять изданий картинки (№ 75a–75e; Ровинский 1881, I, 261; Ровинский 1881, IV, 191) плюс еще одно издание с тем же сюжетом, но в другом изводе, со стихотворным текстом (№ 76). Наиболее древний вариант (№ 75a) известен в репродукции в сопровождающем каталог атласе (Ровинский 1881–93, I–IV)². Картинка впоследствии больше в печати не воспроизводилась³.

О тексте под картинкой Ровинский пишет: «История эта заимствована из Притчей Езоповых» (Ровинский 1881, IV, 191), подразумевая одно из изданий петровского времени. Подобных изданий было четыре, все с одинаковым текстом в переводе Ильи Копиевского: амстердамское 1700 года (см.: Брагоне 2012), московское 1712 года, петербургское 1713 года и петербургское 1717 года (Быкова и Гуревич 1955, № 58, 73, 229).

Источник текста указан неверно; лубочный текст «воспроизводит почти целиком басню в редакции Летранжа» (Адрианова-Перетц 1929, 383). Имеется в виду осуществленный Сергеем Волчковым перевод басен Эзопа (Езоповы басни 1747, 303–05. № 94). Издание, которое опубликовал впервые в 1692 году Рожер Летранж (Roger L'Estrange), отличается рядом особенностей (см.: Брагоне 2024); пространный пересказ басен Эзопа сопровождается обширными авторскими добавлениями: моралью и философскими размышлениями («учением» и «примечаниями»).

² Все иллюстрации атласа ныне доступны на сайте *The New York Public Library, Digital Collections* (<https://digitalcollections.nypl.org/collections/russkiaa-narodnyia-kartinki-sobral-i-opsisal-da-rovinskii#/?tab=about>).

³ На сайте *Национальная электронная библиотека* (НЭБ, rusneb.ru) доступны еще два варианта картинки с хорошим разрешением: № 756 (https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_012032066/) и № 75в (https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_012032079/).

На картинке (см. Илл. 1) изображена виселица за городской стеной, окруженная толпой солдат и городских жителей, наблюдающих за казнью. Палач тащит преступника вверх по лестнице; вблизи мать обнимает сына, который собирается откусить ей ухо. К голове сына приписаны слова: «ну пращан мати сына зачемь с мала ево неучила»; к голове стоящей рядом с матерью женской фигуры приписаны слова: «нашто была потакать». В каталоге Ровинского эти изречения не воспроизведены.

Примечательно, что хотя художественная композиция картинки в целом оригинальна, ее центральный визуальный мотив, виселица и группа людей вокруг нее (см. Илл. 2), заимствован из гравюры, которой украшена соответствующая басня в издании Эзопа петровского времени (Эсоповы притчи 1717, 73–4. № 37). Перенята конфигурация центральной группы, включая стоящего рядом солдата с алебардой, а также жесты и движения отдельных фигур (см. Илл. 3). Это странный случай лубочной картинки с эзоповским сюжетом, где текстуальный пласт заимствован из издания 1747 года, а визуальный пласт из издания 1717 года.

***

Основная серия эзоповских сюжетов открывается картинкой *Лисица и журавль* (Ровинский 1881, I, 274–75. № 86). Несмотря на то, что басня была в свое время включена в стандартное издание притч Эзопа на греческом языке (Aesop 1852, 17–8. № 34; ср.: Гаспаров 1968, 178–79. № 385), сегодня она не включается в корпус басен собственно Эзопа, поскольку данный сюжет появился впервые у Федра (Maaz 1987, 503). Сюжет принадлежит к наиболее известным среди эзоповских басен; приведем ее содержание по указателю фольклорных мотивов: «*Fox and crane invite each other. Fox serves the food on a flat dish so that the crane cannot eat. Crane serves his food in a bottle*» (Thompson 2016, J 1565.1).

Кроме описанного в каталоге издания, относящегося ко второй половине XVIII века, Ровинскому были известны еще два издания начала XIX века (Ровинский 1881, IV, 201). Картинка не вошла в атлас с иллюстрациями; она, кажется, никогда не воспроизводилась в печати, так что по ее визуальной части можно лишь привести описание в каталоге Ровинского: «На картинке представлены: слева — журавль в гостях у лисицы; над первым надпись: “журавль”; справа, лисица в гостях у журавля; над нею надпись: “лиса”» (Ровинский 1881, I, 275). Текстуальная часть лубка опубликована в каталоге. Как указала В. П. Адрианова-Перетц (1929, 382), лубочный текст воспроизводит, с некоторыми разночтениями и сокращениями, перевод С.С. Волчкова (Эсоповы басни 1747, 149–52. № 31), причем опущены нравоучительные комментарии.

***

Следом описана картинка *Лисица и куклы* (Ровинский 1881, I, 275–76. № 87). На ней изображена лиса, сидящая на полу внутри дома и держащая в правой лапе маску. На стене видны еще две маски и два парика; внизу на сто-

ле лежат гребень и круглая коробка (см. Илл. 4)⁴. Это иллюстрация к басне Эзопа *Ἀλώπηξ πρὸς μορμολύκειον* (Лисица и маска-страшилище). Лиса заходит в мастерскую формовщика (*εἰς πλάστου ἐργαστήριον*)⁵ и находит трагическую маску, восклицая: Что за голова! Но у нее нет мозга! (Aesop 1852, 24. № 47; Aesop 1998, 35. № 43; ср.: Thompson 2016, J 1793. *Mask mistaken for face*).

Ровинский отметил, что текст и иллюстрация «заимствованы» из издания Эзопа 1717 года (Ровинский 1881, IV, 201–02; см.: Эсоповы притчи 1717, 3–4. № 2). Здесь подчеркнем лишь, что они именно *заимствованы*, а не в точности скопированы. Текст передан не во всех подробностях. Если басня в изданиях петровского времени начинается словами: «Лісіца вшедши въ домъ куколнїковъ, или комедїалнннн, всѣ орудїя его пересмотрїла, обрѣте же тамо лярву, или харю, сїрѣчь страшїло [...]», то в лубочном тексте читаем: «Егда лисица вшедши в [ ]куко[Л]нїковъ домъ ѡбретши лярву сѣречь хару вподобие лица страшила человеческого [...]».

О зависимости иллюстрации от гравюры в *Эсоповых притчах* (см. Илл. 5) свидетельствует поза лисицы, сидящей на полу с повернутой назад головой. В отличие от лубка, лиса держит маску в обеих лапах. Лубочный мастер изменил также другие детали подлинника. В книжной иллюстрации на стене висят не маски и парики, а некое одеяние; стол отсутствует⁶.

* * *

В лубок попал также один из наиболее распространенных (см.: Köhler 1987) эзоповских сюжетов: *Лисица и виноград* (Ровинский 1881, I, 276. № 88; см.: Aesop 1852, 17. № 33; Гаспаров 1968, 68. № 15; Aesop 1998, 27. № 32). Сюжет общеизвестен, так что здесь приведем лишь синтез содержания из указателя фольклорных мотивов: «*The fox and the sour grapes*. Pretends that the grapes he cannot reach are sour» (Thompson 2016, J 871).

Лубок представлен Ровинским следующим образом: «Листовая картинка, гравированная на дереве с иностранного оригинала, одним очерком, без

⁴ Картинка имеется в собрании РНБ; в печати, кажется, не воспроизводилась: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_012150846/ (дата обращения: 5 февраля 2024).

⁵ Ср. у Гаспарова: *Лисица и маска*. Лиса забралась в мастерскую лепщика [...] (Гаспаров 1968, 71. № 27). Между тем, в переводе И. Копиевского читаем: «въ домъ куколнїковъ, или комедїалнннн». Копиевский перевел по одному из многочисленных двуязычных изданий *Fabulae Aesopi graece et latine* XVII века, где в басне, озаглавленной просто *Ἀλώπηξ / Vulpes* имеется вариант текста: «εἰς οἰκίαν ἑλθοῦσα ὑλοκράτου» («зашла в дом актера»; Aesop 1660, 9). Современное английское издание переводит почему-то по данному варианту: «в дом актера» («into an actor's house»; Aesop 1998, 35. № 43).

⁶ Гравюры издания 1717 года перегравированы зеркально с более раннего издания (Быкова и Гуревич 1955, 206), т. е. лисица на издании 1712 года смотрит влево (см. Илл. 6). Так как лисица на лубке смотрит вправо, вполне возможно, что подлинником послужило именно издание 1712 года (хотя, конечно, лисица могла быть срисована с издания 1717 года на доску лубка зеркально).

теней. Подлинник находится в Олсуфьевском собрании» (Ровинский 1881, I, 276). Подразумевается коллекция эстампов Адама Васильевича Олсуфьева (1721–1784), хранящаяся ныне в РНБ⁷. На экземплярах коллекции помещена, как правило, характерным почерком подпись владельца «Ад. Олсуфьев».

«Иностраннный оригинал», о существовании которого подозревал Ровинский, не обнаружен. Визуальная часть картинке достаточно странная. В центре иллюстрации большая виноградная лоза; справа изображена лисица; слева собака лает на утку, высиживающую яйца; вторая утка взлетает в воздух (см. Илл. 7)⁸. Картинка необычна тем, что на имеющихся иллюстрациях к данному сюжету (например, в многочисленных иллюстрированных изданиях басен Лафонтена XVIII века) другие животные отсутствуют; это как раз и не странно, поскольку лисица является единственным протагонистом басни. Возможно, на иллюстрации изображены сразу два басенных сюжета, однако басня про собаку и утку нам не встречалась.

Текст картинке заимствован из одноименной басни Александра Сумарокова (VI, 40), опубликованной впервые в журнале *Трудолюбивая пчела* в ноябре 1759 года (Кокорев 1948; Мишина 1998, № 222). На лубке опущен эпилог с моралью: «Довольно таковых / Лисиц на свете, / И гордости у них / Такой в ответе» (Сумароков 1787, 323).

***

Еще один эзоповский сюжет, *Старик и Смерть*, учтен в каталоге Ровинского в двух разных вариантах или, точнее, типах (Ровинский 1881, I, 276–77. № 89, 90; ср.: Aesop 1852, 44. № 90; Гаспаров 1968, 81. № 60; Aesop 1998, 63. № 78). Содержание притчи передано в указателе фольклорных мотивов следующим образом: «*The Old Man and Death. Weary old man wishes for death. When Death appears at the summons he asks for help with the load*» (Thompson 2016, С 11).

Оба варианта (типа) отличаются друг от друга техникой исполнения и особенностями композиции. Если позиция № 89 (см. Илл. 8)⁹ это — ксилография (см.: Мишина 1998, № 126), то картинка № 90 (Илл. 9) исполнена в технике гравюры на меди¹⁰. По композиции основное различие заключается

⁷ Несколько лет тому назад вся коллекция была оцифрована; на сегодняшний день она доступна в интернете на сайте РНБ.

⁸ Источник: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011962335/ (дата обращения: 5 февраля 2024).

⁹ Источник: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011964201/ (дата обращения 9 февраля 2024).

¹⁰ В оцифрованном виде доступны два различных экземпляра данной картинке из собрания РНБ. Один из них происходит из коллекции А. В. Олсуфьева: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_012721585/ (дата обращения 9 февраля 2024). Имеется также второй, раскрашенный, экземпляр из собрания М. П. Погодина: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_012389154/ (дата обращения 9 февраля 2024).

в том, что в картинке, гравированной на дереве, очень много внимания уделено дереву, занимающему почти половину поверхности иллюстрации. Оба лубочных типа связаны друг с другом генетически, т. е. одна из картинок была свободно срисована с другой. Об этом свидетельствуют почти идентичные позы персонажей, а также наличие дерева в обоих типах. На книжной иллюстрации, послужившей первоначальным образцом для лубка (см. Илл. 10), дерева нет. Еще Ровинский отметил, что картинка и текст заимствованы из *Эсоповых притчей* петровского времени (Ровинский 1881, IV, 202; см.: Эсоповы притчи 1717, 7–8. № 4).

Гравюры на дереве зачастую служат образцами для гравюр на меди, посколькуксилография — это более древняя техника, чем калькография. Здесь, как представляется, налицо обратный случай. Не являясь точной калькой книжной иллюстрации, картинка, гравированная на меди, верно передает визуальные элементы подлинника. Совпадают конфигурация (сидящий на связке дров старик и стоящая перед ним Смерть в виде скелета), жесты обеих персонажей, и такие детали, как вторая связка дров у ног старика и наличие холмов на горизонте. Лубочный мастер заимствовал композицию из иллюстрации в книге, добавив дерево за спиной старика. Наксилографии холмистый фон отсутствует, что, наряду с усилением мотива дерева, говорит о ее вторичности по отношению к гравюре на меди.

* * *

Среди упомянутых Ровинским произведений, имеющих отношение к Эзопу, отметим также *Житие Езона* (Ровинский 1881, I, 277–303. № 91). Это — не отдельно взятая народная картинка, а состоящая из 16 листов лубочная (цельногравированная) книга (см.: Хромов 1998). Первоначальное издание относится к середине XVIII века; на некоторых листах «имеются даты гравировки последовательно от 1745 до 1750 года» (Клепиков 1964, 166). *Житие остроумного Езона* пользовалось большим успехом в России; в течение XVIII и XIX столетий вышло всего пять изданий (вернее, типов), причем отдельные типы выдерживали по два-три тиража, отличающиеся друг от друга, в свою очередь, разными состояниями гравированных страниц-листов из-за правки, обновления и перегравировки досок (см.: Наумук и Хромов 1994, 40–6. № 102–12; Вруцелето 2011, 194–97, 356–57; Хромов 2013, 136–41).

Текст *Жития остроумного Езона*, воспроизведенный в лубочных изданиях, был опубликован впервые в Москве в 1712 году, а затем переиздан пять лет спустя в Санкт-Петербурге (Эсоповы притчи 1712, 1–76; Эсоповы притчи 1717, 1–76). Согласно Ровинскому, текст лубочной книги заимствован с издания 1717 года (Ровинский 1881, V, 141); между тем, в сводном каталоге петровских изданий гражданской печати указано, что он взят с издания 1712 года (Быкова и Гуревич 1955, 130). Впрочем, тексты обоих изданий почти не отличаются друг от друга.

Считалось, что иллюстрации в лубочном *Житии остроумного Езона* восходят к ближе не определенным западноевропейским образцам: «Картинки

– по-видимому, копии с иллюстраций западного происхождения» (Клепиков 1964, 166). Наиболее примечательная из этих иллюстраций – гравюра-фронтиспис с изображением Эзопа (см. Илл. 11)¹¹. В работе, посвященной связям *Жизни Эзона* с западноевропейской изобразительной традицией, утверждается: «Лубочный Эзоп восходит [...] к немецкой гравюре и прежде всего к ульмскому изданию 1476–1477 годов» (Топурия 1999, 149)¹². Имеется в виду изображение Эзопа (см. Илл. 12) в монументальном издании Гейнриха Штайнхёвеля (1422-1478), шедевре ранней немецкой книжной иллюстрации (Steinhöwel 1476)¹³.

За последние десятилетия иконографическая традиция иллюстрированных изданий корпуса эзоповских текстов активно изучалась (Küster 1970; Küster 1983; Bodemann 1998; Timm 1998; Biscéré 2013). Как пишет французский исследователь иконографии Эзопа, за период с 1476 по 1687 год известен примерно десяток иконографических циклов с иллюстрациями к *Жизни Эзона* («une dizaine de cycles iconographiques destinés à l'illustration de la *Vie d'Ésope* pour la période comprise entre 1476–1477, date d'édition de la première mise en image du texte, et 1687, date de l'édition de la dernière grande série de gravures originales conçues pour le roman du fabuliste»; Biscéré 2013, 14). Достаточно беглого взгляда на воспроизведенные в данной работе иллюстрации с примерами из различных иконографических циклов (Biscéré 2013, 53–71; ср.: Timm 1998, 26–42), чтобы прийти к заключению, что в случае картинок в русском лубочном издании о сколько-нибудь точных «копиях» с западных иллюстраций говорить не приходится. Иконографическое сходство заклю-

¹¹ Источник: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_012032883/ (дата обращения 9 февраля 2024). Ср. также изображение из издания другого типа: Хромов 2013, 137.

¹² Если этот основной тезис исследования не вызывает сомнений, то ряд суждений автора о возможных прообразах русской иллюстрации основан на недоразумении. Исследовательница ссылается на «мнение А. Н. Пыпина, Н. В. Губерти, Д. А. Ровинского, а также С. А. Клепикова, что образцом лубочного издания стал немецкий оригинал Симрока, копиями которого были уже гравюры 1717 года. [...] К сожалению, мы не могли познакомиться с изданием Симрока de visu, но исходя из наблюдений Ровинского, который утверждал, что лубочная книга является его копией, и, сопоставляя фронтисписы “Жития” и ульмского издания, нетрудно увидеть, что, несмотря на различия трактовки и ряда деталей, их объединяет иконографическое сходство. Из этого можно сделать вывод, что гравюра в издании Симрока примыкает к той же группе» (Топурия 1999, 149, 152). Ровинский, конечно же, не «утверждал, что лубочная книга является его [Симрока] копией», да и не мог этого утверждать. «Симрок» это не иллюстрированное ренессансное издание жизнеописания и басен Эзопа, как полагает Н. А. Топурия; это — фамилия немецкого филолога середины XIX века Карла Симрока, под редакцией которого вышло многотомное издание старинных «немецких народных книг» (*Die deutschen Volksbücher*. Frankfurt am Main, 1845-1867. Bd. 1–13); в заключительный 13-й том данного издания вошло жизнеописание Эзопа по изданию 1476 года в переводе на современный немецкий язык (Simrock 1867, 157–214), впрочем, без всяких иллюстраций.

¹³ Драгоценная инкунабула ныне доступна в оцифрованном виде: <https://www.digitale-sammlung.de/en/view/bsb00024825?page=,1> (дата обращения: 29 января 2024).

чается всего лишь в первоплановом изображении фигуры в рост с горбом и характерно вытянутыми вперед руками.

* * *

Обратимся в завершение к еще одной картинке с эзоповским сюжетом, которая, по всей видимости, осталась Ровинскому неизвестной, поскольку она не была им включена в каталог. Это странно еще и потому, что, как видно по характерным инициалам «Ад. О.» в левом углу (см. Илл. 13), гравюра происходит из досконально изученной Ровинским коллекции гравюр А. В. Олсуфьева (Ровинский 1881, I, XI–XII). Картинка *Комар и лев* (Aesop 1852, 113. № 234; Гаспаров 1968, 137. № 258; Aesop 1998, 139. № 188), ныне хранящаяся в РНБ, обнаружена в интернете на сайте НЭБ вместе со всей коллекцией Олсуфьева¹⁴. Басня отражена в указателе фольклорных мотивов (Thompson 2016, L 478. *Gnats having overcome lion are in turn killed by spider*).

Сюжет лубочной притчи близок к эзоповскому подлиннику. Комар вызывает льва на поединок; во время схватки насекомое надоедает льву до его полного изнеможения; в ответ на триумфальную песнь «победителя», паук излаживает комара-самохвала в паутинную сеть. На иллюстрации в верхней части картинка представлены три эпизода: слева комар беседует со львом; в центре изображена борьба животных; справа комар в паутине.

Перед нами гравюра на меди, созданная, вероятно, в середине XVIII столетия и напечатанная не ранее второй половины 1760-х годов¹⁵. Она исполнена весьма нечисто в технике офорта. Серые пятна в нижнем левом и правом углах возникли как следствие непланового контакта медной доски с азотной кислотой (*l'eau forte*, «крепкой водкой», как ее называли в XVIII веке), разъедшей доску в случайных местах. Иллюстрация исполнена неумелой рукой, представляя собой, скорее всего, ученический этюд. В стилистических признаках рисунка не ощутимы следы влияния какого бы то ни было иностранного (или академического) искусства.

Не менее курьезна текстуральная часть гравюры. Стихотворный текст под иллюстрацией исполнен привычным для лубка раешником, неметрическим стихом с парной рифмой; необычна при этом графическая разбивка на стихи и на четыре колонны (или строфы) по шесть стихов каждая:

комаръ со[ ]лво[м] бесѣдуетъ
 силу свою и[х]рабро[с]тъ повѣдуетъ
 ва[ ]поле комаръ со[ ]лво[м] изыдоша

¹⁴ Источник: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_012721577/ (дата обращения: 29 января 2024). На сайте картинке дано заглавие «Лев и комар»; между тем, в названии басни в греческом оригинале первым значится комар.

¹⁵ Эстампы из собрания Олсуфьева печатались специально по заказу коллекционера: «Нет сомнения, что Олсуфьев, бывши в Москве, заказал сделать отпечатки со всех старых досок на известных тогда фабриках, собственно для себя» (Ровинский 1881, I, XII).

ме[ж] собою брань оучиниша
воструби комаръ громкимъ
своимъ гласомъ великимъ

окрестъ носа лвова седаше
лице ево оугрызаше
левъ ногти себе драше
дондеже вознегодоваше
комар[ ]же лва побѣдивый
побѣ[д]ную пѣ[с]нь во[с]пѣвый

силнѣи изнемогоша
а[ ]немощнѣи восташа
аще полкъ на[ ]мя опо[л]чи[т]ся
с[е]р[д]це мое не[ ]оубоится
оуслыша же паукъ по[х]валы сѣя
по[с]тави на[ ]пути тенета своя

гдѣ комару летѣти
как[ ]бы ево изловити
комаръ в[ ]тенетахъ спутася
и[ ]горко плакася
яко силнаго лва побѣди[хъ]
н[ы]нѣ са[м] от[ ]паоука погибо[хъ]

притча являетъ яко кто кого побѣдивши великихъ таковыи от малыхъ сами низлагаются.

Неясно, кем и когда могло быть написано воспроизведенное на картинке стихотворение. Учитывая время создания гравюры, поражают формально-стилистические и языковые приметы текста. Исполненные бездарно стихи избилуют архаичными глагольными формами (изыдоша, восташа, побѣдихъ, погибохъ) и деепричастиями (побѣдивый, воспѣвый), которые успели устареть еще в течение XVII века, лет за сто до напечатания картинки. В принципе, эти вирши могли быть написаны в допетровское время, однако нет никаких сведений о существовании стихотворных переложений басен Эзопа на Руси в XVII столетии (см.: Тарковский и Тарковская 2005).

Если же эти стихи были, как представляется, сочинены в течение первой половины – середины XVIII столетия, то засилье архаизмов объясняется тем, что перед нами, по всей видимости, рифмованная обработка притчи *О комаре* в переводе Федора Гозвинского начала XVII века (Гозвинский 2010, 80. № 104):

Комар, пришед ко лву, рече: «Ниже боюся ты, ниже силнѣиши еси мене. Аще же ни, — искусимся, кая ти есть сила и крѣпость? Яко дереши ногтями и грызеши зубами? — сие и жена с мужем бранящися творит. Аз же зѣло есмь силнѣиши тебе. Аще же хочеши — изыдемъ на брань!»

И вострубив, комар полетѣ, угрызая окрест носа его, безвласное львово лице
 грызый. Лев же своими ноготми драше самого себе, донележе изнемог, лежаше.
 Комар же, побѣдив лва, вострубил и, побѣдную пѣснь воспѣт, полетѣ.
 Паук же сътъ связя паучинную, в ню же, летя, комар впаде, и паук сего снѣде.
 Снедаемый же комар плакаше: «Ох, яко с великими воюяся, от малаго
 животного паука погибох!»
 Притча к побѣдившим великих, от малых же низложенным.

О зависимости текста картинки от перевода Гозвинского свидетельствует ряд текстуальных совпадений: «вострубил комаръ» – «И вострубив, комар полетѣ»; «окрестъ носа лвова [...] оугрызаше» – «угрызая окрест носа его»; «левъ ногты себе драше» – «Лев же своими ноготми драше самого себе»; «силній изнемогша» – «Лев [...] изнемог»; «комаръ [...] плакася» – «комар плакаше»; «от [ ] паоука погибо[хъ]» – «от [...] паука погибох». Почти тождественны строки с моралью в конце: «притча [...] побѣдивши великихъ [...] от малыхъ сами низлагаются» – «Притча к побѣдившим великих, от малых же низложенным».

* * *

Подводя итоги, отметим, что в текстах русских народных картинок с эзоповскими сюжетами отразился весь спектр различных переложений притч Эзопа, от перевода Гозвинского начала XVII века через петровские издания начала XVIII века в переводе Копиевского вплоть до перевода Волчкова 1747 года и до стихотворной обработки Сумарокова 1759 года. Даже столь ограниченный материал, каким является присутствие эзоповских сюжетов в лубке, наглядно демонстрирует крайне эклектичный подход лубочных мастеров к выбору визуальных и текстуальных мотивов, характерный для русской народной картинки в целом.

Литература

- Адрианова-Перетц, Варвара П. 1929. «Басни Эзопа в русской юмористической литературе XVIII века.» *Известия Отделения русского языка и словесности* II, 2: 377–400.
- Брагоне, Мария Кристина. 2012. «К истории русского Эзопа на рубеже XVII и XVIII веков.» В *Litterarum fructus. Сборник статей в честь Сергея Ивановича Николаева*. ред. Надежда Ю. Алексеева, и Наталья Д. Кочеткова, 75–87. Санкт-Петербург: Альянс-Архео.
- Брагоне, Мария Кристина. 2024. «Эзоп в России XVIII века. Несколько наблюдений над переводом С.С. Волчкова (1747).» В *XVIII век*. Сб. 31: 63–85. Санкт-Петербург: Альянс-Архео.
- Быкова, Татьяна А. и Мирон М. Гуревич. 1955. *Описание изданий гражданской печати: 1708–январь 1725 г.*, редактор и вступ. ст. П. Н. Берков. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР.
- Вруцелето. 2011. *Вруцелето, эмблемат, апофегмат... Цельногравированные кириллические книги и гравюры в русских рукописях XVI–XIX веков из собрания*

- Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, ред. Марина Афанасьева. Ярославль: Первая публикация.
- Гаспаров, Михаил Л. 1968. *Басни Эзопа*, Москва: Наука.
- Гозвинский, Федор К. 2010. “Басни Эзопа в переводе Ф.К. Гозвинского.” Подготовил текст и комментарии Ростислав Б. Тарковский. В *Библиотека литературы Древней Руси*. Т. 16. XVII век, 45–93. Санкт-Петербург: Наука.
- Эзоповы басни. 1747. *Эзоповы басни с нравоучением и примечаниями Рожера Летранжа*, вновь изданные, а на российской язык переведены в Санктпетербурге канцелярии Академии Наук секретарем Сергеем Волчковым. Санкт-Петербург: Академия Наук.
- Клепиков, Сократ А. 1964. “Русские гравированные книги XVII–XVIII веков.” *Книга: Исследования и материалы* 9: 141–77.
- Кокорев, Александр В. 1948. “Сумароков и русские народные картинки.” *Ученые записки Московского университета* 127: Труды кафедры русской литературы 3: 227–236.
- Мишина, Елена А. 1998. *Русская гравюра на дереве XVII–XVIII вв.* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Наумур, О.М. и Олег Р. Хромов. 1994. *Русская лубочная книга XVII–XIX веков*. Москва: Государственная публичная историческая библиотека России.
- Ровинский, Дмитрий А. 1881, I–V. *Русские народные картинки*, Т. 1–5. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- Ровинский, Дмитрий А. 1881–1893, I–IV. *Русские народные картинки. Атлас*, собрал и описал Д. Ровинский. Т. 1–4. Санкт-Петербург: Экспедиция заготовления государственных бумаг.
- Сумароков, Александр П. 1787. *Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе*. Изд. 2-е, ч. 7. Москва: Университетская типография у Н. Новикова.
- Тарковский, Ростислав Б. и Лана Р. Тарковская. 2005. *Эзоп на Руси. Век XVII. Исследования. Тексты. Комментарии*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Топурия, Нателла А. 1999. “Лубочное издание «Жития Эзопа» и западноевропейская изобразительная традиция.” В *Мир народной картинки*, ред.: К.К. Искольдская, Б.М. Соколов, 146–55. Москва: Прогресс - Традиция.
- Хромов, Олег Р. 1998. *Русская лубочная книга XVII–XIX веков*. Москва: Памятники исторической мысли.
- Хромов, Олег Р. 2013. *Цельногравированная книга и гравюра в русских рукописях XVI–XIX веков. Каталог коллекции Отдела письменных источников Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника*. Москва: Арт-Родник.
- Шруба, Манфред. 2022. “Западноевропейская традиция изображения хамелеона в русской народной картинке.” *Quaestio Rossica* 10 (1): 96–115. DOI 10.15826/qr.2022.1.661.
- Эсоповы притчи. 1712. *Эсоповы притчи повелѣніемъ царскаго велічества*. Напечатаны въ Москвѣ лѣта Господня 1712 в Мартѣ.
- Эсоповы притчи. 1717. *Эсоповы притчи повелѣніемъ царскаго велічества*. Напечатаны Санктпѣтербурхѣ лѣта Господня, 1717 Апрелья въ 5 день.
- Aesop. 1660. *Fabulae Aesopi graece et latine*. Amstelodami: Apud Paulum Matthiae.
- Aesop. 1852. *Fabulae aesopicae collectae, ex recognitione Caroli Halmii*. Lipsiae: Teubneri.
- Aesop. 1998. *The Complete Fables*, translated by Olivia and Robert Temple; with an introduction by Robert Temple. New York: Penguin Books.

- Biscéré, Antoine. 2013. "Esopé illustré: Inventaire raisonné des cycles iconographiques de la *Vie d'Esopé* (1476–1687)." *La Fontaine, la fable et l'image (Le Fablier. № 24)*: 13–71. <https://hal.science/hal-01366354/document> (дата обращения: 25 января 2024).
- Bodemann, Ulrike. 1998. *Katalog illustrierter Fabelaufgaben 1461–1990*. Hamburg: Metzner. (Das illustrierte Fabelbuch. Bd. 2).
- Imendörffer, Helene. 1998. *Die Geschichte der russischen Fabel im 18. Jahrhundert. Poetik, Rezeption und Funktion eines literarischen Genres*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Köhler, Ines. 1987. "Fuchs und saure Trauben." In *Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung*. Hrsg. von Rolf Wilhelm Brednich, Bd. 5, 527–34. Berlin-Boston: De Gruyter.
- Küster, Christian Ludwig. 1970. *Illustrierte Äsop-Ausgaben des 15. und 16. Jahrhunderts*. Diss. phil. Hamburg.
- Küster, Christian Ludwig. 1983. "Die gedruckte Fabelillustration im 15. und 16. Jahrhundert." In *Fabula docet. Illustrierte Fabelbücher aus sechs Jahrhunderten*, 34–49. Wolfenbüttel: Herzog August Bibliothek.
- Maaz, Wolfgang. 1987. "Fuchs und Kranich." In *Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung*, Hrsg. von Rolf Wilhelm Brednich, Bd. 5, 503–11. Berlin: De Gruyter
- Simrock, Karl. 1867. *Die deutschen Volksbücher* Bd. 13. Frankfurt a. M.: Christian Winter.
- Steinhöwel, Heinrich. 1476. *Vita Esopi fabulatoris clarissimi e greco latina p[er] Rimiciu[m] facta [...]* Das leben des hochberuerten fabeldichters Esopi / vß krichischer zungen in latin / durch Rimiciu[m] gemacht [...]
- mit synen fabeln [...]
- vß latin / von doctore hainrico stainhoewel schlecht un[d] verstentlich getuetschet [...]. [Ulm: Johann Zainer].
- Thompson, Stith. 2016. Stith Thompson's *Motif Index of Folk-Literature* [bookmarked and searchable pdf file, internet version of the edition: *Motif-Index of Folk-Literature: A Classification of Narrative Elements in Folktales, Ballads, Myths, Fables, Mediaeval Romances, Exempla, Fabliaux, Jest-Books, and Local Legends* (Bloomington, Indiana: Indiana University Press, 1955-1958. Vol. 1–8)]. <https://archive.org/details/Thompson2016MotifIndex> (дата обращения: 22 января 2024).
- Timm, Regine. 1998. *Spiegel kultureller Wandlungen*. Hamburg: Metzner. (Das illustrierte Fabelbuch. Bd. 1).

Илл. 2. «Зачем мать сына худо учила» (РНК. № 75в), фрагмент.

Илл. 3. «Отрок и матери» (Эсоповы притчи 1717: № 37).

Илл. 4. «Лисица и куклы» (РНК. № 87).

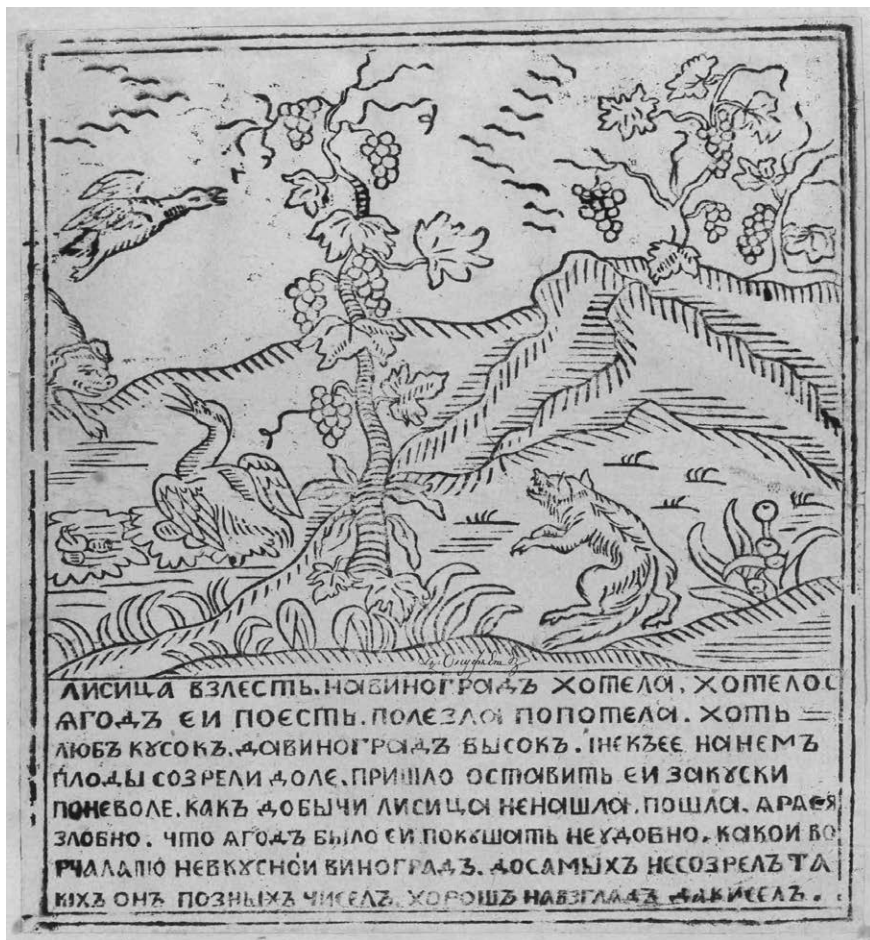

Илл. 5. «Лисица» (Эсоповы притчи 1717: № 2).

Илл. 6. «Лисица» (Эсоповы притчи 1712: № 2).

Илл. 7. «Лисица и виноград» (РНК. № 88).

Илл. 8. «Старик и смерть» (РНК. № 89).

Илл. 9. «Старик и смерть» (РНК. № 90).

Илл. 10. «Старый человек и смерть» (Эзоповы притчи 1717: № 4).

Илл. 11. «Житие остроумного Езопа» (РНК. № 91); фронтиспис.

Илл. 13. «Комар и лев» (РНБ).

Державин и эзоповская традиция в XVIII веке

Michela Venditti

Abstract: *Derzhavin and the Aesopian Tradition in the Eighteenth Century.* The literary tradition of the fable genre emerged and developed in the 18th century, starting from A. Kantemir, through the formal experiments of Trediakovskij and Lomonosov, Sumarokov's "sklonenie na russkie nrawy", and the subsequent original elaboration by undisputed Russian representative I. Krylov. The article examines G. R. Derzhavin's fable production in the context of the genre's reception in 18th-century Russia. Derzhavin's fables were published posthumously and have been little studied to this day. Overall, the poet composed 24 fables, 4 of which are based on the elaboration of Aesopian subjects. The latter are specific subjects of analysis through their comparison with previous literary versions. The work demonstrates how Derzhavin's Aesopian fables versions are original and interesting as echoes of his creative evolution.

Keywords: Derzhavin, fables, Aesop, Sumarokov, Krylov, La Fontaine

Восприятие эзоповской басни в XVIII веке является одним из важных явлений образования новой русской литературы. Перевод басенного творчества начался еще в XVII веке, а с петровского времени (в связи с известным увлечением Петра баснописцем) и вообще в XVIII веке популярность греческого автора только укрепилась (Брагоне 2012; Брагоне 2024). Все переводы были прозаическими, а в литературной области первым автором, который сочиняет переложения басен в стихах, был А. Д. Кантемир. Сборник его подражаний Эзопу выходит посмертно в 1762 году, но их уже устаревший силлабический стих и значительная амплификация эзоповского содержания, с умножением подробностей, не способствуют их распространению.

К середине XVIII века стихотворная басня очень популярна; в рамках эстетики классицизма, как пишет Сумароков в *Эпистоле о стихотворстве*, она является низким жанром:

Склад басен должен быть шутив, но благороден,
И низкий в оном дух к простым словам пригоден,
Как то де Лафонтен разумно показал,
И басенным стихом преславлен в свете стал.
Наполнил с головы до ног все притчи шуткой
И, сказки пев, играл всё тою же погудкой.
Быть кажется, что стих по воле он вертел,
И мнится, что, писав, ни разу не вспотел; (Сумароков 1787, I, 344)

Michela Venditti, University of Naples L'Orientale, Italy, 0000-0003-4072-4604

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Michela Venditti, *Derzhavin and the Aesopian Tradition in the Eighteenth Century*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.31, in Svetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 415-425, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

Вклад Сумарокова в басенную традицию велик: он сочинил более 370 басен, имевших большой успех и широко распространявшихся (Клейн 2010, 174).

От Кантемира до Крылова, признанного представителя русской басенной традиции, выделяются три основных этапа в эволюции жанра: басня как упражнение (Тредиаковский, Ломоносов), склонение на русские нравы (Сумароков) и авторская обработка эзоповских мотивов (Майков, Хемницер, Дмитриев, Капнист и другие).

Функция басни как объекта упражнения, и с метрической точки зрения, и в качестве употребления литературных приемов, видна в творчестве двух основателей классицизма, у Тредиаковского в самом названии сборника: *Несколько Эзоповых басенок, для опыта гексаметрами ямбическими и хорейскими составленных* (Тредиаковский 2009, 113). Ломоносов выдвигает изящность стиля в басне, используя данный жанр как запас для риторических примеров: «К аллегории принадлежат загадки, метафорические пословицы и притчи или басни, чему примеров довольно видеть можно в Эзоповых притчах» (Ломоносов 1952, 53–4).

Сумароков и его приверженцы представляют собой этап склонения на русские нравы в рецепции эзоповской басни, как пишет сам поэт в басне со значимым названием *Вор*: «На Русску стать я Федре преврачу, / И Русским образом я басню сплесть хочу» (Сумароков 1787, VII, 33). Основоположник новой русской басни Сумароков не только переносит эзоповские сюжеты и мотивы на русскую почву (опираясь скорее на Лафонтена и на Геллерта, чем на античных авторов), но экспериментирует с различными приемами, вплоть до абсурда (Клейн 2010, 175–76). В середине 1750-х годов он вводит комически-гротескное направление басни с ее сатирической остротой, используя разностопный ямбический стих и простой язык. Сборник его ученика В. Майкова *Нравоучительные басни* (1767 год) является примером авторской обработки эзоповских мотивов на основе сумароковской концепции: комического начала, обнажения приема, умножения подробностей.

Первоначальная дидактическая функция жанра способствует распространению басни в русском классицизме, становясь одновременно основой для образования эзопова языка. Аллегорическое изображение конкретной жизни человека, политические намеки и сатирические остроты имеют двойную цель: с одной стороны, выявлять отрицательные моральные аспекты двора и современного общества, с другой стороны, сделать это, избегая цензуры. По меткому определению М. А. Гаспарова, басня — это «вымышленный рассказ, являющий образ истины» (Гаспаров 1968, 254). Почти те же самые слова находим в неопубликованном стихотворении Державина под заглавием *К силуэту И. И. Хемницера*: «Эзоп лампадой освещал, / А басня кистию тень с истины снимала» (Державин 1866, 492). Возможность маскировать критику реальной действительности посредством аллегорического и простого языка басни признается достоинством Эзопа:

Есоп с робятами играет;
 Смеются все тому — он это презирает.
 «Всему, — сказал он им, — на свете сем предел»,
 Потребно всякому безделье между дел.
 Кто этого не разбирает,
 Недолго будет мысль и важна и жива:
 Кто слишком тянет лук, порвется тетива. (Сумароков 1787, VII, 249)

Басни и притчи Г. Державина не были опубликованы и не получили большой известности. Поэт собирався издавать их отдельно, но это намерение не осуществилось. Грот относит сочинение басней Державиным к двум рукописным тетрадам, одна из которых принадлежит ранним годам деятельности (1770–80), а вторая — к периоду с 1790 по 1810-е годы (Державин 1866, 537–38; см.: Венгеров 1897, 688). Державин сочинил всего 24 басни (Державин, 1866, 539–72). При жизни были опубликованы только две из них: *Лев и волк* (1783), и *Крестьянин и дуб* (1802). Количество басен и продолжительность периода их сочинения свидетельствуют о том, что данный жанр не был второстепенным в эстетической концепции Державина. Его басни очень оригинальны и представляют значительный интерес: «Басни не побочный продукт творчества нашего поэта, а его полноценная составляющая, требующая к себе более детального и всестороннего внимания исследователей» (Морозова 2007, 168).

Ниже будут рассмотрены подробнее басни Державина, являющиеся обработками эзоповских сюжетов: *Смерть и старик*; *Медведь, лисица и волк*; *Собака и старуха*; *Агнёнок и волк*. Первые три относятся к 1770–1780 годам, а последняя к 1808–09 годам.

Остальные двадцать державинских басен представляют собой сочинения, использующие эзоповский язык. Они содержат многочисленные намеки на современную действительность, на реальных лиц двора или общества, на литературную среду и имеют нравственно-политический характер. Немецкая исследовательница Х. Имендёрфер, автор монументального труда о русской басне XVIII века, утверждает, что именно злободневный характер басенного творчества Державина удержал его от их публикации (Imendörffer 1998, 697).

Как пишет М. А. Гаспаров, сюжет эзоповской басни всегда один и тот же, но пересказывается по-разному у разных авторов; ее композиция схематична: экспозиция — замысел — действие — неожиданный результат; моральная сентенция может быть в начале или в конце (Гаспаров 1968, 261). Используются установленные формулы, делающие басню узнаваемой. Традиционный размер — это вольный ямб, чаще всего с парной рифмовкой. Авторские версии характеризуются особенностями сюжетной схемы. Эзоп и Лафонтен всегда включают моральную сентенцию в начале или в конце повествования; но их басни отличаются объемом: первый — лаконичен, второй вносит много подробностей.

Первая эзоповская басня Державина *Смерть и старик* (1776) состоит из 16 стихов, написанных разностопным ямбом с парной рифмовкой. До Державина эту басню в России обрабатывали В. Третьяковский (*Старик и смерть*,

1752), А. Сумароков (*Крестьянин и Смерть*, 1760–1770), А. Дубровский (*Смерть и дровосек*, 1755).

Эзоповский оригинал таков:

Старик нарубил однажды дров и потащил их на себе; дорога была дальняя, устал он идти, сбросил ношу и стал молить о кончине. Явилась Смерть и спросила, зачем он ее звал. «Чтобы ты подняла мне эту ношу», — ответил старик. Басня показывает, что всякий человек любит жизнь, как бы он ни был несчастен (Гаспаров 1968, 81).

В предисловии к *Собранию сочинений* Третьяковский заявляет, что использовал для своих басней латинский прозаический перевод гуманиста И. Камерария и что сочинял их «для опытка некудреватыми стихами» (Третьяковский 2009, 15), что его намерением было приблизить текст к эзоповскому образцу, однако он исключил пролог и мораль (Третьяковский 2009, 571–72). Басня в 18 стихов написана семистопным трохеем с мужской цезурой (4+3) и с парной рифмовкой (Третьяковский 2009, 126). Первые девять строк описывают одинокого и усталого старика; он призывает Смерть (10–11); она немедленно приходит (12–13), Старик пугается (14–5) и просит ее о помощи (16–18).

Басня Сумарокова *Крестьянин и Смерть* (1787, VII, 294) следует образцу Лафонтена, но более длинная (24 строки); поэт использует установленный им разностопный ямб с чередующейся рифмой. Сумароков уделяет почти равное внимание на описание главных героев, Крестьянина (1–8) и Смерти (9–14), вставляя комическое отступление: «Как не оставит все когда ее зовут, / Другие от нее и окны все запрут». Продолжение следует традиционному сюжету, с типичным сумароковским подчеркиванием комического тона.

Следующая стихотворная версия принадлежит переводчику Академии Наук А. Дубровскому; он явно опирается на Лафонтена, от которого берет буквальное название *Смерть и Дровосек* (*La Mort et le Bûcheron*) (Поэты XVIII века 1972, I, 153). Басня опубликована впервые в *Ежемесячных сочинениях*, во II номере за 1755 год (Неустроев 1875, 52). Поэтическая структура басни своеобразна, 18 стихов, написанных шестистопным ямбом с парной рифмой. Близость к французскому баснописцу проявляется в строках, посвященных дровосеку (1–11), где упоминаются его дети и семья, мотив, отсутствующий в предыдущих вариантах. Обращение к Смерти (12–14) сопровождается быстрым завершением, подчеркивающим неожиданное заключение через прямой диалог.

Смерть и Старик Державина представляет собой оригинальную обработку сюжета, хотя близка сумароковской интерпретации:

Вязанку дров Старик тащил и надрывался,
Сугорбился, потел, дрожал и задыхался;
А как была тогда осенняя слота,
Несноснее ему была тем тягота.
Лишился сил, подсекались ноги:

Упал среди дороги.
 Стенал он, лежа, и вздыхал
 И в слабости своей сказал:
 О Смерть, страдальцев облегченье!
 Приди и прекрати мученье.
 Тут Смерть ему в глаза,
 Как страшная гроза!
 Ты ль звал меня? его спросила
 И косу на него блестящу наклонила.
 — Нет, нет, не я, помилуй! он вскричал
 И пальцем ближнего соседа показал. (Державин 1866, 539–40)

Басня состоит из 16 стихов, написанных разностопным ямбом с парной рифмой. Первые десять строк посвящены Старикку; автор сосредотачивает свое внимание на действии (в восьми стихах использованы 15 глаголов). Смерть в отличие от предыдущих басен изображается в типичных для Державина барочных образах: она страшна (у Сумароков она даже «не грозно» говорит) и с блестящей косой. Поэт изображает конкретную картину без имплицитного повествователя, присутствующего у предыдущих авторов. Оригинальное завершение, где Старик указывает на соседа, взято из басни Гагедорна *Der arme Kranke und der Tod* (Державин 1866, 539). Державин принимает сумароковскую формальную структуру басни, в том числе и отсутствие моральной сентенции и некий шуточный тон. Имендёрфер считает, наоборот, что особенность обработки Державина заключается в отказе от комической, гротескной линии, и что как раз в первых баснях он полемизирует по этому поводу с Сумароковым и Майковым (Imendörffer 1998, 698).

Вторая эзоповская басня Державина — это *Медведь, лисица и волк*. Сюжет о первенстве сильнейшего, строго говоря, не Эзопа; он появляется впервые у Фёдра в басне, которая носит название *Корова, коза, овца и лев*:

О том, как ненадежна дружба с сильными,
 Свидетельством послужит эта басенка.
 Коза, корова и овца несчастная
 Однажды вместе со львом в лесу охотились.
 Они оленя изловили тучного;
 Лев, разделивши тушу, заявил им так:
 «Беру я первую часть за то, что львом зовусь;
 Вторую — за то, что был я вам союзником;
 За то, что я сильней, мне третья следует;
 И горе тому, к четвертой кто притронется».
 Так всю добычу забрало насилие. (Гаспаров 1962, 9)

До Державина сюжет обрабатывали Тредиаковский (2009, 120: *Лев, телуца, коза, овца*), Сумароков (1787, VII, 43–44: *Лев, корова, овца и коза*), Майков (1966, 146–47: *Медведь, волк и лисица*). У Майкова наблюдаем адаптацию к русским нравам, где русский медведь занимает место классического льва.

У Третьяковского в басне из 16 стихов сюжет передан точно, без начальной сентенции, которая превращается в ряд заключительных риторических вопросов: «Что бессильному скоту делать надлежало? / Как сопротивляться Льву? Иль его хоть мало / Раздражить в то время дерзостно кто б захотел?» (Третьяковский 2009, 120).

Сумароков предлагает длинную басню в 28 строк. Он тоже опускает мораль; в басне имеется обнажение приема: «Так мелю я не ветр, / А доказательство сей истинны мне Федр» (Сумароков 1787, VII, 43).

Источником для Державина является, по-видимому, версия Майкова, из которой он берет название басни, меняя последовательность называния животных. Длинная басня Майкова состоит из 80 строк; влияние Сумарокова явно проявляется в повторении одних и тех же строк: «а я скажу вам како. / Тако» (Сумароков 1787, VII, 44); «Но у зверей не так, / Да вот, скажу я, как» (Майков 1966, 146) и в метанарративе: «Но рассуждение теперь сие оставим, / Да, сказку к этому старинную представим» (Майков 1966, 146). Майков оставляет мораль в начале, но умножает в сюжете длинные отступления и подробности.

Имендёрфер полагает, что в этой басне Державин полемизирует с Майковым.

Медведь, Лиса и Волк согласно жили,
 Гуляли вместе, ели, пили,
 На промысел ходили заодно.
 Подцапали в одно
 Они теличку время.
 Медведь, добычу взяв в беремя,
 Послушайте, сказал: коль всем нам части брать,
 То мало этого всем голод нам унять;
 А старей кто из нас, пускай тот и владеет
 Обедом сим:
 Промыслим после мы другим;
 Но старшинство везде ведь первенство имеет. —
 Изрядно, говорит Лиса:
 Когда создались небеса
 И твердь звездами убралася,
 Тогда я родилася. —
 Стара, кума, и ты, Волк начал говорить:
 Но не успели звезд ко тверди пригвоздить,
 Как я на свет сей произошел!
 И есть было телицу шел.
 Ну, врешь, сказала Медведь, оскалившись зубами:
 Пусть молод, но сильней я всех теперь меж вами,
 Да мне же хочется и есть;
 Так мне принадлежит и старшинство и честь. (Державин 1866, 540–42)

Версия Державина в 24 стиха, с тем же каноническим размером, что у Майкова. Поэт следует также сюжету Майкова, в котором решение о том, как де-

лить добычу, основано на старшинстве в отличие от классической версии, где лев просто перечисляет свои привилегии и свое первенство, присваивая себе всю пищу. У Державина нет начальной сентенции, он подчеркивает элемент действия (шесть глаголов в пяти строках) и изображает конкретную и яркую картину. В заключении прямые слова нахального медведя выражают мораль басни: «сильней я всех [...] так мне принадлежит и старшинство и честь».

Сюжет третьей басни очень древний и восходит к индийскому сборнику Панчатантра, посвященному воспитанию правителей. Последующие обработки басни имеют разные названия, подчеркивающие тот или другой момент сюжета: *Собака с куском мяса* (Эзоп), *Собака и ее отражение* (Федр), *Le chien qui lâche sa proie pour l'ombre* (Лафонтен), *Пес и часть мяса* (Третьяковский), *Собака с куском мяса* (Сумароков), *Собака и тень* (А. Ржевский). У Эзопа читаем:

Собака с куском мяса в зубах перебиралась через речку и увидела в воде свое отражение. Она решила, что это другая собака с куском побольше, бросила свое мясо и кинулась отбивать чужое. Так и осталась она без того и без другого: одного не нашла, потому что его и не было, другое потеряла, потому что его унесла вода.

Басня направлена против человека жадного. (Гаспаров 1968, 102)

Третьяковский и Сумароков выбирают схожее название. Первый рассказывает всю историю в восьми стихах (Третьяковский 2009, 119). Сумароков сочиняет произведение в двенадцать строк (1787, VII, 305–06); в отличие от Лафонтена, который ставит мораль в пролог, Сумароков помещает ее в двух последних завершающих строках: «Чего не получил, тово своим не числь, / То разное, что в руке, и чем владеет мысль». Плодовитый оригинальный экспериментатор А. Ржевский (в журнале *Полезное увеселение*, 1762. Т. V; см.: Неустроев 1875, 89) выбирает для заглавия образ тени и, следуя метрической схеме Сумарокова, составляет очень удачный текст в 21 стих с моралью в начале: «Чужого кто себе имения желает, / Свое нередко тот теряет. / Я это вам примером докажу, / В пример вам басню расскажу / Чужую, / Послушайте какую» (Поэты XVIII века 1972, I, 269).

Басня Державина *Собака и старуха* вводит в сюжет новый персонаж, своеобразно его развивая:

Украда мяса часть Собака у Старушки
Из клетушки
И ну бежать с добычей прочь
Во всю собачью мочь,
По опытам то знав, что стары бабы строги,
За сорванны куски ломают ноги
Ухватами, клюками у собак.
Итак
Подалей Лыска убиралась,
Чтобы в глаза Старухе не попалась;
А наконец, когда к источнику пришла,
На берегу его легла

И стала наполнять голодно брюхо мясом,
 Украденным запасом.
 Но глядь в поток —
 Увидела: другой кусок
 Такой же, как она — такая ж Лыска ела;
 Тотчас и тот подцапать захотела,
 Разверзла пасть, —
 Упала изо рта украденная часть.
 Ах! сколько в свете мы примеров тех видали,
 Что, быв несытыми накраденным добром,
 Еще в чужом
 Пустую тень хватали. (Державин 1866, 542–43)

Первоначально басня имела название *Жадность*. Текст в 24 стиха длиннее, чем у предшественников. В первой части поэт описывает оба персонажа с подробностями («во всю собачью мощь») и отступлениями («стары бабы строги, / за сорванны куски ломают ноги»), создавая динамическую сцену; во второй части обрабатывается традиционный сюжет басни с собакой и ее отражением в воде. Грот сообщает, что оригинальная державинская мораль присутствует только в позднейшем списке (Державин 1866, 542–43).

Широко известен сюжет четвертой эзоповской басни Державина *Волк и ягненок*, принадлежащей позднему периоду его творчества; среди прочих ее переложили Федр, Лафонтен (*Le loup et l'agneau*), Третьяков (2009, 118–19) и Сумароков (1787, 6–8):

Волк увидел ягненка, который пил воду из речки, и захотелось ему под благовидным предлогом ягненка сожрать. Встал он выше по течению и начал попрекать ягненка, что тот мутит ему воду и не дает пить. Ответил ягненок, что воды он едва губами касается, да и не может мутить ему воду, потому что стоит ниже по течению. Видя, что не удалось обвинение, сказал волк: «Но в прошлом году ты бранными словами поносил моего отца!» Ответил ягненок, что его тогда еще и на свете не было. Сказал на это волк: «Хоть ты и ловок оправдываться, а все-таки я тебя съем!»

Басня показывает: кто заранее решил на злое дело, того и самые честные оправдания не остановят. (Гаспаров 1968, 108–09)

В начале XIX века жанр басни достигает своего полного утверждения с публикацией в 1809 году первого сборника И. Крылова, сразу признанного главным русским баснописцем. Текст Державина (1866, 565) относится к 1808–1809 годам, как установил Грот; такое датирование связано с тем, что версия Крылова появилась в 1808 году в журнале *Драматический вестник*, где немного позже была опубликована статья А. Шишкова «Сравнение Сумарокова с Лафонтеном». Державин участвовал в том же журнале. Шишков анализирует пять басен в версиях двух авторов, чтобы заключить в скрытой полемике с Крыловым, что обработка Сумарокова оказывается лучшей как более конкретная и соответствующая классическому сюжету. Шишков выше

оценивает сатирическую жилку у Сумарокова, чем разработанную и изящную версию Лафонтена, подхваченную Крыловым (Шишков 1828).

Волк и ягненок Сумарокова состоит из 46 строк. Текст не содержит мораль и начинается с описания обстоятельств. Когда волк видит ягненка, тот «от ужаса обмирает»; описание его испуга и мыслей о скорой смерти (которое так понравилось Шишкову) занимают шесть строк. Сюжет продолжается упорными обвинениями ягненка волком вплоть до известного заключения.

Басня Державина *Ягненок и волк*, объемом в 43 стиха, несмотря на инверсию в названии, в котором жертва ставится на первое место, явно ссылается на Сумарокова:

Паслися на дугу пастушкою овечки.
 Пастух тут был, иль нет, не знаю; может, спал.
 Ягненок маленький,
 Пушистый, тученький
 И весь, весь беленький
 От стада, оплошав, нечаянно отстал
 И захотел воды испить из чистой речки,
 Текущей жемчужком,
 Зелененьким лужком
 Иль золотым песком ...
 До этого теперь мне дела нету,
 А я склоняю мысль на эту только мету,
 Что на сии ж места,
 К тому же ручейку, – к вершине только ближе, –
 Шасть гладный Волк из-за куста
 И, пламенный свой взгляд по речке кинув ниже,
 Увидел, что один Ягненок воду пьет,
 И пастуха с ним нет,
 К его великому несчастью!
 Волк ощетинился и жадной крови пастью
 Барашку он сказал:
 «Как ты дерзнул, плутишка,
 Молокосос, овечий сын, мальчишка,
 Одну со мною воду пить? –
 На то она
 Сотворена,
 Барашек отвечал,
 Чтоб всех поить!
 «Да ты стоишь меня, сам видишь, ближе к устью,
 И воду всю легко мне можешь помутить».
 Ягненок с трепетом отвечивал и грустью:
 Вода вверх ток свой не стремится! –
 Ты говоришь еще! – с усмешкою Волк злою,
 Зубами хлопая, взревел:

«Ты пил иль пить хотел,
 Мутил иль не мутил ты воду;
 Но я твою породу
 Издревле не терпел.
 А пуще ж мне твоей ты нелюб белизною,
 И для того умри» ... Волк на него напал
 И тотчас растерзал.
 К какому б баснь сию привесть нам лучше толку?
 К барашку применить — невинность, зависть — к Волку.
 (Державин 1866, 564–66)

Здесь Державин также вводит новый персонаж, пастуха, и описывает बहुколическую сцену (*Анакреонтические песни* вышли в 1804 году) с шутовой репликой полностью в духе Сумарокова: «Пастух тут был, иль нет, не знаю; может, спал». Ягненок живо описан четырьмя прилагательными (маленький, пушистый, тученький, беленький), обозначающими невинность и чистоту; поэт связывает эти качества с многоцветным пейзажем, с чистой речкой, «текущей жемчужком, / Зелененьким лужком / Иль золотым песком». Следуют две строки метанарратива: «До этого теперь мне дела нету, / А я склоняю мысль на эту только мету». Дейктические слова, с повторением частицы 'же', подчеркивают конкретность изображения. Амплификация, любимый прием Державина, характеризует обращение волка к ягненку: «плутишка, / молокосос, овечий сын, мальчишка» (ср. у Сумарокова: «Довольно ли тебе *плутишка* сей улики?»). Заключительные строки: «И для того умри». / Волк на него напал / И тотчас растерзал»; у Сумарокова: «А ты за то умри. Ягненка волк терзал».

Последние два стиха с объяснением басни Грот реконструирует по различным версиям (Державин 1866, 265), и неизвестно, какой была бы последняя редакция. Как сообщает Грот, в последний период творчества поэт «собрал накопившиеся у него постепенно басни в особую тетрадь [...]. Через несколько лет она была вновь пересмотрена и измарана поправками [...]. Но в разнообразных редакциях этого разряда произведений Державина здесь более нежели где-либо оказывается справедливое мнение, что он позднейшими исправлениями иногда портил свои сочинения» (Державин 1866, 538).

Учитывая неустойчивость текстов басни Державина, переработанных Гротом часто при отсутствии окончательной редакции автора, а также наличие неизученных вариантов, тем не менее можем сделать некоторые выводы. Державинские обработки эзоповских мотивов, в основном, отсылают к русской традиции (за исключением конца басни *Смерть и Старик*, взятого из Гагедорна), и конкретно — к Сумарокову. Державин принимает не только каноническую форму басни, установленную Сумароковым, но и такие его приемы, как отступления и обнажение приема. Несомненно, поэт проявляет свою оригинальность и в басне, где просвечивает тоже некий шутовый тон, аналогичный тому, который присутствует в его неопубликованных надписях (Вендитти 2021).

Басни Державина отражают этапы его творчества, от раннего барочного воображения до анакреонтического начала XIX века, и представляют собой в целом важный объект исследования.

Литература

- Брагоне, Мария Кристина. 2012. “К истории русского Эзопа на рубеже XVII и XVIII веков.” В *Litterarum fructus. Сборник статей в честь Сергея Ивановича Николаева*, ред. Надежда Ю. Алексеева, и Наталья Д. Кочеткова, 75–87. Санкт-Петербург: Альянс-Архео.
- Брагоне, Мария Кристина. 2024. “Эзоп в России XVIII века. Несколько наблюдений над переводом С.С. Волчкова (1747).” В *XVIII век*. Сб. 31, 63–85. Санкт-Петербург: Альянс-Архео.
- Венгеров, Семен А. 1897. *Русская поэзия: Собрание произведений русских поэтов*. Т. 1. Вып. 1–6. XVIII век. Санкт-Петербург: Типо-Литография А. Э. Винеке.
- Вендитти, Микела. 2021. “Жанр надписи в творчестве Г.Р. Державина (стихи на смерть собаки).” *Русская литература* (2): 31–39. DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-31-39.
- Гаспаров, Михаил Л. 1962. Федр, Бабрий. *Басни*. Москва: АН СССР.
- Гаспаров, Михаил Л. 1968. *Басни Эзопа*. Москва: Наука.
- Державин, Гавриил Р. 1866. *Сочинения, с объяснительными примечаниями Я. Грота*. Т. III. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- Клейн, Иоахим. 2010. *Русская литература в XVIII веке*. Москва: Индрик.
- Ломоносов, Михаил В. 1952. *Полное собрание сочинений. Труды по филологии*. Т. 7. Москва: АН СССР.
- Майков, Василий И. 1966. *Избранные произведения*. Ред. Александр В. Западов. Москва: Советский писатель.
- Морозова, Нина П. 2007. “Басни Г.Р. Державина.” В *Г. Р. Державин и русская литература*, 161–168. Москва: ИМЛИ РАН.
- Неустроев, Александр Н. 1875. *Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг.* Санкт-Петербург: Типографическое товарищество «Общественная польза».
- Поэты XVIII века*. 1972. Т. I–II. Ленинград: Советский писатель.
- Русская басня XVIII–XIX веков*. 1977. Ред. Николай А. Степанов и Владимир П. Степанов. Ленинград: Советский писатель.
- Сумароков, Александр П. 1787, I. *Полное собрание сочинений в стихах и прозе*. Изд. 2-ое. Москва: Унив. Тип. у Н. Новикова.
- Сумароков, Александр П. 1787, VII. *Полное собрание сочинений в стихах и прозе*. Изд. 2-ое. Москва: Унив. Тип. у Н. Новикова.
- Тредиаковский, Василий К. 2009. *Сочинения и переводы как стихами, так и прозою*. Сост. Надежда Ю. Алексеева. Санкт-Петербург: Наука.
- Шишков, Александр С. 1828. “Сравнение Сумарокова с Лафонтеном в тех притчах, которые они заимствовали у древних и пересказали оные каждый своим образом.” В Шишков А. С. *Собрание сочинений и переводов, в 17 частях*. Ч. 12: 122–47. Санкт-Петербург: Императорская Российская Академия.
- Imendörffer, Helene. 1998. *Die Geschichte der russischen Fabel im 18. Jahrhundert. Poetik, Rezeption und Funktion eines literarischen Genres*. Wiesbaden: Harrassowitz.

Битва при Гемаuertгофе в описании Людвиг Хольберга (к вопросу о русских источниках Введения в историю знатнейших европейских стран)

Михаил Люстров

Abstract: *Holberg's Description of the Battle of Gemauerthof (On the Question of the Russian Sources of his Introduction to the History of the Most Notable European Countries).* This article suggests a Russian source for an episode in the chapter *About Sweden* in *Introduction to the History of the Most Notable European Countries* by the classic of Danish literature, the historian Ludvig Holberg. This text describes the battle between the Russians and the Swedes at Gemauerthof in July 1705. It relates that after a successful attack on Mitava, the Russians engaged a large detachment of Swedes under General Lewenhaupt but were defeated as a result of a reckless act by Colonel Ignatiev. Analysis reveals that Holberg followed the text of Russian reports on the battle of Mur-Myz. In the Danish version, the Russian Colonel Ignatiev is a prominent figure, here named Ignatius, and is among several people with this name who attracted Holberg's attention, including the "mad" Ignatius of Loyola.

Keywords: Ludvig Holberg, Great Northern War, Battle of Gemauerthof, Russian report, Swedish report

Среди сочинений классика датской литературы, комедиографа, поэта, моралиста и историка Людвиг Хольберга (Ludvig Holberg, 1684–1754) значителен созданный по образцу труда Самуэля Пуфендорфа (Samuel von Pufendorf, 1632–1694) *Введение в историю знатнейших европейских стран* (*Introduction til de fornemste europæiske rigers historier*). Книга вышла в Копенгагене в 1711 году, дополнение к ней – в 1713 году. Рассказ о Северной войне Хольберг включает в главу *О Швеции*, и, как я предположил в книге *Людвиг Хольберг и русско-скандинавские литературные связи в XVIII веке*, при его составлении пользуется переводами русских реляций и журналов. Предложенная версия основывалась на единственном наблюдении: лишь в датском *Введении* и в русском *Юрнале или поденной росписи, что под крепостью Нарвою чинилось* (1704 год) отмечается, что ворвавшиеся в город русские солдаты устроили кровавую резню «в первом жару» (“*udi første Hidsighed*”). Несомненно, эта гипотеза нуждалась в более убедительном подтверждении, и дальнейший анализ книги Хольберга показал, что основания для ее выдвижения существуют.

Mikhail Yu. Ljustrov, Russian Academy of Sciences, Russian Federation, mlustrov@mail.ru, 0000-0002-8475-0700

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Mikhail Yu. Ljustrov, *Holberg's Description of the Battle of Gemauerthof (On the Question of the Russian Sources of his Introduction to the History of the Most Notable European Countries)*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.32, in Svetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 427–434, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

В помещенном в ту же главу *О Швеции* кратком рассказе о неудачном для генерал-фельдмаршала Шереметева сражении при Гемауртгофе Хольберг отмечает, что в начале битвы московиты были довольно удачливы, оттеснили шведов и захватили 3 их пушки, но затем русский полковник (Oberst) по имени Ignatius без приказа командующего начал преследовать неприятеля, нарушил строй и, получив решительный отпор, вместе со своими подполковником (Oberst-Leutenant) и майором (Major) был смертельно ранен, а его полк смешался и смял присоединившуюся к нему русскую пехоту (Holtberg 1711, 99, 100).

Существуют русские, шведская, немецкая и английская версии рассказа о гемауртгофской битве, не принципиально, но отличающиеся от предложенной Хольбергом. Совпадающий с датским, но значительно более пространственный русский вариант истории был издан в Вильне 24 июля 1705 года под названием *Донoшение о случившемся бою в Курляндии в шести милях от Митавы при мызе, называемой Муром, июля в 15 день у господина фельтмаршалка и кавалера Бориса Петровича Шереметева с швейским генералом Левенгоуптом* (Пекарский 1862, 119; Майкова 1969, 385) и впоследствии напечатан в *Деяниях Петра Великого* И. Голикова («Выписка из ведомостей, каковы пришли от господина фельдмаршала и кавалера Шереметева о случившемся у него бою с швейским генералом Левенгоуптом в Курляндии во шти милях от Митавы при мызе, называемой Муром, июля в 15 день 1705») и в *Письмах и бумагах Петра Великого* («Реляция о сражении при Мур-мызе (Гемауртгофе) с поправками государя»): «... в середине же и на левом крыле нашем был бой равной долгое время, и по неколиком времени и средина нашего боевого строю пехоту и конницу неприятельскую збили и три пушки у них взяли; и тогда из середины строю нашего «без воли фелтмаршалка» полковник Игнатъев из линии за неприятелем далее «погнался», где наведен на пехоту неприятельскую, в резерве за конницею в прикрытье стоящую, от которой по жестоком бою, при котором и сам с полуполковником своим и с маеором смертно ранен, полк его в конфузию приведен, и пехоту нашу тем посямяли» (Письма и бумаги Петра Великого 1893, 389). Датский и русский фрагменты сближает не только сходная последовательность изложения событий, но и некоторые детали: количество захваченных шведских пушек и имя недисциплинированного московитского полковника.

Причина возможного знакомства Хольберга с текстом русского рассказа о гемауртгофской битве указана в трудах И. И. Голикова и Н. Г. Устрялова: «его величество сообщил оную (выписку из донесения Шереметева – М.Л.) союзникам и всем своим министрам и знатным особам» (Голиков 1789, 93); «Донесение Шереметева о сражении при Гемауртгофе в письмах его к государю не напечатано и в Государственном архиве не найдено. Выписку из него Петр разослал к своим союзникам и министрам, исправив ее вчерне собственною рукою» (Устрялов 1863, 375). Установить же, каким именно переводом переданного союзникам рассказа о гемауртгофской неудаче располагал Хольберг, затруднительно. Переложения русских сообщений, составленных сразу после сражений Северной войны, в Европе издавались; например, реляция

о победе под Полтавой «была немедленно переведена в Голландии на французский язык и издана в виде брошюры в 4°» (Круазе ван дер Коп 1910, 125), но осуществлялось ли нечто подобное в отношении донесения о поражении при Мур-Мызе, точно неизвестно. Среди напечатанных немецких описаний битвы при Гемауертгофе обнаруживается перевод шведского, но не русского рассказа (*Wahrhafter Bericht von der blutigen Action und glorieusen Victorie so Gen. Major Graf A. L. Löwenhaupt wider den Moscovit. Gen. Feld. Marsch. Scheremethoff bey Gemäuerthoff d. 16. Juli 1705*).

Опираясь в главе *О Швеции* на текст русской реляции, датчанин Хольберг описывает сражение при Мур-Мызе с позиции союзников русских. Так, слово «враг» он употребляет исключительно по отношению к победителям — шведам: «сначала московиты были столь удачливы, что потеснили врага» (Holberg 1711, 101), а полковник Ignatius «был так хорошо встречен врагом, что ... получил смертельное ранение» (Holberg 1711, 101). При этом Хольберг стремится создать видимость объективности и русских солдат называет не «нашими», как они именуются в русской реляции, но «московитами». По той же причине датский автор опускает содержащиеся в русском описании сведения об огромных потерях шведов («с неприятельской же страны большая часть их конницы пропала и по последней мере вдвое урон их счислится может» (Письма и бумаги Петра Великого 1893, 390)). За русской реляцией Хольберг следует, ее отдельные фрагменты воспроизводит, но текст не копирует и преобразует русский рассказ в рассказ союзническо-датский, на его взгляд, подходящий для книги по истории крупнейших европейских стран.

В свою очередь авторы, представляющие шведскую сторону, например, составитель *Военной истории Карла XII, короля Швеции* (*Histoire militaire de Charles XII, roi de Suède*) Густав Адлерфельд (Gustaf Adlerfelt, 1671–1709), следуют за текстом *Правдивого рассказа о кровавой стычке и грандиозной победе* (*Een sanfärdig Berättelse om den blodige träffning och härlige Seger...*) — шведской реляции о сражении при Гемауертгофе, в которой врагами, естественно, называются русские. Из шведского описания, кроме прочего, следует, что «вражеские драгуны» переправились через ручей и ударили шведским кавалеристам во фланг, и только вмешательство батальона гренадер «полка господина графа» Левенгаупта (Adam Ludwig Lewenhaupt, 1659–1719), «которые стояли в интервалах между обеими линиями», позволило восстановить порядок и разгромить русскую пехоту (*Een sanfärdig Berättelse* 1705, 4), а также, что в битве при Гемауертгофе московиты потеряли много (разумеется, неизвестных шведскому автору) офицеров (*Een sanfärdig Berättelse* 1705, 7).

В русских текстах, содержащих сведения о поражении при Мур-Мызе, имя полковника, в кратком рассказе Хольберга ставшего главным героем, встречается неоднократно, но всегда в ряду с прочими погибшими старшими офицерами. В походном журнале 1705 года говорится, что в 22-й день получены ведомости от господина Фельтмаршала Шереметева о баталии с Генералом Швецким Левенгоптом, с которым бой был в 15-й день Июля несчастлив, где у наших пушки побрали и Полковников драгунских, а имянно: Кропотова, Игнатьева, Сухотина, убили» (Походный журнал 1705, 8). В по-

ходном журнале Б. П. Шереметева сказано, что «генерал-фельдмаршал сам с генералом Боуром паки поехали смотреть, како неприятель обстоит, к которому часу Кропотов прибежал и говорил генералу-фельдмаршалу, что будто неприятель уходит, и донесши о том, не дождавсь указа, побежал к своей бригаде и, покинув порядок и пехоту, также и Игнатъев пошли на неприятеля, и как сошлись, учинили бой» (Письма и бумаги Петра Великого 1893, 871, 872). В *Записках* Б. И. Куракина говорится: «И потом сам фелдмаршал Шереметев из Митавы пошел на генерал майора Лейнгопа шведского пошел, которой стоял от Митавы в 30 верстах в 8 тысячах войска, а потом сикурсу инфантерии из Риги 2000 солдат и всего в 10000 войска. И дал с тем баталию, которая несчастлива была, где наши потеряла восемь знамен, 13 пушек, и полковников: Игнатъева, Кропотова, Сухотина, майора Карташова, также иных офицеров, а всех 60 или больше человек, а солдат и драгун с 2000 человек» (Куракин 1890, 301, 301).

Несложно обнаружить, что погибшим в сражении полковником Игнатъевым является Иван Арсеньевич Игнатъев, с 1700 по 1702 год стольник в Туле, а с 1702 года — полковник в Астраханском драгунском полку, сформированном в 1701 году в Москве комиссией князя Б. А. Голицына (Рабинович 1977). В рассказе Хольберга о гемауертгофской трагедии он является центральным персонажем, единственным виновником внезапного превращения русской победы в поражение. Появление в тексте датского историка и драматурга московитского полковника Ignatius'a описанное действие оживляет и драматизирует. В свою очередь английский посланник в России Чарльз Уитворд (Charles Whitworth, 1675–1725) в донесении своему правительству от 12 августа 1705 года отмечает, что в сражении, произошедшем «в двух милях от того города» (Митавы – М.Л.), русские потеряли четырех полковников, имена которых ему неизвестны и, надо понимать, неинтересны (Витворт 1884, 150).

В сочинениях на «московитскую» тему Хольберг, как правило, с удовольствием приводит курьезные для датчан русские слова и фамилии: из жизнеописания Петра I следует, что речь царя, произнесенную им на корабле в мае 1714 года, «старые московиты» одобрили странным возгласом «Je-e prawda» (в *Преображенной России* Фридриха Христиана Вебера (Friedrich Christian Weber, ум. в 1739 году), откуда Хольберг заимствовал этот фрагмент, «старые московиты» говорят «Je-je prawda»). О многократном повторении москочитами «Hospodi Pomiglio» (как вариант — «Hodpidi Pomilio») Хольберг пишет в *Нравоучительных мыслях* и в том же жизнеописании (Люстров 2021, 197, 198). В главе *О Московии Введения в историю знатнейших европейских стран* русского посла, отправленного на Карловицкий конгресс, зовут «Procoruni Pogdanovitz Vosnicin», а царя Василия Шуйского — «Basilius Suski» (Holberg 1711, 153, 161). Фамилию же русского полковника Хольберг (по собственному почину или вслед за ставшим ему доступным переводом русской реляции) на русский манер записать не пытается и превращает в знакомое «Ignatius».

Трудно допустить, что датский автор называет московитского офицера по имени, при том, что в его сочинениях имя Игнатий (Ignatius) встречается

ся неоднократно. Так, Хольберг упоминает Игнатия Богоносца, епископа Антиохийского (Ignatius den 3, die Biskop udi Antiochia, ум. ок. 107), Игнатия, патриарха Константинопольского (Patriarchen Ignatius, ок. 797–877) и Игнатия Лойолу (Ignatius Lojola, 1491–1556). Если фигурирующий лишь во *Всеобщей церковной истории* Игнатий Богоносец называется Хольбергом «великим мужем» (Holberg 1738, 108), то появляющийся в его разных историко-нравоучительных сочинениях Игнатий Лойола представлен безумным фанатиком. Так, в 471-й нравоучительной эпистоле Хольберга сказано, что «многие отшельники и аскеты были не иначе как угрюмыми людьми, что Св. Франциск и Игнатий (Ignatius) вошли в список святых, потому что были не в себе» (Holberg 1754, 193), в 512-й эпистоле — что «фанатиками, которых римская церковь почитает как святых», являются Феодор Студит, Св. Франциск и Игнатий Лойола (Holberg 1754, 238). В «сравнительных жизнеописаниях» Жанны д'Арк и Антуанетты Буриньон Хольберг замечает, что у св. Франциска, Игнатия Лойолы, Антония Падуанского и «бесчисленного множества других святых воображение часто работало столь сильно, что в них не обнаруживалось ни малейшей искры благоразумия, поэтому их усердие должно отнести к чистому безумию» (Holberg 1745, 329).

Конечно, указанные отзывы о Лойоле напечатаны преимущественно в поздних сочинениях Хольберга, намеки на сходство основателя ордена иезуитов и русского полковника во *Введении* отсутствуют, злополучный Игнатьев, в отличие от Лойолы, сильного раздражения у датского автора не вызывает, но при этом их роднит отсутствие благоразумия и чрезмерная пылкость. При всем желании оставаться сторонним наблюдателем событий русско-шведской войны и воздерживаться от прямых оценок Хольберг легкомысленным поступком полковника Игнатьева явно раздосадован. Таким образом, в текстах датского автора фигурируют два безумных Ignatius'a, знаменитый испанский и малоизвестный, но чрезвычайно важный для рассказа о гемауертгофской битве русский.

Большое число военных чинов, в том числе полковников, упоминается Хольбергом в его *Истории Датского государства, Описании Дании и Норвегии*, значительно меньше — в «сравнительных жизнеописаниях» «великих героев Востока и Индии» и в интересующем нас *Введении*. Хольберг называет их по фамилии или по имени и фамилии — «полковник Ланге» (Lange), «полковник Йонас Гадерслебен» (Jonas Hadersleben), «полковник Алтрингер» (Altringer) или, как в случае с Игнатьевым, использует конструкцию «полковник по фамилии ...» (“Oberst ved Navn ...”).

В подавляющем большинстве случаев эта конструкция употребляется по отношению к офицерам-иностранцам, и это обстоятельство Хольберг отмечает специально: «польский пленный полковник по фамилии Денгоф» (“en polsk fanget oberst ved navn Doenhof”), «английский полковник по имени Ричард Хатчинсон» (“en Engelsk Oberst ved Navn Richard Hutchinson” — в *Истории Датского государства*, т. 3, 1735), «французский полковник по фамилии Кано» (“en fransk oberst ved navn Caneau” — в первом жизнеописательном письме) или интересующий нас «московитский полковник по

фамилии Игнатиус». Называя же фамилии (или имена и фамилии) полковников, Хольберг их национальность, как правило, не указывает: («полковник Арнхейм» (Arnheim), «полковник Бухвальд» (Buchwald), «полковник Бертрам Рантцау» (Bertram Rantzau), или уточняет, что речь идет о знакомом шведе: («шведский полковник Хельм Врангель» (Helm Wrangel), «шведский полковник Стенбок» (Steenbok).

По всей вероятности, указанная конструкция применяется Хольбергом в тех случаях, когда речь идет о неизвестном отечественной аудитории и нуждающемся в специальном представлении офицере, в большинстве случаев — иностранце. Немногочисленные исключения — «английский полковник Морган» (Morgan), а не «английский полковник по фамилии Морган», как значится в приведенных примерах — это предположение не опровергают, поскольку знакомить своих читателей с иноземным офицером датскому автору требуется далеко не всегда.

Игнатъев — не единственный российский полковник, привлечший внимание Хольберга и посредством указанной конструкции представленный датской читающей публике. В «сравнительных жизнеописаниях» афганского правителя Мира Вайса (Murr Weis, 1673–1715) и его сына Мира Махмуда (Murr Maghmud, 1697–1725) упоминается «московитский посланник по имени Израэль Ори (Israël Ory), армянин, впоследствии ставший «полковником на московитской службе» (Holberg 1739, 176). В отличие от Игнатъева, Ори — персонаж, заинтересовавший Хольберга своей биографией, появляющийся в обстоятельном рассказе о жизни «великого героя», а не в предельно кратком описании сражения. Вместе с тем оба российских полковника оказываются носителями неэкзотических и хорошо знакомых датчанам имен: Ignatius и Israel: например, Израиль — имя известных шведских поэтов XVII – начала XVIII века: Колмодин (Israel Kolmodin, 1643–1709) и Холмстрёма (Israel Holmström, 1661–1708). По всей видимости, в намерения Хольберга входит познакомить читателя его историко-нравоучительных сочинений с неизвестными московитскими офицерами, рассказать об их поступках и не стараться поразить единоземцев длинной и труднопроизносимой восточной фамилией.

Позиция Хольберга, представлявшего союзную России Данию и писавшего свой труд во время Северной войны, выглядит очевидной: симпатизируя Петру I и его армии, при описании сражения при Мур-Мызе он использует русскую реляцию и называет главного виновника русского поражения — недисциплинированного и потерявшего рассудок полковника Игнатъева. *Людвига Хольберга Введение в историю европейских стран*, продолженное рассказами о событиях, произошедших с 1709 до 1728 года (года второго издания книги) было напечатано в 1757 году, и в нем позиция датского автора в отношении русских и шведов изменений не претерпела: неожиданное нападение отряда Боура на Митаву по-прежнему напоминает ему акцию Евгения Савойского (Eugen von Savoyen, 1663–1736) под Кремоной; о ворвавшихся в Нарву русских Хольберг говорит, что прекративших сопротивление шведов они истребляли исключительно «в первом жару», а победителей при Мур-мызе

называет врагами (Holberg 1757, 731, 735, 736). В основу изданного в эпоху Семилетней войны датского труда по истории Швеции легли русские военные репортажи полувековой давности — времени старинного антишведского военного союза Дании и России.

Источники и литература

- Витворт, Чарльз. 1884. “Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе Чарльза Витворта с 1704 г. по 1708 г.” 1884. В *Сборник императорского русского исторического общества*. Т. 39. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- Голиков, Иван И. 1789. *Деяния Петра Великого, Мудрого Преобразователя России*. Ч. XI. Москва: тип. Н. И. Новикова.
- Крузе ван дер Коп, Анна А. 1910. “Как отнеслась Голландия к победе русских под Полтавой.” *Журнал министерства народного просвещения* 5: 123–33.
- Куракин, Борис И. 1890. “Русско-шведская война. Записки. 1700–1710.” В *Архив кн. Ф.А. Куракина*. Кн. 1, 291–328. Санкт-Петербург: Тип. В.С. Балашева,
- Люстров, Михаил Ю. 2021. *Людвиг Хольберг и русско-скандинавские литературные связи в XVIII веке*. Москва: ИМЛИ.
- Майкова, Татьяна С. 1969. “Военные «журналы» Петровского времени (по материалам ЦГАДА).” В *Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX века*, 368–90. Москва: Наука.
- Пекарский, Петр П. 1862. *Наука и литература в России при Петре Великом*. Ч. 2. Санкт-Петербург: издание Товарищества «Общественная польза».
- Письма и бумаги Петра Великого*. 1893. Т. 3 (1704–1705). Санкт-Петербург: Государственная типография.
- Походный журнал 1705 года (Журналы 1705 года)*. 1854. Санкт-Петербург: 2-е Отделение Собственной его имп. величества канцелярии.
- Рабинович, Моисей Д. 1977. *Полки Петровской армии 1698–1725. Краткий справочник*. Москва: Советская Россия.
- Устрялов, Николай Г. 1863. *История царствования Петра Великого*. Т. 4. Ч. I. Санкт-Петербург: Тип. II-го Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии.
- Een sanfärdig Berättelse. 1705. *Een sanfärdig Berättelse om den blodige träffning och härlige Seger, hwilken den Högwälförne Herr Generl-Majoren Gref Adam Ludwig Leijonhufwud Tappert och Hielte modigt befächtat emot den Musskowitziske General-Fält=Marschalken Knees Boris Petrovitz Scheremethoff, d. 16 Julij st. v. 1705 wed en ort som ligger på Churländske Gränssen och kallas Gemäuert Hoff*. 1705. Stockholm: Tryckt i Kongl. Bookt. Hoos Sahl. Wankifs Änkia.
- [Holberg, Ludvig]. 1711. *Ludvig Holbergs Introduction til de fornemste Europæiske Rigers Historier, fortsat indtil disse sidste tider, med et tilstræckeligt Register*. Kiøbenhavn: Trykt hos Johann Jacob Bornheinrich.
- Holberg, Ludvig. 1738. *Almindelig Kirke-Historie fra Christendommens første Begyndelse til Lutheri Reformation*. T.1. Kiøbenhavn: Trykt udi Hans Kongel. Majestæts og Universitetets Bogtrykkerie af Johann Georg Høpfner.
- Holberg, Ludvig. 1739. *Adskillige store Heltes og berømmelige Mænds, sær Orientaliske og Indianske sammenlignede Historier og Bedrifter efter PLUTARCHI Maade*. T. 2: 155–224. Kiøbenhavn: Trykt udi H. Kongl. Maj. og Univ. Bogtrykkerie af Johan Jørgen Høpfner.

- Holberg, Ludvig. 1745. *Adskillige Heltinders og navnkundige damers sammenlignede Historier efter Plutarchi Maade*. T. 2: 319–84. Kiøbenhavn: Trykt udi H. Kongl. Maj. og Univ. Bogtrykkerie af Johan Jørgen Høpffner.
- [Holberg, Ludvig]. 1754. *Baron Lud. Holbergs Epistler, Befattende Adskillige historiske, politiske, metaphysiske, moralske, philosophiske, Item Skiemtsomme Materier*. T. V. Kiøbenhavn: Trykt paa Otto Christ. Wentzels Bekostning.
- [Holberg, Ludvig]. 1757. *Ludvig Holberg's Introduction til de Europæiske Rigers Historier, forbedret med et nyt tillæg fra det Aar 1709 til 1728, da den sidste Edition er trykt*. Kiøbenhavn: Trykt udi Directeuren over Hans Kongel. Majestæts og Universitetets Bogtrykkerie, Johan Jørgen Høpffner.

Authors

Nadezhda Alekseeva: leading researcher, candidate of Philological Sciences, Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences; Saint Petersburg State University; alexenad18@gmail.com

Elizaveta Babaeva: associate professor, Lomonosov Moscow State University, Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0001-6167-4859; babaevaee@my.msu.ru; llevidova@gmail.com

Erica Camisa Morale: Humanities Center Mellon Fellow; Slavistic Department Lecturer, Stanford University. ORCID: 0000-0002-2785-4423; ericacm@stanford.edu

Tatjana Chelbaeva: Dr. phil., Martin Luther University Halle-Wittenberg; tatjana.chelbaeva@slavistik.uni-halle.de

Lilia Citko: Prof. Dr. hab., University in Bialystok, Centre for Linguistic Studies. ORCID: 0000-0002-8340-4814; l.citko@uwb.edu.pl

Maria Di Salvo: former professor of Slavic Philology, University of Milan La Statale; disalvomaria@libero.it

Natalia V. Kareva: lecturer, Guangdong Technion-Israel Institute of Technology, Shantou, Guangdong Province; associate research fellow, Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg. ORCID: 0000-0001-6861-6512; natalia.kareva@gtiit.edu.cn

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Swetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, © 2024 Author(s), CC BY 4.0, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

Helmut Keipert: Prof. (em.) Dr. phil. habil., Rheinisch Friedrich Wilhelms University Bonn; h.keipert@uni-bonn.de

Margarita A. Korzo: PhD (History), RAS Institute of Philosophy, Moscow. ORCID: 0000-0001-6299-5187; ma.korzo@gmail.com

Olga E. Kosheleva: leading researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow. ORCID: 0009-0000-6708-5676; odysseus1989j@gmail.com

Andrej Kostin: associate researcher ILCEA4, Grenoble-Alpes University. ORCID: 0000-0002-3646-9535; a.al.kostin@gmail.com

Mikhail Yu. Ljustrov: DSc in Philology, Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow. ORCID: 0000-0002-8475-0700; mlustrov@mail.ru

Gary Marker: professor emeritus of History, Stony Brook University, New York. ORCID: 0009-0006-9799-2019; gary.marker@stonybrook.edu

Evgenii Matveev: research fellow, Friedrich Schiller University Jena. ORCID: 0000-0001-5804-1196; evgenii.matveev@uni-jena.de; mustamyaki@gmail.com

Swetlana Mengel: Prof. Dr. phil. habil., Martin Luther University Halle-Wittenberg. ORCID: 0009-0004-8118-7256; swetlana.mengel@slavistik.uni-halle.de

Leonid V. Moskovkin: doctor of Pedagogical Sciences, professor of the Department of Russian as a foreign language and methods of its teaching, Saint Petersburg State University. ORCID: 0000-0002-4818-1205; l.moskovkin@spbu.ru

Nataliya G. Nikolaeva: doctor of Philological Sciences, professor, Head of Department, Kazan State Medical University. ORCID: 0000-0002-4242-9230; eulen@mail.ru

Maria Peisert: associate professor, University of Wrocław. ORCID: 0009-0006-5120-4216; mariawroc@gmail.com

Evgeny G. Pivovarov: leading researcher, Institute for the History of Natural Science and Technology, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg. ORCID: 0000-0001-8701-9684; pivovaro@mail.ru

Dzhamilya Ramazanova: candidate of Sciences (Ph.D equiv.) in General History, Head of the Research Department of Rare Books (Museum of Books) of the

Russian State Library, Senior research fellow of the Center for Interdisciplinary Research on Slavic Literacy of the Institute of Slavic Studies, Moscow. ORCID: 0000-0003-1416-1756; familiara@gmail.com

Ekaterina Romashina: Dr. of Philological Sciences (Education), professor, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University. ORCID: 0000-0003-0655-2183; romashina@tolstovsky.ru

Laura Rossi: associate professor of Russian literature, University of Milan La Statale. ORCID: 0000-0003-0988-9849; laura.rossi@unimi.it

Laura Salmon: full professor of Russian Language and Translation, Genoa University. ORCID: 0000-0002-2917-7630; laura.salmon@unige.it

Manfred Schruba: full professor of Slavic Studies, University of Milan La Statale. ORCID: 0000-0001-9174-2998; manfred.schruba@unimi.it

Michela Venditti †: full professor of Russian Literature, University of Naples L'Orientale. ORCID: 0000-0003-4072-4604

Sergey V. Vlasov: candidate of Philological Sciences, associate professor of the Department of French Language, Saint Petersburg State University. ORCID: 0000-0001-6639-4928; s.vlasov@spbu.ru

Natalya Zapolskaya: doctor of Philological Sciences, professor, Lomonosov Moscow State University, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-3114-3461; zapolskaya_n@mail.ru

Yury Zaretskiy: professor, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow. ORCID: 0000-0002-3923-8775; yzaretsky@hse.ru

BIBLIOTECA DI STUDI SLAVISTICI

TITOLI PUBBLICATI

1. Nicoletta Marcialis, *Introduzione alla lingua paleoslava*, 2005
2. Ettore Gherbezze, *Dei delitti e delle pene nella traduzione di Michail M. Scerbatov*, 2007
3. Gabriele Mazzitelli, *Slavica Biblioteconomica*, 2007
4. Giovanna Brogi Bercoff, Maria Grazia Bartolini (a cura di), *Kiev e Leopoli: Il 'testo' culturale*, 2007
5. Maria Bidovec, *Raccontare la Slovenia. Narratività ed echi della cultura popolare in Die Ehre Dess Herzogthums Crain di J.W. Valvasor*, 2008
6. Maria Cristina Bragone, *Alfavitar radi ucenija malych detej. Un abbecedario nella Russia del Seicento*, 2008
7. Alberto Alberti, Stefano Garzonio, Nicoletta Marcialis, Bianca Sulpasso (a cura di), *Contributi italiani al XIV Congresso Internazionale degli Slavisti. (Ohrid, 10 - 16 settembre 2008)*, 2008
8. Maria Giovanna Di Salvo, Giovanna Moracci, Giovanna Siedina (a cura di), *Nel mondo degli Slavi. Incontri e dialoghi tra culture.. Studi in onore di Giovanna Brogi Bercoff*, 2008
9. Francesca Romoli, *Predicatori nelle terre slavo-orientali (XI-XIII sec.). Retorica e strategie comunicative*, 2009
10. Maria Zalambani, *Censura, istituzioni e politica letteraria in URSS (1964-1985)*, 2009
11. Maria Chiara Ferro, *Santità e agiografia al femminile. Forme letterarie, tipologie e modelli nel mondo slavo orientale (X-XVII sec.)*, 2010
12. Evel Gasparini, *Il matriarcato slavo. Antropologia culturale dei Protoslavi*, a cura di Marcello Garzaniti, Donatella Possamai, 2010
13. Maria Grazia Bartolini, «*Introspece mare pectoris tui*». *Ascendenze neoplatoniche nella produzione dialogica di H.S. Skovoroda (1722-1794)*, 2010
14. Alberto Alberti, *Ivan Aleksandar (1331-1371). Splendore e tramonto del secondo impero bulgaro*, 2010
15. Paola Pinelli (a cura di), *Firenze e Dubrovnik all'epoca di Marino Darsa (1508-1567). Atti della Giornata di studi Firenze, 31 Gennaio 2009*, 2010
16. Francesco Caccamo, Pavel Helan, Massimo Tria (a cura di), *Primavera di Praga, risveglio europeo*, 2011
17. Maria Giovanna Di Salvo, *Italia, Russia e mondo slavo. Studi filologici e letterari*, a cura di Alberto Alberti, Maria Cristina Bragone, Giovanna Brogi Bercoff, Laura Rossi, 2011
18. Massimo Tria, *Karel Teige fra Cecoslovacchia, URSS ed Europa. Avanguardia, utopia e lotta politica*, 2012
19. Marcello Garzaniti, Alberto Alberti, Monica Perotto, Bianca Sulpasso (a cura di), *Contributi Italiani al XV Congresso Internazionale degli Slavisti. (Minsk, 20-27 agosto 2013)*, 2013
20. Persida Lazarevic Di Giacomo, Sanja Roic (edited by), *Cronotopi slavi. Studi in onore di Marija Mitrovic*, 2013
21. Danilo Facca, Valentina Lepri (edited by), *Polish Culture in the Renaissance. Studies in the arts, humanism and political thought*, 2013
22. Giovanna Moracci, Alberto Alberti (a cura di), *Linee di confine. Separazioni e processi di integrazione nello spazio culturale slavo*, 2013
23. Marina Ciccarini, Nicoletta Marcialis, Giorgio Ziffer (a cura di), *Kesarevo Kesarju. Scritti in onore di Cesare G. De Michelis*, 2014
24. Anna Paola Bonola, Paola Cotta Ramusino, Liana Goletiani (a cura di), *Studi italiani di linguistica slava. Strutture, uso e acquisizione*, 2014
25. Giovanna Siedina (edited by), *Latinitas in the Polish Crown and the Grand Duchy of Lithuania. Its Impact on the Development of Identities*, 2014
26. Alberto Alberti, Marcello Garzaniti, Stefano Garzonio (a cura di), *Contributi italiani al XIII Congresso internazionale degli Slavisti. (Ljubljana 15-21 agosto 2003)*, 2014
27. Maria Zalambani, *L'istituzione del matrimonio in Tolstoj. Felicità familiare, Anna Karenina, La sonata a Kreutzer*, 2015

28. Sara Dickinson, Laura Salmon (edited by), *Melancholic Identities, Toska and Reflective Nostalgia. Case Studies from Russian and Russian-Jewish Culture*, 2015
29. Luigi Magarotto, *La conquista del Caucaso nella letteratura russa dell'Ottocento. Puškin, Lermontov, Tolstoj*, 2015
30. Claudia Pieralli, *Il pensiero estetico di Nikolaj Evreinov dalla teatralità alla 'poetica della rivelazione'*, 2015
31. Valentina Benigni, Lucyna Gebert, Julija Nikolaeva (a cura di), *Le lingue slave tra struttura e uso*, 2016
32. Gabriele Mazzitelli, *Le pubblicazioni dell'Istituto per l'Europa orientale. Catalogo storico (1921-1944)*, 2016
33. Luisa Ruvoletto, *I prefissi verbali nella Povest' vremennykh let. Per un'analisi del processo di formazione dell'aspetto verbale in russo*, 2016
34. Alberto Alberti, Maria Chiara Ferro, Francesca Romoli (a cura di), *Mosty mostite. Studi in onore di Marcello Garzaniti*, 2016
35. Pina Napolitano, *Osip Mandel'stam: i Quaderni di Mosca*, 2017
36. Claudia Pieralli, Claire Delaunay, Eugène Priadko (a cura di), *Russia, Oriente slavo e Occidente europeo. Fratture e integrazioni nella storia e nella civiltà letteraria. Fratture e integrazioni nella storia e nella civiltà letteraria*, 2017
37. Alessandro Farsetti, *Una voce parigina nel Futurismo russo: la poesia di Ivan Aksenov*, 2017
38. Giovanna Siedina, *Horace in the Kyiv Mohylanian Poetics (17th-First Half of the 18th Century). Poetic Theory, Metrics, Lyric Poetry*, 2017
39. Rosanna Benacchio, Alessio Muro, Svetlana Slavkova (edited by), *The role of prefixes in the formation of aspectuality. Issues of grammaticalization*, 2017
40. Maria Chiara Ferro, Laura Salmon, Giorgio Ziffer (a cura di), *Contributi italiani al XVI Congresso Internazionale degli Slavisti. (Belgrado 20-27 agosto 2018)*, 2018
41. Alessandro Achilli, *La lirica di Vasyl' Stus. Modernismo e intertestualità poetica nell'Ucraina del secondo Novecento*, 2018
42. Jan Kochanowski, *Elegiarum Libri Quattuor. Edizione critica commentata*, a cura di Francesco Cabras, 2019
43. Maria Cristina Bragone, Maria Bidovec (a cura di), *Il mondo slavo e l'Europa. Contributi presentati al VI Congresso Italiano di Slavistica (Torino, 28-30 settembre 2016)*, 2019
44. Monica Fin, Han Steenwijk (a cura di), *Gerasim Zelic e il suo tempo*, 2019
45. Giovanna Siedina (edited by), *Essays on the Spread of Humanistic and Renaissance Literary Civilization in the Slavic World (15th-17th Century)*, 2020
46. Daniele Franzoni, *La prosa sovietica nel contesto socio-culturale dell'epoca brežneviana*, 2020
47. Maria Zalambani, *Letteratura e psicoanalisi in Russia all'alba del XX secolo*, 2022
48. Rosanna Benacchio, *Studi slavistici tra linguistica, dialettologia e filologia*, a cura di Monica Fin, Malinka Pila, Donatella Possamai, Luisa Ruvoletto, Svetlana Slavkova, Han Steenwijk, 2022
49. Tatsiana Maiko, *Конструкции с опорным глаголом в русском и итальянском языках / Support Verb Constructions. A Russian-Italian Contrastive Analysis*, 2022
50. Giulia De Florio, *L'Isola che (non) c'è. La letteratura russa per l'infanzia in Italia (1945-1991)*, 2022
51. Anna Polivanova, *Old Church Slavic. Grammar and Dictionaries*, edited by Artemij Keidan, 2023
52. Daria Farafonova, Laura Salmon, Stefano Aloe (edited by), *Ф.М. Достоевский: Юмор, парадоксальность, демонтаж. Сборник статей*, 2023
53. Walter Breu, Malinka Pila (a cura di), *L'aspettualità nel contatto linguistico: lingue slave e oltre. Resistenza, ristrutturazione ed innovazione dell'aspetto verbale e della sua periferia sotto l'influsso di varietà alloglotte. Atti del 3° Convegno Internazionale Costanza/Hegne, 16-20 giugno 2019*, 2023
54. Andrea Trovesi, *Studi contrastivi di linguistica slava: grammatica e pragmatica*, a cura di Rosanna Benacchio, Lucyna Gebert, 2023

55. Shin'ichi Murata, Stefano Aloe (edited by), *The Reception of East Slavic Literatures in the West and the East*, 2023
56. Pavel Duryagin, *Интонация русского частного вопроса / The Intonation of Russian Wh-questions*, 2024
57. Rosanna Benacchio (a cura di), *Cento anni di slavistica a Padova. Contributi presentati al VII Congresso Italiano di Slavistica (Padova, 6-9 giugno 2022). Volume 1*, 2024
58. Rosanna Benacchio, Andrea Ceccherelli, Cristiano Diddi, Stefano Garzonio (a cura di), *Gli studi slavistici in Italia nell'ultimo trentennio (1991-2021). Bilanci e prospettive. Contributi presentati al VII Congresso Italiano di Slavistica (Padova, 6-9 giugno 2022) Volume 2*, 2024
59. Svetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, 2024

With this book, twenty-four specialists on 17th and 18th-Century Russia from Italy, France, Germany, Poland, Russia, China, and the United States celebrate the sixty-fifth birthday of Maria Cristina Bragone, professor of Slavic philology and Russian literature at Pavia University. Their essays focus on her main topic of interest and research: Peter the Great's era and the origins and consequences of his project to westernize the country. In particular, the articles touch on the evolution of the Russian language as seen in translations into Russian made by non-Russian authors; the genre of the abecedary and the Russian language learning from the mid-17th to the 18th century; cultural import; and the translation of classical and humanistic texts.

Swetlana Mengel is full professor of Slavic philology and linguistics at the Martin Luther University of Halle-Wittenberg (Germany). She is the author and editor of twenty books and of the series «SLAVICA VARIA HALENSIA» (with Angela Richter, LIT-Verlag, Münster-Hamburg-London); the author of more than 100 scientific articles published in Class A journals (*Russian Linguistics*, *Voprosy jazykoznanija*, *Palaeobulgarica*, *Rivista Storica Italiana*, *Zeitschrift für Slawistik* etc.); and entries in encyclopedias (*Handbooks of Linguistics and Communication Science* and others).

Laura Rossi is professor of Russian literature at the University of Milan. Her research activity, published in Italian, English and Russian, focuses on the period from the second half of the 18th to the middle of the 19th century seen as a continuum, with particular attention to the poetry and prose of Sentimentalist and Romantic authors (Michail Murav'ev, Nikolaj Karamzin, Konstantin Batjuškov, Aleksandr Pushkin); to the dynamics of cultural transfer, and to the interaction between figurative and poetic language.

ISSN 2612-7687 (print)
ISSN 2612-7679 (online)
ISBN 979-12-215-0584-9 (Print)
ISBN 979-12-215-0585-6 (PDF)
ISBN 979-12-215-0586-3 (XML)
DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

www.fupress.com

